КАВКАЗСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЛИМП

Т. Е. Эфендиева
С. И. Эфендиев
Ф. С. Эфендиев

*

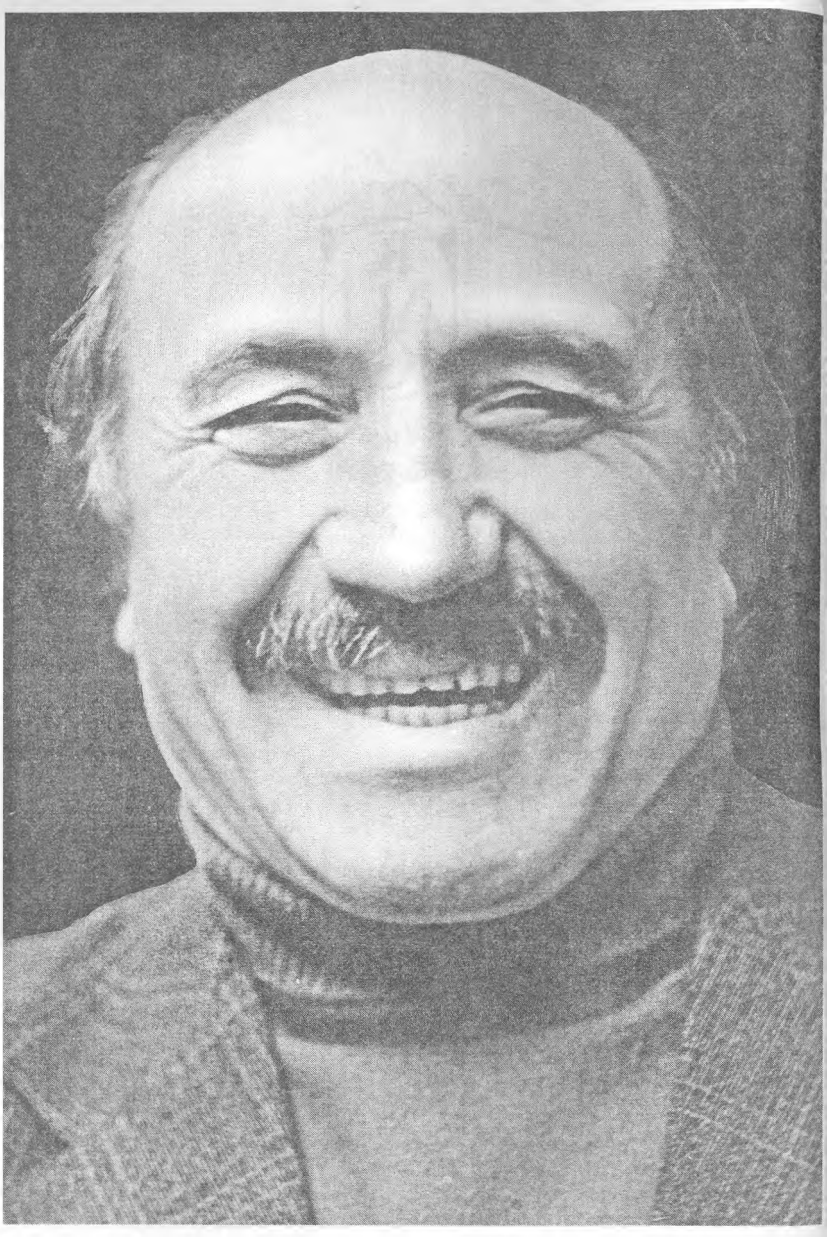
Кайсын Шуваевич КУЛИЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ

*

ТОМ IV

ЛИТЕРАТУРНО-КАВКАЗСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЛИМП
КЛИО



Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев
Ф. С. Эфендиев

*

Кайсын Шуваевич

КУЛИЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ

*

ТОМ 4

НАЛЬЧИК
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР "ЭЛЬ-ФА"
2001

Серия «КЛИО»

(«Кавказский литературно-исторический Олимп»)
Раздел «Архив». Выпуск 9

Научный редактор **А. И. Мусукаев**
Художник **М. М. Горлов**

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор **Е. А. Абулова**,
доктор исторических наук, профессор **Д. А. Напсо**

Книга выходит в авторской редакции

Э $\frac{4702250104\text{-}023}{Т43(03)\text{-}2001}$ без объявл.

ISBN 5-88195-480-7

© Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев, Ф. С. Эфендиев, 2001
© Издательский центр «Эль-Фа», 2001
© М. М. Горлов, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошлое, хранящееся в памяти людей, является частью настоящего. Настоящее со временем уходит в прошлое, потому что наступает будущее. Это объективная закономерность развития истории и духовной культуры. Люди всегда стремятся сохранить в памяти тех, кто сыграл большую роль в общественно-политической жизни народа и внес существенный вклад в развитие культуры и в обогащение духовно-нравственных ценностей. Поэтому эти личности остаются в социальной памяти народа, их имена и дела передаются из поколения в поколение. Именно такой личностью является великий поэт и выдающийся гуманист XX века Кайсын Шуваевич Кулиев, о котором имеется очень много воспоминаний его современников.

В данную монографию включено более 86 воспоминаний его близких друзей, родственников и просто знакомых, с которыми общался поэт на протяжении многих лет. В книгу вошли уникальные материалы, никогда раньше не публиковавшиеся. Каждый из авторов писал свои воспоминания по памяти, излагал по своему усмотрению те или иные факты биографии поэта и нетрафаретно выразил свою любовь к нему.

Цель авторов данной работы – всесторонне раскрыть неповторимый образ поэта, его нравственные и человеческие качества, духовную культуру. Именно благодаря многочисленным воспоминаниям современников, непосредственно знавших поэта, восстанавливается подлинный облик Кайсына Кулиева, его личностные отношения с многочисленными людьми.

Мы считаем, что невозможно в одной книге охватить воспоминания всех современников поэта, тех людей, которые хорошо знали его и общались с ним длительное время. Перед будущими кайсыноведами стоит большая исследовательская работа, которую необходимо вести в течение многих лет.

Авторы старались сохранить подлинность воспоминаний каждого человека, будь то шофер или профессор, известный композитор, писатель, поэт, артист, художник или домохозяйка.

Мы только делали научные, редакционно-литературные поправки. Каждое воспоминание – это ценный материал для познания этнокультуры, имеющий непреходящее историческое значение в социально-философском осмыслении многогранного таланта Кайсына Кулиева как духовного феномена балкарского народа и национального символа.

Трудно переоценить значение этих воспоминаний для истории, культуры, литературы, театра и музыки, потому что поэт всю жизнь был тесно связан со многими творческими деятелями и простыми людьми не только Кабардино-Балкарии, России, СНГ, но

и большим числом известных деятелей зарубежных стран. Об этом свидетельствует тот факт, что своими воспоминаниями поделились представители многих народов. Мы благодарны им за то, что они откликнулись на нашу просьбу. В этом проявилось их глубокое уважение к памяти поэта, их любовь к его творчеству. Ибо поэзия Кайсына Кулиева принадлежит всем народам Земли как бесценное достояние духовной культуры человечества.

Как свидетельствует история, у каждого народа – большого и малочисленного – существуют духовные национальные гении, которых считают носителями национальных и общечеловеческих идей. Они появляются редко в истории генотипа того или иного народа. Такие люди рождаются на конкретном историческом этапе развития общества. Космосом и Природой установлено такое появление генетически, и такая закономерность распределена по векам.

За то время, пока вышла книга, ушли из жизни его близкие друзья, которые написали о поэте свои воспоминания – И. Х. Ахматов, П. Ж. Шевлоков, А. А. Дауров, Х. Т, Шекихачев, М. И. Созаев, Х. И. Хутуев, Х. Х. Хавпачев, Т. Б. Шаханов, О. А. Хубиев.

Спонсором данного тома многотомника о Кайсыне Кулиеве является молодой предприниматель Куанч Хамитович Бабаев. Нынешнее и будущие поколения будут благодарны ему за помощь в издании этой книги.

Как говорили древние греки, рукописи «не горят на кострах». Они рано или поздно публикуются и становятся достоянием широких масс читателей. Книга – это великое творение человечества, самый могущественный и бесценный духовный памятник в истории культуры.

Эфендиев Салих
Эфендиев Фуад
Эфендиева Тамара

Выходит в свет книга, посвященная жизни и творчеству великого поэта и гуманиста Кайсына Шуваевича Кулиева.

Кайсын Кулиев – творец и созидатель одной из величайших вершин культурного и интеллектуального потенциала балкарского народа. Он внес огромный вклад в формирование его менталитета. Думаю, не будет преувеличением, если скажу, что К. Кулиев был и остается восходящей энергией духовного и нравственного потенциала своего народа.

Написанные им многочисленные стихи и поэмы органически сочетаются с этнопсихологическими и этнокультурными образами горских народов, величественной панорамой родного края. По своему складу мышления и опоре на общечеловеческие и

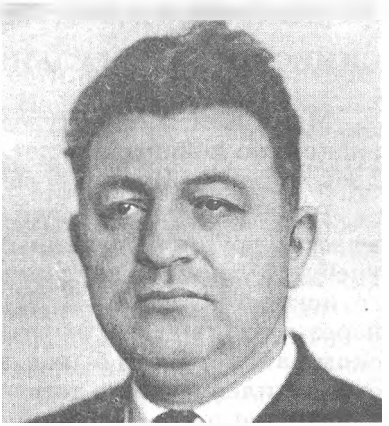
нравственные ценности К. Кулиев принадлежит всем народам, а его гений – неотъемлемая часть мировой художественной культуры. В центре своих произведений он поставил человека, дружбу и братство людей, а его поэзия – это гимн любви ко всему живому, нетленное слияние вечных истин, непреложная ценность законов бытия и справедливости. В этом и заключается, на мой взгляд, его гуманизм и величие как гражданина и поэта.

Мне посчастливилось быть знакомым с Кайсыном Шуваевичем, общаться с ним в различных ситуациях. И с каждой такой встречей открывались новые грани его таланта и человеческих качеств. Запомнился он мудрым, неподдельно искренним, глубоко душевным и жизнерадостным человеком, подлинным интернационалистом.

К. Кулиев завещал нам как зеницу ока беречь дружбу и единство народов Кабардино-Балкарии, приумножать ее величие и красоту. Думаю, лучшей памятью о нем станут наши неустанные усилия по умножению экономического и интеллектуального потенциала родного края, по обеспечению уверенной поступи нашей республики по пути мира и социального развития в грядущем веке.

Президент
Кабардино-Балкарской
Республики

Ханафи Исхакович ХУТУЕВ (1918–1999)



Ханафи Хутуев родился 20 апреля 1918 года в селении Кёнделен Эльбрусского района КБАССР. Закончив неполную среднюю школу, он поступил на педагогический рабфак в Нальчике. После окончания рабфака был направлен на учебу в Ростовскую школу ГУГБ НКВД СССР, завершив ее, работал в органах НВД – НКГБ. Ханафи Исхакович является участником Великой Отечественной войны. В 1943 году он был награжден медалью «За отвагу».

В период депортации балкарского народа Х. И. Хутуев попал в Киргизию, где занимал должность заместителя директора газетно-журнального издательства «Кызыл Кыргызстан», а затем был директором типографии в городе Фрунзе. В эти годы он закончил заочно исторический факультет педагогического института во Фрунзе.

В 1957 году после окончания курсов по переподготовке партийных и советских кадров ВПШ при ЦК КПСС в Москве он стал работать заместителем прокурора Кабардино-Балкарской Республики, был завотделом и секретарем областного комитета партии. Долгие годы работал заместителем председателя Совета Министров КБАССР. С 1973-го по 1988 год был директором КБНИИ. В это время он защитил докторскую диссертацию по истории культуры Кабардино-Балкарии, выпустил ряд монографий, очерков и статей, был активным участником многих научно-теоретических конференций, симпозиумов.

Избирался депутатом Верховного Совета КБАССР пяти созывов. С 1958-го по 1988 год был членом обкома КПСС.

За свою многолетнюю и плодотворную работу Х. И. Хутуев был награжден орденами Отечественной войны и «Знак Почета», а также Почетными грамотами Президиумов Верховного Совета РСФСР и КБАССР. Является заслуженным деятелем науки КБР.

Кайсыну Кулиеву он приходится родственником и близким другом. Все годы ссылки Х. И. Хутуев жил во Фрунзе и разделил с Кайсыном Кулиевым горькую участь репрессированных народов. В самые тяжкие годы он вместе с Ж. Ж. Зали-

хановым поддерживал морально и материально опального поэта, который не имел ни постоянного места жительства, ни права печатать свои произведения ни на одном языке. Их дружба продолжалась до конца жизни поэта. О своих взаимоотношениях с поэтом Х. И. Хутуев рассказывает в очерке «Символ национальной культуры».

СИМВОЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Мы с Кайсыном Шуваевичем Кулиевым ровесники, знакомы с юношеских лет. Из всех, с кем мне приходилось дружить, Кулиев – самая крупная и яркая фигура.

В 1935 году (мне тогда было семнадцать лет) Кайсын вместе с группой одаренных юношей и девушек уехал на учебу в Москву в Государственный институт театрального искусства им. А. В. Луначарского. Встретились мы через пять лет – в 1940 году. Тогда я работал в Чегемском районе, часто бывал в селении Эль-Тюбю, где Кайсын родился и жил в детстве. К этому времени вышел из печати его первый сборник стихов «Здравствуй, утро!», который сразу привлек внимание читателей и переходил из рук в руки в селах Чегемского ущелья. Молодого поэта, приезжавшего на встречу со своими читателями, радостно принимали жители различных сел. Эту радость разделяли одноклассники поэта, учителя школ, родственники и друзья. В какое-то время наши дороги разошлись: он учился в Москве, а потом ушел в 1940 году добровольно служить в армию. В годы войны мы не встречались, я только читал его стихи патриотического характера, которые печатались в центральных и республиканских газетах и транслировались по радио.

О жизни Кайсына я узнал в 1944 году, когда вместе с отцом, который хотел повидаться со своими родственниками, жившими в Заюково и других кабардинских селениях, приехал из города Фрунзе на родину. Тогда, в конце 1944 года, будучи в Нальчике, я навестил моего земляка Хабу Кациева, писателя и друга Кайсына Кулиева, от которого узнал, что Кулиев выписался из госпиталя в Кисловодске и посетил своих друзей в Нальчике и свое родное село Эль-Тюбю. Поэт тяжело переживал, глядя на опустошенные балкарские ущелья и заброшенные селения. И когда ему навстречу попался заблудившийся без

хозяина ослик, он подошел к нему, обнял за шею, сказал: «Здравствуй, мой единственный соплеменник» – и заплакал. Ослик смирно стоял, опустив голову, он тоже нуждался в ласке, как и поэт, тосковавший по родному очагу. Горячие слезы Кайсына омыли голову животного, исстрадавшегося по человеческой речи, и облегчили душу поэта. Об этом рассказал мне Хабу Кациев.

Затем мы с Кайсыном встретились в городе Фрунзе. Мать и близкие родственники Кайсына находились в это время в Северном Казахстане, в поселке курорта Боровое, и Кайсын нашел их и перевез в Киргизию. Его мать, Узеирхан, была близкой родственницей моего отца. Узнав, что он проживает в селе Юрьевка, Ивановского района, в 60 километрах от Фрунзе, Узеирхан решила поехать туда. Встреча моего отца Исхака и матери Кайсына была счастливым днем в те мрачные годы. Кайсын перевез мать в Юрьевку. Это русское село расположено у подножия гор, около курорта «Иссык-Ата».

Кулиеву здесь нравилось все: и горы, и климат, и природа этих мест. Он часто повторял, что это копия наших ущелий: те же горы и скалы, тот же горный воздух, те же бурные реки и замечательные люди. Здесь же, в Юрьевке, проживала и семья Ж. Ж. Залиханова, моего двоюродного брата. Родственные отношения, соседство наших родителей очень сблизили нас, и наша дружба стала еще крепче. Втроем – я, Кайсын и Жанакаит – ездили мы проведывать своих родителей и родственников, делили их радости и горести. Каждый наш приезд для них становился праздником, радостным событием. Мать Кайсына, Узеирхан, часто повторяла мне и Залиханову свою просьбу: «Если я умру, то, пожалуйста, похороните меня своими руками. Я сына люблю не больше, чем вас». Мы утешали ее, говоря, что один Бог знает, кто когда умрет, не надо об этом думать. Но когда она умерла и предстала перед Аллахом, мы выполнили ее материнский наказ.

Кайсын Кулиев был выдающимся поэтом-мыслителем, остался символом национальной культуры и гордостью балкарского народа. Его творчество стало достоянием всего мира. По существу, через его творчество балкарский народ стал известен всему миру. Балкарцы гордятся тем, что такой малочисленный народ выдвинул из своих рядов мастера художественного слова мирового

масштаба. По мере своих возможностей, я хочу показать активную литературную деятельность Кайсына и большую общественную работу в период депортации, когда он и его народ находились под надзором спецкомендатуры МВД. Чтобы достигнуть той высоты в своей творческой деятельности, поэт прошел трудный, тернистый путь на чужбине.

В те годы я работал в редакциях республиканских газет: «Советская Киргизия», «Кызыл Кыргызстан» и одновременно замдиректора газетно-журнального издательства «Кызыл Кыргызстан». С этими изданиями Кайсын связал свою творческую деятельность благодаря моей помощи. Мы постоянно общались, обсуждали его творческие планы, много рассуждали о судьбе репрессированных народов. Следует отметить, что вся республиканская интеллигенция приняла Кулиева тепло и делала все возможное, чтобы привлечь его к активной литературной деятельности. Он быстро подружился с известными киргизскими писателями и поэтами. Среди них был Алыкул Осмонов, Аалы Токомбаев, Тугельбай Сыдыкбеков, Кубанич Акаев, Кубаничбек Маликов, Темиркул Уметалиев, Смар Шимеев, Насредин Байтемиров, Суюнбай Эралиев, Эргешбай Узакбаев, Узакбай Абдукаримов, Абурасул Клычев, Медин Алыбаев и другие. С таким же вниманием и заботой к нему отнеслись русские писатели и поэты, жившие в Киргизии, такие, как Елена Орловская, Николай Удалов, Сергей Фиксин, Якуб Земляк, Борис Орлов, Вениамин Горячих.

Кайсын скоро стал своим человеком в писательской организации Киргизии. С 1945-го по 1956 год он сначала работал заместителем секретаря Союза писателей Киргизии, а затем – председателем русской секции, был членом редколлегии литературного альманаха «Киргизстан». Помимо таланта и искренности в обхождении с людьми, тесному сближению Кайсына с литераторами Киргизии помогло глубокое знание киргизского языка, так как балкарский и киргизский языки относятся к одной группе тюркских языков. Кулиев никогда не чувствовал языкового барьера. Это позволяло ему заниматься переводами с киргизского на русский язык местных писателей и поэтов. В его переводах было опубликовано значительное количество стихов киргизских авторов.

Особенно упорно он занимался переводами произведений Алыкула Осмонова, Героя Социалистического Труда академика Аалы Токомбаева, лауреата Государственной премии СССР Тугельбая Сыдыкбекова, Узакбая Абдукаримова. Качество перевода всегда волновало Кулиева. Он с горечью говорил, что некоторые переводчики искажают национальный колорит, а порой халтурят. Ему пришлось по душе высказывание талантливого поэта Медина Алыбаева, который на пленуме Союза писателей заявил, что некоторые местные поэты не уступают Пушкину или Лермонтову. При этом сравнивал стихи Насредина Байтемирова (он тогда еще считался посредственным поэтом) в русском переводе, а А. С. Пушкина на киргизском языке. Это сравнение показало, что тот, кто переводил Н. Байтемирова на русский язык отнесся к работе серьезно, по крайней мере, не ухудшил содержания его стихов, а тот, который переводил А. С. Пушкина на киргизский язык, схалтурил. В результате стихи А. С. Пушкина на киргизском языке выглядели хуже стихов Н. Байтемирова на русском языке.

Как председатель русской секции Союза писателей Киргизии Кулиев предъявлял серьезные требования к работе переводчиков, он всегда отличал хороший перевод от плохого. В частности, Кайсын был в восторге от перевода Суюнбеком Бектурсуновым романа «Война и мир» Л. Н. Толстого. Прочитав роман на киргизском языке, Кулиев воскликнул: «Это произведение на киргизском языке не уступает оригиналу, а может быть, и лучше, потому что Бектурсунов перевел его профессионально, даже придав немного киргизский национальный колорит». Кайсын Шуваевич был требовательным и ответственным во всем, особенно в вопросах перевода.

С особой симпатией относились к Кулиеву известные деятели киргизской литературы Аалы Токомбаев и Тугельбай Сыдыкбеков. О них Кулиев написал несколько статей, которые были опубликованы в альманахе «Киргизстан», газетах «Советская Киргизия», «Комсомолец Киргизии», «Литературной газете» и других. Он сделал подстрочный перевод романа Т. Сыдыкбекова «Люди наших дней». Благодаря хорошему переводу роман стал достоянием русскоязычного читателя СССР. За этот роман Тугельбаю Сыдыкбекову была присуждена Ста-

линская премия. Кайсын неоднократно подчеркивал, что в его переводческой деятельности большую роль сыграл Сыдыкбеков, который всесторонне способствовал становлению его как переводчика и помогал в творческой работе.

Забегая вперед, приведу один факт. В 1981 году я принимал участие в работе Всесоюзной тюркологической научной конференции, которая проходила в городе Фрунзе. Присутствовали там и писатели Киргизии, которые живо интересовались «своим» Кайсыном. Они расспрашивали о нем и передавали ему горячие приветы и наилучшие пожелания. Особенно расспрашивали о судьбе Кулиева А. Токомбаев и Т. Сыдыкбеков. Когда я после приезда в Нальчик рассказывал о них Кулиеву, Кайсын заметил: «Это замечательные люди, выдающиеся писатели. Я им многим обязан».

В среднеазиатский период Кулиев перевел много стихов Алыкула Осмонова, Узакбая Абдукаримова, Насредина Байтемирова, Кубаничбека Маликова, Смара Шимеева и других. Они печатались на страницах периодической печати и в сборниках стихов, изданных на русском языке. Кайсын делал глубокий анализ содержания этих книг, писал к ним предисловия.

Большая дружба объединяла Кулиева с поэтом Алыкулом Осмоновым. Благодаря переводам на русский язык, которые делал Кайсын, поэт А. Осмонов приобрел большую известность в СССР. Его неожиданная смерть в 35-летнем возрасте потрясла Кулиева. Он написал о нем статью «Две весны Алыкула Осмонова» и долго не мог забыть своего друга. Всегда сожалел о ранней кончине этого талантливого поэта.

Среди литераторов Киргизии Кулиев пользовался большим уважением. И он это заслужил своим трудом, вниманием к старшим и молодым художникам слова. Любовь эта была обоюдной и искренней. Кайсын верил в необходимость литературной преемственности. «Кулиев особое внимание обращал на творчество молодых киргизских поэтов, писателей и переводчиков, был их добрым, но принципиальным советчиком, наставником; часто он в лицо говорил неприятные для поэта вещи»,— писал литературовед К. Бобулов.

Почти всем известен и такой факт, что первые рассказы Ч. Айтматова, когда тот еще работал зоотехником,

читал и правил Кулиев. Тогда-то он сказал, что Айтматов – талантливый автор, с большим будущим. Так и получилось спустя годы. Выступая на V съезде писателей СССР, Кулиев в качестве примера великого художника современности назвал имя Чингиза Айтматова. С тех пор и началась тесная дружба двух самобытных, талантливейших людей нашей эпохи. Они стали братьями не только по перу, но и по духовности, как высочайшие мастера литературы. Великий Чингиз Айтматов не раз бывал в Кабардино-Балкарии, чтобы встретиться с великим Кайсыном. Провожая своего друга в последний путь, Чингиз на его могиле выступил с памятной речью, клялся никогда его не забывать.

Многое связывало Кайсына Кулиева с Киргизией. Его привлекало неповторимое слово киргизского акына, демократа Токтогула Сатылганова. Он был убежден, что Токтогул – поэт большого полета, так как, по убеждению Кулиева, его стихи отличались ясностью мысли, доходчивостью поэтического выражения. Кайсын сравнивал Токтогула с классиком балкарской литературы Кязимом Мечиевым и удивлялся, что, не зная друг друга, они одинаково выражали боль и чувства своих народов, тоску по справедливости и свободе. Так бывает только у великих поэтов-песенников, как не раз подчеркивал Кулиев в разговоре с собратьями по перу.

Отдавая много времени переводческой деятельности, вопросам литературоведения, Кулиев иногда сожалел, что у него остается мало времени для работы над своими произведениями, над которыми он работает, но не имеет права печатать их, и поэтому приходится многие вещи «складывать под подушку». Было и горькое сожаление, и разочарование, но никогда поэт не сомневался, что придет время, и он сможет напечатать все написанное им в среднеазиатский период жизни. Поэтому он писал для себя, для своих друзей, как говорил он, будучи еще не вполне убежденным, что его произведения станут достоянием массового читателя, тем более балкарского народа, который был лишен возможности читать Кайсына Кулиева и других поэтов на своем родном языке. К обоюдному счастью, к этому времени некоторые произведения Кулиева уже печатались в переводе на киргизский и русский языки на страницах периодической печати – в

журнале «Вестник Киргизстана», альманахе «Киргизстан», в газетах «Комсомолец Киргизии», «Советская Киргизия», «Кызыл Кыргызстан», в отдельных сборниках. Будучи замдиректора издательства «Кызыл Кыргызстан», в меру своих сил я содействовал их публикации, способствовал выплате максимального размера гонорарного вознаграждения, чтобы в тяжелые годы как-то помочь материально своему другу. Кайсын был благодарен мне и всегда вспоминал об этой нерадостной поре жизни.

Хочется вспомнить еще об одной стороне наших взаимоотношений в годы изгнания. Как известно, тогда на балкарском языке ничего не издавалось, отсутствовали передачи по радио на родном языке депортированных народов и не было, конечно, никаких культурных мероприятий, связанных с обычаями и традициями этих «наказанных» народов. Жизнь и быт балкарского народа в средствах массовой информации не затрагивались и не освещались. Единственным источником культурной жизни оказывалось устное народное творчество. Мы повсеместно и часто организовывали семейные и товарищеские вечера и встречи. Иногда они становились массовыми и даже очень солидными культурными мероприятиями. На них приходили старые и молодые, без учета возраста и национальности. Балкарцы, карачаевцы, ингуши, русские – все были желанными гостями. Самым желанным участником таких сходок-празднеств был Кайсын Кулиев. Он проявлял себя и как артист (не зря окончил Кайсын театральный институт!), и как поэт, и как певец. Чаще всего мы встречались в селе Ивановка Ивановского района Фрунзенской области. В этом районном центре проживало большое количество бывших руководящих работников-балкарцев. Среди них был И. Ульбашев, бывший Председатель Президиума Верховного Совета КБАССР. Здесь он работал сперва зампредседателя райисполкома, затем завучем средней школы; находился здесь и бывший замсекретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) Ч. Уянаев. Он в Ивановке вначале работал завотделом пропаганды и агитации РК ВКП(б), потом завотделом культуры РИКа, начальником районного узла связи; проживала здесь Х. Атакуева, бывший второй секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ, кандидат в члены бюро обкома ВКП(б), а в

Ивановке она стала учительницей истории местной школы; находился здесь и всем известный артист М. Кучуков, заведующий районным Домом культуры; А. Текуев, заведующий переселенческим отделом райисполкома; бывшие первые секретари РК ВКП(б) М. Аттоева, С. Настаев; М. Бачиев, бывший министр соцобеспечения и другие. Их активная деятельность среди балкарского народа служила своеобразной притягательной духовной силой.

В Ивановке жили две сестры-карачаевки – гармонистки Гаджаевы, Блюха и Надифат, молодые и красивые, волевые и смелые. Сюда-то чаще всего и съезжались наши единомышленники из населенных пунктов Чуйской долины и фрунзенцы. Основным местом встреч были дома Чокки Залиханова и Чомая Уянаева. Приветливыми и хлебосольными хозяйками были дочь Чокки – Мария, супруга Ч. Уянаева – Нина. Основными организаторами этих вечеров выступали Кайсын Кулиев и Магомет Кучуков. По существу, они были комедийно-трагическими театральными персонажами, устраивая небольшие, но яркие, запоминающиеся представления. Кайсын на этих вечерах был и режиссером, и артистом, и главным героем пьес. Одним словом, неутомимым «запевалой». Он шутил чаще всех, смеялся громче, учил искусству перевоплощения. Он пользовался успехом и как певец. Под аккомпанимент национальной гармоники пел старинные и новые народные песни, обучал хоровому искусству исполнения, вовлекая и гармонисток, и Магомета Кучукова, и Азрета Текуева... Сольные номера были шуточными. Исполнялись и любовные, трагические песни дуэтом и трио – Кулиев, Блюха и Напифат. Была и импровизация на злобу дня. Жаль, что тогда мы не записали эти сочиненные песни, они бы составили целый пласт народного творчества и вошли бы в так называемую теперь «лагерную», «запрещенную» поэзию. Характерно, что авторами этих песен, этой импровизации выступали сами исполнители. В этом плане историко-культурное значение представляет недавно изданная книга «Словесные памятники выселения», где опубликованы песни и стихи балкарских и карачаевских поэтов, написанные ими в 1943–1956 годах. Среди них подобающее место занимает творчество Кулиева.

Кайсын Кулиев был профессиональным рассказчиком-импровизатором. На вечерах-встречах он умело втягивал нас, присутствующих, в процесс творчества. И мы были тоже актерами, исполнителями песен, стихов, состязались друг с другом в умении перевоплощаться. Как сейчас, я помню Кайсына, его внешний вид: орлиный нос, зажигательно-веселые глаза, неповторимый, хрипловато-гортанный голос, артистизм его исполнения. Поэт покорял всех нас, и мы старались ему подражать во всем: манере выступать, говорить, петь, танцевать. Хотелось бы отметить и другое. Эти вечера, проводившиеся во Фрунзе, Ивановке, Ворошиловке, Юрьевке, Ново-Покровке и других населенных пунктах, не были только увеселительными. На них обсуждались многие вопросы бытового характера, положения спецпереселенных народов, отношение к властям и местному населению. Кончались эти беседы одним желанием, и мнение было единым: рано или поздно высланные народы вернутся на родину, вновь возродится национальная культура, будет восстановлена экономика в родной республике, а люди вновь воссоединятся семьями, увидят своих близких и родных. Эту надежду вселял Кайсын. Около него всегда создавалась атмосфера дружелюбия и искренности. По природе он был оптимистом, и его оптимистическое мировосприятие вдохновляло всех нас, хотя мы находились под строгим надзором органов КГБ; за нами следили и препятствовали в осуществлении наших замыслов. Не раз приглашали очень многих в эти органы, снимали допросы, так как они предполагали, что наши вечера-встречи носят политический характер, называли их «сборищами» и предлагали их прекратить.

Важным событием в литературной жизни Кулиева было издание во Фрунзе в 1956 году сборника «Мелодия мира», куда вошли его стихи довоенных и военных лет. Это был настоящий праздник для поэта – праздник национальной культуры. Так он воспринял издание сборника. Кулиев темпераментно высказал свою благодарность киргизским друзьям, как он утверждал, за замечательный подарок и считал, что это его второй сборник стихов. Первый сборник стихов он издал еще до войны, в 1940 году, и назывался он «Здравствуй, утро!». Позже его киргизские единомышленники создали о Кулиеве документальный и, по словам поэта, великолепный фильм.

Депортация подходила к своему концу. Кулиев возвратился в Москву и затем на родину. В 1957 году в Москве на русском языке вышел сборник стихов «Горы». Поэта ожидал издательский взлет. После XX съезда КПСС в стране улучшился политический климат, что привело к реабилитации репрессированных народов. Им разрешено было вернуться на родину. С этого времени Кулиев издает много сборников стихов.

На наш взгляд, Кулиев обладал не по годам выношенным представлением о жизни, знал, какой она бывает беспощадной, суровой, когда нужно принимать принципиальные решения, уметь отстаивать свои взгляды и жизненные позиции. Был такой случай. В 1956 году вышло Постановление Правительства СССР о реабилитации репрессированных народов. Этот документ, сыгравший огромную роль в исправлении допущенной в отношении целых народов несправедливости, позволял самому народу решать: возвращаться ли ему на родину или остаться в обжитых местах расселения. Ведь с тех пор прошло 13 лет! В частности, ЦК партии и Правительство Киргизии хотели, чтобы балкарцы и карачаевцы остались в местах проживания. Были обещаны некоторые блага: всех карачаевцев и балкарцев, расселенных в республиках Средней Азии и Казахстане, собрать в Киргизии и образовать самостоятельную Карачаево-Балкарскую область или республику. Единственным условием выдвигалось, чтобы они не претендовали на территории Чуйской и Иссык-Кульской долин. По этому вопросу секретарь ЦК КП Киргизии К.-Г. Каракеев провел специальное совещание, на которое были приглашены представители от репрессированных народов. От балкарского народа послали К. Кулиева, К. Уянаева, М. Кульбаева, Ж. Залиханова и меня. В разговоре между собой мы решили, если народ согласится, то такое национальное административное объединение создать на территории Таласской области. По своим климатическим условиям, территории, экономике, возможности компактного проживания она была весьма привлекательна и подходила по всем параметрам. Такое предложение рассматривалось как возможность обрести государственность балкар-

ского и карачаевского народов, восстановления их в политических правах.

На первом этапе на это предложение откликнулись и представители карачаевского народа. На совещании наши представители были распределены по областям Киргизии, в которых жили балкарцы. К. Кулиев и М. Кульбаев были прикреплены к Фрунзенской области, К. Уянаев – к Иссык-Кульской, Ж. Залиханов был направлен в Ошскую область и так далее. Мы должны были разъяснить населению суть Постановления Совета Министров СССР о его правах и предложение ЦК КПК и Правительства Киргизской ССР. На этом совещании с категорическим протестом выступил Кулиев и позицию руководства Киргизии рассмотрел как не отвечающую интересам и чаяниям балкарского народа. Он прямо обратился к К.-Г. Каракееву с вопросом: «Вы хотите, чтобы я балкарцам сказал, что Киргизия лучше, чем Кавказ?» Сам отвечая на этот вопрос, поэт уточнил: «Киргизия хороша киргизам, а Кавказу мы никогда не изменим». В этом выступлении он искренне благодарил киргизский народ за гостеприимство, проявленную заботу в тяжелые первые годы переселения. «Мы стали братьями,– говорил поэт,– таковыми останемся навсегда, но каждому из нас лучше будет у себя дома». Он наотрез отказался от командировки по селам и тут же вернул председательствующему командировочное удостоверение ЦК КПК. Тогда я подумал о Кайсыне и его поступке: «Большой поэт всегда остается и большим, мужественным человеком. Его нельзя ни испугать, ни задобрить». Все мы, кроме Кайсына, выехали по своим областям, разъясняли долгожданное Постановление Совета Министров СССР, а протест Кайсына Кулиева восприняли как руководство к действию и стояли на том, как сказал он: мы, балкарцы, должны восстанавливать свою республику и свою жизнь на родной земле. Кулиев понимал, осознавали и мы, что на самом деле принятие предложения руководства Киргизии означало второе переселение наших народов. Ведь на территорию Таласской области надо было переселять всех карачаевцев и балкарцев из мест их расселения по Средней Азии и Казахстану. Более того, правительство Киргизской ССР не располагало материальными и финансовыми возможностями для переселения такого боль-

шого количества людей, его бытового и трудового устройства. Такой акт оказался бы очень обременительным для киргизского народа. Кайсын Кулиев не раз говорил, что кабардинцы и балкарцы – братья, веками жили вместе дружно, породнились семьями. Развивая свою мысль, он вспоминал, как на Втором съезде писателей СССР в Москве, приехав из Киргизии, встречался с делегатами из Кабарды. Особенно он был взволнован вниманием, заботой и искренней любовью А. П. Кешокова. «Я жизнью обязан ему,– сказал тогда Кайсын.– В боях под Севастополем я был ранен. Брат мой Алим вытащил меня с поля боя, с огромным трудом тащил на себе и доставил в госпиталь, где была спасена моя жизнь». И, подумав, он прибавил: «Каковы наши отношения с Кешоковым, таковы отношения между кабардинским и балкарским народами. Эту дружбу надо укреплять и развивать еще больше».

Находясь в Москве, Кулиев знал уже и радовался тому, что балкарцы возвращаются на родину, и по мере сил способствовал осуществлению этого исторического акта. Его поэтические силы набирали высоту, одна за другой выходили его книги в Москве и в Нальчике. В 1966 году за книгу стихов «Раненый камень» ему была присуждена Государственная премия РСФСР им. М. Горького, а в 1974 году за поэтический сборник «Книга земли» он был удостоен Государственной премии СССР. При жизни было издано полное собрание сочинений в трех томах на русском и балкарском языках. Кроме того, стихи Кулиева были переведены на многие языки народов СССР и зарубежных стран. Он был крупным общественным деятелем, избирался депутатом Верховного Совета СССР и КБАССР нескольких созывов, был членом Кабардино-Балкарского обкома КПСС, работал секретарем Союза писателей РСФСР и КБР, ему присвоено звание народного поэта Кабардино-Балкарии, имел правительственные награды – ордена и медали.

Последние встречи у меня с К. Ш. Кулиевым состоялись в больнице в Москве и у него дома – в Чегеме I. Он знал, что ему не одолеть болезнь, но всегда сохранял твердость духа, оптимизм и силу воли. Когда я и С. У. Алиева посетили его в московской больнице, он сетовал на то, что многое не успел сделать. Но мы-то знаем, что он всю

жизнь боролся за право делать то, что всегда делал. Эта борьба стала драмой и сюжетом его жизни.

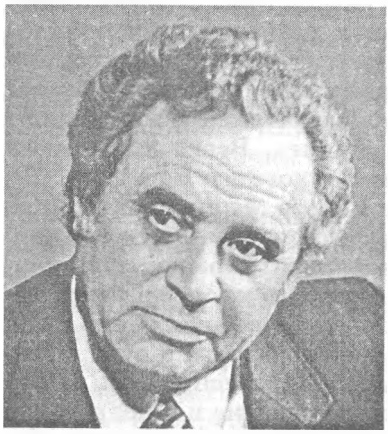
В начале июня 1985 года я был в командировке в Москве. Перед самым моим отъездом Ж. Залиханов, М. Кульбаев и я проведали Кайсына дома. Выглядел он плохо. Поэтому чувствовал огромное беспокойство, както стеснялся нас, думал о чем-то своем, наболевшем. Вечером, кажется, 4 июня я позвонил из Москвы и узнал о кончине великого Кайсына. На следующий день утром я прилетел в Нальчик и в составе комиссии по его похоронам включился в работу. Перед комиссией стал вопрос о месте захоронения и об увековечивании его памяти. Сам Кайсын письменно завещал похоронить его в усадьбе своего дома в селении Чегем I. Обком КПСС настаивал на том, чтобы похоронить Кулиева на городском кладбище в Нальчике, где похоронены его друзья – собратья по перу. Но родственники были полны решимости выполнить последнюю просьбу поэта. Получилась заминка. К этому времени приехали Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов, которые заявили о необходимости выполнить завещание Кайсына и похоронить его в собственной усадьбе. Так и было сделано.

Столь многолюдного присутствия на похоронах кабардино-балкарская земля еще не видела. Его друзья и почитатели его таланта прибыли со всех концов страны. Среди них были А. Кешоков, Д. Кугультинов, Н. Джусойты, Л. Мкртчян, Н. Хубиев и многие другие, почти из всех союзных и автономных республик. Были получены соболезнования от многочисленных друзей и коллективов, литературных объединений и издательств, от общественных и государственных деятелей.

Бытует мнение, что на Кавказе обычно долго живут. 60-летие нашего незабвенного Кайсына мы отмечали при его жизни. 80-летие со дня рождения поэта мы отметили без него. Но созданное им, его неоценимый вклад в культуру балкарского народа и мировую культуру были с нами, его современниками. Кайсын навсегда останется в наших сердцах. «Оставит мастер дело рук своих»,– писал Кайсын. При этом он исходил из того, что поэт утверждается в действительности до тех пор, пока не оставит на ней свой след. Он оставил нам его надолго, навсегда.

В 1959 году в Москве вышел сборник его стихов «Горы». Кайсын вручил его мне с таким автографом: «Ханафи, никогда не забывай нами вместе прожитое и сделай все, что можешь полезного». Я не пожалел времени и сил для выполнения его завещания. Особенно много я работал в первый период реабилитации балкарского народа: по расселению, трудовому и бытовому устройству, возрождению национальной культуры, восстановлению экономики. Помогал в этом, как и вся общественность республики, и сам Кулиев. Всего лишь один штрих. Он, будучи депутатом Верховного Совета СССР, вместе со мной обивал пороги Совета Министров РСФСР и стройбанка РСФСР, чтобы добиться списания с балкарского народа и их хозяйств возвратную ссуду, полученную на жилищное строительство и благоустройство селений, в которых стали проживать балкарцы. Цель была достигнута. Оставили мы с Кайсыном добрый след в развитии экономики и культуры нашей республики. Принимали мы с Кулиевым активное участие и в подготовке национальных кадров, развитии науки и искусства Кабардино-Балкарии.

Даниил Маркович ДОЛИНСКИЙ (1925)



Родился на Украине, в городе Кременчуге. После окончания семи классов средней школы трудился рабочим сцены, а затем актером-стажером в Днепродзержинском театре русской драмы. Был в эвакуации сначала в Саратове, затем в колхозе «Казрис», Кзыл-Ординского района в Казахстане. Там же, в Кзыл-Орде, поступил в Театр им. Артема, эвакуированный из Донбасса, откуда и был призван в армию в январе 1943-го года. Окончил Серпуховское авиатехническое училище. Участвовал в освобождении Белоруссии, Украины, Молдавии, Румынии, Югославии, Венгрии, Чехословакии, Австрии. Был и военным журналистом.

В 1950 году, после демобилизации из армии, работал в многотиражке ростовского завода «Россельмаш». Там же, на заводе, сдал экзамены за восьмой, девятый и десятый классы в школе рабочей молодежи, поступил на филологический факультет Ростовского университета. С третьего курса ушел и поступил в Литературный институт им. М. Горького. С 1966-го по 1987 год заведовал отделом поэзии в журнале «Дон».

Стихи публикуются с 1944 года. Автор книг: «Первая любовь» (1956), «Рукопожатие» (1959), «Ради этого дня» (1962), «Говорите с Россией» (1964), «Расту» (1964), «Птички-странички» (1965), «Три признания» (1966), «Незнакомый насекомым» (1967), «Стихи» (1968), «Солнце в пиале» (1970), «Выбор» (1971), «Годы» (1974), «Белый месяц» (1975), «Сияет день» (1978), «Вторая половина дня» (1980), «И небо и земля» (1982), «На своем веку» (1984), «Золотой повод» (1985), «Лучшие дни» (1988), «Из недосказанного» (1993), «Пока поется песня бытия»; переводы стихов Кайсына Кулиева (1993), «Печалясь и ликуя», «Поэма» (1995), «Пепел белый» (1995), «Путник» (1997), «Двор» (1998), «Дождь во дворе» (1998), «Отдаленный шум реки»; избранные переводы (1999). Книги издавались в Ростове-на-Дону, Москве, Элисте, Нальчике.

Награжден орденами и медалями СССР, заслуженный работник культуры Калмыкии.

НЕЗАБВЕННЫЙ КАЙСЫН

Общаться с ним всегда было радостью. При встрече еще издали он широко улыбался. Поднимал и разводил руки, словом, вы, еще не дошедши до него, были уже в его крепком объятии. «Брат,– говорил он и восторженно восклицал:– Как я тебе рад! Здравствуй!..» И это звучало не только приветствием, но и «благопожеланием» – да простят меня наши общие друзья-калмыки за то, что ныне я употребляю их исконное выражение приязни и пожелания долгой-долгой жизни по отношению к балкарскому поэту. Однажды, хваля при мне стихи молодого поэта, он произнес: «Его поцеловал Бог!» Думаю, что если уж целовал Всевышний талантливых на земле, то первым из тех, кого я в Балкарии знаю, он осенил собой когда-то маленького Кайсынчика, который потом стал Кайсыном Шуваевичем Кулиевым, великим балкарским слагателем стихов.

Он окружал всех добротой, его участливость шла впереди него – везде, всегда, до последней секунды его жизни...

За день до печального известия о его кончине позвонил я в Чегем: «Как он?..» Измученный голос Элизат был тих. Я догадался: он спит. Но тут она вдруг заговорила по-балкарски. Неужели она перепутала меня с кем-то из говорящих на их языке?.. Нет. Говоря с кем-то вполголоса, она произнесла мое имя... «Он очнулся,– сказала она и, помолчав, добавила: – Он спрашивает: «Как там Наташенька?..»

Кайсын подробно знал о нашей семейной беде – больной девочке. Расспрашивал о ней повседневно по телефону, в письмах. Любил с ней разговаривать у нас дома, приносил подарки. Ему нравилось, как она не выговаривала букву «р», он уверял нас, что это со временем пройдет. Они смешно объяснялись: она – не придерживаясь ударений в слове, он – произнося его с кавказской интонацией. Однажды в Дубултах, где мы работали с ним над моим новым переводом, он, идя с пляжа, увидел трехгодовалую Наташеньку у клумбы. «Что делаешь?» – спросил он. «Чепичку ищу...» Кайсын раздвинул цветы и совершенно серьезно произнес: «Это не чепичка, это пытычка!..»

Он вообще некоторые слова произносил с непривычным для нас звучанием: не «птичка», а «пытычка», не «здравствуй», а «зыдыравствуй». Это типично кайсыновское произношение делало его участливость более веселой, более дружеской, я бы сказал, интимной, и заметно выделяло среди кавказцев.

Полгода пробыла Галя с Наташенькой в Москве. Дочка – в больнице, Галя – в гостинице, каждый месяц выписываясь и через день-два вновь оформляя жилье. Такое было правило пребывания в гостиницах. Как-то позвонила и сказала: «Связалась с Кайсыном Шуваевичем по телефону...»

Он был в Москве на сессии Верховного Совета. Позвонила поздно – в телефоне были слышны голоса. Он записал ее номер в гостинице и позвонил рано утром. Узнав, в чем дело, успокоил Галю: мол, непременно поможет. Связался с самыми высокими медицинскими чинами – лекарство уже через день было у него. Я прилетел в Москву. У входа в «Россию» мы дожидались его. Он шел с красивым коричневым портфелем. Обрадовался. В номере вынул сверток с лекарствами: «Это, Галя, тебе для Наташеньки, а это – тебе». Портфель прослужил мне добрый десяток лет.

Зная, что у меня старая пишущая машинка, он как-то позвонил и спросил у Гали, где я. Я был в доме творчества. Он отложил возвращение домой самолетом, приобрел билет на поезд с таким расчетом, чтобы я уже был в Ростове. Вышел на платформу и заговорщицки сказал: «Если бы ты согласился посетить мое купе, то тогда...» Я согласился. В двухместном купе на верхней полке лежали два футляра с машинками «Де люкс». «Выбирай любую! – сказал он.– Кажется, ты рассказывал, как в Югославии угощали пацанов сахаром: ешьте, мол, кусайте, с любого конца сахар сладок!..» – «Правую». Он рассмеялся: «Теперь будешь с любой стороны прав!»

Он сам был мастер своего дела и воспевал людей умелых, восхищался ими. Потерялся ключ от его «дипломата». Поэт Виктор Стрелков сказал: «Достань женскую шпильку и отвернись». И сам повернулся к «дипломату», заложил руку за спину, пошевелил шпилькой – щелк! Один замок открылся. Щелк – второй! Кайсын

потом долго восхищался: «Знаете поэта Стрелкова? Да, прекрасный поэт!.. Но – какой взломщик!.. Великий взломщик!» Никогда нельзя было определить: шутит он или говорит всерьез, все было убедительно.

Я всегда восхищался его уважением к труду переводчика. Как-то, переводя его стихи, использовал строки его же оригинала: «Жизнь всегда права». Он позвонил: «Знаешь, я подумал, что лучше будет «жизнь всегда нова». Можно это исправить в твоем переводе?» Или, когда в стихотворении «Мой Кавказ» я вместо строки «Кавказ, твои орлиные крылья поднимали меня над землей» допустил отсебятину, вспомнив увиденные на стене столовки в Верхнем Чегеме крылья орла, как переливалось всеми цветами радуги каждое перо, и написал: «Кавказ, я – перо твоих крыльев орлиных», он поругал меня по телефону. Я долго убеждал его, что это он подтолкнул меня к этому образу. Сам бы я до такого не додумался. Кайсын согласился подумать. Через несколько дней пришла телеграмма: «Твои переводы – не бумажные плоды, а живые цветы. Спасибо. Твой должник».

Он присылал подстрочники и наставлял: «Переводи не спеша. Спокойно. Без вычурностей и красивостей, соединяй с моим видением твое видение, тогда получится». Я убежден – я не придумал ему строку. Я просто действовал по определению: переводчик прозы – раб, поэзии – соперник. Телеграммой он утвердил меня в этом.

Когда мы в Дубултах редактировали мой перевод поэмки «Свет матери», посвященной грузинскому поэту Ревазу Маргиани, он, как говорится, зацепился за строку в одном четверостишии. Я перевел, как было в оригинале, подстрочнике: «Обросшие порой, как лесом склон, в пробитой и продымленной одежде, мы к матерям входили в каждый сон, и солнце улыбалось их надежде...» Вот это «солнце улыбалось» ему не понравилось. Но так – в прозаическом переводе строфы. «Давай поищем эту строку вместе»,– сказал он.

На следующее утро он уже шел с пляжа мне навстречу с Владимиром Жуковым, прекрасным поэтом из Иваново, фронтовиком, членом редколлегии издательства «Современник», которому послали «на заруб» мою книгу «И небо и земля» и который отбил все атаки главного

редактора издательства и добился ее выхода со своим предисловием. С Кайсыном был главный редактор «Дружбы народов» Сергей Баруздин, с которым я когда-то сдавал экзамены в Литинститут, присутствовал при нашей встрече и Зиновий Паперный, известный критик, эссеист, хохмач...

«Ну, как, брат?..»

Не помню, какой уж очередной вариант я предлагал. Все внимательно слушали. По выражению лиц догадывался, что предложенное – не то. Так продолжалось несколько дней. Галя уже зароптала: «Они, наверное, тебя разыгрывают? Или игру затеяли, чтоб потешиться над тобой...» Но я-то чувствовал, что нет, что он сам мучительно ищет строку.

И вот, увидев его в том же окружении возле корпуса через несколько дней, я, неожиданно для себя самого, выпалил:

Обросшие порой, как лесом склон,
В пробитой и продымленной одежде,
Мы к матерям входили в каждый сон,
И их мольба – светила их надежде...

«Вот!» – воскликнул Кайсын. «Да!» – воскликнул Жуков. «Хорошо!» – сказал Баруздин. «Согласен!» – сказал Паперный. Кайсын обнял меня: «Прости, брат, ты нашел то, что я не смог выразить в оригинале... Здравствуй долго...»

В те же дни он пересказал мне свою поэму «Бетховен», которую недавно закончил.

Мы шли пешком по взморью от Майори к Дубултам. Кайсын снял белый чесучовый пиджак, сначала положил на руку, затем перекинул через плечо... В номере обнаружил пропажу – нет бумажника. Документы целы, в том числе и удостоверение депутата Верховного Совета СССР. Нашел меня на пляже: «Сколько у тебя осталось денег?..» – «У меня только на обратный путь... Займи у кого-нибудь, хотя могу и поделиться»,– сказал я уныло, зная, что денег у нас в обрез. Кайсын сказал: «Во-первых, никто не должен знать, что у Кулиева нет денег... Во-

вторых, мне нужно рублей пятьсот». (По тому времени деньги большие.)

«Дай телеграмму Бадмаеву,– сказала дома Галя.– Он пришлет». Договорились, что я займу у директора калмыцкого издательства деньги якобы для себя. Вся наша компания, вместе с Кайсыном, не могла себе представить, что, прося в долг такую сумму не за принятые переводы, а так, в счет будущей работы, я еще уверен, что непременно пришлют. Я назначил срок на это действо – два дня. Если выиграю – каждый ставит мне по бутылке коньяка, бутылку каждому. Гуртом пошли на почту... Стали ждать. Почтальон приносил корреспонденцию в Дом творчества два раза в день: в десять и шестнадцать часов.

В десять часов предположительного дня мы уже стояли у стойки дежурного. Перевода не оказалось, в шестнадцать тоже... Галя, вздыхая, дала мне на пару бутылок коньяка. Решили выпить только одну и пойти в кино, вторую – завтра. Фильм окончился поздно. Дежурная, увидев меня, сказала: «Я вас запомнила... Есть, есть перевод. Он еще утром упал под стойку». Мои траты были спасены, до конца срока я угощался за счет Кайсына и его любопытного окружения.

Этот мудрый и радостный горец любил называть себя стихотворцем. «Это Пушкин поэт навсегда, а мы – стихотворцы, и только!» – говаривал он. На мой взгляд, он больше смахивал на большого седого ребенка. Помню, в Зернограде, во время Дней культуры Кабардино-Балкарии на Дону, после встречи с читателями он купил в киоске триста граммов конфет-подушечек и угощал не только меня, но и девушек, с которыми мы познакомились на вечере. А в дни юбилея адыгейского поэта Исхака Машбаша он повел супругу Элизат и меня посмотреть что-нибудь в майкопском универмаге. Ходили-ходили. Остановились в галантерейном отделе. Кайсын оглядел внимательно мои ноги. «Жаль, носишь туфли без шнурков, смотри, какие они тут красивые, хотел бы тебе подарить, чтоб, когда завязывал, вспоминал меня!.. » – сказал он вполне серьезно.

Взгляд его поблуждал по витрине. «А бреешься чем? Не электрической?.. Хорошо – выбери сам помазок, тут они красивые... будешь бриться – меня вспомнишь...»

До сих пор намыливаю щеки «кайсыновским помазком», помня его наставления: «Подарок должен быть небольшим, недорогим, чтоб всегда был тебе нужен, как надежный друг, подаривший его!»

Когда я думаю о нем, мои думы светлы, как его душа, ярки, как солнце, к которому он сызмала был в горах ближе, чем я в долине. Он любил солнце, воспевал его в стихах, даже одну из книг назвал «Благодарю солнце». И оно ему ответило на эту благодарность в день прощания с ним.

Шестого июня в восемь утра мне позвонили. В одиннадцать с лишним я уже был в Нальчике. Моросил мелкий холодный дождь. Площадь перед театром, где проходило прощание, покрылась большими черными булыжниками раскрывшихся зонтов. От этого над головами собравшихся образовалась легкая мгла. Прилетев раньше, секретарь Союза писателей РСФСР Михаил Шевченко, друзья Кайсына Давид Кугультинов и Чингиз Айтматов уехали в Дом правительства, которое постановило хоронить Кайсына Кулиева в Нальчике на Аллее Почета. Но Элизат показала завещание, где Кайсын просил оставить его навечно в своем нижнечегемском дворе, указав место недалеко от любимой орешины, между тремя молодыми вишнями. Площадь волновалась: начальство не давало согласия. Молодые балкарские поэты негодовали: «Мы все равно унесем его на руках в Нижний Чегем, как он хотел!..»

Час, два, три прошло. Небо плакало. Ткани натянутых зонтов от громко падающих капель тикали, как часы, отсчитывая медленно влекущиеся минуты. И тут из огромной глыбы хмури взыграл и опустился, разрастаясь книзу, ослепительный багор солнечного луча. И то ли в Нальчике с его помощью оттолкнулось от темноты ненастье, то ли само ненастье от Нальчика, но над площадью – запело солнце, именно запело. В его ликующем свете защелкала, закричала листва, весело зашуршали шины потянувшихся в Нижний Чегем машин. Процессия растянулась на все километры до Кайсынова дома. В беседке из белого теса, где поэт любил читать и работать, если в кабинете было жарко, мы просидели еще пару часов, пока готовили ему последнее пристанище.

Люди плакали. А солнце – смеялось, солнце радовалось жизни, словно этим своим ликованием благодарило поэта за годы, проведенные им на земле, где пока остаемся мы, но где навсегда – его творения.

Письмо Даниила Марковича Долинского от 11 июля 1972 года

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Дон» просил К. Кулиева, чтобы он прислал свои стихи для публикации. Об этом пишет переводчик Кулиева Д. М. Долинский.

«Дорогой Кайсын!

Все время не беспокоил тебя, слышал, ты болен и с радостью читал о твоих поездках, значит, ты чувствуешь себя хорошо. Слава Богу, считаю я, как человек неверующий. Спасибо за то, что поместил мои переводы в «Книге земли» и спасибо за «Юность»!

Не откажи, пожалуйста, мне нужно в № 12 «Дон» хоть одно твое стихотворение. Этот номер посвящен 50-летию СССР, да и последующие номера будущего года хотелось бы дать твою подборку. Поищи в архивах, хотя несколько страничек пришли.

Сердечно обнимаю. *Даниил*».

Письма Д. М. Долинского К. Ш. Кулиеву

Первое письмо.

Дорогой Кайсын!

Спасибо за «Лит. Россию», ты оказал мне большую честь, доставил большую радость.

Дали они неплохо, хотя, на мой взгляд, есть и неполадки. Название «Над Бештау проходят тучи», а строка первая – «Над Бештау тревожные тучи». Получается несуразица...

Если ты со мной согласен, то, пожалуйста, не допусти этих несуразиц при подготовке рукописи, оставь, как было в моем варианте, или, если ты хочешь, я изменю сам те строки, которые тебя не удовлетворяют.

Пока сижу дома. Работаю. Пишется. С отпуском еще ничего не известно, ибо не знаю куда ехать. Я уже ску-

чаю по твоим подстрочникам. Как работается тебе? Как здоровье?

Галя посылает привет.

Обнимаю. *Даниил.* 9 августа 1978 г. Ростов-на-Дону.

Второе письмо (Без даты.)

Дорогой Кайсын!

Мы уже дома. Наташеньку выписали. Ей немного лучше, но лечение продолжается и дома. Мы до сих пор не могли забыть того, что ты сделал для нас. Большое тебе спасибо.

В Переделкине познакомился с Семеном Израиловичем и Инной. В «Доне» № 1 идет твоя подборка, не все, 22 строчки.

Посылаю тебе «Настольный календарь 1979 года», где твои «Братья» в моем переводе. Жду твоих книг («Книга земли» и другие издания), которые ты обещал подарить.

Скоро получишь посылку.

Обнимаю тебя.

Даня и *Галя*

Третье письмо от 2 августа 1977 года. Это письмо Даниил Маркович посылал в Латвийскую ССР, г. Юрмала, Дом творчества писателей им. Райниса. Кулиеву К. Ш.

Дорогой Кайсын!

Получил твое письмо. Очень рад, что настроение твое улучшилось и тебе работается, а то у меня из-за этого настроение было неважное, тем более, что ты сообщил о собачьих холерах. Путевку мне благословенный литфонд не дал – август мой накрылся. И неизвестно, дает ли на сентябрь. Я уже прошу на тот год попасть в Пицунду. Там дом отдыха начинает работу с 15 сентября. Нашу одну путевку начальство забрало. Звоним Кешокову, но он весь август в отпуске. Ну и Бог с ним.

Дома у меня по-старому. Галя сидит с Наташей дома. Никаких улучшений в здоровье дочери пока нет и не может быть – для этого нужно время. Будем пытаться зимой отправить в санаторий, может быть, это поможет.

Я сейчас жду рецензию из Комитета на рукопись моей книги, чтобы уже начать ее редактирование. Она в плане ростовского издательства на будущий год – 3 листа.

Пишу маловато сейчас. Возможно, семейные обстоятельства действуют, не знаю. Когда переводил тебя, настроение у меня было приподнятое почти полгода. Я очень благодарен тебе за все это прекрасное время, которое я провел как бы рядом с тобой. Я многому научился у тебя, сопереживал с тобой, видя и чувствуя как бы в твоих стихах. Это прекрасная школа. Спасибо тебе за нее. Я с нетерпением жду решения «Юности» и «Лит. России». По-моему, разделил ты стихи очень верно, как раз то, что подходит к каждому изданию.

Сообщила ли тебе что-либо Бернаукони из ТАССа? И можно ли это стихотворение дать в «Дон» № 11, который мы посвящали 60-летию Октября, оно бы нам подошло? Ты не сообщил, что ты решил с другими стихами, в частности, с «Четырьмя...». Может быть, надо подумать о подборке в «Доне» в первом номере будущего года? Я на всякий случай заявлю строк 100–150 на 2-й или 3-й номера будущего года, может быть, у тебя что-либо появится.

Желаю тебе хорошего отдыха и большой работы! Привет Хелемскому, Ваншенкину и другим, если они в Дубултах, особенно Рейгину, я давно ему не звонил.

Галя передает тебе привет. А я обнимаю и желаю всего искреннего тебе и всем твоим.

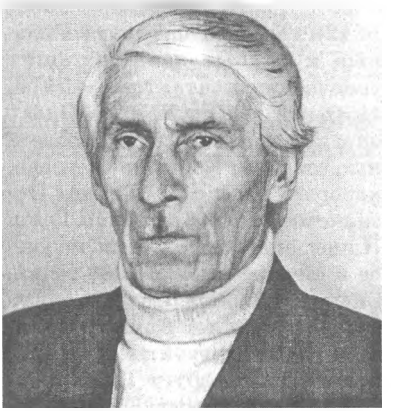
Даниил

Назир Хубиев в своих воспоминаниях писал: «Даниил Маркович Долинский и его жена Галя приехали из Ростова в Москву с больной дочкой. Они остановились в Доме творчества в Переделкино. В это же самое время Кулиев находился на сессии Верховного Совета СССР и тоже остановился там со своими сыновьями – Эльдаром и Алимом. При встрече Даниил и Галя рассказали поэту о своем горе, о безнадежно больной дочке, о том, что срочно требуется дефицитное импортное лекарство и его можно достать только через Кремлевскую больницу и только за валюту. Стоило оно 500 долларов. Сумма, конечно, громадная для 1978 года. Три дня Кулиев искал это лекар-

ство и все-таки нашел! Мать девочки заплакала от радости. Она хотела заплатить за лекарство, но Кайсын категорически отказался. Родители были тронуты вниманием, добротой и щедростью поэта. Об этом случае рассказал Долинский в письме к Назиру Хубиеву. Письмо заканчивалось словами: «Я второго такого человека, как Кайсын, не знаю».

ДЖУСОЙТЫ

(1925)



Нафи Джусойты – известный ученый, доктор филологических наук, профессор, директор Южно-Осетинского НИИ.

Он родился в крестьянской семье в селе Хордисар Южной Осетии. В 1941 году окончил среднюю школу и 23 июня, на второй день войны, ушел добровольцем на фронт. Судьба его сберегла – он встретил Великую Победу над фашисткой Германией и в декабре 1945 года вернулся домой. Работал и учился заочно в Сталинирском пединституте и в 1949 году окончил исторический факультет. В том же году он поступил в аспирантуру в Ленинграде при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

В 1953 году закончил аспирантуру с защитой кандидатской диссертации. С февраля 1954-года по март 1997 года работал заведующим отделом осетинской литературы и фольклора Юго-Осетинского НИИ им. З. Н. Ванеева. До 1990 года институт входил в состав Академии наук Грузинской ССР. В 1987 году был избран членом-корреспондентом АН ГССР. В 1968 году защитил докторскую диссертацию в Институте мировой литературы им. М. Горького (Москва).

Член Союза писателей СССР с 1949 года. Первый его сборник стихов «Сердце солдата» вышел в 1949 году, а первая его историко-литературная монография была опубликована в 1954 году – «Проблема Кавказа в русской литературе и в творчестве Коста Хетагурова». С марта 1997 года по настоящее время он работает директором Юго-Осетинского НИИ им. З. Н. Ванеева.

Был членом Международной ассоциации литературных критиков. Нафи Джусойты много писал о поэтах и прозаиках национальных литератур Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Молдавии, РСФСР, а также занимался переводами с русского, украинского, белорусского, польского, болгарского, немецкого, грузинского, армянского на родной язык.

Нафи Джусойты является лауреатом премии Коста Хетагурова, народным писателем

Республики Северная Осетия-Алания.

Его статьи публиковались в центральных журналах нашей страны, в таких, как «Вопросы литературы» («О национальной самобытности писателя» – 1968, № 12), «Дружба народов» («Сильные и слабые звенья наших творческих контактов» – 1976, № 3), «Новый мир» и др. Писал он и яркие, интересные, проблемные статьи о Кайсыне Кулиеве, которого знал с 1957 года. Познакомил его с Кайсыном Гриш Плиев, знавший Кулиева по учебе в Москве в 1935–1938 годах. Знакомство переросло в дружбу. Почти 30 лет Кайсын Кулиев и Нафи Джусойты дружили, помогали друг другу. Нафи Джусойты познакомил Кулиева со многими осетинскими поэтами: Хаджи-Муратом Дзуцуати, Камалом Ходовым, Шамилем Джигкаевым и многими другими. Они стали друзьями Кулиева, переводили его стихи на осетинский язык.

Нафи Григорьевич очень любил Кайсына, поздравлял его со всеми праздниками, писал ему дружеские письма. Теперь они хранятся в ЦГА КБР. Когда Кулиев находился в больнице, Джусойты часто звонил ему, справлялся о здоровье. Он был потрясен, узнав о его неизлечимой болезни. И когда Кайсына не стало, проводил его в последний путь.

Приезжал на юбилеи, которые отмечались после смерти К. Ш. Кулиева.

Его статья «Кайсын и его нравственные уроки» – это по сути дела воспоминания Нафи Григорьевича о встречах с Кайсыном в Москве, в Чегеме и в других местах нашей страны, это и речь Джусойты, произнесенная на торжественном вечере, посвященном 80-летию К. Ш. Кулиева, в Нальчике, в ноябре 1997 года.

ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАММЫ НАФИ ДЖУСОЙТЫ – КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ

I

26 декабря 1974 года

Дорогой Кайсын! С Новым годом тебя, большой мой брат!

Пусть в Новом году или в ближайших годах Бог даст тебе еще одну премию! Еще более тяжелую. А по-человечески – пусть грядущие года дадут тебе возможность спокойно работать, без суеты и обид. И еще желаю тебе одну возможность – чаще и больше встречаться нам!

Будь здоров и на коне!

Салам Маке и твоим сыновьям – Алиму и Азамату! Обнимаю тебя по-братски крепко-крепко, целую, твой *Нафи.*

Сообщи мне, говорил ли ты с Прокушевым и что он?

II

Телеграмма

Дорогой Кайсын, прими на заре мой салам, мою братскую любовь и пожелание многих радостей, творческих свершений.

Крепко обнимаю.

Твой *Нафи.*

III

Письмо
от 14 ноября 1977 года

Дорогой Кайсын! Мне очень жаль, что не попал на твой праздник. Нет, не твой, а наш, общий! Праздник всей кавказской поэзии, которую ты представляешь, как мощный добряк, как Канамалей и одновременно Бинёгер. Мне хотелось быть на твоем празднике, но я болел и не было сил за один день приехать в Нальчик, так как телеграмму получил вечером 10 ноября, а ровно через 24 часа надо было быть на вечере и в форме, а какая форма с сопливым носом?!

Будь я там, я бы сказал всем, какое это счастье жить в одно время с Кайсыном, быть его другом и общаться с его доброй поэтической душой и мыслью.

Правда, праздник наш я отметил у себя большой статьей в газете – «Кайсын Кулиев – поэт доброты» – и переводом на осетинский трех стихотворений. Другого я ничего, к сожалению, не мог сделать. И все же надеюсь, что твое 60-летие я сумею отметить вместе с тобой, Гришом Плиевым и Хаджи-Муратом Дзуцуати.

Будь здоров, брат мой, и радуй по-прежнему людей и землю своим бытием, своим словом, своей песней доброй и красивой души!

Здравствуй, Кайсын! Здравствуй и ныне, и присно, и во веки веков!

Обнимаю и целую тебя,

твой *Нафи.*

IV

Телеграмма писателей Северной Осетии, в числе которых был и Нафи Джусойты, Кайсыну Кулиеву

Дорогой Кайсын Шуваевич! Писатели Северной Осетии по-братски обнимают тебя в день твоего 60-летия и желают тебе, выдающемуся певцу седых гор Кавказа, человеку редкой доброты, исключительного жизнелюбия, общественному деятелю, долгих лет жизни, большого счастья и высокого вдохновения.

Твоя поэзия глубоко национальная, в то же время излучает свет общечеловеческих идей и потому близка и понятна всем.

Мы, осетины, еще признательны тебе и тем, что ты являешься одним из первых переводчиков на балкарский язык произведений великого сына Осетии Коста Хетагурова.

V

Письмо Гриша Плиева Кайсыну Кулиеву (по поводу Нафи Джусойты)

Кайсын, сердечный друг, здравствуй! С большой радостью и благодарностью я прочитал в «Литературной газете» твое слово о нашем Нафи. Низко кланяюсь тебе и произношу бесхитростное слово осетин: бузныч.

Болезнь не дала мне возможность своевременно поблагодарить тебя за отзывчивость, за искреннее слово твое о хорошем друге, нашем земном человеке, о труженике Нафи Джусойты.

Данное короткое письмо тоже о нем. В связи с 50-летием со дня рождения Нафи ничем не отмечен, кроме любви и уважения к нему со стороны друзей –

писателей и многочисленных читателей, которые прислали ему свои поздравления.

Ты, дорогой Кайсын, человек, чье слово имеет большой вес, поговори с Расулом Гамзатовым. Я ему тоже лично написал письмо. Он член правительства, член Президиума Верховного Совета. Неужели ничего нельзя сделать, чтобы Нафи был представлен к правительственной награде Союзом писателей?

Это сугубо личное письмо о нем, кроме тебя никто не должен знать, тем более сам Нафи, который не терпит и не признает никаких наград и славословий, не имеющих непосредственного отношения к качеству и количеству произведений художественной литературы. Но нельзя же 50-летие такого писателя оставить без внимания?

Летом мы планируем проведение его вечеров поэзии в Северной Осетии в школах и колхозах. На один из этих вечеров пригласим и тебя, дорогой друг, если, конечно, найдешь возможность приехать.

В данное время Расул Гамзатов, кажется, находится в какой-то африканской стране. По возможности, если его увидишь, убедительно прошу тебя поговорить с ним о Нафи.

Подборки твоих стихов с неубывающей радостью читаю на страницах периодической печати, а книги твои — на книжных полках моей домашней библиотеки занимают самое почетное место. В душе моей они тоже занимают главное место.

От всего сердца желаю тебе новых, еще больших успехов в прекрасной твоей творческой жизни.

Всегда твой *Г. Плиев.*

P. S. Прости, что пишу на машинке. Глаукома несколько ослабила меня, что от руки почти никогда не пишу: плохо вижу.

Местное руководство Южной Осетии и писатели никого не представляют к награде. А может быть, это дело можно продвинуть с помощью Григола Абашидзе, чтобы он повлиял на руководство обкома Юга Осетии?

Черкни мне пару слов.

VI

Кайсын Кулиев о Нафи Джусойты

(Из статьи «Широкие горизонты» о творчестве Н. Джусойты)

...Недавно я читал очень хорошую книгу стихов осетинского поэта Нафи Джусойты «Мой горный край». В ней есть такие строки:

За крепостными стенами, как предки,
Отсиживаться я не собираюсь.
Пусть осаждает жизнь меня упрямо,
Я не укроюсь за хребтами гор.

Стихи хорошо и верно выражают душевный мир нынешнего советского горца, они говорят о широких горизонтах. Да, мы знаем о тех временах, когда действительно приходилось горцам сидеть за крепостными стенами. Камни этих стен помнят музыку и стоны. На них окаменела кровь храбрых и благодарных сынов нашей благословенной земли.

Стихи моего осетинского друга говорят о раздвинутых горизонтах. Они взволновали меня, вошли в мою душу. А написал он их полстолетия тому назад, скорее всего, я и не знал бы об их существовании, хотя и могу за день приехать на муле в аул Нафи Джусойты. Хотя нас разделяют всего несколько ущелий. А ведь было так. Мне как-то приходилось с горечью писать о том, что два великих горских поэта – осетин Коста Хетагуров и балкарец Кязим Мечиев, которые родились в один год, кажется, не знали о существовании друг друга. Они свои горькие жалобы высказывали только скалам. Так говорил Кязим Мечиев.

Мы сегодня можем сказать, что горцы ныне видят далеко, и суровые хребты Кавказа не заслоняют от них остальной мир с его древней культурой, наукой, великим искусством...

Письмо Кайсыну Кулиеву от редактора журнала «Фидиуаг» В. Гаглоева

Дорогой Кайсын Шуваевич! В феврале 1975 года у нас отмечается 50-летие нашего писателя (поэта, прозаи-

ка, драматурга, критика, переводчика) Нафи Джусойты. Мы бы хотели получить от Вас небольшой отзыв о нем и его творчестве, чтобы опубликовать в нашем журнале.

С надеждой посылаю Вам это письмо. Желаю Вам в наступающем году здоровья и больших творческих успехов.

Нафи Джусойты

КАЙСЫН И ЕГО НРАВСТВЕННЫЕ УРОКИ

Знаю, что ныне праздник. Праздник у поэта. И на душе у друга его и почитателя должно быть «торжественно и чудно». Вопреки сознанию, мне теснит сердце тихая, но неотвязная печаль... Двенадцать лет тому назад я был моложе Кайсына на восемь лет, ныне я старше Кайсына на четыре года!.. Двенадцать лет тому назад я знал: какая бы беда ни стряслась со мной, можно ее не страшиться. Одолею сам сотую долю беды, так все остальное возьмет на свои крутые плечи Кайсын, и «без меры возьмет, что останется». Ныне в ситуации всеобщей беды в стране мне горько и одиноко под бременем непосильной ответственности быта и бытия. В те годы я верил: в какую бы даль ни уехал Кайсын, я докричусь до него, и он вернется в родной Чегем, горы Кавказские, которым он приходился братом и соплеменником. В отрочестве я бывал пастухом на Черной горе и мог окликать друзей-пастухов с Белой горы. Ныне угнетает меня проклятое сознание: мне уже никогда не докричаться до Белой горы, на вершине которой он стал небожителем, словно наше доброе божество Апсаты... И с этим горестным сознанием живу и грущу. И чуть ли не ежедневно говорю с Кайсыном молча, безмолвно и безнадежно.

И все-таки, все-таки идет по земле Кабардино-Балкарии праздник Кайсын День торжества добра, красоты и мужества его поэзии. День живого общения с пленительным обаянием его личности и человеческого достоинства. И я тихо повторяю его же шутливое приветствие: «И здравствуй, Кайсын! И будь всегда!»

Сегодня праздник не только Кайсына, но и народа, родившего и лелеявшего поэта,– праздник балкарского народа. И я позволю себе не согласиться с автором фра-

зы: «Кайсын – великий поэт России». Понимаю, что автор хотел подчеркнуть всероссийское значение поэзии Кайсына, но он упустил из виду простую истину: Кайсын принадлежит к той весьма малочисленной породе поэтов-пророков, которые являются в этот мир по божественному зову:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!

И поэт такой вселенской судьбы, всемирной мудрости и всечеловеческой доброты, безусловно, принадлежит всем людям планеты Земля. Но это никак не снимает другой, изначальной меры исчисления, по которой Кайсын – великий поэт балкарского народа, который щедро одарил его своим поэтическим гением, который отдал Кайсыну свою судьбу, свой язык и голос, свое сердце и разум. И я низко склоняю свою голову перед балкарским народом, давшим нам всем, всему человечеству, Кайсына; перед мужественной печалью его героических песен, перед божественно талантливым Кязимом из аула Шики, без коих Кайсын – великий поэт – был бы невозможен.

Мне в жизни выпала завидная доля – почти тридцать лет имел счастье встречаться с ним, разделять с ним суету и маету нашего литературного бытия с его разливанным морем неизбывного труда и мучительных исканий. И мне хочется из сгустка впечатлений и долгого доверительного общения с Кайсыном выделить три урока нравственного сознания поэта, навсегда отложившихся в моей сердечной памяти.

Кайсын – великий поэт, и, казалось бы, сегодня наш долг говорить о его поэтическом искусстве. И это – правда. Но Кайсын – великий человек, и в таком случае мы также обязаны говорить о завораживающем обаянии и неповторимой самобытности его человеческого характера и личного достоинства. И это – тоже правда. Но есть и третья правда. Есть поэты, порой даже крупные и широко известные, у которых человеческое и поэтическое живут врозь и розни. Как говорили на Руси встарь: одесную – поэт, ошую – человек. А между ними – широкое

поле разноречия, несовместимости и неслиянности. В Кайсыне же изначально были слиты поэт и человек в единую, цельную и мощную сущность. В нем все поэтическое было человечно и все человечное – поэтично. За вычетом той малости, что в поэтическом выражении эта сущность выявлена в особой красе, в спресованном и укрупненном сгустке. И еще: в поэтическом выражении эта сущность, порой сугубо бытовая, возвышена до бытия в его живом и непреходящем очаровании. И потому, думаю, любое слово в поэзии Кайсына непременно будет и словом о Кайсыне, человеке необычайного обаяния и высокого достоинства. И, наоборот, говорить о человеческих качествах Кайсына – значит вести речь о его поэтической мудрости и самобытном артистизме его искусства. Вот почему, думаю, нравственные уроки Кайсына столь же важны для нас, как и уроки его творческих достижений.

Кайсын был неуемным творцом, неутолимым в жажде познания и поэтического преображения человека и мира. Он каким-то чудом добывал поэзию, добро и красоту даже из самых бытовых и неказистых явлений. И в этой своей жажде творить он порой выступал каким-то чародеем. Он искренно любил Александра Блока. Нередко повторял его четверостишие:

О, я хочу безумно жить!
Все сущее – увековечить,
Безличное – очеловечить,
Несбывшееся – воплотить.

Думаю, с таким безумно максималистским желанием жил и творил наш Кайсын. На земле всегда были есть и будут рыцари, в сердечной и интеллектуальной сути которых бессмертно «безумство храбрых». Но на земле есть и будут также истинные поэты, в сердечной сути и в сознании коих всегда живо и неугасимо «безумство мудрых», донкихотское очарование добродеянием. И этим «безумством мудрых» щедро был наделен Кайсын.

Но было в его человеческой сущности и другое качество, которое можно назвать жаждой сотворения добра не только людям, но и всему живому в Божьем мире. Из всех поэтов Кавказа второй половины XX века, быть мо-

жет, единственно к Кайсыну приложимы слова русского поэта:

Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!

В дружеском ли кругу, за пиршественным ли столом, на большом ли собрании писателей Кайсын всегда притягивал к себе людей своей простотой, особым тактом и свободой в общении, каким-то неизъяснимым светом, который он излучал. У него в душе был какой-то источник света и тепла, или, как он сам сказал,– «светило души»: «У каждого в душе его светило по-своему уходит на закат». И пока это светило не закатилось, мы все, знавшие или хотя бы видевшие Кайсына, зачарованно шли к этому негасимому свету.

Каждый из нас, пожив среди людей, рано или поздно замечает, что есть чисто внешняя, кажущаяся доброта. С ней в ладу многие люди, ибо она ни к чему не обязывает. Но есть и подлинная доброта, которая живет в человеческой сущности как нравственное чувство и сознание. Она – трудная и требовательная обязанность, а не право. Поэтому она встречается редко, особенно среди литераторов.

Кайсын был подлинно добрым художником и мыслителем. И когда мы наедине судили-рядили о том, что есть человеческая доброта, перебирая свои соображения, разглядывая их со всех сторон, перебрасывая мысль с ладони на ладонь, словно горящий уголек, то, естественно, дошли до вопроса: что может быть критерием определения истинной доброты? Сошлись на том, что самым трудным и верным испытанием доброты может быть отношение к обиде и обидчику, способность человека прощать.

Сославшись на то, что нам, кавказцам, чуждо христианское всепрощение, я стал вспоминать и перечислять свои грехи. Кайсын слушал-слушал и вдруг неожиданно для меня признался: «Я человек отходчивый, забыл многие обиды, простил многих обидчиков, но одну обиду не могу забыть, хотя прошло более двадцати лет. Никогда не помышлял нанести ответную обиду, но забыть не удается...» Обида состояла в том, что один опытный поэт

упорно не хотел допустить издания первой книжки стихов Кайсына. Книжка все же вышла, и Кайсын недоумевал: как это опытный поэт не смог увидеть среди незрелых юношеских стихов отдельные удачи, заявку на подлинную поэтическую мысль и поддержать юношу, коему предстояло стать поэтом?

Мы долго перебирали возможные мотивы поведения обидчика с тем, чтобы найти объективное оправдание его поступку и простить его. Мне вспомнилась одна осетинская пословица: в теленке можно угадать будущего могучего вола, но, чтобы угадать, надобно быть мудрецом. И предложил: опытный поэт не оказался мудрым, Бог его обидел, и нам, людям, стоит его простить. Кайсын рассмеялся уступил: «Ладно, молодой вол убедил старого вола. Простим опытного поэта за сердечную недостаточность, или, как ты говоришь, за отсутствие мудрости и проницательности...»

Прошло несколько лет, и я узнал от других писателей, что Кайсын обратился к Мальбахову, главе республики, с письмом-просьбой о присвоении давнему и состарившемуся обидчику высокого звания народного поэта Кабардино-Балкарии. Таков был Кайсын.

В журнале «Дружба народов» должны были опубликовать одну пьесу Кайсына. Зашли вместе к заведующему отделом узнать о судьбе пьесы. Этот работник редакции не был писателем. За глаза все звали его Петровичем. Оказалось, что он против публикации, но по мотивам, не имеющим отношения к содержанию произведения. Объяснения его были расплывчаты и наивно беспомощны, но высказывал он их весьма категорично. Кайсын обиделся и резко оборвал его: «Со мной так говорить нельзя. Я все-таки Кайсын Кулиев, а ты – Петрович!» Разобиделся и рецензент. Назревала ссора, и я попросил Кайсына выйти во двор Союза писателей якобы по какому-то неотложному делу. Минут десять покружили вокруг памятника Льву Толстому, и вдруг Кайсын, уже остывший, говорит: «Знаешь, я все-таки зря погорячился и обидел человека. Он же однорукий, инвалид войны. Он же не виноват, что уродился Петровичем, зачем его обижать? Пойду и попрошу у него прощения. Ты со мной не ходи, еще скажут, что ты меня уговорил мириться».

Через несколько минут вдвоем вышли во двор. Петрович что называется сиял от счастья – сам Кайсын попросил у него прощения! Он все повторял: «Прости меня, Кайсын, великодушно! Это я виноват, я виноват!» Он пытался уподобиться Кайсыну в благородстве, но было уже поздно. Вторичность в благородстве также не имеет цену, как и в стихах.

Однажды Кайсын попросил меня подождать в его номере гостиницы, а сам пошел на встречу с читателями в одной городской библиотеке в Москве. Мне не позволил сопровождать его, мол, скажут, привел с собой друга, чтоб нахваливать его. Ушел он веселым, а вернулся чем-то опечаленным. Долго не хотел говорить о причине своей тревоги, но потом рассказал. Он встретил на обратном пути из библиотеки одного поэта, которому предложил помириться с земляком-литератором, с коим поэт был в ссоре. Тот не согласился с Кайсыном, сославшись на свой якобы нравственный принцип: «Я не умею прощать обиды никому!»

Вот это и опечалило Кайсына, и он долго возмущался людским неразумением: «Как можно быть поэтом и не уметь прощать обид?! В этом мире мы все вольно или нечаянно обижаем друг друга. Как же жить среди людей, если ничего не прощать и за все мстить?! Так и волки не живут! А мы же люди, а еще и поэты!» Таков был Кайсын.

Кайсын – не только великий поэт, но и великий читатель, проницательный ценитель поэзии. Его эссеистика – своеобразная лирическая проза, а точнее – мудрые и сердечные стихи в прозе. Это одна грань его большого таланта, а таланту, как известно, научиться нельзя. А вот отношению Кайсына к художественному наследию предшественников можно и должно учиться всем нам, литераторам Кавказа.

Кайсын несказанно любил балкарскую народно-героическую песню и в поэтическом, и музыкальном ее обличии. И пел эти песни великолепно.

...Это было в гостиничном номере «Москвы». Кайсын Кулиев, Гриш Плиев, Назар Наджми и я были в гостях у Расула Гамзатова. Не скажу, что во рту у нас не побывало и маковой росинки. Напротив, как любил говорить Расул, было там вдоволь и чам-чам и дам-дам. Как-

то разговор пошел о народной песне, и Расул предложил всем спеть народные песни на родном языке. И стали петь: Назар – на башкирском, Кайсын – на балкарском, мы с Гришем – на осетинском. Расул слушал и оценивал. Когда песня его трогала, он цокал языком или говорил односложно: «Хорошо!» Особенно ему понравились народно-героические песни: «Хорошо поете! Я слушал, и мне казалось, что это войска Шамиля в смертный бой пошли!..»

Когда я спросил Кайсына позднее, как он этому научился, то он объяснил: «Мальчиком я всегда пел на свадьбах в селе, вот и вся моя учеба». В 1975 году мы все вместе составляли книгу «Песни народов Северного Кавказа», комментировали их и написали к ним большое предисловие. Тогда особенно охотно напевал Кайсын свои любимые песни слегка хрипловатым, но исключительно выразительным голосом. Много говорили о значении народной песни в развитии нашей профессиональной поэзии. Кайсын считал народную песню и поэзию Кязима Мечиева первоисточником своего поэтического искусства и нравственно-эстетического мира.

Бог ты мой, с какой любовью и страстью рассказывал он о человеческом достоинстве и поэтическом подвиге хромого кузнеца и чародея в искусстве слова Кязиме Мечиеве! И нередко свои новеллистические миниатюры он заканчивал одним признанием: «В жизни я получил немало наград. Но самой большой и дорогой наградой в моей судьбе для меня было прикосновение жестких усов Кязима к моей юношеской щеке».

И, пожалуй, так же свято он относился к именам Пушкина и Лермонтова, которого он особенно часто любил цитировать. Однажды решили съездить в Центральный Дом литераторов (ЦДЛ) повидать друзей и пообедать. Остановили машину и поехали. Таксист и по обличию, и по фамилии выглядел кондовым русаком. Мы говорили, он молча прислушивался. Разговор шел о Пушкине. И вдруг Кайсын обратился к водителю: «Скажите, а вы любите Пушкина?» Тот недовольно буркнул: «А что мне его любить, зарплату, что ли, мне повысит?!» Кайсын оторопел от неожиданно меркантильного ответа и не находил слов, чтобы ответить. Некоторое время молчал, потом взорвался: «Останови машину, я не желаю

ехать с тобой дальше!» Кинул ему пятерку на сиденье и отчитал сердито: «Ты не только Пушкина, никого не знаешь. И никакой ты не русский человек, раз Пушкина не любишь!..» Хлопнул дверью, и мы пошли пешком. Всю дорогу Кайсын молчал, лишь у дверей ЦДЛ как бы отшвырнул от себя эту ссору как злое виденье: «Хам какой нашелся, у Пушкина зарплату просит!.. А еще русским себя считает...»

Думаю, третьим поведенческим уроком Кайсына, уроком, важным для всех нас, литераторов, можно назвать великое его трудолюбие. Он был неутомимым тружеником. А с виду казалось, что Кайсын, любивший веселое застолье, особенно в кругу близких друзей, часто разъезжавший по городам и весям, активно участвовавший во всякого рода собраниях, не имеет времени подолгу и серьезно работать. Казалось, он просто поет, как птица на солнцепеке, стихи ему достаются легко и без особого труда. На самом деле Кайсын, где бы он ни был, трудился почти ежедневно и неустанно. В гостиничных номерах Москвы я не раз заставал его за работой в такую рань, когда на ногах бывают лишь истые горцы, косари и хлебопашцы.

Он всегда возил с собой большие общие тетради, в которые записывал крупным размашистым почерком свой непрерывный поэтический монолог, раздумья о мире и человеке в нем, обо всем живом и значимом в повседневном жизнетворчестве людей. И это свое поведение объяснял просто: «Мне часто приходится быть в разлуке со своим письменным столом из-за поездок по стране и за рубеж, потому всегда тащу с собой большой «дефтер». (дефтер – с араб. – тетрадь.– *С. Э.*) Работаю в пути, иначе меня ни на что не хватит».

В предпоследний год его жизни мне привелось отдыхать и работать с Кайсыном по соседству, в Пицунде, в писательском Доме на берегу моря. Времени на прогулки и на разговоры у нас было мало, и мы решили: утром до восхода солнца (на солнце быть ему было противопоказано) купаться, разговоры вести с полчаса. В обеденное время столько же сидеть в тени камышовых зарослей, а после ужина прогуливаться неторопливо и, как говорят украинцы, размовлять. Кайсын эти минуты на беседы называл малым, средним и большим трепом. Остальное

время у нас уходило на работу над единственным большим произведением в прозе – романом на русском языке. «Трепались» мы все-таки о литературном быте, друзьях-писателях и писательском призвании и труде. И как-то Кайсын спросил меня с притворной серьезностью: «Угадай, если можешь,– какие особенные качества нужны прозаику в отличие от поэта?» Я начал считать: большой жизненный опыт, более обостренная психологическая наблюдательность, несравненно больший объем всяческих знаний, особый дар композиции, более всеохватное владение всеми слоями словаря национального языка... За каждым моим предположением следовал категорический приговор: «Не угадал!» В отчаянии я предложил еще: может быть, прозаику нужна большая усидчивость? Кайсын хитровато усмехнулся и сказал: «Это, может быть, ближе к истине, но что за канцелярщина – «усидчивость»! Какое-то нежное, кастрированное слово... Прозаику в отличие от поэта нужно иметь еще крепкую задницу! – вот, как надо формулировать!» – отчеканил Кайсын и от души рассмеялся, довольный, что разыграл меня.

Когда же я спросил его, почему свой роман он пишет на русском языке, Кайсын погрустнел и стал оправдываться: «Понимаешь, тебе я скажу без щукарства...» Это слово «щукарство» Кайсын придумал сам, обыграв фамилию шолоховского деда Щукаря, и обозначало оно в устах Кайсына пустое бахвальство. «Так вот,– продолжал он излагать свое оправдание,– скажу тебе без щукарства: долгим и упорным трудом и размышлением мне все-таки удалось обновить, перековать язык балкарской поэзии, язык поэтического воображения, чувствования и раздумья. Свои размышления, правда, я не излагал, а работал согласно с ними в стихе, в своей стихотворной практике... Чтобы то же самое сделать в нашей прозе, нужны многие годы. А я знаю, да и ты знаешь, что времени у меня в обрез... Кот наплакал... Вот и решил написать на литературном русском языке, давно отшлифованном, привычном для нас... Да и знаю его я прилично. Да не роман я пишу, это – мое... Нет, это ряд лирических новелл, размышлений, портретов симпатичных мне людей; пейзажные зарисовки чегемской зимы, лета, осени...

Это – продолжение моей лирики, скорее, нежели собственно роман...»

Меня поразила оборванная фраза: «Это – мое...» Мне почудилось: Кайсын хотел сказать – «мое завещание». Мне стало не по себе, дальнейшие его объяснения шли мимо моего сознания, я их едва улавливал.

Кайсын – самозабвенный труженик – довел все-таки свое намерение до конца даже в такой, невыносимой для его сознания ситуации, когда мысль о завещании неотвязно сопровождала желание работать над большим замыслом. Когда приходилось выпрашивать у Бога не годы, а буквально дни, чтобы завершить работу. И этот урок трудолюбия и преданности своему призванию, урок мужества великого труженика стал для меня тем самым эталоном, по которому стоит сверять собственное художническое поведение.

Кайсын, как щедрый Бог, все самое прекрасное и мудрое в его сердце и сознании оставил нам. Все, что еще мог, он отстоял в своем последнем сражении со смертью, а сам ушел в бессмертие. Нет, на вершину Белой горы!.. Когда-то Кайсыну под Чегемским водопадом я напевал осетинскую народную песню о друзьях-пастухах с Черной горы и с Белой горы. Песня Кайсыну понравилась, и он предложил: давай поделим эти горы; я старше тебя и буду пастухом Белой горы, а ты – пастухом Черной горы; будем перекликаться стихами или лучше песнями...

Вот мне и мнится, что Кайсын взорлил на вершину этой Белой горы и остался там навеки, небожителем. Никаким, даже самым несказанно мудрым, словом не утешить нам знавших и любивших Кайсына. И ничем нельзя унять боль разлуки с Кайсыном. Но сегодня, признавая его бессмертие, мы невольно должны примириться, хотя бы на день, с тем, с чем, в сущности, мириться невозможно.

Кайсын любил пословицу: молитва от повторения не стареет. И я повторяю слова давней, но желанной молитвы: Кайсын, пребудь с нами и с нашими потомками во все годы своего бессмертия! Пребудь ныне, присно и во веки веков!

...На школьной скамье я прочитал в романе Фарниона «Шум бури»: «За столом тамадой был старший из пастухов старик-балкарец Гургок. Он поднял рог араки и произнес молитву за здоровье гостей». Из романа я узнал о том, что Балкария – сопредельная с Осетией страна гор, край пастухов, доброго и трудолюбивого народа, всегда державшего открытыми двери своих саклей для друзей из Осетии: «Хош кельди!» – «Добро пожаловать!»

Балкарцев постигла трагическая судьба – народ без вины был выслан с родных гор. Страшное бедствие целого народа ранило мое сердце своей неправотой, но всю его трагическую суть я ощутил, узнав, что Балкария – край, создавший большую поэзию. Об этом ярко и образно сказала всему миру поэзия Кайсына Кулиева, заговорившего в полный голос в 1957 году, после того, как партия исправила несправедливость времен культа личности и вернула балкарцев в родные горы. Ныне Кайсын – один из лучших поэтов страны. Кроме того, он добрый друг осетинской литературы и осетинских поэтов.

Кайсын Кулиев и показал мне страну балкарцев. Мелодия песен Ботаза звенела в ушах, когда я глядел на горы Балкарии. Сурова красота Балкарии. Реки, словно меч Уастырджи, разрубили горы. Ущелья столь глубоки, что с вершины не разглядишь: то ли вода темнеет на дне ущелья, то ли густая мгла ночи застряла там. С отвесных скал бросаются вниз водопады, словно раненые туры. А в Чегемском ущелье из груди утеса бьет мощная струя, словно кровь раненого насмерть великана падает вниз.

Горные аулы, как близнецы, подобно нашим. Приветливый и гостеприимный народ. Мы ехали по Чегемской теснине на машине. Кайсын и его друзья, балкарские поэты: Т. Зумакулова, С. Макитов, С. Гуртуев, Гриш Плиев, Хаджи-Мурат Дзуцуати и я.

Нет, кто раз видел Балкарию, тот уже не сможет забыть ее. Прекрасен этот край. Добр и мужественен здесь народ, добрый сердцем и разумом. Его нелья забыть. А тот, кто не глух сердцем, навсегда запомнит песни балкарцев и их поэзию.

Родоначальником, главой балкарской поэзии является Кязим Мечиев. Он ровесник Коста Хетагурова, но

прожил долгую жизнь и умер в послевоенные годы в Средней Азии, в ссылке. Он оставил большое поэтическое наследие. Подобно имени Коста у нас, имя Кязима для балкарцев – самая высокая национальная святыня.

После Кязима самым талантливым представителем балкарской литературы является Кайсын Кулиев, известный по всей стране поэт. За Кайсыном вслед идут его младшие друзья.

Невелик числом балкарский народ, немногим более 40 тысяч человек, но поэтический гений этноса (это еще Горьким сказано) не измеряется числом. Малочисленный балкарский народ создал большую и яркую поэзию.

...Кайсын, пока буду жив, не забуду твое щедрое гостеприимство, ту бесконечную доброту, которую я испытал в тот счастливый день.

Передай мой сыновний поклон Саиду Шахмурзе. Скажи ему, что я готов, как сын, делать для него все, что мне он прикажет: косить, пахать, носить камни, рубить лес, прислуживать за столом, пасти скот – словом, все, что только в моих силах.

Это письмо Кайсыну Кулиеву написано в 60-х годах

Мухажир Ахматович КУЛЬБАЕВ (1918)

Мухажир Кульбаев – один из старейших партийных работников и общественных деятелей в 40–70-е годы, заместитель наркома просвещения республики. Один из друзей Кайсына Кулиева самого печального периода жизни поэта, когда его молодость совпала с большими невзгодами и тяжелейшими испытаниями для его родного народа. Он ровесник Кулиева, и дружба их началась в дни депортации балкарцев в Среднюю Азию, куда вскоре приехал и Кайсын.

Мухажир Ахметович Кульбаев родился в семье крестьянина-середняка в поселке Кашхатау, Черекского района, Кабардино-Балкарии. В 1930 году, после окончания начальной школы в Кашхатау, он стал учиться в Нальчике, в Ленинском учебном городке, а затем закончил фабрично-заводскую семилетку, рабфак в Пятигорске и исторический факультет педагогического института. В августе 1939 года он начал свою трудовую деятельность директором Верхне-Балкарской средней школы, потом был переведен в Псыгансуевскую СШ Урванского района. В апреле 1941 года назначен первым заместителем наркома просвещения Кабардино-Балкарской Республики, но качалась Великая Отечественная война, и Мухажир Кульбаев добровольно ушел на фронт. Участвовал в боях под Курском, был ранен. В чине капитана был демобилизован в 1943 году и стал работать в аппарате обкома партии инструктором. Вскоре его направили на учебу в ВПШ – Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), но в связи с высылкой балкарцев он тоже был депортирован в Среднюю Азию. В течение тринадцати лет испытывал тяжелую и унизительную жизнь спецпереселенца. Тогда он и встретился с Кайсыном Кулиевым. Об этом времени Мухажир Кульбаев рассказал журналисту Э. Онищенко, которая и опубликовала материалы к 80-летию со дня рождения поэта под заголовком «Кайсыну жить было нелегко» (Кабардино-Балкарская правда. 1997. 1 окт.).

КАЙСЫН БЫЛ ПОЭТОМ ОТ БОГА

Наша дружба с Кайсыном Кулиевым началась с первого дня приезда его во Фрунзе – весной 1945 года. И к этому я, можно сказать, был подготовлен Керимом Отаровым, который говорил о Кайсыне с восхищением и без устали, характеризуя его как человека редкого дарования. Он уверял меня, что мы понравимся друг другу и подружимся. Так и случилось.

Керим ждал его приезда, теперь уже к нему присоединился и я. Наконец мы дождались.

Керим и Назифа (супруга Керима) с радостью готовились принять Кайсына. Назифа это понимала по-своему – она старалась приготовить самое лучшее по тем временам угощение. Встреча друзей превратилась в настоящий вечер поэзии. Беседы, воспоминания сопровождались чтением стихов, рассказами о боевых действиях своих подразделений на войне. Кайсын с палочкой, чуть прихрамывая, ходил по комнате и с болью говорил о днях войны, подкрепляя сказанное стихами. Вечер продолжался допоздна и был настолько интересным, что дети отказывались идти спать.

Эти вечера поэзии тогда проводились через каждые два-три дня до самого возвращения на родину. Они проходили то в радости, то в горе. Вся наша повседневная жизнь была сопряжена с многочисленными неприятностями, связанными с комендантским режимом и другими притеснениями.

Как и предсказывал Керим, мы подружились с первой встречи. Не обходились ни одного дня друг без друга. Нас связывали и внутренние убеждения, и взгляд на жизнь, на общечеловеческие ценности.

Кайсын был удивительно обаятельным человеком. Он никогда не ставил себя выше всех, всегда вежливо уступал другому дорогу в самой простой среде. Такое поведение подкупало людей.

Тогда мы оба были холостыми. Я имел однокомнатную квартиру, и какое-то время мы жили вместе. Оба ухаживали за двумя подружками-ингушками. Я женился, а он еще продолжал некоторое время холостяцкую жизнь.

Я не ставлю перед собой задачу раскрыть творческую биографию Кайсына. Анализу его творчества посвящено много книг, брошюр, которые дали превосходную оценку его таланту. Я пишу эти строки, чтобы выразить свое личное отношение к его творческому дарованию.

Талантливый поэт балкарского народа, Кайсын Кулиев хорошо известен читателям. По сравнению с Кязимом Мечиевым и Керимом Отаровым, его творческая биография моложе, но по силе слов, яркости образов и мастерству он не только не уступает им, но в некоторой части и превосходит. Конечно, у каждого свой стиль, своя особая риторика, своя рифма, своя манера письма. Каждый из них хорош по-своему. В отличие от других, стихотворения Кайсына выделяются большей живостью, пафосом. Они носят боевой, наступательный характер.

Несомненно, Кайсын Кулиев принадлежал в то время к плеяде талантливой молодежи, творчество которой развилось в годы войны и в послевоенный период.

Находясь в годы Великой Отечественной войны в рядах Советской Армии, Кулиев был свидетелем неисчислимых людских страданий и призывал сокрушать вероломного врага, осмелившегося напасть на священную землю Отчизны.

В стихах военных лет он славит доблестную Армию, партизан, героический труд людей в тылу и призывает всюду бить врага, где бы он ни был.

В стихотворении «Ты выполнил свой долг» Кайсын, восхваляя солдата, выполнившего свой долг, в то же время клеймит позором тех, кто под разными предлогами увиливал от фронта.

Можно без преувеличения сказать, что одним из самых удачных творений во всей творческой биографии Кайсына Кулиева является стихотворение «Родимой стране», характеризующее его подлинное мастерство и талант. Он тепло и нежно воспевает природу страны, прекрасную и радостную жизнь ее народов. В словах, идущих от души, автор говорит: «Готов умереть за тебя, родимая моя страна». Или: «Ты для меня самый светлый день в мире». Эти и многие другие строки так красиво звучат на балкарском языке, что трудно даже передать. Чтобы не испортить их, я отказался от подстрочного перевода.

Сильно и трогательно написано стихотворение «Матери»:

Нигде не видел я приветливей глаз,
Вкусней не едал я, чем в доме у нас,
И рук в целом мире, наверное, нет,
Как те, что латали мой старый бешмет.

Нужно отдать справедливость Кайсыну Кулиеву – у него также хорошо получаются стихи, написанные на тему любви. Особенно следует отметить стихотворение «Женщинам». По силе слов и красоте описания оно может быть поставлено в один ряд со стихотворением «Родимой стране». Такая удача, вероятно, результат того, что сам автор прочувствовал на собственном опыте все то, что воспевает.

Из ваших рук умелых ели
И полководец и пастух.
Без вас бы сакли захирели
И в очагах огонь потух.

Хороши также стихи «Гармонистке», «Песнь моей любви», «Люблю тебя...» и другие. В стихах, посвященных Иссык-Кулю, широко используется местный колорит, рассказывается о богатой и счастливой жизни жителей Прииссыккулья.

Стихи Кайсына Кулиева в подавляющем своем большинстве значительны по содержанию и совершенны по форме. Они эмоциональны, афористичны, их лексика выразительна.

КАЙСЫНУ ЖИТЬ БЫЛО НЕЛЕГКО

(Беседа журналиста Эллы Онищенко с Мухажиром Кульбаевым)

– Мухажир Ахматович, расскажите, пожалуйста, как это произошло.

– Меня к этой встрече подготовил Керим Отаров, который говорил о Кайсыне с восхищением и без устали. Повторял, что это человек редкого дарования, и внушал мне, что мы обязательно друг другу понравимся. И по-

дружимся. Керим буквально «заразил» меня волнением ожидания этой встречи. Назифа, супруга Керима, старалась приготовить самое лучшее по тем временам угощение – она по-своему понимала «высоту» чествования дорогого гостя.

– А он? Каким он вам показался в первые же минуты?

– Он нам горячо обрадовался, но чествования никакого ему не было нужно. Чуть прихрамывая, опираясь на палочку, Кайсын мерил комнату стремительными шагами, с болью рассказывая о войне, и читал, читал стихи... Весна 45-го года – это, вы понимаете, праздник Победы со слезами на глазах. А для нашего народа – вдвойне со слезами. Мы очень много говорили, вспоминали, восклицали, грустили. Кайсын внес в дом Керима особую ауру, беседа затянулась допоздна, дети отказывались идти спать...

– Наверное, такие встречи были частыми...

– Через каждые два-три дня! И так все годы, до самого возвращения на родину. Тем для разговоров и переживаний множество – мы ведь были ссыльными! Притеснения давали о себе знать в самых различных ситуациях. Но яркое обаяние, дружба этого замечательного человека скрашивали мне, да и многим другим, горечь самых трудных минут.

– Вы как-то говорили, что день, проведенный без Кайсына, казался скучным, потерянным...

– Вот именно! Сейчас я могу четко сформулировать то, что в молодости шло на уровне чувств, эмоционального восприятия: Кайсын был не просто самобытен и талантлив. Он уже тогда, пусть даже загнанный в рамки ссыльного в далекие от бурлящего центра среднеазиатские степи, входил в плеяду по-настоящему талантливой молодежи страны. Она заявила о себе в годы войны и после нее.

– Многие земляки, разбирающиеся в тонкостях большой поэзии, считают, что уже тогда его имя можно было поставить вровень с Кязимом Мечиевым, Керимом Отаровым.

– Конечно, его творческая биография моложе, но по уровню мастерства он не только не уступает им, а в некоторой части и превосходит. Безусловно, и просто люди, и

талантливые поэты рано взрослеют, если им в юности выпадает столько испытаний: война, ссылка.

–Какие стихи молодого Кулиева вас особенно волнуют?

– Я не могу спокойно вспоминать фронтовые стихи, которые он читал нам во Фрунзе. Каждая строка, образно говоря, полита кровью страшных боев, в которых участвовал этот молодой человек с восторженной душой. Такие события вообще юную душу могли сломать. Но Кайсына горе не согнуло, оно только сделало его на много лет старше. Трудно передать, как красиво звучит на балкарском стихотворение «Родимой стране». «Я готов умереть за тебя,– говорит он родине, – ты для меня самый светлый день в мире». Чтобы не испортить впечатления, я, идя на встречу с вами, раздумал нести подстрочный перевод. А стихи «Люблю тебя...», «Гармонистке», «Женщинам»!.. И все-таки ничто не сравнится с его стихотворением «Матери». Знаете, когда он говорит, что каждая пуля, выпущенная на войне, попадает в сердце матери (неважно, на чьей стороне ее сын), это... это просто симфония человеческой трагедии. (Он машет рукой, не в силах справиться с волнением).

– Там, во Фрунзе, сразу после войны, Кайсын Шуваевич ведь не только читал стихи друзьям, но и печатался в местных изданиях?

– Конечно. И мне вспоминается человек, особо тонко и безошибочно распознавший в молодом стихотворце будущего большого поэта. Это литературный секретарь редакции газеты «Советская Киргизия» Елена Дмитриевна Орловская. Пожилая, интеллигентная женщина, высокий профессионал, она по одному лишь подстрочному переводу определила его талант. Всегда говорила тем, кто относился к поэзии Кулиева несерьезно: «Вы второго Кайсына не найдете. Это редкое дарование! Вы поверхностные, недальновидные люди!» И все тринадцать лет, что мы были в ссылке, она помогала ему.

– Сейчас трудно представить, что кто-то мог не принимать стихи Кулиева всерьез.

– С этим связана одна грустная история в его жизни. Вскоре после приезда во Фрунзе он влюбился в прекрасную девушку – ингушку. Собирался на ней жениться. Ее отец, человек очень волевой, грамотный, с деловой, прак-

тической жилкой, и в ссылке сумел найти приложение своим способностям, не сидел без дела, хорошо зарабатывал. Ему нравился Кайсын, он хотел бы видеть его своим зятем, но... только при одном условии: вместо «легкомысленного» пристрастия к стихам тот должен был заняться каким-либо солидным и доходным делом.

«Ты витаешь в облаках,– говорил он Кайсыну,– опустись на землю! Хочешь завести семью, ее надо кормить, а ты сам всего лишь случайными заработками перебиваешься...» Видели бы вы глаза Кайсына в эту минуту! (Мы были приглашены к этому человеку вдвоем). У него дрожало лицо, он был похож на ребенка, которого ударили. «Я стихотворец! – отвечал он.– Я... я могу поголодать вместе со стихами! Это же поэзия, как вы не понимаете!» Ему в тот момент как раз нужна была душевная поддержка, его работа в разных изданиях набирала силу, он с таким воодушевлением писал, с таким мастерством переводил свои подстрочники на русский язык. Но несостоявшийся тесть, конечно, ничего этого не понимал и слышать не хотел.

– Вы Мухажир Ахматович, наверное, защитили Кайсына?

– Что вы! Получилось наоборот. Решив помочь другу, я ляпнул хозяину совсем не то, что вы думаете. Говорю: «Ничего, Кайсын одумается, я ведь тоже занимался этим дурацким делом и бросил вовремя».

– Кайсын Шуваевич, конечно, обиделся?

– Да, но понял, что я хотел как лучше. Я ведь не мог постичь тогда, какой величины и глубины талант передо мной. Все равно, как если бы я сказал большому ученому: «Порви свои бумажки, выбрось свои исследования и поищи серьезную работу». С девушкой ему запретили встречаться, но рискну утверждать, что он больше переживал непонимание окружающих. Он ведь не лодырь был. Работал над стихами до изнеможения, они забирали его душевные силы. Но и давали радость огромную, если произведение получалось, нравилось ему самому.

– Говорят, что он был и душевно беззащитным и мудрым одновременно. Каким вы его больше помните в те годы? Часто ли он выходил из себя? Всегда ли справлялся с конфликтными ситуациями?

– Я чувствую, вы понимаете главное: у балкарцев, вообще всех депортированных, нервы тогда были на пределе. Тем не менее поступки Кайсына при всей мощи его темперамента все равно отличались, как бы сейчас сказали, адекватностью ситуации. Он ведь был очень умным человеком. Ну, вот два случая. Первый – когда мы узнали об инструкции ЦК партии, дающей спецпереселенцам право участвовать в выборах депутатов в Верховный Совет СССР. Мы, человек десять балкарцев, сидели в компании, куда пригласили и коменданта города Фрунзе. Когда я восторженно сообщил, что мы теперь имеем право голосовать, этот, извините, солдафон брезгливо сощурился: «Да вранье это! Никогда вам такого не позволят!» Я вспыхнул, стал доказывать, а он продолжал оскорблять меня. Тут Кайсын вскочил, вцепился в рубаху у него на груди и откинул его назад. Тот продолжал оскорбления, и его ударил Хизир Жанатаев. Драку прекратил опять же Кайсын, который никогда не считал такие стычки самоцелью или способом разрешать проблемы.

– А второй случай?

– Это было на маевке в Карагачской роще. Несмотря на наше униженное положение, мы считали себя советскими людьми и праздновали Первомай, кажется, 1947 года. У нас была гармошка, танцевали лезгинку. Появился целый наряд милиции: «Нельзя вам тут свои бандитские песни распевать!» Хотели всех взять и посадить. Кайсын здесь подавил свой гнев, он действовал благоразумно, понимал, что милиция воспринимает нас так, как ей внушили: они, мол, преступники, предатели родины. Он нашел в себе выдержку и мужество спокойно поговорить с этими «стражами» порядка, внушить им хотя бы минимум верного представления о сути происходящего. Кроме того, большую роль играло всеобщее уважение к нему в городе, в окрестностях – Кайсына любили, отличали от остальных. Запоминались его человечность, способность отдать другому последнее, его каламбуры, шутки.

– Он часто смеялся?

– Смеялся, а глаза всегда были грустными.

– Да, и на снимках в его сборниках этот контраст хорошо виден: улыбка широкая, чарующая, а в глазах – боль...

– Кайсыну жить было нелегко. Наверное, мало кто знает, что однажды он сказал такие слова: «Я не хочу жить». Это было в очень тяжкий, осенний, нехороший вечер 1948 года, когда нас заставили расписаться, что мы – переселенцы навечно. Указ Президиума Верховного Совета СССР гласил о том, что мы никогда не вернемся на родину. Кайсын был на грани душевного срыва, долго потом стеснялся, что не совладал со своими чувствами.

– Это очень тяжело. Расскажите же что-нибудь о Кайсыне веселом, огневом, бесшабашном...

– Могу вспомнить, как в дни, когда уже был, как говорится, виден свет в конце туннеля, он получил за свои произведения 11 тысяч рублей гонорара. И все их потратил на угощение в Москве сотен людей – друзей, знакомых, незнакомых... Он был очень щедрым, щедрым душевно. Был благородным, совсем не тщеславным человеком.

– Это действительно редкое качество...

– Трижды избирался депутатом Верховного Совета СССР, был, по сути, очень влиятельным человеком – народным поэтом, лауреатом Ленинской премии, и всегда оставался собой. Ему непонятно, незнакомо было высокомерие – он всегда выставлял впереди себя кого-то другого: «Вот хороший человек, талант, надо на него обратить внимание». Радовался, когда встречал одаренную молодежь.

– Мухажир Ахматович, на подаренном вам сборнике своих стихов он написал: «Дорогой Мухажир! Мы провели вместе, как братья, очень горькие, но все равно прекрасные, незабываемые дни – ибо мы были молоды. Поблагодарим жизнь за то, что сбылись наши мечты, которые мы лелеяли в те дни. Обнимаю тебя в эти дни твоего шестидесятилетия! Твой шестидесятилетний Кайсын, разбивший когда-то твой кувшин». Это надпись 1978 года, так ведь? А можно узнать, о каком кувшине речь?

– Конечно (*смеется*). Он вспомнил, как мы с ним в молодости устроили застолье на двоих, и он нечаянно смахнул кувшин со стола... Вообще, когда появилась возможность вернуться на родину, когда мы воспрянули духом, а Кайсын буквально расцвел, многое уже вспоминалось по-веселому. Мы продолжали подшучивать друг

над другом, предсказывать будущее... Еще в ссылке он мне заявил: «Ты будешь не меньше, чем секретарем обкома!» А я ему: «А ты – народным поэтом!» Получается, сбылось. А когда уже в Москве я учился в аспирантуре, а он на литературных курсах,– зашли в книжный магазин: «У вас есть трехтомник поэта Кайсына Кулиева?» Продавщица, не моргнув глазом: «Пока готовится! Будет не раньше, чем через год». Шутила или что-то знала – трудно сказать. Но нам было очень приятно. Только одно его предсказание больно вспоминать: согласился, что будет великим поэтом, но зато утверждал, что рано умрет. Но давайте не останавливаться на этой тяжкой ноте.

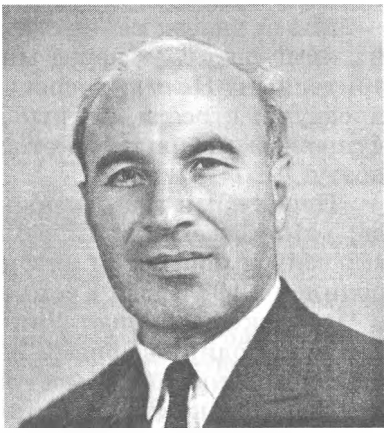
– Давайте. Вы как-то говорили, что в последние годы его интересовала политическая деятельность – опять же борьба за справедливость, защита простого человека...

– Политическая карьера – почему бы нет? Ему вполне была бы по плечу любая высокая должность. А понятие кресла его бы никогда не испортило. Он бы и не догадался, что на ответственном посту можно быть более важным, поменять осанку или чванливо сдвинуть брови...

– Не представляю Кайсына Шуваевича со сдвинутыми бровями и надменным лицом.

– Я тоже. Пусть он всегда улыбается людям со страниц своих книг. А я рад, что видел эту улыбку воочию.

Адам Огурлиевич ШОГЕНЦУКОВ
(1916–1996)



Адам Шогенцуков является классиком кабардинской литературы. Один из талантливых поэтов, он еще задолго до Великой Отечественной войны был известным поэтом, которого любили и знали его земляки.

Родился он в селении Старая Крепость. После окончания средней школы Адам Огурлиевич поступил в педтехникум Нальчика, а затем в Кабардино-Балкарский пединститут. Получив педагогическое образование, Адам Огурлиевич мечтал работать педагогом, но судьба распорядилась по-другому. В период Великой Отечественной войны он сражался на фронте вместе с другими писателями и как поэт стал широко известен в годы войны.

В послевоенные годы он работал в научно-исследовательском институте, преподавателем пединститута. Затем был министром культуры республики, а в последние годы – председателем правления Союза писателей КБАССР.

Адам Шогенцуков окончил Высшие литературные курсы в Москве, много времени отдавал общественной работе. За свою многолетнюю работу на поприще образования и культуры был награжден орденами, медалями и Почетными грамотами.

В историю кабардинской литературы он вошел как поэт-лирик. Его первый сборник стихов вышел в 1951 году на родном языке.

Успешно он работал и в области прозы. В 1956 году выпущена отдельной книгой первая часть повести «Весна Софият», а в 1962 году эта повесть была издана полностью.

Адам Шогенцуков известен и как переводчик. Им переведены на кабардинский язык отдельные произведения Шекспира, А. Навои, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и других писателей и поэтов мира.

Многое сделано им и в области литературоведения и критики. Его творчество и литературно-критическое наследие широко известны в нашей стране и за рубежом.

СЛОВО А. ШОГЕНЦУКОВА НА ВЕЧЕРЕ ПОЭЗИИ К. Ш. КУЛИЕВА

Сегодня выступит здесь наш друг – балкарский поэт Кайсын Кулиев.

Мы не знаем, какие стихи он прочитает, какую из своих книг раскроет перед многочисленными читателями-зрителями. Но мы уверены только в одном, что сейчас прозвучат строфы, полные доброго, сердечного огня, той душевной щедрости, которая свойственна настоящему поэту.

Перед нами два новеньких сборника Кайсына Кулиева: «Мои соседи» и «Хлеб и роза». В одном из них под скромным портретом автора скупо сказано, что Кулиев родился в 1917 году в семье горца-скотовода и охотника, в Чегемском ущелье. Учился. Писал. Сражался за советскую Родину во время Великой Отечественной войны, стал коммунистом. Имеет награды.

Но зато с какой полнотой, с каким покоряющим блеском, с какой волнующей простотой подлинной художественности раскрывается перед нами личность поэта в его стихах!

«Соседи» Кулиева – это простые люди, населявшие мир его детства и юности, начиная от кузнеца-балкарца, лукавого балагура Карабаша, и кончая русским учителем, трогательно-скромным Борисом Игнатьевичем. «Соседи» и друзья поэта – это солдаты Великой Отечественной войны, незабвенные фронтовые спутники. Это строители и садовники, люди, выращивающие хлеб и розу, «чтоб счастье людское цвело».

Стихи Кайсына Кулиева пронизаны токами подкупающего жизнелюбия, той мужественной и умной веселости, по которой сразу узнается художник большого человеческого сердца.

И еще надо сказать о Кулиеве: он поэт-горец, певец родного Кавказа. Мы мало знаем поэтов, которые с такой любовью, с такой проникновенностью, с такой сыновней зоркостью писали бы о горах Кабардино-Балкарии.

Поэтическому зрению Кулиева доступны не только величаво-грозные явления родной природы, но и самые сокровенные, скрытые от глаза равнодушного. В его стихах живут орлы и туры, горные обвалы и резвые реки,

живой румянец горной смородины и запах испеченной на углях кукурузы. Горы у него толпятся, как съехавшиеся на праздник «бритоголовые горцы», и тучи над ущельями – будто косматые партизанские папахи. Горный дождь приходит к нему, как добрый друг, с которым можно вести самый задушевный разговор.

И возглас поэта:

Жизнь!
Как люблю я
орлиную силу твою! –

вполне естественен, убедителен.

О жизни и для жизни поет Кайсын Кулиев, талантливый советский поэт.

Выступление Адама Шогенцукова в 1967 году в связи с присуждением К. Ш. Кулиеву Государственной премии РСФСР

Дорогие друзья!

Все мы сегодня испытываем высокое чувство радостного удовлетворения: из Москвы пришла хорошая весть – одному из лучших советских поэтов, нашему Кайсыну Кулиеву присуждена Государственная премия РСФСР им. М. Горького за книгу стихов «Раненый камень».

Книга эта – поэзия духовного восхождения человека, книга необычайной высоты видения мира. Автор этой книги, Кайсын Кулиев, являясь человеком необычайной душевной щедрости, вглядывается в жизнь, ее краски, вслушивается в ее живую музыку с высоты большой правды, с вершин будущего. А в будущее он смотрит всегда юными глазами, задыхаясь от восторга. Вот почему его великолепная поэзия отмечена высокой премией имени М. Горького. Она полна неуемной звонкой энергией молодости, чувством ликования и радости, высокого человеколюбия и гордости.

От всего восторженного сердца я приветствую нашего Кайсына, великолепного поэта, поздравляю его от себя лично, от всех его собратьев по перу с заслуженной наградой – присуждением Государственной премии РСФСР

им. М. Горького – за выдающееся произведение литературы – сборник стихов «Раненый камень».

Я поздравляю и всех, кто вдохновляет Кайсына на создание звонких и лучистых стихов. От всего сердца поздравляю и вас, дорогие почитатели поэзии Кайсына Кулиева!

Пусть долгие годы здравствует Кайсын, творя на радость нам всем, во имя мира, благополучия, победного торжества и нового расцвета советской Родины, во славу партии и народа, которые достойно, высоко оценили Кайсынову поэзию, полную человеколюбия и великой веры в то, что «останется добро, свет не погаснет звездный»!

Сердечный хох тебе, Кайсын!

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И ДОЛГОЛЕТИЕ ПОЭЗИИ

В поэзии К. Кулиева с первых же ее стихов встает человек с солнечной щедростью души, современник наш с суровым величием гор, человек-кремень – добрый и твердый, готовый высекать из себя огонь и свет для добра.

Кайсын Кулиев родился в маленьком горном ауле, зажатом в некогда диких теснинах Чегема, где «как туман, в аул ползла беда». Ровесник великого Октября, он сейчас в ярком расцвете творческих сил.

Сын горца-скотовода, охотника, получив среднее образование, учится в московском вузе, а в годы Великой Отечественной войны – мужественный солдат-парашютист, боевой офицер – проходит мучительно тяжелый путь отступления от Прибалтики до Орла и славный, полный мужества и отваги, путь наступления от берегов Волги до Севастополя.

Немало горя и бед повстречал поэт на дорогах жизни. Но ничто не смогло убить в нем горячую веру в добро, в торжество жизни, умение снова и снова восторгаться и радоваться жизни.

Высокий оптимизм, постоянная жажда добра, светлое человеколюбие, неистовое желание нести в мир радость научили Кайсына Кулиева думать о большом и важном в жизни, ставить и решать проблемные творческие задачи. На главной магистрали борьбы и труда закалился

его лирический герой, научился проходить, «головы не склоняя, мимо бездны, взвалив на широкие плечи камни бед», и быть «и железом и огнем, быть и молотом и наковальней».

По этой магистрали идет и по сей день Кайсын Кулиев, живя бурями и страстями нашей эпохи. Он вглядывается в жизнь, в ее краски, вслушивается в ее живую музыку с высоты большой правды, с вершин будущего. А в будущее он смотрит всегда юными глазами, задыхаясь от восторга. Поэтому великолепная поэзия Кулиева – порыв в будущее, к «улетающим в звездные дали», где

Все счастье в мире: счастье – звук и стих,
И полдень солнечный, и ночь морозная,
Улыбка милой, смех детей твоих,
Работа и луна, и небо звездное.

Его поэзия сильна полнотой пульса жизни, неуемной звонкой энергией молодости, чувством ликования и радости. Он взволнованно восхищается и нежностью только что раскрывшегося горного цветка, и ликующим шумом летнего ливня, и нетронутой чистотой снежных вершин, и громовым хохотом горных лавин, и живым кипением наших будней, где люди дышат животворным воздухом строительства и созидания, где верность, братство и сердечное единение стали нормой во всем и везде.

Судьба земли, судьба человека едины в поэзии Кулиева. Он с одинаковой горячностью и мужественной решимостью бойца готов защищать землю от беды, а людей – от боли и горя. Нельзя не верить поэту, когда он говорит:

Как тот солдат, погибший в чистом поле,
Я вас люблю до слез. И потому
Я ваше сердце заслоню от боли,
Пусть будет больно сердцу моему.

Поэт мечтает:

Стать бы мне, земля, высокой кручею,
Чтоб щиту надежному под стать,
Огненную молнию гремучую
До твоей груди не допускать.

Кайсын Кулиев – поэт-лирик. Лирика его всегда непосредственна, чутка и проста. Простота – то непременное условие художественности его поэзии, при котором он достигает изумительной свободы словесной выразительности, музыкальности. Лирика Кулиева полна буйства красок и света, песенной доброты и задушевности. В ней гимн всему живому, свет жизнеутверждения, активно гуманистическое мировоззрение. Неистребимая сила жизнестойкости в таких стихотворениях, как «Весны я не встречу...», «Я люблю самоотверженность и смелость тура...», «Горные вершины», «Гроздь винограда», «Стоустое слово» и других.

В поэзии Кайсына Кулиева духовный мир человека всегда слит с великими процессами нашего времени, наполнен его содержанием. Поэт пишет о том, что представляется ему более важным для людей, для раскрытия высокого нравственного облика современника, для показа наполненности его души человеческими идеалами. Говоря о своем лирическом «я», поэт приходит к точным обобщениям, к широкому показу нашей действительности с ее порывами, стремительными взлетами, удачами и трудностями.

Наряду с глубокими философскими размышлениями о жизни, о земле, о человеке, о мире, дружбе и войне в его стихах – и «чуткость рассвета...», и «искренность детского смеха...», и «нежность девичьей улыбки...», и «чистый пламень лесной калины», и «дыхание и хлебный запах земли...», и «вкус и аромат свежевыпеченного хлеба...», и «сочный треск спелого арбуза». Ему близки деревья и камни, горы и скалы, прозрачные родники и потоки горные. Его трогает до слез тихая грусть колыбельной песни.

Все творчество Кайсына Кулиева связано с горами. Оно – постоянное восхождение на новые вершины, открытие неизведанных поэтических высот. С этих вершин мир видится ему дальше, масштабнее, глубиннее воспринимает он наше сегодня и солнечную даль грядущего.

Кайсын Кулиев – поэт, обладающий орлиным взором, поэт, нашедший волшебный масштаб всеохватывающего видения нашей современности. Общественная зрелость

идеи, ее гуманистическая глубина и значимость сделали его поэзию новой ступенью в развитии самосознания горцев. Гражданственность этой поэзии – прежде всего живая мысль, мысль зоркая, видящая и заботливо отражающая общечеловеческие интересы и чаяния всего общества. Всегда служить людям, активно сопутствовать их делам, отдать весь огонь своего сердца всемирному братству добрых людей – высокий идеал поэта. Поэтому гуманистический интернациональный мотив наполняет поэзию Кулиева общечеловеческим содержанием, где утверждается неодолимость жизни как нравственный подвиг в борьбе добра со злом, человеколюбия с человеконенавистничеством. Поэт нежен и строг к доброте. Он только за «ту доброту, что пред жестокостью вдруг не растает, словно снег».

Читатель восторгается и доверчиво раскрывает свое сердце в ответ на трогательно участливое обращение поэта к человеку:

Ты скажи на милость, человек,
Чье лицо покрыто тенью,
Что с тобой случилось, человек,
Где решил искать ты утешенья?
Перед тем, как разойтись нам прочь,
Сетуя на дождь и непогоду,
Чем, скажи, могу тебе помочь,
Что мне сделать, брат, тебе в угоду?
Я в одну, а ты в другую даль,
Мы уйдем, и разлучит нас вьюга,
Стал я старше на одну печаль,
Ты – на одного богаче друга.

В этих строках звучит страстная самоотдача людям, желание избавить их от тени печали.

Широка поэзия К. Кулиева, многогранна. Добра она, как луч солнца, чутка, как рассвет. Поэтому так отзывчива она, проникновенна. Ей радостно открывают читатели свои сердца, ибо она «нужна, словно лошадь в дороге... словно бурка в метель...». В ней – «твердость камня, винограда нежность». Чутка и неизменна любовь самого К. Кулиева к песням. Он восторгается песнями Тициана

Табидзе и Симона Чиковани, Гарсиа Лорки и Расула Гамзатова.

В стихах Кулиева возникают образы великих поэтов – Пушкина и Лермонтова. Ему доступны бурное ликование музыки Бетховена и высокое искусство великого Шопена. А вечный подвиг Прометея стал для К. Кулиева мерилом духовной стойкости.

Все творчество Кайсына Кулиева пронизано беспредельной любовью к людям труда. С трогательной сердечностью и глубоким уважением говорит поэт о натруженных и «золотых руках» горцев, которые «тесали камень, закаляли клинки... косили пшеницу, ворошили зерно... возводили дома, огонь разводили в ледяных очагах». Эти люди не затеряны в горах. Под их молотом звенят ныне наковальни в кузницах, они управляют сложной техникой, они учат и учатся. Над ними гудят ветры истории, ветры советской эпохи, слышатся раскаты могучей поступи людей новой судьбы. Их лица одухотворены и освещены интеллектом.

В творчестве К. Кулиева большое место занимают поэмы. Они заслуживают особого разговора. Нам хочется коснуться лишь двух из них: «Перевал» и «Горская поэма о Ленине», в которых с наибольшей художественной яркостью и этической силой проявились талант и мастерство поэта.

«Перевал» – это поэма о мужестве, о высоких моральных качествах советского человека. В ней поэт нарисовал скульптурно выпуклые, резко очерченные образы современных горцев, действующих в драматически напряженных и сложно накаленных обстоятельствах.

Человек, «самый земной изо всех прошедших по земле людей», стал героем «Горской поэмы о Ленине», в которой созданы также обаятельные образы горцев-большевиков. Поэт видит Ильича как с высоты Эльбруса:

Всегда видна с заоблачных вершин,
Как сердце друга, дальняя равнина.
А все, что Ленин на земле свершил,–
Для всех веков нагорная вершина.
О мой Эльбрус! Ты и высок, и бел,
Таких вершин в Европе не отыщешь,
Но Ленин выше в развороте дел,
И мысль его снегов Эльбруса чище.

Вечно на земле великое дело Ленина. Бессмертно всепобеждающее его знамя.

Как вешним травам на лугах расти,
Шуметь деревьям, зеленью блистая,—
Так ленинскому знамени цвести
Над всей землею, гибели не зная.

Стихи К. Кулиева, оставаясь глубоко национальными, сохраняя самобытное своеобразие горской поэзии, будучи кровно связаны с жизнью и судьбой своего народа, раздвинули национальные и географические границы родной поэзии. Поэт обогатил ее образы опытом мировой поэзии, сделал достоянием общечеловеческой культуры.

Кайсын Кулиев лепит свои поэтические образы не из хрупкого гипса. Против он и мраморной гладкости. Свои образы К. Кулиев высекает из гранитных скал народной жизни, оттого они так монолитны и суровы. В его поэзии нержавеющая сталь партийности и народности, оттого в них жизнестойкость и долголетие.

Кайсын Кулиев об Адаме Шогенцукове

Выступая на торжественном вечере, посвященном 60-летию со дня рождения Адама Огурлиевича Шогенцукова, Кулиев говорил:

«Место Адама Огурлиевича Шогенцукова в нашей литературе и общественной жизни давно определено тем вкладом, который он внес в нашу культуру.

Он у нас один из значительных и крупных писателей, мастер кабардинской поэзии и прозы, знаток языка, сыгравший значительную роль в развитии всей культуры республики.

Мы чествуем Адама Шогенцукова, народного поэта нашей республики, преданного певца любимой Кабардино-Балкарии, известного писателя, произведения которого переведены на многие языки не только народов СССР, но и зарубежных стран. Повесть «Весна Софият» издана в Японии.

Мы чествуем его как общественного деятеля – председателя Союза писателей, депутата Верховного Совета КБАССР и заместителя председателя Комитета защиты мира.

Позвольте, товарищи, от имени всех присутствующих сердечно приветствовать и горячо поздравить Адама Огурлиевича с его славным 60-летием и высокой наградой Родины и пожелать ему долгих лет здоровья и вдохновения. Живи и здравствуй, дорогой Адам!

Дорогие товарищи! Торжественный вечер, посвященный 60-летию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии Адама Огурлиевича Шогенцукова разрешите считать открытым!

Некоторые архивные материалы, касающиеся дружбы Кайсына Кулиева и Адама Шогенцукова

В своем письме от 17 февраля 1972 года Михаил Алексеев писал Кулиеву: «Дорогой Кайсын! Нахожусь в Ессентуках, в санатории им. Калинина. В ясные дни из своей 513-й палаты вижу белую папаху Эльбруса. А вчера великан сам пожаловал ко мне в гости и долго говорил со мною мудрым и славным языком твоих стихов, Кайсын!

Не скрою, давно я не испытывал такого наслаждения от поэзии... Я и моя жена, Полина Андреевна, сидели перед телевизором совершенно очарованные.

Хвала Творцу, посылающему нам время от времени, к сожалению очень редко, таких поэтов.

Будь же здоров и славен, Кайсын!

Обнимаю

Михаил Алексеев, который будет пребывать в виду твоих гор до 6 марта 1972 года. Сердечный привет Адаму Шогенцукову и Берту Гуртуеву и всем друзьям-горцам.

Письмо послал в СП КБАССР. На имя Кайсына Кулиева. Лично».

Письма Наума Гребнева

14 июля 1977 года Н. Гребнев писал К. Кулиеву в Юрмалу:

«Я получил приглашение от Адама Шогенцукова на сентябрьские дни в Нальчик. С радостью приеду, если доживем, конечно. Передай привет всем, кто с тобой».

«...Не помню, писал ли я тебе, Кайсын, что Адам Шогенцуков пригласил меня на 10 сентября в Нальчик? Я с радостью принял его приглашение».

Борис Петрович
ЧЕРЕМИСИН
(1923)

Борис Черемисин родился 21 января 1923 года (официальная запись – 7 февраля 1923 года) в селении Селезни, Лысогорского уезда, Тамбовской области.

Отец, Петр Фролович, из большой крестьянской семьи, рано начал работать. Участвовал в боях с бандами, был добровольцем Красной Армии.

Мать, Александра Емельяновна (девичья фамилия Алехина), тоже из большой крестьянской семьи. Выйдя замуж, была домашней хозяйкой. В годы ВОВ руководила сандружиной, помогала ухаживать за ранеными в госпитале.

16 июня 1941 года он получил аттестат об окончании средней школы № 1 города Тамбова. 20 июня был призван в армию. Позднее о людях поколения, сражавшегося на фронтах, написал повести: «Третье лето», «Вера», «Дальний прицел», «Людмила», «Раиса», «Курсантские письма» и другие.

Окончил Мичуринское военно-инженерное училище, Центральные курсы минных заграждений и особой техники. Практический опыт по минированию и разминированию приобрел на Донском фронте, на Курской дуге. Он пригодился, когда снимал мины, уничтожал снаряды, авиабомбы в Воронежской области, Белоруссии, Литве.

В ряды ВЛКСМ вступил в 1938 году, в члены партии его приняли на фронте 9 сентября 1943 года. Через несколько дней при выполнении боевого задания был тяжело ранен. В госпиталях лечился до марта 1944 года.

Демобилизовался в декабре 1945 года. В сердце теплилась давняя мечта – писать. Он поступил в Тамбовский пединститут на факультет русского языка и литературы, потом в Литературный институт им. А. М. Горького на заочное отделение. Закончил оба института.

Работал корреспондентом «Комсомольской правды», ТАСС, «Правды». С января 1960-го по июнь 1988 года был редактором газеты «Кабардино-Балкарская правда».

Избирался членом Кабардино-Балкарского обкома КПСС, Депутат Верховного Совета КБАССР пяти созывов. Пятнад-

пять лет был членом Комитета народного контроля республики.

Заслуженный работник культуры РСФСР, почетный колхозник колхоза «Красная нива» Майского района.

Имеет награды: ордена Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почета», медали.

Дважды награждался Почетными грамотами Президиума Верховного Совета КБАССР, Почетной грамотой редакции газеты «Правда», Почетной грамотой Союза журналистов СССР.

Автор двух романов: «Светлореченские березы» и «Это любовь», десяти пьес (четыре из них поставлены), десяти повестей, большого числа рассказов и очерков.

НАША ДРУЖБА НАСЧИТЫВАЛА ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Может сложиться впечатление, что Кайсыну, как гению, поэту, все давалось легко и просто. Это не так. Да, я был свидетелем минут его торжества, высокого, безусловного успеха. Но мне пришлось быть и очевидцем минут, когда ему приходилось отстаивать свою точку зрения. Это касалось его творчества. Помню, что в 1957 году вышла поэтическая книжка К. Кулиева. Ее обсуждение состоялось в Москве, в Правлении Союза писателей СССР, на улице Воровского, 50.

Кайсыну пришлось отстаивать свою позицию при стечении народа, причем знатоков поэзии. Связано это было с тем, что еще не все понимали роль и значение поэзии Кулиева. Сборник стихов, о котором шла речь, вышел в Нальчике. Он включал лирику поэта, а она была своеобразной, и не все ее воспринимали так, как положено.

Помню, как хмурый Кайсын (а он был хмурым редко) говорил: «Ни черта они не понимают!» Но это действительно было так. Его «щипали» именитые поэты того времени, не понявшие ни сути поэзии Кулиева, ни его личности.

Вспоминается и многолетняя дружба Кайсына с М. М. Киреевым, крупным русским писателем, чье творчество до сих пор не оценено по достоинству. Михаил Михайлович больше известен как переводчик. Это была совершенно необычайная мужская дружба. Я был хорошо знаком и с тем, и с другим. Летом каждое утро мы вместе отправлялись на озеро. Купались обычно на одном и

том же месте. Встречи эти происходили, по-моему, прежде всего потому, что Кайсыну требовалось общение с людьми. Как правило, с ним было еще несколько человек. Обычно сопровождал Кулиева на этой прогулке и Х. Заккишиев. Что объединяло известного поэта и журналиста из республиканской молодежной газеты, я не знал. Очевидно, тоже дружба, где один был просто старшим по возрасту, а другой – младшим.

Как-то я сказал: «Хусейн, ты хочешь, чтобы твое имя сохранилось в веках? Записывай все, о чем идет беседа...» Молодой человек застеснялся.

Надо заметить, что Кайсын и его окружение – отдельная тема для разговора. Взять хотя бы профессора А. М. Аппаева, который тоже часто участвовал в прогулках и беседах. Аскер Макарович любил пошутить. И нередко объектом его шуток были разные люди. По-моему, его шутки нравились Кулиеву.

Кайсын по природе своей был человеком скромным. Когда я предложил написать пьесу о нем, в основу которой легли бы его стихи, поэмы, он отказался, заявив: «Это никому не интересно».

Тогда я решил, что в основу надо взять «Горскую поэму о Ленине». Кулиев опять определенно сказал: «Не надо. Никому это не нужно». Не принял он и моих доводов: «Поэма издана!» – «Давай оставим ее в покое»,– ответил Кайсын. А связано это было с тем, что «Горская поэма о Ленине» требовала своего прочтения, осмысления, толкования образов и Ленина, и самого поэта.

Кайсын относился к теме партии, Ленина, народа по-своему. Он не раз уже обращался к ней. Но делал это как большой, великий поэт обращается к самому дорогому – к матери, которая в состоянии понять сына, почему он поступает так, а не иначе.

У меня на памяти вечер, когда в редакции появился Кулиев вместе с Михаилом Дудиным. С Дудиным я в то время не был знаком. Кайсын представил его: «Мой переводчик».

Дудин у меня в кабинете читал «Горскую поэму о Ленине», причем читал очень хорошо. Я решил эту поэму напечатать уже в следующем номере. Это было трудно, потому что она не была перепечатана на машинке.

Тем не менее ее набрали, и назавтра она была в газете, заняв целую полосу.

У нас в тот вечер вышел спор из-за одной строчки: «Погибель не зная...» Но переводчик и поэт объяснили, что свое решение они менять не будут. Так это и было напечатано.

Еще один случай, на основе которого можно было бы написать пьесу. Кайсын был за границей. В одном из ресторанов он собрал деньги у посетителей и купил у цыган медведя. Зверя он хотел выпустить на свободу, но медведь не ушел, поскольку привык жить в вольере. И это мое предложение было отвергнуто Кайсыном.

Был и еще сюжет пьесы о нем. Это связано с его юношескими годами, со школой и учителем... Но, к сожалению, и этот замысел остался нереализованным.

...Лучше других, наверное, знал цену поэзии и поэту Александр Трифонович Твардовский, редактор журнала «Новый мир». Мне пришлось быть несколько вечеров, а точнее, несколько суток вместе с Кайсыном Кулиевым в гостинице «Москва», где он остановился накануне съезда писателей. Он один жил в двухместном номере, а я — на том же этаже, но в другом номере.

Интересно то, что Кайсын редко бывал один, его часто окружали именитые поэты: Давид Кугультинов, Мустай Карим и другие.

Кулиев готовился выступить на съезде. Я не слышал его выступления, но готовился он очень серьезно.

В то время Кайсын был увлечен поэзией Гарсиа Лорки... Каждый раз, когда приходил Кайсын к Твардовскому, тот откладывал всю работу и принимал его. Очевидно, дело в том, что Лорка и Твардовский были чем-то схожи. А в чем именно, мне, человеку, не знакомому в деталях с творчеством Твардовского и Лорки, трудно сказать. О чем говорили Твардовский и Кулиев — не знаю, но в гостиницу Кайсын возвращался все мрачнее и мрачнее.

Мустай Карим приходил к Кайсыну, как к другу, как к брату, как к человеку, который понимал его больше, чем другие. Мустай в то время был председателем Верховного Совета своей республики. Его, как писателя, волновало и то обстоятельство, что в Союзе писателей не было единства, царили разброд и шатание. Первый вечер, ког-

да Кайсын и Мустай остались в комнате вдвоем, я вышел в коридор, чтобы не мешать: им надо было о чем-то поговорить после прихода Кулиева от Твардовского. Но Кайсын тут же вернул меня и сказал: «Ночевать будешь у меня». Это при том, что у меня был свой номер неподалеку. «А я?» – тут же в разговор вступил Карим. «Мы с тобой будем спать на одном месте»,– ответил он. Действительно, они улеглись на одной кровати. И был богатырский храп двух великих людей.

За свою поэму «Горская поэма о Ленине» Кулиева должны были выдвинуть на Ленинскую премию. Но он неудачно выступил на съезде писателей. А между тем в гостинице к нему было паломничество, когда приезжали делегации со всех республик. Они считали для себя почетным ритуалом посещение Кулиева. Даже великий поэт Дагестана – Расул Гамзатов пришел поздравить Кайсына с успешным продолжением его дела. Но... премии он в тот раз не был удостоен. Он не сказал на съезде того, чего от него ждали.

...При закладке памятника Кайсыну Кулиеву я сказал, что наконец восторжествовала социальная справедливость. Но памятника нет до сих пор.

В моей судьбе роль Кулиева в литературном плане была очень своеобразной. Он прочитал рукопись моего романа и сказал, что готов идти со мной в любые инстанции. И вот мы вместе пришли к Ивану Березину, заместителю главного редактора издательства «Советская Россия». У того было свое мнение о романе, и, в общем-то, положительное. Однако Кайсын рассуждал: «Почему ты должен в очереди стоять, молодой человек? Сколько придется ждать его выхода?» Роман так и не появился тогда, несмотря даже на мощную поддержку Кулиева.

В тот же день мы с ним зашли к нашему земляку Ивану Владимировичу Давыдову, тоже работавшему заместителем главного редактора издательства «Советская Россия». Беседа получилась живой, интересной.

Давыдов сказал: «Кайсын, мы с удовольствием издадим вашу книжку!» Кулиев же перевел разговор на мою: «Вот вам готовый роман Бориса Черемисина...» Иван Владимирович пообещал содействовать изданию книги, но... вновь предложил издать в престижном московском издательстве сборник стихов Кулиева.

Кайсын отговорился тем, что при нем нет новых стихов. Издавать старые он не хотел. Столь требователен был поэт к себе.

В моем архиве сохранились восемь писем, записок Кулиева ко мне, тогда редактору республиканской газеты.

Приведу их текст. Они те только написаны его рукой. Здесь весь поэт, его душа. Хлопотал Кайсын вовсе не о себе, он всеми силами старался поддержать молодых.

Здравствуй, Борис!

Очень тебя прошу принять Ахию Ахматова и выслушать его. У тебя лежат какие-то его стихи. Он хочет увидеть их напечатанными в твоей уважаемой газете. Он уже творит и не пьет, хорошо работает. Так что возможность печататься теперь зависит только от качества той или иной вещи. У него недавно умерла мать. Обрати внимание на его просьбу.

Будь здоров и счастлив. Твой *Кайсын.*

(Без даты.)

* * *

Дорогой Борис Петрович, здравствуй!

За последнее время я стал тебе часто писать записки. Прошу тебя принять московских поэтов: Анатолия Поперечного и Виктора Гераскина. Они хотят познакомиться с тобой и поговорить.

Я приветствую тебя, обнимаю. Твой *Кайсын.*

24.11.69 г.

* * *

Дорогой Борис Петрович, здравствуй!

Прошу тебя выслушать подательницу этой записки Асю Гельт, поговорить с ней.

Извини за беспокойство. Жму руку. *К. Кулиев.*

20.11.69 г.

* * *

Дорогой Борис Петрович!

Шлю тебе сердечный, братский привет – это первое!

Второе – прошу посмотреть стихи молодого поэта из Чегема Муталипа Беппаева, который в прошлом году окончил Литинститут. Он в основном пишет верлибром, без рифмы. Ищущий парень. Москва его уже печатала.

Лев Ошанин писал: «Доброго пути». Талантливый человек.

Я бы хотел, чтобы ты, Борис Петрович, опубликовал его стихи.

Всего тебе доброго. *К. Кулиев.*

20.01.77 г

* * *

Дорогой Борис!

Шлю тебе мой сердечный привет и направляю к тебе молодого поэта – выпускника Литинститута Махти Журтубаева, пишущего на русском языке.

Он закончил институт как переводчик, с отличием. Очень хорошо переводит. Поддержи его – напечатай, пожалуйста, его переводы.

Жму руку, твой *Кайсын.*

17.09.80 г.

* * *

Дорогой Борис Петрович!

Внимательно прочитал афоризмы Алехина, оставленные тобой. Мне показалось, что среди них есть хорошие. Во всяком случае, это не только любопытно, но и интересно, хотя не все они равноценны по мысли и художественности. Публикация их, по-моему, принесет читателям газеты только пользу.

Необходим внимательный отбор. Это уже право редактора. Обрати внимание на грамматические нарушения, как мне показалось, ради рифмы, их закономерности. («не обретешь успех в труде», стр. 11).

А так, повторяю, с моей точки зрения, это интересно.

С уважением *Кайсын Кулиев.*

22.11.80 г.

* * *

Дорогой друг Борис!

Вот мой опус, о котором говорил тебе на конференции. Буду рад, если напечатаешь, если найдешь возможным.

Только прошу перепечатать и этот экземпляр вернуть мне – он подготовлен переводчиком для книги.

Желаю тебе всего доброго в грядущем году и долгие годы!

Обнимаю, твой *Кайсын.*

30.12.80 г. Чегем.

* * *

Дорогой Борис!

Уезжая на несколько дней к своим врачевателям (они меня извели), оставляю тебе беглые заметки об Алиме Кешокове. На этот раз я снова решил выступить в своей родной газете. Сказать свое сердечное слово о моем товарище, поднявшем на плечи тяжесть семидесяти лет. Я обязан это делать. Отведи в своей уважаемой газете место моим сочинениям!

Мне сейчас трудно работать, но я считал своим долгом сделать это.

Обнимаю тебя, милый Борис. Желаю самого доброго и крепкого здоровья.

Твой *Кайсын*

08.07.84 г. Чегем.

Абдижалил Каримович НУРПЕИСОВ
(1924)

Абдижалил Нурпеисов – народный писатель Казахстана, известный прозаик и общественный деятель советской эпохи.

Родился он в местечке Ушкон, на берегу Аральского моря. Со школьной скамьи, вслед за своим отцом, погибшем в годы Великой Отечественной войны, восемнадцатилетний А. Нурпеисов ушел в действующую армию.

С 1949 года он учится в Алма-Ате на филологическом факультете Казахского государственного университета им. С. М. Кирова, а затем в Москве в Литературном институте им. А. М. Горького. После окончания института он редактировал казахский ежемесячный литературно-художественный журнал «Жулдуз».

Первым крупным произведением А. Нурпеисова был роман «Курляндия», за который он был удостоен Государственной премии Казахской ССР им. Абая.

В последующие годы А. Нурпеисов создал трилогию «Кровавый пот». Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР за это произведение он был удостоен Государственной премии СССР за 1975 год.

Чингиз Айтматов высоко ценил произведения этого талантливого казахского писателя. Он писал: «Давно уж я читаю Нурпеисова, давно влюблен в его талант, добротную прозу, многому у него научился, много раз говорил с ним, но всякий раз, встречаясь с ним, как бы заново открываю его для себя. Как человек, как собеседник он всегда глубок, мудр и сдержан. Таков он и в своем творчестве».

А. Нурпеисов известен и как автор очерков об Аральском море и рыбаках.

В его переводе на казахский язык изданы «Палата № 6», «Дама с собачкой», «Тоска», «Горе» А. П. Чехова, сборник рассказов М. Горького, пьеса испанского драматурга А. Кэсона «Деревья умирают стоя», «Слепой падишах» Назыма Хикмета.

ОН... БЫЛ ПОДЛИННОЙ ДУШОЙ НАШЕГО РАЗНОПЛЕМЕННОГО, НО УДИВИТЕЛЬНО ДРУЖНОГО ПИСАТЕЛЬСКОГО БРАТСТВА

Речь, произнесенная на торжественном вечере, посвященном 80-летию со дня рождения

Помню, как я однажды завтракал в ресторане гостиницы «Москва» с Михаилом Александровичем Дудиным. В полупустом зале сидели мы вдвоем, тихо разговаривали о том о сем. Знаю, я плохой собеседник. И вдруг Михаил Александрович, обращаясь ко мне, спросил: «Слушай, кого не хватает?» Я, затрудняясь с ответом, пожал плечами. И тогда он своим мягким, характерным одному ему певучим голосом ответил сам: «Кайсына не хватает. Будь Он тут, с нами, разве мы сидели бы сейчас так благочинно, тихо и скучно. Он бы уже познакомил нас с тем столом и с этим столом. Бархатный его бас заполнил бы до свода этот огромный, сумрачный зал».

Да, я чувствовал в этом на редкость сердечном, милом человеке тоску по своему другу. А ведь мы тоже дружили с Михаилом Александровичем и любили его, любили искренно, преданно, насколько только возможно любить человека с нежной душой и к тому же большого поэта. Нам казалось, что Он тоже любит нас. Да, Он любил нас. Но, должен сознаться, дорогие друзья, что Дудин любил Кайсына как-то по-особому. И Он воздвиг памятник тому необыкновенному, особому своему чувству и целому поколению, которое обрело вечный покой в его бессмертных строках, ставших ныне знаменитым реквиемом.

Все мы смертны. Кто из приходивших однажды в этот мир не покинул его в час роковой? Казалось бы, потому и смерть мы должны бы воспринимать как вполне естественное состояние нашего бытия. Но, согласитесь, когда уйдет из жизни большой талант, народ осиротеет, и смириться с этим мало кому удавалось. К тому же, если этот человек наделен особым складом ума и души и Он всю свою жизнь был подлинной душой нашего разноплеменного, но удивительно дружного писательского братства.

Нет, друзья, не забыть нам никогда, как Он нес собою в нашу жизнь чувство единения, братства и солидарности, создавая между сынами разных народов прочные узы.

Беру на себя смелость и скажу, что все мы, ныне здравствующие его друзья, безмерно благодарны судьбе за то, что она свела нас с этим замечательным человеком. Бывало, как мы гордились и радовались, оказавшись втянутыми в орбиту его размашистой, яркой личности. В нашей памяти все еще жива его пылкая речь, наполненная, как у юноши, возвышенным духом и страстью. При встрече, пусть случайной, пусть даже мимолетной, все равно привносил Он собою что-то необычное, обязательно по-кайсыновски радужное, через край льющееся, и ты не мог не заряжаться этой энергией. Бог ты мой, рядом с ним ты забывал о своих горестях и невзгодах, каких немало бывало в нашей необустроенной жизни. Особенно в трудные дни, когда пасмурно и мерзко на душе. И вот тогда врывался, как горный ветер, неунывающий кайсыновский дух и, бывало, в миг рассеивал и разгонял навалившуюся на тебя печаль, и тогда-то житейские невзгоды отступали напрочь.

Как это бывает свойственно медлительному, нерасторопному степняку во всех случаях жизни, я сдружился с Кайсыном намного позже, чем Мустай Карим, Давид Кугультинов, Расул Гамзатов, Михаил Дудин. Кайсын уже был в блеске славы. На признанного и маститого поэта я смотрел не иначе, как на несомненного любимца и баловня судьбы. А ведь на самом деле за плечами его была грозная война. Было еще обрушевшееся на весь его народ испытание куда страшнее даже, чем все ужасы войны. Было это испытанием на крепость духа и самого поэта. И вот тут вчерашнему воину, победителю, предстояло определить самому свою дальнейшую судьбу – с кем ты, поэт, гражданин? Готов ли ты разделить со своим горемычным народом в роковой его час все ниспосланные судьбой напасти и беды, пройти с ним все круги ада или же поддашься соблазнам предоставленным тебе одному относительной свободы и благополучия?

Но ведь, дорогие друзья, все мы понимаем, что Кайсын не был бы Кайсыном, если бы в этот решительный час Он выбрал второй путь. Более того, сегодня мы с гордостью сознаем, что поэт, оказавшись в изгнании вместе со своим народом, ни на йоту не утратил присущего его натуре благородного чувства единения и братства, ему никакого

труда не составляло сродниться со всеми и стать своим для всех, с кем только сходился его путь. Он среди киргизов словно сам был киргизом, а с казахами был казахом, при этом оставаясь тем же азартным, ненасытным ко всем загадкам и радостям жизни мальчишкой-балкарцем.

Хорошо зная Кайсына за немалые годы дружбы, я понял: Он рожден делать добро людям, согреть озябшую душу страждущего насколько только возможно. Можно не поверить моим словам, сомневаться, находя излишним преувеличением излияние друга. Вот, пожалуйста, обратитесь к стихам самого поэта, где Он в точности то же самое восклицает: «Как хотелось бы мне также радовать всех высотой и сиянием».

Вот тут весь Кайсын, ведь Он придерживался этого принципа не только в будни жизни, вся его поэтическая и гражданская позиция зиждилась на этом возвышенно романтическом фундаменте. Если хотите знать, вместившийся в эту одну строку идеал поэта был его незыблемым жизненным кредо и программой, которой Он следовал до конца дней.

Да, дорогие друзья, в то мрачное, безнадежно глухое время репрессий и застоя, которое выпало на его долю, когда приходилось смирять свои мечты, свои порывы, свою израненную душу, мой чудесный балкарский друг на удивление всем и жил, и писал так просто, естественно соизмеряя себя с горою.

А все-таки судьба и вправду любила его и баловала удачей.

Думая в эти предъюбилейные дни о Кайсыне, я часто поражался неиссякаемому жизнелюбию и энергии духа. В суровые годы испытаний Он нес в мир и щедро делился бесшабашной и счастливой окрыленностью своей и удалью. Видимо, для этого нужно было родиться сильным, гордым и непременно красивым мужчиной, озаренным внутренним светом, и еще нужно было, чтобы милостивая судьба наделила этого недюжинного человека-творца еще и нежной, чуткой и конечно же отзывчивой и глубокой душой. Ибо мы знаем: сердце великого художника одно способно с неизменной благодарностью, с муд-

рым, терпеливым всепрощением и пониманием любить всегда эту проклятую, но все же прекрасную жизнь.

Солдат, воин недавно отгремевшей войны был по-настоящему закален и высок духом, и потому, видимо, он любовь ощущал не иначе, как святыню, и не потому ли, друзья, в лирических стихах Кайсына женщина или дитя предстают как воплощение света и хрупкости, требующие всей его трепетной заботы и неустанных тревог. Поэт во всех своих лучших творениях, выступая с мощной, как горный поток, неукротимой силой темперамента, чувства и мысли, сверкал среди самых прекрасных и славных имен, составлявших в те годы гордость большой многонациональной литературы советского периода.

Нас, съехавшихся сегодня сюда, в Нальчик, вновь объединяет, как некогда, бессмертный дух поэта. Да, нам выпала редкостная возможность благодаря Кайсыну свидеться друг с другом, обнять друг друга и поговорить по душам, как в былые годы.

Я особенно счастлив тем, что посещаю еще раз родину поэта и могу с вами вместе помянуть его и вспомнить нашу молодость. Могу воздать должное признательности поэту, этому очарованному страннику, чья глубинная, внутренняя жизнь протекает, как мне кажется, по большей части в тех таинственных сферах, где царят любовь, красота и вечная молодость, молодость души.

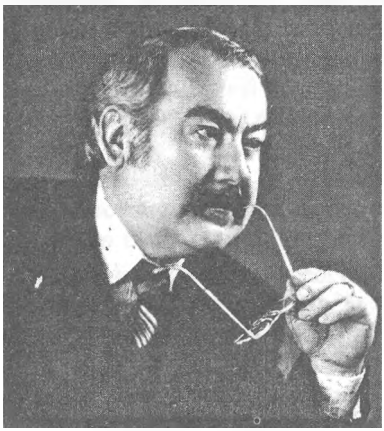
Мне кажется, что Кайсын весь был удивительно погружен в народную стихию, плоть от плоти своего народа, неотрывен, неотделим от него в каждом мгновении своей не слишком-то долгой жизни. Перечитывая теперь его бессмертные строки, я снова и снова убеждаюсь, что народ всей своей сокровенной, заветной сутью воплощается в творениях поэта. Ибо, служа незримой нитью между небом и землей, общаясь непосредственно с тем, что зовем мы духом, поэт запечатляет все лучшее, сильнейшее и благороднейшее той земли, которой он принадлежит. В моем понимании Он был как-то по-особому сотворен, соткан, что ли, из доброты, из жадного чувства прекрасного и долга, и был рыцарем в каждом своем помысле и поступке.

Я уверен, дорогие друзья, балкарский народ родит в своих недрах еще не один недюженный, страстный та-

лант, который чарами своих поэтических озарений зажжет в сердцах людей светлые чувства и мысли, приумножая славу и красу родной Кабардино-Балкарии.

Но все равно, в мире поэзии место Кайсына Кулиева будет стоять, как и при его жизни, особняком, незаполненным и незанятым никем, вечно притягивая, возвышая и окрыляя гордый дух и дерзания человечества.

Исмаил Ибрагимович РАХАЕВ (1919)



Исмаил Ибрагимович Рахаев родился 15 декабря 1919 года в селении Хасанья Балкарского округа, одним из основателей которого был его дед Махай, переселившийся из Хуламо-Безенгийского ущелья. Происходит из известного и уважаемого в Балкарии узденского рода. Метис – отец балкарец, мать кабардинка. В совершенстве владеет кабардинским, балкарским и русским языками.

Имеет два высших образования – с отличием окончил Московский государственный театральный институт им. А. В. Луначарского и Московский государственный институт культуры. И. И. Рахаев один из тех, кто основал и торжественно открыл 26 октября 1940 года первый в истории Кабардино-Балкарии профессиональный национальный театр, успешно работал в нем ведущим актером, режиссером и директором. В годы Великой Отечественной войны И. И. Рахаев, назначенный режиссером Балкарского госдрамтеатра, успешно руководил им. Он осуществлял постановки актуальных антифашистских спектаклей, организовал их показ в труднейших условиях во всех аулах и селениях Балкарии, на строительстве противотанковых оборонительных сооружений в районе города Прохладного, в воинских частях и госпиталях, средствами искусства воспитывая высокие чувства советского патриотизма у зрителей, укрепляя их веру в победу над фашистской Германией. Но... в марте 1944 года подвергся необоснованной политической репрессии и вместе со своим народом был насильственно выслан из родной земли в далекую Среднюю Азию, хотя к этому времени в боях за родину смертью храбрых уже погибли отец Исмаила – Ибрагим и два его родных брата – Жапай и Биязурка. И. И. Рахаев вместе со своим народом испытал и пережил все тяготы и страдания спецпереселенца, жил и трудился в Киргизии под жестким военно-полицейским режимом спецкомендатуры МВД. Однако благодаря своим знаниям, образованию, деловитости и творческому характеру И. И. Рахаев даже в условиях ссылки добился работы в системе культуры

и искусства Киргизской ССР и проявил себя с положительной стороны.

Он жил и успешно работал в столице республики городе Фрунзе: главным администратором Киргизского государственного ордена Ленина театра оперы и балета, актером Республиканского русского драматического театра им. Н. К. Крупской, старшим инспектором Министерства культуры, начальником отдела культпросветучреждений Минкультуры, директором Республиканского научно-методического центра учреждений культуры и народного творчества. За успехи в работе награждался медалью «За доблестный труд» и почетными грамотами.

И. И. Рахаев – один из тех балкарских деятелей культуры, кто вместе с выдающимся поэтом нашего народа Кайсыном Кулиевым в 1956–1957 годах подготовил и издал в городе Фрунзе первые литературные сборники балкарских и карачаевских поэтов и писателей на родном языке, что явилось началом возрождения нашей национальной литературы и искусства, находившихся многие годы под строгим запретом. В этом благородном деле роль И. И. Рахаева неоценима как с организаторской, так и с творческой стороны. Он был составителем и редактором двух литературно-драматических и музыкальных сборников «Давайте, друзья, споем!». Придуманное Исмаилом само название этих сборников как бы говорило, что скоро мы все возвратимся домой и уже можем петь песни и читать стихи на родном языке. Составителями и редакторами двух других сборников – «Знамя нашей жизни» и «Наше слово» – были С. Макитов и Ж. Залиханов.

И. И. Рахаев вместе со своим народом в 1957 году возвратился на свою многострадальную родину и активно включился в работу по возрождению национальной культуры и искусства Кабардино-Балкарии.

До ухода на заслуженный отдых И. И. Рахаев, не жалея своих сил и знаний, успешно работал на различных ответственных и руководящих должностях: начальником отдела культурно-просветительских учреждений Минкультуры, директором Государственного ансамбля песни и танца КБАССР, редактором литературно-музыкальных передач, а затем и главным редактором Гостелерадио КБАССР, директором Кабардино-Балкарского объединенного госдрамтеатра им. Али Шогенцукова.

Последние годы преподавал специальные предметы на театральном факультете Северо-Кавказского государственного института искусств, передавая свои глубокие знания и огромный многолетний опыт служения профессиональному национальному искусству молодому поколению. За большие заслуги в развитии культуры и искусства и многолетний, добросовестный труд И. И. Рахаеву присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств

КБАССР», он награжден многими государственными наградами и почетными грамотами Министерства культуры РСФСР, КБАССР, Гостелерадио при Совете Министров СССР и КБАССР, Президиума Верховного Совета КБАССР и Президента КБР. Он является автором нескольких пьес и монографий, посвященных вопросам культуры и искусства, более трехсот театроведческих статей и очерков о жизни и творчестве выдающихся литераторов, актеров, певцов, музыкантов и хореографов. Десятки жизнерадостных, популярных песен о дружбе, родном крае, любви и верности созданы И. И. Рахаевым, которые вот уже многие годы исполняются на концертах известными певцами-профессионалами и самодеятельными артистами.

Таков интересный и в то же время тернистый творческий путь ветерана нашей национальной культуры Исмаила Ибрагимовича Рахаева, друга Кайсына Кулиева.

ГОРДОСТЬ И СЛАВА НАШЕГО НАРОДА

Слова, которыми я озаглавил свои воспоминания о близком друге и однокашнике, великом поэте родного народа Кайсыне Шуваевече Кулиеве, как нельзя точно характеризуют его неординарную, талантливую личность и выдающиеся заслуги в развитии национальной литературы и культуры не только родной Кабардино-Балкарии и Кавказа, но и Отечества нашего – Российской Федерации. Лауреат Государственных премий СССР и РСФСР им. А. М. Горького, лауреат Ленинской премии, балкарский поэт Кайсын Кулиев был самой яркой звездой современной литературы на высоком небосводе Кавказа, достиг зенита славы и мирового признания своим самобытным талантом. Его литературным наследием являются десятки прекрасно изданных поэтических сборников и книг, сотни статей в газетах и журналах, в том числе центральных, посвященных проблемам литературного творчества и искусства, вопросам воспитания высокой нравственности и духовности. Они служат благородному делу развития культуры нашего общества, делу укрепления дружбы и мира между народами.

О замечательном творчестве Кайсына Кулиева, о его книгах, отдельных поэмах, стихах и собраниях сочинений написано много статей и рецензий известными писателями и литературоведами. Я же, хорошо знавший Кайсына с первых дней нашего знакомства 60 лет тому

назад, хочу рассказать о нашей молодости и совместной учебе в Московском государственном институте театрального искусства им. А. В. Луначарского (ныне Российская академия театрального искусства), о разных историях, свидетелями которых мы были, о невзгодах и времени, когда мы со своим народом без всякой вины находились в ссылке в далекой Киргизии.

Мы с Кайсыном познакомились не в Нальчике, как это ни странно, а в Москве, когда в 1935 году приехали в театральный институт на учебу, и сразу же стали дружить. Он был на два года старше меня, и поэтому я, шутя, его называл не по имени, а по отчеству – Шуваевич. Это и смешило и доставляло ему огромное удовольствие. В ответ он также стал называть меня только по отчеству – Ибрагимович. Мы стали студентами балкарской театральной студии ГИТИСа, в которой кроме нас учились такие талантливые юноши и девушки, как Мажид и Магомет Атаевы, Атлы Бачиев, Хызир Чабдаров, Ахмат Кудаев, Магомет Кучуков, Омар Балаев, Азнор Джантуев, Муса Узеев, Шарифа Кучмезова, Абидат и Жаухар Биттировы, Зоя Махиева, Тамара Залиханова, Валентина Уянаева и другие. Учились мы упорно, старались овладевать знаниями и основами актерского мастерства. Руководил нашей студией один из лучших режиссеров страны и соратник К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича- Данченко, народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии, профессор Илья Яковлевич Судаков. Проявляя отеческую заботу о каждом из нас, он делился с нами своими глубокими знаниями и огромным опытом работы в театральном искусстве, изучал и развивал способности каждого из нас, так подбирал репертуар для учебной и дипломной работы студийцев, чтобы раскрыть наши творческие задатки и возможности. Забегая вперед, хочу сказать, что после пяти лет успешной учебы в Москве выпускники театрального института – балкарская и кабардинская студии – впервые во многовековой истории своих народов 26 октября 1940 года торжественно открыли в Нальчике первые профессиональные театры. Первый свой героико-романтический спектакль – трагедию великого испанского драматурга Лопе де Вега «Овечий источник» («Фуэнте овехуна») – с огромным успехом показала зрителям балкарская театральная студия. Чем он был примечате-

лен, кроме прекрасного, темпераментного исполнения молодых актеров? Спектакль был примечателен, и его восторженно приняли зрители еще и потому, что пьесу «Овечий источник» на балкарский язык белым стихом перевел мой однокурсник, молодой, но талантливый начинающий поэт, студент ГИТИСа Кайсын Кулиев.

Поэтическое творчество Кайсына Шуваевича началось и развивалось именно в годы его учебы в Москве во второй половине 30-х годов. Когда приходило вдохновение, он после занятий в институте часами мог сидеть в аудитории или в общежитии студенческого городка и сочинять свои, идущие от сердца лирические стихи. Часто читал их нам, своим друзьям, читал страстно, широко жестикулируя правой рукой, и просил нас высказывать свои замечания, с многими из которых он соглашался. Затем Кайсын заказным письмом отправлял их в Нальчик, в Союз писателей и редакцию балкарской газеты для публикации. Эти жизнерадостные лирические стихи и послужили основой первого поэтического сборника Кайсына Кулиева «Салам эртденлик» («Здравствуй, утро!»), который уже предвещал появление в балкарской литературе наделенного несомненным талантом молодого поэта. Некоторые из писательской и журналистской среды тогда не придавали большого значения появлению на горизонте молодого поэта, думали, что Кайсын – будущий актер и вряд ли будет с него толк. Но мы, его друзья-однокашники, чувствовали, что Кайсын обладает огромным природным, как говорят, «божьим даром», и он, обогащенный знаниями, полученными в Москве, в свое время удивит всех и прославит свое имя и свой народ. Шутник, всегда веселый, Кайсын удивительно был серьезен и сосредоточен, когда дело касалось занятий по литературе, истории театра и музыки. На лекциях он делал массу записей в общую тетрадь о жизни и творчестве классиков: великих поэтов и писателей, композиторов и актеров, художников эпохи Возрождения. Часто посещал театры, музеи, литературные и творческие вечера ведущих советских поэтов, прозаиков, известных певцов и актеров. Не один раз на этих очень нужных и интересных для нас, молодых горцев, культпоходах вместе с Кайсыном бывал и я. Сказать, что это было для нас обыкновенным времяпровождением, было бы неправильно. Я

видел, как Кайсын, подобно губке, впитывал в себя достижения русской и мировой культуры, обогащал свою память знанием тех богатств, которые создало человечество в своей истории. Этим, безусловно, объясняется появление известных миллионам читателей знаменитых стихотворений, посвященных великим композиторам – Шопену, Бетховену, гениальным поэтам – Пушкину, Лермонтову и другим корифеям мировой культуры и искусства.

Годы учебы в Москве конечно же дали Кайсыну много, открыли его глазам мир, способствовали раскрытию его творческого потенциала. Хотя он учился в театральном институте, он, особенно в 37–38-м годах, большую часть своего времени посвящал поэзии, много читал античной и классической литературы – Эсхила, Еврепида, Шекспира, Байрона, Гете, изучал стилистику стихосложения великих восточных поэтов – Фердоуси, Низами, Омара Хайяма, постоянно работал над собой, шлифуя свое мастерство. Я, очень близко знавший Кайсына, видя его такие стремления и страстные увлечения, догадывался, что он никогда не будет актером, а станет поэтом, причем знаменитым. Видимо, то же самое чувствовал педагог и наставник профессор И. Я. Судаков, который с большой любовью и теплотой относился к Кайсыну, но не занял его ни в одном из трех выпускных спектаклей балкарской театральной студии («Овечий источник» Лопе де Вега, «Проделки Скапена» Мольера, «Броненосец 14-69» Вс. Иванова). Зато И. Я. Судаков поручил Кайсыну сделать перевод на балкарский язык двух сложнейших классических произведений – пьес «Овечий источник» и «Проделки Скапена». С этой творческой работой Кулиев справился блестяще. Спектакли по этим пьесам, поставленные И. Я. Судаковым и его ассистентами – педагогами заслуженным деятелем искусств РСФСР А. А. Андерсом и народным артистом РСФСР С. К. Блинниковым, явились творческой основой первого в истории Балкарского драматического театра, открытого в 1940 году, который ныне заслуженно носит имя К. Ш. Кулиева. Таким образом, еще будучи студентом ГИТИСа, молодой поэт внес свой неоценимый вклад в развитие и становление балкарской художественной литературы и театрального искусства.

Кайсын был среди нас очень веселым, жизнерадостным и озорным парнем. Он любил шутить и смеяться, петь и танцевать, особенно лезгинку, хотя танцевать ее не очень-то умел. Зато по ходу танца он своими темпераментными выкриками «асса! асса!», резкими движениями рук и ног так поднимал настроение людей, что после завершения лезгинки зрители награждали его бурей аплодисментов. Это обычно происходило на улицах Москвы во время первомайских и октябрьских праздников, когда мы, студенты ГИТИСа и Московской консерватории, одной колонной двигались к Красной площади. Иногда случалось так, что по ходу движения колонны по Красной площади мы, студенты балкарской и кабардинской студий, одетые в свои национальные костюмы, начинали народные танцы и нас с трибуны Мавзолея приветствовали И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин и другие руководители страны. Это были незабываемые годы нашей молодости, годы наших надежд и великих планов. Никакие трудности в жизни нам тогда не были страшны, а планы и мечты были самые лучезарные, самые счастливые. Мы тогда не предполагали, что скоро начнется самая кровопролитная, самая жестокая в истории человечества война, что наш добрый, безвинный, трудолюбивый народ постигнет страшная трагедия – насильственное выселение с родных земель в далекую Среднюю Азию и Казахстан органами НКВД. Все эти ужасы мы испытали потом, война началась в 41-м, а выселение – 44-м. А пока мы, студенты, наслаждались своей молодостью, жизнью и любовались достопримечательностями столицы, не подозревая ни о чем плохом в будущем.

В институте на занятиях я с Кайсыном часто сидел за одним столом, и в общежитии студгородка наши кровати и тумбочки были рядом. С нами рядом были кровати Магомета Кучукова, Хызира Чабдарова, Азнора Джантуева. Мы жили и дружили друг с другом, как дети одной большой семьи, делили, как говорят, кусок хлеба между собой. Веселый и словоохотливый Кайсын часто любил шутить и подтрунивать над кем-нибудь из ребят. Как молодой поэт, мыслящий образно, он сочинял и давал имена-клички каждому из своих друзей-однокашников и, что интересно, эти имена навсегда закреплялись за теми, кого Кайсын «благословлял». Так, Магомет Атаев имел

кличку Алтыхыр, его брат Мажид – Жугъутур мюйюз, Омар Балаев носил кличку Цах, Ахмат Жарашуев – Гыбыт (Бурдюк), Али Махиев – Къатычыкъ, Баттал Мокаев – Мыйикъ (Усач), Хызир Чабдаров – Къызыл сакъал (Красная борода) и т. п. И никто из ребят не обижался на свои клички. А самого Кайсына мы звали – Гаврош, и он был доволен.

Спустя уже многие годы после учебы в Москве, когда я встречался с Кайсыном, мы с ним часто и с большим удовольствием вспоминали нашу безмятежную молодость и совместную учебу в институте. Мне на всю жизнь запомнилась такая курьезная история, о которой не могу не рассказать.

...Шел 1937 год. В Большом театре проходила декада грузинского искусства. И вот на заключительный концерт мастеров искусств Грузии пропустили и нас, несколько студентов национальных студий ГИТИСа.

Вместе с Кайсыном и нашими близкими друзьями – Магометом Кучуковым, Жунюсом Чочаевым, и Хызиром Чабдаровым – мы отправились на концерт. Там должны были выступать знаменитые актеры и певцы Грузии – Хорава, Васадзе, Лоркипанидзе, Гамрекели, Амиранашвили, Чабукиани и другие. Наши места были на галерке пятого яруса. Но Большой театр есть Большой театр. Сцена и правительственная ложа были видны со всех сторон. Людей было очень много, можно сказать, что в театр пришла вся московская элита. И вот перед открытием сценического занавеса в правительственной ложе появляются члены Политбюро ЦК ВКП (б) во главе с И. В. Сталиным. Зрительный зал встал и восторженно приветствовал Сталина. Послышались возгласы: «Да здравствует наш великий вождь и учитель товарищ Сталин! Да здравствует великая партия Ленина – Сталина!» и т. п. Когда зал немного затих и люди стали садиться на свои места, вдруг неожиданно с места вскакивает Жунюс Чочаев и, вытянутой рукой показывая в сторону вождя, громко, фальцетом кричит на балкарском языке: «Жашасын атабыз жолдаш Ста-а-лин!» (Да здравствует наш родной отец Сталин!) Зал, затаив дыхание, посмотрел на галерку, где мы сидели. У нас с Кайсыном от неожиданности пересохло в горле. И вдруг Сталин, глядя на нас, стал аплодировать, а весь зал вновь встал и подхватил

овацию. Жунюс еще раз крикнул приветствие Сталину, после чего вождь заулыбался и что-то прошептал в ухо Ворошилову...

После заключительного концерта мы возвратились в общежитие. Зайдя в свою комнату, мы спросили Жунюса: «Ты что это выдумал в театре, ты же чуть с балкона не выпал?» Чочаев с гордо поднятой головой ответил: «Вы молодые ребята. Может, вы образованнее меня, но умнее и опытнее вас всех. Вам, наверное, неизвестно, что сейчас по стране идут тотальные аресты, шерстят и учебные заведения. Я чувствовал, что в театре и даже в нашей ложе находятся агенты НКВД. Пока я кричал лозунги Сталину, нас уже проверили, кто мы и откуда. Они уже узнали, что мы студенты театрального института, и нас теперь не арестуют. Знайте, что я и себя и вас обезопасил, спас от беды, так что скажите спасибо!» Вот такой забавный случай произошел с Кайсыном и со мной в 37-м году.

В 1939 году Кайсын бросил учебу в театральном институте и, возвратившись в Нальчик, вплотную занялся литературной деятельностью, писал стихи и поэмы, участвовал в работе Союза писателей, близко познакомился и общался со знаменитым народным поэтом Балкарии Кязимом Мечиевым, учился у него мудрости и верности родному языку и народу. Весной 1940 года К. Кулиев был призван в Красную Армию, в которой служил и в годы Великой Отечественной войны военным корреспондентом, проявляя образцы храбрости и верности Родине. На фронте капитан К. Кулиев был несколько раз ранен, за подвиги, проявленные в боях, награждался орденом Отечественной войны и медалями. О насильственном выселении своего народа он узнал в госпитале, где находился на лечении. Это событие было страшным ударом для него, как и для всех нас – балкарцев. И ему жить и творить стало нелегко.

Некоторые люди говорят и пишут в своих статьях, посвященных Кайсыну, что ему якобы тогда разрешили жить и работать в Москве, а он не захотел и самовольно уехал в ссылку на место жительства балкарского народа. К сожалению, это неправда. Жестокость тоталитарного сталинско-бериевского режима заключалась в том,

что репрессиям подвергались все балкарцы-фронтовики – защитники Родины, невзирая ни на какие заслуги. Так, например, в Среднюю Азию была выслана семья и родители знаменитого летчика – капитана ВВС Алима Байсултанова, погибшего при защите Ленинграда. Ссылка также не обошла стороной старую мать Хаби и семью героя Великой Отечественной войны генерал-майора танковых войск Х. С. Депуева. Таких примеров сотни. Кайсын мне рассказывал во Фрунзе, что когда он приехал после госпиталя в Нальчик, чтобы проведать друзей и родной Чегем, на следующий же день его задержали на улице сотрудники КГБ, повели в свое учреждение, где приказали в течение 24 часов покинуть Нальчик и пределы республики. «Они строго предупредили меня, что если я вздумаю остаться в Нальчике, я буду арестован и этапом отправлен в Киргизию. Я решил выехать сам и жить со своим народом, разделяя его тяжелую судьбу и страдания»,– говорил Кайсын.

Во Фрунзе (ныне Бишкек) мы с Кайсыном встречались часто и поддерживали дружеские отношения. Кроме нас в городе жили и работали несколько представителей балкарской интеллигенции: Керим Отаров, Жанакаит Залиханов, Сафар Макитов, Ханафий Хутуев, Исса Боташев, Мутай Ульбашев и Магомет Цораев. Все мы честно и добросовестно относились к порученному нам делу и никогда не роняли чести и достоинства своего народа, за что местные органы власти, особенно в 50-е годы, относились к нам лояльно.

Кайсын во Фрунзе работал консультантом Союза писателей Киргизии, но сам долгие годы ссылки не имел права печататься и не смог издать ни одного своего поэтического сборника. И неправду сегодня здесь некоторые говорят и пишут, что он в годы ссылки свободно печатался и издавался. Нет, этого не было. В том-то и трагедия, что нашему талантливому поэту было запрещено печатать и издавать свои произведения, хотя он их писал и постоянно думал о судьбе родной литературы. Чем же он занимался в Союзе писателей, на что он жил? Может возникнуть такой вопрос у читателя. Кайсын занимался переводами на русский язык поэтических и прозаических произведений известных киргизских авторов, таких,

как народный поэт Киргизии, Герой Социалистического Труда Аалы Токомбаев, народный писатель Киргизии Тугельбай Сыдыкбеков, поэты Кубанычбек Маликов, Касымалы Баялинов, консультировал молодых начинающих поэтов и писателей, открывая им путь для дальнейшего творческого роста. Достаточно сказать, что одним из наставников ныне знаменитого, а тогда еще молодого писателя, Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской премии Чингиза Айтматова был наш Кайсын. Поэтому искренняя дружба и связь между ними продолжалась долгие годы и после возвращения Кайсына на родину. Известно также, что Чингиз Айтматов в 1985 году приехал в Нальчик на похороны Кайсына Кулиева, чтобы выразить свое глубокое соболезнование родным и соплеменникам великого поэта и навсегда попрощаться со своим старшим другом и братом по перу.

XX съезд КПСС, развенчавший культ личности Сталина и его злоупотребления властью, способствовал тому, что с 1956 года строгий комендантский режим МВД, державший нас, спецпереселенцев, в полном бесправии, стал постепенно ослабевать. Весной этого знаменательного года для всей страны, когда началась оттепель всей общественно-политической жизни, по инициативе Н. С. Хрущева было принято решение ЦК КПСС о прекращении комендантского надзора МВД и постепенном приобщении репрессированных народов к работе в государственных органах, а также о возрождении их национальной культуры и литературы. По указанию ЦК КПСС, в этой связи Постановлением ЦК КП Киргизии Министерству культуры Киргизской ССР было поручено издать типографским способом несколько поэтических и литературно-музыкальных сборников на карачаево-балкарском языке, привлекая к этой работе известных в республике деятелей литературы и искусства этих народов. На совместном заседании Коллегии Министерства культуры и правления СП Киргизии по предложению К. Кулиева было решено назначить редакторами и составителями этих сборников С. Макитова, Ж. Залиханова и меня. (Я тогда работал директором научно-методического центра культпросветучреждений и народного творчества Минкультуры Киргизской ССР). Общее же руководство

этим ответственным делом было поручено Кайсыну Кулиеву. И надо сказать, что мы все с большой радостью и энтузиазмом взялись за подготовку и издание на родном языке произведений наших поэтов и писателей. Иначе и не могло быть. «Лед тронулся, теперь дело за нами. Пусть наши книги и сборники, изданные после долгих лет запрета и полицейского режима, станут началом возрождения родного языка и литературы, предвестником нашего скорого возвращения домой, на Кавказ!» – говорил мне Кайсын, просматривая имеющиеся у меня произведения наших и карачаевских авторов. Мы провели огромную и кропотливую работу по собиранию и редактированию сотен текстов и рукописей. Ведь наши авторы были разбросаны по всей Средней Азии и Казахстану, нужно было навести о них справки, связаться с ними, чтобы получить нужные нам произведения. В условиях нашей жизни это было очень нелегко. Но мы старались. В архиве сохранился интересный документ того времени – письмо Кайсына, адресованное мне. Оно посвящено нашим издательским делам. Хочу привести его письмо дословно и полностью. Вот что пишет Кайсын своим размашистым почерком:

«Дорогой Исмаил!

Собери все, что найдешь нужным. Пусть количество вещей не смущает тебя. Я постараюсь договориться об этом. Побольше надо, на мой глаз, дать современных вещей. Исса (Боташев.– *И. Р.*) везет к тебе свои, Керима (Отарова. – *И. Р.*) и мои вещи. Жаль, что не сообщили Берту Гуртуеву. Тщательным редактированием займемся, когда весь необходимый материал будет собран. Редактирование не задержит дело. Чем тематика произведений будет разнообразнее, тем лучше. К Иссе, прошу, не придирайся. Как молодой поэт, он написал нужные вещи. Надо ему помогать, учить его ремеслу стихотворца, чтобы он рос постепенно и мог постоянно принимать участие в этих и прочих наших сборниках. Я прошу тебя учесть это».

Далее, как всегда жизнерадостный, Кайсын вспомнил слова моей роли Магистра из спектакля трагедии Лопе де Вега «Овечий источник» в его переводе на балкарский язык и пишет: «Уллу, Аллах бла ант энтеме, сени

Альмаграгъа келгенингт бусагъатда эшткенме мен. Прими мой дружеский привет.

Ваш покорный слуга

Кайсын Кулиев

5 мая 1956 г.»

Из этого письма видно, как уважал и любил своих настоящих друзей, болел душой за судьбу родной литературы, активно поддерживал способных начинающих поэтов и писателей.

Благодаря нашей кропотливой и упорной работе в 1956–1957 годах нам удалось подготовить и издать во Фрунзе в прекрасном полиграфическом оформлении несколько поэтических литературно-музыкальных и драматических сборников балкарских и карачаевских авторов, в том числе: «Знамя нашей жизни» (редактор С. Макитов), два литературно-музыкальных сборника «Споем вместе» (редактор и составитель И. Рахаев), «Наше слово» (редактор Ж. Залиханов). В этих сборниках были опубликованы произведения К. Мечиева, К. Кулиева, К. Отарова, Б. Гуртуева, М. Геттуева, Ж. Залиханова, С. Макитова, С. Шахмурзаева, О. Хубиева, Х. Байрамуковой, Д. Байкулова, Х. Кубанова и многих других балкарских и карачаевских поэтов и писателей.

Появление на свет сборников, изданных на родном языке, было большим и радостным праздником для балкарцев и карачаевцев, которые за долгие годы ссылки и запретов истосковались по печатному родному слову – песням и литературе. Эти сборники вскоре стали настольными книгами балкарских и карачаевских семей, их искали в книжных магазинах, чтобы купить, молодежь устраивала в своих семьях литературные вечера и громкие читки для старшего поколения. И сейчас, спустя сорок с лишним лет после возвращения нашего народа на свою историческую родину, эти издания, к которым приложил свой талант организатора и творца Кайсын Кулиев, не потеряли своей значимости и, являясь большой редкостью, хранятся в семьях как ценные реликвии, обозначавшие своим выходом в свет надежду на скорое возвращение домой и начало возрождения националь-

ной литературы и искусства наших многострадальных народов.

О выдающейся роли Кайсына Кулиева в развитии нашей литературы после возвращения из ссылки, о его огромном вкладе в дело возрождения национальной культуры народов Кабардино-Балкарии сказано и написано много. Я же хочу отметить и подчеркнуть еще одну грань его поэтического таланта – исключительную музыкальность его стихов и поэм. Очевидно, это является главной причиной того, что многие композиторы Кабардино-Балкарии и нашей необъятной страны сочиняют музыку на стихи и поэмы маститого поэта, а известные артисты с удовольствием исполняют их на концертах и торжественных вечерах. Замечательных песен на стихи Кайсына очень много, и они каждый день звучат и по радио, и по телевидению, и в концертных залах, и в Домах культуры, приносят радость и душевный покой людям, вдохновляя их на добрые дела во имя мира на Земле, во имя любви и дружбы между народами.

Во время одной из бесед с ним в радиокомитете на литературно-музыкальные темы я спросил его: как он относится к современной эстрадной музыке? Ответ был такой: «Я музыку очень люблю, люблю музыку всякую: классическую, в том числе симфоническую, легкую, в том числе эстрадную. Но любая музыка должна быть хорошей. В хорошей музыке много поэзии, так же, как в хорошей поэзии всегда присутствует музыка. Поэтому я всегда с удовольствием слушаю хорошую музыку, народные и современные эстрадные песни»,– сказал Кайсын. «А какие песни на ваши стихи вам особенно нравятся?» – вновь спросил я. На что Кайсын, улыбнувшись, ответил: «Хороших и разных песен на мои стихи много, но я, скажу откровенно, люблю слушать, а иногда на досуге даже сам потихоньку мурлычу песни: «Все еще впереди» Колмановского, «Женщина купается в реке» Джабраила Хаупы, «Родина моя – песня моя» Абидина Байчекуева, «Мой город Нальчик» Хасана Карданова и «Всегда гордился тем, что горец я» твоего сына Анатолия, которого я встретил в научно-исследовательском институте, обнял и поздравил с первым успехом. Не думай, что я тебе льщу как его отцу, вовсе нет. Хорошую музыку написал Толик на мои стихи, очень темпераментная, ритмичная песня!»

Затем он хорошо отозвался об оратории Аслана Даурова по его известной поэме «Горская поэма о Ленине».

Таким добрым, веселым, смелым и талантливым человеком и поэтом остался в моей памяти незабвенный друг и однокашник Кайсын Кулиев. Хочу закончить свои воспоминания одной строфой из стихотворения народного поэта Дагестана Расула Гамзатова «Памяти Кайсына Кулиева»:

Если скажут вам, Кайсына нет,
Не верьте обывательскому вздору,
Чтоб во весь рост создать его портрет
Вам нужен холст снегов, укрывший гору.

Хажбекир Хабалович ХАВПАЧЕВ
(1926–2000)

Хажбекир Хавпачев, народный писатель КБР, академик Адыгской международной академии наук.

Он родился в 1926 году в селении Кенже. В 1942 году, окончив сельскую школу, пошел работать корреспондентом в республиканских газетах и радио, где проработал вплоть до 1947 года. Потом поступил в Ленинградскую консерваторию, которую успешно закончил в 1952 году и был направлен на работу в свою республику. С 1952-го по 1958 год он – художественный руководитель Кабардино-Балкарской государственной филармонии, а с 1958 года стал ее директором.

За плодотворную деятельность в области развития национального искусства и культуры Хажбекир Хавпачев в 1957 году был удостоен высокого звания заслуженного деятеля искусств РСФСР. С 1958 года Хавпачев – член Союза писателей СССР, с 1960-го – член Союза композиторов СССР, был председателем Союза композиторов КБР.

Стихи Хажбекира Хавпачева увидели свет еще в 1940 году. Первый сборник – «Звезды счастья» – вышел в 1950 году, в 1957-м – второй сборник стихов – «Русскому другу». Увлечение поэзией сменилось желанием писать прозу. Так, в 1955 году он издал сборник рассказов на кабардинском языке «С добрым утром». Жанру рассказа Хажбекир отдал предпочтение. Такие его сборники рассказов, изданные в Москве и Нальчике, как «Невеста» (1961), «С добрым утром» (1962) и многие другие свидетельствуют о том, что талантливый композитор стал и талантливым писателем. Герои произведений Хажбекира Хавпачева – настоящие национальные характеры, типичные для своего времени, мужественные и смелые, чистые сердцем и помыслами. Они борются за правду, справедливость, за то, чтобы добро побеждало зло.

Хажбекир Хавпачев много сделал для развития музыкального искусства республики. Его статьи и очерки рассказывают о творчестве его земляков-певцов, композиторов, музыкантов, поэтов, писателей, деятелей национальной культуры.

С Кайсыном Кулиевым его познакомил Хачим Теунов, когда в 1945 году Кулиев перед отъездом в Среднюю Азию приехал на три дня в Нальчик. С тех пор началась их дружба. О своей дружбе Хажбекир Хавпачев рассказывает в очерках «В гостях у Георгия Свиридова» и «Он велик и прекрасен» (из книги воспоминаний «Дорога длиною в пятьдесят лет». К 80-летию Кайсына Кулиева).

ОН ВЕЛИК И ПРЕКРАСЕН

Имя и фамилия у него звучные и красивые. И так подходят ему. Кайсын Кулиев.

В первый раз увидел этого гиганта не только балкарской, но и мировой поэзии в 1945 году. Я шел с известным кабардинским писателем Хачимом Теуновым по улице имени Сталина (ныне эта улица носит имя Али Шогенцукова). Вдруг Теунов замедлил шаг. Навстречу нам шел, прихрамывая, с палочкой в руке, в военной форме капитана плотный, среднего роста мужчина. Мне показалось, что он в этот момент тоже замедлил движение. Неожиданно оба ускоряют шаг – и бросаются в объятия друг другу. Стою и смотрю на них как завороженный. Слышу только тихо говорят: «Это ты?» В ответ: «Да, это я». Эти слова они повторяли несколько раз. Впервые увидел, как у двух солидных мужчин катятся слезы.

Продолжалось так несколько минут. А потом: «Какими судьбами?» – слышу голос Хачима. «Дали мне разрешение на три дня. Я уже здесь второй день. Стараюсь увидеть побольше моих друзей». – «Ну что, Кайсын, мы так и не посидим, что ли?» – «Бог даст, посидим еще много раз».

Я стоял в стороне, чтобы не мешать, и вдруг слышу: «Хажбекир, подойди сюда, познакомься – это Кайсын Кулиев, балкарский поэт. А это – наш начинающий писатель Хажбекир Хавпачев. Пишет стихи, рассказы, очерки, работает в газете». Кайсын крепко пожал мою руку. Мне показалось, что рука у него такая большая и такая крепкая.

Вот так я познакомился с Кайсыном Кулиевым.

После этого я встречал его имя не раз на страницах центральных журналов, особенно после 1953 года. Читал его стихи и в его переводе на русский язык произведе-

ния киргизских писателей, в том числе Чингиза Айтматова.

Вторая встреча с Кайсыном состоялась уже в 1957 году, когда в Союзе писателей Кабардино-Балкарии обсуждалась программа Декады литературы и искусства Кабардино-Балкарии в Москве, посвященной 400-летию добровольного вхождения Кабарды в состав России.

В Москве мы вместе выступали 20 июня 1957 года на открытии Декады в Колонном зале Дома Советов. Вместе ездили на встречу с тружениками подмосковного города Серпухова, встречались в Центральном Доме писателей, в других местах. Его всегда сердечно и восторженно принимали. У него были прекрасные стихи. К тому же он был и прекрасным чтецом, ведь в свое время он учился в театральном институте.

Кайсын всегда уверенно, с широкой улыбкой, выходил на сцену. Это была особая улыбка, не похожая ни на какую другую.

Его голос звучал то нежно, то сурово, то твердо, то ласково – разнообразие тембра, его красоту можно было сравнить только с радугой после летнего дождя.

После этой поездки в Москву мы сблизились с Кайсыном, чем я всегда гордился.

Первого сентября 1960 года по приглашению учительницы Веры Викентьевны Врубель группа писателей должна была посетить Нальчикскую школу № 9. Утром этого дня мою жену увезли в роддом. Я не знал, как мне быть. Подумал, что, наверное, все это не скоро произойдет, и тоже пошел на встречу с учащимися. Хотя я себя успокаивал, но мое тревожное состояние заметил Кайсын и спросил, в чем дело. Я ответил, что супругу увезли в роддом. Он с доброй улыбкой сказал: «Что же, как говорила моя бабушка, обязательно будет сын или дочь» – и шутливо прижал меня к себе. Встреча прошла, как говорят, «на ура», так как в ней участвовали такие мастера-чтецы, как Кайсын Кулиев и Адам Шогенцуков.

Потом мы пошли прогуляться по парку. Долго говорили о будущем национальной культуры, литературы. Кайсын говорил горячо, спорил, доказывал, что мы должны сделать все для развития родной литературы. Он особо отмечал талант молодых поэтов – Зубера Тхагазитова,

Ибрагима Бабаева. Хорошо отзывался о Борисе Кагермазове, Анатолии Бицуеве.

Постепенно все разошлись. Я остался с Кайсыном. «Как мне известно, друг мой, у тебя дома никого нет, и мои тоже уехали, так что пойдем в кафе и закусим»,– сказал он.

Мы пошли в кафе, расположенное у входа в городской парк (ныне «Адиюх»). Поели вкусный гуляш с гречкой (мне кажется, тогда вкуснее готовили еду в наших столовых, кафе и ресторанах), выпили сухого вина «Гурджаани».

Выходя из парка, я решил позвонить в роддом. Мы с Кайсыном зашли в гостиницу «Нальчик», попросили разрешения на звонок у администратора гостиницы. Услышав слово «роддом», администратор с хитрецой посмотрела на Кайсына и говорит: «Что, Кайсын Шуваевич, сына ждете?» Он широко улыбнулся: «Ну что вы, я стар, сына ждет мой друг»,– берет трубку и передает мне. Звоню. Слышу: «Она родила». Слава Богу! В трубке слышен женский голос: «Что же вы не спрашиваете, кого?» – «Да сына, должно быть». – «Ошибаетесь, у вас дочь». Я спокойно отдал телефонную трубку администратору и сел на стул. Кайсын в недоумении смотрит: «Что она сказала?» Отвечаю ему: «Кайсын, у меня дочь. Я так хотел дочь, наверное, мое желание услышал Аллах». Кайсын обнял меня, поздравил. «Ну, дружище, теперь у тебя комплект – сын есть, а теперь вот и дочь, пойдем поздравим жену».

Пошли через парк. Вдруг Кайсын остановился: «Цветы надо».– «А где их взять?» – спрашиваю. «Сейчас».– Он пошел к клумбе, с краю сорвал несколько цветков и сделал небольшой букетик. «Если сторож увидит, из-за такого случая ругаться не будет»,– сказал он. В роддоме Кайсын попросил медсестру: «Пожалуйста, поставьте этот букетик в стаканчик на тумбочке Людмиле Петровне Хавпачевой и скажите ей, что он от старика Кайсына Кулиева и ее мужа». Медсестра с улыбкой ответила: «Кайсын Шуваевич, вас все знают, так что я не забуду от кого цветы». Таким образом, первым, кто поздравил меня с моей большой в жизни радостью – рождением дочери, был Кайсын Кулиев. Такое внимание навсегда остается в сер-

дце и хранишь его всю жизнь. Спустя много лет, когда мы с дочерью случайно встречались на улице с Кайсыном (а он часто гулял по проспекту имени Ленина с Аскером Аппаевым или с Иссой Боташевым, своими товарищами), он говорил: «Аскер, я первым поздравил Хажбекира с дочерью, смотри, какая она большая стала!»

Зарема потом дружила с сыном Кайсына Кулиева – Алимом. Кайсын дарил моей дочери свои книги с автографами.

Много тысяч километров исколесил я с Кайсыном – по России, Украине, Средней Азии, Закавказью, Прибалтике.

Кайсын был очень тактичен с людьми. С почтением относился к старшим, умел находить подход к младшим. Никогда не старался быть первым, главным, не подчеркивал свое «я». Его всегда выделяли, а сам он незаметно становился лидером в группе, где находился.

Его доброе и удивительное отношение к старшим я наблюдал многократно. Помню, в 1965 году в Латвии проходили Дни культуры Кабардино-Балкарии. В группу входили многие деятели искусства и литературы. Среди писателей был народный поэт республики Амирхан Хавпачев. Ему было уже за 80 лет. Амирхан еще в довоенный период знал молодого Кайсына. Тепло, сердечно относился к Кайсыну, и тот отвечал ему тем же.

Когда мы прилетели в Ригу, Кайсын сразу взял под свою опеку Амирхана Хавпачева. Он знал, что старик был глубоко верующим и не пропускал ни одного намаза, что в столовых и ресторанах он не ел. Во время завтрака или обеда Кайсын всегда садился возле Амирхана и просил официантов, чтобы они подавали старику сметану, яйца или молоко. Иногда подшучивал: «Амирхан, и мы тоже хотим в рай попасть». Старик тихо смеялся и, хлопая по плечу, обнимал по-отцовски Кайсына.

Кайсын Кулиев в 60-х годах стал крупным поэтом, его поэзия давно перешагнула границы не только Кабардино-Балкарии, но и Советского Союза. Его стихи читали на многих языках мира. Однажды даже премьер-министр Индира Ганди, выступая на митинге, посвященном Миру, прочитала стихи Кайсына Кулиева.

С Кайсыном и я, и другие деятели литературы и искусства были на Декадах Кабардино-Балкарии в Даге-

стане, в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Адыгее, Карачаево-Черкесии, Ростове-на-Дону. Дважды мы побывали в Винницкой области Украины. Где бы мы ни выступали, где бы мы ни встречались с читателями,– всегда в центре внимания был Кайсын Кулиев. Он обладал каким-то особым обаянием, которое притягивало к нему людей.

Помню, в 1977 году, в конце сентября, в Узбекистане проходили Дни культуры Российской Федерации. В составе российской делегации оказался Кайсын Кулиев. В делегацию входили писатели – Сергей Михалков, Евгений Долматовский, Давид Кугультинов, Николай Доризо, Андрей Дементьев, композиторы – Ян Френкель, Андрей Эшпай, Владислав Казенин, Мурад Кажлаев, Бау Ямпилов, Владислав Агафонников, Василий Соловьев-Седой и другие. Всех трудно припомнить. Вся делегация литературы и искусства Российской Федерации была разбита на четыре группы. Каждая группа должна побывать в трех областях. А тогда в Узбекистане было одиннадцать областей и одна автономная республика Каракалпакия. Наша группа, куда входил и Кайсын, должна была посетить Джизакскую, Сыр-Дарьинскую и Самаркандскую области и выступить перед трудящимися. Все были обрадованы, что мы можем посетить древний Самарканд, где находится могила Тамерлана, обсерваторию Улукбека, мавзолей Тимуридов, дворец Ак-Сарай и другие достопримечательности. Кайсын восхищался древней цивилизацией Востока, его богатой культурой.

В нашу группу входили такие известные актрисы, как Руфина Нифонтова, Юлия Борисова, актеры: Всеволод Санаев, Игорь Горбачев из Санкт-Петербурга, Петр Глебов, знаменитый кинорежиссер Сергей Кулиджанов, композиторы: Ян Френкель, Владислав Агафонников, Мурад Кажлаев, Георгий Шантыр и другие; писатели: Сергей Михалков, Кайсын Кулиев, Евгений Долматовский, Николай Доризо, Заки Нури, Андрей Дементьев. По идее Кайсын Кулиев должен был находиться большей частью среди писателей, но он все время был среди композиторов, долго разговаривал с ними на разные музыкальные темы. Особенно его интересовали современные песни и романсы.

Я считаю, что поэзия Кайсына Кулиева имела большое влияние не только на кабардинскую и балкарскую, но и на российскую и мировую вокальную музыку. Причина такого внимания к поэзии Кайсына Кулиева зиждется в ее высоком художественном содержании и в совершенстве поэтического языка. Мне кажется, что каждый из нас, читая стихи поэта, начинал их петь, придумывая себе соответствующую мелодию, потому что его поэзия – это истинная музыка высокого класса. Поэтому многие выдающиеся композиторы второй половины XX века создавали многочисленные песни и романсы на стихи великого поэта Кайсына Кулиева. Среди них такие мастера вокальной музыки, как Ян Френкель, Андрей Эшпай, Микаэль Таривердиев, Эдуард Колмановский, Георгий Шантыр, Мурад Кажлаев, Юлий Мейтус, а также и наши известные композиторы – Хасан Карданов, Мухадин Балов, Мустафир Життеев, Михат Османов, Абидин Байчекуев, Аслангери Казанов, Аслан Дауров, Джабраил Хаупа, Заур Жириков, Владимир Молов, Тамара Блаева, Салима Крымская.

Кабардинские и балкарские композиторы написали много прекрасных сочинений на стихи и поэмы Кайсына Кулиева. Это такие крупные сочинения, как оратория «Горская поэма о Ленине» Аслана Даурова, на эту же тему написал кантату Абидин Байчекуев. Стали популярными песни «Весна» Мустафира Життеева, «Песня, подаренная девушкам» Владимира Молова, «Женщина купается в реке» Джабраила Хаупы, «Девушка и весна» Аслангери Казанова, «Длинный год» классика нашей музыки Хасана Карданова, «Пусть никогда не умирают дети» Тамары Блаевой. На эти же стихи написал песню Михат Османов. На наш взгляд, поэзия Кайсына Кулиева занимает прочное место в творчестве композиторов Кабардино-Балкарии и в целом России. Он всегда приглашался на пленумы и съезды композиторов Российской Федерации и Советского Союза, не говоря уже о наших республиканских пленумах.

Однажды на пленуме Союза композиторов СССР Георгий Васильевич Свиридов, один из крупнейших композиторов современности, во время перерыва подзывает меня и говорит: «Хажбекир, я пригласил к себе домой Кайсына Кулиева (он присутствовал на пленуме компо-

зиторов СССР как представитель Союза писателей СССР). Я написал новый цикл романсов на его стихи и хочу ему показать. Пригласил я также Отара Васильевича Тактакишвили, Аслана Даурова и прошу Вас тоже приехать ко мне к двум часам дня».

Мы все приехали к двум часам в дом композитора Г. В. Свиридова, который находился на Большой Грузинской улице (д. № 62). Хозяин встретил нас радушно, усадил за стол, нам подали шашлыки, сухие вина, зелень, лаваши. Георгий Васильевич оказался большим знатоком кавказской кухни. Сидели мы впятером, говорили о поэзии, музыке. Иногда композитор вставал, садился за рояль, играл и пел романсы из нового цикла на стихи Кулиева. Поэт с большим вниманием и восторгом слушал романсы Г. В. Свиридова, написанные на его стихи. Он восхищался: «Георгий Васильевич! Вы написали гениальную музыку на мои скромные вирши». Действительно, творения двух великих художников сливались воедино, образуя музыкальное ожерелье. Мы завороженно слушали. После того как были спеты все романсы, Кулиев встал, очень крепко обнял Г. В. Свиридова и сказал: «Благодарю за честь, оказанную моей поэзии, великий мой друг Георгий!»

Помню, мы с Кайсыном пригласили в гости к нам, в Кабардино-Балкарию, Г. В. Свиридова и О. В. Тактакишвили, но, к сожалению, нашему желанию видеть в гостях у нас знаменитых композиторов не суждено было осуществиться. Вскоре заболел Кайсын Кулиев и ушел из жизни.

Много радости приносили людям поэзия и личное общение с поэтом. Для меня было большой честью, когда в 1976 году на торжественном юбилейном вечере в драматическом театре от имени писательской организации республики он поздравил меня с 50-летием со дня рождения. Обнял и вручил часы: «Пусть бьется твое сердце так же точно, как эти часы. Дорогой мой, после пятидесяти лет мы уже становимся равными по возрасту. Так что...– замолчал, а потом продолжал: – Нет, я шучу. Время есть время, его никто не прибавит и не убавит».

Человеческая натура Кайсына Кулиева была особой, богатой, неповторимой. Он всегда удивлялся всему, что казалось ему новым. Никогда не забуду случая в селе-

нии Алтуд. Где-то в середине 60-х годов перед Октябрьскими праздниками руководители колхоза «Алтуд» пригласили на встречу с читателями кабардинских и балкарских писателей. Председателем хозяйства был удивительно добрый человек – Нахата Токбаев. К алтудцам поехали Алим Кешоков, Кайсын Кулиев, Керим Отаров, Адам Шогенцуков, Берт Гуртуев, Амирхан Шомахов, Сафар Макитов и я. Встреча продолжалась около трех часов и завершилась к семи вечера. Зал скоро опустел. Вдруг слышим: «Теперь не мешает немножко подкрепиться». Честно сказать, все забыли о холоде и голоде, настолько встреча была сердечной и теплой.

На улице было темно и сыро, шел снег с дождем. И вот мы зашли в большую комнату. Посередине стоял стол на двадцать человек. Принесли подносы с лакумами, здесь же – сыр, соленые огурцы, помидоры и паста, приготовленная по-кабардински. Что скрывать, на столе стояли также бутылки коньяка и водки. Мы дружно и шумно уселись за стол. Подали котлеты в глубоких тарелках. Уже произносили второй тост. Настроение поднялось, стало хорошо. Мы уже не чувствуем холода. Не знаю почему, но не по обычаю я очутился между Алимом Кешоковым и Керимом Отаровым. Смотрю, справа от Кешокова сидит Амирхан Шомахов, и Алим подвигает ему свою тарелку с котлетами. Амирхан, что ни говори, а покушать любил. Спрашиваю Алима: «Почему не ешь котлеты?» Он отвечает: «Тебе тоже советую воздержаться». – «Почему?» Алим лукаво смотрит на меня и, показывая взглядом на пасту, тихо говорит: «Значит, должно за котлетами следовать что-то более существенное: индюшка или барашек. Ты что, не знаешь обычаев кабардинцев: раз они заранее ставят на стол пасту, значит, еще будут солидные блюда». Я доел начатую котлету и тоже перестал есть. Увидев это, спрашивает меня Керим: «Почему ты не ешь?» Я рассказал ему то, что мне поведал Алим, и он, слегка закатывая глаза, покачал головой: «Правильно говорят: век живи, век учись. Видишь, какой народ мудрый». И Керим тоже перестал есть. Мы втроем – Алим, Керим и я – ели сыр с лакумами. Видно было, что все хорошо, плотно поели – и вдруг стали подавать на стол аппетитное мясо индейки с шипсом, а немного погодя принесли и баранину. Как только Кайсын все

это увидел, громко сказал: «Надо было бы все это раньше подавать, а теперь мы сыты». Керим говорит: «Вы – да, а мы – нет!» – «Как нет?» – удивленно смотрит на него Кайсын. «Видишь, на столе паста стоит?» – спросил Керим. «Ну и что?» – «А то, что это значит – должны подавать индюшек или барашек».– «Откуда ты знаешь?» – «Только что, полчаса тому назад, узнал. Об этом Алим говорил Хажбекиру, а он мне. Так что я сегодня открыл для себя еще один удивительный обычай кабардинцев»,– подытожил Керим Отаров. Кайсын же сказал: «А почему, Алим, ты мне об этом обычае ничего не говорил до сих пор?» Алим ответил: «Ты давно знаешь о таком обычае и много раз его соблюдал, но, видимо, сегодня был голоден как никогда».– «Да, да!» – засмеялся Кайсын. А Керим шутливо толкал меня в бок: «Как важно знать обычаи народа!»

Кайсын Кулиев имел много друзей не только среди писателей, композиторов, художников, скульпторов, политических деятелей, ученых, но и среди виднейших вокалистов-исполнителей – это Евгений Нестеренко, Иосиф Кобзон, Алла Пугачева, Лев Лещенко, Валентина Толкунова. Он дружил и ценил своих певцов-земляков: Исмаила Жанатаева, Людмилу Кульбаеву, Галину Таукенову, Светлану Богатыреву, Наталью Гасташеву, Ирину Шериеву, Владимира Кодзокова, Сергея Беппаева, Тамару Гергокову, Махмуда Текуева, Владимира Барагунова. Он по-доброму, с любовью относился к ним. И они отвечали ему взаимностью. Нет почти ни одного композитора в республике, который бы не прикасался к волшебной поэзии великого балкарца.

Кайсын Кулиев умел крепко, бескорыстно дружить со своими братьями по перу. Какая красивая дружба была между ним и Алимом Кешоковым! Они многие годы шли вместе. Были вместе на фронте, форсировали Сиваш, когда от фашистов освобождали Крым.

Дружба Кайсына Кулиева с Расулом Гамзатовым, Давидом Кугультиновым, Чингизом Айтматовым – это великие страницы литературы, когда шло взаимообогащение культур многих народов.

В последний раз я видел Кайсына в Кунцевской больнице. Шел пленум Союза композиторов РСФСР. Тогда с нами, композиторами, был заведующий отделом культу-

ры нашего обкома КПСС Аубекир Чофанов. Он, я, Мустафир Жеттеев и Владимир Молов договорились посетить Кайсына в больнице. Поехали утром. Всех нас не пустили в палату. Пропустили к Кайсыну Аубекира Чофанова и меня, предупредив, что мы можем находиться у него только десять минут. Мы сказали, к кому мы идем, и медсестра тотчас повела нас к палате. Постучали. Слышим голос Кайсына: «Зайдите». Зашли. Рядом у кровати стоит Элизат, самый близкий человек Кайсыну. Она хочет казаться бодрой, но это не очень получается. Видимо, ночью она не спала. Кайсын предлагает садиться. Элизат поставила два стула. Мы сели. Кайсын интересуется как дела в республике, как проходит пленум Союза композиторов. Чувствуем, что ему трудно и больно, но он не хочет показаться слабым и больным. Ему было трудно говорить, но он продолжал разговор. Элизат с тревогой смотрела на него. Кайсын заметил ее тревогу: «Знаете, нам говорят, что через некоторое время я поправлюсь. Так сказали врачи. Это правда, Лиза?» Она утвердительно говорит: «Да, Кайсын, врачи так говорят». После этого поэт немного повеселел: «Мои друзья мне не дают скучать. Только что перед вами был Расул, вчера – Давид. Часто бывает и Алим. Так что не забывают меня».

Когда мы поднялись, чтобы уйти, Кайсын загрустил: «Значит, пора вам идти. Врачи не разрешают у меня подолгу сидеть». Не только Кайсын, но и Лиза тоже взгрустнула. Она с такой болью в глазах смотрела на Кайсына, что и нам это передалось. На ее глазах угасал громадный человек, с громадным умом и сердцем. Мы обнялись. «До скорой встречи в Нальчике»,– сказал он нам вслед.

Кайсын Кулиев перед моими глазами всегда стоит, как живой, с широкой улыбкой, будто говорит: «Как дела, старина? Не вешай нос, все еще впереди». Голос Кайсына до сих пор звучит в моих ушах.

Кайсын Кулиев – гигант человеческой культуры. Он всегда живет в народе со своей поэзией. Такие люди не умирают. У них есть только дата рождения. Даты смерти нет.

Осман Ахъяевич ХУБИЕВ (1918)

Осман Хубиев – один из зачинателей карачаевской прозы, народный писатель Карачаево-Черкесской Республики, член Союза писателей России, ветеран войны и труда.

Родился он в живописном карачаевском ауле Верхняя Тиберда, Карачаевского района, в семье сельского труженика. Писать начал еще в школьные годы. Первый поэтический сборник «Комсомольские песни» вышел, когда автору было 17 лет, а через два года он становится членом Союза писателей СССР. В 1939 году опубликована его повесть «Абрек», о гражданской войне в Карачае.

Великая Отечественная война застала Османа Хубиева на действительной службе в Советской Армии. В первые же дни всенародной войны в составе 445-го стрелкового полка он участвовал в боях против фашистских захватчиков на Украине. Около города Дубно был тяжело ранен. Награжден орденом Отечественной войны и медалями. После выселения карачаевского народа в Среднюю Азию Осман Хубиев, работая завучем в Чаткульской, Первомайской и Белогорской средних школах Сухалукского района Киргизии, преподавал русский язык и литературу. Был внештатным консультантом Союза писателей Кыргызстана по карачаево-балкарской литературе, а также внештатным инспектором Фрунзенского облоно. А по возвращении на родину с 1957 года работал заведующим литературным отделом карачаевской газеты, заместителем председателя республиканского Комитета по телевидению и радиовещанию Карачаево-Черкесии. Начиная с 1975 года, около двадцати лет Осман Хубиев работал председателем Союза писателей нашей республики. Неоднократно избирался делегатом съездов и членом правлений Союзов писателей РСФСР и СССР.

Перу Османа Хубиева принадлежат 25 книг, изданных в Черкесске, Ставрополе и Москве. Это романы и повести, рассказы и очерки о славных тружениках: полеводах, животноводах, строителях и детях. На его стихи созданы 63 песни.

За многолетнюю плодотворную творческую деятельность, за весомый вклад в развитие карачаевской литературы, за заслуги в нравственном воспитании нашей молодежи Осман Хубиев награжден орденами Дружбы народов, «Знак Почета», медалью «За доблестный труд». А в 1995 году ему присвоено почетное звание «Народный писатель Карачаево-Черкесской Республики».

Следует отметить, что Осман Хубиев является и переводчиком. Он перевел на карачаевский язык отдельные произведения многих известных поэтов и писателей: Пушкина, Шевченко, Крылова, Маяковского, Руставели, Райниса, Хетагурова, А. Малышева, Н. Доризо, Ю. Бондарева и других.

Осман Хубиев часто выступает по радио, на страницах газет, перед учащимися, трудовыми коллективами. С 1994 года он на пенсии, живет в городе Черкесске.

БРАТСТВО ЛИТЕРАТУР – БРАТСТВО НАРОДОВ

О встречах с Кайсыном Кулиевым. Это случилось в Кыргызстане. В село Чат-Кёль, расположенное у подошвы горного хребта Ала-Тау, пришло письмо из Союза писателей республики. Я работал тогда в школе. Письмо было адресовано мне. Я подумал, что оно связано с моей работой. Читаю: «Союз писателей Кыргызстана просит Вас срочно приехать с паспортом во вопросу, касающемуся лично Вас...» Я еще не успел стать на учет как писатель, там меня не знают. Что за тайный вопрос, касающийся лично меня, ума приложить не мог. На второй день поехал во Фрунзе в Союз писателей. У вахтера спрашиваю: «Меня пригласили сюда. Куда, к кому мне идти?» – «Если Вы поэт, вот направо, первый кабинет. Там отдел поэзии. Сидит усатый мужчина». Захожу. Этот усатый человек быстро поднялся из-за стола, на котором лежал томик стихов М. Лермонтова, и пристально посмотрел на меня.

«Салам алейкум!» – приветствовал я и подал ему руку. «Не кавказец ли ты?» – спросил он, глядя на меня, казалось, с сомнением. Он был среднего роста, лет тридцати. На нем была гимнастерка защитного цвета, галифе, кавказский серебряный пояс, блестящие хромовые сапоги. «Да, я родом с Кавказа. Приехал по приглашению»,– ответил я. «Да-а, вот оно что!.. Значит, ты Осман, карачаевец, не так ли?» – весело звучал его голос. Я подтвердил,

что он угадал. «Так, чего смотришь, давай обнимемся по-кавказски, по-фронтовому»,– улыбнулся он, и мы по-братски крепко обнялись. «А я – Кайсын, балкарец, недавно вернулся с фронта, вот работаю здесь завсектором русской поэзии. Сейчас читал кавказские поэмы Лермонтова: вспоминаю наш Кавказ. Как искренне любил он наши горы! Недавно случайно встретил учителя из села Чат-Кёль. Он и поведал о том, что в школе с ним работает поэт, фронтовик Осман Ахъяевич Хубиев. А я заочно знал, слышал о тебе еще на Кавказе. «Почему же не приезжает этот товарищ и не становится на писательский учет»,– думал я. Вот потому и пригласил тебя от имени Союза писателей. Пусть возьмут тебя на учет и дадут «Литер Б», по которому в это трудное время будешь получать по дешевой цене продукты на семью. Если же возникнут какие-то проблемы, я к вашим услугам»,– объяснил он. Потом мы вспоминали Кавказ, тяжелейшую войну и унизительное наше положение в роли репрессированных по политическим мотивам. Оказалось, что мы почти ровесники.

Это была моя первая встреча лицом к лицу с незабвенным Кайсыном Кулиевым. Она состоялась летом 1945 года. Его очень интересовала жизнь переселенцев-карачаевцев, их взаимоотношения с местным населением. Справедливости ради надо отметить, что местное население к нам относилось доброжелательно, с пониманием. Потом мне приходилось часто ездить во Фрунзе, правда, только по специальному разрешению коменданта, за продуктами по «Литеру Б», и почти каждый раз я встречался с Кайсыном. Он был очень гостеприимен, добр, радостен. О чем только мы ни говорили!.. Но надежда, что рано или поздно мы вернемся на родной Кавказ, нас ни на минуту не покидала.

Однажды, это было в 1952 году, ко мне в село Белогорку в горах Тянь-Шаня (с 1948 года я жил и работал здесь) приехал Кайсын со своим смоленским другом – известным поэтом Сергеем Фиксиным. Жена моя находилась в районном роддоме. Кайсын, обращаясь к Фиксину, сказал: «Сережа, знаешь новость? У Османа – близнецы: девочка и мальчик! Только что сообщили из района. Отметить же надо?!» Оба тепло поздравили меня и в один

голос сказали: «Пусть их родиной будет Кавказ!» Стол кое-как (без хозяйки) был накрыт. И Кайсын и Фиксин интересовались моими условиями жизни: пишу ли я, если да, то о чем, с желанием ли я работаю в школе, какова помощь властей учебным заведениям. Потом мы поехали в горы Тянь-Шаньские, побывали у горных озер. Кайсын всему радовался, как ребенок. Таких влюбленных в жизнь, в живую природу, в людей, как Кайсын, я нигде, никогда не встречал. Не только цветы, озера, ручейки, птицы – его привлекало каждое дерево, скала, каждый камень; он их одухотворял. Кайсын – великий и нежный жизнелюб:

С лихвою мне хватало
Того, что был я всегда рад
Траве, деревьям, скалам,–

писал он в книге «Кизиловый отсвет». Я прочитал все его поэтические произведения в оригинале. Дело в том, что балкарский и карачаевский языки – это один и тот же язык за редкими диалектами.

Многие произведения Кайсына посвящены истинному братству людей и народов.

Моя семья вернулась из Кыргызстана в феврале 1957 года. В это время Кайсын учился в Москве на Высших литературных курсах. Уточнив адрес, я написал своему другу Кайсыну письмо о том, что я уже дома, т. е. в Карачае, и что после 16-летнего перерыва выпустили (с моим участием) первый номер карачаевской газеты «Кызыл Карачай». Это было 10 апреля 1957 года, тогда большинство карачаевцев еще не вернулось. Ответ не заставил себя долго ждать. Кайсын писал:

«Дорогой Осман, здравствуй! Был очень рад получить от тебя письмо. Очень и очень тебе благодарен, что вспомнил обо мне. Спасибо, друг! Наконец-то ты дома! Поздравляю тебя с таким радостным исходом дела наших народов, также с возвращением твоим на Кавказ и выходом в свет карачаевской газеты! Все это величайшее счастье! Как хорошо, что все кончилось так! Как все это приятно было моей душе! Я вспомнил все, даже твою Белогорку в горах Тянь-Шаня...»

Вот как воспринял Кайсын торжество справедливости после испытания неимоверных мук целыми народами. Первая встреча Кайсына с родной Балкарией после выселения состоялась заочно: он учился на Высших литературных курсах, находился в Москве, но уже точно знал, что его народ скоро вернется на родину. Еще в 1956 году в своей первой поэтической книге на русском языке «Хлеб и роза» (изд-во «Молодая гвардия») Кайсын с огромным чувством радости пишет:

Балкария на поднятые плечи
Набросила, как бурку, облака.
О Родина моя! Вот наша встреча!
Теперь она уже недалека.

Я благодарен Кайсыну до последних дней своих: он по одному экземпляру всех своих книг присылал мне с автографами. Храню их как реликвию. Каким добрым, обаятельным, простым, щедрым и чутким был наш Кайсын – дважды лауреат Государственной премии, народный поэт Кабардино-Балкарии, автор 50 книг, почетный гражданин многих больших городов нашей страны и даже зарубежных стран, депутат Верховного Совета страны! Приведу только три коротких автографа, подтверждающих его доброжелательность: «Осман, дорогой! По-братски на память о наших встречах в горах Тянь-Шаня и родного Кавказа! Кайсын» (на книге «Хлеб и роза»); «Обнимаю тебя! Мой любимый брат Осман! Кайсын» (на книге «Кизиловый отсвет»); «Осману – другу и брату. Кайсын» (на книге «Земля и песня»). У него было множество друзей; где только он ни побывал! Он все видел на Земле: и сытых и голодных, властелинов и бесправных, великих писателей, ученых и праздных бездельников. Поэтому мечтал о всеобщей справедливости, равенстве, созидательном труде, сохранности природы. Его талантливые произведения в основном посвящены этим темам.

В 1977 году осенью весь Кавказ и вся страна отмечали 60-летие выдающегося поэта, общественного деятеля Кайсына Кулиева. Я был счастлив от имени Карачаево-Черкесии принять участие в этих торжествах в Нальчике. Со всех концов тогдашнего Советского Союза приеха-

ли широко известные поэты, прозаики, драматурги, ученые, педагоги. Отдавали дань его самобытному могучему таланту, величию его человечности и доброте. На торжественном собрании и мне было предоставлено слово. На второй день мы побывали на родине Кайсына – в селении Чегем и на Чегемских водопадах. Мы наблюдали народную любовь к своему великому сыну, неутомимому труженику на поэтическом поприще и общественному деятелю.

В 1963 году я с женой отдыхал и лечился в Долинске, что рядом с Нальчиком. Как-то, приняв ванну в Ак-су и вернувшись в свой санаторий им. Калмыкова, мы во дворе заметили легковую машину, рядом с ней, на травке, в тени, кто-то спал. Когда мы зашли в палату, дежурная сестра сообщила нам, что один мужчина давно ждет нас. «Где он? Кто он?» – спросили мы, перебивая друг друга. «Не знаю, он мне не сказал. Вот посмотрите, во дворе под машиной он». Мы удивились: лежащий был в домашнем костюме. В Нальчике у нас знакомых не так-то много, кто бы это мог быть?.. Подошли к нему. Человек быстро поднялся и, обнимая нас, с удивлением спросил: «Где же вы пропали? Я жду вас больше двух часов, лег отдохнуть». И это был наш Кайсын Кулиев. Мы пригласили его в палату, но он отказался. «В Нальчике – я хозяин, а вы – гости. Вот я за гостями и приехал. Садитесь в машину, сейчас поедем ко мне»,– сказал Кайсын уверенно. Мы согласились. Поехали. У него уже сидели известные писатели: Алим Кешоков, Наум Гребнев, Семен Липкин и другие. Говорили о балкарской и кабардинской поэзии, о молодых талантливых авторах, о том, что много хороших произведений еще не переведено на русский язык. Отмечали также, что необходим перевод лучших произведений с русского на национальные языки. Кайсын читал свои новые подстрочные переводы. Его жены с нами не было. Кажется, она сидела в кухне, закрыв дверь. Шутили, смеялись, острили. Вдруг Семен Липкин с удивлением спросил: «Кайсын, дорогой! Где же твоя жена, Мака? Ты что, ее прячешь от нас?» Кайсын с серьезным видом успокоил его: «Она сильно занята».– «Где?» – «На кухне»,– ответил Кайсын. «Что, она, видимо, готовит там?» – не переставал допытываться Липкин. «Да нет же!» – Казалось, Кайсын отвечал на эти вопросы нехотя. «Кай-

сын, скажи прямо, она что, читает твои стихи?» – «Дорогой Семен, она не читает, а считает – и что вы думаете? – количество строк моей новой рукописи! Я завтра должен рукопись сдать в издательство». Липкин не успокоился: «А что, Мака – бухгалтер, что ли?» – «Семен, хуже! Она и бухгалтер и ревизор мой»,– сказал Кайсын, раскрывая секрет. Все засмеялись. Когда Мака стала обслуживать гостей, Семен Липкин передал ей шутку Кайсына. Сначала показалось, что ей это не понравилось. А после паузы она тоже засмеялась и сказала: «Вот так он всегда издевается надо мной». Мака, супруга Кайсына, когда-то была ингушской красавицей и намного моложе Кайсына. Позже у нее появилась тяжелая, неизлечимая болезнь, которая унесла ее.

В 1967 году в своей книге «Жизнь и талант» Семен Липкин опубликовал очерк о Кайсыне Кулиеве, о его жизни и творчестве под названием «Мир и любовь». Прошло время, и вдруг в 1978 году получаю от Кайсына Кулиева письмо из Нальчика, в котором он писал: «...почему молчишь, Осман, почему до сих пор нет приглашения? Приглашай, не приглашай, а на юбилей твой (60-летие), знай, я все равно приеду с друзьями». И действительно приехал. С ним были писатели Исса Боташев, Ахъя Ахматов и еще один кабардинский поэт. Кайсын выступал на торжественном собрании очень содержательно, говорил о проблемах балкарской и карачаевской литературы, о необходимости обязательного укрепления литературных связей между кабардино-балкарскими и карачаево-черкесскими писателями, издательствами и редакциями. Подарил символ Кавказа – «Эльбрус»,– нашу мечту в Средней Азии. Это была работа народного художника М. Ваннаха. На второй день ездили в горы. Затем была встреча в пединституте. Кайсын выступил перед студентами со стихотворениями, посвященными нашей республике, ее людям, прекрасной природе. Говорил о необходимости глубокого изучения языков и истории своих народов.

Наши писатели тоже посвящают стихи Кабардино-Балкарии, и у меня есть такое стихотворение и очерки о видных писателях этой республики: о Мечиеве, Кайсыне, Зумакуловой, Отарове и других. Мы с Кайсыном больше

встречались в Москве, чем на Кавказе (на писательских съездах, совещаниях, по вызову Союза писателей и т. п.).

Однажды я у Кайсына спросил: «Когда же подарите прозу?» Он, не задумываясь, сразу уверенно ответил: «Обязательно напишу роман о жизни горцев. Будет называться «Боз къочхар» («Серый баран»), но пока я весь поглощен поэзией»,– как бы с сожалением произнес он. Несколько раз возглавлял он группу писателей на Днях кабардино-балкарской литературы в Карачаево-Черкесии. Среди них: Керим Отаров, Берт Гуртуев, Танзиля Зумакулова, Алим Кешоков, Адам Шогенцуков, Шомахов и другие. Проходили Дни карачаево-черкесской литературы и в Кабардино-Балкарии. Наших писателей встречали там тепло. Эти литературные связи в последние годы несколько ослабли. Их надо всеми силами укреплять. Укрепление братства литератур ведет к укреплению братства народов. Теперь между нами уже есть договор о дружбе, добрососедстве и общих интересах.

Кайсын Кулиев, когда приезжал в Карачаево-Черкесию, после работы всегда рвался в горы. «Ну поехали в Домбай!» – просил он. Как он любил горы! В стихотворении «Земля моя» Кайсын пишет:

Как жить мне без тебя, Казбек,
Без узких, горных троп страны родной,
Без милых сердцу скал и бурных рек?
Как позабыть Баксан и Терек мой?

Кайсын страстно любил родной народ, родной язык и защищал их всех своим могучим талантом, всем существом.

20–23 июня 1962 года в Нальчике состоялась объединенная научная сессия института АН СССР и Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Официальная тема ее: «О проблемах частей речи и сложноподчиненного предложения в языках народов Северного Кавказа и Дагестана». А на самом деле – о дальнейшей судьбе этих языков, надо ли на них выпускать в будущем книги, да и газеты. Вопрос, хотя и завуалированно, но стоял так: быть или не быть языкам малочисленных народов Северного Кавказа и Дагестана. И вот на этом совещании очень взволнованно, но очень обдуманно

выступил наш темпераментный Кайсын. Я сидел в этом зале, очень внимательно слушал и записал его краткое, но острое выступление. Вот небольшой фрагмент из его речи:

«...Язык даже самого маленького народа – это целый мир... У меня есть мать. Она не читала ни одной книги. Не знает, что на свете жил Лев Толстой. Она неграмотна. А ведь есть люди, у которых матери профессора. Но уверяю вас, что я не могу меньше любить свою неграмотную мать, чем те, у которых матери профессора. Такое же отношение у меня к родному языку. Он бесконечно дорог мне, как родная земля, как сердце и судьба моего народа... Человек, который не уважает родную мать, не может уважать соседа!»

В своем стихотворении, посвященном родному языку, Кайсын Кулиев пишет:

Ценой моей жизни и смерти живи,
Бессмертный язык материнской любви!

В последние годы жизни Кайсын был больше печален, чем задумчив. Это замечали мы все. Видимо, он что-то недоброе предчувствовал в связи с коварной болезнью. Грусть и тоска присутствуют в его последних стихотворениях:

Лежу я вдали от Чегема в больнице,
Тоскуя, как ссыльный, по милым горам,
Смогу ли когда-нибудь к ним возвратиться?

И вот еще концовка другого стихотворения:

Всему на свете свой назначен срок,
И мой закат грядущий недалек...

Рано погасла яркая звезда кавказской поэзии... Я был на его похоронах. Как он в больнице просил Аллаха, чтобы в последний путь его сопровождал в горах летний дождь. И действительно, в этот день с утра до вечера лил сильный дождь, ни на минуту не переставая. «И природа плачет»,– говорили люди.

Балкарский народ лишился своего славного сына, карачаево-балкарская литература потеряла своего гениального поэта, певца Кавказа. Россия потеряла одного из талантливейших ведущих поэтов, так широко и так прекрасно воспевавшего мир, жизнь, природу, справедливость, братство народов. Его поэзия бессмертна. Кайсын Кулиев живет в сердцах миллионов.

Зубер Мухамедович
ТХАГАЗИТОВ
(1934)

Зубер Тхагазитов родился в 1934 году в поселке Терек, Терского района, Кабардино-Балкарской АССР.

После окончания средней школы (1954) он поступил на историко-филологический факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета, который окончил в 1960 году.

Писать стихи начал еще в школьные годы. Первое стихотворение Зубера Тхагазитова было опубликовано в местной газете «Ленинский путь» в 1952 году. С тех пор он регулярно печатался в республиканских газетах, альманахе «Кабарда», журнале «Эльбрус» и центральных журналах «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Дон», «Крестьянка», в газетах «Литературная Россия», «Комсомольская правда».

Первый сборник стихов «В гору» издан в 1960 году в Нальчике. Через год вышла его книга для детей «Кайцук». В 1964 году была издана третья книга – «Напевы Терека». На русском языке отдельной книгой стихи Зубера Тхагазитова впервые вышли в 1963 году в Нальчике («Эхо весны»).

Зубер Тхагазитов – участник многих декад кабардино-балкарской литературы и искусства в Москве, делегат Всероссийских совещаний молодых писателей, на которых он многократно встречался с Кайсыном Кулиевым, был одним из его друзей. Зубер Тхагазитов дорожил вниманием балкарского поэта и сохранил все материалы, которые касаются их взаимоотношений. Своему великому собрату Зубер Тхагазитов посвятил несколько стихотворений, в которых он выразил свои искренние чувства.

Кайсын Кулиев заметил большое поэтическое дарование Зубера Тхагазитова, его значительную роль в развитии духовной культуры кабардинского народа и оставил свои заметки о нем на страницах «Литературной газеты», «Кабардино-Балкарской правды», «Литературной России», журналов «Дружба народов», «Дон». Высказывания Кулиева о литературной известности Зубера Тхагазитова охватывают значительный период времени, начиная с середины 60-х годов до 1984 года,

последнего года жизни Кайсына, когда он вместе с Зубером радовался заслуженному признанию его заслуг и дал ему телеграмму следующего содержания: «Сердечно поздравляем с юбилеем, правительственной наградой. Желаем долгих лет здоровья, счастливого пути. *К. Кулиев. Д. Долинский*».

Кулиев с большим уважением относился к Зуберу и старался, чтобы он принимал участие в юбилейных торжествах. Так, в связи с приближавшимися пушкинскими мероприятиями, Кулиев обратился в Союз писателей СССР с просьбой, чтобы Зубера Тхагазитова включили в состав делегации. Об этом свидетельствует телеграмма, данная из Москвы за подписью И. Андронникова. «По вашей просьбе,– говорилось в ней,– Зубер Тхагазитов едет в Михайловское. Просим его быть в Москве 29 мая. Вы включены в состав делегации Кишинева и Одессы. Просим быть в Москве 29 мая или в Кишиневе 30 мая. Ждем подтверждения. *Верченко и Андронников* ».

1

Кайсын Кулиев

СЛОВА, СКАЗАННЫЕ С УДОВОЛЬСТВИЕМ

Эти строки я пишу с удовольствием. Молодой поэт, к которому они обращены, дорог мне. Прежде всего, он талантлив. Это главное. Он скромен и сдержан в повседневности и в стихах. В нем нет развязности иных молодых стихотворцев. В нем развито чувство новизны, тяга к лучшим образцам. А это, по-моему, и есть признак даровитости. О человеческой радости и боли, о горах и каменистых дорогах, о желтизне подсолнуха, о дожде над зелеными хлебами уже писали не раз мы, старшие горские стихотворцы. Но для них Зубер старается найти свои слова и краски, заметить не замеченное нами, не повторять ни Гамзатова, ни Кешокова, ни Кулиева. Тут-то, мне думается, и заложено творческое начало. Слово поэта всегда должно нести в себе свежесть хлеба и воды. Творчество живет новизной. Ее я чувствую в стихах Тхагазитова. Я имею в виду не игру в оригинальность, а подлинность, естественность и новизну созревания колоса. Также рождается и поэзия. Потому она и остается вечным чудом, необходимым людям.

К нашей общей радости, горская советская поэзия в лучших своих явлениях давно преодолела примитивизм. И такие наши молодые поэты, как Зубер Тхагазитов, по-

ведут ее дальше, учитывая опыт старших собратьев, избегая и отвергая мертвые схемы, учась на лучших образцах поэзии всех народов. Для этого у них есть все возможности. Я надеюсь, что их произведения будут сильны чувством живой жизни, ее дыханием и подлинностью. Пока же не всем нам хватает этого. Хочу верить, что те, которые идут за нами, не станут повторять наши промахи и ошибки, так же как и скромные достижения. Пусть только учтут их. Это необходимо, чтобы сделать свое нечто значительное. Верность жизни – первая черта дарования. Мне бы хотелось, чтобы никогда не забывал об этом мой молодой земляк и друг.

Зубер Тхагазитов образован. Много читает. Тревожно ищет. Самодовольство ему чуждо. Я люблю в нем серьезное отношение к жизни. Отсюда можно сделать вывод, что он, как говорится, стоит на правильном пути. Стихи его хорошо приняты читателями. Пока это только начало. Но важно, что оно хорошее. Если сказать коротко, что очень трудно сделать,– так я воспринимаю Зубера. Еще ни один мастер, ни один мудрец (а я не являюсь ни тем и ни другим!) не научили кого бы то ни было хорошо писать. Это невозможно. Поэзии не учат, так же как и любви. Но поддержать и помочь можно. Взаимное общение имеет значение. Опыт друга, живущего рядом, всегда является опорой. Поэтому-то я, давно пишущий стихотворец, решил сказать молодому собрату несколько слов одобрения, предостережения. Я согласился на это лишь потому, что верю в Зубера Тхагазитова. Горцы говорят: «Того, кто может убить волка, видно по шапке». Мне нравится, как сидит шапка на голове молодого поэта. Пусть только он останется верным лучшим традициям родного народа, нашей земле, большой поэзии, всему прекрасному и крупному в жизни. Еще одно пожелание: когда Тхагазитов достигнет зрелости и широкой известности, пусть он сохранит свои драгоценные качества – скромность и естественность во всем, как наши крестьяне-хлеборобы и чабаны. В этом высокая мудрость и душевная красота. Хочу, чтобы Зубер был счастлив как художник и через много лет вспомнил эти мои слова, сказанные с удовольствием*.

---

* *Кулиев К.* Слова, сказанные с удовольствием // Дружба народов. 1966. № 7.

Кайсын Кулиев

ЕГО ЛУЧШИЕ ПЕСНИ – ВПЕРЕДИ

Не впервые мне приходится писать о Зубере Тхагазитове. И снова я делаю это с удовольствием потому, что он талантлив, умен и многое обещает. На наших глазах он уже вырастает в одного из лучших поэтов республики. Свидетельством тому – и рукопись его новой книги, которая лежит передо мною. Думаю, что ему предстоит большой путь. Кстати, замечу, что он не из тех, кого портят доброжелательные слова, у него достаточно врожденной скромности и красоты. На мой взгляд, как раз замечательной чертой молодого поэта является скромность в жизни и смелость в поэзии. А это – залог победы. Скромность заставляет быть требовательным к себе, становится путем к плодотворности в работе. Самодовольство же – гибель для художника. Робость в творчестве также вредна. Она сковывает и ведет к повторению уже открытого другими, к бесплодному подражанию, к мертвому эпигонству. Это и является бедой иных наших молодых поэтов. Смелость – один из мощных рычагов, двигающих творчество вперед.

У Тхагазитова есть чувство новизны, такое необходимое для поэта, спасающее его от банальности, ведущее к поискам и находкам. Приятно видеть, что поэт, как говорится, на верном пути. Наши молодые писатели обязаны ставить перед собой большие и трудные задачи, решение которых только и может привести к большой литературе и серьезным результатам. Зубер Тхагазитов понимает это. Стихи его содержательны, современны, обращены к нашей действительности. В них я вижу следы беспокойных поисков и черты подлинной даровитости. Молодой поэт одинаково серьезно относится и к жизни, и к творчеству. А это главное. Недаром одно из своих стихотворений назвал он «Беспокойство». Оно необходимо нашему брату, как дыхание. Иначе все будет сонным и унылым.

У Зубера Тхагазитова счастливая для поэта пора – он на пороге зрелости. Лучшие его песни – впереди. Я верю, что они принесут ему настоящую победу. Этой уверенно-

стью и продиктованы мои строки о молодом собрате, работа которого мне дорога и близка*.

3

Кайсын Кулиев

ИЗ СТАТЬИ «ВЕЧНО ЗЕЛЕНОЕ ДЕРЕВО»

...Все нужное людям не может не быть содержательным. Стихи Ибрагима Бабаева и Зубера Тхагазитова, двух молодых поэтов-мастеров, работающих со мной рядом, нравятся и дороги мне прежде всего тем, что они содержательны, серьезны, глубоки. Глубина содержания никогда не мешала и не может мешать совершенствовать форму**.

4

Кайсын Кулиев

ПО ПРАВУ СТАРШЕГО

...Причастность к судьбе таланта и общение с ним всегда приносят радость... В нашей республике, как и везде, за последнее 10-летие в литературу пришли талантливые молодые поэты. О работе двух из них хочется поделиться своими мыслями с читателями «Литературной газеты».

Кабардинец Зубер Тхагазитов за последние годы на наших глазах вырос в одного из лучших поэтов Кабардино-Балкарии. То же самое надо сказать о балкарце Ибрагиме Бабаеве. Они быстро достигли зрелости. В чем же секрет? Только в таланте, который всегда в большом родстве с мастерством. Недаровитые стихотворцы тоже стараются «высидеть» умение писать, приобрести культуру стиха. Но в их вымученных стихах обязательно видна печать безжизненности, отсутствие вдохновения и подлинности. Только талант в сочетании с мастерством бывает полон жизни.

---

* *Кулиев К.* Его лучшие песни — впереди//Кабардино-Балкарская правда. 1967. 26 февр.

** *Кулиев К.* Вечно зеленое дерево//Литературная газета. 1971. 8 дек.

С какой бы стороны мы ни подошли к Бабаеву и Тхагазитову – вывод один и тот же: они талантливы. И это главное. Отсюда и содержательность, новизна, точный язык, образность их стихов, неожиданные, впервые применяемые рифмы. Теперь можно уверенно сказать, что в нашу литературу пришли еще два крупных поэта. И в этом не будет преувеличения, которого мы так часто боимся в разговоре о талантливых писателях.

Ни у кого из нас не было такой ранней самостоятельности и оригинальности, как у Бабаева. Даже талантливые авторы в начальный период своей работы нередко бывают зависимы от старших мастеров. Порой повторяют их манеру письма и образы, пока не обретут себя. Ибрагим Бабаев пришел в нашу поэзию уверенно, никого не повторяя. Такое бывает нечасто. Все мы немало писали о партизанах времен Гражданской войны. Но вот Бабаев взялся за эту тему и написал совершенно по-своему...

А разве мало мы писали о девушках и о весне? Но Зубер Тхагазитов увидел их по-своему и по-своему свежо и самобытно выразил радость встречи с весной и девушкой. То же самое о море и горах, о зимней ночи, о ветре и времени. В его поэзии мы ощущаем силу и новизну таланта.

К тому времени, когда начали печататься Тхагазитов и Бабаев, наша поэзия, продолжая реалистические традиции старых мастеров Кязима Мечиева и Бекмурзы Пачева, многого достигла. Некоторые поэты старого поколения приобрели широкую известность в стране. Все это, конечно, сыграло свою роль в ранней зрелости Тхагазитова и Бабаева. Они выросли не на пустом месте. Им был очень полезен опыт старших, которым приходилось куда труднее. Два молодых мастера, о которых идет речь, представляют новый тип поэтов в родной словесности. У них – университетское образование, широкие литературные интересы.

О чем бы они ни писали, любая тема, любое жизненное явление в их стихах находят только им одним присущее отражение. Бабаев и Тхагазитов живут и работают рядом. Они совершенно разные художники. По-разному видят и изображают мир. Я не цитирую их стихи сознательно, потому что те немногие переводы, ко-

торые имеются, считаю далеко не совершенными. И, к сожалению, русские читатели будут вынуждены верить мне на слово.

Ибрагиму Бабаеву и Зуберу Тхагазитову перевалило за 30. Жизнь добра и щедра к ним. По долгу и праву старшего должен предупредить и предостеречь моих молодых друзей: талант, данный самой жизнью,– явление драгоценное. А к драгоценности полагается относиться бережно. Талант – достояние не только того, кому он дан, он принадлежит всем нам, является национальным богатством. Пусть мои друзья помнят об ответственности перед родной землей и народом, который вскормил их, дал им язык – лучшее свое сокровище.

Талант, как горе и море, должен быть виден всем далеко. У меня есть уверенность в том, что Ибрагим Бабаев и Зубер Тхагазитов не предадут забвению такие необходимые для художника качества, как талант и истина, будут учиться всю жизнь, оставаясь скромными в жизни, дерзкими и смелыми в творчестве. И тогда их чистые, своеобразные голоса будут слышны не только вблизи, но и вдали. Горячо желаю им этого*.

5

Кайсын Кулиев

ИЗ ДОКЛАДА О ПОЭЗИИ НА ВЫЕЗДНОМ СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП РСФСР В г. ГРОЗНОМ

... Одной из центральных тем для советских поэтов Кавказа была и остается тема советской Родины, без которой нет для нас ни хлеба, ни прошлого, ни современности, ни радости, ни поэзии, ни теплого отчего дома.

Ты учишь понимать
Красу родных рассветов,
И щедро даришь нам
Любую из дорог.
И в самом деле был

**Кулиев К.* По праву старшего//Литературная газета. 1971. 23 июня

Мудрейшим из поэтов,
Кто матерью назвать
Тебя впервые смог.

Так пишет один из лучших поэтов Кабардино-Балкарии – Зубер Тхагазитов. Поэт не мыслит жизни вне Родины, без ее света, без ее хлеба и воды, без ее бессмертной красоты. Поэтому он утверждает: «Кто изменил Отчизне,– пропащий человек: он предал мать свою!»*

6

Кайсын Кулиев

ПОЭЗИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

...Вот стихи Зубера Тхагазитова:

Мертвому все прощается,
Мертвому все прощается,
Мертвому все прощается –
Кроме измены Родине...

Такие стихи говорят сами за себя. Я хочу только выразить свою радость, что мы имеем теперь замечательных поэтов высокой культуры**

7

Кайсын Кулиев

О ПОЭЗИИ

... Ибрагим Бабаев и Зубер Тхагазитов (уже из поколения сорокалетних), не боюсь сказать,– большие поэты, и они создали достойные образцы лирики***.

---

* *Кулиев К.* О поэзии//Литературная Россия. 1976. 3 дек.
** *Кулиев К.* Поэзия Северного Кавказа//Дон. 1977. № 6.
*** *Кулиев К.* О поэзии//Литературная газета, 1981. 26 авг.

Зубер Тхагазитов

БАЛЛАДА О РОЖДЕНИИ ГОРСКОГО ПОЭТА

Кайсыну Кулиеву

I

Был Кавказ мой когда-то сплошною равниной:
Ни вершин и ни рек, что срываются с круч...
И над ним не распугивал клекот орлиный
Воронья наползающих с севера туч.

И еще ни один водопад не плеснулся,
Не омыл смуглый торс полусонной земли.
Только тропы сквозь травы ползли по-пластунски,
Да стократные дали лежали вдали.

И была вечным горем убита равнина:
«Кроме неба, меня никто не видал...»
И равнина себя же ревниво сравнила
С верблюжонком, что на бок в пустыне упал.

Не видал миражей, притворявшихся садом,
Не шагал по пескам, обреченный лежать...
Нет, уж лучше – горбатым,
Зато и богатым
Этим правом несладким: шагать и шагать.

Видеть мир,
Знать глазами его и губами,
Чтоб –
Не так ли и сам человек возникал? –
Поднялись над восставшими в небо горбами,
Над страной горизонта
Страна «вертикаль».

О, как трудно подняться упавшему навзничь!
О, как больно рожать,
Если сын – великан!
О, как трудно быть первым, который и начал
Восхожденье –
Рожденье страны «вертикаль».

II

Вот все твои сыны.
Им горы имя.
Не перечесть в краю моем хребты...
За их рожденье,
Мать-героиня,
Кровавой лавой заплатила ты.

Омытый лавой, пусть живет со славой,
Не забывая той, пробившей тьму,
Отважно сильной,
Беззащитно слабой
Равнины, даровавшей жизнь ему!

И не забыл никто...
Но если б, если
К бессмертью мать свою приговорить
И подарить ей тосты,
Шутки, песни,
Но... не умели горы говорить.

Язык пристал, как будто к небу, к небу,
Не оторвать и миллионам рук...
И песни есть,
Да только звука нету,
И чувства есть,
Да чувствам нужен звук.

О, как вы страшно тосковали, горы,
Безмолвными губами шевеля!
Но вдруг в шершавом
Горьком
Голом горле
Вы ощутили отзвук хрусталя.

А звуки были еле уловимы,
Они порой срывались, но
Так внуки появились у равнины,
Крикливые, как это быть должно.

III

Словно трели свирели,
Водопады звонки.
Снова выгнута в песне
Лебединая шея реки.

И плывет над землею,
Как услышишь –
Замрешь,
Он, оброненный чудо-зурною,
Обыкновенный дождь.

И молчанье размыла
Музыка вешней воды.
И начало –
Равнина
Зазвучала на все лады.

Разнобой этих песен
Увеличило эхо гор,
Но достиг поднебесья
Очень нестройный хор.

Покорившись выси,
Звуки падали вниз:
Звук потребовал мысли,
Чтобы вновь – только ввысь!

Чтобы тонко и точно,
Чтоб в миры,
А не в тартарары
Пел, но пел не истошно
Перевернутый рупор горы.

Значит, снова рожденье
За бессчетно минувшими вслед?
Начинай восхожденье,
Сам создатель и сам же творенье,
Мозг Вселенной – поэт!

IV

О чем он написал?
О матери обычной, как равнина,
Что просто миру подарила сына,
И о горах и реках написал.
А мама головою покачала,
Она – начало, сыну подсказала
Все, что потом он миру рассказал.

И в мир ушел, чтобы потом не сразу
Ловить,
Лепить,
Любить любую фразу,
Чтоб рассказать высокому Кавказу
О целом мире и о нем самом.
По-разному везде его встречали:
То лавром, то вдруг тернием венчали,
Казнили,
Приручали,
Привечали...
А мамины глаза все поучали:
«Живи, мой сын, живи своим умом!»

Своим умом –
И, значит, целым миром,
Больным,
Жестоким,
Праведным и милым,
Который поклонился двум могилам
Родителей поэта до земли...
Одна в горах,
Другая на равнине.
Что было в них, все воплотилось в сыне.
И он хранит наследство их отныне,
Чтоб мы с тобою вечно берегли.

ПАРАШЮТИСТ

Когда я был в былые дни
Парашютистом молодым...

К. Кулиев

Еще война на дальнем рубеже,
А ты – на поле боя был уже.
Ни белых одуванчиков на нем,
Ни деревца. Оно стелилось днем
Ковром, где, приплывая издалека,
Стогами громоздились облака.
А ночью звезды близкие, слепя,
Как бабочки, сверкали вкруг тебя.
Став в выси легче птичьего пера,
Как бы на зелень трав – на синь ковра,
Оставив самолет, ступал ты, смел.
Как снег Эльбруса, парашют белел.
И ветер подпирал тебя плечом
И пел... О чем?.. Ты сердцем знал о чем!
Тревог минувших и грядущих бед
Та песнь оставила на сердце след.

Так нес тебя твой парашют в твои
Отпущенные годы сквозь бои
И горести души. А час настал,
Когда и ты на поле жизни пал –
Тебя твой не оставил парашют:
Унес в родную землю, в твой приют
Последний, нам оставив на века
Все, что несет душе твоя строка!

1986

ТЫ СЕЯТЕЛЕМ БЫЛ

Был пахарем...

К. Кулиев

Крестьянский сын, ты шел, как полем без конца,
По жизни. И была дорога далека.

Ты сеятелем был. И в борозды-сердца
Ронял ты зерна слов родного языка.
Ты каждое зерно и холил, и берег,
Был полнозвучен слог у песенной строки.
Так зерна отбирать лишь землепашец мог:
Посев твой был глубок, а всходы высоки.
Ты песню пел! И в ней был горец видеть рад
Живую связь времен у каменной гряды!
...В печали твой Чегем свой милый водопад
Льет, как потоки слез... Жаль – не живой воды!

Перевел с кабардинского *Д. Долинский*

ЗЕМЛЯ И СЫН

Я знаю вкус меда и соли твоей,
Земля моя дорогая.

К. Кулиев

Был ясен его день или подернут мглой –
Всю жизнь он говорил с родимою землей,
В небесном море плыл, но все равно – в очах
Текла река Жилги и детства тлел очаг.
И зрела алыча, когда он бороздил
Земного моря гладь. И, сердцу вечно мил,
Меж небом и землей Эльбрус, владыка скал,
Как белый парашют в пространстве вызревал,
Как в садике его зрел изумрудный дым
Ореха, что теперь склоняется над ним...
С горою говорил, лаская взором склон,
На камне сидя том, что ранен был, как он,
Быть может, до него, за дальней далью зим,
Сам белый, как зима, сидел Кязим.
Иль, может быть, они, беседуя, потом
Сидели добрым днем вдвоем на камне том?!
Земля и сын ее – Кайсын... Но что им смерти власть?!
Уходит в землю он – но не оборвалась
Беседа их. В тиши, под сенью мудрых скал
Идет их разговор. Он только глубже стал,–
С любимою землей им начатый давно.
...Но это нам уже услышать не дано.

Перевел с кабардинского *Д. Долинский*

Зубер Тхагазитов

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСЛЕ СМЕРТИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Я вижу: друг седой с коня слезает,
А молодой садится на коня...

К. Кулиев

Вон у того окна, куда глядим скорбя,
Сидел ты. Видел всех. Все видели тебя.
Свидетельствует кресло, что и все же
Бывает свято место пусто тоже...
У светлого окна мы – словно в темноте,
И словно бы слова мы говорим не те,
Хоть молвили мы их и до твоей кончины,
А произносим так, как будто в чем повинны.
Сидим, как будто дети дома одного
К отцу вернулись – слов не бывает горше:
Уехал тамада и – не вернется больше...

Перевел с кабардинского *Д. Долинский*

ВЕТКА АЛЫЧИ

Я дарю вам на счастье, как верный
кунак, белоснежную ветку алычи!

К. Кулиев

...И я ветку принес алычи – ты любил алычу!
И стою над тобой, отрыдавшей душой молчу.
Так молчаньем кричу, что мне кажется: тоже крича,
Нет, не руки дрожат, а дрожит в них моя алыча.
Как тебе передать эту ветку? И чудится мне:
Твои руки тянутся, любившие, к гор белизне,
Что скрестил на себе ты, сроднись...
И сквозь груды земли,
Из груди, как надгробье твое, над тобой проросли.
«День вчерашний оплакивай,– молвили,–
Но не забудь

Про сегодняшний день – полни жаждою радости грудь!
Посмотри: холодны мы, как лед... Но, живя среди скал,
Как они, наш хозяин и в горе слезы не ронял!
Не роняй же и ты!.. А за ветку спасибо... Но взять
Мы не можем ее: жизнь из пальцев ушла – не разнять.
Положи ее сам – дотянуться нам к ней тяжело.
Хоть и каменны стали ладони – ей будет тепло!»

Перевел с кабардинского *Д. Долинский*

Сакинат Адиковна

Наршаова
(1917)

Сакинат Наршаова родилась в селении Нижний Чегем КБР. Одна из первых активисток при советской власти. С 1934-го по 1939 год находилась на комсомольской работе в Чегемском райкоме, затем работала в Нальчикском горкоме комсомола, а с 1939-го по 1944 год была инструктором обкома КПСС. Как и ее народ, она была выслана в Среднюю Азию и там тоже работала по партийной линии: была инструктором Джалал-Абадского горкома КП Киргизии, а с 1945 года до возвращения на родину работала завкадрами в спецторге МВД и милиоративно-строительном тресте МСХ Киргизской ССР в городе Фрунзе.

Как и ее многие ровесники, она училась в ВШ при ЦК КПСС, а после окончания учебы была направлена на работу в обком партии – инструктором. Работала Сакинат Наршаова и вторым секретарем Чегемского райкома партии, Председателем Чегемского райисполкома, затем председателем правления Каббалкпотребсоюза и председателем рескома профсоюза работников государственных учреждений.

Сакинат Наршаова – участница Великой Отечественной войны, партизанка, член координационного Совета при правительстве КБР по работе среди ветеранов ВОВ, член республиканского Совета ветеранов войны, труда, член правоохранительных органов КБР.

Она имеет награды: орден Отечественной войны II степени, медали: «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За трудовую доблесть», «Медаль маршала Жукова», кроме того, награждена почетной медалью правления советского Фонда мира за активное участие в деятельности Фонда 1992 года, тремя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета КБР.

С Кайсыном Кулиевым она была связана теплыми дружескими отношениями, много раз встречалась, беседовала, советовалась с ним по многим вопросам общественной и личной жизни.

ВОСПОМИНАНИЯ О КАЙСЫНЕ КУЛИЕВЕ

Наши матери: Кайсына – Узеирхан и моя – Кермахан являются двоюродными сестрами, поэтому все радостные и горестные события принимались как единое, семейное. Переживания были равны и для них, и для нас.

В отличие от других родственников, Узеирхан и Кермахан были очень привязаны друг к другу. Эту теплоту отношений и привязанность сестер чувствовал Кайсын, еще будучи мальчиком. Он очень часто вместе с матерью, а потом и сам посещал наш дом, иногда оставался ночевать, так как очень любил слушать моего отца Адика, который имел привычку вечером, лежа на теплом топчане перед очагом, читать рассказы. Видя, что Кайсын слушает его очень внимательно, с любопытством, приглашал его к себе и говорил: «Жашым, сынок, лезь ко мне на топчан поближе и слушай, я вижу, что тебе это нравится». Каждый раз, когда Кайсын оставался ночевать, он просил дедушку Адика почитать. Видя его любознательность, мой отец предсказывал, что из маленького Кайсына вырастет большой умный джигит.

Дружил Кайсын и с моим братом Хизиром, хотя тот намного был старше будущего поэта. Хизир часто катал его верхом на лошади отца, и это было любимым занятием Кайсына. Однажды Хизир взял его с собой на кош (небольшая ферма), где паслись отары овец (там были и наши овцы). Пастухи угостили мальчиков свежим мясом, напоили айраном и вручили Кайсыну подарок – ягненка, потому что такого маленького гостя, каким был тогда Кайсын, по обычаю гор, не могли отпустить «с пустыми руками», не подарив что-нибудь на память. Надо было видеть счастливое детское лицо, когда Кайсын держал, обнимая, дрожащего ягненка! Об этом потом рассказали чабаны.

Мы росли вместе. Кайсын был немного старше меня. Естественно, мы часто играли с ним в разные детские игры. Речушка, которая протекала около нас, замерзала зимой, и Кайсын любил кататься на коньках и санках. Еще он увлекался другой игрой – в хайнух, соревнуясь, чья юла будет крутиться на льду дольше всех. В этом он преуспевал и даже обучал других той нехитрой игре в юлу на льду.

Кайсын по природе был очень здоровым мальчиком, почти никогда не болел детскими болезнями. Краснощекий, плотный, он всегда радовал глаз. По характеру был добрым, общительным и даже обаятельным. От всех нас он отличался еще и остроумием, любил шуточки, весело смеялся, если обижали старшие – не плакал. Обиды быстро забывал. Загадки он отгадывал быстрее всех. Знал их очень много. Его любили взрослые и дети. Он рано лишился отца, но сиротой себя не чувствовал: ласку и любовь ему дарили все родственники и знакомые.

Однажды в ауле прошел слух, что будут скачки на ослах. Такое событие в нашей детской жизни было впервые, и мы даже не могли поверить в это, но Хизир убедил нас, сказав, что сам тоже будет участвовать. Тут подошел к нему Кайсын и спросил: «Возьмешь меня с собой?» – «Конечно, возьму»,– ответил Хизир и посадил его к себе на ослика. Приказав держаться крепче, он ударил животное ногами и поскакал. Мы, дети, вышли посмотреть на азартное, удивительное для нас зрелище. Мы боялись, что Кайсын упадет, а он радостно и возбужденно кричал: «Вперед, мой ослик!»

Главным их соперником оказался сын Шаваева Ахмата-Хаджи-Али. Но в упорной борьбе победителями все же вышли Хизир и Кайсын. Они получили приз – книжку с картинками, старый букварь. Дети окружили Кайсына, поздравляли на свой лад: «Аперим, хорладыгъыз!» (Молодцы! Победили!). А он, уставший, но гордый, гладил ослика по голове и называл его «уллу къулакъ шуехум» (длинноухий друг мой).

Кайсын рос трудолюбивым: ему надо было по мере сил помогать своей матери. С Хизиром и Идрисом он часто ходил в лес заготавливать дрова на зиму. И летом топили дровами, потому что угля не было, электричеством не пользовались.

Леса Нижнего Чегема богаты разнообразными сортами деревьев и всякой растительностью. Я тоже не раз ходила с ними в лес собирать сухие ветки чинары, лесные орешки, малину, осенью – калину, шиповник, леснушки (яблоки, груши). Идриса удивляло то, что Кайсын, хоть и маленький, но не отставал от них в работе. Быстро собирал сухой хворост, сухие дровишки, грузил их на свои санки (если это было зимой) или на осла, увязывал дрова

веревками и садился отдыхать вместе со своими друзьями, грызя орехи, которые мы тут же находили. Иногда Кайсын ложился на спину на ворох сухих листьев, смотрел на небо, вероятно, любовался снежными вершинами гор, синевой неба и прислушивался к птичьим голосам. Он молча подолгу мог смотреть ввысь. Нам было как-то не по себе: мы не понимали тогда его, не обращали внимания на состояние его души. Он для нас оставался загадкой. То, что чувствовал тогда Кайсын, а может быть, уже о чем-то своем думал, мы не понимали. И еще нас поражало другое: если в лесу попадался нам еж, заяц, белка, птица со сломанным крылом или выпавший из гнезда птенчик, он просил нас не убивать животных. Видимо, доброта, заложенная в его генах, не могла позволить ему издеваться или убивать живое существо. Оно было для него всегда красивым, нуждавшимся в защите и помощи.

Животных он любил с детства, как часть той природы, среди которой он жил. Хизир, зная, как он любит животных, подарил ему ослика (маленькие ослики очень красивы!). Кайсын действительно очень обрадовался, повесил на его шею маленький колокольчик и не расставался с ним до самого вечера: кормил его, поил. И ослик так привязался к Кайсыну, что сопровождал его повсюду, возвещая колокольным звоном о появлении самого хозяина. Узеирхан очень любила сына, внимательно относилась к его желаниям, неустанно заботилась о нем и знала о каждом его шаге. На ногах он, как и все мальчики его возраста, носил чабуры. Чабуры ему шил Адик, подкладывал в них душистое сухое сено, которое косили в местности Лячинкая (оно там было мягким и душистым), и дарил их Кайсыну.

Детство быстро прошло. Надо было ходить в школу, учиться. В семь лет отец отвез меня в Ленинский учебный городок. После его окончания детей отправляли в город Пятигорск, на учебу в ФЗО (фабрично-заводское обучение). В эти годы я редко встречалась с Кайсыном. Знаю, что, окончив школу, он поехал учиться в Москву, в ГИТИС им. А. В. Луначарского. Учился в Литературном институте в Москве (ушел с последнего курса). Вернувшись в Нальчик, немного работал в пединституте, но вскоре ушел добровольцем служить в армию. Началась

финская кампания, затем Великая Отечественная война. С первых дней войны он – на передовой линии фронта, в парашютных частях.

В период временной оккупации Кабардино-Балкарии фашистами, с августа по 11 января 1943 года, нашу семью постигла страшная трагедия. Мой 35-летний старший брат Абдул-Керим, 17-летняя сестра Нашурумхан, мой зять Сарбашев Чубок (муж сестры Букминат) после зверских истязаний были вывезены оккупантами на окраину Нальчика и расстреляны как комсомольцы-активисты. Мать Кайсына Кулиева, Узеирхан, проявила тогда большое сочувствие к нам: она не отходила от моей матери, утешала ее и оплакивала вместе с ней горькую участь детей – молодых людей. Когда мать моя увидела окаменевшие трупы, из глаз вместо слез у нее закапала кровь, и она ослепла на один глаз. Так было велико материнское горе!

Кулиев был в это время на фронте. Мои двоюродные сестры истово молились за Кайсына, прося Аллаха спасти его и вернуть отчей земле живым и невредимым. Когда 4 января освободили Нальчик от врагов, мы написали на фронт Кайсыну о зверствах, причиненных мирным жителям. Он прислал моей матери письмо, соболезнуя и прося прощения за то, что не смог их вовремя защитить. «Я отомщу за них»,– писал Кайсын в письме. Это письмо мать хранила до 8 марта 1944 года, до выселения.

О тех трагических часах и минутах Кайсын не знал, ему сообщат на фронт (он лежал в это время в госпитале!) о них немного позже. После долгой разлуки мы встретились с Кайсыном уже в Средней Азии, в городе Фрунзе, куда я попала с мужем, Жанакаитом Залихановым, как спецпереселенка. Нас, балкарцев, рассыпали по казахским степям и Киргизии. Мать Кайсына, моя мать и другие наши близкие родственники попали в Казахстан. Условия жизни и климат там были суровыми. В те бедственные для народа дни появление Кулиева было для нас самым радостным событием, незабываемым праздником. Он приехал из кисловодского госпиталя, перенес несколько операций, хромал на одну ногу. Помню, как мы плакали от радости, увидя Кайсына в нашем доме.

Жанакаит и я обнимали его без конца, расспрашивали, рассказывали. На первое время он остановился жить у нас.

Кайсын очень любил Жанакаита, дружил с ним. И они почти не расставались, вместе ходили в гости, куда их беспрестанно приглашали. Не было ни одной балкарской или карачаевской семьи, которая бы не приглашала Кайсына в гости – почтить своим присутствием стариков, рассказать о грядущей Победе (это было начало 1945 года). Здесь же, во Фрунзе, были и его собратья по перу: Керим Отаров, Сафар Макитов, близкий родственник Ханафи Хутуев и его товарищи – Мухажир Кульбаев, Чомай Уянаев... Все были рады встрече с Кулиевым, воином-фронтовиком. Его приезд отметили къурманлыком у нас дома. На вечере присутствовали, кроме названных лиц, и киргизские писатели. Поэт много рассказывал о фронтовой жизни, о встрече с поэтом Алимом Кешоковым, который вынес его раненым с поля боя и тем спас ему жизнь. «У меня не укладывается в голове, – говорил Кайсын,– как можно было разлучить два братских народа, веками живших вместе?» Спрашивал и не находил ни у кого ответа. Все молчали: о политике старались не говорить. Нас очень интересовало, был ли он после госпиталя в Нальчике и в Нижнем Чегеме, кого встретил из знакомых, как к нему отнеслись, ведь он тоже спецпереселенец; почему не остался в Нальчике или в любом другом городе, ведь ему разрешили жить, где он пожелает, за исключением Москвы и Ленинграда.

«Лучше бы я не поехал туда, так там страшно: осиротевшие села, разрушенные дома, очаги, заросшие бурьяном, нечищенные улицы, одичавшие собаки... А наш райцентр Нижний Чегем выглядел, как после погрома. Для меня пережить увиденное было слишком трудно. Сердце сковала тяжелая боль»,– рассказывал опальный поэт.

...Об этом факте многие знают. Так, прощаясь с родными горами, селениями, Нальчиком, он на городском базаре увидел серого ослика. Со словами: «Здравствуй, мой единственный соплеменник!» – обнял его.

Мать Кайсына, Узеирхан, и моя мама находились в Казахстане в разных местах расселения. Кайсын решил их соединить и перевезти в Киргизию, где климат был

более мягким и условия жизни были получше. Ему удалось добиться разрешения, и теперь мы вместе могли жить во Фрунзе.

Кайсын много хлопотал перед властями о своих друзьях и знакомых. Жил он тогда в городе Алма-Ата, в гостинице. Его временное жилище стало настоящим местом паломничества. Сюда к нему приходили его многочисленные друзья и знакомые – поэты, писатели, артисты, художники. Все хотели его повидать и посоветоваться. Я только успевала открывать двери. Не могу забыть, с какой лаской и любовью они обнимали Кайсына, с каким восхищением смотрели на его военную форму, ордена, медали. Они жаловались ему, возмущались актами беззакония, которые чинили власти НКВД. Кайсын успокаивал их и говорил: «Совершен акт насилия против мирного населения, ни в чем не повинного. Но придет день, друзья, когда восторжествует справедливость и балкарцы вернутся на свои исконные земли, будут пить чистую родниковую воду, наслаждаясь красотой и величием снежных гор и синих водопадов! В этом нам поможет Аллах!» Люди ему верили, некоторые плакали.

Наш переезд в Киргизию по железной дороге через город Джамбул можно описывать долго и удивляться находчивости Кайсына. Нас было 17 человек, которые уезжали из Казахстана. С трудом достали билеты, с трудом их компостировали при пересадках. Но находчивость и смекалка Кайсына, бывшего воина-десантника, помогали успешному передвижению. Он представлял нас своей эвакуированной семьей, удивлявшей начальников вокзалов многочисленностью.

Во Фрунзе, после переезда родственников, Кулиев много писал. Семейного счастья не было. Он часто приходил к Жанакаиту Залиханову и жаловался на неустроенный быт. Писал, но печататься не имел возможности, поэтому много времени отдавал переводам с киргизского на русский язык. Переводил поэзию и прозу в основном киргизских писателей, выучив киргизский язык. Он принимал участие в переводе киргизского эпоса «Манас» на русский язык, который был сделан на высоком художественном уровне. Многие за перевод получили гонорар и в шутку при встрече с Кулиевым говорили:

Кайсын – Манас,–
Ты кормишь нас!

После реабилитации балкарского народа киргизы хотели, чтобы Кулиев остался работать во Фрунзе, его второй родине, но он был непреклонным. Провожающие снова шутили:

Кайсын – Манас,
Ты губишь нас!

Каждый понимал, что от них уезжал бескорыстный человек, умевший ценить дружбу, поэт, гениальность которого была зрима. Его не сломил даже сталинский Молох, переломавший жизни и судьбы многих людей.

На родной земле Кайсына и его народ встречали по-братски, никто не обидел ни единым словом спецпереселенцев, все старались чем-то помочь – и русские, и кабардинцы, и евреи, и люди других национальностей, проживающих в Кабардино-Балкарии. Балкарцы вновь обрели политические права, стали равноправными. Кайсын Кулиев постоянно избирался секретарем СП СССР и РСФСР, депутатом Верховного Совета СССР и КБАССР.

Прошли годы, но наша дружба с Кайсыном Кулиевым не прекращалась. Судьбе было угодно, чтобы последние пять лет его прошли вместе с Элизат Кульбаевой, ставшей женой поэта. Он любил ее, посвящал ей стихи, и мы признали ее. Раз она дорога поэту, значит, дорога и уважаема нами. Мы с племянником Магомедом Сарбашевым отметили это событие в семейной жизни Кайсына торжественным вечером. Как и полагается по обычаю, сделали все для того, чтобы поэт и его жена были довольны. Помню, застолье было радостным и веселым. Кайсын шутил, удивлялся, что я помню его любимые блюда национальной кухни, произносил тосты в честь нас и Элизат. В тот вечер он сказал мне: «Да, сестра, клянусь прахом наших матерей, что это та женщина, которую я искал всю жизнь. Я люблю Элизат, она моя радость. Буду любить ее и жить с ней до конца моей жизни. Мы очень понимаем друг друга. И я доволен своим выбором. Она – моя желанная, любимая семья. Элизат – мой большой друг, теперь ты можешь не беспокоиться за меня». Вот

почему я и сейчас уважаю Элизат. Мы с ней видимся, вспоминаем нашего дорогого Кайсына.

Кайсын Кулиев – это ярчайшая звезда на нашем небосклоне. Пусть земля будет ему пухом, а душа обитает в мире и спокойствии.

Марзият Шимаухаевна МАНЬЯЕВА (1927)

Марзият Маньяева родилась в селении Нижний Чегем в семье горца. Здесь же она закончила семилетку и работала техническим секретарем в колхозе им. Калмыкова. По рекомендации секретаря обкома партии З. Кумехова ее перевели в отдел пропаганды и агитации Чегемского района. Спустя некоторое время ее направили на учебу в партийную школу, которая находилась в городе Нальчике. Но учиться не пришлось, так как через несколько месяцев занятия были прекращены, и все студенты 2 марта 1944 года были отправлены по домам. 8 марта она разделила судьбу спецпереселенцев и была выслана в Павлодарскую область Северного Казахстана, в совхоз «499». Но вскоре по ходатайству старшей сестры Кайсына Кулиева – Мариям Кулиевой – ее семья переехала в Кокчетавскую область Шученский район ст. курорт Боровой. Марзият стала работать токарем на вагоно-ремонтном пункте курорта Боровой.

Сюда и приехал Кайсын Кулиев, чтобы всю семью перевезти из Казахстана в Киргизию. Его мать, Узеирхан, сестры – Марзият, Шахидат, Мариам с сыном Максимом стали жить в селе Юрьевка, недалеко от Фрунзе. Марзият стала работать в швейной мастерской и в 1947 году вышла замуж за Маньяева Якуба. В 1957 году вся семья вернулась на родину – в селение Бабугент, Черекского района. Сюда переехала и мать – Узеирхан, так как она тяжело заболела (паралич) и за ней надо было ухаживать день и ночь.

Кайсын Кулиев часто сюда приезжал, чтобы проведать мать, в чем-то помочь Марзият. Оба тяжело пережили трагедию смерти, когда 5 сентября 1962 года ушла из жизни Узеирхан Кулиева.

Марзият Шимаухаевна долгое время работала председателем Бабугентского сельского совета. Затем до ухода на пенсию была заведующей детским садиком.

Свои воспоминания о Кайсыне Кулиеве Марзият подробно описала в очерке «Мы всегда ощущали его отцовскую заботу».

МЫ ВСЕГДА ОЩУЩАЛИ ЕГО ОТЦОВСКУЮ ЗАБОТУ

Для нас, сестер – Мариам, Шахидат и меня, Кайсын был старшим в роде и проявлял о нас отцовскую заботу. Его отец умер, когда он был совсем маленьким. Я помню рассказы матери о том времени, когда белоказаки заняли наше село и один из них вошел в дом. Мать держала на руках маленького Кайсына в большой бараньей шапке. Казак подошел к ней, увидел младенца, помещавшегося в шапке, улыбнулся и сказал: «Какие умные глазки. Это будет большой человек».

Когда Кайсын подрос, он стал во всем помогать матери и нам, сестренкам: пас овец и коров в горах, косил сено, ходил в лес с осликом за дровами. Очень любил лошадей и на удивление всем объезжал строптивых коней. Научил его этому искусству старший брат матери – Ислам Бечелов, который занимался воспитанием Кайсына. Он жил со своей семьей в селе Актопрак. Эту семью Кайсын вспоминал всегда с уважением, любовью и никогда не забывал их доброту и заботу.

В первый класс Кайсын пошел в селении Нижний Чегем. Здесь жила его мать Узеирхан, которая вышла замуж за Узденова Шимауху.

Когда мне было 4 года, а младшей сестре – около года, умер наш отец Шимауха. Узеирхан стало еще труднее воспитывать четверых детей: Мариям, Кайсына, Шахидат и меня. Она тогда работала в колхозе, а за нами смотрела Мариам. Ей помогал и Кайсын. Он был с нами ласковым, добрым, никогда не обижал нас, нянчился с нами целый день, так как Мариам занималась хозяйством и домашними делами. Я помню его первые стихи, которые Кайсын читал нам, пел нам песни, рассказывал сказки, чтобы чем-то отвлечь нас, успокоить. Особенно он любил маленькую сестренку Шахидат, которую он ласково называл Баппушчукъ (утенок).

Мама постаралась выделить для Кайсына отдельную комнату. В ней, я хорошо помню, на стенках висели иллюстрации из журналов и газет, портреты Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других русских писателей. Нам было интересно бывать в его комнате, рассматривать незнакомых людей на картинках и наблюдать, как он пи-

сал и что-то бормотал. Юношеские стихи Кулиева потом будут опубликованы в книге «Здравствуй, утро!» («Салам, эртденлик!»).

У Кайсына всегда было много друзей. Помню, что к нам приходили дети его возраста и делали у нас дома уроки. Потом, когда мы подросли и учились в школе, Кайсын помогал и нам делать уроки, смотрел наши дневники и вообще контролировал нас.

Однажды в Нижний Чегем приехала женщина из облоно. С ней были и другие люди. Они стали отбирать детей для поступления в педтехникум, Кайсын был в числе отобранных и вскоре стал учиться в Нальчике. На каникулы он приезжал домой и по-прежнему много заботился о нас: летом косил сено, заготавливал дрова на долгую зиму. Уже в то время Кайсын посещал ныгъыш (место, где собираются мужчины аула) и беседовал со стариками, записывал их рассказы, легенды, предания, песни, с которыми потом выступал по радио. Это было настоящей сенсацией для жителей Нижнего Чегема. Они с большим удовольствием слушали рассказы Кайсына о них, о их жизни.

В один из своих приездов домой Кайсын сообщил нам, что уезжает в Москву учиться в Театральном институте им. Луначарского. С беспокойством и тревогой сказал: «Как же вы теперь будете без моей помощи? Кто о вас позаботится?» Мама успокаивала его и радовалась, что ее любимый сын едет на учебу в столицу. «Не волнуйся за нас,– говорила она.– Все наши родственники будут нам помогать. Лишь бы ты был здоров и по-прежнему приезжал к нам на каникулы».

Если удавалось с кем-то передать посылку сыну, то Узеирхан отбирала ему все лучшее: копченое мясо, курдюк, сыр, сушеные фрукты. Для матери и для нас всех было большой радостью, когда из института приходили на имя матери бумаги, в которых были слова благодарности от дирекции за отличные успехи Кайсына. Об этом она сообщала соседям. И когда приезжал на каникулы Кайсын, то двор наш заполнялся жителями аула. Всем было интересно посмотреть на Кайсына. Он вел себя достойно: с каждым здоровался, спрашивал о его здоровье, о здоровье старших в семье, не оставлял без внимания и

детей, расспрашивал их об учебе. Нам, сестренкам, он привозил подарки, не забывал и мать. Ей он дарил разноцветные платки, которые мы накидывали на плечи и подходили к зеркалу, чтобы полюбоваться обновкой. Тогда мы не задумывались, как ему доставались эти подарки для нас. Ведь он жил в огромном городе на одну стипендию и все-таки думал о том, как доставить нам радость! Потом мы только поняли это, когда сами стали взрослыми.

В 1938 году в его жизни произошли большие перемены. Он женился на Тамаре Залихановой, студентке этого же вуза. Это была дочь Аслантока Залиханова. Перед этим мы получили письмо от Кайсына, в котором он просил у матери и родственников позволения жениться. Мама дала согласие, родственники тоже не были против. Через год у него родилась дочь, которую назвали Жанной.

После окончания учебы Кайсын вернулся вместе с семьей в Нальчик и стал работать в пединституте преподавателем. К нам он часто приезжал. Однажды сообщил, что уезжает в армию. Никто не знал, что мама ходила в военкомат и добилась освобождения его от службы в армии. Но Кайсын не воспользовался этим и добровольно ушел служить. В течение двух месяцев мы не получали от него вестей. Узнали о нем от Пита Кучменова, когда поехали с мамой на базар в Нальчик и случайно встретили его. Он и рассказал нам о Кайсыне. Вернувшись домой, мы узнали, что нас ждет письмо от брата, в котором он извинялся за долгое молчание и подробно писал о себе. Кайсын служил в десантных войсках в городе Двинске в Латвии, где он и встретил войну.

С нами он встретился, когда мы были высланы и жили в Казахстане. Его тоже демобилизовали, и он жил во Фрунзе. Тогда Кайсын решил перевезти нас в Киргизию. Так мы оказались в селе Юрьевка. Сам он работал в Союзе писателей Киргизии и часто приезжал к нам, попрежнему заботился о нас. У Мариам был маленький сын Максим, мама часто болела, Шахидат вышла тоже замуж, как и я. И мы стали с этого времени жить отдельно, своими семьями.

В 1957 году все мы вернулись на родину. Кайсын продолжал нам всем помогать, заботился о матери, о племянниках и вообще о всех родственниках.

Последние годы мама, когда она заболела и была прикована к постели, находилась у меня. Мы жили в Бабугенте. Однажды Кайсын приехал к нам с поэтами М. Дудиным, А. Ахматовым, О. Этезовым, К. Отаровым. Гостей повезли на Голубые озера. Приезжала сюда и младшая сестра Шахидат с мужем Виктором. Тогда мы посещали всех родственников. Кайсын тоже был с нами. Это были радостные и счастливые дни для нас.

Горе пришло позже, когда Кайсын заболел. Он лежал в больницах Москвы. Помню 1981 год, когда я с дочерью Людой поехала к нему в столицу, чтобы его навестить. Увидев его, я заплакала в голос. Он сказал: «Терпи, сестренка, терпи, ведь я тоже терплю!» В больнице за ним ухаживала его жена Элизат Кульбаева. Болезнь прогрессировала. Он лежал в разных больницах – в Ростове, Тбилиси, Москве, куда только он не обращался и где только он не был! Но судьба была неумолима.

Беды преследуют нас. 9 марта 1982 года умерла наша старшая сестра Мариам, 15 сентября 1984 года в Ташкенте ушла из жизни и младшая сестра Шахидат, а в 1985 году Кайсына привезли из Москвы тяжело больного. Я приехала к нему в Чегем I со своей дочерью Аллой, чтобы ухаживать за ним. Я была с ним рядом несколько дней и ночей, но он, жалея меня, все отсылал меня отдыхать. «Уезжайте вечером домой в Бабугент, а утром приезжайте, – обычно говорил он.– Хоть ночь будете спать, а утром привезите мне шипучий айран и мягкий бабугентский хлеб!» Так мы и делали с Аллой: вечером уезжали, а утром приезжали. Нашему раннему приходу он радовался. Я видела, как с каждым днем он слабеет все больше. Горе мое было велико. Я выходила в сад и там плакала. Помню его слова: «Бедная моя сестра. Ты остаешься одна. Я беспокоюсь о тебе. Будь сильной. Ты видела много горя, так будь же и сейчас стойкой».

Наступило черное утро 4 июля 1985 года, Кайсына не стало. Это утро было для меня чернее черной ночи. Жестокое горе обрушилось на меня и не стало для меня без Кайсына белого света.

Я благодарна всему народу Кабардино-Балкарии за его любовь к моему брату в эти трагические дни. Из всех сел республики приехали люди, чтобы почтить его память, приехали и его друзья из всех союзных республик.

Хотелось бы сказать доброе слово, слово благородности друзьям Кайсына Кулиева, которые в самые трудные дни поддерживали меня. Это Салих Эфендиев, его супруга Тамара Емельяновна, Ахия Ахматов, Жанакаит Зализанов. Семья Эфендиевых много делает для увековечивания памяти моего брата Кайсына. С. И. Эфендиев, Т. Е. Эфендиева и Ф. С. Эфендиев выпустили научную биографию в двух томах. Я имею эти книги, иногда просматриваю их. Вся жизнь Кайсына отражена в них. Сейчас они готовят к изданию еще три тома из серии книг «Друзья Кайсына Кулиева». Эфендиевы оказались самыми верными и преданными друзьями поэта Кайсына Кулиева.

Мурад Магомедович КАЖЛАЕВ
(1931)

Мурад Кажлаев – композитор, народный артист СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат государственной премии РСФСР им. М. И. Глинки.

Родился он в Баку, в семье врача. С детства занимался музыкой, часто импровизировал. В годы Великой Отечественной войны он был учеником музыкальной школы при Азербайджанской консерватории, исполнял свои произведения в госпиталях для раненых бойцов. В 1955 году окончил композиторский факультет Бакинской консерватории (учился у проф. Б. И. Зейдмана). После окончания учебы стал преподавать в Музыкальном училище им. П. И. Чайковского в Махачкале. В 1957–1958 годах был главным дирижером симфонического оркестра Дагестанского радио. Много работает над собой, пишет симфонические картины – «Дагестан» (2-я ред., 1958–1960 гг.), создает сюиту «Тучи покидают небо», концертный вальс и «Концертную лезгинку».

В 1963 году его избирают председателем правления СК ДагАССР. В это же время он работает художественным руководителем Дагестанской филармонии.

Мурад Кажлаев является автором первого национального балета «Горянка» (по мотивам поэмы Р. Гамзатова), который был поставлен в 1968 году в Ленинградском театре оперы и балета. С каждым годом росла известность этого талантливого музыканта. Так, в 1966 году он получил вторую премию и специальный приз на 3-м Международном фестивале джазовой музыки в Праге. В 1967 году ему была присуждена Государственная премия Дагестанской АССР, а в 1970 году он получил Государственную премию РСФСР им. М. И. Глинки.

О нем написаны книги: Д. Ромадинова – «Мурад Кажлаев». (М., 1959); М. Якубов – «Мурад Кажлаев» (Махачкала, 1969); очерк в книге «Деятели музыкального искусства Дагестана». Сост. С. Агабабов (Махачкала, 1969).

КУЛИЕВ ВСЕГДА ВЫСОКО ЦЕНИЛ МУЗЫКУ И ЛЮБИЛ ЕЕ

Выступление на торжественном заседании, посвященном 80-летию со дня рождения Кайсына Шуваевича Кулиева

Я сегодня приехал в Нальчик со своей женой, и мы долго бродили по тем улицам, по которым когда-то ходил наш любимый поэт Кайсын Кулиев – слава и гордость нашей поэзии. Я вспоминал о иных днях, когда был молодым и приехал первый раз в Нальчик со своим отцом. Мы остановились в гостинице «Нальчик», у входа в парк. При случае отец познакомил меня с Кайсыном Кулиевым. «Это было очень давно,– рассказывал я своей жене.– Но с тех пор, пожалуй, я узнал поэта и дорожил его вниманием и поддержкой. Жизнь так сложилась, что оба мы оказались в Москве и много лет работали в комитете по Государственным премиям России, было много интересного в нашей жизни, в общественной работе. Мы всегда были рядом и поддерживали друг друга, у нас была общность интересов, стремлений. Если так можно выразиться, то Кайсын был сердцем художественной литературы, а я – музыки. Однако ради справедливости нужно сказать, что и Кайсын глубоко разбирался в музыке, ценил ее и любил, как всякий одаренный человек, художественное чутье которого всегда было на высоте».

Выступая на торжественном заседании, посвященном 80-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева, мне хотелось бы сказать о том, что его мы часто приглашали на наши заседания по присуждениям Госпремий в области искусства, так как он был для нас авторитетом, и мы желали, чтобы он сказал свое мнение по тому или иному музыкальному произведению. И вот сейчас, вспоминая эти годы, мне бы хотелось подчеркнуть, какое удивительное отношение было у этого человека к музыке и к тем, кто ее создавал. Даже не просто отношение, а глубочайшее понимание ее. Вот сейчас Давид Никитич Кугультинов вспомнил разговор с Г. В. Свиридовым, высоко оценившим дарование поэта. Прославленный музыкант не раз говорил, что «Кайсын Шуваевич глубоко понимал музыку и был высокообразованным человеком во многих областях знаний. Особенно чутко он воспринимал своим добрым сердцем музыкальное искусство».

Теперь я понимаю, что многие его стихи – «Бетховен», «Играют Шопена» и другие – были овеяны его глубоким пониманием и любовью к музыке.

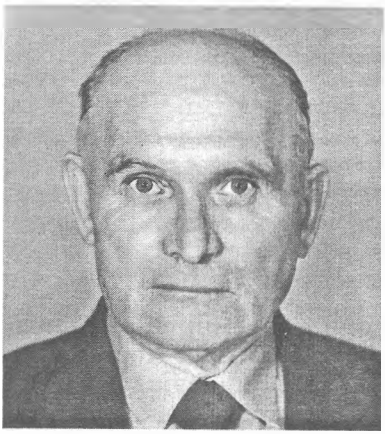
Бьют капли по стеклам. Деревья блестят за окном.
Темнеть начинает. Молчит обезлюдевший дом.
Изранены сумерки, вечер смешался с дождем :
Играют Шопена.

Луна над землею. И девушка смотрит, бледна.
И руку на сердце свое положила она.
След крови на свежем снегу. И вокруг – тишина:
Играют Шопена.

Перевел *Н. Коржавин*

Эти поэтические строки я привел из книги «Раненый камень», за которую 11 октября 1966 года Постановлением Совета Министров РСФСР была присуждена поэту Государственная премия РСФСР им. М. Горького. С тех пор прошло 30 лет, и я уверен, что с каждым годом значение кайсыновских стихов будет все возрастать. Мы и другие поколения музыкантов будем все чаще и чаще обращаться к его прекрасным стихам, так они удивительно музыкальны, жизненны, дарят людям красоту, добро и нежность.

ШАВАЕВ
(1917)



Ахмадия Шаваев родился в 1917 году в селении Нижний Чегем. Учился в школе в одном классе с Кайсыном Кулиевым. После окончания неполной средней школы поступил на рабфак. С 1934-го по 1939 год он учился в Нальчике в педагогическом институте на физико-математическом факультете. По окончании вуза в 1939 году был призван в армию.

Ахмадия Шаваев – участник финской, Великой Отечественной и японской войн. После окончания Отечественной войны жил в Киргизии. В 1957 году приехал на родину, живет в Нижнем Чегеме, работает в средней школе, преподает физику и математику.

Ахмадия Шаваев мужественно сражался на фронтах Великой Отечественной войны. За отвагу и за боевые заслуги он награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны и медалями.

Многие его ученики, такие, как: Исмаил Шаваев, Керим Кудаев, Идрис Хочуев, Хасан и Муса Кетенчиевы и другие, стали учеными.

Я УЧИЛСЯ В ОДНОМ КЛАССЕ С КАЙСЫНОМ

Хорошо помню, что я перешел в 3-й класс, когда семья Кулиевых переехала из селения Эль-Тюбю в Нижний Чегем. У Кайсына была старшая сестра Мариам. Как известно, после смерти отца Шувы, мать поэта вышла замуж за Узденова, который жил в Нижнем Чегеме. Так Кайсын оказался в нашей школе. С Кайсыном мы учились в одном классе и сидели за одной партой. Уже через несколько дней мы стали закадычными друзьями. В детстве мы были шалунами, разговаривали и баловались на уроках, за что нас учителя всегда ругали. Однако мы все-таки были неплохими учениками: уроки выполняли всегда, помогая друг другу. По математике я учился луч-

ше, чем Кайсын, и часто помогал ему решать задачи, а он был сильнее всех по литературе и помогал мне по этому предмету. Русский язык и русская литература ему очень нравились, и он всегда выполнял задания с удовольствием, и даже в большем объеме. Учитель-словесник ставил его нам в пример. Так, однажды, когда мы учились в старших классах, учитель по литературе задал нам наизусть выучить отрывки о временах года из романа Пушкина «Евгений Онегин». Каждый ученик должен был выучить по выбору один из отрывков – о зиме, весне, лете, осени, а Кайсын выучил все четыре.

Пройдут годы. Кайсын станет знаменитым поэтом и в своем стихотворении обессмертит имя этого учителя. «Учитель Борис Игнатьевич» – так называется стихотворение. Я помню это произведение поэта:

Мне в сердце запали уроки,
Когда я впервые постиг
Зовущий, как мир, и широкий,
Чарующий русский язык.

И русских поэтов стихи я
Читал, задыхаясь от слез,–
Меня обступала Россия
Сплошным хороводом берез.
.....
Учитель мой! Добрый и милый!
Прости мне былые грехи.
Я вместо цветов на могилу
Принес тебе эти стихи...

Перевел *Е. Елисеев*

В то время в Нижнем Чегеме была неполная средняя школа. После окончания семи классов одни ученики поступали на рабфак, а другие шли служить в ряды Советской Армии. Остальные оставались работать в колхозе.

Кайсын мечтал учиться дальше. Он поступил в Нальчикский педагогический техникум, а потом учился в Москве в театральном институте. Я же пошел на рабфак. С Кайсыном я не переписывался, но встречался с

ним, когда поэт приезжал на каникулы в родной дом. Встречи всегда были радостными и интересными: он много рассказывал нам о достопримечательностях нашей столицы – о Москве, театрах, музеях, библиотеках, концертах. Мы слушали его с большим интересом, потому что никто из нас не был дальше Нальчика.

В 1939 году меня призвали служить в армию, вскоре после этого началась финская война. Там я встретил знакомого – кумыка Акаева. Оба мы попали во взвод разведки. Акаев знал Кайсына, и мы иногда говорили о нем и знали, что Кайсын тоже служит в рядах Советской Армии. Это был уже 1940 год. В этот год я получил от Кайсына письмо. Он писал: «Кёп барлыкъ тюйюлди былай, уруш боллукъ болур, хал анга ушайды, алайдан кет биржаннына, – деп аллай къагъыт алган эдим». «По всей вероятности, скоро начнется война. Все к этому идет. Если возможно, то попроси, чтобы тебя перевели в другое место»,– предупреждал меня Кулиев в своем письме. Я в это время служил в разведшколе. Прочитав письмо, я спрятал его в казарме, в своей тумбочке, среди других бумаг, и ушел на очередное занятие. Вернувшись в казарму, письма я уже не обнаружил. Спустя полчаса меня вызвал начальник школы, и когда я явился к нему в кабинет, спросил: «Кто написал тебе это письмо? Откуда он узнал, что будет и когда начнется война?» И стал задавать другие вопросы, касающиеся личности поэта. Это письмо явилось поводом моего отчисления из разведшколы.

Но мне нравилась военная карьера, и я подал свои документы в Ленинградское военное училище им. Фрунзе, которое успешно закончил и получил звание офицера. Это было как раз перед началом Великой Отечественной войны. Во время войны я потерял связь с Кайсыном, так как мы сражались на разных фронтах, но стихи его я читал, они публиковались в газетах «Правда», «Красная звезда». Особенно мне запомнилось стихотворение «Всегда гордился тем, что горец я!». Песен на слова Кулиева в годы войны не было. Пели мы «Офицерский вальс» композитора Марка Фрадкина, «Синий платочек», «Темная ночь». Потом уже, после войны, фронтовики будут распевать «Алешу» (муз. Э. Колмановского, стихи К. Ваншенкина), «А песни ходят на войну» (муз. Бакалова, сти-

хи С. Островского). Зазвучат и песни на слова Кайсына Кулиева

...В 1944 году наш полк остановился возле Белгорода. Я вместе со связным шел в город. Моим спутником был казах, и мы хорошо понимали друг друга на родном языке. Когда подошли к будке на железной дороге, где был разъезд и пост, нас остановил постовой, который охранял дорогу. Это был карачаевец Зекерия. От него я услышал о выселении балкарцев, карачаевцев и других народов Северного Кавказа в Среднюю Азию. Я ему не поверил, потому что все взрослое мужское население воевало против фашизма. Однако вскоре я получил письмо от отца, который сообщал о трагедии выселения. В то время я подумал о Кайсыне, который тоже воевал на фронтах, защищая Россию.

11 мая 1945 года я закончил войну, будучи в Чехословакии, хотя День Победы отзвучал 9 Мая. Из Чехословакии наш батальон отправили в Москву. Так я попал первый раз в послевоенную столицу.

В Москве мы были две недели. Однажды я вышел из метро и ждал своего товарища. Недалеко от меня стоял человек в военной форме и посматривал на меня. Я это заметил. Он подошел ко мне и сказал: «Я тоже оттуда еду, как и ты. Разве не узнал ты меня?!» Когда я это услышал, то по голосу сразу понял, что это Кайсын. «Олахи, Кайсынса деймеда», (Кажется, ты Кайсын...) – сказал я. Он ответил: «Да, алай кибикбиз, Ахмадия!» (Да, похоже на это!) Мы крепко обнялись. Радость наша была огромной: мы снова встретились и живыми вернулись с войны...

Три дня мы были неразлучными. Вспоминали все прошедшее: детство, друзей, знакомых. Долго говорили о родителях, родственниках, которые были выселены и жили в Средней Азии. Много бродили по улицам Москвы. На четвертый день Кайсын уезжал в Среднюю Азию. Я провожал его с Курского вокзала.

Вскоре и я вместе со своим полком был направлен на Дальний Восток: воевать против Японии. После окончания японской войны до 1948 года я служил в Китае. В 1948 году демобилизовался и приехал в Среднюю Азию, где и нашел своих родителей. Первым из знакомых я

встретил Адальгерия Соттаева. Он-то и сказал мне, где живет Кайсын Кулиев и его родственник Хажимуса Кулиев. Это было во Фрунзе. К Кайсыну Кулиеву я пришел вместе с Хажимусой. Когда поэт увидел нас, он радостно воскликнул и побежал нам навстречу. Для меня это снова была памятная встреча. Одна из родственниц поэта, Кани, мне часто говорила: «Кайсын не может смириться с этой трагедией народа – несправедливой высылкой. Иногда он надевает черкеску и башлык и выходит на улицу. Мне кажется, это он делает от тоски по родным местам или в знак протеста. А может быть, это и то и другое. Чувства его так сильны, что он может серьезно заболеть».

Однажды я сказал Кайсыну: «Давай, Кайсын, я отвезу тебя на Кавказ?» – «Да, ты сможешь меня туда отвезти, а сможешь ли ты сюда снова меня привезти, к народу, без которого я нигде не смогу жить!» Эти слова я никогда не забываю и иногда сожалею, что предложил поэту покинуть несчастный народ.

Прошло время. Мы вернулись на Кавказ. Слава Всевышнему Аллаху! С Кайсыном я часто встречался то в Нальчике, то в Чегеме, вспоминали прожитое, говорили о его успехах на поприще литературы. И часто наши разговоры продолжались всю ночь, до самого утра. Он для меня был не только ровесником, одноклассником, но и как бы родным братом. Всю жизнь мы дружили, как дружили когда-то в школе. Сын мой, Юсуф, художник по профессии, работающий в типографии «Эль-Фа», знал об этой дружбе. Он тоже неоднократно встречался с поэтом, слушал наши разговоры. Поэзию Кайсына Кулиева он любит со школьной скамьи. Поэт подарил моему сыну книгу с дарственной надписью. Для нас это дорогой подарок. Мы храним эту книгу как дорогую реликвию.

Свои воспоминания я пишу в Нижнем Чегеме, где живу с семьей и еще работаю в средней школе, преподаю физику. Возраст мой преклонный, мне более восьмидесяти лет, но все четко и ясно помню, что связано с Кайсыном: как мы играли, катались на осликах, как сидели за одной партой. Сейчас в Нижнем Чегеме уже новая школа, но я помню даже пороги в старой школе, в которой я учился вместе с незабвенным поэтом...

Ибрагим Шакманович МАММЕЕВ (1919)

Кайсын Кулиев и Ибрагим Маммеев – ровесники, так утверждает Ибрагим. Около тридцати лет продолжалась их дружба и самые тесные творческие связи. Ибрагим Маммеев – яркая творческая личность, и Кайсын Кулиев это хорошо знал, ценил в нем доброту характера, душевную щедрость и скромность.

Ибрагим Маммеев – не только известный артист КБР, самый старейший и заслуженный работник госдрамтеатра, он и прозаик, драматург, переводчик. Кайсын Кулиев не раз советовал Ибрагиму взяться за ту или иную художественную вещь. Так было с пьесой «Раненый тур», в которой главную роль – Кязима – сыграл сам автор – И. Ш. Маммеев, и с рассказами А. П. Чехова «Медведь», «Предложение», «Хирургия», которые были переведены Ибрагимом с русского на балкарский язык и инсценированы.

Этих двух людей объединяло многое: общность взглядов на литературу и искусство, и отношение к национальной культуре и особенностям ее развития, и поразительно одинаковое восприятие одних и тех же театральных постановок, горячие споры о которых могли длиться часами. Даже личные судьбы были в чем-то похожи, и творческий путь обоих этих крестьянских сынов не раз пересекался: Великая Отечественная война, высылка и жизнь в Киргизии, театр.

Родился Ибрагим Маммеев в селении Гунделен. После окончания школы поступил в театральную студию при ЛУГе в Нальчике. Он был в числе первых артистов национального театра, открывшегося в конце 30-х годов, принимал участие в спектакле «Любовь Яровая», где сыграл роль комиссара Кошкина. В 1939 году вышла книга стихов «Счастливые ровесники», одним из авторов ее был и Ибрагим Маммеев. По совету Кайсына Кулиева он подал заявление о принятии его в Союз писателей. Рекомендацию ему дали Омар Этезов и Кайсын Кулиев. В 1939-м же году Ибрагима, молодого члена Союза писателей СССР, ждала служба

в Советской Армии на границе с Германией. Когда в 1941 году началась Великая Отечественная война, он с первых дней, как и Кайсын Кулиев, принял участие в защите Родины, в оборонительных жестоких боях. Дошел до Берлина, имеет медали – «За взятие Берлина», «За взятие Варшавы», «За боевые заслуги» и ордена – Красной Звезды и Отечественной войны.

Орденоносец и отважный защитник Отечества вместе со своим народом разделил судьбу спецпереселенца. С 1946-го по 1956 год Ибрагим находился в Джалал-Абадской области, Киргизской ССР, работал учителем русского языка и литературы в семилетней школе Сузакского района. Не раз встречался в эти годы с Кайсыном Кулиевым: им было о чем поговорить! И, несмотря на политические расхождения, они оставались друзьями, переписывались, когда Кулиев на два года раньше него вернулся из Киргизии в Москву.

В первые годы возвращения в Нальчик Ибрагим работал в редакции газеты «Коммунизмге жол» («Путь к коммунизму»), а потом перешел в театр и остался верен ему по сей день. Принимал участие во всех спектаклях и сыграл много ролей («Рассвет в горах» – комиссар Смирнов, «Радуга» – Антон Кряжна, «Кровавая свадьба» – Кайтук, «Свадьба» – Подколесин, «Украденное счастье» – Никола Задорожный и др.). За плодотворную работу в театре был награжден орденом «Знак Почета» и трижды грамотами Верховного Совета КБАССР. Он – заслуженный артист КБР.

Ибрагим Маммеев известен и как поэт и как прозаик. Еще будучи учеником средней школы, он начал писать стихи. В 1937–1938 годах появились в печати его первые стихи. В годы войны им написана несколько биографичная поэма «Самат», повествующая о молодом балкарце, который прошел путь от Кавказа до Берлина. Первые послевоенные стихи вошли в сборник «Знамя нашей жизни» и «Слово брата». Он является зачинателем басенного жанра в балкарской литературе. Басни начал писать в период Отечественной войны. В 1958 году вышел сборник стихов и басен «Коса», а в 1962 году – второй сборник «Тебе мой подарок» (на балк. яз.). Потом он выпустил книги: «Сердце матери в детях», «Рассвет», «В песках», «Горит огонь», «Голос земли», «Тебе тоже помогали люди», «Позови меня», «Играй, свирель», «Хасан и петух» (детские рассказы).

Ибрагим Маммеев известен и как драматург. Им написаны пьесы: «После свадьбы», «Крепость Шамая», «Поэма о любви», «У меня нет отца», «Курман», «Нарт Ёрюзмек», «Лекарство бабушки», «Редиска», «Люди нашего села».

Многое сделал Ибрагим и в области перевода: перевел «Женитьбу» Гоголя, «Аслижан» Судакова, «Дай дорогу завтрашнему дню» Дальмара, «Белые флаги» Думбадзе, «Семья пре-

ступника» Джакометти, «Ложный загс» Р. Гюнтекки и другие произведения.

О своей дружбе с Кайсыном Кулиевым Ибрагим рассказал в своих воспоминаниях.

КАК ХОРОШО, ЧТО ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК БЫЛ!

Я познакомился с Кайсыном в 1939 году летом. Он учился в Москве в ГИТИСе, а я учился в Нальчике в театральной студии. В то время он, будучи в Москве, был уже известным поэтом. Я же стал только писать стихи, часто приходил в Союз писателей Кабардино-Балкарии. Председателем Союза писателей был Керим Отаров. Он и познакомил меня с Кулиевым. А до этого не раз говорил: «Кулиев – это не просто талант, а огромный талант. Он будет в нашей литературе большой яркой звездой». В слова Керима Отарова я верил, и когда мы познакомились с Кайсыном, он уже был для меня высоким авторитетом в области литературы. Вскоре я убедился, что Кулиев глубоко знает мировую поэзию, разбирается в стихосложении, любит и ценит народное мудрое слово и в разговоре часто употребляет балкарские пословицы и поговорки. Мне всегда казалось, когда я слушал Кайсына, что он говорит не прозой, а стихами,– настолько его речь была лиричной, поэтичной и насыщенной философской мудростью. Отвечая на наши вопросы, Кулиев часто в шутливой форме опирался на высказывания известных мудрецов, поэтов-мыслителей прошлого и нынешних ашугов. Его фраза начиналась так: «...деп къойгъанды...» («...так сказал...») – и обычно отвечал стихами. Мы смеялись и понимали и его шутки, и глубокие серьезные мысли. С ним было легко общаться. В молодости он был очень энергичным, веселым, приветливым. Когда он заходил в кабинет К. Отарова, все находившиеся в нем становились непринужденнее, естественнее, каждый был самим собой.

В августе 1939 года, помню, было большое совещание Союза писателей Кабардино-Балкарии. В этом совещании принимал участие писатель из Москвы Юрий Либединский. С отчетным докладом выступил председатель Союза писателей К. Отаров. После доклада в прениях приняли участие преподаватели пединститута Умар Баблашевич Алиев и Кайсын Кулиев. У. Б. Алиев говорил о

том, что в современной балкарской литературе отсутствует сатирическое направление, а юмор и сатира играют большую роль в воспитании читателей. После него выступил Кайсын Кулиев. Он подчеркнул, что наша поэзия развивается несколько односторонне: все стихи похожи друг на друга. «Есть такая мода,– говорил он,– подражать друг другу. Когда читаешь стихи одних, то не хочется читать других, потому что они пишут так же, повторяя друг друга. Это большой недостаток нашей национальной поэзии. Можно сказать, развития, движения балкарской поэзии нет». Во время его выступления многие присутствовавшие , которые от скуки дремали, сразу встрепенулись, навострили свои уши. Кайсын оживил и заинтересовал всех сидящих в зале. Кайсын всегда был смелым в своих суждениях и авторитетным человеком в любой аудитории.

Это было время, когда наша балкарская литература делала первые шаги в своем развитии и нуждалась в объективной критике. Именно таким знающим критиком был Кайсын Кулиев. Его литературно-критические взгляды направили балкарскую литературу в новое русло. Кулиев всегда выступал против лакировщиков в литературе, против агитационных призывов в поэзии, стоял за национальную самобытность, за реальное отображение жизни в художественной литературе.

Его первая книга стихов «Здравствуй, утро!» была как бы подтверждением его критических выступлений, его взглядов на роль и на назначение литературы. Я служил в армии, но знал, что этот сборник стихов Кулиева вышел, и я радовался встрече с поэтическим словом своего друга. До этого тоже выходили книги, такие, как «Новая жизнь» («Жангы жашау»), «Моя песня» («Мени жырым»), «Новый мир» («Жангы дуния»), «Мое слово» («Мени сёзюм») и другие. Все эти книги страдали формалистическими издержками тех лет. А сборник стихов Кайсына был как бы символом привета утренней заре, ключом, открывшим смысл поэзии,– писать о человеке, его радостях и огорчениях, о человеческом бытии.

Уже после войны, спустя семь лет, я снова встретился с Кайсыном. Это было во Фрунзе, куда я приехал из Джалал-Абада. Когда пришел в Академию наук, где находился Союз писателей Киргизии, то в коридоре вдруг услышал неповторимый голос Кайсына. Мы встретились

и разговорились. Я смотрел на него, и мне казалось, что он почти не изменился, хотя это было ошибочное мнение. Он изменился, стал почти другим: более зрелым в суждениях и каким-то сосредоточенным, задумчивым. Он казался старше своих лет. Кайсын познакомил меня со многими киргизскими писателями и поэтами.

Помню, это был обеденный перерыв, Кайсын забрал меня с собой обедать, потом мы пошли к нему на квартиру. Жил он один, без семьи, в одной маленькой комнатушке. Вспоминается при этом неприятный эпизод: мы после обеда спешили и, подбежав к остановке, почти на ходу вскочили в автобус. За нарушение правила посадки милиционер остановил автобус и высадил нас. Мы попали в отделение милиции. Я, как гость, молчал, придерживаясь пословицы: «Гость должен быть тише барашка» («Къонакъ къойдан жууаш»). Кайсын стал сразу возмущаться и сказал: «Это беззаконие! Что мы плохого сделали?!» – «Вы нарушили правила,– ответил дежурный милиционер,– и вошли не в ту дверь». С нас потребовали штраф. Позже Кайсын шутил: «Это их главная работа и болезнь: собирать деньги для своего кармана!»

Несмотря на тяжелые условия жизни спецпереселенцев, Кайсын всегда был жизнерадостным, поддерживал в горе других и верил в торжество социальной справедливости. Верил в лучшее и надеялся на успех. Об этом говорят его стихи среднеазиатского периода.

Вскоре я вернулся в Джалал-Абад и с Кайсыном встретился уже после возвращения на родину.

Слава Кайсына росла. Он стал всемирно известным поэтом. О нем много писали критики и литературоведы.

Сейчас я радуюсь и горжусь, что был на свете такой неповторимый в балкарской литературе поэт, как и его учитель Кязим Мечиев. Убежден, что в балкарской литературе нет ни одного поэта и писателя, который бы не внес в свое творчество новаторство и традиции Кайсына Кулиева. Наш ушедший гигант и светоч всем помогал, никогда себя не ставил выше других, восхваляя своих собратьев по перу.

Что касается меня лично, то это он мне посоветовал написать пьесу о Кязиме Мечиеве – «Раненый тур», что я и сделал. Эта пьеса до сих пор не сходит со сцены балкарского театра. А было это так.

Когда отмечали 100-летие со дня рождения Кязима Мечиева, в Нальчик прибыло много приглашенных гостей из Москвы, Ленинграда и других городов. Празднество проходило в Доме Советов. С докладом выступил Кайсын Кулиев. Это был первый такой глубокий, содержательный анализ творчества Кязима Мечиева, основоположника балкарской литературы. Его имя открыл и вознес тоже Кайсын. Слушая его доклад, я думал: «Кайсын должен написать драму о личности этого поэта-мыслителя, этого классика». Спустя время об этом сказал Кайсыну, когда мы однажды встретились в театре. Но он ответил: «О нем ты напишешь сам. Ты талантливый драматург!»

Поэт вдохновлял меня. И я стал работать над «Раненым туром». Рукопись я отнес на суд Кайсыну. Когда он прочитал ее, то сказал: «Было бы хорошо, если бы ты написал о поэме Кязима «Бузжигит». Это была поэма о любви – Кайсын дал мне сюжет для второй пьесы.

Кайсына всегда интересовал театр, его развитие и его возможности, и он был рад приветствовать новую вещь, которая появлялась на подмостках сцены. Интересовался он и актерами, их судьбами. Был и первым рецензентом-искусствоведом, театральным критиком: писал рецензии на первые спектакли, которые проходили еще в 1939 году. В последующие годы он тоже был близок к нашему театру: всегда знал наши нужды и наши заботы. Так, после возвращения балкарцев на родину, где-то в конце 50-х – начале 60-х годов, Кайсын со своим другом Адельгери Соттаевым был на просмотре одной пьесы. Зашел разговор об открытии балкарского театра, об исполнении ролей и т. п. Адельгери Соттаев говорил об успехах балкарской труппы, но Кайсын, поблагодарив всех артистов за доставленное наслаждение, сказал: «Нельзя останавливаться на достигнутом, надо много еще работать, и будет хорошо или плохо – все будет зависеть от вас».

Вспоминается и другой случай. В 1962 году ЦК партии проводило совещание с работниками литературы и искусства. Была организована встреча с Н. С. Хрущевым. На этой встрече были К. Отаров и К. Кулиев. Керим предложил Кайсыну подойти к Никите Сергеевичу и

сказать от имени балкарского народа слова благодарности за то, что он вернул «наказанные народы» на родину. Кайсын одобрил это предложение, но при этом сказал:

– Ты, Керим, будешь говорить, потому что ты старше и потерял на войне ногу.

– Ты тоже, Кайсын, не прятался во время Великой Отечественной войны, а сражался с винтовкой в руках на разных фронтах.

– Дело не в этом, Керим! Ты лучше будешь говорить. Ты начни, я тоже молчать не буду. Найду возможность сказать слово.

Об этом случае рассказал Керим Отаров Маммееву: как они все-таки нашли возможность, подошли к Хрущеву, поблагодарили его, и тот даже поинтересовался, как балкарский народ обустраивается.

– Жизнь налаживается, хотя много трудностей,– ответил Кайсын.

После беседы с Хрущевым, к ним подошел А. М. Микоян.

– Видимо, вы – балкарцы? – спросил он.– С вашим Магомедом Энеевым я работал вместе в Ростове-на-Дону, в северокавказском крайкоме. Он везде меня сопровождал, несколько раз он водил меня в горы. Очень был умный, знающий и образованный человек. До сих пор не могу понять: почему он покончил с собой, застрелившись дома. В то время трудно было понять, что происходило в стране и с ее руководящими кадрами. Видно, были на то серьезные причины, чтобы так поступить!

А. М. Микоян сказал об Энееве еще много хороших слов. Кайсын внимательно слушал его, а потом возмущенно стал говорить о репрессиях в кадровой политике. Его благородный ум кипел негодованием. Он, как большой гуманист, не мог смириться с тем, что безвинные люди так рано ушли из жизни. Погиб Энеев, когда ему был только 31 год! А сколько бы он мог сделать хорошего для родного народа! Нельзя уничтожать генотип талантливых людей, ведь его сын Тимур Магомедович Энеев – всемирно известный ученый, ученик академика М. Келдыша. Тимур – лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, член-корреспондент АН СССР (с 1968 г.).

Аслан Алиевич
ДАУРОВ
(1942-1999)

Аслан Дауров – известный композитор. Кайсын Кулиев высоко ценил его талант музыканта, встречался с ним не раз в Москве и в Нальчике. У Аслана Алиевича есть письмо от Кайсына Кулиева, которое он хранил как реликвию, как самую памятную вещь о поэте. Он считает поэта своим великим другом и вспоминает, как они вместе работали над ораторией к «Горской поэме... ».

Родился Аслан Дауров в ауле Хабез, Карачаево-Черкесской Республики. Закончил школу с золотой медалью и поступил в Ставропольское музыкальное училище, а затем – в Московскую государственную консерваторию им. Чайковского по двум специальностям – композиции и дирижированию. Очень о многом говорит такой факт: в 1970 году на второй день после окончания консерватории Аслан Дауров был принят в Союз композиторов СССР по рекомендации великого русского композитора Г. В. Свиридова, заметившего в молодом специалисте необыкновенные музыкальные способности, умение неустанно трудиться и добиваться блестящих результатов.

Уже через два года после окончания консерватории вплоть до 1986 года Аслан Дауров выполнял обязанности заместителя председателя Союза композиторов КБР; работал и директором музыкального училища Карачаево-Черкесии (1972–1983). В 1986 году был единогласно избран председателем Союза композиторов Ставропольского края. В 1991 году он переехал в Нальчик и стал работать художественным руководителем телерадиокомпании КБР.

Аслан Дауров является лауреатом Всесоюзного конкурса молодых композиторов (3-я премия), заслуженным деятелем искусств Республики Абхазии, народным артистом Кабардино-Балкарии, заслуженным деятелем искусств Российской Федерации и лауреатом Государственной премии Российской Федерации.

В статье «Великий друг» он рассказывает о Кайсыне Кулиеве и о себе.

ВЕЛИКИЙ ДРУГ

Стихи Кайсына Кулиева я полюбил еще в студенческие годы, когда учился в Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. Тогда вошел в мое сердце облик Кайсына Кулиева – символа горца, кавказца. К моменту окончания Московской консерватории я в качестве одной из дипломных работ взял «Горскую поэму о Ленине» К. Кулиева для создания оратории.

Я работал терпеливо, долго, глубоко. Мне удалось создать ораторию в семи частях для солиста – баса, хора и симфонического оркестра. И вот, ближе к окончанию консерватории, мне сказали, что Кайсын в Москве, на пленуме Союза писателей и живет в гостинице «Москва». Я нашел номер телефона и позвонил Кайсыну. Услышав своеобразный, неповторимый хрипловатый голос поэта, я представился, рассказал о своей работе, об оратории, и Кулиев очень заинтересовался мной и моей ораторией. Встретиться в тот раз нам не удалось, ему нужно было ехать на пленум, а у меня были репетиции, но договорились встретиться... Правда, эта встреча состоялась позже, в Нальчике, уже после окончания консерватории.

23 декабря 1974 года я написал из Черкесска, где я жил в то время, письмо Кулиеву. Сейчас оно хранится в архиве Кайсына Кулиева (оп. 3, ед. хр. 25, л. 1–2). Вот его содержание. «Дорогой Кайсын! От всей души поздравляю Вас с присуждением Вам Госпремии и желаю еще многих лет жизни и творчества на радость всем нам, поклонникам Вашей поэзии.

Я давно полюбил Вашу поэзию, у меня все сборники, выпущенные Вами, знаю наизусть многие стихи. К сожалению, все никак не удается встретиться с Вами и познакомить Вас с моими музыкальными сочинениями.

На Ваши стихи мною написаны следующие песни: «Скачи, мой ослик!», «Песня, подаренная девушкам», «Песенка простая», «Девушке с Севера» (я ее назвал «Подари!», думаю, что Вы не будете возражать против такого названия) и много других. Многие из них стали популярны. Недавно Заур Тутов с огромным успехом исполнял песню «Подари!» на пленуме Союза композиторов РСФСР в городе Горьком. Вокальный цикл на Ваши слова «Горная речушка» записан на Всесоюзном радио

А. Ведерниковым и Ю. Якушевым – поется он в концертах.

Самым своим значительным произведением на Ваши слова я считаю ораторию для чтеца, солистов и хора «Горскую поэму...». Она была написана по заказу Министерства культуры РСФСР. Сейчас передо мной стоит проблема записи этой оратории – мне бы хотелось, чтобы партию чтеца исполняли Вы. Для этого было бы хорошо, если бы мы как-то встретились в Нальчике или в Москве. В Нальчик я могу приехать в удобное для Вас время... Надеюсь, что оратория Вам понравится.

Я бы с удовольствием принял бы участие как композитор в Вашем творческом вечере.

Жду с нетерпением встречи с Вами, дорогой Кайсын.

С приветом

Аслан Дауров».

Кайсын ответил мне, и наша творческая работа началась в Нальчике.

Меня приняли в Союз композиторов СССР, и я вошел в Кабардино-Балкарскую организацию Союза композиторов. Филармония КБР поставила в план исполнение моей оратории «Горская поэма о Ленине» по его одноименной поэме. Для этого мы свели два хора – хор Кабардино-Балкарского радио и хор Карачаево-Черкесского радио, а сопровождал симфонический оркестр под управлением Бориса Темирканова.

После серьезных и продолжительных репетиций была назначена премьера. Она состоялась в актовом зале музыкального училища и прошла с большим успехом, а на следующий день «живьем» вся оратория была исполнена на республиканском телевидении в Нальчике. Затем предстояла фондовая запись на радио. Я предложил Кайсыну выступить самому в оратории, то есть исполнить партию чтеца в 1-й части на фоне хорового вокализма. Кайсын согласился. Таким образом была записана оратория с участием поэта Кайсына Кулиева. Я был счастлив, счастлив и сейчас, потому что эта уникальная запись находится в фонотеке нашего республиканского радио.

С тех пор прошло много лет. За это время я написал цикл романсов на стихи Кайсына и назвал его так – «Горная речушка», куда вошли пять романсов. Когда я закончил эту работу, то набрался смелости и предложил

исполнить цикл выдающемуся русскому певцу, солисту Большого театра, народному артисту СССР Александру Ведерникову. К моему счастью, он согласился, так как он, как и Георгий Свиридов, любил творчество Кайсына Кулиева. и музыка ему понравилась...

Когда мы с Кайсыном встретились (по-моему, на юбилее Х. Карданова: ему исполнилось 50 лет), я сказал поэту о том, что А. Ведерников взял в работу мои романсы на его стихи. Кайсын уже об этом знал, так как в популярной газете «Неделя» А. Ведерников давал интервью и сказал при этом, что он «поет песни А. Даурова на стихи Кайсына Кулиева». Когда я прочитал об этом, то был удивлен и рад: ведь эту газету читал весь Советский Союз!

Прошло еще время. А. Ведерников записал мои романсы на стихи Кайсына Кулиева на Всесоюзном радио. Это было большим событием для любого автора. Затем романсы были записаны на пластинку! И вдруг, где-то в 1978 году, захожу в магазин «Мелодия» в Москве и глазам своим не верю – на витрине красуется пластинка с надписью: «Горная речушка». Цикл романсов А. Даурова на стихи Кайсына Кулиева, исполняет Александр Ведерников в сопровождении камерного оркестра под управлением Александра Корнеева». Я тут же закупил почти все экземпляры и вернулся домой.

Вскоре, на вечере, посвященном 60-летию карачаевского поэта Османа Хубиева, мы снова встретились с Кайсыном Кулиевым. Я дирижировал своей «Концертной лезгинкой» и был, естественно, во фраке. Кайсын после концерта все шутил: «Аслану фрак очень идет...» Но ведь у меня была припасена пластинка, о выходе которой он не знал. В перерыве между застольем я «подсунул» Кайсыну пластинку. Он как-то не обратил на нее внимания... Я даже обиделся. После юбилея Кайсын уехал в Чегем, где он уже жил и, видимо, только там, дома, в спокойной обстановке, разглядел пластинку, прочитав надпись, и, конечно, прослушал... И вдруг через неделю я получаю письмо от Кайсына. На нем были следы его слез.

Я прочитал письмо и расплакался сам от невыразимой радости. Вот содержание этого письма:

«Дорогой мой Аслан!

Спасибо тебе за письмо и добрые чувства ко мне. Я также давно сказал, как люблю тебя и высоко ценю твое

прекрасное дарование, твой истинный талант. Так должны относиться к тебе те, кому действительно дорого искусство.

Сегодня я уезжаю в Москву к врачам – для очередной проверки.

Меня вызывают они через каждые три месяца, в течение которых я продолжаю делать уроки (очевидно, уколы. – *А. Д.*). Об этом пишу тебе, чтобы извиниться перед тобой за краткость моего письма.

Я всей душой за то, чтобы выдвинуть цикл на Государственную премию РСФСР и поддержать там всеми силами. Я также давно говорил тебе о премии Кабардино-Балкарии. Все это будет исключительно справедливо. Я всегда на твоей стороне. Готов делать все, что можно. Пусть цикл выдвинет хоровое общество Ставропольское, а здесь наши композиторы и Союз писателей письмом выразят свою горячую поддержку. Как вернусь, встречусь с Хавпачевым и потребую, чтобы он и Союз композиторов выдвинули твою кандидатуру на премию КБАССР. Она, кажется, будет теперь присуждаться в 82-м году. А на РСФСР пусть выдвигают сейчас же, немедля. Прием уже объявлен. Григорию Шантарию передай мой поклон и благодарность. Я не знаю ничего о качестве им написанного – не слушал, но за одно то, что он взял текстами мои вещи, я признателен ему. Я не знаю его адреса, написать ему не могу.

Обнимаю тебя, милый Аслан. Желаю тебе здоровья, вдохновения, всего хорошего, всегда помнящий тебя

твой *Кайсын!*»

Это письмо я храню как реликвию.

Пластинку с романсами на стихи К. Кулиева я послал и моему учителю и наставнику Г. Свиридову, который тоже прислал мне теплое письмо с поздравлением. Кстати, об отношении Г. Свиридова к К. Кулиеву можно написать много. Главное то, что великий композитор нашей современности считал Кулиева великим поэтом, знал прекрасно его стихи и любил его как человека. Однажды, когда я навестил Г. Свиридова на его даче под Москвой, он мне спел и сыграл свои новые романсы на стихи Кайсына Кулиева. Я был в восторге, потому что это была

гениальная музыка! Когда я предложил Г. Свиридову немедленно сделать запись этих романсов, то великий композитор похлопал меня по плечу и сказал: «Нет. Романсы должны отлежаться». И теперь, к сожалению, я не знаю, какова судьба этих романсов на стихи К. Кулиева. Буду их искать в архиве композитора, скончавшегося в 1997 году.

Кайсына Кулиева любили многие композиторы. Так, выдающийся грузинский композитор, тогдашний министр культуры Грузии, незабвенный Отар Васильевич Тактакишвили всегда с восторгом говорил о Кайсыне, считая меня его земляком и другом.

Последняя моя встреча состоялась с Кайсыном Кулиевым на одном из выездов Союза композиторов России, где он принимал участие как почетный гость. Г. В. Свиридов пригласил к себе в гости О. В. Тактакишвили, Кайсына Кулиева, Хажбекира Хавпачева и меня, молодого композитора. Кайсын пришел с сыном Эльдаром. Мы собрались в уютном доме Г. Свиридова на Большой Грузинской улице. Чуткая, внимательная, интеллигентная жена композитора, Эльза Густавовна, накрыла замечательный стол, учтя при этом особенности кавказской кухни. Пили настоящее грузинское вино. Боже мой, что это был за вечер! Г. Свиридов играл свою гениальную музыку на рояле, Кайсын читал стихи, а О. Тактакишвили рассказывал о своей поездке в Японию. Нам всем настолько было хорошо, что долго не хотели расходиться... Кайсын все восхищался: «Какие люди, какие люди...» Простились с хозяевами далеко за полночь. Этот вечер мне запомнился на всю жизнь как один из самых моих счастливых вечеров! После этого я уже никогда не видел нашего дорогого Кайсына. А его преждевременная смерть потрясла и Свиридова, и меня. На двенадцать лет пережил Георгий Васильевич своего друга Кайсына Кулиева. После Кайсына вскоре скончался и О. Тактакишвили, а в 1997 году ушел от нас и Г. Свиридов... Осиротели мы, обеднела вся Россия. В память о Кайсыне я написал симфонические картины «Горы и люди» на стихи К. Ш. Кулиева. Это произведение – дань моей любви к великому балкарскому поэту, прекрасному человеку Кайсыну Кулиеву. Для меня является счастьем и божьим даром то, что мне посчастливилось знать его, дружить и работать с ним...

Ибрагим Хашимович
АХМАТОВ
(1938–1998)

Ибрагим Ахматов был заведующим кафедрой балкарского языка и литературы Кабардино-Балкарского государственного университета, он доктор филологических наук, профессор, академик, секретарь Кабардино-Балкарского отделения Международной тюркской академии.

И. Х. Ахматов родился 27 декабря 1938 года в поселке Былым, Эльбрусского района, Кабардино-Балкарской АССР.

В 1962 году Ибрагим Хашимович закончил Кабардино-Балкарский госуниверситет и начал свою трудовую деятельность редактором Комитета по телевидению и радиовещанию КБАССР. С 1967 года работал в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте научным сотрудником, а затем заведующим сектором балкарского языка.

С 1972 года возглавил кафедру балкарского языка и литературы Кабардино-Балкарского госуниверситета.

Его труды известны и высоко ценятся в Российской Федерации и за ее пределами.

Он внес большой вклад в подготовку научно-педагогических кадров республики. На всех ответственных участках работы И. Х. Ахматов показал себя талантливым педагогом, ученым и руководителем. Он пользовался заслуженным авторитетом и уважением научно-педагогической общественности республики. Его отличали высокий профессионализм, порядочность, человеколюбие, стремление всегда помогать людям.

Ибрагим Хашимович Ахматов принимал активное участие в общественно-политической жизни республики. Его заслуги перед Родиной отмечены медалями «За освоение целинных земель», «За трудовую доблесть».

ПРИЕЗД КАЙСЫНА БЫЛ РАДОСТНЫМ СОБЫТИЕМ

Когда балкарский народ бериевскими палачами полностью был насильственно выселен из родных мест в Среднюю Азию и Казахстан, наша семья попала в небольшое киргизское село Джарбаш, Кантского района, Киргизской ССР. Считалось, что нам крупно повезло, потому что это село расположено у подножия гор: люди здесь пили воду из чистой горной реки, как на родине, в горах заготовляли дрова. Горцев устраивал окружающий их рельеф, и климат здесь был лучше, чем в других регионах республики. Все это, и особенно теплое отношение местного населения, помогало переселенцам легче переносить тяготы холодной и голодной жизни. Несмотря на это, когда осенью 1946 года Кайсын, недавно поселившийся в городе Фрунзе, приехал сюда, он увидел, как тяжела здесь жизнь всех переселенцев. Одни из них жили в наспех построенных землянках, другие занимали чужие сараи, утеплив их соломой. Тяжело жилось в эти военные и послевоенные годы и местному населению. Сердца у всех были охвачены горем. Люди голодали. Работая от зари до зари в поле, они на трудодни ничего не получали.

Однажды в осенний день по центральной улице села проехала старая «Победа». Это первая легковая машина, которую видели мы, джарбашские дети. В колхозе была единственная полуторка. Водил ее Николай Выпренцев, высокий симпатичный русский парень, сосед моей тети по матери. В моем понимании он был самым почетным человеком в колхозе. За ним следовали: председатель колхоза Кыдырали, директор здешней начальной школы Жапар и бригадир Сыгынбай. А самым грамотным считался Ахмат Мусаевич Кулиев, работавший бухгалтером на местном маленьком алебастровом заводе.

Все сельские босоногие мальчишки побежали за «Победой», которая остановилась у дома Ахмата Кулиева. Из этого чудесного автомобиля, остановившегося рядом с полуторкой Николая, вышли двое мужчин, красиво одетые, веселые. Оба они были в военной форме. Во двор первым направился Кайсын Кулиев. Там гостей встретил, вместе со своей женой Жулдуз, хозяин дома, такой же симпатичный, как и приехавшие к нему гости.

Они крепко обнимались, что-то говорили друг другу, и их глаза наполнялись слезами радости. Освободившись от объятий Кайсына, моя тетя Жулдуз обратилась ко мне: «Передай матери: приехали Кайсын и Хажимуса Кулиевы. Быстро!» Мы с Кулиевыми жили рядом. Когда я вернулся вместе со своей матерью, во дворе Кулиевых уже было много людей. Дети просили у русских и киргизских соседей стулья, скамейки, столы и несли их сюда.

Весть о приезде Кайсына с Хажимусой быстро облетела село. Это стало для сельчан большим радостным событием, потому что, во-первых, комендантский режим не позволял переселенцам передвигаться из одного села в другое, во-вторых, оказывается, гостей Ахмата Кулиева, недавно вернувшихся из армии, знали почти все балкарцы, живущие здесь. Они надеялись, что дорогие гости расскажут им что-то новое о том, что в дальнейшем ожидает несчастных переселенцев, что происходит в стране. И Кайсын оправдал их ожидания. Пожилые люди с интересом слушали гостей. Говоря о их тяжелой жизни в изгнании, о том, что голод и заразные болезни уносят очень много жизней, Кайсын сказал: «Если так и дальше будет продолжаться, вернуть на родину будет некого».– «Говорят, что Сталин не знает, что с нами происходит. Нельзя ли, сынок, поставить его в известность о том, что умирают безвинные люди»,– вмешался в разговор быллымец Мусабий, единственный здесь эфенди. Он был женат на Забиде, родной сестре поэта Ахии Ахматова, а Ахия – двоюродный брат Кайсына. Поэтому Кайсын хорошо знал Мусабия. Он чувствовал, что эти измученные, похудевшие, сгорбившиеся от горя старики и старухи в лохмотьях ожидают от него какой-то помощи. Тяжело было на душе у Кайсына. Он глядел на стариков, которые пока еще твердо держатся на ногах, и ему вспомнилось, что в некоторых селах никого из людей мужского пола не осталось в живых и умерших вынуждены были хоронить женщины и девушки. Кайсын помрачнел. Затем встал и начал читать свои стихи. Толпа людей слушала поэта, затаив дыхание. Стихи Кайсына заканчивались словами, призывающими земляков к терпеливости. Он выражал надежду, что вот-вот настанет долгожданный час и огонь снова согреет балкарские и карачаевские очаги. Читал стихи, посвященные депортации целых наро-

дов с родной земли, и Хажимуса. Потом карачаевец Харун, плотник колхоза, встал и от имени всех переселенцев горячо благодарил гостей в военной форме. Встреча с ними на джарбашцев произвела неизгладимое впечатление, и они, довольные, с шумом расходились по домам уже после полуночи.

Когда в доме Кулиевых погасили свет, в селе где-то запел первый петух. Завтра Ахмата Мусаевича ожидало много хлопот. Ему необходимо было зарезать телку, будущую кормилицу семьи, пригласить всех односельчан и угостить их по случаю возвращения своих близких родственников из армии. У него два брата – Магомет и Билял. Придут оба. Он приютил осиротевшего Магомета Тилова – близкого родственника жены. Они помогут. Все получится хорошо.

...Когда Хажимуса с Кайсыном встали и вышли во двор, чтобы умыться, здесь уже было много людей. Сафу, сестра жены Ахмата, моя мать, вместе с соседскими девушками пекла хычины и лакумы. Гости давно знали и очень уважали ее, эту веселую, молодую женщину, прекрасную гармонистку.

Когда гостей повели в сад к умывальнику, они заметили, что в котлах что-то варится. «О-о!» – воскликнул вдруг Хажимуса, увидев висящую на ветке старой яблони шкуру телки. Кайсын был огорчен тем, что зарезали единственную телку: ведь это же будущая корова, и она бы могла многих спасти от голода. Ахмат сказал: «Месяц назад телок имели еще несколько человек. Но кто-то из сельчан поехал в райцентр, на базар, и там ему знакомые рассказали, что через день-другой переселенцев возвратят на родину. Все поверили и зарезали телок и коров. Ничего не оставили. Обойдусь без нее и я. Главное в том, что вы живы и здоровы. В наше село из армии, кроме вас, пока еще никто не вернулся. Каждая семья ждет, но, увы, от солдат нет никаких вестей».

Уже осеннее солнце поднялось над земляными и соломенными крышами домов Джарбаша, когда людей посадили за столы и стали угощать. Здесь, на киргизской земле, переселенцы, кроме плача и слез, ничего не слышали и не видели. В селе много было горя, а поэтому, по обычаю горцев, нельзя было ни петь, ни танцевать. Пока даже ни одной свадьбы не было. Если даже была бы свадь-

ба, она обязательно прошла бы без музыки и танцев. А тут Ахмат решил устроить настоящее веселье. Но он не осмеливался просить Сафу сыграть на гармошке, потому что в течение короткого времени, которое балкарцы провели здесь, она похоронила годовалого сына Рашида, отца и мать – Этезовых Хамзата и Налжан. Их сыновья Алий, Тахир, Билял и Жамал находились в армии. Никто не знал, живы они или нет.

И вдруг произошло то, чего Ахмат Кулиев не ожидал. Мусабий встал из-за стола и попросил пригласить сюда гармонистку. Когда она подошла к столу, эфенди Мусабий начал говорить о том, что горе и радость всегда бывают рядом. И молодая женщина сразу поняла, что хотел сказать эфенди, но она никак не могла заставить себя играть на гармошке. Мусабий долго уговаривал ее, но она не решалась. Тогда все присутствующие поднялись и тоже стали уговаривать ее: «Как это так? Ведь Кайсын с Хажимусой приехали! Очень просим! Сафу! Сыграй, помоги людям повеселиться, и Аллах тебе поможет». Принесли гармошку. Гармонистка стояла в растерянности. Она очень хотела сыграть для Кайсына и Хажимусы, но боялась, что люди потом будут осуждать ее. Однако они продолжали просить. И Сафу стала играть. Но никто не решался, даже старики, выйти танцевать. Заметив это, первым станцевал, пригласив одну из девушек, Кайсын. Потом он говорил, что живущим необходимо и петь, и танцевать. Это поможет им легче преодолеть все трудности, которых сейчас слишком много. Говорил долго и горячо. И люди согласились с ним. Они пели и танцевали. Киргизы и русские первый раз слышали балкарскую музыку, они первый раз видели, как танцуют горцы.

После этого события местные еще больше стали уважать переселенцев.

На следующий день Кайсын и Хажимуса собрались уезжать. Но им помешало одно обстоятельство. В тот день все переселенцы обязаны были прийти в спецкомендатуру и прописаться в журнале, тем самым показать, что никто из них никуда не уехал. Комендатура находилась в соседнем селении Первое Мая. Везти туда тех, кто тяжело болен, было не на чем. А больных было много. Кайсын с Хажимусой решили помочь землякам.

Люди видели, как Кайсын с Хажимусой уехали в ко-

мендатуру. Толпа переселенцев терпеливо ждала их возвращения. Одни надеялись, что они сумеют договориться с комендантом, другие твердили, что он жесток и с ним не договорится даже Бог. Но все продолжали ждать.

Вдруг кто-то из толпы воскликнул: «Едут!» К правлению приближались уважаемые гости Джарбаша и комендант, тот самый Михаил Самакин, без разрешения которого переселенцы не имели права съездить даже в соседнюю Юрьевку, где был небольшой рынок и была мельница, потому что это село относилось к другому, Ивановскому, району. За пересечение границ другого района переселенцам угрожали двадцать лет тюремного заключения.

Самакин, ни с кем не поздоровавшись, зашел в правление колхоза. Кайсын обратился к собравшимся: «Дорогие земляки! Отныне вы будете отмечаться у коменданта здесь, у себя в селе. Терпите! Я думаю, что этому скоро придет конец». Несчастные старики и старухи благодарили Кайсына и Хажимусу.

Этот день навсегда остался у меня в памяти.

Тимур Басиятович
ШАХАНОВ
(1917–2000)

Тимур Шаханов – высокообразованный человек, хорошо знающий историю культуры родного края. Много лет работал в краеведческом национальном музее, возглавлял искусствоведческий отдел до ухода на пенсию.

Родился он в семье известного общественно-политического деятеля Северного Кавказа Басията Абаевича Шаханова. История его рода всегда вызывала интерес у тех, кто не забывал свои национально-этнические корни, свою родословную. Дед Тимура Басиятовича – Абай Шаулохович (Александр Дмитриевич) – был одним из первых горцев Северного Кавказа, окончившим в Петербурге Военную медико-хирургическую академию. Как попал юноша из глухомани Черекского ущелья в северную столицу России в 50-е годы XIX века – этот факт всегда вызывал удивление.

Абай Шаханов был женат на Елизавете Павловне Матвеевой, дворянке из Тамбовской губернии. 17 января 1879 года у них родился сын, которого назвали Борисом, а впоследствии он был прозван Басиятом.

Басият Абаевич Шаханов был одним из образованных людей Северного Кавказа. Он окончил Александрийский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Военно-юридическую академию в Петербурге. После Февральской революции он стал одним из организаторов и председателем 1-го съезда горцев Северного Кавказа и Дагестана, пользовался авторитетом и глубоким уважением среди горских трудовых масс. Умер он рано – в марте 1919 года, когда его сыну Тимуру не было и двух лет.

После смерти отца семья переехала в Баку. Тимур Басиятович здесь окончил среднюю школу и поступил учиться в Литературный институт в Москве. Однако по некоторым объективным причинам ему пришлось оставить учебу, он ушел с 3-го курса и стал работать в Музее истории Азербайджана. В 30-е годы Тимур Шаханов окончил юридический факультет Азербайджанского государственного университета и стал работать по специальности. 23 мая 1944 года он вместе с матерью был вы-

слан в Казахстан, в Талды-Курганскую область. В период депортации он работал в Коллегии адвокатов. В 1958 году вернулся на родину и был принят на работу сотрудником краеведческого музея в Нальчике. В этот период он принимал активное участие в научных экспедициях по сбору материалов этнографии и культуры балкарского народа.

Дружба с Кайсыном Кулиевым началась в 50-е годы в Средней Азии и продолжалась до конца жизни поэта. О их дружбе Тимур Басиятович рассказал в своих воспоминаниях.

МЫ БЫЛИ РОВЕСНИКАМИ

Кайсын и я родились в 1917 году. Наша дружба началась в период насильственной высылки в Среднюю Азию. До этого мы знали друг о друге очень мало, так как я жил в Азербайджане. Находясь в Алма-Ате, я уже много слышал о Кайсыне Кулиеве, знал, что он живет в столице Киргизии, и решил, если удастся, то встретиться с ним и лично познакомиться. Случай вскоре представился, когда мне нужно было лететь в Москву. Я прилетел из Алма-Аты во Фрунзе. Рядом с кафе «Красная чайхана», куда я решил зайти, работал чистильщик обуви азербайджанец Ханафи. Я хорошо знал азербайджанский язык и спросил его, не знает ли он поэта Кайсына Кулиева. Оказалось, что он с ним даже знаком. И вдруг говорит: «А вот и поэт!» Из чайханы выходил Кайсын. Он шел с гордо поднятой головой. У него была густая шевелюра. Мы познакомились. Кайсын спросил меня: «Тимур, сенмисе?» («Тимур, это ты?») Оказывается, он знал меня заочно, видел на фотографиях.

Кулиеву нужно было зайти в Союз писателей, и мы пошли вместе. Окончив дела, он пригласил меня к себе домой. Жил он в одноэтажном доме, в небольшой комнатке с крылечком и верандой. Мы беседовали, и вдруг раздался стук в дверь. Кайсын вышел, вскоре вернулся, взял пиджак, который висел на вешалке, и ушел. Возвратившись через минуту, он рассказал, что приходил нищий чеченец и он отдал ему свой пиджак. Я спросил: «Зачем ты это сделал? Ведь можно было дать деньги». На что Кайсын мне ответил: «Я отдал свой пиджак в память того, что ко мне приехал друг».

Разговор наш продолжался. Первый вопрос Кайсына был о Кязиме Мечиеве, о его учителе в поэзии. Я отвечал, что Кязима в городе Талды-Кургане не было. В нем жили в основном высланные из Баку и других городов Азербайджана. Насколько я слышал от людей, Мечиев жил в селении Калпа.

Спустя много лет, после возвращения на родину, мы с Кайсыном узнали, что правительство КБАССР приняло решение о перезахоронении праха К. Мечиева, и в Казахстан была послана делегация, однако им было сказано, что могила поэта не нашлась. В 90-е годы снова встал этот вопрос и была вновь послана делегация из Кабардино-Балкарии в Талды-Курганскую область. Среди них были поэт Абдуллах Бегиев, работник радиокомитета Бахаудин Этезов и другие. Им удалось найти могилу К. Мечиева, с которой они и привезли горстку земли. 11 ноября 1999 года прах поэта был похоронен на родной земле – в Долинске. Кулиев всегда с глубокой печалью говорил о смерти Кязима. «Как вышло, что в краю чужом твоя затерялась могила?» – вопрошал он в поэме «Золотая свирель» («Кязим Мечиев»). В ней много грустных строк, полных высокого лиризма:

В чужой стороне не слышны
Кавказские горы весною,
И ливни родной стороны
Не будут шуршать над тобою.

Желание Кайсына сбылось. Оба они теперь покоятся в родной земле.

Находясь в Средней Азии, Кайсын Кулиев переписывался с Борисом Пастернаком. Однажды он показал мне очередную открытку, в которой Б. Пастернак сообщал, что он не может быть переводчиком стихотворений своего друга, так как не позволяли многие обстоятельства, и просил Кайсына простить его.

Кулиев сам был отличным переводчиком. Он перевел «Демона» Лермонтова на балкарский язык и читал в своем исполнении киргизским писателям, пригласив их к себе в гости. Был там и я в это время. К сожалению, перевод не сохранился. Впоследствии Кулиев говорил, что после моего отъезда по наущению «доброжелателей» в

квартире Кайсына несколько раз производился обыск, и, видимо, перевод был изъят.

У Кайсына я гостил три дня.

При расставании на вокзале я пошутил: «Не уеду из Москвы, пока не дождусь смерти Сталина». На что Кайсын ответил: «По этому случаю я зарежу быка». Это был 1953 год. Смерти Сталина я действительно дождался и дал телеграмму Кулиеву на адрес Союза писателей Киргизии следующего содержания: «Можешь свежевать быка. Гергока скончался. Салам. Тимур». Между собой мы называли Сталина «Эбзе Гергока». (Балкарцы называют грузин «эбзе».) Телеграмму мою Кайсын получил, но быка не зарезал, так как у него не было даже козленка.

В течение многих лет мы были очень близкими друзьями. Не было дня, чтобы мы не встречались или не позвонили друг другу по телефону. Часто мы вместе гуляли в парке, ходили в театр, в гости друг к другу, обменивались мнениями и мыслями о литературе и искусстве, вспоминали разные грустные и радостные эпизоды из жизни. Кайсын был замечательным собеседником, простым и доступным человеком для каждого земляка. Когда уходят из жизни такие люди, как Кайсын, то народ духовно нищает и скудеет. И по сей день это ощущается всеми нами, так как он обладал могучей духовно-нравственной энергией объединять людей.

Он был моим незабвенным другом.

Саид ЛОРСАНУКАЕВ

Чеченец Саид Лорсанукаев по профессии журналист, известный интеллигенции Северного Кавказа. Долгие годы работал в редакции газеты «Грозненский рабочий». Исколесил немало дорог по России и в каждую командировку брал с собою томик стихов Кайсына Кулиева, которого считал непревзойденным поэтом современности. С ним Саид Лорсанукаев встречался не раз по различным случаям. Первый раз он лично познакомился с поэтом в 1974 году, когда был уволен из редакции газеты «Грозненский рабочий» и искал правды и справедливости в Москве. Дороги его привели к Кайсыну Кулиеву, который в это время жил в гостинице «Россия», и познакомил их профессор Зураб Вианорович Анчабадзе.

В своих воспоминаниях Саид Лорсанукаев рассказывает о трех встречах с Кайсыном Кулиевым, оставивших неизгладимое впечатление.

ЧЕЛОВЕК-ГОРА ИЗ ЧЕГЕМА

В поселок Чегем я приезжаю каждый раз, когда бываю в Кабардино-Балкарии. Тянет меня сюда сердцем. Хочется жадно припасть к роднику чарующей поэзии, поклониться тому священному уголку земли, где блистал Кайсын, певец гор, дружбы народов.

Вот он – кирпичный дом с крышей из черепицы: ничем не отличается от других, обрамляющих своими фасадами улицы Чегема с зелеными травяными газонами. Позади дома раскинулся сад, стоит беседка, окна на которой распахнуты на все стороны света. Здесь Кайсын любил трудиться в последние годы. Рядом растут деревья, которые он сажал и под сенью которых покоится. В начале лета 1985 года поэта не стало. Но он успел увидеть и цветение кизила, и белую веточку алычи, и зеленые листья, и бархатный ковер травы.

«Кайсын работал много и одухотворенно,– рассказывает мой давний знакомый, житель поселка Чегем Магомет Тогузаев.– Здесь собирались гости из Москвы, Ленинграда, Фрунзе, Махачкалы и за чашкой ароматного чая (и не только!), настоянного на альпийских травах, подолгу говорили о литературе и искусстве».

Вместе с Магометом мы ходили по дому из одной комнаты в другую, смотрели экспонаты, знакомились с историей каждого из них. Особенно запомнился пожелтевший от времени, с поблекшими буквами листок. Это – разрешение, выданное спецкомендатурой Киргизии спецпереселенцу Кайсыну Кулиеву на поездку из одного села в другое. Ба! Знакомая бумажка. При виде ее нахлынули воспоминания далеких лет. И мне, чеченцу-спецпереселенцу, школьнику, выдавали такую же. Нас с Кайсыном роднит общая тяжкая, горькая судьба, выпавшая на долю наших народов – чеченского и балкарского.

Кайсын взошел на литературный небосклон в пору моей юности. И его стихи для меня – душевная привязанность к украденному, убитому детству, несостоявшейся юности. В них вчеканилась биография поэта, как насечка на дорогом оружии.

Поэт, прошедший круги войны, а затем ад сталинской ссылки, писал:

В мой дом беда входила не стучась,
Я лиц таких не видел отродясь,
Она взломала дверь мою со зла,
Вошла – и труд любимый отняла.
Я помню зык ее и желваки
И жуткие кровавые белки!..

В строках то, чем жил и болел, каждое слово звучит, как божественный глагол. Оно самобытно, образно, многозвучно и многокрасочно. В нем – и начало движения и его завершение. Стихи подобны ярким звездам, вспыхивающим на небе. Кажется, они кованы из меди – настолько поражают емкостью фразы. Поэт пользовался словом, как живописец краской.

С замиранием сердца беру в руки книги, изданные при жизни поэта, согретые его теплом: «Книга земли», «Раненый камень», «Вечера», «Горская поэма о Ленине». Последняя напечатана без 8-й главы, где поэт обращается к Ленину с рассказом о выселении своего народа. Вот книга «Человек, дерево, птица», за которую он получил Ленинскую премию. Образ памяти-каменоломни своеобразно закреплен рисунком на супере «Книги земли»: орел, оторвавшийся от скалы, парит в вышине, повторяя рисунок камня. Живое и мертвое воедино слиты в могу-

чем единстве природы. Прошлое и будущее неразрывны. Кого-то назовут твоим именем – и это тоже залог бессмертия рода человеческого. Когда Чегемское ущелье повторит: «Кайсын! Кайсын!» – и мальчик откликнется на голос матери, народ словно восполнит горькую утрату одного из своих лучших сынов.

Скромный очаг в сакле, вкус чурека и родниковой воды, руки матери в глине и тесте, опустевшие аулы, навзрыд плачущий ребенок, голод и холод, одинокие могилы односельчан в далекой среднеазиатской ссылке, верность дружбе... За душу берут такие поэтические картинки.

Время открывает в творчестве Кулиева неизведанные пласты, заставляет глубоко вглядываться в его жизнь и произведения. И тут, на мой взгляд, важны каждый факт, каждая деталь и каждый штрих.

И сейчас перед глазами та незабываемая встреча с Кайсыном Кулиевым в московской гостинице «Россия» в 1974 году. Тот год выдался жестоким, немилосердным ко мне. Я был оклеветан и уволен из редакции газеты «Грозненский рабочий» по вздорному обвинению. Так и будет написано позже в журнале «Журналист». Я коротал недели, месяцы в Москве в поисках правды, обивал пороги редакций газет, журналов, прокуратуры РСФСР. Мое дело – надзорная жалоба – находилось в Верховном суде...

Конечно, я был далеко не в лучшем расположении духа, когда пришел в гости к Зурабу Вианоровичу Анчабадзе, моему давнему знакомому, жившему в гостинице «Россия». Он работал ректором Сухумского пединститута, позже преобразованного в университет. Как депутат приехал на сессию Верховного Совета СССР.

Пока мы беседовали, время приблизилось к обеду, и я пригласил Зураба в ресторан. Хозяин комнаты на минуту задумался, что-то прикидывая в уме.

– В соседнем номере живет Кайсын Кулиев,– сказал он.– Я сейчас позвоню ему, а там решим, что нам делать.

Поднял трубку, набрал номер. На другом конце провода ответили.

– Кайсын сейчас придет,– положил трубку Зураб.

Меня охватило волнение: было великим счастьем оказаться за обеденным столом с известным поэтом, многие стихи которого я вытвердил наизусть. И впрямь,

через 15–20 минут в комнату вошел коренастый человек со смуглым лицом, с хорошо знакомым мне огромным выпуклым лбом, большими лучистыми глазами и неповторимой белозубой улыбкой под рыжеватой щеточкой усов. А на лацкане его темного пиджака сиял значок депутата Верховного Совета СССР.

– Познакомься со своим земляком-чеченцем,– представил меня Зураб.

– О-о-о! –радостно воскликнул Кайсын, вложив в это всю полноту чувств, а затем, притянув меня к себе, тепло обнял и крепко пожал мою руку. Он не просто излучал доброжелательство, обаяние, он словно весь светился от радости, что сегодняшний день, мол, не потерян для него, что судьба подарила ему знакомство с человеком, представителем того народа, который с его народом на чужбине испил горькую чашу, что он готов распахнуть ему свое сердце.

После традиционных расспросов о житье-бытье Кайсын несколько театрально-пародийно спросил:

– Так какой будет план?

– Идем в ресторан,– ответил Зураб.

И вот мы на втором этаже гостиницы. Пока официантка накрывала на стол, продолжили разговор, начатый в гостиничном номере. Кайсын был уже в курсе моего положения.

– Как помочь, профессор? – уже в который раз обращался он к Зурабу.

Человеколюбие, сострадание, гуманизм и милосердие были свойствами кипучей, неординарной натуры Кайсына, сутью его поэзии, полной людьми, голосами, запахами, звуками. В самом облике, в манере поведения было то, что можно определить как врожденный, естественный артистизм. Это, видимо, бросалось в глаза каждому, кто не знал и не подозревал, что перед ним – поэт и мыслитель.

Моя встреча с Кайсыном в гостинице «Россия», к счастью, оказалась не последней. Она продолжалась в милой сердцу поэта Кабардино-Балкарии.

...Стоял жаркий августовский день. Наш путь лежал в Верхнюю Балкарию. По знакомым мне излучинам горной дороги машина поднималась все выше и выше. Вот и знаменитая теснина над Череком, а дальше – уще-

лье, где темнели развалины старого аула, беспощадно разрушенного в пору насильственного выселения балкарцев. Мы, выйдя из машины, долго молча глядели на поросшие чертополохом остатки башен, домов, очагов. Когда-то здесь звенели счастливые детские голоса, играли свадьбы... А сейчас, казалось, даже птицы не смели здесь гомонить и петь. И поэт, сын этих гор, не преминул откликнуться:

Восьмое марта, где ты, праздник чудный,
Когда приносят женщинам цветы?
Балкарские селения безлюдны...
А что страшнее этой пустоты!

Пришел не праздник – день пришел бессонный.
Балкарским детям не забыть вовек
Холодные и смрадные вагоны
И мартовский – в слезах кровавых – снег.

И дальше:

Когда лишились хлеба мы и песни,
Когда мы скалы на плечах несли,
Нас тяжесть горя придавила б, если
Нам солнце не мерещилось вдали.

В этот день мы поклонились памятнику основоположника балкарской поэзии Кязима Мечиева, пригубили хрустальной воды из родника у его подножия, проехали через туннели и оказались на высоком уступе над глубокой теснины, на дне которой серебряной нитью сверкала речка, как змея своею чешуею.

– Видите, горуны сено косят, на осликах возят.– Кайсын указал рукой на противоположный, такой же отвесный берег теснины.

Гигантские, словно кем-то вырубленные скалы, на которых отчетливо обрисовывались слои горных пород – серые, красноватые, фиолетовые, вцепившиеся в серые камни колючие кустарники и редкие деревья, еще изумрудная трава, а над всем этим – ближние громады, на которых искрились на солнце островерхие ледяные пики, иссиня-белые вершины.

Чегем, ты был мне первой песней,
Последней тоже будешь ты!

Чегем был его Михайловским, Ясной Поляной, Тарханами, Шахматовым, Константиново.

Кайсын прочел стихи по-балкарски. Как-то очень «вкусно», точно перекатывая камешки во рту, выговаривал он каждый слог, чуть растягивая гласные, такие выразительные в тюркских наречиях...

Кайсын воспринимал мир как художник, как художник умел читать в сердцах и как художник обладал тонким чувством меры, представлением о гармонии и истине. В ошеломляющих, пылких стихах поэта штрихи и блестки ярких наблюдений, внезапных мыслей озарения. Вихрь метафор и стремительно набегающих друг на друга, как стальные прутья, образов. Поток красок, света, не наигранный, естественный, стихийный и критический напор, порывистость, динамичность. Стихи, кипя и вспыхивая, расходятся вширь еле уловимыми, невероятными кругами и эллипсами. Замыслы, картины идеи теснились у него, как льдины в ледоход.

«Поэзия и графомания – это две капли воды,– не раз повторял поэт.– Но одна стучит в подоконник, как весенняя капель, и ты засыпаешь счастливый. А другая капает из крана, ритмично долбит по раковине – тупая жэковская пытка».

В Кайсыне была прямо-таки яростная, спазматическая ненависть к фальши. Когда он встречал фальшивившего человека, в глазах его полыхали опасные молнии. А у самого – рискованная открытость, распахнутость души, делавшая ее незащищенной.

Помню огромный, длинный, до отказа набитый колхозниками колхоза «Москва» зал в Доме культуры села Жемтала, Советского района. Те, кому не хватило места, стояли по стенам, теснились у дверей. Кайсын читал стихи. В зале стояла такая чуткая тишина, что слышно было, как муха пролетает. С необычайным душевным жаром принимали сельчане поэта, слово которого звучало, как божественный глагол. Я сейчас не помню, что он тогда читал, помню только, что заражали страстный тон его декламации, напряженная искренность голоса, трепет-

ность... Энергичным движением руки Кайсын соединил сцену и зал. Вперемешку со стихами, своими и чужими, он вспоминал людей, чьи-то судьбы, перекрестившиеся с его судьбой, смешные и памятные случаи из жизни. О близких по духу людях говорил с восхищенной улыбкой, с пылающими очами. А я сидел в зале, слушал, ловил каждое его слово, каждый жест и каждое движение. Есть книги, которые читаются, изучаются и западают в душу, хранятся в сердце благодарного читателя.

Когда я еду в командировку, обязательно везу в дипломате томик кулиевских стихов. И такое у меня чувство, будто везу с собой горсточку родной кавказской земли: так явственно сладко и горько пахнет от них горами, лесами, альпийскими лугами, пашнями.

Его героя просто невозможно представить самого по себе, без друзей, вне связи с живыми и мертвыми, вне контекста общенародного и общечеловеческого. Сама жизнь учит его, что люди на земле – братья, делить им нечего. Они достойны счастья в равной мере, достойны уважения к их миру, традициям, языку, на котором они говорят, небу, под которым живут и трудятся, играют свадьбы, рожают детей.

Любовь к родному – не синоним безразличия к большому миру. У Кайсына даже горы «вдаль глядят, потому и высоки они, что им далеко видно».

А как прекрасен мир природы в стихах: зеленый, ликующий, чистый, как совесть гор, полный увядания, в щемящей красоте осени, когда в «багрец и золото» одеты леса, тревожно-красный, когда цветет кизил на склонах Чегемского ущелья, в бело-розовой кипени садов весной. Красота разлита во всем, что живет, здравствует.

Кайсын ценил мужскую дружбу и верность. Когда его стихи были обречены на немоту и гибель, а балкарский язык на вымирание, многие друзья отвернулись от него, исчезли, но были и стойкие, с кремневым характером, кто не предал, не осквернил святое чувство дружбы...

Б. Пастернак знал, в каких силках Кайсын, как он мучается, не в силах поведать миру правду о трагедии своего народа. Поэт в далекой ссылке получил письмо

такого содержания: «Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливыми в любом положении, даже в горе». Позже Кайсын вспоминал: «Борис Леонидович хорошо знал вкус гонений и в горький мой час горел для меня, как звезда Кавказа!»

В тяжелые, черные времена для него и для его народа рядом оказался и поэт Константин Симонов. «Помню, как приходил к Вам снежным февральским днем 1944 года в «Красную Звезду»,– писал спустя годы Кайсын автору романа «Живые и мертвые».– На стене у Вас висел автомат. Это были самые трагические для меня дни. Вы это, конечно, помните. Вы отнеслись ко мне тогда сердечно, благородно, как полагается не только поэту, но и мужественному человеку. Я помню это. О таких вещах не забывают».

Доверительно слово поэта о времени, о себе, о народе, о человеческих судьбах. Голос чистый, свежий, проникновенный до боли. Искренность до предела. И для всех открыт Кайсын, так и светится нежностью и добротой.

Таким и остался в моей памяти. Последний раз я видел его в фойе московской гостиницы «Москва». Сразу не узнал: лицо бледное, худое, омраченное грустью. Весь осунувшийся, Кайсын был безнадежно болен.

Тепло поздоровались.

– Друг мой,– сказал он, обращаясь ко мне,– рад бы отметить встречу, но я свою норму, кажется, перевыполнил.

Теперь, спустя годы, когда я вспоминаю о нем или перечитываю его стихи,– о, сколько разнообразных, не заданных вовремя вопросов вертится у меня на языке!

Своей поэзией Кайсын старался прополоть заросшую сорняками людскую ниву. Не всю прополол. Не успел. Ушел из жизни, не допев свою песню. Однако при жизни всякий звук вызывал гулкое эхо в его душе, ничто не ускользало от его нетерпеливого и деятельного участия и внимания.

Поэту в этом году исполнилось бы 80 лет. Но что значит смерть и быстро текущие годы для того, чей удел – вечность. Кайсын весь как гора. С ее высоты видна даль человеческой мысли, жива острая боль утраты, но ее уто-

ляет лишь сознание его места и роли в нашей жизни, сознание содеянного им дела.

Поэт и гражданин, Кайсын был безраздельно един в этих двух высоких ипостасях. И прав поэт:

О, как завидно называться сыном
Земли, где, вспоминая о былом,
Казбек с Эльбрусом, как Расул с Кайсыном,
Беседуют за облачным столом.

ЗУМАКУЛОВ
(1940)

Борис Зумакулов родился в городе Тырныаузе, Кабардино-Балкарской Республики. Школу окончил в 1957 году. Учился в Нальчикском педучилище. Окончил в 1963 году КБГУ с красным дипломом, в 1968-м – Академию общественных наук при ЦК КПСС, также с красным дипломом. Затем – аспирантура КБГУ, защита кандидатской диссертации. Является доктором исторических наук, действительным членом Петровской академии наук и искусств, Академии социального образования РФ.

Работал секретарем, Первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома комсомола (1962–1971), заместителем, Первым заместителем Председателя Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина (Москва, 1972–1975).

В 1975–1991 годах – заведующий отделом, секретарь, второй секретарь, первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС. С 1992 года по настоящее время – министр социальной защиты населения, министр труда и социальной защиты населения КБР.

Избирался депутатом Верховного Совета республики семи созывов, членом ЦК ВЛКСМ, ЦК КПСС, делегатом XV, XVI, XVII, XVIII съездов ВЛКСМ, делегатом XXIV и XXVIII съездов КПСС, награжден четырьмя орденами и пятью медалями СССР. В 1990 году возглавлял делегацию КПСС в Чили.

В 1985–1986 годах работал советником в Республике Афганистан, награжден государственными наградами Республики Афганистан, именным оружием. Он является членом Союза журналистов России. Им издано 8 монографий, более 100 научных и публицистических статей.

ВСПОМИНАЯ КУЛИЕВА

В Киргизии, селе Новая-Покровка, где мы тогда жили, часто заходил в наш дом Кайсын Шуваевич. И каждый раз с широкой улыбкой, с возгласом «Багъалы эгечим Марьям» (Дорогая сестра Марьям) заключал в объятия нашу маму, нас – всех братьев и сестру – одаривал гостинцами и надолго уединялся с отцом – Мустафой, которого Кайсын уважал и обращался к нему очень почтительно. Я не хотел бы уподобиться тем, кто, даже отдаленно зная Кайсына, пытается называть себя чуть ли не единственным другом и родственником его.

Сегодня немало тех, кто набивается Кайсыну в друзья, братья и племянники. Есть и такие, которые выдумывают разные истории, делятся такими подробностями и откровениями, что невольно можно подумать – не Кайсын ввел его в мир литературы, помог в становлении как литератора и человека, а наоборот. Отдельные пишут о Кулиеве много и пространно, а между строк просматривается желание стать вровень, рядом и даже чуть-чуть впереди Кайсына. Есть публикации конъюнктурного плана, желая понравиться так называемым демократам, делают акцент на то, что якобы «власть предержащие» создавали трудности поэту, строили козни, ограничивали его творческий потенциал и т. д.

Да, Кайсыну было нелегко,– ему особенно, как творческой личности, фронтовику,– нести клеймо «врага народа», страдать и мучиться в тисках несправедливости, но он нес свой крест вместе со своим народом гордо и с достоинством. Он не озлобился на власть, не стал «диссидентом», помогал и поддерживал свой народ морально, веря, что «черные дни» пройдут и балкарцы вернутся к своим горам и рекам, родной земле. По возвращении на родину, в Кабардино-Балкарию, Кайсын сделал все возможное и невозможное для возрождения культуры, литературы, балкарского языка, многим и многим помог в становлении как поэта и писателя.

Руководители республики того времени старались создавать Кайсыну условия для творчества. Но были люди, которые методично забрасывали анонимные письма «на-

верх», пытаясь опорочить Кайсына. Особенно часто это происходило перед очередными выборами в Верховный Совет СССР. Не делая никакого жеста, хочу сказать, что именно Т. К. Мальбахов, бывший в то время руководителем республики, положил конец попыткам травли поэта так называемыми «друзьями народа», официально запретив всякие разбирательства анонимных писем на Кулиева. Думаю и Кулиев был искренен, когда писал «О Ленине, об Октябре и мае, дружбе, братстве».

И по заслугам Кайсына – поэта, гражданина, гениального соотечественника – многократно избирали в Верховные Советы СССР и Кабардино-Балкарской Республики, до конца дней своих он оставался Председателем комитета защиты мира республики.

Об этом пишу, потому что мне пришлось с Кайсыном Кулиевым быть на различных совещаниях, заседаниях в Москве, встречаться в официальной и неофициальной обстановке, вести разговоры, в том числе и на так называемые «деликатные» темы (отношение к власти), но никогда не слышал от него ни слова обиды.

Правда и то, что практически ко всем родственницам он обращался «мени эгечим» (моя сестра), а всех мужчин моложе себя называл «эгечден туугъан» (племянник). На сей счет шутил известный русский поэт-песенник Лев Ошанин, любивший и почитавший Кулиева: «Когда меня спрашивают, кто живет в Кабардино-Балкарии, я отвечаю: там живут кабардинцы, русские и племянники Кайсына Кулиева». Этой теме Ошанин посвятил большое стихотворение, в котором признается в любви и дружбе к Кулиеву и заключает: «Все племянники Кайсына – вы мои племянники».

О себе могу сказать, что на самом деле Кайсын мне родственник, но его обращение ко мне «дорогой племянник» воспринимал не как похлопывание по плечу, а как обращение старшего к младшему, как желание поддержать, подбодрить. И это всегда меня вело по жизни. Известие о смерти поэта застало меня в Афганистане, где я находился в длительной командировке. Трудно передать мое состояние, не хотелось верить, что теперь нет «нашего Кайсына».

Скажу откровенно: то, что Кулиев поражен неизлечимым недугом, я знал, но все-таки надежда оставалась...

Представляю читателям отрывок из своей книги «Командировка на войну», посвященный великому Кайсыну.

Из книги Б. М. Зумакулова «Командировка на войну»
(Нальчик: «Эльбрус», 1992)

По дороге в аэропорт «Минеральные Воды» перед отлетом в Кабул заехал в Чегем проведать Кайсына и попрощаться. Знал я, знал и сам поэт, что дни его сочтены. Болезнь испытывала его на прочность, испытывала его терпение и волю. Злая, коварная, костлявая рука смерти жестко вцепилась в нашего Кайсына. Войдя в комнату, я застал ближайших родственников поэта. Они уже многие дни находились рядом. Увидев меня, Кайсын как-то приободрился, привычная улыбка осветила его лицо, обнадеживающе блеснули глаза. Начал разговор сам тамада. «Ну что, племянник, и тебе пришлось ехать на войну, как когда-то мне. Держись, Борис,– сказал он,– все будет хорошо, ты обязательно вернешься, и мы еще вместе побродим по моему Чегему».

Как он хотел меня ободрить, поддержать, каким усилием воли пытался подавить свою боль!

Видя это и чувствуя, что первым не выдержу я, ибо к горлу подкатывает ком, сдерживая готовые обильно пролиться слезы, сославшись на то, что время вылета торопит, я крепко обнял Кайсына и вышел из дома. По дороге в Минводы мне вспомнилось стихотворение Кулиева, называющееся «Будь со мною, мужество!»:

Рождался ли храбрец на этой тверди,
Чтоб смерти не боялся бы вовек,
Смерть всех страшит с тех пор, как человек
Познал, что он не наделен бессмертьем.

Страх смерти свят, поскольку человечен,
И нас, людей, судить за это – грех.
Страх смерти всем живым сгибает плечи,
Но пригибает до земли не всех.

На свете не бывало испокон
Людей, которым жить бы не хотелось.
И хоть иным из нас присуща смелость,
Но смелость – это страх, что одолен.

Всем смертным страх присущ, но в том и суть,
Что храбрость – это только одоленье.
Пусть хватит сил мне встать на этот путь.
Всегда со мною, мужество, пребудь
И непременный спутник твой – терпенье!

Кайсын Шуваевич много лет назад написал эти строки, и вот ему самому пришлось пройти через все муки смерти. И, пройдя, он остался верен своим принципам. Он терпел, стиснув зубы, боясь причинить боль и страдания близким.

Вернувшись из Афганистана, я первым долгом пришел на могилу Кулиева в Чегеме. И как в свое время он обращался к своему учителю и другу Борису Игнатьевичу, я и мои друзья склонили «благодарственно колени». Ибо для всех нас Кулиев был не только старшим другом и советчиком, он был учителем «добрым и милым». Под влиянием его поэзии, мудрого таланта, жизненной биографии мы все учились, формировались как люди. И когда в связи с 70-летием Кулиева в Москве перед его товарищами, друзьями и соратниками мне пришлось выступать на торжественном вечере, я постарался сказать слова благодарности великому мастеру, педагогу и воспитателю от имени земляков, учеников, почитателей его высокого таланта.

Как в это трудное время нам не хватает Кулиева! Если бы он был сегодня рядом, вместе с нами,– уверен, он занял бы активную жизненную позицию. Он не поступился бы благородными принципами, провозглашенными в его мудрых творениях. Уж он бы напомнил некоторым ретивым политикам о непозволительности играть судьбой народа. Кайсын, как никто другой, любил свою милую и светлую землю, и даже в самые жестокие времена его голос звучал на «башне вечевой» и был слышен и в ущельях Балкарии, и в долинах Кабарды, и под сводами Кремля, и на берегах Ганга.

Б. М. ЗУМАКУЛОВ,
секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС.

Речь на вечере памяти К. Кулиева в Доме литераторов. *(Ноябрь, 1988. Москва.)*

Дорогие товарищи, друзья!

Мы, представители Кабардино-Балкарской АССР, искренне и сердечно признательны Вам, пришедшим в этот исторический зал Дома литераторов, чтобы отдать дань уважения памяти славного сына Кавказа – балкарского советского поэта, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР Кайсына Кулиева. Вечер его памяти по решению Союза писателей РСФСР проводится в Москве, которую Кулиев любил пламенно и нежно. Здесь он учился и работал, здесь по-настоящему приобщился к высокой русской и мировой культуре. Из Москвы в конце 1940 года, приняв экзамен у студентов, всем поставив «отлично» и «хорошо», подарив им по экземпляру своей книги, ушел в Красную Армию. Да, здесь, в Москве, вышла его первая книжка, которой он гордился, вышло первое собрание сочинений; здесь, в столице, он заседал в Верховном Совете СССР, депутатом которого был многие годы; здесь в разных залах московских звучал его поэтический голос. Здесь жили его многочисленные друзья, которые были рядом с ним в минуты радости и счастья, поэтического вдохновения, а в трудные дни служили ему поддержкой и опорой. Как говорил сам Кайсын, даже идя молча «Кремлем Московским...» становились люди «добрее сердцем и душою выше». Здесь, в Москве, благодаря его друзьям – талантливым переводчикам – поэзия Кулиева зазвучала на русском языке и вышла на широкие просторы мировой культуры.

Сегодня приехали в Москву его друзья, соратники и просто любители и почитатели таланта Кулиева. Это мы расцениваем не только как любовь к поэту и преданность ему, но и как уважение к кабардинскому и балкарскому народам, их культуре. За это вам большое спасибо и низкий поклон, дорогие товарищи!

Кайсыну Шуваевичу в эти дни исполнился бы 71 год. Он, рожденный в Октябре и взращенный им, был всегда признателен Октябрю и Маю – через всю его поэзию, че-

рез все публицистические статьи красной нитью проходит гимн революции, советской власти, Ленину, которые озарили лучезарным светом любимые им горы и долины, подарили праздник сентября, радость познания и простор дорог, чтобы горцы могли приобщиться к мировой цивилизации, подняться к высотам экономического и социального развития.

Продолжая дело своего великого предшественника – поэта и мудреца Кязима Мечиева, Кулиев стал ярким и громким выразителем дум и чаяний своего малочисленного народа.

В Кабардино-Балкарии с глубоким уважением относятся к Кулиеву как к поэту и гражданину, внесшему неоценимый вклад в создание культурного и духовного потенциала. Он является для нас олицетворением чистоты и высокой нравственности, духовной и эстетической зрелости народа. Имя Кулиева и дела Кулиева останутся не только в его книгах и воспоминаниях современников, в названиях улиц, школ, библиотек, но и прежде всего в благодарной памяти нынешних и грядущих поколений трудящихся республики. На его творчестве учатся молодые люди честности, высокой патриотической преданности Родине, ненависти к носителям зла, к несправедливости. Об этом мы говорили несколько дней назад в Доме-музее Кулиева, при открытии ему памятника. Мы приносим свою искреннюю благодарность Правлению Союза писателей РСФСР, которое решило ходатайствовать перед Министерством морского флота СССР о присвоении имени Кулиева одному из строящихся морских судов. Кулиев заслужил эту честь – остаться в людской памяти, потому что он как поэт служил добру и правде своей пламенной строкой. Он мог своей поэзией затронуть чувственные струны души, добавить света, поддержать в минуты горькие. О большом и важном писал так чисто и образно, что никто не мог упрекнуть его в неискренности или ложном жесте, в декларативности. Это видно хотя бы из цикла стихов о значении России, русского народа, русской поэзии в его жизни и творчестве:

И русских поэтов стихи я
Читал, задыхаясь до слез,

Меня обступала Россия
Сплошным хороводом берез.

А как звучат слова Кулиева о Киргизии, ставшей второй его родиной! В этих строках Кайсын отразил чувства всех своих земляков, которых Киргизия приютила в те трудные годы изгнания.

Киргизы – братья!
Травам и горам,
Познавшим небо с четырех сторон,
Достойным детям, славным матерям!
Народным мудрецам и мастерам,
Наследникам Манаса мой салам!

О поэтическом кредо Кулиева, о том, что он принимал и что нет, что любил и что ненавидел, о пристрастиях и привязанностях мы узнаем, читая не только его поэтические книги, страницы биографии, написанные рукою самого поэта еще в 1969 году, но и многочисленные письма его друзей и просто читателей.

Высоко ценили дружбу с Кайсыном многие признанные патриархи советской культуры, говорили о нем восторженные слова! «Какой чудесный ты, Кайсын! Какой поэтичный, человечный и мудрый, без важности,– писал ему Ираклий Андроников.– Какой ты простой и какой сложный (в смысле богатый), какой благородный, какой в высшем смысле слова национальный и в высшем смысле общечеловечный, ты, конечно, большая радость нашего века и очень сильный его выразитель».

Его корреспондентами были читатели из Владивостока и Хабаровска, Минска и Кишинева, Мурманска и Баку, люди разных национальностей, возрастов – от седого ветерана войны, однополчанина-десантника, народного артиста СССР, академика, до ученика школы. И это свидетельство любви к поэту еще при жизни.

Кайсын был глубоким патриотом и интернационалистом. Любя свой родной Чегем, свою Кабардино-Балкарию, он воспевает мир, проповедует общечеловеческие ценности. По признанию самого Кулиева, ему «оставались дорогими и снежные вершины Эльбруса, и примятая трава у дороги, поэзия Пушкина и музыка Бетховена».

Кайсын был неистовым поборником мира. На читательских вечерах в стране и за рубежом он страстно пропагандировал идеи мира, добра и милосердия. Не случайно с момента создания и до конца своих дней он был Председателем Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета защиты мира. Но его борьба за мир, призыв к терпению не были голосом пацифиста. Заклиная, чтобы пуля никогда не вылетела из ствола, в то же время поэт, обращаясь к молодому горцу, говорил:

И если грянет вновь бой над
Землею родною,
Свою прольешь ты кровь
И смоешь кровь водою.

Когда коварная болезнь настигла Кайсына, муки боли и страдания он переносил в себе, мужественно и стойко, боясь причинить боль близким и знакомым. И, как мудрец, думал о тех, кто останется после него.

Не могу не вспомнить такой факт. В апреле 1985 года мне пришлось уехать в длительную командировку. Перед вылетом я заехал в Чегем повидаться с Кулиевым. Знал он, знал и я, что дни его сочтены, но мне навсегда запомнились мудрость кайсыновского взгляда и его слова: «Езжай, Борис, раз так надо. Вернись живым, и встретимся мы снова». Но этому не суждено было сбыться. Как автоматная очередь, прошил темную кабульскую ночь телефонный звонок из Нальчика. Умер Кайсын.

И все же не хотелось бы слово о Кулиеве завершить на такой минорной ноте. Ибо это не отвечало бы представлению самого поэта, который был оптимистом, зная, что каждый человек смертен, но вечно человечество, вечна жизнь. Этому подтверждение – его поэтические строки, написанные еще в 1963 году:

Словно совесть моего народа,
Ты стоишь, Эльбрус, велик и вечен,
Как поэзия и как природа.
Ты стоял до нашего прихода,
Нашего ухода не заметишь.

Я уйду, но все ж останусь рядом,
Потому что будут жить другие
И смотреть моим влюбленным взглядом
На твои вершины снеговые.

На вечере памяти Кулиева мы, живущие сегодня, говорим: Кайсын Шуваевич будет всегда с нами, имя его будет жить в веках, а поэзия Кулиева будет утверждать идеи добра и справедливости.

Мустафа Идрисович СОЗАЕВ (1942–1999)

Мустафа Созаев – бывший партийный работник, инструктор отдела пропаганды и агитации Кабардино-Балкарского обкома КПСС. По тем временам это был высокий пост, и сюда выдвигали самых проверенных людей, верных идеям партии. Его биография похожа на биографии многих партийцев. Свою трудовую деятельность он начал учителем в школе после окончания университета. В 1959 году по направлению поехал работать в школу-интернат № 6 селения Нижний Чегем, Чегемского района, КБАССР. Способного, трудолюбивого и умного учителя вскоре перевели инспектором Баксанского районного отдела народного образования, а уже в январе 1965 года он был избран вторым секретарем Чегемского районного комитета ВЛКСМ, где проработал по январь 1969 года. Через месяц его выдвигают на должность инструктора организационного отдела Чегемского райкома КПСС и почти тут же переводят в Нальчик и назначают консультантом Дома политического просвещения обкома КПСС. За четыре года работы в системе обкома Мустафу Созаева оценили и назначили в 1975 году инструктором отдела пропаганды и агитации обкома КПСС, где он проработал до 1991 года. В свое время М. И. Созаев окончил ВПШ при ЦК КПСС, был награжден юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Таков трудовой путь человека, отдавшего свои знания, интеллектуальные силы и ум честному служению КПСС.

Уже на склоне лет, занимая пост заместителя директора Государственного драматического театра им. Кайсына Кулиева, иногда вспоминал Созаев промелькнувшие годы и выделял те моменты, которые ему особенно чем-то запомнились. Это были встречи с Кайсыном Кулиевым по работе и вне работы. Об этом и рассказал Мустафа Идрисович в небольшом эссе «Я пил нарзан из рук Кайсына Кулиева».

Я ПИЛ НАРЗАН ИЗ РУК КАЙСЫНА КУЛИЕВА

1

В 1961–1962 годах я был студентом первого курса историко-филологического факультета КБГУ, отделения русский язык и литература. По литературоведению лекции читал всеми нами любимый Дмитрий Иванович Бычков. Он был близким другом Кайсына Кулиева и большим поклонником его поэзии. На всех своих лекциях он не упускал случая, чтобы с восторгом не прочитать небольшие отрывки из полюбившихся ему стихотворений Кайсына Шуваевича. Особенно Дмитрий Иванович любил военную лирику поэта.

В отличие от Дмитрия Ивановича мы, студенты, не восторгались поэзией Кайсына Кулиева, потому что были мало знакомы с его творчеством и, конечно, не могли по достоинству оценить его. И вот однажды, на очередной лекции, я задал Дмитрию Ивановичу волновавший нас вопрос: «Дмитрий Иванович! Скажите, пожалуйста, вы действительно искренне считаете Кайсына Шуваевича Кулиева поэтом такого высокого ранга или он ваш близкий друг и поэтому так его превозносите?»

Дмитрий Иванович улыбнулся наивности моего вопроса, а потом вполне серьезно, потрясающе трогательно сказал: «Запомните, молодые люди, многие современные поэты, в том числе и очень известные, чтобы как-то подчеркнуть свою показную значимость и величие в поэзии, садятся за руль новых автомобилей, летают на скоростных самолетах, наивно полагая, что вместе с ними на таких же скоростях на такие же высоты поднимаются их талант и авторитет.

Кайсын Кулиев, не спеша, далеко, очень далеко обскакал их на своем маленьком ослике («Скачи, мой ослик»). И еще запомните: я скоро умру и не увижу, а вы будете свидетелями того, до каких недосягаемых творческих высот поднимется гений Кайсына Кулиева. О нем заговорит весь мир». Что мы, студенты, могли возразить ему?

И действительно, вскоре наш любимый преподаватель Дмитрий Иванович скоропостижно скончался. А его пророческие слова насчет Кайсына Кулиева подтвердились в полной мере. Теперь все мы прекрасно знаем, кто такой Кайсын Кулиев!

2

Было это в июле 1964 года. На встречу с читателями в Баксанскую районную библиотеку приехали Михаил Киреев, Адам Шогенцуков и Кайсын Кулиев. В уютном зале библиотеки собралось много народу. Гости по очереди выступали перед собравшимися. И что было удивительно, так это то, что и Михаил Киреев, и Адам Шогенцуков не столько говорили о себе и о своем творчестве, сколько о Кайсыне Кулиеве. Последним выступил Кайсын Шуваевич. Затаив дыхание, слушали его все присутствующие, не пропуская ни единого звука. И только после окончания выступления Кайсына Кулиева все разом облегченно вздохнули. Потом начались ответы на многочисленные вопросы читателей.

Один из присутствующих, инструктор Баксанского райкома КПСС Касым Гулиев, поблагодарил всех выступивших и, обращаясь к Кайсыну Кулиеву, спросил: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Я слышал, что в настоящее время вы пишете роман в прозе под названием «Тень орла». О чем эта книга? И скоро ли она выйдет из печати? У себя дома на книжной полке я специально оставил одно свободное место для этой вашей книги».

Бог ты мой! Надо было увидеть в ту минуту неподдельный восторг Кайсына Кулиева. Он буквально сиял. И тут же, обращаясь к своим собратьям по перу, сказал: «Дорогие Михаил и Адам! Вы слышали, нет, вы слышали, до какого высокого уровня поднялся наш читатель, если для не вышедшей из печати книги заранее стал выделять место на книжной полке?»

Затем он в двух-трех словах рассказал, о чем этот роман, подчеркнул, какой колоссальный и кропотливый труд вложен в него, и что к концу 1964 года сдает свой роман в набор.

Роман остался неизданным. Почему? Я не знаю.

3

Как-то в один из теплых летних дней 1982 года меня приглашает к себе секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС и поручает поехать на его служебной автомашине в Минеральные Воды, встретить прилетающего из

Москвы высокого гостя и привезти его в Нальчик. Без лишних слов я поехал в аэропорт. А здесь людей было видимо-невидимо – приезжающих, уезжающих, провожающих, встречающих. Долго я бродил по аэровокзалу в надежде встретить кого-нибудь из близких знакомых. Но никого не встретил. Через служебный вход поднялся на второй этаж, предъявил удостоверение личности и зашел в депутатскую комнату. В этой уютной прохладной комнате никого не было. Я сел поудобнее в мягкое кресло, взял со стола свежую газету и начал просматривать ее. Вдруг совершенно неожиданно в комнату вошел незабвенный Кайсын Шуваевич. Моей радости не было предела. Я быстро вскочил и пошел навстречу. Мы тепло поздоровались. Он поинтересовался, не лечу ли я тоже в Москву ожидаемым рейсом. Я сказал ему, что приехал встречать высокого гостя и жду прилета рейсового самолета. Кайсын Шуваевич же по издательским делам на несколько дней летел в Москву. Он должен был лететь тем же самолетом, которого я ожидал.

За долгие годы общения с Кайсыном Шуваевичем мне не раз приходилось встречаться с ним по долгу службы на официальных мероприятиях и банкетах. Но один на один, вот так, запросто, мы встретились впервые. Времени у нас было еще много, и уж очень хотелось хоть чуть-чуть посидеть тут же, в кафе, с Кайсыном Шуваевичем. Но, к великому моему огорчению, он отказался от обеда, сославшись, что совсем недавно уже обедал, однако предложил мне заказать, не стесняясь, все, что я захочу. Естественно, я отказался. Но Кайсын Шуваевич ласково, по имени, подозвал знакомую буфетчицу. Весело улыбаясь, она подошла к нам, услужливо спросила: «Чего желаете, Кайсын Шуваевич?» А он посмотрел на меня. Смущенный я сказал: «Бутылочку нарзана». Она быстро достала из холодильника бутылку нарзана, открыла ее и подала нам. Кайсын Шуваевич взял бутылку, налил мне полный стакан нарзана и при этом весело сказал: «Дорогой мой друг, ты сегодня из моих рук выпьешь всю бутылку молча». А потом как-то тихо он произнес: «Может, когда-нибудь вспомнишь, что из моих рук ты выпил этот целебный нарзан». Я поблагодарил его, и мы вышли на улицу. Тем временем приземлился наш самолет.

Мы тепло попрощались. Я пожелал ему счастливого

полета и благополучного возвращения домой. Он пошел на посадку, а я встретил гостя из Москвы и уехал в Нальчик.

С тех пор прошло немало лет. Безвременно ушел из жизни наш дорогой, всеми любимый Кайсын Шуваевич. Но где бы я ни был, с кем бы ни встречался, при каждом удобном случае тепло и с благодарностью вспоминаю именно эту встречу с незабвенным Кайсыном Шуваевичем. До конца своей жизни буду помнить, что однажды и мне посчастливилось утолить жажду из его бесконечно дорогих и добрых рук.

Мутай Исмаилович УЛЬБАШЕВ (1923)

Мутай Исмаилович Ульбашев родился в 1923 году в селении Шаурдат, Черекского района, Кабардино-Балкарской Республики. Истинный горец, родившийся в одном из самых живописных мест нашего края, Мутай Ульбашев десятилетним мальчиком попал в семью только что созданного ансамбля, ставшего впоследствии гордостью народов Кабардино-Балкарии. Вскоре же все – и наставники коллектива, и артисты – поняли, что искусство Кабардино-Балкарии в лице Мутая Ульбашева получило человека, наделенного незаурядным талантом танцовщика. Так начался его нелегкий многолетний творческий путь.

В период с июля 1942-го по июль 1943-го Мутай Ульбашев служил в рядах Красной Армии. Будучи специально отозван из армии, летом 1943 года он снова оказался на сцене, снова в родном коллективе, активно выступавшем перед защитниками Отечества и населением республики. Весной 1944 года неожиданно и круто изменилась жизнь молодого артиста, успевшего стать одним из признанных мастеров сцены: Мутай Ульбашев оказался выселен из родных мест вместе со своим народом и разделил с ним тяжелые испытания, выпавшие на его долю.

В мае 1957 года Мутай Ульбашев вернулся на родину и сразу же принялся за свою любимую работу в качестве солиста Государственного ансамбля песни и танца Кабардино-Балкарской АССР. В 1961 году он становится балетмейстером этого ансамбля, в 1965-м – балетмейстером-постановщиком только что созданного ансамбля «Кабардинка». В конце 1968 года Министерство культуры КБАССР назначило Мутая Исмаиловича Ульбашева главным балетмейстером и художественным руководителем «Кабардинки». Заслуги его высоко оценены руководством и народом республики. Он с честью носит почетное звание народного артиста РСФСР.

Вместе с коллективом «Кабардинки» Мутай Ульбашев достойно пронес знамя национального искусства по многим странам мира.

Мутай Ульбашев – один из создателей и бессменный художественный руководитель ныне уже известного в стране и за рубежом Государственного фольклорно-этнографического ансамбля «Балкария».

ОН БЫЛ ПЕРВЫМ КОНФЕРАНСЬЕ

В первый раз я увидел Кайсына Кулиева в 1934 году, когда из Москвы приехали известные артисты, чтобы отобрать наиболее талантливую молодежь для учебы в балкарской группе Театрального института им. Луначарского. Они ездили по селам, прослушивали голоса, дикцию. Кайсын Кулиев, видимо, покорил их и тем и другим. Он был принят в эту группу. Я тогда уже второй год работал в ансамбле. Нас было всего 12 человек. Все мы жили в общежитии. Кайсын часто слушал нас и восторгался нашими скромными успехами. А сам он в эти годы увлекался поэзией, национальными танцами и песнями. Помню, что Кайсын посещал почти все наши концерты, которые мы давали бесплатно перед жителями Нальчика. Он был нашим поклонником и всегда после концерта заходил к нам и неизменно одобрительно отзывался о нашем мастерстве, при этом говорил, что мы – это основа развития нашей национальной культуры. Так оно и было тогда в действительности. Мы еще не понимали, что наш ансамбль имел исключительное значение для становления и развития музыкальной культуры последующих поколений.

...В 1936 году, когда мы выступали с концертом и, как обычно, Кулиев был с нами, мы его попросили быть нашим конферансье. Выглядел он прекрасно: молодой, элегантный, с хорошо поставленным голосом и дикцией – он сразу завоевал доверие публики. Как только Кулиев появлялся на сцене, раздавался гром аплодисментов. На концерте присутствовали руководители республики – Б. Калмыков и другие члены правительства Кабардино-Балкарии. Концерт проходил в Ленинском учебном городе, ныне здесь размещается медицинский факультет КБГУ. Свое выступление Кулиев начинал примерно так: «Перед вами сейчас выступит впервые организованный, но уже известный национальный ансамбль. Мне выпала честь доложить об этом вам. Внимательно и с благодарностью отнеситесь к молодым талантливым

людям, которые выступают только два года, и не судите их слишком строго. Работают над своим мастерством они очень много, и я уверен, что со временем наш национальный ансамбль прославит Кабардино-Балкарию и удивит весь мир». Так тогда сказал Кайсын, девятнадцатилетний паренек. И сейчас, вспоминая его слова через шестьдесят с лишним лет, я, бессменный художественный руководитель ныне уже известного в стране и за рубежом Государственного фольклорно-этнографического ансамбля «Балкария», поражаюсь, как он мог тогда предвидеть нашу известность! Слова будущего великого поэта XX века оказались пророческими. Ансамбль «Кабардинка», в котором я работал долгие годы, выезжал с концертами во многие страны Европы, Азии и Америки. Такую же популярность и широкое признание получил и ансамбль «Балкария».

...В 1938 году «Кабардинка» приехала в Москву. В это время Кулиев здесь учился. Видимо, он и организовывал посещение студентов, кабардинцев и балкарцев, из ГИТИСа и Литературного института на наши концерты. В перерывах и после концерта он заходил к нам и говорил исполнителям подбадривающие слова, говорил, что он гордится нами, потому что мы представляем нашу национальную культуру в столице нашей Родины. Тогда и была организована встреча с видными деятелями культуры, литературы и искусства – Утесовым, Орловой, Руслановой, Шульженко, Козловским, Улановой, Лепешинской, Моисеевым и другими прославленными людьми в нашей стране и за рубежом. Были и встречи с руководителями нашей страны, видными политическими деятелями – со Сталиным, Калининым, Буденным, Ворошиловым, Молотовым, Маленковым, Постышевым.

Мне вспоминается эпизод: когда мы давали концерт в Кремлевском театре, режиссер мне посоветовал подойти как можно ближе к Сталину, встать на носочки, отдать пионерский салют и быстро отойти назад, а потом уже начинать танцевать. Я так и сделал. Сталин заметил мой жест и захлопал. За ним захлопал весь зрительный зал. Тогда я по молодости лет думал, что зрители хлопают мне, моему искусству, но они хлопали Сталину. А я, упиваясь ложной славой, все танцевал и танцевал. Режиссер уже давно давал мне знаки закончить танец и

уйти со сцены. Потом уже режиссер обнял меня и сказал, что я хорошо танцевал, только долго, надо уметь вовремя уходить со сцены. Все засмеялись. Кулиев был на том концерте. Он подошел ко мне, обнял меня и сказал обычную фразу: «Мутай, ты молодец! Ты великолепно танцевал! Ведь подумать только – сам Сталин и все члены правительства аплодировали тебе. Это великое дело – уважение к твоему искусству и мастерству». По наивности, он тоже так думал, как и я.

...С Кулиевым я много раз встречался и в Москве, и в Нальчике. В Москве, когда мы были молодыми, он говорил мне, что хочет быть актером. Иногда утверждал обратное: хочет посвятить себя литературе. У него была заветная мечта: стать известным поэтом и прославить свой народ в стихах.

...В период депортации я встречался с ним во Фрунзе. Мы там тоже организовали национальный ансамбль из балкарцев и карачаевцев. Кайсын и тогда приходил к нам и интересовался нашими успехами. Я в то время работал в киргизской филармонии. Однажды мы сидели с ним в скверике и долго разговаривали обо всем, что нас волновало и заботило. Я поинтересовался, пишет ли он стихи? Он грустно сказал: «Пишу, и довольно много, но не имею права печататься ни на одном языке». Мне стало больно, на душе было неспокойно и тревожно. Я подумал: «Зачем тревожить рану. Я ведь тоже нахожусь в унизительном положении спецпереселенца, которому все запрещено». Прощаясь, Кулиев сказал: «Мутай, ты талантливый человек. Запасись терпением, работай над собой, не впадай в отчаяние. Все равно настанет время, и мы вернемся на родину!» Это было сказано так убедительно, что я поверил Кайсыну и всегда был благодарен ему за его совет. Старался всегда совершенствовать свое мастерство. Много работал с участниками ансамбля Киргизии. Они тоже нуждались во мне. Это я видел и чувствовал.

После возвращения из Киргизии я встречался с Кайсыном много раз – на концертах и других общественных мероприятиях. Ведь он был таким активным, энергичным человеком, любимцем публики. Он любил посещать наши концерты. Так, однажды мы были в Орджоникидзе (ныне Владикавказ) с концертом. С нами

был и Кулиев. Он сидел в зале среди зрителей и приветствовал нас вместе со всеми. Кайсын позволял себе, как и все другие, кричать нам одобряющие слова. Публика принимала нас восторженно. Своим успехом мы были обязаны не только мастерству исполнения, но и поддержке Кайсына Кулиева.

С Кайсыном Шуваевичем Кулиевым я был знаком более 50 лет. Дружили мы крепко. Ссор и непонимания не было никогда между нами. Был он человеком общительным, чутким, внимательным, щедрым и простым. Както Кайсын приехал из Москвы, и мы встретились возле парка. Он пригласил меня в ресторан, мы долго беседовали. Часто мы с ним заходили к профессору А. М. Аппаеву в гости. Жил он по пр. Ленина в большой, просторной квартире и имел огромную библиотеку. Кайсын гордился, что у его друга такая редкая библиотека. Подходил к ней, окидывал ее взглядом и говорил: «Вот если бы все это прочитать!» Перед тем как зайти к Аппаеву, Кулиев заходил в магазин, что был напротив дома профессора, набирал вина, конфет и прочего съедобного и приговаривал: «Сейчас устроим пир! Профессор скуповат, и мы не будем его разорять...»

Вспоминается мне и еще один смешной случай. Както мы втроем купались на озере: Кайсын, я и Исса Боташев. Издалека Исса заметил, что из брюк Кайсына воришки вытащили деньги. Об этом он сообщил другу.

– Что же ты не остановил их? – сказал Кулиев.

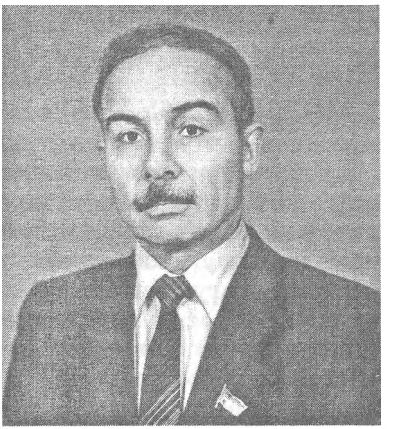
– Я побоялся: их было двое,– ответил Боташев.

Кулиев рассмеялся и сказал:

– Пусть их! Видно, им очень нужны были деньги. Если бы они обратились ко мне с просьбой, то я все равно бы отдал их.

Щедрым, добрым, великодушным, благородным остался в моей памяти Кайсын Кулиев, великий поэт нашей огромной планеты.

Магомет Исмаилович ТОГУЗАЕВ (1937)



Родился 22 декабря 1937 года в селении Зылги, Черекского района, КБР. Трудовую деятельность начал в 1957 году по направлению обкома комсомола учителем балкарского языка Герпегешской средней школы. После службы на Северном флоте работал газорезчиком, молотобойцем на заводе в Ростове-на-Дону и одновременно учился заочно. Окончив Кабардино-Балкарский государственный университет и Высшую партийную школу при ЦК КПСС, занимал различные должности в Черекском районе: редактор районной газеты, заведующий отделом райкома партии, председатель районного комитета народного контроля. Затем выдвигается в аппарат Кабардино-Балкарского обкома КПСС и в 1975–1983 годах трудится инструктором, заведующим сектором отдела организационно-партийной работы.

Организаторские способности руководителя у Магомета Исмаиловича особенно проявились в Чегемском райкоме КПСС, где он работал в качестве первого секретаря в 1983–1990 годах. Много сил, знаний и энергии он отдал социально-экономическому развитию района, благоустройству населенных пунктов, газификации и телефонизации, строительству жилья, дорог, школ и детских учреждений. Трудящиеся Чегемского района достойно оценили заботу М. И. Тогузаева об улучшении их благосостояния, дважды избрав его депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики. Магомет Исмаилович награжден орденом «Знак Почета», тремя медалями.

Первому секретарю Чегемского райкома партии М. И. Тогузаеву посчастливилось близко узнать поэта в середине 80-х годов, когда его одолевали душевные и телесные болезни. Кайсын был неизлечимо болен. Чистому сердцем человеку, трудолюбивому Магомету Тогузаеву повезло: он встретил такого же, как и сам, Кайсына. Они сразу почувствовали симпатию друг к другу.

В своих воспоминаниях Магомет почти ничего не говорит о сущности своих взаимоотношений с поэтом, но сколько

теплоты и благородства было в их деловых и неделовых встречах! Редкие и непродолжительные встречи с Кайсыном Кулиевым производили на Магомета Тогузаева сильное впечатление. Он полюбил его как человека и с радостью согласился рассказать о том немногом, что связывало их, запомнилось и стало нетленной памятью.

МОИ ВСТРЕЧИ С НЕЗАБВЕННЫМ КАЙСЫНОМ КУЛИЕВЫМ

С благодарностью к авторам книги согласился изложить на бумаге несколько эпизодов общения с К. Ш. Кулиевым. Предвижу, что получится не очень складно, однако напишу, как было.

Я не могу считать себя близким Кайсыну Шуваевичу человеком и глубоко об этом сожалею. По прошествии многих лет, смею думать, что мы могли бы сблизиться и я бы услышал много мудрых слов от нашего незабвенного аксакала. Зная со своего казахстанского детства «Зикиры», которые напевала моя верующая мать, я только при встрече с К. Ш. Кулиевым узнал, что это были стихи К. Мечиева. Прошло около сорока лет, а я до сих пор помню тот день, кафедру в читальном зале филфака КБГУ на ул. Инессы Арманд и голос Кайсына. Кулиев самозабвенно рассказывал о трудном жизненном пути, трагическом конце жизни К. Мечиева, читал наизусть его стихи. В зале особенно много было балкарской молодежи. Оно и понятно: оторванные на многие годы от своей родины, национальной культуры, в первое время возвращения мы, словно губка, впитывали каждое слово, сказанное С. Шахмурзаевым, К. Отаровым и другими литераторами. И, конечно, не могли пропустить возможности встречи с самим Кулиевым. Но о себе и о своем творчестве он сказал не более двух десятков слов. Всю встречу с нами он посвятил творчеству Кязима.

Кто знал, что через много лет мне посчастливится жить и работать рядом с Кулиевым. Не могу себе простить, что в первую же неделю своего избрания первым секретарем Чегемского райкома партии не посетил его, не получил благословения, хотя Борис Зумакулов, бывший в то время секретарем обкома КПСС по идеологии, мне об этом и говорил. Примерно через месяц Кайсын сам при-

шел ко мне на работу. Беседу на правах старшего вел он, но разговор не получался, так как Кайсын пытался, в угоду мне, беседовать на сельскохозяйственные темы. Я быстро смекнул, в чем дело, и заговорил о литературе, вспомнил что-то из Лорки, прочитал стихотворение И. Бунина «Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла...»). Надо было видеть, как Кайсын преобразился, глаза загорелись, он встал, прихрамывая обошел отделявший нас стол и обнял меня. Я был безмерно счастлив и был благодарен судьбе за то, что она подарила мне встречу с великим человеком. Позже супруга поэта Элизат Эльбаевна рассказывала, что Кайсын остался доволен встречей. Мне же в конце разговора он пообещал, что «поблагодарит Тимбору» (Т. К. Мальбахов) за то, что он посылает в районы не только зоотехников. Я не стал его разочаровывать и не признался, что я тоже зоотехник.

Через несколько дней мы «закрепляли» дружбу у племянника Кайсына – Сагида Кулиева, который по какому-то поводу зарезал бычка и пригласил нас в гости. Кайсын Шуваевич весь вечер был очень весел, мне, уроженцу другого ущелья, рассказывал про Чегем, чегемцев, связанные с ними легенды и были. По тому, как он вел вечер, держался, веселился, никто не мог предположить, что это был уже тяжело больной человек.

Мы с товарищами по работе, с семьей часто навещали Кулиевых, их небольшой дом, что он купил на улице, носящей теперь его имя. В доме не было городских условий, требовался ремонт, и мы предлагали свои услуги, но он от всего отказывался. Элизат мне как-то намекнула, чтобы я этого не делал, сказала, что это его унижает и после нашего ухода он мучается от своего физического, из-за болезни, бессилия. Человек железной воли – он не хотел быть поверженным!

Как-то по телефону Кайсын пожаловался, что в резервуаре, который стоял по дворе, закончился привозной газ, в доме холодно, а работники райгаза не хотят обслужить по каким-то надуманным причинам. Я в который раз попросил его сказать все, что нужно ему в быту. Ответ был один – остальное все хорошо, хотя я слышал в трубке возмущенный голос его жены по поводу неустроенности, но когда попросил передать трубку Элизат, Кайсын ответил, что ее нет поблизости. В один из дней совершен-

но случайно родственник Кулиева Сафарби Кудаев мне рассказал, что они во дворе Кайсына хотят по его просьбе построить навес, но нет стройматериалов. Мудрый и по-детски добрый Кайсын Шуваевич предвидел свою скорую кончину и, как всегда, заботился о других, в данном случае о тех, кто будет приходить на дуа.

Видимо, постеснявшись сказать при встрече, он позвонил по телефону, чтобы попросить несколько листов кровельной жести. Когда я поднял трубку, он спросил: «Почему напрямую, а не через секретаря, как в столицах?» Я не понял подвоха и ответил, что не привык еще. «Ну и никогда не привыкай»,– было напутствие.

Вот так из разрозненных сведений, часто от посторонних людей, мы с председателем райисполкома Х. Х. Кяровым узнавали о нуждах этого скромного в быту человека и в меру сил оказывали помощь.

Время нашего общения с поэтом пришлось на годы его тяжелой болезни, и я, естественно, не мог предложить ему длительные прогулки и поездки на его родину – в Чегемское ущелье. Только один раз нам вместе довелось посетить домик в Эль-Тюбю, где он родился, здание школы в Нижнем Чегеме, где он учился. По дороге из Эль-Тюбю в Булунгу, перед переездом через реку Чегем, на поляне Кайсын попросил остановить машину, вышел из нее, долго смотрел на противоположный берег реки, словно издалека читал ненаписанные слова на древних могильниках своих предков. Затем повернулся в сторону бокового ущелья, ведущего в селение Думала, и сказал: «Секретарь, мне рассказывали, что памятная плита на развалинах дома Султан-Хамита Калабекова в Думала расколота. Попроси, пожалуйста, чтоб ее заменили». Такой был Кулиев в большом и малом.

Вспоминается 9 мая 1985 года. Утром мне позвонил Председатель Президиума Верховного Совета КБАССР Борис Чабдаров и сказал, что 10 мая приедет первый секретарь обкома партии Т. К. Мальбахов вручать Кайсыну Шуваевичу орден Отечественной войны. Я впервые на этой встрече двух для меня очень уважаемых людей узнал, что они были на «ты», очень любили друг друга, дорожили дружбой. Поняв, что встреча без мужских слез не обойдется, мы с Борисом Касымовичем и Элизат вышли на кухню. Когда вернулись в комнату, где лежал на

раскладном диване Кайсын с приколотым на куртку орденом, они уже спокойно беседовали. Гости заторопились и отказались от угощения, сославшись на занятость. Хозяйка дома, конечно, расстроилась, и Кайсын Шуваевич успокаивал ее тем, что он скоро угостит Тимбору Кубатиевича ягодой с вишни, которая растет у дощатой беседки и в этом году расцвела особенно пышно. Не дожил хозяин вишневого дерева до того времени, когда поспела вишня. А в том году урожай ее был действительно богатый...

Не помню, по какому случаю в Москве созывался форум с приглашением широкого круга деятелей различного профиля. На него был приглашен и бывший первый секретарь обкома партии Е. А. Елисеев. Накануне отъезда в Москву он приехал в Чегемский район, и я ему посоветовал посетить музей К. Ш. Кулиева, так как не сомневался, что многие друзья Кайсына непременно поинтересуются у руководителя республики, что делается на родине поэта для увековечивания его памяти. Но секретарь обкома тогда не нашел на это времени. Однако дня через четыре, поздно вечером, мне на квартиру позвонил его помощник и сказал, что завтра в 8 часов утра, перед отъездом в Москву, секретарь обкома посетит Дом-музей К. Кулиева. По возвращении из Москвы Е. А. Елисеев рассказывал, что действительно очень многие, в том числе Давид Кугультинов, Чингиз Айтматов, Сергей Михалков и, как выразился Е. А. Елисеев, «даже Б. Ахмадулина», подходили к нему, знакомились и первым долгом интересовались, что делается по строительству памятника, Дома-музея, по изданию книг на родине поэта и даже тем,– выделена ли квартира вдове Кулиева.

При жизни Кулиева много крутилось вокруг него хозяйственных работников, деятелей литературы, культуры и искусства. Многих он уважал, ценил и поддерживал с ними хорошие отношения. Однако после его смерти, в эти тяжелые для семьи и детей дни не многие проявили качества истинных друзей. Хотел бы здесь отметить, что молча, не кичась дружбой и близостью с Кайсыном, многое сделали М. И. Докшоков, председатель Совета Министров республики, и Борис Зумакулов. Особенно в реконструкции и оборудовании Дома-музея и установлении памятника в Чегеме.

Бесспорно, только из любви к нему, помня о доброте

самого Кайсына, многие деятели литературы, культуры и искусства ни одного дня не давали покоя руководителям района и республики, требовали как можно быстрее увековечить память великого сына балкарского народа. Многие даже предлагали организовать сбор средств на сооружение памятника и оборудование Дома-музея. Порой дело доходило до курьезов. Житель селения Лечинкай, кабардинец, простой крестьянин, зашел ко мне домой очень рано и, как говорится, с порога прочитал на балкарском языке стихотворение К. Кулиева, с полки взял томик мастера и, как на Коране, поклялся, что продаст корову и эту сумму внесет в фонд Кулиева, если такой будет создан. Было и другое. Один ныне здравствующий поэт бросил мне в лицо обвинение, что на памятник К. Кулиеву собраны огромные средства и якобы их прикарманили партократы. Как оказалось впоследствии, не потребовался сбор денег, а значит никто их и не присваивал; правительство республики выделило квартиру вдове поэта, профинансировало реконструкцию его дома в Чегеме, преобразовав его в Дом-музей.

Вот, пожалуй, то немногое, чем мне хотелось бы поделиться с читателем,– воспоминаниями о встречах с незабвенным Кайсыном Кулиевым.

Нина Васильевна КУЗЬМИНА (1923)

Нина Кузьмина (урожденная Головко) родилась в городе Нальчике.

Отец – Василий Андреевич Головко (1894–1937). Расстрелян 20 ноября 1937 года в городе Нальчике по решению «тройки».

Мать, Мария Георгиевна Гаршина (1894–1965), фармацевт. Работала в аптеке № 1, заведовала аптеками в селениях Гнаденбург (Курпского района КБАССР) и Екатериноградском (Прохладненского района).

Нина Головко училась в школе № 1 города Нальчика, в начальной школе пемзопеплового рудника, в кенженской средней школе (в 5-м классе).

Окончила гнаденбургскую среднюю школу в 1942 году.

В 1943 году поступила на математический факультет Кабардино-Балкарского педагогического института. В том же году перешла на литературный факультет.

В 1945 году перевелась в Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена и в 1947-м окончила его с рекомендацией в аспирантуру по психологии.

С 1947-го по 1950 год училась на отделении педагогической психологии Ленинградского филиала АПН РСФСР.

В 1951 году защитила кандидатскую диссертацию под руководством профессора Б. Г. Ананьева на тему: «Психолого-педагогический анализ трудностей и успехов в работе молодого учителя начальных классов».

С 1950-го по 1953 год заведовала кафедрой педагогики и психологии Вельского государственного учительского института.

В 1952 году вышла замуж за Евгения Сергеевича Кузьмина, впоследствии выдающегося ученого, основателя первой лаборатории, первой кафедры и первой специализации по социальной психологии в Ленинградском госуниверситете.

В 1953 году переехала в Ленинград. Защитила докторскую диссертацию (1965) на тему «Психологическая структура деятельности учителя и формирование его личности».

С 1969-го по 1984 год заведовала кафедрой педагогики и

педагогической психологии ЛГУ.

Под руководством Н. В. Кузьминой в ЛГУ защищено более 200 кандидатских и докторских диссертаций по проблемам учителя. Опубликованы 3 учебных пособия, 9 монографий, более 200 статей.

В 1984 году ушла работать по ВНИИ ПТО для обобщения результатов исследований.

В 1989 году сформулировала предмет **акмеологии** – новой области знаний в системе наук о человеке.

Акмеология (от др.-гр. «акме» – вершина) – наука о закономерностях, условиях и факторах самодвижения человека к вершинам жизнедеятельности, профессионализма, мастерства и творчества.

В 1991 году акмеология утверждена в ГКНТ СССР под номером 19.00.13 – психология развития, акмеология.

По этой специальности открыта аспирантура, докторантура, существуют ученые советы и кафедры.

В 1993 году создана Академия акмеологических наук. Н. В. Кузьмина – ее создатель и первый президент.

НАС ПОЗНАКОМИЛ МИХАИЛ ДУДИН

Впервые я увидела Кайсына Кулиева на юбилее поэта Михаила Дудина в октябре 1966 года, когда отмечали его 50-летие.

Кайсын Кулиев приветствовал его со сцены. У меня было ощущение, что его ладная, сильная фигура излучала свет, тепло, добрую энергию, талантливость, наполняя весь зал искренней способностью любить, дружить, верить, писать стихи и оставаться вечным.

Знакомство состоялось с Кулиевым через десять лет. Был новый юбилей Михаила Дудина. Также были веселые поздравления и подарки. Кайсын Кулиев читал новые стихи и подарил своему другу роскошную кавказскую бурку.

Во время банкета мы с мужем оказались рядом с Кайсыном. Очевидно, так задумала жена Михаила Дудина, моя подруга, однокурсница по институту Ирина Николаевна Тарсанова. Вскоре к нам подошел Михаил Дудин, чтобы познакомить нас с Кайсыном.

«Знакомься,– сказал он поэту,– твоя землячка Нина Головко. Родом из Нальчика, терская казачка. Ее дед, Андрей Николаевич Головко,– первый фельдшер нальчикской казачьей слободы. Между прочим,– добавил Дудин,– Нина – профессор психологии ЛГУ».

Вскоре он ушел к другим гостям, которых было очень много.

Мы сидели рядом и много разговаривали. Очевидно, Кайсыну было интересно знать обо мне все. Я рассказала ему, что в 1943–1945 годах училась в Кабардино-Балкарском госпединституте, записалась в группу, в которой изучали балкарский язык все желающие. Начали заниматься в феврале, а уже в марте эти занятия не состоялись, так как преподаватель не пришел.

– Почему? – спросили присутствующие декана.

– Балкарцев выселили,– ответили нам.

– А преподавателя? – спросила я.

– И преподавателя тоже, как всех.

– Как это всех!? Дети, матери, старики ведь остались?

– Вы что, не понимаете?! Если всех, то всех, в том числе и детей, стариков и женщин.

Тогда это понять было трудно, как и многое другое: аресты, доносы, решения «тройки».

Тогда, на вечере у Дудина, обращаясь к Кулиеву, я спросила:

– А где вы были в период выселения балкарцев? Как пережили эту трагедию?

– В это время я воевал на фронте, как и все мужское население Балкарии, был ранен. Мне разрешили остаться в Нальчике, если я пожелаю, запретив мне появляться и жить в Москве и Ленинграде. Но я решил поехать туда, где был мой народ, чтобы разделить с ним его судьбу, и уехал. Во время пребывания там писать стихи в такой мере, как мне хотелось, я не мог, так как занимался переводами с киргизского языка на русский, в основном местных поэтов, и занимался переводом на балкарский язык стихов М. Ю. Лермонтова. Он помог мне пережить случившееся. Переживал я это всенародное горе страшно, был возмущен до глубины души, но ничего не мог сделать. Поддерживал своих земляков добрым словом поэзии.

Кулиев не только рассказывал о себе, но и спрашивал меня о многом. В частности, его заинтересовало то, почему я решила изучать балкарский язык, будучи молодой девушкой.

– Тогда мой выбор занятий балкарским языком был в память о моем отце,– ответила я.– Дом деда, в кото-

ром мы жили, был на углу Республиканской и Гоголя. В семье я была старшей. И на большой базар отец всегда брал меня с собой. Он любил подходить к балкарским рядам и с восхищением смотрел на большие вязанки лука, приговаривая: «Такой лук только балкарцы выращивают. На свете ни у какого другого народа такого лука нет». Потом мы с ним подходили к мясным рядам, где на крюках висели туши вяленой баранины. Отец приподнимал меня и говорил: «Как вкусно она пахнет. Понюхай. Эта баранина пахнет альпийскими лугами, что расположены вдоль Чегемского ущелья».

Мой отец любил балкарцев. Судьба его тоже сложилась трагически: он был арестован, когда начались репрессии, и 20 ноября 1937 года его расстреляли по решению «тройки». А я всю жизнь должна была писать в анкетах в графе о родителях: «Осужден в 1937 году по статье 58 на десять лет без права переписки». Это много позже я узнала, что моего отца, как и миллионы других, расстреляли без суда и следствия как врага народа.

Рассказывая Кулиеву судьбу отца, представителя старшего поколения, я говорила и о том, что и нам с ним пришлось пережить немало социальных потрясений и социальной несправедливости.

– Я убеждена,– говорила я тогда Кайсыну,– что вся ваша поэзия и ваша судьба – это не только бесценный дар вашему народу, но и всем нам, которые пережили несправедливость унижений, обид, нанесенных нам в довоенные и послевоенные годы.

Помню, он засмеялся в ответ и сказал:

И горечью веков мы наполняли песни,
Чтоб стон запечатлеть в своих словах простых.
Бурлящее вино хранит бочонок тесный,
Живую боль хранит предельно сжатый стих.

Потом я узнала, что это были строки из его стихотворения «Поэты», написанного им в 1942 году, перевел его Наум Коржавин, один из известных переводчиков восточной поэзии.

Встреча с Кулиевым была для меня незабываемой. Он умел увлекать разговором и умел слушать. Его интересовало все, даже судьба его земляка Михаила Михай-

ловича Чабдарова, которая пересекалась с судьбой моего мужа, профессора Е. С. Кузьмина, инвалида Великой Отечественной войны. Много лет назад мы жили с ним под Лугой в военном гарнизоне, так как мой муж был командиром взвода дивизионной разведки. Там служил и майор Чабдаров, часто бывавший у нас в гостях. Он любил поэзию и читал нам наизусть стихи Лермонтова и Кайсына Кулиева. Тогда я впервые услышала имя «Кайсын Кулиев» и поняла, какой это большой талант. Чабдаров гордился своим земляком-поэтом, рассказывал о Кайсыне, о своем отце, который умер, не дожив до реабилитации, оставив сына и жену (белорусску по национальности) в Казахстане. «Я не Миша, а Магомет,– говорил Чабдаров.– Так звал меня отец, но все меня звали иначе – Мишей. Так я и остался Михаилом Михайловичем. Родился в Казахстане и в Кабардино-Балкарии никогда не был. Зов предков для меня ничего не значил».

Когда я рассказывала Кайсыну о Чабдарове-младшем (если так можно было выразиться), даже не пожелавшем увидеть историческую родину своего отца Магомета, он как-то погрустнел, задумался и сказал:

– Вот как калечила души эта насильственная высылка, эта проклятая депортация! Человек отказывался от своего балкарского имени... А что было дальше с ним?

– Не знаю,– ответила я Кулиеву.– Помню, что Михаила Михайловича Чабдарова перевели служить в Петрозаводск. А мы с мужем переехали в Ленинград. Но в моей памяти остался майор Чабдаров веселым, образованным человеком, который любил поэзию Кайсына Кулиева, как теперь люблю и я!

С той памятной встречи с Кулиевым прошло 22 года. А я помню его, как будто мы говорили с ним вчера.

В октябре 1998 года я вновь приехала в Нальчик и случайно встретила профессора С. И. Эфендиева, предложившего мне написать свои воспоминания о его любимом поэте: он собирается издавать книгу о Кайсыне Кулиеве и его друзьях. Михаил Дудин был одним из близких друзей этого великого балкарца. А мы были близкими друзьями поэта из Ленинграда Михаила Дудина, прах которого покоится в городе Иваново, на его родине.

Кази Танаевич
ЛАЙПАНОВ
(1924)

Кази Лайпанов родился в ауле Джегута, Усть-Джегутинского района, Карачаево-Черкесской автономной области.

Принимал участие в боевых действиях, в битве за Кавказ в 1942–1943 годах. Дважды тяжело ранен. Командовал взводом ПТР. Награжден орденом Отечественной войны I степени, орденом Славы III степени, медалью «За отвагу», многими другими медалями.

Девять лет работал учителем в школе, четыре года – в НИИ, в течение тридцати одного года преподает историю сначала в Карачаево-Черкесском госпедуниверситете, а с 1995 года – в Карачаево-Черкесском технологическом институте.

Отличник народного просвещения Российской Федерации, заслуженный деятель науки КЧР, профессор, академик Международной тюркской академии. Им написано более 120 научных трудов по истории, этнографии, языку и литературе, в том числе монографии «Октябрь в Карачаево-Черкесии», «Борцы за власть Советов в Карачаево-Черкесии», « На крыле времени», «Умар Алиев», «О происхождении тюркских народов».

О МОЕМ ДРУГЕ КАЙСЫНЕ

В своей великолепной книге «Так растет и дерево» великий Кайсын писал о творчестве другого великого карачаево-балкарского поэта – Кязима Мечиева следующее: «Да, родина всякого крупного поэта – всегда раскрытая книга, а поэзия – обнаженное сердце родной земли, оно остается вечно живым и праздничным, несмотря на следы горя и бед. Такова и судьба поэзии Мечиева».

Эти слова можно в полной мере отнести и к творчеству самого Кайсына. Поэзия нашего великого земляка всегда будет опорой для нас, будет вдохновлять людей на благородные поступки и дела. Сам Кайсын был олице-

творением красоты человеческой души, обаяния и подлинного благородства.

С поэзией Кайсына Кулиева я был знаком еще накануне Великой Отечественной войны, будучи учеником 8-го класса Джегутинской средней школы. Личное же мое знакомство с ним состоялось вдали от родной земли, в городе Фрунзе (ныне Бишкек) в 1946 году, когда я поступил учиться на исторический факультет Киргизского государственного педагогического института. Умар Баблашевич Алиев, работавший тогда доцентом кафедры русского языка этого института, познакомил нас на своей квартире. Накануне войны Умар работал доцентом Кабардино-Балкарского пединститута и хорошо знал Кайсына, был одним из ближайших его друзей.

Кайсын понравился мне сразу своей простотой, непосредственностью и жизнерадостностью. Говорил он образно, не жаловался на судьбу, в отличие от многих ссыльных, держался непринужденно, часто и умело шутил. Он с большим уважением и тактом относился к собеседникам, внимательно их выслушивал. Его удивительное обаяние тянуло к нему людей, как магнитом. Хорошее в человеке он умел выделить и подчеркнуть, а критиковал настолько тактично и тонко, что никто на него не обижался.

Во Фрунзе истфак я окончил в июне 1949 года. В течение четырех лет мы почти каждую неделю виделись с Кайсыном, чаще всего по субботним и воскресным дням. Я бывал у него в Союзе писателей Киргизии, где он работал переводчиком, так как его произведения на карачаево-балкарском языке не печатали из-за того, что он был представителем репрессированного народа. Хотя он очень сильно это переживал, но продолжал переводить на русский язык киргизских поэтов и издавал статьи об их творчестве. Одновременно он поддерживал молодых писателей, дал путевку в большую литературу многим талантливым молодым поэтам и прозаикам, в том числе Чингизу Айтматову.

Стихи, написанные им на родном языке, Кайсын никогда не оставлял в ящиках рабочего стола, справедливо опасаясь того, что они могли попасть в руки органов госбезопасности, а у него было множество стихов, осуждающих репрессии против целых народов. Многие из них, к

сожалению, до сих пор так и остались неизданными, а некоторые были уничтожены самим автором, когда в конце 40-х – начале 50-х годов режим в отношении репрессированных народов усилился.

Кайсын был большим оптимистом и свято верил в конечное торжество справедливости в отношении наших народов, подвергшихся депортации в годы войны. Как-то раз я спросил его: «Вернемся ли мы когда-нибудь на родную землю?» Он ответил не задумываясь: «Безусловно!» – и научно аргументировал свои доводы.

В первый же год моей учебы в институте студенты избрали меня председателем студенческого профсоюзного комитета истфака, и мне приходилось проводить довольно часто по субботам вечера отдыха. По моему приглашению Кайсын приезжал в институт и не раз участвовал в этих вечерах. По просьбам студентов он часто декламировал наизусть произведения Пушкина и Лермонтова. Большинство спецпереселенцев опасались носить национальную одежду из боязни перед органами госбезопасности, которые хотели заставить представителей репрессированных народов забыть о самом факте существования своей обездоленной родины, но Кайсын всегда ходил в горской шапке-кубанке (бухар бёрк), бросая вызов тем, кто пытался лишить народы своих корней.

В один из зимних субботних вечеров я пригласил Кайсына в наше общежитие, и мы вдвоем зашли к моему ближайшему другу Ибрагиму Урусбиеву, который приготовил вкуснейший лагман и накормил нас. Мы предавались воспоминаниям и тихо, вполголоса, пели карачаево-балкарские песни. Самой любимой песней Кайсына была песня «Али». Герой ее – храбрый человек, защитник обездоленных. Он был убит в бою. Эту песню сочинила его возлюбленная. Видимо, эта жемчужина народного творчества была любима Кайсыном потому, что он всегда оставался романтиком и верил в высокие человеческие идеалы. К женщине он относился с трепетным уважением, преклонялся перед женской красотой души и верностью. Я думаю, что широко известная песня, которую исполняла Пугачева,– «Женщина, которая поет» – могла быть написана только человеком, который понимал и ценил женщин. Много позже, в столичной гостинице «Москва» мы снова встретились с ним, и он пел

песню «Али», каждый раз говоря: «Какая нечеловеческая глубина и красота! Какая мелодия!» В тот вечер по нашему настоянию Кайсын прочитал несколько своих стихотворений, написанных на карачаево-балкарском и русском языках. Если бы увидели свет те произведения, которые были написаны в ссылке, они бы составили, я полагаю, несколько толстых томов.

В ссыльный период самыми близкими друзьями Кайсына были Керим Отаров, Ханафи Хутуев, Умар Алиев, Жанакаит Залиханов, Исса Баташев. Кайсын был очень внимателен к друзьям и близким. Хотя из-за спецрежима трудно было получить пропуск от коменданта, спецкомендант города Фрунзе иногда выдавал ему пропуск, и Кайсын ездил к своим родным в Ивановский район, Фрунзенской области, а иногда тайно переходил границу Киргизии и посещал своих родственников в селении Кара-Кундус в Курдайском районе, Джамбульской области Казахстана. Кулиев очень любил бывать на горских свадьбах, экспромтом сочинял песни, посвящая их красивым девушкам. Эти песни тут же подхватывались и становились популярными в народе. Я не раз слышал песню, написанную в честь Надифы Гаджаевой.

В 1950–1953 годах я учился на заочном отделении филфака. Госэкзамены мы с Ибрагимом Урусбиевым сдавали в октябре 1953 года. Тогда Сталина уже не было, дышать стало легче, потому что запахло демократией. Наш преподаватель по современному русскому языку Умар Алиев и наш друг Кайсын устроили в нашу честь большой вечер, посвященный окончанию института. Мы с Ибрагимом хотели отговорить его: время было тяжелое, нам совестно было ввергать Кайсына в траты, но он запротестовал: «На факультете только вы вдвоем окончили его с отличием, вы подняли авторитет нашего народа, это нельзя оставить без внимания!»

В 1956 году Кайсын выпустил большую книгу стихов карачаево-балкарских поэтов. Это было началом возрождения нашей литературы и культуры. Вскоре нас освободили от спецпереселенческого учета, и мы возвратились в родные края. Будучи одним из руководителей кабардино-балкарской писательской организации, а также российской и всесоюзной писательских организаций,

Кайсын развернул бурную деятельность, наставил на путь истины немало молодых поэтов и писателей.

Он поддерживал тесные дружеские отношения с очень многими известными литераторами страны, к его голосу всегда прислушивались самые выдающиеся из них. Это известно всем, но не все знают, как он помогал подвергшимся опале поэтам и писателям, выручая их из беды. Я, например, хорошо знаю, как Кайсын спас от преследования моего талантливого ученика Муссу Батчаева.

Мусса учился мастерству у Кайсына, часто советовался с ним. Первые же его книги поэзии и прозы были тепло встречены читателями, но идеологический отдел Карачаево-Черкесского обкома КПСС нашел в некоторых из них крамолу, потому что молодой литератор «забывал» упомянуть о руководящей роли партии в обществе, как тогда требовали от творческих работников. Более того, положительным героем одной из поэм Муссы был благородный князь. Этого-то и не могли простить «бунтарю». Его стали открыто травить, в печати появились разгромные литературоведческие статьи о его произведениях, посыпались обвинения в антипартийности и прочее.

Тогда я позвонил в Нальчик Кайсыну и передал ему суть случившегося. Кайсын потребовал немедленного прибытия Батчаева в Нальчик. Оттуда начинающий литератор вернулся с письмом Кайсына Кулиева на имя тогдашнего первого секретаря обкома КПСС. В этом документе говорилось о том, что Кулиев знаком с произведениями молодого писателя и не усматривает в них никакой крамолы, а, наоборот, считает, что они представляют собой образец хорошего вкуса. Видимо, на первого секретаря подействовало не столько само письмо, сколько то, что всегда подчеркнуто скромный и демократичный Кайсын не поленился перечислить все свои звания и регалии, к которым он был представлен. Ему очень хорошо было известно, что это подействовало на партийного функционера умиротворяюще. Так или иначе, письмо сыграло свою роль, и молодое дарование было спасено.

В июле 1972 года к нам в Карачаевск прибыла группа видных балкарских поэтов и писателей: Кайсын Кулиев, Жанакаит Залиханов и многие другие, а вместе с ними сын опального поэта Бориса Пастернака, гостивший у Кайсына в Нальчике (если мне не изменяет па-

мять, его имя – Евгений). Их пригласил бывший ректор Карачаево-Черкесского пединститута, историк и литератор Хамит Лайпанов. Принимали и угощали их в доме Хамита поэты Азамат Суюнчев, Назир и Магомет Хубиевы и я. На следующий день мы поехали в Архыз по предложению Кайсына: он очень хотел увидеть древнейшую родину карачаевцев.

Жители аула встретили нас с почестями, устроили курманлык, наши поэты прочитали им свои стихи, а Хамит и я рассказали местной молодежи и туристам об исторических событиях, происходивших на территории Архызского ущелья, о Великом шелковом пути и т. п.

На следующий день рано утром мы поднялись вверх по Архызскому ущелью и остановились у Софийского ледника, любимого места отдыха туристов и альпинистов, а Хамит остался на турбазе читать лекции. Когда мы сидели у костра и ели шашлыки, Кайсын пригласил к огню проходивших мимо туристов и угостил их. Один из них узнал Кайсына. Он оказался почитателем его таланта, и Кайсын устроил импровизированный творческий вечер. Кайсын радовался, как ребенок, увидев в бинокль на вершине живых туров, а на обратном пути – зубров у истоков реки Кызгыч, правого притока Архыза. По окончании поездки Кайсын сказал мне: «Знаешь, это один из самых счастливых дней в моей жизни! Эти люди, горы, эти гордые животные – все родное для меня!» В тот день он веселился, прекрасно исполнял старинные песни, мы подпевали ему, много фотографировались.

В последние два года жизни Кайсына мы часто встречались в Москве. Он, как депутат Верховного Совета СССР, обычно жил в гостинице «Москва», на четвертом этаже, в полулюксе с видом на Красную площадь. Я, по роду службы часто бывая в Москве (работал в центральных архивах), обычно также останавливался в этой гостинице (как инвалид Отечественной войны). Здесь благодаря Кайсыну я познакомился со многими видными деятелями науки и культуры, с писателями и поэтами. Кайсын был совестью своего народа, его авторитет в стране и за ее пределами был огромен. В наших разговорах мы бесконечно возвращались к теме выселений и реабилитации народов, но главной темой разговора всегда было будущее страны, будущее наших народов, беседовали об ис-

тории, литературе. Кайсын не раз подчеркивал, что наши народы талантливы, иллюстрируя свои мысли сценками из жизни родного аула Верхний Чегем. Он часто вспоминал своих родителей, с большой любовью отзывался о матери, рассказывал о своей жизни, особенно о фронтовом периоде. Кайсын с нежностью и благодарностью вспоминал людей, которые когда-то ему помогли, высоко ценил своего учителя, видного революционера и ученого Умара Джашуевича Алиева, который в 30-е годы преподавал в ГИТИСе студентам-балкарцам карачаево-балкарский язык. Из наших поэтов особенно выделял Иссу Каракетова и Асхата Биджиева. Кайсын любил повторять: «С этими великими горцами мне посчастливилось встретиться и перенять у них многое для себя».

Как к депутату Верховного Совета СССР, к нему нередко обращались люди, особенно жители Кабардино-Балкарии. Одни просили, чтобы Кайсын содействовал опубликованию их работ, другие – его помощи в получении квартир в Нальчике. Он не отказывал никому. Но чаще всего его посетителями были литераторы и представители средств массовой информации. В один из праздников Кайсын, как депутат Верховного Совета СССР, приветствовал граждан нашей страны на Красной площади.

Когда Кайсын получил Государственную премию, среди тех, кто пришел его поздравить в гостиницу «Москва», были Константин Симонов, Мустай Карим, Николай Доризо, сын Пастернака, Давид Кугультинов.

Эти люди провозглашали здравицы в честь Кайсына, Кавказа, читали свои стихи, шутили.

Проводив гостей, мы с Давидом Кугультиновым поднялись к Кайсыну. Долго еще беседовали о разных вещах, и тут я услышал то, что не могу забыть до сих пор. Стихи – это всегда откровение души, а их рождение – таинство. Мой друг приоткрыл передо мной завесу этого таинства. С улыбкой воодушевления он рассказывал о том, что лучше всего он чувствует себя на природе, что живые голоса переливчатых ручьев, пение птиц, гул водопадов и царственное молчание ледников Кавказа всегда затрагивают самые тонкие, самые чуткие струны его души. Кайсын умел рассказывать, его язык был образным и точным. Слушая его, я думал: «Да, друг мой, эту красоту видят все, но поэтом становится далеко на каж-

дый. Ты – чист сердцем и отмечен свыше, поэтому ты – Поэт».

Как-то раз Кайсын рассказал о том, что он собирается поехать в США в составе делегации литераторов. «Ждем визы»,– добавил он. Однако, как выяснилось, половине делегации американское посольство отказало в выдаче виз, потому что эти люди негативно отзывались о США. Кайсын входил в другую половину. Виза у него была. Тогда ЦК КПСС предложил всем, кто имел визы, не ехать в США в знак протеста. Кайсын очень сожалел об этом.

Как сейчас помню радость Кайсына, когда он вечером зашел ко мне в номер в гостинице «Москва» и сообщил, что сегодня в «Известиях» напечатана речь приехавшей в СССР премьер-министра Индии Индиры Ганди. Я развернул газету и выхватил глазами строчки: «Как говорит ваш замечательный поэт Кайсын Кулиев, «каждый выстрел на войне любой убивает сердце материнское». Это была самая высокая оценка миротворческой деятельности нашего Кайсына.

Раза три Кайсын звал меня в гости к своим товарищам – московским литераторам. Я хорошо помню, как тепло нас принимал переводчик его произведений на русский язык Гребнев. Гребнев благодарил Кайсына за то, что он проявил большое мужество, отказавшись убрать из книги имя переводчика своих стихов Наума Коржавина, эмигрировавшего в США.

Незадолго до смерти Кайсын лежал в одной из московских больниц. Каждый вечер я навещал его. Иногда он был подавленным и выглядел неважно, но природное жизнелюбие брало верх, и он подбадривал сам себя, говоря, что уходить из жизни ему еще рановато, потому что многие дела остались незаконченными. В одном из разговоров, когда я, по своему обыкновению, уверял его, что он выглядит прекрасно и, конечно, все будет хорошо (хотя на душе у меня кошки скребли), он вдруг сказал: «Какой хороший раньше был обычай у горцев: они хоронили своих близких рядом с домом». Это было его завещание. Он действительно был похоронен в саду своего дома в Нижнем Чегеме.

Кайсын был нежным и заботливым отцом: он беспокоился о тех, кого оставляет на этой земле, часто и с какой-то светлой печалью вспоминал умерших родителей.

Многие знают о том, как Кайсын ценил наш фольклор и заботился о сохранении нашей культуры. Я надеюсь, что сказанное мной в известной мере поможет литературоведам, биографам Кайсына в освещении отдельных аспектов его жизни и деятельности.

Дай Бог как можно больше таких людей нашим народам. Жизнь таких представителей человечества, как Кайсын,– это образец для подражания молодому поколению, жаждущему верно служить своему народу.

ТЛАПШОКОВ
(1930)

Бетал Тлапшоков – кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР и КБР, долгое время работал главным врачом Республиканской клинической больницы. Он жил в одном доме с Кайсыном Кулиевым, даже на одной площадке. Долгие годы дружил с поэтом.

Бетал Хусенович Тлапшоков родился в селении Кахун, Урванского района, КБАССР.

В 1955 году окончил Дагестанский медицинский институт. Начинал свою врачебную деятельность в селении Лескен, затем работал хирургом в Урванской районной больнице. В 1958 году Б. Х. Тлапшоков направляется на учебу в клиническую ординатуру по нейрохирургии в Ленинград.

Он первым в республике внедрил оперативное вмешательство при заболеваниях головного и спинного мозга.

В декабре 1960 года Б. Х. Тлапшоков назначается на должность главного врача республиканской клинической больницы. На этой должности работает до 1990 года.

В 1970 году без отрыва от производства Б. Х. Тлапшоков успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук.

За период его работы в республиканской клинической больнице много сделано в развитии и укреплении материально-технической базы больницы, коечный фонд увеличился со 150 до 935 коек (в 1989 году).

За успешную работу в области здравоохранения Б. Х. Тлапшокову в 1965 году присвоено почетное звание «Заслуженный врач Кабардино-Балкарской АССР», а в 1971 году – «Заслуженный врач РСФСР».

На выборах в 1990 году избран народным депутатом КБР по Университетскому округу на альтернативной основе.

С ноября 1990-го по 1993 год работал председателем Комиссии Верховного Совета КБР по вопросам здравоохранения и социальной защиты населения. Член Президиума Верховного Совета КБР.

С 1993 года по настоящее время работает на должности директора Кабардино-Балкарского территориального фонда

обязательного медицинского страхования КБР.

С 1961-го по 1990 год бессменно избирался депутатом Нальчикского городского Совета депутатов трудящихся.

РЯДОМ С КАЙСЫНОМ КУЛИЕВЫМ

Очень сожалею, что никогда не имел никакого отношения ни к литературе, ни к журналистике, а как хотелось бы донести до читателей обаяние и широту души моего друга К. Ш. Кулиева.

Вряд ли можно найти слова, еще не сказанные в адрес этого человека, человека, широко известного не только в России, странах СНГ, но и в мире.

Знаете, чтобы писать о том, какой он был поэт и писатель, действительно надо быть профессионалом. О Кайсыне Шуваевиче написано немало, и не только как об авторе замечательных произведений, но и как о человеке огромной, великой души.

Моя задача более скромная – описать его как соседа, с которым я прожил 13 лет на одной площадке; как человека, с которым общался практически ежедневно, за исключением его длительных и частых командировок по стране и миру, возвращаясь из которых, он часто дарил мне сувениры. Это были небольшие вещицы, но выбранные с большой любовью и пониманием моего вкуса: будь то пепельница в виде изящной фигурки индианки или эбонитовая статуэтка африканца с луком и стрелами и другие. Его внимание всегда мне было очень дорого.

На моих глазах росли три его прекрасных мальчика: Эльдар, Алим и Азамат. Судьба этих ребят мне известна. Часто вспоминаю детские зарисовки младшего сына Кайсына Шуваевича – Азамата. Ребенок любил разрисовывать стены подъезда и лестничной клетки цветными мелками. Причем явно бросалась в глаза неординарность и талантливость этих рисунков. Как-то разглядывая их вместе с Кайсыном Шуваевичем, я задал ему вопрос: как он рассматривает художественные способности своего сына? В ответ Кулиев задумчиво улыбнулся своей доброй улыбкой и сказал: «Рано, дорогой, об этом что-либо говорить. По всей вероятности, что-то есть у мальчика, но если это что-то – талант, то это такая телега, если не гнать ее постоянно вперед, она останавливается и застревает

навсегда на одном месте. Как сложится судьба у Азамата трудно сказать». Его скромность не позволила ему утверждать, что сын явно талантлив. К тому же мудрость ему подсказывала, что одного таланта еще недостаточно, в него должен быть вложен огромный труд. В этом был весь Кайсын Шуваевич.

Встречаясь, мы обсуждали самые разные вопросы: социальные, экономические, политические. Часто я делился с ним впечатлениями о прочитанных книгах. Для примера хочу рассказать более подробно о том, как мы обсуждали роман Алима Кешокова «Сломанная подкова». Старшее поколение хорошо помнит, каким шумом и переполохом в республике сопровождался выход романа из печати. Мнения интеллигенции полярно разделились. Жаркие споры оппонентов выплескивались на страницы печати, затрагивались даже на партийных пленумах. Главным идеологом данной кампании был М. Х. Шекихачев. Пусть Бог простит ему. Это было его убеждение. Не будем жестокими судьями ушедших от нас людей.

Даже среди моих близких друзей не было единодушия. Мой горячо любимый и глубоко почитаемый друг М. Х. Ахметов выступил с резкой критикой романа. Я был с ним категорически не согласен и не однажды просил его не затрагивать этот вопрос не только на пленумах, активах, но и на товарищеских встречах. Доказывал ему, что нужно уважать право автора на создание образа героя. Только автор решает, какими чертами характера и поступками наградить персонаж. Но Ахметов есть Ахметов. Мне не удалось его переубедить. До конца жизни он оставался убежденным и последовательным критиком этого романа.

Некоторые люди пытались втянуть в созданную шумиху Кайсына Шуваевича, но он никому не позволил это сделать и с критикой романа не выступил. Естественно, меня очень интересовало искреннее мнение Кайсына Шуваевича по этому вопросу. И он вновь преподал мне урок глубокой человеческой порядочности и мудрости. Обняв меня, он мягко и деликатно разъяснил свою позицию. Он сказал, что в целом роман ему нравится. Естественно, у него есть какие-то замечания. Но следует помнить, что А. Кешоков – единственный известный всей

стране кабардинский писатель и это его роман. Так что неумно и некрасиво соотечественникам вставлять ему палки в колеса.

Кайсын Шуваевич был удивительно добрый, внимательный человек. Не было у него какой-либо зависти в душе.

Я себе не могу простить одну оплошность, которую допустил в его присутствии по молодости своей. У Елены Алиевны Шогенцуковой были гости из Киргизии: известный профессор-кардиолог Миррахимов со своими коллегами. На эту встречу был приглашен и я. Встречу вел Кайсын Шуваевич. Когда он предоставил мне слово, то очень тепло представил гостям, сказав, что я его младший брат, что живем по соседству, что я большой доктор и т. д. Произнося тост, я сказал все, что было нужно о гостях, но в конце я почему-то обронил фразу, смысл которой сводился к тому, что наши известные писатели пишут больше о природе, чем о людях, что все горы уже расписаны по ущельям. До сих пор не знаю, почему мне это пришло в голову, и до сих пор сожалею, что своим легкомысленным высказыванием причинил боль человеку, которого уважал и любил. А какую выдержку проявил Кайсын Шуваевич! По окончании моего злополучного тоста он тихо, как будто разговаривая сам с собой, сказал: «И горы, и реки, и вся природа заслуживают, дорогой Бетал, чтобы о них писали и говорили много раз». Домой мы возвращались вдвоем, оживленно беседуя. Я чувствовал свою вину и несколько раз пытался вернуться в разговоре к сказанному мной, но он умышленно делал вид, что не слышит меня, и не стал больше обсуждать эту тему. Таков был Кайсын Шуваевич.

Иногда мне казалось, что он наивен, как ребенок. Во многом это так и было, но он очень быстро разгадывал неискренность.

Мы с Кайсыном Шуваевичем, возвращаясь с очередной партийной конференции, встретились с одним человеком. Он был заведующим отделом обкома КПСС и, естественно, присутствовал на пленуме, где происходило формирование бюро обкома и избрание первого секретаря. Вновь избран Т. К. Мальбахов. Состав бюро практически не изменился. Наш спутник сделал, я бы сказал, осторожный и пробный ход – как отреагируем мы, Кай-

сын Шуваевич и я, на его провокационный разговор? «Мальбахов очень умный человек. Интеллект и эрудиция его широкие, и более подготовленного человека в республике нет, но его здоровье никуда не годится, мешает ему выполнять свои обязанности до конца»,– сказал спутник. Долгая пауза, а затем ответ Кайсына Шуваевича (я тоже ждал, когда и как отреагирует на вопрос мой старший друг, и шел молча): «Что же, дорогой, мы избрали его не каменщиком и не лесорубом. Чтобы руководить нами, коммунистами республики, у него есть все данные. На мой взгляд, умственная работа как раз для таких людей, как Тимбора Кубатиевич»,– и, обратившись ко мне, закончил свою фразу: «Правду я говорю, дорогой Бетал? Как врач, ты подтверждаешь мое мнение?»

Ответ был очень удачный, на мой взгляд, я это подтвердил, тем более, что я очень уважал и любил Мальбахова.

Когда наш спутник нас оставил (он жил в другом подъезде), Кайсын Шуваевич, засмеявшись громко, сказал: «Зачем нас, взрослых людей, испытывать и провоцировать на какие-то ненужные разговоры?» Над этой фразой мне много пришлось думать.

Хочу вспомнить происшествие, которое было в нашей республике. На праздновании 50-летия А. П. Кешокова, возвращаясь из Приэльбрусья, машина, в которой ехали Алим Кешоков и Мустай Карим с супругой, на полном ходу на повороте врезалась в дерево. Вследствие этой аварии супруга Мустая Карима получила большую черепно-мозговую травму, в результате – глубокий шок. У Мустая Карима – перелом плеча, у Кешокова – перелом ребер. Ночью я был вызван в Тырныаузскую МСЧ, как единственный нейрохирург, к больной. Когда я приехал, больная оставалась очень тяжелой. Скальпированная рана была зашита местными врачами, были сделаны назначения. Наутро в больницу приехали Мальбахов и Ахохов с тремя профессорами, которые в это время отдыхали в санаториях Кавказских Минеральных Вод. Среди них оказался профессор Никольский, который осмотрел больную, согласился с нашими назначениями.

Затем больная была переведена в стационар Нальчика. Она лечилась около полутора месяцев. Отправили ее домой с очень некрасивым шрамом, рубцы которого пе-

ресекали лицо. Кайсын Шуваевич, как я понял, был близким другом этой семьи и часто навещал с цветами эту женщину в больнице. Он интересовался у меня состоянием ее здоровья и однажды очень деликатно задал мне вопрос: «Дорогой, ведь она очень красивая женщина. Неужели нельзя что-либо придумать, чтобы вернуть ей ее женскую красоту?» – «Да,– ответил я,– только вряд ли наши даже московские косметологи придумают что-либо путное, но за кордоном эти операции делают очень успешно, а возможности, по всей вероятности, сделать эту операцию за границей у Мустая Карима есть». Он, как ребенок, обрадовался, услышав мой ответ. И действительно, женщина была избавлена от этого шрама и рубца, помолодела на 20 лет. Ее оперировали, по рассказам Кайсына Шуваевича, в Стокгольме.

Как-то встретились мы с Кайсыном Шуваевичем в Москве. Надо было видеть его радость. Он сразу же сказал, что утром едем на дачу, к его другу. К сожалению, у меня были служебные дела и я не мог составить ему компанию. На вечер он мне назначил время для встречи. Когда я постучался в номер гостиницы «Москва», там было уже довольно шумно. Я был удивлен сбором именитых гостей в этом номере. Почти вся писательская элита находилась в этом просторном люксе гостиницы. Меня узнал Мустай Карим. Другим я был представлен так моим другом, что неудобно повторять. Кайсын Шуваевич был рад моему появлению, он не знал, куда меня посадить, чем угостить. Помню его слова, обращенные к друзьям: «Это не случайный гость, а друг мой и младший брат, живет долгие годы на одной площадке со мной».

Удивительный человек был Кайсын Шуваевич. Он мог быть со старшими – старшим, а с младшими – младшим. С теми и другими находил, о чем поговорить, ему не надо было навязывать тему.

Владея в совершенстве русским языком, он был очень интересным рассказчиком.

Ездил Кулиев по всему миру. Иногда на вопросы он отвечал лаконично, я, изучив его, находил время и условия для того, чтобы задать вопрос и затем услышать характеристику той или другой страны, в которой он бывал, и он очень образно, интересно и подробно делился со мной своими впечатлениями.

Не очень хочется говорить об этом, но люди неосведомленные, не знающие жизни этого человека, дали себе право осуждать его за создание второй семьи уже в немолодом возрасте. Да, это не всегда и ни в какие времена не воспринимали как норму жизни, особенно у нас. Но дело в том, что этот человек не имел своей жизни. Он приносил себя в жертву, а может быть, ради своих детей жил с больным человеком долгие, долгие годы. Бывало так, что он рано вызывал машину и выезжал на базар за продуктами. Он этого, почему-то, очень стеснялся, смущался, когда встречался с кем-либо из соседей. Неустроенность, отсутствие элементарного уюта сказывались на его настроении. Можно было встретить его очень грустным, особенно его выдавали глаза. Беспомощность Кайсына Шуваевича в этих условиях, беспокойство за судьбы детей его тяготили. Как-то мне пришлось разыскивать его по телефону. Это совпало с литературным праздником – днями Пушкина. Я нашел его в Петербурге и сказал, что ему надо срочно возвращаться домой. На второй же день он приехал домой, был очень признателен и благодарен мне и моей жене за то, что мальчики ночевали и, в сущности, жили у нас. Алим и Азамат были друзьями моего сына Артура.

Можно о многом сказать, но всегда больно за то, что он не имел элементарных человеческих условий. Все эти годы ему было трудно, тяжело, хотя он никому и никогда не жаловался.

Когда заболел Кайсын Шуваевич, мы встречались с ним не однажды и в Москве, и в Нальчике. Я интуитивно почувствовал, что он не хочет говорить о болезни, и потому никогда не задавал ему никаких вопросов, хотя понимал, что мой долг дать ему какой-либо профессиональный совет. Видимо, он в этом не нуждался, лечился у академика Лопаткина, от которого, по всей вероятности, знал о своей болезни.

Однажды ездил я проведать Кайсына Шуваевича, когда он был уже тяжело болен и находился в Чегеме. Был я с профессором Таукеновым. Кайсын долго нас не отпускал, но говорил о чем угодно, только не о болезни. В это время проведать его приехали Мальбахов, Чабдаров и Тогузаев. Т. К. Мальбахов вручил ему орден Отечественной войны I степени. Очень обрадовался Кайсын

Шуваевич приезду первого секретаря и сказал своей супруге: «Зарежьте немедленно барана. Я не могу отпустить моего друга и такого высокого гостя без угощения». Каким-то образом Тимбора Кубатиевич сумел отговорить его от этой затеи, пообещав ему навестить еще раз. Он тогда сказал одну фразу, которую я навсегда запомнил: «Не всегда у человека, дорогой друг, бывает хорошо во всем. Так и со мной судьба обходится». После этого я еще только раз видел Кайсына Шуваевича живым, но мы уже так и не смогли поговорить.

Смерть его я перенес, как и многочисленные его поклонники, очень тяжело. До сего времени мне кажется, что я с ним должен встретиться, и считаю, что мне в жизни повезло, что столько лет имел возможность общаться с таким человеком. Я всегда буду хранить светлую память о нем.

Валентин Григорьевич КУЗЬМИН (1925)

Валентин Кузьмин – известный писатель-прозаик. Один из русских писателей, жизнь которых прошла в Кабардино-Балкарии.

Он родился 30 августа 1925 года в городе Киеве. Детство и юность прошли в Севастополе. В 1943 году поступил в пехотное училище и через семь месяцев был уже на фронте. Участвовал в боях за Днепр, был ранен. После госпиталя вместе с авиационным полком дошел до Берлина. После войны судьба забросила его в Нальчик, здесь он закончил с серебряной медалью школу рабочей молодежи в 1946 году, а через два года В. Г. Кузьмин экстерном сдал экзамены за полный курс Кабардино-Балкарского педагогического института и получил диплом с отличием. С 1948-го по 1958 год работал преподавателем русского языка и литературы в средних школах Нальчика. Одновременно он сотрудничал в местных газетах и на радио. Писал в основном очерки и рецензии на спектакли, книги, фильмы. В это же время он пробует силы в жанре рассказа, и в 1956 году выходит его первый рассказ «Юность», напечатанный в альманахе «Кабарда», а через два года появилась и первая повесть «Галочка», опубликованная в том же альманахе. Через несколько месяцев она выходит и отдельным изданием. В 1960 году в издательстве «Эльбрус» вышла его новая книга «Без отца». Через два года она переиздается в Москве в издательстве «Молодая гвардия».

Валентин Кузьмин долгие годы работал в книжном издательстве заведующим редакцией художественной литературы, переводил произведения местных писателей, сказки, нартские сказания, был редактором многих книг о писателях и поэтах Кабардино-Балкарии.

Валентин Кузьмин известен и как автор романов – «Мы с Сергеем» и «Мой дом – не крепость».

Ему принадлежат многие критические статьи о поэзии молодых, интересные очерки из опыта работы лучших учителей республики, писал он и документальные повести.

С Кайсыном Кулиевым их связывали прочные литератур-

ные интересы, совместная общественная работа в Союзе писателей КБР.

Кайсын Кулиев высоко ценил Валентина Кузьмина как редактора, как талантливого писателя-прозаика. Они часто выступали на одних и тех же совещаниях, пленумах Союза писателей КБР, встречались с читателями. Валентин Кузьмин написал несколько статей о Кайсыне Кулиеве, опубликованных в газетах и в книге «Остаться в памяти людской» (Нальчик, 1987).

ВЕРШИНА

...Мы работали с ним бок о бок добрый десяток лет, бывали у него на родине, в сакле, где он родился, в его чегемском доме, где ныне музей его имени, в частых тогда поездках по стране с Днями литературы республики, на природе, в дружеской обстановке.

Обаяние его личности и заключалось в умении быть самим собой в любой среде, в любых условиях, что свойственно натурам цельным, в ком живет искра Божья, которую нельзя высечь искусственно – с нею надо родиться.

Иногда он звал к себе, в свой служебный кабинет, или приходил сам, не чинясь, и говорил, улыбаясь в усы: «Пофилософствуем»?

Эрудиция его слагалась из глубокого знания мировой культуры и собственного жизненного и поэтического опыта и поражала широтой и разносторонностью.

О чем «философствовали»?

Талант – и зло, талант – и добро. Он любил говорить и спорить об этом. Приводил исторические примеры – маркиза де Сада, Сальери, Байрона и Некрасова, в чьих биографиях были не только светлые тона, и сетовал, что «гений и злодейство», к сожалению, не всегда несовместимы.

Его суждения о литературе не повторяли прописных истин и хрестоматийных откровений. Говоря с величайшим уважением о русской классике, он тем не менее замечал ее известную рассудочность, объясняемую стремлением дать ответы на вечные вопросы «кто виноват?» и «что делать?».

В нем счастливо сочетались черты мыслителя, замечательного поэта и ... простого горца, живого, лукавого и непосредственного. Недаром же он писал:

Какого не прошел бы я ученья,
Каких бы я ни одолел вершин,
Я – прежний горец и, входя в селенье,
Преображаюсь я, крестьянский сын.

Простота его была от земли, которую он любил по-земному горячо, по-человечески, эпикурейски.

Как-то мы провожали иногородних гостей, а на обратном пути остановились у придорожной полянки, где местные жители продавали фрукты. Кайсын купил огромный арбуз, по его просьбе водитель завез нас на высокий безлесный холм, и там, на вершине, откуда была видна вся окрестность, мы пировали. Кайсын ел красную сочную мякоть так вкусно и заразительно, что нам передалось его настроение, и стало казаться, что это не обыкновенная трапеза, а некий языческий обряд людей земли, благодарных ей за плодовитость и красоту.

Что бы ни делал Кайсын, во все он вкладывал живость души и дара, подаренного ему Природой. Он любил Жизнь, хотя и писал о смерти. Он верил в торжество света и разума, но не прятал головы под крыло и не закрывал глаз на неизбежный исход. Ценой человеческой жизни для него была та польза, которую человек принес людям:

Оставит мастер дело рук своих...
Палач проклятье по себе оставит.

И еще:

Заходит солнце, но огонь не гаснет
И, кто б ни умер, жизни нет конца...

Кайсын жив для нас. В его стихах, в нашей памяти о нем. И Вершина его будет вечно сиять под солнцем Поэзии...

Он был человеком, которого мы потеряли. Он – Поэт, который навсегда останется с нами.

Хамиша Труевич
ШЕКИХАЧЕВ
(1932–1999)

Хамиша Шекихачев – народный писатель Кабардино-Балкарии. Родился он в селе Урожайное, Терского района, КБАССР, учился в этом же селе в средней школе, которую окончил в 1951 году. В тот же год поступил в Ростовский горностроительный техникум и в этом же году в октябре был призван в ряды Советской Армии.

После ухода в запас он работал в райкоме комсомола, затем директором Дома культуры в родном селе, а также работал учителем средней школы.

В 1958 году был назначен редактором районной газеты «Во славу Родины» Урожайнинским райкомом КПСС. Через год он поступил учиться в Ростовскую высшую партийную школу, которую окончил в 1963 году. После окончания учебы он работал завотделом в газетах «Советская молодежь», «Ленин гъуэгу», редактором Зольской районной газеты «Заря коммунизма», Чегемской районной газеты «Красное знамя». С 1965-го по 1977 год Хамиша Шекихачев работал директором республиканского полиграфкомбината им. Революции 1905 года, а с декабря 1977 года по июнь 1980-го – заведующим отделом культуры газеты «Ленин гъуэгъу». С июня 1980 года по январь 1982 года он – директор Госдрамтеатра им. Али Шогенцукова, а затем, с января 1982-го по январь 1997 года, был заведующим редакцией книжного издательства «Эльбрус». В последнее время он работал директором литературного фонда Союза писателей КБР.

В члены Союза писателей СССР Хамиша Шекихачев был принят в 1979 году.

Шекихачев опубликовал много романов и повестей: «Все остается в памяти», «Терек – свидетель», «Месть», «С добрым утром, Терек», «Мазиза», «Год без солнца» и др. Опубликовал более 200 сатирических и юмористических рассказов в сборниках «Вернись, Хамлатиф!», «Ущипнуть бы...» и др. Хамиша Шекихачев писал и пьесы, которые были поставлены в театре: «Кто виноват», «Наши грехи», «Опомнись, Зуза». По его сценарию снят телефильм «Оплаканный».

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О КАЙСЫНЕ

Моя первая встреча с Кайсыном произошла в 1963 году. В то время я работал редактором Зольской районной газеты «Заря коммунизма». В райкоме партии я встретил тогдашнего директора овцесовхоза «Кичмалкинский» Ахмата Таукенова, и он пригласил меня на встречу с известным (он так и сказал) балкарским поэтом Кайсыном Кулиевым.

Кто не знал тогда Кайсына! Кто не зачитывался его бессмертными стихами! До этого я много раз слышал его выступления на совещаниях и конференциях. Но никогда мне не приходилось видеть его близко, с ним разговаривать, тем более на встрече с читателями. Я считаю, что это самый ответственный момент в жизни каждого писателя, каждого поэта, какое бы звание он ни имел и какой бы славой он ни пользовался. По моему убеждению, Кайсын всегда тщательно готовился к ним.

Я приехал в Кичмалку к трем часам дня, а клуб был уже заполнен до отказа, на сцене в президиуме сидели К. Кулиев и директор совхоза А. Таукенов. Поэта представил секретарь парторганизации Урчуков. Увидев меня, Таукенов встал и громко объявил: «Товарищи, к нам приехал наш редактор районной газеты. Если не возражаете, то пригласим и его в президиум». Тогда я впервые поздоровался с Кайсыном за руку. До сих пор я не могу себе объяснить, с какой бы стороны ни подходил к этому, не могу понять его такое теплое, внимательное отношение ко мне. Кичмалка стала для меня добрым трамплином, вернее, добрым началом нашей дальнейшей дружбы. После этой встречи, которая продолжалась более трех часов, Кайсын сказал мне:

– Может, дорогой редактор согласится проехать со мной до трассы?

– С удовольствием,– ответил я и сел в его машину.

Всю дорогу он рассказывал забавные случаи из его жизни, говорил о Гамзатове, Кугультинове, Кешокове. И тут же сразу переходил на серьезные темы. Помню, он сказал:

– Очень мало переводят и печатают наших молодых, перспективных писателей и поэтов. А ведь у нас есть замечательные кабардинские и балкарские прозаики и

поэты, которые давно заслуживают всесоюзного простора. Пусть всесоюзный читатель больше узнает Тхагазитова, Бабаева, Губжокова. А сколько их у нас? Много... А ты пишешь?

– Пишу,– ответил я.

– Что? Прозу, поэзию?

– Статьи, репортажи, фельетоны.

– Молодец! – сочно засмеялся Кайсын.– Так мне и надо...

Через два-три года я вернулся в Нальчик и уже работал директором Республиканского полиграфкомбината им. Революции 1905 года, когда начали публиковать в журналах, газетах, передавать по радио и телевидению мои юмористические и сатирические рассказы. А когда журнал «Минги Тау» опубликовал два рассказа в переводе Ибрагима Гадиева, Кайсын зашел ко мне с журналом, крепко обнял и сказал:

– Молодец! Юморист из тебя получился. По два раза читал. Вот, подпиши журнал своей рукой на память.

– Кайсын Шуваевич, ради Бога, не смущайте меня.

– Хватит, подпиши.

Пока я в страшном волнении думал, что же написать этому великому поэту, Кайсын очень мягко сказал:

– Ты только не обижайся, но во втором рассказе финал я бы усилил.

– Как? – посмотрел я на него.– Там вроде...

– Вот, вот,– поднял он палец,– вроде нормально. Не увлекайся этим термином: «вроде нормально, вроде пройдет». Это страшная болезнь и графоманов. Ты взялся за трудное, но хорошее, нужное дело. У тебя получается, значит, не бойся советов друзей.

На моем литературном пути было много разных кочек, выбоин, преград. Даже был момент, когда я был убежден, что дальше рассказов я не пойду, не смогу решиться на более крупное произведение. Где-то в 1969–1970-х годах, на одном из совещаний Кайсын отвел меня в сторону и спросил:

– Как у тебя дела? Что нового написал?

Я ответил, что все по-прежнему, пишу рассказы, но журналы, газеты иногда отказываются печатать, иногда печатают. Всякое бывает.

– Так и будешь сидеть на этих рассказах?

– А что мне делать?!

– Надо уже браться за более солидную работу. Повесть, допустим.

– Боязно, Кайсын Шуваевич,– сказал я.– Попробовал однажды, но мне устроили такой разнос, что долго не мог смотреть на чистый лист бумаги.

– Так это было однажды, когда у тебя не было опыта. Обидно будет, если ты когда-нибудь пожалеешь, что зря потерял время.

– Я и так слишком много времени потерял.

– Так наверстай, ты еще молодой, сорока лет тебе еще нет.

Кулиев был чутким человеком, очень внимательным. И не только ко мне. Я часто замечал: Кайсын горой стоял за талантливую молодежь. Многие ныне известные писатели и поэты могут сказать: «Да, в том, что я стал таким, огромная заслуга Кулиева!»

Уже позже, в 1977 году, когда мы встретились, он мне сказал:

– Почему ты не вступаешь в Союз?

– Кайсын Шуваевич, кто меня в Союз примет? Как-то неудобно.

– У тебя сколько книг?

– Три.

– Подавай документы.

Я так и сделал по его совету. В нашем Союзе писателей меня приняли, отослали в Союз в Москву документы. Но один из столичных критиков дал отрицательную рецензию моему роману, и мое дело отложили. Кайсын тогда болел гриппом и не смог принять участие в работе приемной комиссии. Недели через две мы встретились, и он спросил:

– Ну, тебя можно поздравить, в Союз писателей СССР приняли?

– Не приняли, Кайсын Шуваевич.

– Почему?

– Один из рецензентов подкосил.

– А в чем дело?

– У меня в романе девушки выходят замуж без согласия отца. А критик утверждает, что на Кавказе такого не может быть. И вообще, говорит, все действия в романе происходят так, как хочет автор.

– Дурак он! – разозлился Кайсын.– Видишь, они нас еще считают кончеными туземцами. До смешного доходят эти критики. Там же были Адам, Алим, почему они не сказали свое мнение и свое веское слово, чтобы поддержать тебя?

– Не знаю.

– Не переживай. Я через неделю еду в Москву, все будет нормально.

Действительно, через неделю Кулиев добился, чтобы мое дело передали секретарю Союза писателей РСФСР, и ночью я получаю телеграмму такого содержания: «Поздравляю принятием в Союз писателей СССР. Крепко обнимаю,. целую. Твой *Кайсын*». И только через день я получил поздравление от Союза писателей России.

Теперь я часто вспоминаю великого поэта-гуманиста, чуткого, внимательного к людям, дорогого мне человека Кайсына. После его смерти осиротела наша писательская организация – пошли раздоры, непонимание, несогласие. Из одной организации Союза писателей сделали три, потом – две и, наконец,– объединились. Если бы был жив Кайсын, ничего бы этого не было. Но мы бессильны перед смертью. У кабардинцев есть пословица: «Хороший человек долго не живет». Пусть земля ему будет пухом.

Наталья Казбулатовна ГАСТАШЕВА (1939)

Наталья Гасташева – народная артистка Российской Федерации, лауреат Государственной премии КБР, профессор Северо-Кавказского государственного института искусств, заведующая кафедрой вокального искусства. За большой вклад в развитие культуры и искусства она удостоена многих званий разной степени, в том числе и грамот Президиума Верховного Совета КБР.

Родилась эта известная артистка в городе Тереке, КБАССР. После окончания средней школы и музыкального училища поступила в Саратовскую Государственную консерваторию им. Л. В. Собинова. Пела с раннего детства. Еще в детском садике сочиняла мелодии и мечтала стать певицей. После окончания вокального факультета консерватории в классе профессора В. И. Егорова, она вернулась на родину. По распределению Министерства культуры КБР попала на работу в ансамбль танца «Кабардинка», с которым много гастролировала по городам СССР и за рубежом. Это и определило ее дальнейшую творческую работу, так как после первых успешных гастролей по странам Северной Африки: Алжир, Тунис, Марокко, Ливия – ее стали постоянно приглашать в различные гастрольные поездки по линии Госконцерта. Ее таланту аплодировали во многих странах Европы, Азии, Африки, США, Канаде. Всего певица посетила более пятидесяти государств мира.

Репертуар Натальи Гасташевой обширен и разнообразен. Он включает в себя сложные арии из опер и оперетт, классические и старинные романсы, народные и национальные песни. Большое место в творчестве певицы занимают произведения северокавказских авторов под рубрикой «Песни горного края», куда входят сочинения адыгейских, черкесских (А. Дауров), дагестанских (М. Кажлаев), осетинских (Р. Цорионти, Х. Плиев, Д. Хаханов), чеченских и других композиторов.

В репертуаре Н. Гасташевой есть огромное количество произведений кабардинских и балкарских композиторов: Х. Карданова, М. Балова, В. Молова, Д. Хаупа, Н. Османова, Т. Бла-

евой, И. Шериевой, Б. Темирканова, М. Жеттеева, М. Кажлаева, А. Шахгалдяна и других на стихи таких известных поэтов, как К. Кулиев, Р. Гамзатов, А. Кешоков, И. Машбаш, И. Кашежева, Т. Зумакулова.

Песни на стихи Кайсына Кулиева занимают особое место в творчестве певицы и звучат во всех ее концертных программах.

Вот репертуар Н. Гасташевой на стихи Кайсына Кулиева:

1. М. Кажлаев – Доброй ночи.
2. А. Шахгалдян – Ласточка.
3. А. Шахгалдян – Скачи, мой ослик!
4. А. Шахгалдян – Хлеб и роза.
5. А. Шахгалдян – Горная речушка.
6. А. Шахгалдян – Наши дороги.
7. А. Шахгалдян – Вот песенка простая.
8. В. Молов – Пусть никогда не умирают дети.
9. В. Молов – Небо родимого края.
10. Н. Османов – Взгляни: блестит луна.
11. М. Жеттеев – Весенняя песня.
12. М. Жеттеев – Очаг.

Кайсын Кулиев высоко ценил талант этой неповторимой горянки, гордился ею и всегда радовался, когда встречался с ней во время концертов. Редкое дарование Натальи Гасташевой было для поэта очевидным, и он любил знакомить ее со своими друзьями, прибавляя при этом с очевидным удовольствием: «Это наша гордость и слава республики. Благодаря ее искусству наша маленькая горная республика стала известной миру!»

О своих встречах с Кайсыном Кулиевым прославленная певица рассказала в небольшом очерке «Мы представляли с ним нашу культуру и искусство».

МЫ ПРЕДСТАВЛЯЛИ С НИМ НАШУ КУЛЬТУРУ И ИСКУССТВО

Ласточка, ты, ласточка,
Ласточка, радость весенняя,
Не покидай свое гнездо.
Сердцем согрею я его...
«Къарылгъач»

Существует мнение, что эти строки Кулиев написал в ссылке, тоскуя по родной земле. Эти прекрасные слова запомнились мне давно, еще с детства, когда я слушала радио. Прошло быстро детство, годы учебы, и только потом мне посчастливилось познакомиться с автором – Кайсыном Кулиевым.

Уже несколько лет мы проводим вечера памяти, посвященные этому талантливому поэту, неординарному человеку, исключительной личности. Один из таких вечеров проводился в Московском Доме литераторов. Я пела его песни, и когда мне преподнесли цветы, я положила их к бюсту Кайсына Кулиева и этим вызвала бурное одобрение публики, среди которой были известные писатели, поэты нашей страны. Горечь утраты от потери великого соотечественника подсказывала мне, что он заслуживал гораздо больше цветов!

Мне вспоминаются наши многочисленные поездки, когда мы вместе посещали разные декады в Риге, Ростове-на-Дону, Виннице, Москве, Узбекистане, в Киеве и других городах, где представляли культуру и искусство нашего народа. Всегда и везде Кайсын был первым, ему мы были обязаны успехом. Он умел своеобразно поприветствовать собравшихся, сказать красивые, убедительные слова, отдать людям частицу тепла своей большой и нежной души, страсти, чувств. Для нас он был авторитетом, его знали всюду, и любая аудитория была ему близка и хорошо знакома: будь это интеллигенция или простые рабочие.

Меня поражало в нем и другое: поэт был всегда очень внимателен к людям, замечал их состояние души, настроение. Когда мы с ним встречались на улице, то его приветствие превращалось в некий церемониал. Он еще издали нараспев, своим особым голосом, чуть в нос произносил мое имя: «Наташа...», потом медленно подходил, как к богине, и целовал мою руку, причем мою руку он поднимал высоко к своим губам и как бы сам чуть-чуть приподнимался, нежно обнимал, немного прикасаясь, и всегда спрашивал о моей работе, моем самочувствии, планах на будущее, о поездках. Его интересовало все. Казалось, он жил моими заботами и тревогами – так он был ласков, чуток, благороден в эти минуты. Он даже здоровался не так, как все, кроме него, никто так не делал. Тогда мне было немного неловко от его внимания, излучающего тепло кайсыновской энергии, его зажигающего огня. И теперь, вспоминая все это в жизненной, бытовой суете, думаю: как мне не хватает этих неповторимых встреч!

И еще, что мне всегда нравилось в Кайсыне. Он всегда считал своим долгом похвалить меня после концерта, сказать приятные слова, отметить успех, заставляя поверить в то, что все было прекрасно! Это так необходимо каждому артисту, так нужно для стимула, поддержки нравственных сил души. Помню, когда Кайсын услышал впервые исполняемую мной «Весеннюю песню» композитора М. Жеттеева, он был в восторге. Это было в здании Кабардино-Балкарского драматического театра на каком-то торжестве. Я вышла на сцену, естественно, волнуясь. Смотрю, поэт сидит в первых рядах и внимательно смотрит на меня – слушает песню на свои стихи. Мне очень хотелось угодить ему, чтобы мое пение понравилось ему. На верхних нотах я заливалась вовсю, стараясь на него не смотреть. После концерта он спросил у меня: «А кто написал музыку к ней?» Я ответила. И как сейчас помню, он почему-то призадумался, покачал головой, мол, «да, да, понятно...», но особых комплиментов я не услышала от него. И уже в следующий раз, через несколько месяцев, он реагировал на мое пение одобрительной улыбкой и сказал, что песня хорошая и я замечательно исполняю ее. Всегда при случае просил ее спеть. Мне было приятно, что я доставляю ему удовольствие.

В беседах с нами, артистами, Кайсын любил говорить и рассуждать об искусстве, о его роли в жизни, о таланте, который надо развивать, беречь. Тогда, по молодости лет, мы не понимали всего сказанного поэтом, не придавали большого значения его мудрым советам. А как он был прав и умен, корректен и вежлив с нами, молодыми, наставляя нас на путь разума и добра.

Кайсын был разным, но всегда добрым и щедрым, умел расположить к себе. Помню, во время пребывания в Виннице мы с одной девушкой из ансамбля «Кабардинка» спустились в ресторан пообедать. За одним из столиков сидели Кайсын Кулиев и Амирхан Шомахов. Поприветствовав их, мы хотели скромно пройти, но поэт настойчиво приглашал нас: «Садитесь с нами. Может быть, когда-нибудь вспомните, что сидели и обедали с Кайсыном Кулиевым за одним столом. И нам приятно, что такие красивые горянки сидят с нами!» За столом он был настоящим галантным кавалером, ухаживал за нами, щедро заказывал понравившиеся нам блюда. В тот момент,

не скрою, его фраза мне показалась несколько высокопарной, но теперь-то я понимаю ее по-другому: она оказалась пророческой, и я горжусь, что принимала угощение из рук самого поэта, и какого поэта!

Последний раз я видела Кайсына в аэропорту Минеральных Вод в депутатском зале. Он сидел в кресле и читал, одна нога без обуви была вытянута на стуле. Он несколько раз извинялся за это, пытался встать. Я уже знала о его болезни... Тогда со свойственной ему чуткостью и пытливостью он расспрашивал меня, куда я еду. Я отвечала, что еду в Москву на концерты по приглашению руководства концертного зала «Россия». На мой вопрос о его здоровье, он ответил, что старые фронтовые раны дают о себе знать, что он едет в Тбилиси за очень дефицитным лекарством – вытяжкой из печени оленя. И объяснил, что никто другой не сможет так быстро приобрести это лекарство. Посадка на Тбилиси была вскоре объявлена, за ним пришла дежурная. Он встал, стараясь не показывать боли, пожелал мне успехов и с трудом, опираясь на палку, пошел к самолету.

Я осталась одна...

Петр Жабагович
ШЕВЛОКОВ
(1927–1998)

Петр Шевлоков родился в 1927 году в селении Ст. Черек, Урванского района. С ноября 1944 года по февраль 1945 года он был собкором газеты «Къэбэрдей пэж» по Урванскому району, а с 1945-го до августа 1950 года – литсекретарем, ответственным секретарем и заведующим отделом культуры этой газеты.

С 1950-го по 1955 год он учился в Литературном институте им. Горького в Москве. После окончания института, с августа 1955-го по май 1956 года был старшим редактором Кабардино-Балкарского книжного издательства. До 1957 года – редактор телевидения. С 1957-го работал в редакции журнала «Ошхамахо» – редактором отдела прозы, ответственным секретарем, с 1977-го по 1991 год – главный редактор журнала.

П. Шевлоков – член Союза писателей России и Союза журналистов России. Он – заслуженный работник культуры Российской Федерации, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, награжден несколькими медалями, Почетными грамотами КБР.

Шевлоков – автор многих литературно-критических статей, опубликованных в его книгах: «Писатель и жизнь», «Правда жизни» (на русском языке), «Мелодии жизни» и «Избранное», а также в различных журнально-газетных изданиях.

П. Шевлоков известен и как переводчик выдающихся произведений русских и зарубежных писателей, а также произведений писателей братских республик. Им переведены: «Судьба человека» М. Шолохова, «Жатва» Г. Николаевой, «Джамиля» и «Материнское поле» Ч. Айтматова, «Абрек» и «Месть табунщика» Т. Керашева, «Человек дважды не рождается» И. Машбаша, «Чегери» А. Абубакара и другие.

П. Шевлоков уделял большое внимание наследию писателей. Так, им собраны, изучены, систематизированы и за последние годы изданы книги по литературному наследию писателей С. Кушхова и М. Сокурова, написаны обстоятельные статьи, литературные портреты, посвященные жизни и творчеству ряда известных писателей КБР и России.

Я СЧАСТЛИВ, ЧТО ЗНАЛ ЕГО

Я счастлив тем, что в течение многих лет, будучи литературным сотрудником, а затем и главным редактором журнала «Ошхамахо» (наша редакция и правление Союза писателей Кабардино-Балкарии располагались в одном здании), имел возможность близко общаться с Кайсыном Кулиевым, быть рядом с ним, повседневно видеть его доброе лицо, слушать его простые, вместе с тем мудрые слова. Знаменитый наш поэт говорил с нами о самом сокровенном в жизни, о литературе, искусстве. Рядом с ним нам всегда было уютно и спокойно. Своим удивительно чутким, внимательным отношением и поддержкой он вселял в нас уверенность. Я навсегда сохранил в своей памяти все то незабываемое, что связано с именем Кайсына, образ которого как путеводная звезда освещал путь становления каждого из нас. Обо всем этом в одной статье не расскажешь, словами трудно передать глубину души, чистоту помыслов, душевную щедрость великого поэта. Поэтому я попытаюсь просто рассказать о конкретных фактах общения с Кайсыном, о его благотворном влиянии в становлении и развитии творчества многих молодых литераторов.

Впервые стихи Кайсына Кулиева я прочитал, еще будучи школьником. За это я благодарен моему отцу, образованному для своего времени человеку, который имел небольшую библиотеку избранных произведений, энциклопедических словарей и справочников. Кроме того, отец выписывал газеты, делал вырезки понравившихся ему материалов. Благодаря этому впервые в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» от 6 апреля 1940 года я прочитал два небольших стихотворения К. Кулиева. Одно из них я знал наизусть:

Ночью над равниной спящей Кабарды
Ветер поднимает снеговые тучи
И несет их в горы, будто белый дым,
На землю летящий от звезды падучей.

Тишина в горах. Живое все уснуло.
Даже спит орел в заснеженном гнезде.
Только мне не спится. Выйдя из аула,
Я бреду ущельем с мыслью о тебе.

Также я запомнил опубликованные в те годы в газете «Кавказская здравница» стихи Кулиева «Скачи, мой ослик» и «Песенку горной речушки».

Помню, много лет спустя, в начале шестидесятых годов, как Кайсын был обрадован, когда я вручил ему сохранившуюся в архиве отца статью литературоведа Л. Еруслимчик, посвященную творчеству Кулиева и опубликованную на страницах газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» 13 августа 1943 года. Во-первых, Кайсын был обрадован, потому что эта статья у него не сохранилась, во-вторых,– статья должна была стать предисловием к первому стихотворному сборнику поэта на русском языке, подготовленному к изданию в одном из московских издательств.

Ближе познакомиться с творчеством Кулиева мне удалось в годы учебы в Москве в Литературном институте им. Горького в 1950–1955 годах. В те годы, когда наши братья-балкарцы находились в изгнании, со мной учились несколько представителей среднеазиатских республик. Среди них моим однокурсником был киргиз Насредин Байтемиров, который уже в то время был автором нескольких книг. Супруга его училась в Высшей партийной школе. В общем, был зажиточным студентом. Так вот, однажды он мне задал неожиданный вопрос: «Раз ты кабардинец, наверное, слышал о балкарцах?» Получив утвердительный ответ, он продолжил: «У нас в Киргизии проживает очень образованный человек, большой поэт Кайсын Кулиев. Он перевел на русский язык мою книгу». И показал изданную в Москве, в издательстве «Современник», повесть «В одном совхозе» в переводе с киргизского языка Кайсына Кулиева. Книгу он мне дал, и я ее прочитал. Как мне показалось, повесть была добротно переведена, но как художественное произведение она большого впечатления не произвела. Несколько лет спустя, уже после окончания литинститута, я рассказал Кайсыну об этой истории. С грустью вспомнив то далекое печальное время, Кайсын сказал: «В те годы мы были лишены права писать на родном языке, поэтому, чтобы выжить, приходилось подрабатывать переводами произведений киргизских писателей. Это нас поддерживало. Киргизы к нам были добры, помогали, чем могли. Этого

нельзя забывать. Насредина я знал хорошо. Он был одним из тех, чьи произведения я переводил, хотя, конечно, нам не приходилось выбирать. Эти переводы были единственным источником существования».

С начала шестидесятых годов до конца своей жизни Кулиев был ответственным секретарем Союза писателей республики, а Кешоков – председателем правления Союза писателей. Навсегда врезалось в память содружество двух выдающихся представителей наших народов – Алима Кешокова и Кайсына Кулиева. Плоды этого содружества не только благотворно отразились на расцвете литературы двух братских народов, но и здорово помогли становлению целой плеяды талантливых молодых писателей, чьи произведения сегодня составляют сердцевину нашей национальной литературы, которая перешагнула рубежи Кабардино-Балкарии.

Для нас, сотрудников литературно-художественного журнала «Ошхамахо», незабываемыми были и шестидесятые, и семидесятые, и годы начала восьмидесятых. Мы имели счастье повседневно быть в творческой среде писателей старшего поколения во главе с Алимом Кешоковым и Кайсыном Кулиевым.

Несмотря на нашу молодость, неопытность, на то, что мы еще не были членами Союза писателей СССР, и Алим, и Кайсын относились к нам, как к равноправным членам писательской организации, постоянно приглашали на заседания правления Союза писателей КБАССР. Особенно был внимательным к нам незабвенный Кайсын. Без нарочитых назиданий он объяснял нам, где нужно чутко прислушаться к голосу старших, уметь извлечь верные уроки из творческих обсуждений.

Находиться в среде прекрасной плеяды умудренных жизненным опытом, прошедших суровую школу Отечественной войны писателей старшего поколения – было для нас высшей школой писательского мастерства. Мы испытывали гордость и счастье от того, что и Алим, и Кайсын находили время и возможности поддержать и вселить уверенность в нас. Знаменитые наши поэты, тихие собеседники, не каждому раскрывавшие свои души, говорили с нами о жизни, о литературе, делились своими глубокими знаниями, большим опытом. Чистота помыс-

лов, мягкость души, щедрость сердца Кайсына Шуваевича согревали нас. Рядом с удивительно простым и доступным великим учителем нам было уютно. Своим личным примером Кайсын неназойливо, непринужденно воспитывал молодых в духе высокой человеческой добропорядочности. Для него талант и высокая человеческая нравственность были неразрывными, мерилом оценки творческой личности. Кайсын ненавидел фальшь, не мог терпеть неискренних людей, которые при каждом удобном случае высокопарными, назидательными словами поучали других. Помнится, в то время были модными бесконечные шумные обсуждения, особенно на партсобраниях, так называемых очередных «мероприятий». Кайсын решил покончить с таким времяпрепровождением, обуздать некоторых любителей пустопорожных слово-прений. Однако укоренившуюся систему «активной деятельности», особым поборником которой был наш партсекретарь, не так-то легко было преодолеть. Надо было найти более радикальные меры, чтобы ликвидировать порочную систему многочасовых «заседаний», отнимавших у писателей уйму драгоценного времени. Для этого он решил прежде всего избавиться от чрезмерно «активного» партсекретаря. Все это мы поняли несколько позже, когда в канун отчетно-выборного партийного собрания Кайсын, заранее согласовав свое намерение с другими членами партийной организации, пригласил меня и сказал, что на отчетно-выборном собрании будет внесено предложение об избрании меня секретарем парторганизации. Это было настолько неожиданно для меня, молодого коммуниста, у которого даже партстаж не превышал двух лет, что я попросту испугался, тем более, быть партийным лидером в организации, где столько известных писателей во главе с Кешоковым и Кулиевым, явно было не для меня. Короче говоря, все мои доводы о полном несоответствии быть партсекретарем Кайсын отверг, и по его предложению меня избрали партсекретарем. На второй же день после собрания Кайсын четко разъяснил мне то главное, на что в первую очередь я должен буду обратить внимание. «Во-первых,– сказал Кайсын,– мы, писатели,– не производственная организация, чтобы каждый месяц проводить партсобрание. Для нас вполне до-

статочно одного толкового собрания в два месяца. Во-вторых, наши партийные собрания впредь, как правило, должны быть посвящены творческим вопросам. Для этого на каждом очередном собрании надо ставить творческие отчеты писателей-коммунистов. Нам формальные «галочки» не нужны. Если будут важные общественно-политические вопросы, будем обсуждать конкретно, по-деловому, без болтовни. Все это должно быть самым главным ориентиром в нашей партийной работе». Довольный сказанным, Кайсын улыбнулся и добавил: «Еще надо иметь в виду, что нас не так уж много, чтобы горком загружал наших писателей всякими поручениями, вроде быть агитаторами, информаторами, членами избиркомов и т. д. Все должны знать, что наше главное дело – это писать». Так завершил свое напутствие Кайсын. Следуя его советам, вскоре я отправился в горком КПСС и там, к моему большому удовлетворению, согласились с нашими предложениями, с тем, что писатели, будучи на самом деле пропагандистами «на колесах», постоянно общаясь с народом, своим словом выполняют большую общественную работу, и нас освободили от всех «нагрузок». Так благополучно мы были избавлены от «кампанейских» мероприятий. Все это я вспомнил в связи с тем, что по складу своей души Кайсыну была противопоказана всякая показуха и фальшивые формальности. А наши партийные собрания, как предвидел мудрый Кайсын, превратились в подлинно творческие, доверительные обсуждения вопросов, связанных с литературой, ее проблемами и конкретными делами.

Будучи всегда заботливым и внимательным к творческой молодежи, Кайсын Кулиев постоянно обращал внимание на воспитанность, интеллигентность молодых литераторов. «Духовное высокое качество,– говорил Кайсын,– должно проявляться постоянно и в работе, и в быту. Молодой писатель обязан следить за каждым своим словом. Если он хочет быть выразителем чаяний и дум народа, прежде всего он сам должен научиться красиво выступать, правильно, четко излагать свои мысли. Если тебе дали слово, прежде всего у тебя должно быть что́ сказать, а не повторять уже сказанное. У нас не должно быть места разглагольствованиям». Слова Кайсына не

пропадали даром, они находили благодатную почву. Никогда не забыть атмосферу уважительности и добропорядочности, подлинно творческой атмосферы, которая царила в те годы в коллективе писательской организации благодаря Кайсыну Кулиеву и Алиму Кешокову.

К глубокому сожалению, эти высоконравственные, добрые традиции после отъезда А. Кешокова в Москву и ухода из жизни К. Кулиева во многом были утрачены. Не в меру горячие головы с неудовлетворенными амбициями позже внесли разлад в сплоченный творческий коллектив, и единый Союз писателей Кабардино-Балкарии распался. Вред такого искусственного разделения с большим сожалением все мы испытали сполна, и со временем, убедившись, что такое размежевание не дало ничего хорошего ни в творческом, ни в духовном плане, писатели двух братских народов снова объединились в единый союз. Обо всем этом я вспомнил потому, что, будь с нами в то время Кайсын и Алим, такого разъединения не могло бы случиться.

Творческие благотворные традиции, заложенные Кешоковым и Кулиевым, никогда не угаснут. Если сегодня кабардинские и балкарские писатели занимают достойное место в многонациональной российской литературе, в этом несомненная заслуга Алима Кешокова и Кайсына Кулиева. Эта заслуга не только в том, что творчество двух выдающихся литераторов давно перешагнуло рубежи нашей страны, но и в том, что молодое племя, воспитанное Кайсыном и Алимом, настолько творчески возмужало, засверкало всеми гранями писательского мастерства, что они с честью оправдали надежды своих мудрых учителей и получили признание российского читателя.

Кайсын Кулиев, будучи великим сыном своего народа, всегда вместе с ним разделял его радости и горести. В том, что немногочисленный, но гордый, трудолюбивый, мужественный балкарский народ стал известен далеко за пределами нашей республики, есть заслуга и Кайсына Кулиева. Это он, Кайсын Кулиев, дал крепкие крылья для полета в чудесный мир высокой поэзии целому поколению молодых талантов, которое, как уже было сказано, достойно представляет нашу литературу на высоком

небосводе человеческой духовной культуры. Мы, долгие годы находившиеся рядом с Кайсыном Кулиевым в аппарате правления Союза писателей и его печатных органов, были свидетелями его постоянного и огромного внимания к творчеству, духовному воспитанию молодого поколения балкарской литературы.

Кайсын Кулиев, будучи также секретарем и Союза писателей России, много времени проводил в Москве, в творческих поездках по Союзу и за границей. И после этих длительных поездок, возвращаясь на родную землю, он испытывал огромную радость и с неуемным желанием и порывом отдавался делам и заботам родных земляков, был в эпицентре литературной жизни республики. Подающие надежды молодые авторы всегда чувствовали поддержку Кайсына: он правил рукописи, помогал в издании книг, а наиболее отличившихся рекомендовал в члены Союза писателей. Благодатную творческую школу Кулиева прошли многие ныне известные балкарские поэты и прозаики: Ахия Ахматов, Танзиля Зумакулова, Ибрагим Бабаев, Жагафар Токумаев, Исса Боташев, Эльдар Гуртуев, и многие другие. Всем им Кайсын дал творческую путевку в большую литературу. Нет такой отрасли в национальной культуре балкарского народа, где бы ни сказалось благотворное влияние Кайсына Кулиева. Счастлив народ, который дал миру такого великого человека.

Выдающийся поэт с щедрым сердцем и светлой душой, беззаветно любивший свой народ, не мог не любить и братский кабардинский народ. Вся его жизнь, литературно-творческая деятельность – яркое свидетельство того, как он всегда был щедр, ласков к представителям других национальностей, особенно к своим братьям – кабардинским литераторам. У всех нас навсегда сохранится в сердцах огромная благодарность за его неустанное внимание и доброту к молодому поколению кабардинской литературы. Для нас имя Кайсына свято и незабываемо. В течение многих лет, будучи сотрудниками журнала «Ошхамахо», мы постоянно чувствовали его доброе внимание. Это проявлялось в очень важных компонентах творческой жизни: в издании книг, особенно в переводе на русский язык, в столичных книжных издательствах, в

трудном вопросе вступления в члены Союза писателей СССР. Во всем сказывалось его доброе и деятельное участие.

После каждого приезда из командировок Кайсын в первые же дни непременно заходил в редакцию журнала «Ошхамахо» и интересовался нашими творческими делами и проблемами и никогда не оставался безучастным к ним. Разумеется, мы не злоупотребляли его вниманием, когда дело касалось личных просьб. Но Кайсын был настолько внимателен, что по тончайшим нюансам нашего настроения догадывался о тех вещах, о которых мы умалчивали. Примеров тому множество. Так, однажды Кайсын заинтересовался творческими делами сотрудника журнала поэта Мугаза Кештова и спросил его, что новенького он издает, переводят ли его стихи на русский язык. А это как раз совпало с тем временем, когда в одном из московских издательств Кештову было обещано издание его первого сборника стихов, однако дело надолго застопорилось. Откровенно об этом Мугаз не посмел рассказать. Но Кайсын своим удивительным чутьем почувствовал, слушая невнятный рассказ Мугаза, что с изданием его книги что-то неладно. И, узнав, что его рукопись более года лежит без движения в издательстве, сказал Мугазу: «Ровно через неделю я отбываю в Москву, к этому времени представь мне отпечатанную в двух экземплярах рукопись твоего будущего сборника, а об остальном я позабочусь». Действительно, вскоре после этого первый стихотворный сборник молодого поэта был издан в Москве. И это не единичный случай. Самое активное участие принял Кайсын Кулиев в издании сборников, книг в московских издательствах безвременно ушедших из жизни Петра Мисакова, Лиуана Губжокова и других. Такую творческую поддержку Кайсын оказывал многим одаренным молодым литераторам.

Еще один пример, свидетельствующий об участии Кайсына в творческой судьбе наших литераторов. Как известно, в период существования Советского Союза вступление в члены Союза писателей было сопряжено с большими трудностями. В то время наш местный Союз писателей был немногочисленным – не более 20–25 человек. Ежегодно в союз принимали не более одного-двух чело-

век. Каждый вступающий в союз должен был пройти строгую приемную комиссию СП СССР. Бывали случаи, когда наши литераторы не могли пройти через «сито» тайного голосования, и после этого наступало чувство горького разочарования. И в этом непростом вопросе заслуги Кайсына были неоценимы. Его высокий авторитет, его веское слово в поддержку вступающих в союз имели решающее значение. Это познали многие наши товарищи, в том числе и я. Например, я никогда не забуду тот день, когда летом 1977 года Кайсын зашел ко мне (в то время я работал главным редактором журнала «Ошхамахо») и серьезным тоном сказал: «Слушай, какой ты странный человек, почему ты до сих пор не состоишь в Союзе писателей?» Я не успел что-либо ответить, как он продолжил: «Я хорошо знаком с твоей книгой литературно-критических статей, я знаю, что ты автор нескольких переводных книг произведений весьма значительных писателей... Кроме того, ты постоянно трудишься над рукописями и молодых и маститых авторов... Почему ты о себе не заботишься, почему до сих пор молчишь?.. Или у вас так заведено, что главные редактора не вступают в союз?... Оказывается, и твой предшественник, Хамид Кармоков, прекрасный литератор и переводчик, тоже не член Союза писателей... Так не годится»,– возмущался Кайсын. «Я же не мальчишка,– пролепетал я,– просить, чтобы меня приняли в союз... мне никто ничего не говорил...» Не дав договорить, Кайсын коротко закруглился: «Я тебе больше ничего не скажу. Скоро я поеду в Москву, к этому времени подготовь все свои книги, подстрочники, переводы. Я сам их отвезу в Москву». Такое внимание нашего аксакала обрадовало меня, и через несколько дней я передал ему папку с моими «делами».

Вскоре после этого ко мне зашел писатель Ахия Ахматов и попросил, чтобы я собрал для него приветственные телеграммы, которые ожидались в связи с предстоящим его юбилеем. Прошло примерно три месяца после отъезда Кайсына в Москву, когда однажды, проверяя утреннюю почту – нет ли телеграмм для Ахматова, я вдруг, совершенно неожиданно для меня, обнаружил одну телеграмму на мое имя. Развернув ее, не веря своим глазам, прочитал: «Рады за тебя, поздравляем с принятием в

Союз писателей. Кешоков, Мустай Карим, Кугультинов, Кулиев». Такую заботу мог проявить только Кайсын. Это он привлек к вопросу моего вступления в союз выдающихся писателей, известных во всей стране. Обычно вопросы вступления в Союз писателей занимали не менее 8–10 месяцев, а то и более года, а мой вопрос был решен благодаря Кайсыну всего лишь за три месяца.

Кроме того, то, что под телеграммой стояло имя Кешокова, меня не удивило. Алим очень хорошо относился ко мне, многие известные его романы отредактированы были мною. Но с Мустаем Каримом и Давидом Кугультиновым у меня были всего лишь мимолетные встречи.

Я так подробно рассказал о незабываемых добрых делах Кулиева для того, чтобы показать, какое участие принимал он в творческой судьбе многих из нас. Несмотря на огромную загруженность, Кайсын всегда стремился помочь человеку, которого он считал добропорядочным и полезным для общества, для культуры родного края.

У Кайсына Кулиева было удивительное чутье на наиболее талантливых людей в самом начале их творческой деятельности. Ярким примером тому была дружба Кайсына Кулиева с адыгейским литератором Исхаком Машбашем, который впоследствии стал талантливым поэтом и прозаиком, известным далеко за пределами Северного Кавказа и России.

В начале шестидесятых годов, узнав, что с Исхаком Машбашем я учился вместе в Москве и мы являемся близкими друзьями, Кайсын очень тепло отозвался о нем, как об одном из лучших поэтов Северного Кавказа: «Исхак умный, талантливый поэт, надежный человек. Несмотря на то, что он гораздо моложе меня, я горжусь дружбой с ним». Я был безмерно рад такой высокой оценке моего друга самим Кайсыном. Об истории многолетней дружбы Кайсына Кулиева и Исхака Машбаша можно рассказать много, но я ограничусь наиболее запавшими в мою душу воспоминаниями.

Исхак Машбаш, как мне хорошо известно, всегда гордился тем, что Кайсын с уважением относится к нему и ценит его творчество. При жизни Кайсына и после его смерти адыгейский писатель своим учителем всегда счи-

тал и считает Кулиева. Однажды, когда я был в Майкопе, Исхак показал мне письмо Кайсына, где он великолепно, очень искренно отзывался о его стихах, напечатанных в сборнике «Висячий мост»: «...книга твоя красивая, очень хорошо издана,– писал Кайсын,– а главное – стихи достойны такого издания. Поэт – великое слово, он не нуждается ни в каких эпитетах. Ты сам хорошо знаешь, милый Исхак, что ты поэт, но я просто хочу с удовольствием повторить известное тебе: ты – поэт! А если нужны эпитеты, так вот они: большой, умный – сердцем поэт! И я, как старший, имею право сказать это. И поэтому говорю тебе: ты тоже в маленькой когорте выдающихся поэтов-горцев Кавказа...»

Как самую дорогую реликвию Исхак Машбаш хранит это письмо. В то время, когда оно было написано, у Исхака на небосводе была лишь небольшая звездочка. Позже заблистала большая звезда поэзии Исхака, он стал известным далеко за пределами России поэтом, лауреатом Государственных премий Российской Федерации и Советского Союза. Свои восторженные слова восхищения Кайсын посвятил Исхаку задолго до его признания во всей стране.

Еще один пример, свидетельствующий о душевной доброте и гражданском мужестве Кайсына. Это произошло, когда поэт заболел неизлечимой болезнью, в тяжкое для Кайсына время. Месяцами он находился на больничной койке Кремлевской больницы. Под воздействием тяжелейших процедур адские боли ослабевали на некоторое время, и Кайсын возвращался на родную землю. И вот однажды после такого приезда ко мне в редакцию зашел бледный, исхудалый Кайсын, который при любых обстоятельствах не терял самообладания, и в его глазах светились искорки доброты и задора. На этот раз Кайсын, поздоровавшись со мной, тихо произнес: «Вот уже второй день я дома, почему ты не сказал мне, что у Исхака послезавтра юбилей?» Я искренне ответил: «Кайсын, я не знал о вашем приезде, только сейчас вижу вас...» Кайсын с обидой в голосе продолжил: «Как же им не стыдно... Разве можно так поступать? Из Майкопа пришла телеграмма с извещением, что Исхаку исполнилось пятьдесят лет, приглашают на юбилей, а они хотят отде-

латься сухой телеграммой... Какой позор!» – возмущался Кайсын.

Никогда я не забуду его последние слова, произнесенные с болью, проникнутые чувством горечи и глубокой обиды: «Петя, посмотри на меня, разве я похож на человека, который сейчас будет разъезжать по увеселительным местам, тем более отправится в дальний путь? Сам видишь, какой у меня плохой вид... Неважные у меня дела... Но как бы то ни было, я этому прекрасному человеку, моему другу в свое время обещал, что обязательно буду рядом с ним на его юбилее, поддержу его. И я свое слово не нарушу, и пока я еще жив, могу передвигаться – поеду к нему».

Никогда не забыть этот мужественный поступок Кайсына во имя высокого человеческого долга и чести. Кайсын сдержал свое слово. Он прибыл в Майкоп и участвовал в юбилее своего младшего друга. Позже Исхак очень взволнованно рассказывал, что приезд Кулиева не только украсил его юбилей, но и поднял значимость юбилея. Узнав о поездке Кулиева в Майкоп, его примеру последовал и Давид Кугультинов. Руководитель Адыгеи, неожиданно узнав о том, что в юбилейных мероприятиях будут участвовать известные знаменитости, сообщило в Краснодарский крайком. Оттуда в столицу Адыгеи прибыл первый секретарь Краснодарского крайкома партии Медунов, один из приближенных и любимцев самого Леонида Ильича Брежнева. В связи с этим, по словам Исхака Машбаша, заранее намеченный Адыгейским руководством план проведения юбилея в определенных рамках (провести юбилей во Дворце культуры мебельщиков, не устраивать правительственного банкета и т. д.) был срочно изменен. На торжественном вечере в своей вдохновенной, яркой речи Кайсын, как с удовольствием рассказывал Исхак, впервые на таком уровне назвал юбиляра одним из выдающихся поэтов Советского Союза, высоко возвысив его имя. Его примеру последовал Медунов, сказав, что славный сын адыгейского народа Исхак Машбаш достойно представляет советскую Кубань во всем Союзе и за его пределами...

Вот такой мужественный поступок совершил страдающий страшной болезнью Кайсын Кулиев ради того, что-

бы в ответственный для судьбы поэта момент поддержать его, как настоящий друг и брат. О вышеупомянутой встрече с Кайсыном перед отъездом в Майкоп напоминает снимок. Тогда в последний раз вместе с ним мы сфотографировались перед зданием Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

Кайсын всегда ценил высокопорядочных представителей творческой интеллигенции, своим талантом беззаветно служивших родному народу, переживал за судьбу людей, которые были выразителями его дум и чаяний. В связи с этим я хочу вспомнить одного из самых талантливых поэтов Кабарды, храброго воина в годы Отечественной войны, награжденного многими боевыми орденами Бетала Куашева, которого смерть поторопилась рано вырвать из жизни. Потрясенный внезапной кончиной талантливейшего поэта, человека кристальной чистоты, Кайсын Кулиев одним из первых посвятил его памяти стихи, пронизанные глубокой болью и печалью:

Яблоню в майском цветенье
Чья-то срубила рука,
Звездною ночью весенней
Вдруг пересохла река.

Поток, украшавший горы,
За день как рукой сняло,
Колос упал, который
Снегом вдруг занесло.

Сокол домой не вернулся.
Теперь где его найти?
Конь молодой споткнулся
И рухнул на полпути.

Что же, скажи на милость,
Не обождал меня?
Что же твое закатилось
Солнце средь бела дня?

Нынче без песен Бетала
Пусто средь наших гор.
В саклях, где цел ты бывало,
Ждут тебя до сих пор.

Прочитав это стихотворение, опубликованное на страницах газеты, я поспешил высказать свои чувства по поводу потрясшего меня стиха его автору. Меня поразил ответ Кайсына на обращенный к нему вопрос о его встречах с Беталом:

– К большому сожалению,– сказал он,– с Беталом Куашевым я встречался всего лишь два раза. Но даже эти кратковременные две встречи произвели на меня неизгладимое впечатление, я был очарован его обаянием и глубокой эрудицией. В его интеллигентности и простоте, добром юморе и улыбке было что-то завораживающее. Это был удивительно прекрасный человек и талантливый поэт. Ах, как жаль, что мне не посчастливилось знать его раньше. И когда я узнал о его смерти, я был не только глубоко опечален, я долго не мог успокоиться, был потрясен тем, что он так рано ушел из жизни. Вот в таком состоянии я написал строки, которые вырвались из моего раненого сердца.

Мне не хотелось бы свои воспоминания завершить на этой печальной ноте. Такая мысль пришла в голову, когда я просматривал памятные снимки разных лет, где мы были сфотографированы с Кайсыном. На одном из них, отмеченном датой – 1975 год, Кайсын в отличном настроении, можно сказать, позирует перед фотообъективом. Я хорошо помню тот осенний солнечный день. Где-то к полудню Кайсын, пожаловавшись, что он проголодался, предложил пообедать на открытой площадке ресторана «Берег», где вкусно готовили любимое блюдо Кайсына – хинкали. Договорились быстро пообедать и вернуться, так как в этот день Кайсыну предстояла деловая встреча, да и я тоже был загружен неотложными редакционными делами. Обрадованные тем, что за хинкалями нет очереди, мы удобно расположились за одним из столиков. Хинкали действительно были приготовлены отлично. Кайсын с большим аппетитом ел, выражая чувство благодарности тем, кто так вкусно готовит это блюдо. В это время я обратил внимание на одного русоволосого паренька, который также обедал невдалеке от нас и приотально, не отрывая взгляда, смотрел на Кайсына. Я почувствовал, что у этого молодого человека живой интерес к Кайсыну. Не прошло и нескольких минут, как незна-

комый парень как-то несмело двинулся к нам и, подойдя к нашему столику, поздоровавшись, тихим, извиняющимся голосом произнес:

– Пожалуйста, извините меня, я приехал издалека, из Кемерово... Я вас узнал, Кайсын Шуваевич, хотя вижу вас впервые... У меня дома есть сборник ваших стихов с фотографией... Простите за такое вторжение... но я набрался смелости и подошел к вам, потому что у меня больше никогда не представится возможности вот так близко видеть вас... Пожалуйста, простите меня... – С этими словами сибирский паренек поставил на наш столик бутылку коньяка.

Кайсын ласково улыбнулся пареньку и сказал:

– Правильно сделали, что подошли... А вот этого не надо было делать, ведь вы же гость... – И, чтобы не смутить растерявшегося парня, с доброй улыбкой добавил: – Ну ничего, спасибо, молодец. А где вы остановились?

– Я приехал по путевке в санаторий «Эльбрус».

– Ну и как вас приняли, как устроились? Если надо, я приеду, помогу.

– Ну что вы, Кайсын Шуваевич,– оживился сибиряк,– я прекрасно устроен, мне здесь очень хорошо... Я очень люблю ваши стихи... Спасибо вам за внимание...

Чувствовалось, что Кайсын растроган, что такая мимолетная встреча с незнакомым парнем ему доставила удовлетворение, радость:

– Знаете, молодой человек, вот я вам дам свой служебный адрес, это совсем недалеко, не стесняйтесь, приходите ко мне, у меня недавно вышла большая книга стихов в отличном оформлении, я вам ее подарю с дарственной надписью...

На прощание Кайсын произнес тост за встречу, пожелал молодому гостю доброго здоровья, выпили по одной рюмочке и расстались.

Удивительно, поэт, обласканный вниманием и почетом во многих странах мира, был от души растроган никем не предусмотренной встречей с простым незнакомым рабочим парнем. Несмело, сбивчиво произнесенные, но идущие от чистого сердца слова и внимание доставили Кайсыну душевное удовлетворение. Кайсын свои чувства не скрывал. Он восхищался тем, что рабочий че-

ловек не хлебом единым жив, он чувствует и стремится ко всему прекрасному. Это радовало Кайсына. В таком прекрасном настроении мы дошли до главного входа городского парка. Увидев фотографа, Кайсын изъявил желание, чтобы мы вместе сфотографировались. Я думаю, что этот снимок в какой-то степени отразил то приподнятое, радостное настроение, душевное озарение, которое чувствовалось в тот солнечный осенний день во всем его облике, во взгляде, в глазах.

Таким я запомнил в тот день Кайсына, таким хотел бы сохранить его образ в моей памяти.

МОЛОВ (1940)

Владимир Лилович Молов родился в семье колхозника в селении Герменчик, Урванского района. В семье было семеро детей: четыре сестры и три брата. После окончания восьмого класса сельской средней школы в 1956 году он поступил в Нальчикское музыкальное училище по классу хорового дирижирования. Окончив его успешно, в 1960 году продолжил учебу в Саратовской государственной консерватории по классу композиции. По окончании ее в 1965 году как композитор-теоретик был направлен преподавателем теоретических дисциплин в Нальчикское музыкальное училище. С 1966-го по 1970 год работал художественным руководителем Кабардино-Балкарской государственной филармонии, а с 1970-го – аспирант Тбилисской государственной консерватории по классу профессора А. М. Беданчивадзе, народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда. За достигнутые успехи в области композиции по созданию первой национальной оперы «Даханаго», музыки к телевизионному фильму «Рядом с вершинами», песен на стихи кабардинских и балкарских поэтов, получивших популярность, Владимир Молов в 1970 году был принят в члены Союза композиторов СССР. После окончания аспирантуры в 1972 году, где композитором созданы такие крупные музыкальные произведения, как балет «Легенда гор» по нартскому эпосу и оперетта «Обманутые женихи», он вновь был назначен художественным руководителем Кабардино-Балкарской государственной филармонии.

В 1976 году Молов – первый заместитель министра культуры КБАССР. В этой должности он работал до 1992 года. Будучи заместителем министра, отдал много сил и энергии становлению и развитию профессиональной музыкальной культуры, эстетическому и нравственному воспитанию детей и подростков. Заметен вклад по возрождению народно-прикладного искусства, национальной хореографии, а также таких старинных музыкальных инструментов, как шикапшина, шушу и другие.

Большое место в деятельно-

сти заместителя министра занимает проблема по укреплению материально-технической базы, оснащению объектов культуры и искусства, по строительству новых Дворцов и Домов культуры.

Все эти годы В. Л. Молов, как композитор и как заместитель министра культуры, стремится шире и глубже пропагандировать достижения культуры и искусства Кабардино-Балкарии не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами. Так, он, возглавляя художественные коллективы Кабардино-Балкарии, а также творческие делегации СССР, побывал в Латинской Америке, Скандинавских странах, ГДР, Голландии, Сирии, Иордании.

Владимир Лилович Молов является одним из создателей фольклорно-этнографического ансамбля «Балкария». В 1992-м и 1993 годах в рамках программы культурного сотрудничества с зарубежными странами Владимиром Лиловичем Моловым было осуществлено участие ансамблей «Бжамий» и детского ансамбля «Зори Кавказа» во Всемирном фестивале фольклорных ансамблей во Франции. Это выступление продемонстрировало всему миру сплоченность интернациональных коллективов нашей республики, самобытность и высокое мастерство ансамблей.

В. Л. Молов – автор первой в истории адыгского народа национальной оперы «Даханаго», премьера которой состоялась в концертном исполнении под управлением самого автора в Большом зале Саратовской консерватории им. Л. Собинова еще в 1965 году в исполнении студентов кабардинской студии: Х. И. Дабагова, С. Б. Богатыжевой, Н. К. Гасташевой, Р. М. Хашукоевой, студенческого хора и оркестра, а также солистов Саратовского театра оперы и балета им. Чернышевского З. Мельника, З. Гаджибековой и других. Им созданы также первая национальная оперетта на либретто А. Шортанова «Обманутые женихи», первый балет на либретто также Шортанова «Легенда гор», концерты: для фортепьяно, скрипки, кларнета, трубы, флейты с симфоническим оркестром, прозвучавшие в лучших залах страны, начиная от Колонного зала Дома Союзов и кончая Большим залом Московской консерватории.

Владимир Молов – автор многочисленных популярных песен: «Песня, подаренная девушкам», «Мир вам, живущие», романс «Небо родимого края», «Пусть никогда не умирают дети», «Песня о матери» на стихи К. Кулиева; «Праздничный Нальчик», «Есть танец старинный в Хамидии», «Я, утро встречая, о мире пою» на стихи М. Геттуева; «Мое солнце», «Зажги, любовь, еще одну звезду», «Конь мой летит» и оратория «Дерево счастья» на стихи А. Кешокова; оратории-балета «Нам, ветеранам, снятся сны» на стихи советских и кабардино-балкарских поэтов; автор второй оперы – «Камбот и Ляца», детской оперы «Люська – дочь

Льва» на либретто Антокольского, второй оперетты – «Заклинание» по либретто Б. Утижева, симфонической поэмы «В родном краю», многочисленных симфонических и фортепьянных миниатюр, музыки к более чем 12 драматическим спектаклям, к телевизионному фильму «Рядом с вершинами» и большого количества песен и романсов; двух квартетов – для струнного и ансамбля деревянно-духовых инструментов, более 50 детских песен.

За заслуги в области музыкального искусства в 1972 году ему присвоено высокое звание «Заслуженный деятель искусств КБР», в 1977 году он стал лауреатом государственной премии КБР в области литературы и искусства, в 1996 году ему присвоено звание «Заслуженный деятель искусств России».

Яркой страницей в творчестве композитора является сотрудничество с такими выдающимися поэтами, как А. Кешоков, Б. Куашев, К. Кулиев, Б. Гуртуев, Т. Зумакулова, Р. Балкарова и более молодые – Л. Губжоков, А. Созаев, Б. Утижев, А. Бицуев и многие другие.

«В музыке В. Л. Молова,– писал еще в 1966 году журнал «Советская музыка»,– отражается богатство народного фольклора – нартского эпоса. Бережно относясь к фольклору, он строго следит за тем, чтобы современные средства музыкальной выразительности не исказили его природной красоты и смысла». Утонченность гармонии и прозрачность мелодического рисунка создают светлый и радостный мир его музыки. Живописна богатая звуковая палитра, в которой порой сквозит легкий лукавый юмор и тонкий лиризм, героическое начало и сказочно-фантастический мир делают его произведения любимыми и популярными.

В. Л. Молов с 1993 года – директор Кабардино-Балкарского училища культуры и искусств. Он неустанно проводит большую работу по воспитанию и подготовке молодых специалистов – музыкантов, танцоров, хормейстеров, гармонистов, артистов, художников – по одиннадцати специальностям.

В настоящее время, с 1995 года, работает над созданием цикла хоров на стихи кабардино-балкарских поэтов, завершает работу по созданию концерта для адыгской гармошки и рапсодии для фортепьяно на ингушские темы с симфоническим оркестром.

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОМ ДРУГЕ

Человеческая память – это удивительное явление, которое сохраняет в нас то ценное и дорогое, что впитали мы за все годы жизни – а она так быстротечна! – от своих родных, особенно от отца и матери, от старших братьев и сестер.

Я благодарен судьбе за то, что она дала мне такую замечательную семью, где было кому сказать доброе слово, кому научить, а когда требовалось,– проявить и жесткость.

Чем дальше углубляешься в воспоминания, тем сложнее сквозь годы оценить значимость того или иного события. Каждое событие разных лет казалось мне важным, значительным, так как оставило заметный след и повлияло на мою судьбу. К примеру, стихи и рассказы я начал писать с 3–4-го класса, музыку – в 8 лет. Это были мои первые шаги творчества. С гордостью вспоминаю, что именно это сочинительство познакомило меня с выдающимися представителями нашей культуры, в частности с Беталом Куашевым, Аскерби Шортановым, Адамом Шогенцуковым, которые уже в те времена имели свое высокое слово в литературе; и они же поведали мне о высокой балкарской поэзии в лице К. Ш. Кулиева. Его творчество дало мне ощущение очарования родными местами, от него веяло материнским свежим лакумом, добротой и нежностью.

Музыка в мою жизнь вошла вместе с поэзией кабардино-балкарских поэтов. С Кайсыном Кулиевым я познакомился, будучи еще совсем юным музыкантом, студентом музыкального училища. Более 40 лет назад К. Кулиевым было написано стихотворение, которое стало одной из первых моих песен. Душа и сердце моей матери, как в зеркале, отразились в этом стихотворении. Это о ней К. Кулиев писал, думаю я:

О руки матери земной,
Вы под любой звездой и небом
Цветами пахнете весной,
Зимою снегом, летом хлебом.

Будь свята материнская рука,
В которой скрыта неизменно
Боль долгая во все века,
И радость, что всегда мгновенна...

Я с благодарностью вспоминаю эти строки, которые так точно говорят о судьбе моей матери, к тому времени уже познавшей горе – утрату старшего сына, столкнувшейся с тяжелыми буднями сельской жизни. Она уже не

могла прикасаться к клавишам кабардинской гармошки, на которой блестяще играла национальные мелодии; но все, что умела сама, передала нам, своим детям,– и любовь к музыке, и любовь к фольклору и национальной поэзии. А видя плоды своего труда, слушая, как дочери медленно выводят знакомые ей мелодии, как вкладывают в игру душу, мать плакала. И это были слезы гордости и радости за своих дочерей, слезы печали и горечи по своей нелегкой судьбе.

В моей человеческой судьбе как начинающего композитора в этом стремительном и неумолимом разбеге времени, сметающем все на своем пути, немаловажную роль сыграли многие личности, величины в литературе, музыке, в политической жизни. Высшее проявление человеческого духа я почувствовал в общении с этим гигантом, с бунтарем, философом и балагуром, как называли везде Кайсына Кулиева. Общаясь с ним, вникая глубже в его мысли, я, невольно начиная играть, задевал те чуткие струны, которые извлекали чарующие звуки музыки, рожденные его вдохновенными словами о радостях и печалях жизни, о насущном хлебе, коре чинара, прижимаясь к которой можно обрести покой и утешение земли родной. Так родилась вторая песня на стихи Кулиева. Песня впервые прозвучала на одной из встреч с отдыхающими в санатории им. Кирова. В то время такие встречи часто организовывались с участием поэтов, певцов, композиторов.

Я еще делал первые шаги в пропаганде своих песен, когда Кайсын Шуваевич, услышав мою песню на свои стихи – «Песня, подаренная девушкам», заинтересовался мной. И, несмотря на разницу в возрасте, у нас сложились добрые, дружеские отношения, которые впоследствии упрочились, стали более тесными. К. Кулиев стал для меня старшим братом, другом, отцом.

Он обладал умением разглядеть в молодом человеке, стоящем еще в самом начале творческого пути, задатки большого мастера, будь то поэт, композитор, писатель или кто-либо еще.

У нас было всегда интересное общение: Кайсын Шуваевич был удивительным рассказчиком, умеющим заставить слушать как большую аудиторию, так и единственного своего слушателя. Видя в собеседнике какие-

то яркие проявления таланта, Кайсын Кулиев помогал проявиться им еще ярче, сильнее. Опираясь на индивидуальные качества человека, он добивался, чтобы каждая грань одаренности сверкала особым светом.

У судеб, как и у звезд, есть величины, которые оберегали своих детей, друзей от напастей, от неудач, от нежданных бед. И вот в общении с этим великим человеком я почувствовал его желание оберегать всех нас, молодых. Поэтому я по сегодняшний день берегу его имя как амулет.

Я хочу сказать в знак благодарности за его заботу обо мне, как говорят кабардинцы: «Угъурлы!»

Когда слушаешь Кайсына Кулиева, лишь удивляешься его неиссякаемой творческой энергии, эмоциональной свежести и яркости его поэтических и человеческих высказываний. Не покидает чувство, что ты присутствуешь не просто на поэтическом вечере, где выступает замечательный поэт, а на человеческой исповеди! И всегда хотелось сказать: «Астофрилахь» (О Господи!).

В чем же секрет популярности и задушевности его стихов? Я, как один из его поклонников, чувствующий его поэтические строки в музыкальных звуках до, ре, ми, фа, соль и т. д., отвечу: дело в простоте и сокровенности его слов, идущих от души и сердца. Человек, прошедший через страдания, видевший трагедии войны и геноцида, ничего из увиденного и пережитого не утаивает, а, наоборот, рассказывает обо всем людям.

Я вам не говорил, что жизнь легка,
Но жизнь любил и славил жизнь всегда,
Что жизнь прекрасна, хоть порой горька,
Я говорил и ныне повторяю.

Эти слова стали очередным сочинением моего музыкального воплощения. Поэзия для К. Кулиева – главный и единственный неповторимый эталон жизни с ощущением своей причастности к делам и заботам каждого его соплеменника, каждого его собрата по перу.

Память хранит совместное участие в больших музыкальных и литературных так называемых «Декабрьских» вечерах, в проведении Дней литературы и искусства

Кабардино-Балкарии в Москве, Виннице, в других городах и республиках нашей страны.

Кайсын Шуваевич всегда был в гуще происходящих событий.

Однажды, когда в Москве проходили Дни культуры Кабардино-Балкарии, посвященные 50-летию образования нашей республики, поздно ночью мне в гостиницу позвонил К. Кулиев. В те годы я был заместителем министра культуры КБР и отвечал за организационные вопросы. Кайсын Шуваевич долго извинялся за поздний звонок, а потом попросил спуститься к администратору.

Просьба звучала как приглашение, которое я конечно же сразу принял. В очередной раз я был поражен удивительной простоте этого человека, сочетающейся с высоким уровнем культуры и интеллигентности. Он не кичился мировой известностью, званиями и постами, которые имел. Он был просто человеком, и не более. В связи с этим я вспомнил случай, когда два великих маэстро приносили друг другу свои извинения. Это были великие русские композиторы П. И. Чайковский и С. В. Рахманинов. Чайковский просил извинения за то, что назначил премьеру своей оперы «Иоланта» в тот же день и в тот же час, когда должна была состояться премьера новой оперы Рахманинова «Алеко». Я же был всего лишь простым администратором делегации.

Спустившись вниз, я увидел, что в администраторской московской гостиницы стоят Кайсын Шуваевич и молодой поэт из Нальчика, который не был включен в делегацию и по своей инициативе приехал в Москву. Его не пускали в гостиницу, и ему ничего не оставалось делать, как сказать, что он приехал к Кайсыну Кулиеву. Администратор подняла среди ночи нашего друга. Кайсын, извиняясь передо мной, сказал: «Володя, давай поможем нашему юному другу, он же хотел доброе дело сделать для нашей республики, не будем сердиться на него». Вот такой он был добрый человек, вот почему его так любили.

Не встречаясь с Кайсыном никогда, не зная его личностных качеств, трудно объяснить, как происходит узнавание. Скорее всего, это происходит моментально, при прочтении его стихов. Для меня не было более высо-

кой миссии, чем выезжать с ним куда-нибудь, участвовать в творческих встречах.

Поэзия Кайсына Шуваевича вводит в круг новых тем, питает живительными соками свежих образов, неповторимых музыкальных красок, которые рождались после чтения его очередного стиха.

Кайсын Кулиев очень любил читать стихи Гарсиа Лорки. Он их читал в дороге, в автобусе, в поезде, в другое время, превращаясь в Буревестника, зовущего на подвиг и на славу. Его голос звучал в неповторимом тембре, которым он покорял и гипнотизировал. Быть равнодушным, безразличным к его дару речи было невозможно.

На одной из таких встреч перед школьниками в детском интернате Кайсын прочел с большим пафосом свое бессмертное стихотворение «Пусть никогда не умирают дети!». В этот день он как-то особенно одухотворенно, возвышенно читал свои стихи. Я два-три месяца ходил под впечатлением этих завораживающих строк гимна о детях и невольно перебирал в памяти его строки:

Люблю эту землю, где живу и где истлею.
Я не сильней люблю, сильней жалею.

В свое время Борис Пастернак писал сосланному К. Кулиеву: «Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливыми в любом положении, даже в горе». В тот день, читая свои стихи, Кайсын превращался в глашатая, в рыцаря. Дети слушали завороженно.

Все повидавший на пути своем,
Изведавший все горести на свете,
Из благ земных молю я об одном –
Пусть никогда не умирают дети.

Несколько раз повторив «Молю я об одном»!

Я мир воспринимаю без прекрас,
И жизнь не в розовом я вижу свете,
И все-таки кричу в сто первый раз:
«Пусть никогда не умирают дети!»

Он любил, жалел людей и всегда был активно добр к миру и к людям.

Написав очередную песню или романс, я приходил к нему. И вот, когда я пришел к нему с песней на слова «Пусть никогда не умирают дети!», Кайсын Шуваевич был очень растроган.

Что интересно, в этот период у меня был выбор – несколько стихов разных поэтов: большого друга и соратника Кайсына Р. Гамзатова «Берегите матерей», Т. Зумакуловой «Мое богатство – это мать моя» и «Без вас для песен не найду я слов» А. Кешокова. Первой я написал музыку к стихотворению «Пусть никогда не умирают дети!». Отрадно отметить, что все эти песни получились, и притом удачные.

Вершиной нашего творческого сотрудничества явилось создание романса на его замечательные стихи «Небо родимого края». Сочиняя этот романс, я шлифовал его с точки зрения мелодии, гармонии, фактуры, аккомпанемента и, закончив, с трепетом ждал оценки Кайсына Шуваевича. Этот долгожданный час настал. Нас пригласили в санаторий «Эльбрус», где традиционно проходили встречи отдыхающих с поэтами и композиторами. И вот на сцену вышла наша известная певица, народная артистка России Наталья Гасташева, и ведущая объявила, что сегодня молодой композитор В. Молов предлагает премьеру нового романса на стихи уважаемого Кайсына Кулиева «Небо родимого края». Вы знаете, трудно передать те чувства и то волнение, которые я испытал в этот миг. После заключительного аккорда под гром аплодисментов Кайсын берет меня за руку и выводит на сцену к нашим исполнителям.

В эти волнующие минуты я еще раз убедился в том, что Кайсын Шуваевич Кулиев был личностью неординарной, что он был человеком цельным, не утратившим редкую в наши дни душевную щедрость, горячую, неподдельную привязанность к молодым, каким я предстал перед данной аудиторией. Зал гудел, и я осознавал, что это все в адрес незабвенного теперь Кайсына Кулиева.

Он, как настоящий горец, поцеловал руку моим исполнительницам – певице Наталье Гасташевой и Елене Борсоковой, потом могучей рукой успокоил зал и сказал: «Дорогой Володя (он всегда говорил мне «дорогой»), ты сегодня мое имя обессмертил своей замечательной музыкой, как в свое время великий Бетховен обессмертил

великого Шиллера, написав на его оду «К радости» свою 9-ю симфонию».

Конечно, мне трудно забыть тот вечер, ту творческую атмосферу, которая создавалась благодаря его замечательным стихам, его обаянию. Я был окрылен этой похвалой, хотя и знал, что она преувеличена. Но прав Кайсын Шуваевич: музыкальные произведения, созданные на его стихи,– самые удачные во всех отношениях в моем творчестве.

Кайсын писал, что

У человека должен быть свой дом,
Свой отчий двор, свой мир в краю родном,
Жить человек не может по-другому.
Пусть человек всегда живет в тепле.
В конце концов, любовь ко всей земле
Берет исток в любви к родному дому.

Его стихи – это мой дом, это бурлящие потоки наших горных рек, ручейки которых оживляют наши сады, землю, чтобы налились полнозерные колосья на наших полях. Я, листая страницы сборников стихотворений Кайсына Кулиева, создавал последнее свое музыкальное произведение на такие слова:

Мир и радость вам, живущие,
Чьим трудом земля живет,
Людям всем, без чьих забот
В мире тьма была бы тьмущая,
Мир и радость вам, живущие!

ПУСТЬ ГОРИТ ФАКЕЛ, ЗАЖЖЕННЫЙ ЕГО СЛОВОМ

В книжном издательстве «Эльбрус» вышла книга под редакцией академика международных Тюркской и Адыгской академий, доктора философских наук, профессора С. И. Эфендиева «Материалы научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения поэта К. Ш. Кулиева».

Прикоснувшись однажды к стихам, статьям и повестям К. Кулиева – «могиканина, бунтаря», уже не смо-

жешь заблудиться, оступиться, в душе каждого читателя будет гореть факел, зажженный его словами, его сердцем. Нельзя не согласиться с С. Эфендиевым, который обобщил материалы, превратив их в путеводитель для всех заинтересованных в этой теме людей. Добавлю, что в Салихе Ибрагимовиче прекрасно синтезировались мудрость адыгского народа и проницательность балкарцев. Это и дает ему возможность приковывать особое внимание каждого к творчеству великого земляка.

Книга открывается докладом С. Эфендиева, в котором он заостряет внимание на том, что современный читатель недостаточно знает поэзию К. Кулиева. Как говорят музыканты, ученый настраивает струну на ноту ля, как бы высекая огонь из душевных слов Кайсына Кулиева по-бетховенски.

Мне, как одному из младших друзей поэта, с которым он поддерживал творческую связь, известно, что выступая в больших аудиториях, художник слова мудро призывал учиться мастерству у Баха, играя Шопена и слушая Бетховена. Он своими стихами обожествлял героев легенд и мифов Древней Греции.

Новую книгу, на мой взгляд, можно предложить всем студентам гуманитарных вузов и любителям поэзии. Она может послужить эликсиром духовности и моральной чистоты для любого образованного человека. Разве не об этом слова Кайсына Шуваевича:

Соединилась боль моя, Омар Хайям, с твоей,
Через века твоя река с моей слилась рекой.
И для меня свята земля и все, что есть на ней:
Вино и хлеб, и плеск воды, и гомон городской.

С. И. Эфендиев прослеживает творческий и жизненный пути поэта. Перед нашим взором встают все его жизненные коллизии, перенесенные вместе со своим народом. К. Кулиев не изолировался от происходящего. Пропуская судьбу народа, его боль через собственное сердце, он становился сопричастным судьбе каждого отдельного человека. Поэзия его проникнута гуманизмом, состраданием, возвеличиванием трудового, воинского подвига. Восприятие окружающих событий через собственную боль выделяет его поэзию, делая поэта народным глашатаем.

Листая страницы книги, видишь, что Кайсын показан как политический деятель мирового масштаба и как знаток фольклора народов не только Кавказа, но и мира; как философ с широким пафосом, с аналитическим взглядом на жизнь, как драматург сложнейшего театра жизни. Он – философ от природы, с осмыслением явлений с точки зрения вечных проблем человеческого бытия.

К. Кулиев в своем творчестве старался найти какую-то объединяющую формулу, опираясь на примеры не только жизни. Смело мог говорить о живописи Рембранта и Гойи, высоко ценил великих композиторов Берлиоза, Листа, Вагнера, которые предлагали «шекспировать» музыку, приблизить музыкальный язык к грандиозности, выпуклой реалистичности шекспировских образов:

За все мои грехи и заблужденья,
Земля моя, не знал я до сих пор
Страшнее кары, чем твое презренье,
Страшнее, чем безмолвный твой укор.

В обобщенных С. И. Эфендиевым материалах поэт предстает перед нами национальным защитником. Он был человеком, верящим в правду жизни, в правду своего народа. Его доброта всегда находила отклик в душах людей.

Сейчас, когда такая сложная обстановка на Кавказе, в еще большей мере ощущаешь утрату человека-миротворца, человека-дипломата, великого поэта, борца за мир в межнациональных общениях.

Большое внимание в книге уделено фразеологическому и метафорическому мировидению поэзии К. Кулиева как одному из важнейших компонентов, как формообразующей в языковом мышлении, в понимании эмоциональной действительности, реальной и духовной жизни.

Трагедийность жизни Кулиева я воочию увидел, оказавшись у его постели за месяц до кончины поэта. Почему-то я вспомнил меткое выражение Ч. Айтматова, что Кайсын видел жизнь и воспринимал мир глазами ребенка и мудреца. Скованный тяжелой болезнью, он смотрел на нас, как великий жизнелюб и большой мудрец, но по-

чему-то с детским выражением. Любя свой Чегем, как старейшую молитву всю жизнь повторял:

Я вновь пришел к тебе, Чегем,
Где солнце увидал впервые,–
И счастлив буду в жизни тем
В ее минуты роковые.
Пришел тебя благодарить...

Любовь к Чегему, к его горам и просторам является лейтмотивом всей его жизни, это проходит через все его творчество. Последнюю книгу он завершает словами:

Чегем, ты был мне первой песней,
Последней тоже будешь ты.

Это звучит как пророчество поэта. По-моему, межвузовская практическая конференция и ее материалы являются весомым вкладом в литературоведческую науку.

Мухамед Мухажидович КАРМОКОВ (1929)

Мухамед Кармоков – известный прозаик. Читатель знает его по интересным романам – «А тополя все цветут», «Азамат», захватывающим сборникам рассказов – «Во имя любви», «Мужские слезы», «Бурный Баксан», «Следы времени», по документальным источникам – «Атажукинские предания» и многим другим произведениям, опубликованным на русском и кабардинском языках в различных издательствах Москвы и Нальчика.

Родился М. М. Кармоков в селе Заюково, Баксанского (тогда Эльбрусского) района, КБАССР. Здесь он окончил 9 классов. Последний год учился в интернате в Нальчике, который и закончил в 1947 году. После этого он поступил учиться в пединститут на отделение кабардинского языка и литературы. В числе лучших выпускников был рекомендован на работу в редакцию республиканской газеты «Кабардинская правда». Начиная с 1951 года Мухамед Кармоков почти бессменно трудился то в редакции республиканских газет, то редактором в радиокомитете вплоть до выхода на заслуженный отдых.

По долгу службы он не раз встречался с Кайсыном Кулиевым. С первой встречи поэт произвел на него неизгладимое впечатление. Это было в 1957 году, в дни празднования 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России. Кайсын после возвращения из Средней Азии тоже был в числе приглашенных на это торжество, выступал, встречался с друзьями и знакомыми, пожимал им руки, шутил, смеялся, обнимал дорогих ему людей. Несколько дней Кармоков был вместе с Кулиевым, когда они находились в Латвийской ССР как участники Дней литературы и искусства Кабардино-Балкарии в Латвии. С ними были тогда Алим Кешоков, Адам Шогенцуков, Максим Геттуев и другие писатели Кабардино-Балкарии. Тогда Мухамед Кармоков еще раз убедился в силе кайсыновского слова, увидев в руках латышей книгу Кулиева «Раненая скала», которая вышла в издательстве «Лиесма» на латышском языке, с предисловием Я. Сирмбар-

диса. Оказалось, что это одна из любимых книг рыбаков. Она помогала труженикам моря в их суровой работе вдали от родных берегов.

В ВЫСОКОМ ПОЛЕТЕ

Человек, горы, бурные реки, лес, чистый воздух, теплый хлеб, белый снег, цветы, мозолистые руки труженика... Много их, этих «предметов любви» у Кайсына Кулиева. Вместе они и составляют жизнь.

Когда читаешь стихи Кулиева, ты тоже разговариваешь с людьми, стоишь над горной кручей, любуешься горным потоком, бродишь в лесу, по лугам, вдыхая стойкий и нежный аромат цветов, ощущаешь ласковое тепло хлебных зерен, слышишь ровный звон кос, жмешь рабочую руку...

Стихи поэта – его совесть, его боль, его радость и надежды. Стихи Кайсына – это он сам, с молоком матери впитавший в себя честность и отвагу, мечту и труд, слезы и песни балкарского и братского ему кабардинского народов.

Говорят, что поэт живет дважды: до и после смерти. У Кайсына Кулиева счастливая судьба. Он уже живет в сердцах своих современников и потомков. Потому что его книги – это волнующие картины родной земли, взлеты и падения его современников.

Человек всегда ищет свое счастье. У Кайсына на этот счет есть интересная мысль, высказанная в одном из стихотворений. Высоко в горах жил седоглавый старик-каменотес. Он складывал каменные стены, строил дома. Что может быть лучше, когда ты видишь, что люди счастливы в построенном тобою жилище. Но старый мастер никогда не оставался довольным своей работой, всегда искал совершенства. Так относился Кайсын Кулиев к литературному творчеству.

Поэт находился в постоянном поиске не сказанных, не написанных, не найденных никем слов. Он находил их в кругу друзей, за рабочим столом, в пути при встрече с косарями и чабанами и тогда, когда слушал музыку и детский смех. Оттого слова его быстро находили путь к человеческим сердцам.

Горы... Родные горы – опора поэтического творчества

Кайсына. Они присутствуют в его стихах даже тогда, когда он их не называет. Горы – это высота, оттуда больше и дальше видишь. Но не только поэтому Кулиев воспевает горы. А еще потому, что они – колыбель поэта.

Судьба не избаловала К. Кулиева. Он рано лишился отца. На плечи его легли мужские заботы о семье, но юный горец не согнулся. Вперемежку с домашними делами ходил в аульскую школу. Здесь он слышал имена Пушкина и Лермонтова, Блока и Маяковского. В душе горячего и впечатлительного юноши пробуждается страстное желание песенным слогом высказаться об этом удивительном новом времени, приобщиться к бушующему пламени великих перемен. Он еще не мог видеть тот рубеж, за которым начнется его поэтическая жизнь. Не видел он его, наверное, и тогда, когда стал студентом Театрального института им. Луначарского. Но доброе семя, брошенное в почву, рано или поздно дает добрый всход. А если эта почва благодатна, то и вовсе богатый уродится урожай.

На молодого горца обратили внимание московские поэты, в частности Николай Тихонов. Его стихи подкупали своей непосредственностью, оригинальностью мысли. Благодаря Н. Тихонову впервые стихи Кулиева зазвучали на русском языке.

Но тут грянула война. Родина оказалась в опасности, и Кайсын ушел на фронт. У него в бою было два оружия – винтовка и перо, разившие с одинаковой точностью. Алим Кешоков, фронтовой друг Кайсына и собрат по перу, рассказывал, как Кайсын однажды в окопах среди солдат до того «зачитался» (бойцы просили «еще, еще»), что опоздал «домой», а редактор простил ему эту «слабость», сказав по-отцовски: «Спасибо, Кайсын, но в следующий раз и меня пожалей». Когда Кайсын передал редактору письмо генерала с передовой, выяснилась и причина задержки корреспондента. А в письме генерал просил, чтобы к Кулиеву не применили мер наказания, так как «он поднимал боевой дух бойцов: читал стихи, зовущие в атаку»...

Да, была война, была долгая разлука с родными местами. Но поэт не уронил пера. Он не забыл краски любимого Кавказа, прелести цветущих рододендронов, и

шума водопадов, и рождающихся в Чегеме потоков. И ждал встречи со своей родиной.

У Кайсына всегда было много друзей. Друг для него и опора в тяжелую минуту, и прохлада в знойную пору, и тепло в стужу, и верность, и мужество, и щедрость... Он умел гордиться друзьями. Часами мог говорить Кайсын о Николае Тихонове и Михаиле Дудине, Аркадии Кулешове и Ираклии Абашидзе, Расуле Гамзатове и Давиде Кугультинове, Чингизе Айтматове и Алиме Кешокове, Мустае Кариме и Максиме Танке.

Как-то к Кулиеву, в ту пору сотруднику Союза писателей Киргизии, зашел молодой сельский зоотехник и робко протянул ему тетрадь. Кайсын прочитал написанный рассказ и сказал автору, что он не удался, но сюжет любопытный. Посоветовал, что и как надо «дотянуть». Через некоторое время новый вариант рассказа был опубликован в журнале «Литературный Киргизстан». Так с легкой руки Кайсына началось литературное творчество Чингиза Айтматова, ныне лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда, писателя с мировым именем.

Поэт и гражданин. Два эти понятия слились в творчестве Кулиева. Не одному десятку молодых литераторов помог он найти себя в поэзии, выйти на просторы литературного творчества.

«Хлеб и роза», «Раненый камень», «Мир дому твоему», «Кизиловый отсвет» — книги эти наши постоянные спутники.

В 1965 году, в Дни литературы и искусства Кабардино-Балкарии в Латвии, мне посчастливилось быть в составе делегации нашей республики. Членом делегации был и Кулиев. Я хорошо помню, как однажды в библиотеке одного приморского совхоза мы обнаружили изрядно потрепанный сборник стихов Кайсына. Сборник, рассказали нам сотрудники библиотеки, побывал в руках рыбаков, которые долгие месяцы проводили в море на промысле, и сейчас хранится как сувенир. Книга Кайсына помогала труженикам моря в их мужественной и суровой работе вдали от родных берегов.

Общительность натуры — одно из превосходных качеств поэта, помогавшее ему лучше знать, чем «дышит» человек, главный герой его произведений.

...Кайсын стоял на берегу горной реки с группой молодых людей и, как всегда, шумно и весело о чем-то рассказывал. Вдруг к нему подошел незнакомый мужчина и представился. «Видел вас впервые, когда выступали по телевизору,– сказал он,– очень рад нынешней встрече с вами». Инженер из Свердловска прочитал стихотворение «Женщина купается в реке». Поэт и читатель крепко обнялись и разошлись друзьями. Это – маленький штрих из жизни Кайсына, дополняющий обаятельный образ этого человека.

«Я чегемский стихотворец»,– часто говорил Кайсын. Мы всегда понимали, что он это говорит не из ложной скромности. Он понимал, как велика миссия поэта, и всегда думал о том, что еще не до конца выполнил свой долг перед народом. Такая неудовлетворенность собою настраивала его на высокую творческую волну.

Творчество Кайсына затрагивает многие проблемы жизни. Но красной нитью через все его произведения проходит чувство любви к родине, к родной земле, к людям труда. Самые лучшие свои строки он посвящал женщине. Книги его всегда являлись неиссякаемым источником добра, народной мудрости и любви.

Владимир Халидович ВОРОКОВ (1936)

Владимир Вороков – известный кинорежиссер, член Союза журналистов России, член Союза кинематографистов России, академик Российской академии ЕН по разделу «Энциклопедия», автор и режиссер более ста документальных фильмов, которые демонстрировались более, чем в 50 странах мира, лауреат Государственной премии КБР, заслуженный деятель искусств РФ и республики Адыгея, заслуженный работник культуры КБР, автор ряда книг, член Совета при Правительстве КБР, член комиссии по присуждениям Государственных премий КБР.

В 1996 году как председатель Кабардино-Балкарского отделения Российского фонда культуры награжден орденом Дружбы народов. Выступая по местному радио 5 февраля 1998 года, он говорил о том, что сейчас главная задача Фонда – это возрождение национальной культуры, которая должна развиваться не изолированно, а во взаимосвязи со всей мировой культурой. В балкарской культуре выдающейся личностью был Кайсын Кулиев, с именем которого связана вся эпоха возрождения горских народов.

Всестороннее дарование Ворокова как кинорежиссера, журналиста и писателя Кайсын Кулиев ценил высоко, считал его своим другом, иногда ласково называл его своим младшим братом. Разница в девятнадцать лет не мешала им дружить, совершать поездки в Чегем, бывать на банкетах и веселиться от души. Часто они встречались в Нальчике (Вороков родился в Нальчике и всю жизнь здесь прожил), Москве по различным творческим делам и событиям, связанным с юбилейными датами писателей, художников, журналистов, музыкантов и т. д.

В своих воспоминаниях о Кайсыне Кулиеве Вороков довольно краток. Рассказать о своей дружбе с поэтом он мог бы гораздо больше. Ему как никому хорошо известна общественная деятельность Кулиева, его работа в Союзе писателей КБР, РСФСР и СССР как депутата народа.

Встретился я с Хусейном Залихановым – альпинистом и главным егерем республики.

– Не знаешь, как там здоровье у Кайсына? Может, проедем, проведаем?

И вот мы в Чегеме I, у Кайсына Шуваевича.

Элизат нас встретила словами:

– Ему так тяжело разговаривать!

Но голос Кайсына уже достиг прихожей:

– Кто там? Пусть заходят. Я их жду.

О чем говорят с больным?

Конечно, о том, что недуг отступит, что все будет хорошо, что болезнь вот-вот уйдет.

Но Кайсын был мудрым не только в поэзии, но и по жизни. Он остановил нас.

– Не надо, друзья! Худший из недугов – быть привязанным к своим недугам. Это сказал Сенека. У меня такое уже есть. Знаете, голова светлая. Писать хочется, а не могу.

Затем позвал Элизат:

– Чем будем угощать гостей?

Мы дружно пробовали отказаться. Какие там угощения! Но Кайсын сказал:

– Мне привезли ягненка... Разделанного уже. Вот Элизат и сварит нам сейчас его.

Элизат показала жестами: не противьтесь, не огорчайте, мол, его.

Пока жена поэта хлопотала на кухне, Кайсын Шуваевич начал читать свои стихи.

В жизни не слышал и не видел такого. Он читал и читал. Одно стихотворение, другое, третье... Боже! Где был в это время мой диктофон!

– Хусейн! А хочешь, прочту о Чокке? – И прочитал.

Позже я снял фильм о Чокке Залиханове и включил в него стихотворение в исполнении автора – Кайсына Шуваевича. Благо он нам подарил в тот день по пластинке со своими стихами, которые сам же и читал.

Поэт рассказывал, как записывал этот диск. В студии должно быть очень и очень тихо, а чтобы даже рубашка

не шуршала, с него ее сняли. И он сидел на записи в одной майке.

Кайсын смеялся. Может, в последний раз.

ТЕЛЕФОННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Кайсын Шуваевич находился на лечении в Москве. В «Кремлевке». Я позвонил ему в палату. Трубку взяла Элизат.

– Как там дела? Как здоровье Кайсына Шуваевича?

Элизат отвечала не очень внятно. Уже потом я понял, что состояние Кайсына было плохим, а так как он находился в палате, из которой Элизат вела со мной разговор, то и сказать правду она не могла.

– Да вот он сам требует трубку,– сказала жена поэта.

– Друг мой,– начал довольно твердым голосом Кайсын,– дела мои плохи. Чувствую себя очень скверно. Все хуже и хуже.

А затем он спрашивал о погоде в Нальчике, о наших общих друзьях... Благодарил за звонок.

– Володя, дорогой, поезжай, пожалуйста, в Чегем, туда, к моей сакле. Поклонись и реке, и горам, и людям. Не пожалей своего времени. Сделай это для меня.

Утром я уехал в Чегем. Молился, как мог, горам, реке, синему небу:

– Помогите Кайсыну!

* * *

Через несколько дней поздно вечером у меня дома раздался звонок. Я узнал голос Элизат.

– Володя, с вами будет говорить Кайсын Шуваевич.

На этот раз он говорил с трудом.

– Завтра выезжаю в Нальчик. Ты пришли машину на вокзал, к поезду.

– Конечно, какой может быть разговор, Кайсын Шуваевич! Я вас обязательно встречу!

– Нет, мой друг! Ни в коем случае... Ты меня не встречай. Ты только пришли машину.

Я попробовал возразить, но Кайсын строго сказал:

– Ты меня слушай!

Разве я мог ослушаться?

В назначенное время водитель нашей киносъемочной «Волги» был на вокзале. Когда поток приезжих рассосался, «Волга» подкатила к вагону СВ. Позже, со слезами на глазах, Хазби, водитель нашей «Волги», говорил: «Как он мучился!.. Как ему было больно!»

Это он мне не хотел показать свои страдания, а потому велел не приезжать на вокзал.

* * *

А однажды раздался звонок из Чегема I, где последнее время жил поэт.

– Володя, дорогой... Холодно, а у нас не топят. Не знаю, от чего быстрее помру – от холода или от болезни.

– Я все улажу, Кайсын Шуваевич. Уже сегодня.

Пришлось поднимать не только «газовиков» Чегемского района, но и республики.

К чести последних, они приняли срочные меры. Мой земляк, чегемец Хасан Тхамоков, возглавлявший газовое хозяйство республики, перезвонил и просто сказал:

– У Кайсына тепло.

ПОСЛЕДНЯЯ ФОТОГРАФИЯ

Как-то я встретил его у здания правления Союза писателей Кабардино-Балкарии.

Он жаловался на то, что старая фронтовая рана на ноге не дает покоя. «Проклятые фашисты! Сколько лет прошло, а горе от них осталось! И не только в памяти, не только в душе, но и физическая боль»,– сокрушался Кайсын Шуваевич. Затем рассказал, что был и у тибетских лекарей, но и они не смогли ему помочь.

С трудом преодолевая мучительную боль, усаживался за руль своей «Волги». Не сказал такой привычной фразы: «Как дела, мой друг?»

Не спросил о новых фильмах, уехал не обернувшись. Видно, плохо ему было.

Позже раздался звонок из Москвы, из клиники: «С вами будет говорить Кайсын Шуваевич». И я услышал:

– Как дела, мой друг?

«Ну, слава Богу,– подумал я,– значит, ему лучше». Но лучше ему не стало.

В последнюю осень поэта пришли мы вместе с моим другом фотомастером Евгением Мониным в чегемский дом Кайсына. Уже выпал снег, мокрый, липкий. Было зябко и неуютно на улице, зябко и неуютно на душе. В комнатах пахло лекарствами и болезнью. Он лежал в зале на тахте, не находя удобного положения, такого, чтобы не чувствовать острой боли. Обрадовался нам: «Ну, сядьте, сядьте так, чтобы я вас видел».

Мы думали, что Кайсын будет говорить о болезни. Но он расспрашивал о наших делах, о моих новых работах.

– Попроси, пусть покажут по телевидению твой фильм «Чегем». Хочу еще раз увидеть снег на Тихтингене, белую пену водопадов, родную саклю...

Потом я обратился к нему с просьбой:

– Хотелось бы сделать несколько Ваших снимков. Альбом готовим к изданию, буклеты, а снимков нет. Ни одного...

– Так уж ни одного,– улыбнулся Кайсын.– Ты же, Володя, меня прошлым летом снимал. В Чегем возил. Помнишь, с внуком я был? Чегемской водой его умывал.

– Так то съемка велась на кинопленку, а здесь надо на слайды, на фото...

Поэт позвал жену:

– Давай одеваться будем.

С женской стороны была сделана попытка воспротивиться съемке:

– Ему же очень больно... Володя, вы же друг!

Я уже готов был сдаться, но Кайсын Шуваевич жестко сказал:

– Одеваться!

Минут через двадцать поэт сидел в крохотной комнатке за своим письменным столом, на котором в рамке стоял портрет его матери Узеирхан. Именно о ней он стал рассказывать нам, называя дорогую женщину ласковым словом «мама».

Кайсын Шуваевич рассказывал, а мы с Женей снимали и снимали. И все нам было мало.

– Устали? – спросили мы Кайсына.

– Да нет, ничего, ребята.

В нем проснулся актер. Он всегда был немного актером и гордился этим.

Как-то сказал: «Если бы я не стал поэтом, то обязательно стал бы артистом».

Съемка была завершена. Мы отключили лампы. Женя стал собирать аппаратуру.

– Доволен? – обратился ко мне Кайсын Шуваевич.

– Очень. Но..– замялся я.

– Говори, говори, мой друг.

– Если бы хоть один снимок в саду...

– Ну вот этого уже не будет,– сказала жена поэта.– На улице холодно, сыро. Застудить его хотите?

Но Кайсын пошел к выходу. Снял с вешалки темное демисезонное пальто и отворил дверь. Я хотел поддержать его под руку, но он запротестовал: «Я сам».

Мы вышли в сад. Женя извлекал из своей бездонной сумки фотоаппараты и вешал их себе на шею.

– Зачем столько? – спросил Кайсын.

– Так надежнее.

– Боишься, что больше не придется уже снимать Кайсына?

Мы дружно запротестовали. Но он остановил нас:

– Давайте поспешим, ребята. Мне действительно не очень хорошо.

Женя снимал быстро. Обычно он колдует над фотоаппаратом, над каждым кадром. А здесь щелкал затворами фотоаппаратов.

– Пальто у него темное,– прошипел он мне на ухо.– Пальто!

Я сразу среагировал:

– Давайте поменяемся с вами, Кайсын Шуваевич! Я снимусь в вашем пальто, а вы в моей дубленке. Это для цвета нужно.

– Ну, если нужно, давай. Только обмен для тебя невыгодный.

Поэт набросил на себя мою овчину, я – его драп.

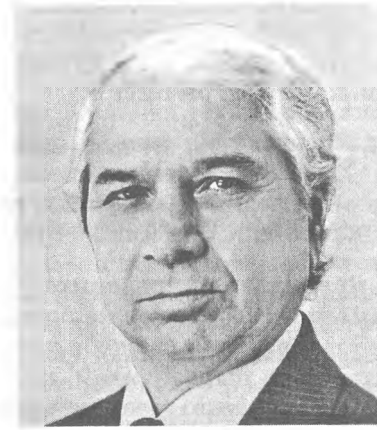
– Мы, как мюриды Шамиля, обменялись с тобой бурками,– улыбнулся поэт.

Монин продолжал снимать.

– А теперь давай вместе,– предложил Кайсын.

Мы снялись. Это была его последняя фотография.

Борис Гидович КАГЕРМАЗОВ (1935)



Борис Кагермазов – известный поэт и прозаик, лауреат премии комсомола Кабардино-Балкарии, заслуженный работник культуры КБР – родился в селении Лескен II, Урванского района. Здесь окончил среднюю школу и стал работать учителем начальных классов. В 1954 году он поступает в Кабардино-Балкарский госуниверситет, после окончания которого в 1959 году возвращается в родное село и преподает литературу в старших классах. Талантливый молодой учитель вскоре почувствовал тягу к журналистике и стал активным сотрудником газет «Советская молодежь» и «Ленинский путь» (теперь «Адыгское слово»). Переехав в Нальчик, несколько лет работал редактором республиканского радио.

Интерес к поэзии у него пробудился очень рано. Печататься Кагермазов начал с 1955 года. Первый сборник стихов – «Приветствие» – вышел в 1962 году на кабардинском языке. Через три года, тоже на родном языке, вышли его рассказы «Следы жизни» (1965), а потом снова сборник стихов на русском языке «Быстрина» (1967). Почти через каждые три года молодой поэт публиковал или прозу, или стихи («Высокий век» – 1970-й, «Ветка молнии» – 1972-й, «Голос дня» – 1974-й и т. д.). Он стал известным поэтом, и в 1972 году его приняли в Союз писателей СССР, в том же году он стал лауреатом премии комсомола КБР.

Борис Гидович – талантливый журналист, литературный критик. У него есть критические статьи: «Волны Черека» (об одноименном сборнике стихов Л. Губжокова), о рассказах М. Кармокова, о романе Х. Теунова «Подари красоту души», о повести Х. Хавпачева «По зову сердца», о сборнике стихов М. Губжокова «Книга, радующая детей», о стихах Т. Зумакуловой «Цвета радуги», статья «Журавли», об одноименной книге писателя К. Дугужева и многие другие.

1

СЧАСТЬЕ ПОЭТА

Жизнь щедро одарила Кайсына Кулиева всем, чем она богата: и радостями, и горестями, и тяжким поэтическим трудом, и всенародной славой. Поэтому, обращаясь к жизни, он писал:

Ты все дала мне: песню и мечту,
Все, что постиг, все, что увидел где-то,
Звезд высоту и женщин красоту,
Гор белизну и чистоту рассвета.

И признавался, что считает себя счастливым. Да, жизнь сама по себе – это уже большая награда, счастье любого человека. Но когда тебе дается большой талант и ты становишься выразителем дум и чаяний своего народа, понятие «счастье» раздвигает свои границы, оно становится более широким, емким и значительным. И теперь не только сам поэт задумывается над тем, счастлив ли он,– об этом думают и его друзья и читатели.

С первых поэтических книг Кайсын Кулиев показал себя как незаурядная творческая личность. «Порой мне даже мир бескрайний мал, И в беспределье вижу я границы»,– писал он в одном из своих стихотворений. Чувствуете, кто перед вами?! Нет, такое нельзя сказать ради дешевого самолюбования и желания привлечь к себе внимание большего количества читателей. Так сказала бы скала, если бы она могла говорить, или море, или степь. Но даже они не безграничны. А поэта устраивает только беспределье. Беспределье в изливании самых прекрасных чувств и мыслей, в воспевании счастья жизни, радостей земных, в выражении любви к женщине, которую он ставил выше всех существ на земле, которую считал самой жизнью.

Вот какие слова находил Кайсын, этот великолепный лирик, для воспевания глаз любимой:

В светлый час, когда ты весела,
Я люблю глаза твои, но, может,

В час, когда печаль на них легла,
Мне твои глаза еще дороже.

Я думаю, что владеть такими в высшей степени глубокими чувствами и уметь их так прекрасно выражать, как это делал Кайсын,– тоже большое счастье. Счастье настоящего творца.

Перечитывая произведения Кулиева, стараюсь каждый раз глубже постичь, какие мысли и чувства более всего волновали его в течение всей жизни. Их много. Хочу подчеркнуть вот что. Кайсын рано узнал, что мир не замыкается горами Балкарии, что за ними лежит большой путь в необыкновенный космос – в человечество. Он понял, что идти к нему надо через воспевание своего народа, его культуры, хорошо представлял, что это великий труд и он под силу только настоящему поэту. Кайсын преодолел этот путь, и в мире узнали о нем и его родном народе. Через любовь к нему он полюбил человечество и смог стать одним из выдающихся его представителей. Такое по плечу только гигантам. Таким, как Кайсын! Его творчество, наполненное гуманизмом и милосердием,– несомненный вклад в общемировую культуру. И это в первую очередь надо иметь в виду, когда мы говорим о Кулиеве-поэте.

И все же, был ли счастлив Кайсын? Бог создал наш мир, нашу Вселенную. И каждая выдающаяся личность создает тоже свой мир, свою маленькую вселенную. Причем Богу было куда легче – ведь он всемогущ. Человек же творит, не обладая ничем другим, кроме своего таланта. Так что человек-творец чем-то подобен Богу, а приближение к нему, как утверждает христианская религия, есть самое большое счастье человека.

Трудности жизни, даже ее трагичность не могут сделать несчастным состоявшегося поэта, вообще творца. А К. Кулиев именно такой поэт, и в этом смысле он был по-настоящему счастлив и остается таковым, несмотря на физическую смерть.

Великий поэт и провидец Борис Пастернак, быстро догадавшись, что Кулиев отмечен необыкновенным талантом, писал ему еще в 1948 году, когда Кайсыну шел только тридцать первый год: «Вы из тех немногих, кото-

рых природа создает, чтобы они были счастливыми в любом положении, даже в горе». Эти слова в полной мере Кулиев мог бы отнести и к самому Пастернаку – в определенные периоды их судьбы были во многом схожи...

Иные из пишущих думают, что они служат своему народу, даже уверены в этом и считают себя тоже счастливыми. Но проходит время – и оказывается, что служили-то они не своему народу, а только ложно понятым обязательствам, своему успеху. Кулиев же всегда стремился только к одному – как можно лучше и глубже выражать мечты и чаяния народа, простых людей, и высшим счастьем для него было, чтобы они сказали: «Да, это наш поэт. Мы верим ему». И в этом ему повезло. Поэзия Кайсына стала вечной песней на устах у народа.

2

МЫ ИЗ ЭПОХИ КАЙСЫНА

Думаю, что каждому из нас повезло – мы все являемся современниками Кайсына Кулиева, видели и слышали его, имеем возможность читать книги этого великолепного поэта, чье творчество принадлежит всем народам и векам.

Поэзия Кулиева – это как тот родник, из которого хочется пить постоянно, потому что всякий раз ощущаешь необыкновенную свежесть и чистоту его стихов.

Пусть в миг, когда ты вспомнишь про меня,
Не лошади усталый шаг в ночи,
А топот кабардинского коня
Воспоминаньем в сердце прозвучит,–

писал Кулиев. Я не хочу сейчас говорить длинно, употребляя хвалебные эпитеты в адрес нашего поэта. Они едва ли прибавят что-нибудь существенное к той высокой оценке его творчества, какую дал народ. Только вспомню вот что. Однажды мы повезли в горы московского поэта. Ему, конечно, горы понравились. И все же не он, а Кайсын сказал: «Как мы счастливы, имея такую родину!» Изменив чуточку эту фразу, хочу сказать: «Как мы счастливы, что имеем такого поэта, как Кайсын!»

УРОКИ ПОЭТА

Памяти Кайсына Кулиева

Не тороплюсь ли я,
Слагая эти строки? –
Мне кажется:
Еще ты среди нас, Кайсын...

Зачем ты поспешил
Свои ускорить сроки
Ухода от людей,
От гор и их вершин?

Сердца ты утешал
И в горестях гнетущих,
И в час, когда душа
Изранена была,

Ты славил жизнь и был
Живым среди живущих,
Могучий, как поток,
И крепкий, как скала,

Ты радовался дням,
Ты и страдал, печалясь,
И счастье и беду
Ты испытал вполне...

Был молод я, когда
С тобой мы повстречались,–
Как к брату младшему,
Отнесся ты ко мне.

Ты мне давал урок
И мужества и чести
Всей стойкостью своей,
Всей мудростью своей:

Как помнить край родной
В любом далеком месте,
Как жить своим умом
И быть к другим добрей,

Живу, стремясь
Твои не забывать уроки,
Чтобы высокий смысл
Мои наполнил дни,

Чтоб сложенные мной,
Не спотыкались строки
И в правде до конца
Смогли служить они,

Когда уходим мы
Из бытия земного,
То людям оставляем
Лишь плоды труда.

Ты в слово жизнь вложил —
Твое бессмертно слово,
И след твой на земле
Остался навсегда!

Перевел с кабардинского
Л. Шерешевский

ШЕРИЕВ (1934)

Адальби Шериев – известный партийный работник в аппарате Кабардино-Балкарского обкома КПСС (в 60-е годы), слушатель Высшей партийной школы при ЦК КПСС (Москва, 1969–1970), после окончания которой работал инструктором обкома КПСС в Нальчике с 1971-го по 1975 год.

После этого в течение десяти лет работал председателем Чегемского райисполкома Совета народных депутатов – с 1975-го по 1985 год. С 15 января 1985 года постановлением бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС был утвержден в должности заместителя директора по общим вопросам высокогорного геофизического института, а чуть позже утвердили на этой же должности на коллегии Госкомгидромет СССР, где проработал до марта 1986 года.

Адальби Кургокович, работая на различных государственных должностях, был несколько раз за границей – в Германии, Польше, Болгарии. Так, в Болгарии он был в 1973 году в качестве руководителя туристической группы.

За успехи в выполнении планов и социалистических обязательств по сельхозпродуктам был награжден орденом «Знак Почета» и медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда».

С Кайсыном Кулиевым он встречался по работе, когда был в аппарате обкома партии, а Кулиев несколько раз избирался членом Кабардино-Балкарского обкома КПСС, депутатом Верховного Совета нашей республики. Свои воспоминания Адальби Кургокович подкрепляет конкретными фактами из биографии поэта, которые известны только ему как председателю Чегемского райисполкома, беседовавшего не раз с поэтом по различным вопросам благоустройства быта и приобретения земельного участка под строительство дома и другим делам.

Свои воспоминания А. К. Шериев озаглавил «Деловые встречи».

ДЕЛОВЫЕ ВСТРЕЧИ С ПОЭТОМ

Я не могу назвать себя другом Кайсына Кулиева. Кем я был для него в то время, когда он решил приобрести дом и участок в Чегеме I? Другом? Или знакомым администратором-чиновником Чегемского района? Очевидно, и тем и другим. Ведь Кулиев был очень добрый и общительный человек. Это я понял с того момента, когда он весной 1976 года приехал в поселок Чегем I поговорить со мной о своем желании переехать сюда на постоянное местожительство и посоветоваться, где лучше приобрести участок. Мы предложили вблизи речки Чегем. Он сказал, что подумает. Через некоторое время Кайсын сам пригласил нас посмотреть дом и участок с садом, который находился почти рядом с домом его старшего брата, Аубекира Кулиева, и сестры. Участок оказался размером в 20 соток земли с садом и небольшим домиком. После тщательного осмотра Кайсын окончательно решил приобрести это домовладение. Он сказал: «Так образцово могут содержать свое хозяйство только немцы». (И на самом деле там жила немецкая семья.) Мы поддержали его выбор и поняли одно: Кулиеву понравился не домик, а ухоженный фруктовый сад, в котором росли вишня, черешня, сливы, алыча, айва, яблони, груши и другие деревья.

В продолжение нашего разговора Кайсын Шуваевич сказал:

– Теперь я могу спокойно осуществить некоторые свои намерения. Мне многое мешало.

– Что же мешало вам в Нальчике осуществить свои замыслы? – спросили мы.

Он в шутку ответил, весело засмеявшись:

– Все мешало: и коньяк, и женщины, и друзья.

Дом он вскоре купил по улице Степной, 21, и пригласил нас к себе в гости. Застольная беседа была непринужденной. Он спрашивал обо всем: о моей работе, о людях села, о выполнении плана сельхозработ в районе, о благосостоянии жителей поселка и незаметно перешел к тому, что его, видимо, волновало и интересовало. Он стал говорить о благоустройстве данного микрорайона: об улучшении освещения улиц, о водоснабжении, о постройке канализационной линии, о телефонной связи и асфаль-

тировании улицы Степной, о газификации и о многих других нуждах быта. Тогда поселок не был еще газифицирован, тем не менее специалисты спроектировали, а газовики собрали и установили во дворе усадьбы емкости под жидкий газ, помогли и в другом вопросе – в водоснабжении и освещении, построили канализационную линию, подключив ее к коллектору Профтехучилища № 9. Составили проект асфальтирования улицы Степной.

После завершения всех этих неотложных работ Кайсын Шуваевич пришел на работу ко мне и тепло поблагодарил нас, всех районных руководителей.

– Приходите ко мне в гости. Я расскажу вам, как проходила очередная сессия Верховного Совета СССР, и передам вам привет от Евгения Ивановича Чазова, депутата вашего избирательного округа,– сказал тогда Кулиев.

Знаменитого врача Чазова знала вся страна, гордились и мы, чегемцы, что он от нашего округа стал депутатом Верховного Совета СССР.

В этом поселке Кулиев прожил фактически немного, но его стараниями при нашей поддержке многое было сделано для жителей Чегема I. Так, в 1977 году в поселке Чегем I при расширении телефонной связи и станции появилась возможность телефонизировать и улицу Степную, где проживал Кайсын Шуваевич. Первый телефон установили в его доме за номером 9-17-60. Цифры взяли не произвольно, а все обдумав: 17 – это год его рождения (1917). 60 – вскоре исполнялось ему столько же. Для него это был юбилейный год. Об этом мы и сообщили Кулиеву. Он тогда находился в Москве и позвонил домой, чтобы порадоваться и проверить, все ли так. Этот телефон и сейчас сохраняется за Домом-музеем Кайсына Кулиева теперь по улице его имени (быв. Степная).

Хорошо помню, как мы готовились отметить его юбилей – 60 лет со дня рождения. Совместным решением бюро Чегемского РК КПСС и Чегемского райисполкома была создана юбилейная комиссия. Она подробным образом разработала программу подготовки и проведения этой знаменательной даты в жизни поэта. Для участия в юбилее приехали (по приглашению) гости и делегации в Чегемский район из Москвы, Ленинграда, Азербайджана,

Грузии, Узбекистана, Абхазии, Башкирии, Калмыкии и из всех автономных областей и республик Северного Кавказа. 11 ноября 1977 года торжественное собрание проходило в Нальчике, в помещении Музыкального театра. А 12 ноября гости поехали в Чегемский район. Среди них были Чингиз Айтматов, Зульфия, Мустай Карим, Карло Каладзе, Шукурлло Юсупов, Иван Тарба, Владимир Орлов, Глеб Горбовский, Рустам-заде, Жамалдин Яндиев, И. Г. Бородулин, Алим Кешоков, Адам Шогенцуков, Назир Хубиев. Они выступали в районном Доме культуры. Последним выступил Кулиев, всех поблагодарил и пригласил гостей к себе в селение Эль-Тюбю, где он родился. По пути гости остановились на обед в районе Чегемских водопадов.

В селении Эль-Тюбю гости осмотрели домик, где родился поэт, и другие достопримечательные места. Потом по тропинке спустились к горной речке и большому чистейшему роднику, по пути осмотрели старинную башню Малкаруковых, слушали легенды, которые рассказывали местные старожилы. Но больше всего их поразила красивая и суровая местность, где в детстве рос и мужал будущий поэт – Кайсын Кулиев. Далее гости продолжили путь до селения Булунгу и здесь они познакомились с аксакалами и тружениками высокогорного хозяйства имени Калабекова. После этого состоялся обед в кафе «Тур», где тепло и от души обменялись мнениями. В речах гостей слышался восторг и удивление от всего увиденного. Кулиеву было приятно, он был весел и счастлив.

Погода в тот день, как по заказу, была отличной: солнечной и теплой для ноября в горах. Вокруг кафе пылало несколько костров, на которых варилась баранина, жарились шашлыки, пеклись лакумы. Гостей угощали лучшими национальными блюдами, а потом им были вручены подарки в виде национальных сувениров: кинжалы, бурки, папахи, платки, расписные вазы, кувшины и т. п. Вечером они уехали обратно в сопровождении ГАИ, хозяев района и республики.

...Вспоминается и другой случай. Однажды Кулиев приехал к нам в поселок Чегем I с киносъемочной группой Центрального телевидения. Гости из Москвы объяснили, что они приехали по заданию руководства Центрального телевидения – снять фильм о кандидате в де-

путаты Верховного Совета СССР Кайсыне Шуваевиче Кулиеве. Телевизионщики предложили начать съемку с памятника В. И. Ленину во дворе администрации района. Кулиев согласился, съемки начались, но оказалось, что у группы не было опытного кинооператора, и наш первый заместитель председателя Комитета по телевидению и радиовещанию Жанакаит Залиханов спас положение, быстро приехав с нашим кинооператором – Чегембаевым. Киносъемки успешно закончились у подножия главного Кавказского хребта на территории турбазы «Чегем», у знаменитого нарзанного источника в Чегемском ущелье. Кайсын был очень послушным «объектом», выполнял все указания кинооператора и слушал советы других специалистов в области телевидения. На него было приятно смотреть.

...Мои деловые встречи с поэтом носили разный характер. Всем известно, что Кайсына посещали, и довольно часто, его многочисленные друзья со всего огромного нашего бывшего Союза. Он их встречал, находил время сопровождать по республике, посещая с ними самые красивые места. Часто он приезжал с ними в Чегемский район, в живописное место – на Чегемские водопады, спускался с ними прямо к реке Чегем, приводил их к горному роднику и читал свои стихи о горной речушке, о горах и скалах в лунном свете. Был с ним и небольшой передвижной домик с красивой внутренней отделкой, в котором он угощал друзей, и где они отдыхали.

Однажды Кулиев попросил нас подобрать ему открытое красивое место с обозрением на природу и в то же время, чтобы было как бы романтическое уединение. Мы подыскали ему нечто подобное: предложили двухъярусную пещеру выше больших водопадов в Чегемском ущелье, на левом берегу реки Чегем. Поэт одобрил наш выбор, и мы принялись оборудовать временное пристанище: очистили территорию от камней и поставили три самодельных стола, большие бочки, около них разместили из толстых чинаровых досок стулья и скамейки, накрыли их скатертями и накидками, а пещеру украсили горными цветами и зелеными ветками. Эту пещеру мы назвали именем Кайсына Кулиева. Ее и до сих пор считают достопримечательностью и кайсыновским местом

в Чегемском ущелье. «На презентацию» выбранного нами места мы пригласили поэта. Он пришел в восторг от нашей фантазии, похвалил нас. Нам было приятно его внимание к нашей скромной работе, его благодарность мы воспринимали вполне серьезно и гордились его словами, обращенными к нам. Здесь он был с гостями много раз. Наш труд не пропал даром. Вечная память Кайсыну!

...С именем Кулиева у меня связано много воспоминаний. Хотелось бы сказать и о том, что его произведения всегда были, как говорится, нарасхват. Так, когда вышел его трехтомник «Собрание сочинений: стихотворения, поэмы», 1969–1975 годы (М.: Худож. лит., 1977), я помню, что книги эти завезли и к нам в район. Трехтомник быстро разошелся. Книги брали и туристы, которые приезжали в Чегемский район, чтобы посетить Чегемские водопады, и многочисленные гости, и жители сел. Поэзию Кулиева любили, знали люди всех возрастов и профессий.

...Это тоже была деловая встреча, но уже не помню, по какому случаю Кулиев обратился ко мне. Вероятно, просил что-то сделать для своих чегемских родственников. Но запомнил его рассказ, как он однажды попал в беду со своими друзьями Р. Гамзатовым, М. Каримом и Д. Кугультиновым по его вине. Разговор сначала зашел о шоферах. Кулиев сказал, что он тоже водитель со стажем. Но после одного неприятного случая стал очень редко садиться за руль машины.

– Мы возвращались из Приэльбрусья. За рулем сидел я,– рассказывал Кайсын.– При подъезде к госдороге Ростов – Баку в городе Баксане со стороны Тырныауза я не справился с управлением и, преодолев изгородь, моя машина прямым ходом врезалась в будку ГАИ. Я перепугался не за себя, а за гостей, но понял, что все обошлось благополучно: они не покалечены, здоровы, только напуганы, как и я. Сразу около нас собралось много народу, автоинспекторы. Мы вышли из машины, стояли в смущении от содеянного. Наконец я обрел дар речи и стал доказывать, что ничего страшного не произошло, никто не пострадал, а наших именитых гостей, известных всему миру писателей, просил отвезти в Нальчик, в гостиницу, так как я не в состоянии больше управлять автомаши-

ной. С тех пор я редко сажусь за руль, только по крайней необходимости,– закончил рассказ Кайсын.

...У Кулиева есть стихотворение «Моей собаке». Оно вошло в сборник стихов поэта «Человек. Птица. Дерево» (М.: Сов. писатель, 1985). Это последний сборник стихов, написанный поэтом, когда он уже тяжело болел, и вышел из печати, кажется, уже после смерти поэта. Вот эти строки:

Ты состарился, видно, дружище Байнак,
Грустно смотришь на снег, что с утра намело.
Ты накормлен, и, как у приличных собак,
Домик есть у тебя, где зимою тепло.

.....

Ты печален. О старость, как смиришься с ней!
Сыплет медленный снег, над домами паря.
Годы старят собак так же, как и людей,
Все состарится – горы и даже моря!..

Перевел *Я. Аким*

Воспетый им пес в стихах был когда-то бродячей собакой, и Кайсын приютил у себя, дав ему кличку «Байнак», что значит «Белошей». Пес оказался умным и уживчивым, с большим белым пятном в виде банта на груди. Кулиев любил этого пса, говорил с ним, как с равным, а он смотрел на него умными глазами, не мигая. И об этом тоже Кулиев рассказал мне, добавив: «Любовь к животным у меня с детства. Я всегда был в окружении осликов, барашек, козлят, кошек, телят, коров: мой трудовой путь начинался с пастушонка. Отсюда и пристрастие к любым животным. Я никогда не обижал их...»

...Около восьми лет прожил Кулиев в Чегеме I, хотя бóльшую часть времени он находился в Москве и в поездках по бывшим союзным республикам. Нас, руководство района, не забывал: держал с нами связь, звонил или посылал телеграммы. Он нуждался в нас, а мы – в нем. Вот одна из телеграмм, данная из Москвы в 1980 году. Правительственная. По адресу: «Кабардино-Балкария. Поселок Чегем I. Первому секретарю Джаппуеву, председателю райисполкома Шериеву. Сердечно вас благодарю за братское отношение, внимание, уважение, чуткость.

Желаю вам и району всего хорошего. Обнимаю. Ваш *Кайсын Кулиев*».

...Большинство встреч с Кулиевым носило деловой характер, касалось ли это благоустройства поселка Чегем I, его улицы Степной, которая в 1984 году была заасфальтирована и превратилась в красивую улицу, или других нужд населения. Однако и тогда Кулиев находил время поговорить со мной по душам: расспрашивал о семье, восхищаясь моими детьми – сыном Мухамедом и дочерью Ириной, рассказывал о себе, припоминая смешные случаи из его жизни, строил планы на будущее. А когда мы иногда оказывались среди гостей и шло веселое застолье, поэт любил исполнять в окружении красивой природы старинные народные песни. Это было удивительно! Голос он имел мощный, плюс артистизм, врожденный, а не приобретенный в стенах театрального института, где он учился в молодости.

Таким мне запомнился Кайсын Кулиев, мой старший товарищ, мой современник, мой любимый поэт.

АФАУНОВА
(1932)

Раиса Туловна Афаунова, известный в республике журналист, одной из первых среди женщин нашей республики окончила факультет журналистики МГУ. С 1960 года работает в комитете по телевидению и радиовещанию, а с 1963-го – на радио. В разное время была специальным корреспондентом по подготовке материалов для Всесоюзного радио, главным редактором кабардинских, затем русских передач. Сейчас возглавляет раздел иновещания, который готовит направленные передачи для адыгов, проживающих за рубежом.

Р. Афаунова – автор и ведущая одной из самых популярных программ Кабардино-Балкарского радио «Жьэгупащхьэ» (по проблемам адыгского этикета и современности), которая регулярно выходит в эфир вот уже более 30 лет.

Раиса Туловна одинаково хорошо пишет как на родном кабардинском, так и на русском языках. Она автор нескольких публицистических книг: «ФІыщІэ жыг» («Дерево счастья») – о традициях и обычаях адыгов, «Адиюх», очерки (на каб. яз.); «Продолжение биографии», очерки (на рус. яз.).

Р. Т. Афаунова – отличник ТВ и радио, заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов РФ.

ПРИКАСАЯСЬ К ЖИВОМУ СЕРДЦУ ПОЭТА...

Памяти Кайсына Кулиева

Для журналиста, пожалуй, самое трудное – найти первую фразу. Для писателя, наверное, – первую книгу создать.

Кайсын Кулиев создал и издал свой первый сборник стихов еще до войны. Но мое поколение познакомилось с творчеством Кулиева много лет спустя, лишь после возвращения его народа и его самого из изгнания.

Моя первая встреча с ним состоялась осенью 1963 года. Тогда я только начинала работать на радио. В кабинете литдрамвещания нас было трое: Гузер Емузов, редактор передач на кабардинском языке, Касым Акаев – на балкарском и я – на русском. Двери нашего кабинета не закрывались, сюда приходили поэты, писатели, артисты, певцы, художники. Мои коллеги давно здесь работали и были с ними на «ты». Я робко вступала в их круг.

Вот однажды зашел к нам улыбчивый, шумливый человек с густыми черными усами и большой лысиной на голове.

– Кайсын, дорогой! – вскочил со свойственной ему эмоциональностью Гузер. Они обнялись.

– А это наша Раечка, знакомься,– представил меня Касым.

Кайсын манерно поцеловал мне руку, чем немало смутил меня.

– А я к вам со стихами,– положил он на стол, почему-то мне, зеленую книжечку с надписью «Кязим Мечиев».

Я раскрыла ее и уже не могла оторваться. Незаметно для себя втянулась в чтение... вступительного слова Кулиева к сборнику. И раньше, чем прочитала стихи Мечиева, я увидела его самого глазами Кулиева. «Кязим, хромой от рождения, как Байрон, лучший поэт и мыслитель балкарских гор», с той зеленой книжечки стал для меня спутником жизни навсегда.

Эту радость общения с Мечиевым русскоязычному читателю подарил Кулиев, который немало потрудился, чтобы (впервые в 1962 г.) был издан тот самый сборник, о котором мы сейчас говорим.

Кайсын оказался очень простым и доступным человеком. Во время первой же встречи я осмелилась попросить его подготовить передачу о Мечиеве. И он очень скоро подготовил и прочитал ее в свойственной только ему одному манере актерской приподнятости и душевной искренности. Передача получилась интересной, и она прозвучала не только по Кабардино-Балкарскому радио, но и по первой программе Всесоюзного радио.

Кайсын откликался на любую просьбу нашей редакции. С теплотой и нежностью писал он о безвременно ушедшем из жизни кабардинском поэте Бетале Куаше-

ве. Это надо было слышать, как он проникновенно читал стихи, посвященные его памяти:

Яблоню в майском цветенье
Чья-то срубила рука,
Звездною ночью весенней
Вдруг пересохла река...

А какую передачу он сделал об армянском художнике Мартиросе Сарьяне! Он нашел такие слова о нем, словно это были неповторимо яркие и контрастные мазки самого Сарьяна.

Я поражаюсь широте его познаний. Он, выступая у нас, говорил о творчестве грузинского поэта Важи Пшавелы и испанского исполина в литературе Гарсиа Лорки.

Он прекрасно знал всю многоцветную литературу народов СССР и охотно знакомил наших радиослушателей с нею. К нему приезжали Расул Гамзатов из Дагестана, Давид Кугультинов из Калмыкии, Турсун-заде из Таджикистана, Михаил Дудин из Ленинграда и многие другие его коллеги и друзья. Всех он приводил к нам на радио, все они выступали у нас.

Мне кажется, Кайсыну долго не везло с переводчиками, хотя среди них были и такие, как Н. Тихонов, Д. Кедрин, известные переводчики Д. Голубков, В. Звягинцева, Ю. Нейман и непревзойденный мастер перевода Н. Коржавин.

Пожалуй, им всем он предпочитал Наума Гребнева, с которым долго и плодотворно сотрудничал. Кайсын был очень тактичным человеком, и вряд ли кто-либо слышал, чтобы он выражал недовольство чьим-то переводом. Но вот однажды он привел к нам Наума Гребнева.

– Это замечательный переводчик, настоящий мастер,– сказал он.

Гребнев оказался заикой. Кажется, я больше смутилась от этого, чем он сам. Но вот зашли мы в студию записи... И куда что девалось! Гребнев, не поднимая головы, нараспев наизусть читал стихи Кулиева.

В те годы у нас не было специальной редакции и даже специального корреспондента, работающего на Всесоюзное радио; но, несмотря на это, мы наладили связи и тесно сотрудничали с Москвой. Я предложила Кайсыну напи-

сать о Н. Гребневе. «Рукою мастера» – принес он статью о переводческой деятельности Н. Гребнева. Выступление Кулиева прозвучало по нашему и по Всесоюзному радио, потом оно было опубликовано в газете «Кабардино-Балкарская правда» и еще, по-моему, в «Литературной России».

В 60–70-е годы был расцвет творчества Кулиева. Еще не пик, но это было время стремительного его восхождения на вершину славы и всеобщего признания. Первый раз, в 1964 году, был выдвинут на соискание Ленинской премии его сборничек стихов «Огонь на горе». В библиотеках и домах культуры – повсюду как праздник поэзии проходили читательские конференции по этой книге, встречи с поэтом. Но сам праздник, так и не состоялся. Премию Кулиеву не присудили.

Кайсын был кристально чистый человек, лишенный как лести, корысти, так и чувства зависти. И когда вслед за ним выдвинули на соискание Ленинской премии сборник стихов его собрата по перу – поэта-калмыка Давида Кугультинова, Кайсын горячо поддержал его. Он публиковал статьи о поэзии Кугультинова в нашей местной прессе, выступал у нас по радио, а потом и по Всесоюзному радио. Тогда строго было с цензурой, и Кайсын не был исключением. Поэтому он принес заранее заготовленный текст. Но вот сели мы у микрофона, он надел очки и стал размеренно читать: «Значителен сам факт, что человек, пишущий на языке такого малочисленного народа, стал известным всей стране поэтом». Вдруг он замолчал, снял очки и, уже обращаясь ко мне, сказал:

– Неправильно.

– Что? – переспрашиваю я, остановив запись.

– Понимаешь, талант нельзя увязывать с численностью народа. Талантливы все народы.

– Ну давайте так и скажем,– говорю я.

И Кайсын сказал, и в запись попала дословно следующая, очень емкая фраза: «Глубокая и мудрая поэзия Кугультинова – еще одно веское подтверждение тому, что талантливы все народы без исключения, и степень даровитости поэта не зависит от численности породившего его народа».

И надо было видеть, как радовался, торжествовал Кайсын, когда Кугультинов был удостоен Государственной премии.

Мне посчастливилось освещать на радио юбилейные торжества по случаю 50-летия Алима Кешокова и Кайсына Кулиева.

На вечере Кешокова основной доклад должен был сделать Кулиев. Но Кайсын, нарушив все каноны подобных торжеств, вышел на сцену и, став вполоборота к президиуму, где сидел и юбиляр, начал с взволнованных слов:

– Сегодня я счастлив, дорогой друг, что судьба дала мне возможность,– именно судьба, а не Союз писателей, я это хочу подчеркнуть,– сказать о тебе свое доброе слово. Мне кажется,– теперь он обращался к залу,– на это я имею больше права, чем многие из сидящих здесь, а может, чем все собравшиеся в этом зале на этот вечер.

Зал взорвался аплодисментами.

– И я объясню почему,– повысил он голос,– в дыму войны мы шли с Алимом вместе через заснеженные Волжские и Донские степи, мы освобождали Донбасс и лежали в окопах Перекопа, под градом снарядов мы переходили Сиваш, а такое не забывается. Тогда мы с Алимом делили кусок хлеба и щепотку солдатской махорки, а в минуты покоя и тишины мы делились с Алимом своими думами, мечтами и...– Он сделал паузу, оглянулся, посмотрел на Алима и добавил: – И конечно же стихами, торопливо написанными в окопах.

Зал затих, погрустнел.

– Это было наградой судьбы и утешением,– как бы вскрикнул он, вскинув руки к небу,– что в те тягчайшие дни нашей жизни мы оказались рядом, вместе. Мы были молоды и горячо верили в победу, мы мечтали о книгах, которые думали писать после войны, если пощадит нас смерть.

Тут Кайсын сменил тональность своей речи и уже в мажоре воскликнул:

– Смерть нас пощадила, и мы вернулись к жизни. Так да здравствует жизнь, да здравствует мой друг Алим Кешоков, о жизненном пути и творчестве которого мне предстоит сегодня говорить!

Кайсын наконец взошел на трибуну, достал бумагу и начал читать.

Таков был Кайсын: всегда неожиданный, всегда искренний и никогда не повторяющийся.

Современное поколение мало пишет писем и вовсе не

поздравляет друзей, знакомых с общенародными праздниками. А в наше время поздравительные открытки, телеграммы и письма к Новому году, к первомайским и октябрьским праздникам считались чуть ли не ритуально обязательными. Существовала традиция обмена звуковыми письмами-поздравлениями и между многими радиокомитетами. Мы, например, в обязательном порядке обменивались с радио республик и областей Северного Кавказа. На Новый 1968 год я попросила Кайсына Кулиева поприветствовать от имени жителей нашей республики всех радиослушателей Северокавказского региона. Кайсын произнес это короткое приветствие на одном дыхании, пожелав, чтобы «Новый год был щедрым и добрым ко всем людям труда и доброй воли, чтоб дал он старикам мудрый покой, школьникам – счастливой учебы, малышам – много игрушек и веселых, ярких, книжек, поэтам – труда и вдохновения».. и т. д. и т. п. И в заключение он прочитал стихотворение «Все еще впереди».

– А теперь у меня к тебе просьба,– обратился он ко мне,– я бы хотел, чтобы меня услышали и мои киргизские друзья. Это возможно? Я посвятил им стихи.

– Замечательно,– обрадовалась я.

И он тут же, не отходя от микрофона, начал:

– Кымбатту киргыз достор! Шлю сердечный привет и поклон из моих родных ущелий любимому Киргизстану, его рабочим, хлеборобам, чабанам, табунщикам, мастерам искусства и, конечно, друзьям собратьям-писателям. Горячо поздравляю аксакалов киргизской литературы Аалы Токомбаева, Тугельбая Садыкбекова, Темеркула Умайталиева, Ясыра Шкваза, Куманычбека Маликова...

Я думала конца не будет этому перечислению. Наконец он дошел до Чингиза Айтматова, потом до тех молодых писателей Киргизстана, которых лично он еще не знал. «Жангы, жылынг кутту болсун, мени Кыргызстаным!»– закончил он свои пожелания и прочитал известные теперь всем его стихи:

Я ел твой хлеб, я воду пил твою,
Шел по твоим отрогам, в снег одетым,
Я руки в горном пожимал краю
Твоим табунщикам и твоим поэтам.

Как матери мы помним молоко,
Мы доброты людей не забываем;
Мы помним хлеб, нам данный братским краем
В те дни, когда нам было нелегко.

Каждая встреча с Кайсыном удивляла. Он был прост и правдив, о нем не скажешь, что он был наивен, но был раним. В каждом человеке он открывал для себя что-то новое, мог радоваться успеху как друзей, знакомых, так и вовсе незнакомых людей.

Помню, в здании школы-интерната в Александровке проходил республиканский слет юных краеведов. Кулиев был в жюри. В перерыве он подошел ко мне и говорит: «Найдите эту девочку,– протягивает мне школьную тетрадку,– и запишите. Вы только посмотрите, как она написала сочинение о своей бабушке: «Она постарела»...– Он вскинул брови в ожидании моей реакции.– Это же почти по-чеховски...»

Такой он был восторженный человек.

Как-то я с укоризной сказала ему в сердцах: «С вашей подачи одолели нас, Кайсын Шуваевич, молодые поэты, пять-десять стихотворений напишут и уже бегут на радио: «Кайсын рекомендовал передать по радио».

– Ты и сама еще молода,– улыбнулся он мне,– не понимаешь: время им – судья, время решит за тебя и за меня: кто из них будет поэтом, а кто – нет. Молодые побеги затоптать легко, а вот дать им воздух, свет – это труднее.

Горячность моя была остужена.

До конца своих дней, пока билось его сердце, пока мог держать он карандаш, Кайсын сотрудничал с нами. Его последнюю запись на радио делала я. Это было 2 марта 1984 года. Неторопливо наступала весна. В стране шла предвыборная кампания в Верховный Совет СССР. Среди кандидатов в депутаты республика назвала и имя Кайсына Кулиева. В то время он уже болел, реже появлялся на людях, мало выступал публично. Мне позвонили из Москвы мои коллеги из главной редакции литературно-драматического вещания, две Лиды – Лидия Кирпичева и Лидия Новочадова, и попросили организовать публицистическое выступление Кулиева о том, как он видит и понимает служение депутата народу.

Я позвонила Кайсыну в Чегем.

– Я немного приболел, дня через два я сам позвоню тебе,– сказал он.

Не понравились мне тогда ни его голос, ни его настроение.

Через два дня он действительно позвонил и, вздохнув тяжко, сказал:

– Приеду я завтра утром.

– Хотите, я сама приеду к вам и запишу,– предложила я.

– Не-ет, что вы! – возразил он.– Я сам приеду.

В назначенный день и час он действительно был на радио. Приехал с женой. Выглядел он неважно: похудевший, бледный. Студия была уже готова к записи, он повернул голову к Элизат, которая сидела чуть поодаль, сбоку, и сказал: «Пусть посидит».

Речь Кайсына была короткой, говорил он очень искренне о долге народного избранника, но был при этом какой-то погасший. В конце неожиданно для меня сказал: «А закончить свое выступление мне хотелось бы стихами» – и прочитал «Стихи, сказанные будущему».

У меня волосы дыбом встали, когда он с щемящей грустью проникновенно читал строки:

Потомки мои, я желаю вам счастья,
Пусть будут светлы ваши светлые дали,
Пусть горькое горе вам лица не застит.

Передача была записана, я выключила микрофон и, чтобы как-то разрядить обстановку, развеять охватившее нас всех настроение грусти, обратилась к нему:

– Кайсын Шуваевич, я не задала вам традиционного вопроса: над чем вы сейчас работаете?

– Как и всегда, пишу стихи,– усмехнулся он.– Элизат принесла несколько стихотворений, там есть и новые, и опубликованные тоже. Если хочешь, она прочитает их.

Я пробежала глазами белые листки, которые протянула мне Элизат.

Когда подломится крыло орла,
Как трудно птице путь продолжить дальний,
Когда пила касается ствола,
Ему так больно в этот миг печальный.

Поэты – жизнелюбы: их удел
Жизнь воспевать, любовь и землю эту.
И если вдруг о смерти он запел,
Что надо было претерпеть поэту!..

Меня осенила страшная мысль: а вдруг и вправду ему невмоготу, а вдруг не осилит, не победит...

Я вышла из студии, оставив их одних, а когда я зашла в аппаратную, Элизат читала:

Предела нет ни вере, ни неверью.
Лишь силам и терпенью есть предел.

Это была моя последняя встреча с Кайсыном Кулиевым.

4 июня 1985 года его не стало.

Но вечен мир и вечна поэзия, как любил говорить сам Кайсын. Он оставил нам в наследство свои книги. А в них его видение мира, его восторг и его боль,– его трепетное сердце.

И мы все, ныне живущие и будущие поколения, этим богаты.

Елена Хазраиловна

БОРСОКОВА
(1936)

Елена Борсокова родилась в селении Ерокко, Урванского района Кабардино-Балкарии в семье служащего.

В 1944 году пошла в 1-й класс общеобразовательной и Детской музыкальной школ в Нальчике. С тех пор ее жизнь была связана с музыкой. В 1954 году она поступила в музыкальное училище города Орджоникидзе (ныне Владикавказ), а после его окончания в 1958 году продолжила образование в Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова. В 1963 году Е. Х. Борсокова вернулась в Нальчик и стала работать солисткой-пианисткой и концертмейстером Кабардино-Балкарской государственной филармонии вплоть до 1995 года.

В 1969 году получила почетное звание заслуженной артистки Кабардино-Балкарии за творческие успехи и за развитие музыкального искусства республики.

В 1965 году впервые участвовала в Днях литературы и искусства Кабардино-Балкарии в Латвии и Москве, а также принимала участие в работе пленума Союза композиторов КБАССР. Елена Борсокова принимала участие почти во всех подобных мероприятиях, выступая сольно и аккомпанируя всем ведущим певцам.

С 1964-го по 1969 год на общественных началах подготовила силами артистов госфилармонии, солистов и артистов хора Кабардино-Балкарского радиокомитета, преподавателей и студентов старших курсов Нальчикского музучилища оперу великого австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта «Свадьба Фигаро» (по Бомарше). Этой оперой была впервые открыта сцена только что построенного Музыкального театра. Режиссер, заслуженный артист РФ Ахмед Пачев (исполнитель роли графа Альмавивы), гл. режиссер, заслуженный деятель искусства РФ Хажбекир Хавпачев (бывший директор госфилармонии и председатель Союза композиторов КБР) и другие многое сделали, чтобы эта опера шла и имела большой успех.

С 1966-го по 1968 год Елена Борсокова подготовила сила-

ми самодеятельных артистов при Доме учителя оперу Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». Режиссером и исполнителем главной роли Ивана Карася был Мулид Макоев. Опера прозвучала на украинском языке.

С 1968-го по 1973 год она преподавала специальное фортепиано в Нальчикском музучилище и часто выступала с народной артисткой Дагестана, заслуженной артисткой РФ Ириной Шериевой в ее сольных концертах. В последние годы выступала и с народной артисткой РФ Натальей Гасташевой, была с нею на гастролях и за рубежом.

Все годы работы Елена Хазраиловна Борсокова активно участвовала в развитии музыкального искусства республики. Так, в 1997 году в кабардинском театре была поставлена премьера музыкальной комедии «Черный дракон» итальянского композитора Доменико Модуньо. Перевод на кабардинский язык Заура Жирикова удачно лег на музыку, и она с актерами разучила все музыкальные номера. Когда все было готово, их пришел прослушать главный дирижер симфонического оркестра Кабардино-Балкарской госфилармонии, заслуженный артист РФ Борис Темирканов. Он одобрил работу и дал свое согласие аккомпанировать. Симфонический оркестр на спектакле сопровождал пение драматических артистов.

Двумя годами раньше совместно с народным артистом КБР Махмудом Текуевым она выпустила сборник песен «Поет Махмуд Текуев», а в 1977 году сборник «Песни на слова Кайсына Кулиева» (к 80-летию со дня рождения поэта). В обоих случаях Елена Борсокова выступала в качестве музыкального редактора. Выпустила она и третий сборник – «Песни Ирины Шериевой». В августе 1977 года вместе с артисткой госфилармонии Аделаидой Добычиной участвовала в конкурсе, посвященном 80-летию Кайсына Кулиева, организованном Фондом его имени. А. Добычина прочитала композицию из стихов поэта по заданной теме «Мир и радость вам, живущие!», затем с ней Елена Борсокова показала музыкально-литературную композицию по стихотворению К. Ш. Кулиева «Играют Шопена», где Борсокова использовала музыку великого польского композитора (фрагменты из различных произведений) Шопена.

С поэтом Кайсыном Кулиевым Елена Борсокова встречалась много раз. Они хорошо знали друг друга. Своими воспоминаниями Е. Х. Борсокова поделилась в статье «Незабываемые встречи».

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Впервые с Кайсыном Кулиевым я познакомилась в 1962 году в доме Алима Кешокова. Будучи студентами Саратовской консерватории, мы с певицей Светланой Богатыжевой, племянницей Алима, часто бывали у него, когда приезжали домой на каникулы. В его гостеприимном особняке мы с ней давали импровизированные концерты для многочисленных гостей поэта, бывшего тогда председателем Союза писателей Кабардино-Балкарии. Она пела, а я играла на пианино. Однажды мы оказались за одним столом с К. Кулиевым и его супругой Макой. Алим Пшемахович уже знал наизусть наш репертуар и заказал исполнить песню Артемия Шахгалдяна на слова Кулиева «Скачи, мой ослик!». Впервые исполненная на первом курсе консерватории, эта песня так и осталась в репертуаре певицы, ныне заслуженной артистки КБР Светланы Богатыжевой. В тот день Светлана спела ее очень вдохновенно. Кайсын Шуваевич был доволен. «Великолепно!» – воскликнул он и поцеловал нам руки.

В моей памяти сохранилось много добрых воспоминаний от встреч с этим замечательным человеком. Мне посчастливилось выступать с ним и с другими нашими прекрасными поэтами на многочисленных концертах-встречах, которые проходили во время Дней и Декад литературы и искусства Кабардино-Балкарии в Латвии, Москве, Ростове-на-Дону, Виннице, городах и республиках Северного Кавказа.

Мне всегда было приятно чувствовать внимание Кайсына Шуваевича и его теплое, доброе, дружеское и вместе с тем очень уважительное отношение ко мне, как к человеку и как к пианистке. Он очень высоко ценил труд артиста, особенно музыканта. Кайсын Шуваевич умел великолепно слушать исполняемую мной музыку великих композиторов: Бетховена, Шопена, Грига, Рахманинова и других. У него есть замечательные стихи о Бетховене и Шопене. Мне доставляло истинное удовольствие играть для него. Помню, он морально поддерживал меня и вдохновлял перед серьезным и ответственным выступлением, как это было в Государственном концертном зале им. П. И. Чайковского в 1971 году, когда в Москве проходила Декада литературы и искусства нашей республи-

ки. Я тогда не только аккомпанировала, как всегда, нашим ведущим певцам, но должна была и выступать с сольным номером: я исполняла «Рапсодию» для фортепиано с оркестром Хасана Карданова. Мне предстояло играть вместе с высокопрофессиональным коллективом из 120 человек – оркестром кинематографии СССР. Дирижировал заслуженный деятель искусств КБР Иван Щербаков. Это был для меня серьезный экзамен. Я очень разволновалась перед выходом на знаменитую сцену, увидев зал, заполненный до отказа публикой, телекамерами и микрофонами Центрального радио и телевидения СССР. Концерт транслировался по всей стране. Кайсын Шуваевич, заметив мое ужасное волнение, подошел ко мне с Давидом Кугультиновым, познакомил меня с ним, подозвал стоявшего рядом Алима Кешокова и при них стал внушать мне, что все будет хорошо, что я играю прекрасно и что мое выступление доставит москвичам истинное удовольствие, что мне надо просто смело выходить на сцену и играть. Все это происходило перед началом второго отделения концерта в гримкомнате, за сценой. Я поняла, что знаменитые поэты искренне болели душой за каждый номер концертной программы и радовались малейшему успеху артистов. Когда я выступила, и довольно успешно, все трое сердечно поздравляли меня. Я была счастлива. Кайсын Шуваевич тогда своим участием помог мне взять себя в руки, победить страх и волнение.

Моя творческая жизнь была постоянно связана с творчеством Кулиева, так как я работала концертмейстером Кабардино-Балкарской госфилармонии и в репертуаре каждого солиста, с которым я репетировала и выходила на сцену, обязательно была песня на стихи Кайсына Кулиева. Его имя с каждым годом становилось все более и более известным далеко за пределами КБР и бывшего СССР. Все, без исключения, композиторы нашей республики написали песни, оратории, кантаты на его стихи. Советские композиторы-песенники тоже вдохновлялись поэзией К. Кулиева.

Совсем недавно, т. е. к 80-летию со дня рождения Кулиева, народный артист КБР, певец Махмуд Текуев собрал и выпустил из печати сборник «Песни на стихи К. Кулиева» («Мир и радость вам, живущие». Нальчик: Эльбрус, 1997). Меня он попросил быть музыкальным

редактором. Я с радостью согласилась. В сборник вошли песни разных лет и разных композиторов.

К 80-летию Кулиева Фонд им. К. Ш. Кулиева в августе 1997 года провел конкурс среди драматических актеров всех театров КБР на лучшее исполнение литературной композиции по произведениям Кулиева под девизом – «Мир и радость вам, живущие!». У нас с артисткой госфилармонии, мастером художественного слова Аделаидой Добычиной, давно была готова литературно-музыкальная композиция по стихотворению Кулиева «Играй Шопена». В ней я играла фрагмент из произведений великого польского композитора Ф. Шопена, которого очень любил Кулиев. Это были: «Вальс», «Ноктюрн», «Революционный этюд», «Прелюдии», «Фантазия-экспромт». Кроме этого, А. Добычина прочитала свою композицию из стихов поэта. В результате она и актер Кабардинского театра им. А. Шогенцукова Валентин Камергоев поделили 1-е и 2-е места, остальные места достались актерам Балкарского театра им. К. Ш. Кулиева. Зная мою любовь к его поэзии, некоторые из присутствующих зрителей просили и меня почитать стихи любимого поэта. У меня же и в мыслях не было соревноваться с драматическими артистами, и я отказалась.

...Вспоминается мне и 1982 год, когда, будучи участницей Дней литературы и искусства в Адыгее в качестве пианистки и аккомпаниатора, мне пришлось на всех банкетах, которые устраивались в честь нашей делегации, читать стихи наших поэтов. «Виноват» в этом был Кайсын. На одной из небольших встреч с научными работниками Института растениеводства, тогдашнего филиала Академии наук СССР в Адыгее, он впервые отказался выполнить просьбу почитательниц его таланта. Молодые женщины умоляли его почитать свои стихи, но он был категоричен в своем отказе, показывал на гортань и говорил, что не сможет прочесть ни одного стихотворения. Я знала, что он мог великолепно декламировать и всегда с удовольствием читал свои стихи. Но на этот раз он не мог физически. Тогда я еще не знала, да никто и не догадывался, как он серьезно болен и через какие муки ему предстоит пройти... За банкетным столом Кайсын сидел напротив меня. Он поймал мой укоризненный взгляд, но не огорчился, а скорее наоборот – очень обрадовался.

Я хорошо помню его солнечную улыбку и радостный возглас: «Вот, кто выручит меня! Леночка, пожалуйста, выручите меня! Прочтите этим прекрасным женщинам мои скромные вирши, и да простят они меня за то, что вынужден молчать!» Я, конечно, не смогла ему отказать и с удовольствием согласилась прочесть прекрасные кайсыновские стихи. В тот вечер я читала стихи и Кешокова, и многих других поэтов. Адыгейскому руководству понравились стихи в моем исполнении, поэтому мне пришлось выполнять их заказы и на других банкетах. В «Кабардино-Балкарской правде» появилась заметка, освещающая наши выступления в Адыгее. Обо мне было написано: «Заслуженная артистка КБАССР Елена Борсокова с успехом читала стихи народных поэтов КБР А. Кешокова, К. Кулиева, а также и других поэтов». Но нигде не упомянули, что я участвовала в очень ответственных концертах как пианистка и аккомпаниатор, сопровождая выступления наших ведущих артистов-певцов в эти Дни литературы и искусства КБР в Адыгее.

...Самый памятный для меня случай, связанный с Кайсыном, относится к 1977 году, когда вся Страна Советов отмечала его 60-летие со дня рождения. В конце октября я вернулась из Винницы, где проходила наша очередная Декада. На следующий день я пришла в филармонию, и мне вдруг сказали: «Готовься, завтра ты едешь в Москву. Ты участвуешь в очень ответственном концерте в Зале им. Чайковского, где будут отмечать 60-летие со дня рождения К. Ш. Кулиева. С тобой поедут солисты Музыкального театра: И. Жанатаев, Р. Лабко, В. Барагунов. Некоторые из них сейчас находятся на фестивале в Днепропетровске, оттуда они прибудут в Москву и присоединятся к вам. Людмила Кульбаева тоже едет со своими баянистами. Все будут исполнять песни на слова К. Кулиева». Я была несколько расстроена: ехать на ответственное выступление в Москву с певцами, с которыми вместе не работала, не репетировала, было рискованно. Я хорошо знала Исмаила Жанатаева и Романа Лабко как вокалистов, но мне все-таки нужна была репетиция, и не одна. Особенно я огорчилась, когда узнала, что некоторые из них не знают наизусть произведений, которые будут исполнять. Знала и другое: в этом зале на чествовании Кулиева будут выступать поэты со всех

союзных республик и концерт, посвященный Кайсыну, будет транслироваться по Центральному радио и телевидению СССР. Я очень переживала, пыталась учить с ними тексты и мелодию, но ничего не получалось. Вокалисты старались меня успокоить, убеждая, что к концерту они будут готовы, текст выучат, что все будет хорошо...

В Москве я обратилась к директору Концертного зала им. Чайковского и попросила предоставить нам зал для репетиций, хотя бы на три часа. На что он возмущенно сказал: «Вы хоть знаете, где находитесь?! Это же Концертный зал им. Чайковского! Сцена № 1 – это для музыкантов всего мира! Здесь не только три часа, но и трех минут я не могу вам дать для репетиций!» Мне пришлось уйти очень огорченной. Обо всем я рассказала Кулиеву. Он добродушно рассмеялся и сказал: «Ну что вы, Леночка, из-за этого расстроились, это же пустяки. В моем номере стоит кабинетный рояль, он в вашем распоряжении. Репетируйте, сколько хотите». Так и решили. Но главное – нам нужна была тишина, а в его номере всегда было шумно: люди к нему шли каждую минуту, все хотели увидеть своих любимых поэтов, поговорить с ними. Однако мы репетировали. На следующий день нас вызвали в Концертный зал им. Чайковского для прогона нашего отделения концерта. Были М. Жеттеев, Р. Лабко, а В. Барагунова еще не было. Он появился перед самым концертом и сказал, что в Москве находится по делам издания «Антологии адыгской музыки», а пришел только для того, чтобы послушать своих коллег, что выступать он не будет, так как нот с ним нет. Имя его было записано в программе концерта, и он обязан был спеть «Песню, подаренную девушкам» Вл. Молова на слова К. Кулиева.

После приветствия и выступлений советских поэтов начался концерт, а я все репетировала с В. Барагуновым его песню. Уже пел с детским хором знаменитый тенор, прославленный певец, народный артист СССР И. С. Козловский, а мы все еще репетировали...

Нашей небольшой группе артистов из КБР доверили завершить юбилейную концертную программу. К счастью, все номера прошли хорошо, артисты выступали успешно.

Главное, остался доволен нами юбиляр – Кайсын Кулиев, 60-летие которого отмечала вся советская страна.

КОКОВ
(1930)

Джамалдин Коков – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка Кабардино-Балкарского госуниверситета, заслуженный деятель науки КБР (1989) лауреат Государственной премии КБР в области науки и техники (1994), член Адыгской (Черкесской) международной академии наук (с 1996 г.), действительный член РАЕН (по секции «Российская энциклопедия»).

Вскоре после окончания педагогического института в Нальчике Д. Н. Коков поступил в аспирантуру. В 1958 году защитил кандидатскую диссертацию, а через семнадцать лет, в 1975-м,– докторскую диссертацию. Является автором более 180 работ, из них много монографий и учебников по русскому языку, старославянскому языку и по методике изучения русских имен числительных.

Мягкий по природе, высоконравственный и эмоционально восприимчивый Джамалдин Нахович любит поэтическое слово и ценит мастеров в литературе; знает много стихов русских и нерусских классиков и при случае может долго и вдохновенно читать наизусть, доставляя удовольствие себе и окружающим.

Поэзия Кайсына Кулиева, считает профессор, достойна высокого уважения, любви и восхищения. Он лично знал Кайсына, не раз встречался с ним в стенах университета, говорил о литературе, о его подлинном даровании и обаянии. Творческие интересы этих двух многогранных личностей были различными, но их объединяла искренность и простота чувств, приветливость и общительность.

В своих воспоминаниях о Кайсыне Джамалдин Нахович коснулся лишь одного дня – лета 1956 года, но и этого достаточно, чтобы запомнить неповторимый облик поэта, его духовную жизнь и интересы. Кайсын оказался в селении Малка в родительском доме будущего профессора-филолога. Об этом одном дне и поведал Джамалдин Коков.

СЛОВО О КАЙСЫНЕ

Мое знакомство с Кайсыном Кулиевым состоялось в необычайных условиях и в интересном обществе. Это было в моем родительском доме в селении Малка. Год был 1956-й. Балкарский народ находился еще на чужбине.

Летом 1956 года ко мне в Малку приехал в гости мой любимый учитель по аспирантуре в МГПИ им. Ленина, известный ученый и автор школьного учебника Сергей Ефимович Крючков. Он вместе с известным филологом-москвичом А. Т. Бозиевым отдыхал в Ессентуках. По счастливому стечению обстоятельств, с ними оказался не знакомый мне человек, о котором мне Сергей Ефимович сразу же шепнул: «Это чудный поэт, ты только послушай». И далее московский профессор, то заглядывая в подаренную ему книжку стихов, то просто наизусть и с большим удовольствием читал и читал стихи Кайсына, о которых мы мало еще знали. «Какая музыка, какая лирика: «скачи, мой ослик, скачи, мой ослик»,– не уставал повторять профессор.

Погостив у отца, на второй день мы поехали в Нальчик. Кайсын куда-то уходил, потом снова присоединялся к нам, вместе обедали. Хорошо запомнился обед в ресторане «Нальчик». Кайсын был в белой рубашке с засученными рукавами, очень живой и приятно озабоченный. Оказалось, что поэт приехал в республику, чтобы вплотную заниматься вопросами возвращения своего народа на родину. Он рассказал о том, как продвигаются эти нелегкие дела, советовался по тем или иным вопросам. В этом интереснейшем обществе в июне 1956 года я провел несколько чудесных дней, которые остались в моей памяти на всю жизнь.

При каждой встрече Кайсын обнимал меня, дарил все свои новинки, подробно расспрашивал о родителях, всех членах семьи.

Большой поэт, я это могу сказать от знакомства с близкого расстояния, был и большим гражданином, нежным и заботливым сыном своего народа, сделавшим много для облегчения участи его. Он был также верным сыном всех народов, обогреваемых его могучей поэзией.

Даже короткая беседа с Кайсыном в душе оставляла глубокий след. Это всякий раз заставляло думать о том, что такой хороший человек не мог не быть столь известным певцом прекрасной нашей земли и души человеческой.

В те дни я имел удовольствие наблюдать частые диалоги между большим поэтом и истинными ценителями поэзии. Особенно в прелестных местах в верховьях Малки, где и горы, и луга, и водопады, и сам пьянящий воздух стимулировали чарующий поединок пленников лирики.

Без конца звучали стихи. Казалось, что Сергей Ефимович и Кайсын Шуваевич знают наизусть всю классику. Приметный цветочек или причудливый камень встречались стихами. Эти декламации у меня до сих пор в ушах:

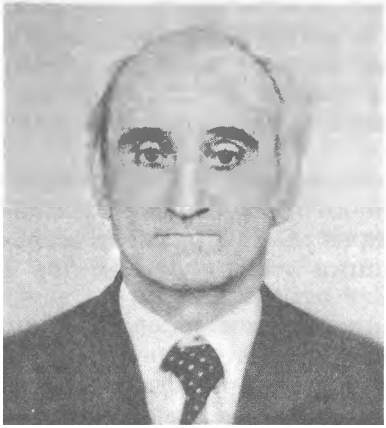
Цветы увядшие милей
Роскошных первенцев полей...

Кайсын Кулиев остался в памяти друзей, всех читателей именно таким, каким хотел остаться; и об этом лучше сказать словами самого поэта:

И пусть, когда ты вспомнишь обо мне,
Услышишь ты не шаг усталой клячи,
А топот кабардинского коня.
Пусть будет так – я не хочу иначе.

Я тоже не хочу.

Кашиф Мисостович
ЭЛЬГАРОВ
(1935)



Кашиф Эльгаров – известный кабардинский поэт и прозаик. Он родился в 1935 году в селении Шалушка в семье крестьянина.

После окончания средней школы его направили на учебу в Литературный институт им. А. М. Горького, который он закончил в 1960 году. Вернувшись в Нальчик, молодой поэт поступил на телестудию редактором, где проработал многие годы.

Первые стихи Кашифа Эльгарова появились в печати в 1955 году. С тех пор он издал много сборников стихов, такие, как «С восходом солнца», «Песня у водопада», «У развилки семи дорог», «Солнце над Дзалукой» и многие другие.

В 1959 году он стал членом Союза писателей СССР. Является самым активным сотрудником журнала «Ошхамахо». Его сборники стихов и рассказы: «Друзья», «Совесть», «Наставление сыну», «Не обманывай», « Не хвались» – вызывают большой интерес у читателей, особенно у молодежи.

Кашиф Эльгаров проявил себя и как литературный критик. Он написал статью к 10-летию со дня гибели Али Шогенцукова, которая была опубликована в газете «Ленинский путь» (на кабардинском языке), глубокую критическую статью о творчестве Т. Шевченко «Великий народный поэт», а также статьи о многих кабардинских и балкарских поэтах и писателях.

О его творчестве писали П. Шевлоков, Адам Шогенцуков, Х. Кармоков, Х. Кажаров и многие другие писатели, поэты, литературоведы.

Кашиф Эльгаров наиболее полно сумел воспеть во всем объеме нравственного и эстетического склада свою нацию и ее лучших представителей, природу родного края, красоту кавказской природы, своих земляков, преобразующих ее, скромных и трудолюбивых горянок, мудрых, седобородых старцев.

Кайсына Кулиева он знал давно, любил его поэзию, восхищался его природным талантом и был благодарен ему за оказанное внимание. В своих скромных заметках-воспоминаниях Кашиф Эльгаров гордится дружбой с великим Кайсыном.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫМ Я ГОРЖУСЬ

Как пчелы липнут к меду, так и Кайсына всегда окружали люди, и не простые люди – такие же работящие, как пчелы. Это были люди, которые, как и он, дарили доброту и сладость – люди его окружения. Все это я говорю не ради красного словца. Слава Богу, Кулиев не нуждался в похвалах так же, как мед не нуждается в сахаре. Это просто штрихи к его портрету, это то, что я видел, наблюдая за Кайсыном.

У нас говорят: у кого есть ум, тот ищет ум, для того чтобы его ум еще больше смог развиваться. У Кулиева были глубокие знания и большой ум. Еще до начала войны он учился в Москве в Театральном институте им. А. В. Луначарского. Там он встречался с большими, известными людьми, выдающимися деятелями культуры и литературы из многих стран мира. Они уважали его, ценили его за ум и громадный талант, за его знания культуры мировой цивилизации. Однако он понимал, что лишних знаний не бывает, и продолжал учиться всю жизнь, тем более что годы Великой Отечественной войны и депортация многое у него отняли.

Наша дружба началась с 1956 года, когда я учился в Литературном институте, будучи студентом второго курса. При этом институте были организованы Высшие литературные курсы. Сюда и приехал Кайсын из Киргизии, где он находился в изгнании вместе со своим депортированным народом. До этого я знал его по стихам, которые публиковались в центральных и местных газетах и журналах.

Мы жили тогда под Москвой, в так называемом городке писателей – Переделкино. Там же, в общежитиях, жили и некоторые слушатели Высших литературных курсов. Там я и встретился с Кайсыном. И что примечательно: не я, а он нашел меня, своего земляка. Попросил называть его просто по имени (без отчества), и между нами завязался разговор.

– Кто-нибудь из наших есть здесь? – спросил Кайсын.

– Нет,– ответил я.

– И я не слышал. Сколько тебе лет? – снова спросил он.

Услышав мой ответ, он сказал:

– Я мог бы иметь такого сына, как ты. Так что...

Принимая меня за старшего брата его сына, которому тогда было, может быть, лет пять, Кайсын часто брал меня с собой и знакомил с теми большими людьми, которые его окружали. Благодаря незабвенному Кайсыну я познакомился с Расулом Гамзатовым, Мустаем Каримом, Давидом Кугультиновым, Жамалдином Яндиевым. Для меня, студента второго курса, великим счастьем были эти встречи – встречи с авторами стихов, которыми я зачитывался все больше и больше. Я не раз слышал, как они читали стихи друг другу, как они говорили между собой, спорили о литературе, о политике. И всегда задавал тон дискуссиям мой Кайсын. Я был в восхищении, когда слушал их «лекции» по различным вопросам культуры, положения дел в стране, иногда изумлялся речам этих великих и бесстрашных людей. Я многое от них узнал о том, что они пережили, особенно Давид Кугультинов. Эти «лекции» намного отличались от тех, которые мы слушали в аудиториях нашего института.

Присутствуя при беседах с этими известнейшими поэтами, я гордился Кайсыном, который, как мне казалось, намного превосходил своих знаменитых друзей и по знаниям, и по культуре образования, даже по опыту жизни. Я любил слушать, как он читал стихи – свои и своих друзей. Мне казалось тогда, что из его уст летят не слова, а искры, искры огня его доброго и большого сердца.

Вот так началось более сорока лет назад наше знакомство. Слава Богу! Оно потом превратилось в прочную дружбу. И я горжусь тем, что Кайсын часто, может быть больше чем у кого-либо, бывал у меня в гостях. Приходил он ко мне как старший брат ходит к младшему. Приходил он и один, когда у него настроение было неважное или, быть может, чем-то был огорчен и ему надо было излить передо мной свою душу. Приходил Кайсын ко мне и с друзьями – с нашими общими друзьями – веселый и радостный. Я тоже радовался ему, его знакомым. Он добродушно шутил, потому что он был добрейшим во всех отношениях человеком и приносил с собой доброту, надежду и радость. А что человеку еще нужно?!

А теперь... Теперь все это я нахожу в его бессмертных стихах. И нет конца той гордости, которая вошла в мою плоть, в душу мою более сорока лет назад.

Спасибо, судьба, тебе за это!

Виктор Исуфович КУШХАБИЕВ (1931)

Уроженец Нальчика, окончил республиканскую среднюю школу-интернат в 1948 году, Северо-Осетинский госмединститут в 1954 году, с отличием; по возвращении работал заведующим Н.-Курпским сельским врачебным участком, а с 1 октября 1955 года по 1959 год – главным врачом и хирургом Эльбрусской райбольницы.

С 1959-го по 1962 год находился в аспирантуре при Ленинградском институте хирургического туберкулеза, защитил кандидатскую диссертацию в 1964 году. С 1962-го по 1966 год работал главным врачом и хирургом Детского костнотуберкулезного санатория «Огонек» МЗ КБАССР, где разработал и внедрил ряд новых операций по лечению костно-туберкулезных больных. Присвоено почетное звание «Заслуженный врач КБАССР». С 1966-го по 1969 год был первым деканом вновь открывшегося медицинского факультета КБГУ. С 1969-го по 1971 год находился в докторантуре на кафедре оперативной хирургии и топанатомии 2-го МОЛГМИ им. Н. И. Пирогова. Защитил докторскую диссертацию в этом институте в 1972 году по теме: «Анатомо-хирургическая оценка оперативных доступов к позвоночнику».

С 1971-го по 1980 год – доцент кафедры нормальной и патологической анатомии. С 1980 года – профессор кафедры госпитальной хирургии, а с 1994-го – профессор кафедры нормальной и патологической анатомии.

Опубликовано в печати свыше 150 научных и методических работ, среди которых: Словарь латинской анатомической терминологии. Нальчик, 1968. Ч. 1; 1969. Ч. 2; Хирургия шейных позвонков. Нальчик, 1976; Оперативная хирургия грудного отдела позвоночника. Нальчик, 1976; Атлас оперативной хирургии. М., 1977. 41 п. л.; Хирургия головы и шеи, 1982; три изобретения, 20 рацпредложений, 40 вкладов в медицинскую науку. Является Председателем Кабардино-Балкарского отделения ВрНОАГЭ, членом Правления Северо-Кавказского отд. ВрНОАГЭ, членом Правления ВрНОАГЭ; член-корреспондент Международной академии информатизации.

ОДНА ИЗ ВСТРЕЧ С КАЙСЫНОМ ШУВАЕВИЧЕМ КУЛИЕВЫМ

В 1972 году в Москве, где находился на лечении Кайсын Шуваевич, я позвонил по телефону ему в палату Кремлевской больницы и после приветствий попросил заказать мне пропуск к нему. Он уточнил время, и я поехал в больницу. На контрольно-пропускном пункте мне сказали, куда идти, и я быстро нашел его палату. Она была со всеми удобствами. В комнате стояла спецкровать оригинальной конструкции, обеспечивающая различные положения больному, рядом – панель с вызовами дежурного медицинского персонала; телефон также стоял рядом. Круглый стол – ближе к окну, с пишущей машинкой. Кайсын был по-домашнему одет и сидел около пишущей машинки.

После приветствий я поинтересовался его самочувствием, выяснил степень его осведомленности о своей болезни, лечение, которое ему проводят. Он отвечал, что лечение ему всегда помогает, что он не раз обследовался и лечился в этой больнице, медперсонал его знает и относится к нему хорошо. Рассказал Кайсын и о встречах с крупными государственными деятелями, которые лечатся там же. Говорил об импортных препаратах и продолжительности лечения на этот раз.

Он подчеркнул, что, несмотря на болезнь, много пишет, печатает на машинке; как он говорил: «выполняю свой личный план, задуманный с начала года». Практически у него не бывает свободного времени, чтобы бездельничать или переживать за свою болезнь. Самое лучшее – это отвлекаться от болезни и не думать о ней, тем более, что лечение проводят крупные специалисты новейшими препаратами.

Кайсын рассказывал о своих последних зарубежных поездках, о встречах с разными людьми, о переводчиках его произведений. Расспрашивал меня о моей научной работе, о результатах, перспективах этой работы, о моей семье, о выборе профессии моими детьми. Поинтересовался, не нужна ли мне или детям какая-либо помощь и еще о многом другом.

Счастьем в жизни он считал – иметь хорошее здоровье, иметь крепкую семью, детей и трудиться на пользу

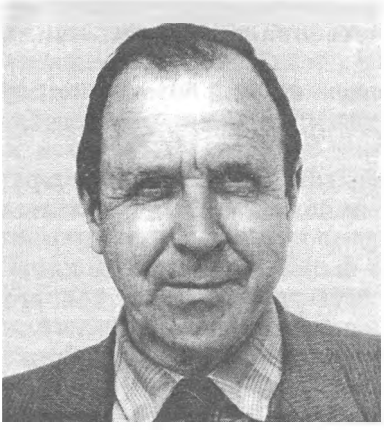
людей. В этом плане Кайсын возвышал профессию врача, который может круглосуточно работать и бороться за жизнь больного. «Мне рассказывали, как много ты оперировал в Эльбрусском районе и имел успехи у больных,– говорил он, подчеркивая мою хирургическую принадлежность.– Не менее ответственна и твоя нынешняя работа по подготовке молодых врачей. Конечно, молодежь надо заинтересовывать, передавать ей свой богатый опыт; правильно, что ты ушел на медфак, это очень ответственная работа».

Раньше он обычно рассказывал о различных встречах с интересными людьми, находил юмор, крылатые выражения. На этот раз его разговор носил жизненно-философский характер. Видно было, что ему не до длинных рассказов и не до юмора. Чувствуя это, я, чтобы его не утомлять, раза два пытался завершить свой визит, но он не хотел этого замечать и продолжал разговор, даже пытался организовать угощение.

В такой обстановке совсем незаметно прошел час. Пришла сестра, заявившая о наступлении времени приема лекарств, выполнения назначенных процедур. Тогда я откланялся и ушел.

Из рассказов Кайсына было видно, как высоко его положение в обществе. Он своей волей подавлял в себе болезнь, что придавало ему силы, как мужественному человеку, прошедшему через ужасы Великой Отечественной войны, видавшему горе и радость, трудную повседневную жизнь людей. Даже будучи серьезно больным, он находил в себе силы выполнять задуманный план, реализовывать свои творческие замыслы, не откладывая на потом. «Коленный сустав постоянно болит и не дает мне ходить, как это было бы надо,– обещали вылечить»,– говорил он. Несмотря на все это, Кайсын продолжал тонко вникать во все происходящее в жизни и воспевать родной горный край и его обитателей, гордился ими, считал себя неотъемлемой частью седого Кавказа.

Олег Леонидович
ОПРЫШКО
(1936)



Олег Опрышко родился 26 июля 1936 года в селении Нартан, Чегемского района, Кабардино-Балкарской Республики. Окончил среднюю школу в городе Тырныаузе, Московский государственный историко-архивный институт. С 1960 года – научный сотрудник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, с 1965-го – Республиканского краеведческого музея. С 1976 года – редактор книжного издательства «Эльбрус».

Член Союза писателей и Союза журналистов Российской Федерации.

Награжден знаком «Отличник печати» Госкомиздата СССР (1987). Присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской Республики» (1988). Награжден Почетной грамотой Кабардино-Балкарской Республики (1997).

Автор десяти документальных книг на темы истории Кабардино-Балкарии и событий периода битвы за Кавказ в 1942–1943 годах. Среди них: «На Эльбрусском направлении», «По тропам истории», «Через века и судьбы», «И вспомнят нас поименно...», «Бывают странные сближения...», «На изломе времен...».

Я ВЫПОЛНИЛ НАКАЗ ПОЭТА

Мое знакомство с Кайсыном Шуваевичем Кулиевым произошло в шестидесятые годы благодаря его другу и моему доброму старшему товарищу Тимуру Басиятовичу Шаханову, с которым мне довелось вместе работать в Кабардино-Балкарском краеведческом музее (ныне Национальный музей КБР). Выдающийся Поэт со свойственной ему простотой, радушием и благожелательностью, с незабываемой улыбкой, которая такой была только у него, часто приходил к нам в музей, чтобы просто здесь побывать, поговорить. Кайсыну Шуваевичу, несомненно, нра-

вилась особая тогда музейная атмосфера, где он находил такие редкие для него минуты отдохновения...

В то время я часто писал в газеты, выступал по радио, телевидению, рассказывая о событиях и героях Великой Отечественной войны в Кабардино-Балкарии, о наших земляках, прославивших свои имена в боях с гитлеровскими захватчиками. Кайсын Шуваевич знал об этом, читал некоторые мои материалы в «Кабардино-Балкарской правде», одобрительно отзывался о них, ведь он сам участвовал в той войне, знал цену солдатской жизни и смерти.

В один из дней конца сентября 1965 года, когда К. Ш. Кулиев пришел к нам в музей, я обратил внимание на то, что он взволнован. Сразу же, обратившись ко мне, Кайсын Шуваевич сказал, что вчера вечером вернулся из Приэльбрусья. И там, в Терсколе, начальник Тырныаузского горотдела милиции майор Кучменов рассказал ему о том, что на склонах Эльбруса в леднике обнаружены останки наших солдат, погибших в боях с гитлеровцами в 1942 году.

«Ты поезжай в Терскол, посмотри все это,– сказал мне Кайсын Шуваевич,– для тебя это важно, ведь ты занимаешься войной. И обязательно напиши в газеты о том, что увидишь, расскажи людям...»

И я поехал в Терскол. Наша группа, сопровождаемая местным жителем Хасаном Тиловым, поднялась на склоны Эльбруса и там в районе «Ледовой базы», на высоте около 4000 метров, я увидел потрясшую меня картину, которая и до сих пор стоит перед моими глазами. На крутом каменистом склоне, на краю подтаявшего жарким летом ледника лежали останки двенадцати наших бойцов, павших в бою с гитлеровцами в далеком 42-м году. А немного выше по склону, в скалистой гряде находилось укрепление немецкого пулеметчика, в котором все еще лежали десятки позеленевших от времени отстрелянных пулеметных гильз. Отсюда и бил гитлеровец – горный стрелок из дивизии «Эдельвейс», по нашим, идущим в свою последнюю атаку, бойцам...

Когда, вернувшись в Нальчик, я при встрече рассказал обо всем увиденном Кайсыну Шуваевичу, он нервно закурил, отошел к окну и долго стоял молча, как видно, вспоминая свое военное прошлое, павших в боях Вели-

кой Отечественной товарищей и однополчан. Потом сказал: «Напиши о боях в Приэльбрусье книгу. Ведь это неизвестная страница войны. А бои там шли особенные, мне рассказывали об этом очевидцы. Ищи людей, тех, кто там участвовал, работай в архивах. Сделай книгу. Ты это сможешь...»

И вот, спустя несколько лет пришел день, когда я выполнил наказ Кайсына Шуваевича и с его благословения написал книгу «На Эльбрусском направлении». Она увидела свет в Нальчике в 1970 году. И открывалась книга обращением к читателю, написанным К. Ш. Кулиевым: «Мы помним прекрасные слова С. М. Кирова о том, что не только красота таится в горах Кавказа, но горы станут и неодолимой преградой для врагов нашей Родины. Так и случилось в дни суровых битв против фашизма, в дни невиданных боев за свободу первого в мире социалистического государства. Фашистские войска, заняв многие районы Северного Кавказа, рвались к Закавказью. И тогда горы действительно стали перед ними мощной преградой, и оправдались слова Кирова. Но врагов, которым на время удалось водрузить свой черный флаг на Эльбрусе, остановили в первую очередь не горные хребты, а мужество и стойкость советских людей, отвага наших бойцов и командиров. Гитлеровцы были не только остановлены, но и отброшены, разгромлены, а горы навсегда освобождены от фашистской своры.

О том, как это происходило конкретно, и рассказывает книга, которую вы держите в руках, дорогой читатель. Она воскрешает память безымянных героев, она документально достоверна, убедительна. В этом ее ценность. Автор называет имена тех, кто сражался в нашем родном Приэльбрусье. Народ должен знать не только известных героев, но и скромных бойцов, которые сделали так много для Победы над злейшим врагом Отечества, выказав при этом необыкновенное мужество, мастерство, терпение и испытав большие страдания и лишения. Они погибали, но не сдавались. Олег Опрышко сделал благородное дело, рассказав об этих событиях.

Прочитав книгу, убеждаешься в том, что автор кропотливо изучил материал, хорошо его знает. Иначе, конечно, его работа не была бы такой убедительной и полезной. Опрышко не старается излишне беллетризиро-

вать свою работу, а просто документально точно рассказывает о событиях и людях. Это также является ценной чертой книги. Кроме того, нет или почти нет книг такого рода о героях Отечественной войны, написанных авторами нашей республики. А потому работа Опрышко мне кажется особенно нужной и своевременной. Автору в похвалу могу еще сказать, что он умеет рассказывать без ложного пафоса, которого не все могут избегнуть, имея дело с подобным материалом.

В книге хорошо показано благородство советских воинов. В то время, когда фашисты беспощадно истребляли детей и стариков, наши бойцы спасали детей в самых трудных условиях. Олег Опрышко рассказал о трогательной заботе отряда советских бойцов о группе детей из детдома, измученных голодом и страхом, затерянных в горах. Наши бойцы спасали их, несмотря на то, что сам отряд находился в тяжелых условиях. Это не могло меня не тронуть, ибо в годы войны я не раз видел и писал о детях, которых гитлеровские головорезы живыми зарывали в землю.

Книга Олега Опрышко воскрешает в памяти один из эпизодов великой борьбы нашего народа против фашизма. Она посвящена тем, кто отстоял родную страну, отдав ей все до конца – и самое дорогое – жизнь. О них должны знать живые. Эта книга рассказывает об огромных трудностях, выпавших на долю советских людей в годы войны, о большом мужестве, о стойкости, о преданности их Родине. Она несомненно понравится читателю своей правдивостью. Такие книги нужны и полезны.

Кайсын Кулиев,
лауреат Государственной премии РСФСР
им. М. Горького».

И еще я вспоминаю ноябрь 1967 года, когда в большом зале облсовпрофа в Нальчике проходило торжественное чествование Кайсына Шуваевича в связи с его 50-летием. Я тоже был в этом зале, правда, пришел на торжество с опозданием, только что вернувшись из поездки в Ставрополье, где встречался с участниками боев в Приэльбрусье.

Кайсын Шуваевич сидел за столом, установленном на сцене зала, рядом с Расулом Гамзатовым. Он был радос-

тный, лицо его светилось и озарялось такой замечательной кайсыновской улыбкой.

Я пришел на юбилей Поэта с подарком. Но в связи с моим опозданием преподнести его Кайсыну Шуваевичу перед началом торжественного чествования не успел. Подняться же на сцену и вручить подарок юбиляру не решился, да тогда это и не было принято, ведь все выступавшие заранее определились по своим рангам в соответствующих инстанциях.

В те шестидесятые годы я занимался историей наград. И был у меня редкий знак – один из тех, которыми имам Шамиль награждал своих военачальников и особо отличившихся в боях с царскими войсками воинов. Вот эту награду я и принес в подарок Кайсыну Шуваевичу.

Сидя в конце зала, на листке бумаги пишу:

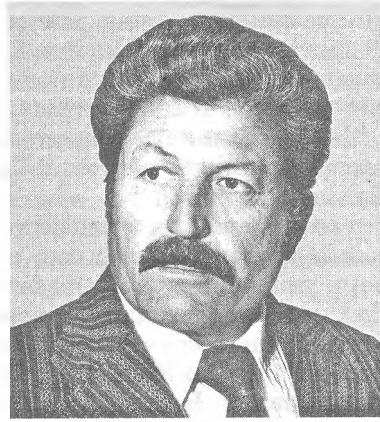
«Дорогой Кайсын Шуваевич! От всего сердца поздравляю Вас с юбилеем и преподношу Вам этот знак, которым Шамиль награждал своих мюридов.

С глубоким к Вам уважением *Олег Опрышко*».

Заворачиваю знак в записку и пересылаю по рядам через весь зал. Кто-то из сидевших в первом ряду передал пакетик Кайсыну Шуваевичу. Вижу, он развернул его, взял знак в руки, читает записку. Улыбаясь, стал всматриваться в зал. Нашел меня взглядом, кивнул и в знак приветствия поднял руку. Я приподнялся и ответил поклоном головы. Потом увидел, как Кайсын Шуваевич стал показывать орден Шамиля Расулу Гамзатову.

В перерыве я подошел к Поэту, поздравил с юбилеем, и он искренне обнял меня...

Узеир Алиевич ЖУЛАБОВ (1932)



Узеир Жулабов родился 10 апреля 1932 года в селении Актопрак, Чегемского района, КБАССР. С 1944 года жил в Казахстане.

В 1955 году окончил среднюю школу в селении Буденовка, Джамбульской области. Трудовую деятельность начал старшим пионервожатым в школе. В 1956 году поступил в Казахский государственный университет и закончил его в 1962 году. С 1962 года работал директором школы в селении Хушто Сырт, Чегемского района. В 1967 году поступил в аспирантуру в Алма-Ате – институт языкознания при АН КазССР. После окончания аспирантуры с 1971 года работает в издательстве «Эльбрус» редактором, старшим редактором, а с 1985 года заведующим редакцией учебно-методической литературы. Член Союза писателей РФ и член Союза журналистов РФ.

Тридцать пять лет они знали друг друга, Кайсын и Узеир, так как познакомились еще в 1956 году во Фрунзе, Киргизской ССР, и дружили на протяжении многих лет жизни. Первое знакомство с поэтом и дружба с ним оставили в душе Узеира Алиевича неизгладимые впечатления. Об этом он вспоминает в небольшом очерке «Был благороден словом и делом». Когда они познакомились,– это была самая светлая пора их жизни,– они оба мечтали о возвращении на родину, и вскоре их желания осуществились.

Узеир Алиевич любил Кулиева и как человека, и как поэта. Он чтил его редкий талант и всегда был рад встрече с ним. Чаще всего они встречались в издательстве «Эльбрус», где издавались произведения К. Ш. Кулиева на родном и русском языках. «Узеир Жулабов – самый талантливый редактор»,– не раз говорил Кайсын, встречаясь с работниками издательства. Поэт знал, что Узеир не просто редактор, он еще и ученый, методист, которого волнуют многие проблемы образования национальной школы. В воспоминаниях Узеира Алиевича будущие биографы найдут много интересного в удивительной жизни Кайсына Кулиева.

БЫЛ БЛАГОРОДЕН СЛОВОМ И ДЕЛОМ

1956 год. Год, принесший радость народам, испытавшим все муки депортации. Год, когда впервые заговорили о возвращении их на родину предков. Мы, около 300 семей балкарцев, жили в селе Чемолган, недалеко от Алма-Аты. Для меня этот год был вдвойне радостным. Во-первых, я стал студентом Казахского государственного университета. Во-вторых, в столице Киргизстана Фрунзе (ныне Бишкек) я познакомился с известным поэтом, замечательным сыном балкарского народа Кайсыном Кулиевым.

Было это так: однажды утром я шел по сельской улице и увидел стариков, отогнавших скот в стадо и теперь увлеченно и весело о чем-то беседовавших. «Видит Бог, о чем-то веселом говорят»,– подумалось мне. Приблизившись, всех узнаю. Это очень уважаемые в нашем селе аксакалы: Хажидаут Курданов, Афой Кучмезов, Конак Конаков, Чомай Созаев, Иса Курданов, Муса Узденов. Подошел я к ним, пожал руки и собрался уходить. Вечная память замечательному исполнителю балкарских песен Афою Кучмезову, который тогда мне сказал: «Мы выгоняли скот на пастьбу, увидели тебя и остановились тут. Ты, как грамотный парень, сделай нам доброе дело. Мы думаем, что лучше тебя этого никто не сделает. Не знаю, слышал ли ты, что почти все карачаево-балкарские писатели попали во Фрунзе. Рассказывают, там на карачаево-балкарском языке вышла книга. Вот ее-то ты и должен нам найти. Если денег нет на дорогу, мы тебе дадим». Афой говорил все это, по-доброму улыбаясь, посмотрел на меня и, опираясь на трость, стал ждать ответа.

Долго не раздумывая, отвечаю: «Деньги есть, аксакал, поеду». Выхожу на трассу, которая идет от Чемолгана до Фрунзе, и жду автобус из Алма-Аты. Вскоре подошел автобус. Дорога в 225 километров. Ехать надо было почти три часа. Был жаркий июльский день. На автостанции вышел из автобуса и, расспрашивая прохожих, нашел большой книжный магазин. У продавщицы спрашиваю: «У вас продавалась такая книга?» И к моей радости, она тут же подала мне пять экземпляров книги «Знамя нашей жизни». Обрадованный, я уже собрался уходить. Вдруг она по-киргизски говорит мне: «Вот там

стоит балкарский поэт». Откуда же было мне знать, который из них поэт? Один – с усами и помоложе. Другой – высокого роста, киргиз. Постарше. Вероятно, писатель. Продавщица заметила мою растерянность и говорит: «Кайсын агай (дядя Кайсын, уважительное обращение к старшим), этот юноша вас ищет».

Я и раньше слышал о Кайсыне. Поэтому быстро сообразил, кто это. В тот момент, пожав друг другу руки, мужчины попрощались. Тот, который был с усами, направился в мою сторону. Я поспешил ему навстречу. Опережая меня, он сказал: «Салам алейкум» – и протянул мне руку. «Алейкум салам!» – ответил я. Он стал расспрашивать меня, словно мы давно знакомы. В этом был весь Кайсын. Он засыпал меня вопросами: «Откуда ты? Как фамилия? Чей ты сын?»

Не успел я ответить, а он уже увидел, что я держу в руках пять книг «Знамя нашей жизни», обрадовался и говорит: «Молодец, молодец!» Я же стал отвечать на его вопросы: «Я из Чегема, родился в Жуунгу» (назвал почему-то старое название нашего села). А когда я назвал фамилию, имя отца, Кайсын обнял меня и говорит: «Я тоже родился в Жуунгу, там жили братья моей матери. Я знал твоего отца и деда. Мне часто приходилось ездить в Жуунгу вместе с матерью. Бечелов Ислам – мой родной дядя по матери».

Семью Ислама я знал с детства. Пять сыновей его ушли на фронт. Вернулись только двое. А сам он и его жена умерли в Джамбульской области.

Беседуя с Кайсыном Кулиевым, мы идем по улице. Вдруг он говорит: «Подожди здесь»,– заходит в какой-то книжный магазин и быстро выходит с книгами. Протягивая их мне, говорит: «Отдай от моего имени старикам, которые послали тебя с поручением». Потом, как бы продолжая нашу беседу: «Из каких ущелий люди в вашем селе? Есть ли такие, которые работают на руководящих должностях, стремящиеся учиться?» – «Да, в нашем селе директор ГЭС Хабибуллах Гызыев, заместитель председателя колхоза Жамал Гаев, заведующий животноводческой фермой Азрет Жулабов»,– отвечал я на вопросы Кайсына.

А когда он узнал, что в нашем селе живут люди из четырех ущелий Балкарии, он искренне обрадовался. Из

слов Кайсына я понял, что в то время он во Фрунзе не жил, приехал туда по каким-то делам. На последний его вопрос: «А сам чем занимаешься?» – я ответил: «Думаю поступать на филологический факультет Казахского государственного университета». Он одобрил мое стремление и много лестных слов сказал о казахских писателях. Особенно о классике советской казахской литературы, академике, писателе, лауреате Ленинской и Государственной премий Мухтаре Омархановиче Ауэзове.

В то время я был совсем еще молодой человек, никому не известный, и для меня было большой честью, что такой замечательный человек, как Кайсын, беседуя, довел меня до автостанции, купил билет на автобус и проводил меня в Алма-Ату...

Учусь в университете. Подошло время сдавать экзамен по абаеведению. Принимал экзамен Мухтар ага. Захожу на экзамен немного позже других и беру билет. Не успел я еще сесть, как слышу:

– Садись, вот сюда,– говорит академик, указывая на стул, стоящий прямо напротив него.

– Хорошо,– говорю я по-казахски.

Академик-писатель внимательно посмотрел на меня, видимо, понял, что я не казах.

– Кто ты по национальности? – спрашивает.

– Балкарец я,– отвечаю по-казахски.

– Садись, садись вот сюда,– снова указывает он на тот же стул.– Ты слышал о замечательном балкарском поэте Кайсыне? – спрашивает опять по-казахски.

Тогда я рассказал все подробно о том, как познакомился во Фрунзе с Кайсыном. Мухтар ага улыбнулся, посветлел лицом и погладил свой широкий лоб. Все, присутствовавшие в аудитории,– такие же студенты, как я,– удивленно слушали наш разговор. Все будто забыли об экзамене, о вопросах в билетах. Неожиданно для нас академик Ауэзов подозвал всех, собрал зачетки и поставил в них хорошие оценки. Он, наверное, не сомневался, что мы тщательно готовились к экзаменам.

В последующем я часто встречал этого замечательного человека, ученого на творческих и литературных вечерах. Он всегда здоровался со мной за руку. Конечно же этим подчеркивал почитание нашего Кайсына, всегда спрашивал о нем, о его творческих успехах.

Во все времена близкие по духу люди легко понимали друг друга. И делали они общее дело, сея добро. Если имя Абая – великого акына, основоположника Казахской литературы – стало известно всему миру благодаря Мухтару Ауэзову, то имя классика балкарской поэзии, основоположника нашей литературы Кязима Мечиева стало известно всем благодаря Кайсыну Кулиеву.

Помню, уже после возвращения на родину, в родные горы Кайсын часто с большой теплотой вспоминал Мухтара Ауэзова. Творческая жизнь, талант и произведения этих замечательных людей будут служить неиссякаемым источником жизни и вдохновения для многих поколений.

1962 год. Позади остались студенческие годы. Работаю директором школы в селе Хушто-Сырт. Однажды, в ясный солнечный день, все учителя и старшеклассники наводили порядок в школьном дворе. На автомашине «Волга» подъезжает к нам Кайсын с Исмаилом (тоже Кулиев). Весело поздоровавшись со всеми, он зашел в школьный зал, заглянул во все классы, остался доволен порядком в школе и говорит мне: «Если вы закончили работу, поехали, полюбуемся красотой нашей природы. Побываем там, где наши предки ходили».

Через полчаса мы уже были в Актопраке (бывшее село Малкаруковых, после выселения балкарцев исчезло с лица земли). Я рассказал Кайсыну, что здесь я впервые познал азы грамоты. Рассказал и о слышанной мною когда-то от стариков-односельчан легенде. Кайсын слушал очень внимательно. Потом мы поехали в Верхний Чегем. Сразу Кайсын пошел к мастеру Ибрагиму Эдокову, поздоровался и обнял его, рассказал услышанную от меня легенду. Затем, всматриваясь в скалы – Донгат и Капчагай, он направился в сторону «кулиевского» родника. Тут мы умылись, напились родниковой воды. Сели напротив отчего дома Кайсына и долго беседовали, вспоминая прошлое. Он с удовольствием говорил о своем детстве.

К полудню мы спустились вниз. Во дворе Ибрагима уже собрались старики. Тут же стоял накрытый стол: шашлык из вяленого мяса, отварная баранина и, конечно, буза. В тот день старики нас не отпустили, до полуночи мы слушали рассказы почтенных аксакалов.

Утром следующего дня, попрощавшись с ними, мы уехали. Потом сколько бы я ни встречался с Кайсыном, никогда не видел его таким довольным и веселым как в тот день.

Спустя несколько лет мне пришлось оставить школу. Я стал аспирантом института языкознания при Академии наук Казахской ССР. Однажды мы – аспиранты – спорили о значении какого-то слова. В этот момент мой научный руководитель – директор института академик Исмет Кенесбаев – пригласил меня в свой кабинет и говорит: «Узеир, сейчас из Нальчика позвонил Кайсын. Он передал привет генералу Хакиму Депуеву и спросил о твоих успехах. Не знал я, что у нас в Алма-Ате служит ваш генерал. Завтра ты должен встретиться с ним и передать ему привет Кайсына».

Кайсын Кулиев остался в памяти моей жизнелюбивым, внимательным, простым и светлым человеком.

ШОКУЕВ
(1942)

Кадыр Шокуев (друзья его чаще всего называют Борисом) – один из поклонников поэзии Кайсына Кулиева. Он знает много стихов поэта и всегда с удовольствием их читает на вечерах поэзии, встречах с писателями и просто в компании близких друзей. Выступая в актовом зале университета на научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Кайсына Шуваевича Кулиева, а потом в дискуссии «круглого стола» на заключительном заседании 13 ноября 1997 года, Борис Шокуев поразил всех глубоким знанием творчества Кулиева и мастерским исполнением стихов любимого им поэта. Доктор Ханс Пеннер с аспирантом КБГУ Иоханном Маттисом из Германии, присутствовавшие на конференции, говорили потом, что ничего подобного они никогда раньше не слышали и получили истинное наслаждение от столь выразительного чтения произведений балкарского поэта, творчество которого хорошо знают в восточном Берлине, где поэта издавали много раз, и мало знакомы с ним в Западном Берлине, так как были отгорожены стеной.

Борис Шокуев родился в селении Нижний Куркужин, Баксанского района, КБР. В 1960 году окончил с золотой медалью среднюю школу и в этом же году поступил на историко-филологический факультет КБГУ по специальности «Русский язык и литература». В 1966 году закончил с отличием университет и стал работать учителем средней школы № 1 селения Верхний Куркужин, Баксанского района. С сентября 1968 года перешел работать в университет на кафедру философии. Его научные интересы довольно широки: его привлекает философская антропология и художественная литература. Особенно ему нравится поэзия Кайсына Кулиева, его философская проблематика. В 1991 году он выпустил сборник литературно-критических статей «Тернистый путь познания» (Нальчик: Эльбрус), в 1996 году – книгу «Философская антропология» (в соавторстве).

ОН ЗВАЛ К ДОБРУ И СОВЕСТИ

Мне сегодня хочется вспомнить его клокочущий голос, его широкую добрую улыбку...

Это было в начале 60-х годов. На первом этаже главного корпуса нашего университета был расположен читальный зал. Зал был полон людей, словно они собрались на молитву. Ожидалась встреча с поэтами республики.

Был тихий вечер. Мы с нетерпением ждали гостей. Многие из нас, первокурсников, впервые видели живого поэта. Это было интересно – увидеть живого поэта, услышать его стихи в его же исполнении. Зал взорвался аплодисментами. Вошли Кайсын Кулиев, Адам Шогенцуков, с ними худенький, маленький, милый незнакомый старичок и еще один молодой. Мы приветствовали поэтов, они нас. Кайсын прикладывал руку к сердцу, кланялся. Наконец, все успокоилось, все сели.

Вечер повел Кайсын. Он еще раз заверил нас, что поэты очень рады этой встрече, и начал своим удивительно неповторимым рубленым голосом, выдававшим его оригинальный негрубый акцент, представлять наших гостей.

– Справа от меня сидит дорогой Саид Шахмурзаев,– указал Кайсын на милого старика.– Аксакал нашей поэзии, всеми нами уважаемый.

На лице старика засверкала детская улыбка. Зал приветствовал его радушно.

Кайсын продолжал:

– Дальше от Саида сидит всем вам известный Адам Шогенцуков.

Пауза. Аплодисменты. Адам встал, поклонился.

– Слева от меня: как видите, самый молодой, интересный, красивый джигит, очень талантливый кабардинский поэт,– и назвал его имя, которое, к сожалению, я сейчас не помню.

Зал приветствовал и его. Он встал, смущенный, поклонился и сел.

После процедуры представления Кайсын сказал, что они будут читать стихи и что мы, слушатели, можем задавать им вопросы.

Кайсын первому предоставил слово аксакалу – Саиду Шахмурзаеву. Шахмурзаев встал и начал читать стихи на балкарском языке. Голос его был негромкий, скром-

ный, как нежный ручеек. Читал без жестикуляции. Меня поразило выражение его лица. По лицу можно было угадывать то, о чем он говорил. Стихи Саида передавали в зал его старческую мудрость и боль сердца. Он прочитал несколько небольших произведений. Зал благодарно рукоплескал ему.

Кайсын встал:

– Дорогие друзья, Саид читал, как видите, на родном языке, и, может, кто-то его не понимал. Но уверяю вас, что он говорил только хорошее и доброе.

Зал засмеялся одобрительно. Затем слово было предоставлено Адаму Шогенцукову. Помню, что он читал про девчонку из Баксана. Прочитал свои стихи и молодой поэт. Как ведущий, последним был сам Кайсын:

Блистают звезды, цвет меняют горы,
Снега сползают, розы опадают.
Мне очень жалко тех людей, которых
На свете ничего не удивляет.

Слово «ничего» было так выделено, будто он его пропел. Стало так тихо, словно в зале пусто. Кайсын умел заворожить. Он был мастер чтения. Поэт закончил. В зале взрыв. Его просят читать, просят еще и еще. И он читает. Он доволен, он благодарен публике. Кайсын был сегодня «в ударе самых нежных чувств», как однажды сказал другой великий поэт.

Дикция, жесты, мимика – все в нем гармонично слито. Он словно дирижировал:

Если цените вы и январь и апрель,
Если хлеб выпекаете вы,
Если ночью качаете вы колыбель,
Если слышите шелест листвы,

Если женщиной вы очарованы так,
Что в снегах закипают ручьи,
Я дарю вам на счастье, как верный кунак,
Белоснежную веточку алычи!

Зал неистовствует в своей благодарности поэту. Мы очарованы белоснежной алычой! Я сидел и думал: «Как нужна поэзия человечеству!»

Кайсын продолжал дальше:

Как часто не хватает добрых слов нам,
Они волшебны, добрые слова.

Лилась мелодия его стихов. Зал умиротворенно слушал эту музыку.

Чтоб высечь пламя, и сердцам кремневым
Необходимы добрые слова...

Пишу эти строки и думаю: как не хватает нам сегодня добрых слов! Мы уже забыли, как их произносят. Ты ведь не знаешь, мой незабвенный поэт, что у нас свершилась **какая-то перестройка**. Может, и хорошо, что не ведаешь про это. Мы и сами не знаем, **что** произошло и **что** с нами сегодня. Теперь мы все изрыгаем яд, нас душит желчь взаимоненависти...

Как не хватает твоих добрых слов!..

После того как выступили писатели, мы стали задавать вопросы. Среди вопросов был, помню, и такой, который сегодня так больно волнует всех: отношение к родному и к русскому языкам. До сих пор слышу по-античному мудрый ответ Кайсына:

– Кто не любит родную мать, тот не может полюбить мать соседа!..

Непосредственно личное знакомство у меня с Кайсыном было в Республиканской библиотеке им. Крупской. Библиотека организовала встречу с Кулиевым в связи с выдвижением его книги стихов «Огонь на горе» на соискание Ленинской премии. Большой зал был полон народу. Очень светло и очень празднично. Много поэтов, писателей. Вечер вел Адам Шогенцуков. С докладом о творчестве и жизненном пути Кайсына выступила доцент университета Раиса Филипповна Великанова. После доклада было много выступлений, получился даже своеобразный конкурс чтецов его произведений. Я сидел где-то в первых рядах и, ободренный атмосферой, тоже попросил слова. Помню, Раиса Филипповна показала на меня Адаму, и тот предоставил мне эту возможность. Я вышел и стал за трибуной. Волнуясь, так как не привык выступать, я сказал два-три слова в адрес поэта, как и все ос-

тальные, поддержал его кандидатуру на соискание премии и изъявил желание прочитать одно его стихотворение из сборника. Я не помнил себя от волнения. И в то же время, по-моему, это волнение привнесло какое-то своеобразие в интонацию чтения. Это были «Стихи, сказанные будущему», которые заканчивались так:

И, нынче неверья свои и сомненья
Ногой отшвырнув, как разбитую глину,
Тебе я, грядущее, с грядки весенней
Бросаю цветок чрез века и вершины.

Заключая свое выступление, я повернулся к Кайсыну и сказал:

– Брошенный цветок грядущему – это яркий букет ваших стихов. Верю: он улетит через века и вершины и будет подхвачен будущим.

Зал зааплодировал. Когда я стал уходить, Кайсын задержал меня, обнял и сказал:

– Вот кому надо дать звание заслуженного чтеца! Спасибо, дорогой!..

Зал вновь аплодировал. Я был на небесах от похвалы поэта...

Как и все нальчане, я часто его видел в городе, одного и в компании. Но была одна встреча, последняя, которая никогда, пока живу, не сотрется из памяти, из сердца. И думаю, не только у меня одного.

...85-й год. Июнь. Городской парк. Драмтеатр им. Али Шогенцукова. Поэт приютил поэта... Не по-летнему холодно. Мелкий, нудный дождь. Здесь собралась вся республика. И много гостей. Весь народ пришел: и кабардинцы, и русские, и армяне, и грузины, и осетины, и балкарцы – все пришли к тебе. Каждый из них считает тебя своим родным. Ты – наш, и мы – твои...

Длинная, свернувшаяся клубком очередь. Бывает, что кто-то влезает в нее. Но здесь за это не упрекают. Мы входим в зал, где стоит твой гроб. У тебя усталый вид. Да, ты очень устал. И кажется, из небытия ты шепчешь:

Был пахарем, солдатом и поэтом,
Я столько видел горя, столько бед,
Что кажется порой: на свете этом
Уже я прожил десять тысяч лет.

Мы прощались с тобой. Здесь и камень бы уронил слезу...

А после не раз я встречался с тобой в твоем доме-музее в Чегеме I, в твоей вечной обители. Приходил сыном, с дочкой.

Я заметил: у тебя часто бывают дети. В твоем доме – стихи и дети.

Дети и стихи... Они одинаково честны и чисты. Не в этом ли бесценность твоей поэзии?.. Ты жил, удивляясь любому проявлению жизни: утренней росинке, солнечному лучику, туру в горах, цвету кизила, музыке Бетховена и Шопена...

Принимал жизнь такой, как она есть.

Я знаю цену хлебу и вину,
Я рад грозе, и радуге я рад.
Я славлю мир: и осень и весну,
Его и нежный и суровый взгляд.

Твое стоустое слово, Кайсын, зовет к Добру и Совести, напоминая об ответе человека за все происходящее на Земле. Услыхать бы нам его, это слово, да глухие мы стали... Когда-то, давным-давно, скорняк-труженик, великий мудрец и поэт Азии сказал:

В последний час земли
не с ангелов, не с черта,
а с нас потребуют отчета.
А мы,
что мы могли?..
Прости, о судия,
но тут неладно что-то.

Прости, Кайсын, но нынче и с нами **неладно что-то...**

Мустафир Зекерьяевич ЖЕТТЕЕВ (1942)

Мустафир Жеттеев — известный композитор, заслуженный деятель культуры КБР.

Родился он в селении Гунделен, Эльбрусского района, КБАССР. Отец его погиб на войне, а он в двухлетнем возрасте вместе с двумя братиками и матерью был выслан в 1944 году в Среднюю Азию. Они попали в Ленинский район, Джалал-Абадской области, Киргизской ССР. Вскоре умерли мать и старший брат Жамал, и детей отдали в сиротский дом. Мустафир и его брат Камал жили четыре года в детском доме (1945–1948). Родственники по линии матери – Текуевы – взяли Мустафира на воспитание, и мальчик оказался в доме Шамиля Текуева, проживавшего в Кантском районе, Фрунзенской области, Киргизской ССР, а его брата Камала забрали из детского дома другие родственники, которые жили в городе Алма-Ата, Казахской ССР.

После возвращения из Киргизии Мустафир поступил учиться в музыкальное училище Нальчика. Талантливый юноша успешно закончил это училище в 1962 году. Свой творческий путь он начал с пятнадцатилетнего возраста и в 1958 году уже сочинил музыку ко многим народным песням и на стихи балкарских поэтов. В общей сложности он создал около 400 песен, особенно среди них популярными являются «Скалолазы», «Песня девушки», «Весенняя песенка», «Очаг», написанные на стихи Кайсына Кулиева. Своего прославленного земляка-поэта Мустафир Жеттеев очень любил, гордился им и с удовольствием работал над созданием музыки к его стихам.

Мустафир Жеттеев создал симфоническую картину «Праздник Гунделена», посвященную возвращению жителей этого села из Казахстана и Киргизии, а также симфоническую картину «Караван» о выселении балкарцев с отчего края и балетное либретто «Легенда Чегемских водопадов» поэта Максима Гетуева. К 80-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева создал музыку на стихи поэта «Родной очаг».

УРОКИ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

Я считаю Кайсына Кулиева своим Учителем в познании народной музыки и родного фольклора. Он меня учил, как надо исполнять старинные народные песни. Поэт был необыкновенным человеком, достойным уважения во всех отношениях. Он очень хорошо понимал меня и мою музыку, знал мою тяжелую сиротскую судьбу и воспринимал меня всегда как ровесника.

Первый раз мы встретились в селении Булунгу в 1967 году, где я был по долгу службы. В тот день Кайсын тоже был там, и мы с ним познакомились. Он мной заинтересовался, когда узнал, что я занимаюсь музыкой. Тогда он сказал: «Если вы хотите серьезно заниматься искусством, то начинайте с изучения народной музыки, постигайте ее, так как она является основой искусства. Все берет свое начало от народных истоков».

Впоследствии я неоднократно убеждался в этом. Поэт сам великолепно исполнял народные песни – ведь он с детства считался у себя на родине маленьким ашугом и пел на свадьбах народные любовные песни, участвовал и в художественной самодеятельности школы, а также на районных конкурсах чтецов и песенников.

С Кайсыном Кулиевым я встречался много раз, так как мы часто ездили в составе делегаций в Москву, Киев, Минск и в Прибалтийские республики на различные Декады литературы и искусства, которые тогда проводились в масштабе всей страны. В этих поездках мы часто беседовали по вопросам музыки, литературы, культуры в целом. Но наш разговор всегда сводился к народным песням и их исполнению. Я, как композитор, этим очень интересовался. Кайсын, вероятно, понимал меня. Он говорил: «Нельзя петь народные песни монотонно, а надо учитывать разные моменты: одни слова призывают к подвигу, другие – к грусти, третьи – к радости, веселью, исполнению желаний и т. д. В этих песнях – душа народа, его стремления и чаяния». И все это Кулиев стремился выразить, когда сам пел. В его исполнении народные песни превращались в симфонию. Я слышал в его исполнении старинные песни «Ачемез» и «Гапалау». И не только я, но и многие другие члены делегации восхищались его голосом, его умением петь так, как это исполнили бы

профессиональные певцы-ашуги. А когда мы выражали свое удовольствие от его пения, он говорил: «Надо строго соблюдать историческую значимость этой песни и ее нравственное начало. Нельзя переделывать на свой лад слова народной песни. Надо сохранять то, что передавалось веками». Я понимал, что эти слова адресованы лично мне, как музыканту, который должен бережно относиться к народной мудрости, к тому, что народ создавал веками. За эти уроки я бесконечно благодарен ему, своему Учителю. И когда я работаю, то всегда вспоминаю слова Кайсына и соблюдаю эти требования великого поэта. Общение с ним было для меня большой школой.

Хочется мне вспомнить и другое. В 1975 году меня принимали в Москве в члены Союза композиторов СССР. Мы сидели в приемной и ждали начала заседания. Мимо нас проходили всемирно известные композиторы: А. Хачатурян, М. Кажаев, Я. Френкель, А. Новиков, В. Фере, С. Баласанян и другие. Хачатурян поинтересовался: «Кого принимают в Союз?» Ему ответили: «Балкарца из Нальчика».– «С родины Кайсына Кулиева?! Принимайте!» – одобрительно сказал он.

Этот небольшой эпизод свидетельствует о том, какой известностью пользовался Кулиев, сколько – и каких! – было почитателей его поэзии.

Грустно вспоминать о другом факте. В 1985 году тяжело больной Кулиев лежал в больнице Кунцево. Мы были в Москве: А. Хавпачев, В. Молов, А. Чафанов и я – и пришли проведать Кайсына. Врач сказал, что всех не пропустит, только двоих и на несколько минут. Тогда мы бросили жребий, кому идти. Выпало мне и Молову. Но мы уступили по старшинству право посетить поэта Хавпачеву и Чафанову.

Минут через десять они вышли. Оба были в слезах. Мы поняли друг друга без всяких слов и расспросов. Путь на родину был очень грустным. Я думал о Кайсыне и вспоминал его стихи:

Все испытал он, все прошел дороги,
Познал он все, что знает человек...

И вот теперь он лежит в больнице и умирает.

...Иногда Кулиев мне звонил по телефону. Однажды,

перед поездкой в Японию, Кайсын попросил меня, чтобы я дал ему свою войлочную шапочку-сванку. Она ему нравилась как этнографическая кавказская экзотика. И вот теперь он напомнил мне по телефону: «Я завтра улетаю в Японию. Мустафир, у тебя, я знаю, есть красивая сванка. Я хочу в ней поехать в эту уникальную страну, где хорошо сохранилась этническая культура». В тот же день я ему принес этот сувенир. Он обрадовался, обнял меня и обещал по приезде вернуть ее. Но из Японии Кулиев приехал без сванки: он подарил ее кому-то... О шапочке я не жалею, а горжусь тем, что когда-то поэт обратился ко мне с такой маленькой просьбой и я смог ее выполнить.

В последние годы, уже после смерти поэта, я написал музыку на его стихотворение «Пусть никогда не умирают дети!» и думаю создать музыку на его другие произведения.

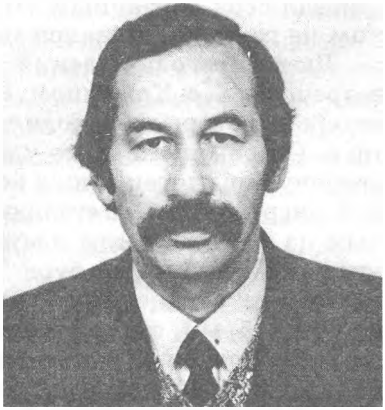
Я всегда помню его напутственные слова: добиться успеха можно только своим целенаправленным и неустанным трудом, певец должен каждый день трудиться, петь и совершенствовать свое мастерство.

Мухамед Хабалович
ШХАНУКОВ-ЛАФИШЕВ
(1936)

Мухамед Шхануков-Лафишев – доктор физико-математических наук, профессор, завкафедрой вычислительной математики Кабардино-Балкарского государственного университета.

Он уроженец селения Малка, Зольского района, КБР. В 1956 году закончил среднюю школу и поступил в университет на физико-математический факультет в Нальчике. С 1962 года Мухамед Хабалович учится в аспирантуре по своей специальности в Саратовском госуниверситете. Молодого ученого после окончания аспирантуры в 1965 году оставляют работать в СГУ преподавателем. В Саратовском госуниверситете он работает до 1973 года. Однако малая родина постоянно была его памятью сердца, и Мухамед Хабалович возвращается в Кабардино-Балкарию: стал работать преподавателем в университете на кафедре вычислительной математики. В 1987 году он защитил докторскую диссертацию в МГУ, и вскоре ему предложили заведовать кафедрой.

Мухамеду Хабаловичу очень нравится поэзия Кайсына Кулиева, он любил поэта как человека и благодарен ему за его светлые, жизнеутверждающие стихи. Начинающий ученый любит повторять строки стихов своего кумира:



Горе забудется, чудо свершится,
Сбудется то, что покуда лишь снится.
Все еще впереди,
Все еще впереди,
Иди!

Перевел *Н. Гребнев*

Трудностей на пути ученого всегда немало, и хорошо, когда есть хоть духовная опора. Такой опорой был для него Кайсын Кулиев.

СЛОВО О КАЙСЫНЕ КУЛИЕВЕ

Мне давно хотелось написать о Кайсыне Кулиеве, но не решался: уж слишком он велик, чтобы рядовой читатель мог осмелиться о нем что-то написать. Я всегда чувствовал себя обязанным этому человеку, хотя никогда с ним не говорил, общался только через его стихи.

Люди моего поколения – студенты 60-х годов – часто встречались с Кайсыном Шуваевичем на поэтических вечерах, которые проходили в республиканской библиотеке. Он обычно шел по улице Ногмова от пр. Ленина в сторону библиотеки, шел всегда с высоко поднятой головой, энергично; он, с его бритой головой, казался высеченным из скал, стойким и мужественным человеком, «как эти камни горные и в бурю, и в снегопад». Только позже, в результате общения с ним, мы начинаем понимать, какой он добрый, открытый и чистый.

Хотя поэзия Кулиева носит ярко выраженный национальный характер, он смог (и в этом его величие) подняться до уровня мировой культуры. Великолепный знаток мировой литературы, музыкальной культуры многих народов, плюс к тому огромный поэтический талант позволили ему стать вровень с лучшими творениями мировой культуры. Позже он напишет: «Поэзия наряду с музыкой – высшее явление культуры, опора и поддержка людей, которым не всегда живется легко и радостно».

После окончания университета многие из нас уехали учиться далеко от родных мест, кто в Москву или в С.-Петербург, кто в Новосибирск или в Саратов. Я и многие мои земляки оказались в Саратове. В этом городе я сблизился с очень интересными людьми – группой любителей литературы и музыки. Лидером этой группы был член художественного совета Саратовского театра оперы и балета им. Чернышевского, доктор философских наук, профессор Саратовского университета. За чашкой кофе мы слушали музыку С. Рахманинова, П. Чайковского, А. Хачатуряна, стихи русских поэтов В. Федорова, Я. Смелякова и другие. Здесь звучали также стихи Р. Гамзатова, К. Кулиева, В. Пшавелы, С. Чиковани, И. Абашидзе и многих других известнейших поэтов. Мы старались понять глубину произведения, найти в них красоту симметрии, найти гармонию, которые пробуждали самые

высокие чувства доброты и света. Концерт А. Хачатуряна для скрипки с оркестром! Здесь столько страдания и печали... Разве он не схож с поэзией Кулиева так же, как схожа судьба народа Армении с судьбой наших народов – адыгского, балкарского...

Предо мной небольшой сборник стихов К. Кулиева «Благодарю солнце» 1960 года издания. В то время я уже закончил аспирантуру в Саратовском университете и остался преподавать на кафедре математического анализа механико-математического факультета. Диссертацию не защитил, был уже женат, материально нам не могли помочь, жили сложно, и в голову постоянно лезла мысль все бросить и уехать домой, но тогда мы не могли так поступить: надо было дело, за которое взялись, довести до конца. С такими очередными тяжелыми мыслями однажды, возвращаясь домой, мне посчастливилось купить упомянутый выше сборник стихов Кулиева. Трудно сейчас передать, что было со мной после чтения стихов из этого сборника, но навсегда остались в памяти слова:

Жизнь – на вершины всходить и взойти.
Жизнь – это значит не сбиться с пути.
Трудно? Но пусть не робеет душа,

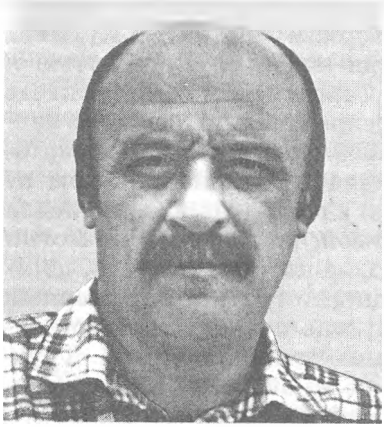
.....

Жизнь – восхожденье, жизнь – восхожденье.

Верю, что кулиевская поэзия многим помогла не сбиться с пути. Недавно Лариса Васильева в «Литературной газете» написала такие слова: «Была ведь такая легендарная «дикая дивизия»: Расул, Кайсын, Давид... Сидя между Расулом и Давидом, я в душе прощалась с прошлым, со своей молодостью, прощалась с ними тоже, которые очень много дали мне в жизненном плане».

И еще она сказала: «Если стихи не нужны, значит перевернулось время». Не верю, что перевернулось время. Пока есть горы, есть снег и солнце, поэзия будет. Она будет нужна людям для совершенства. У людей должно быть стремление к тому, чтобы каждое мгновенье жизни, данное нам Богом, было заполнено любовью к ближнему. К этому зовет всех людей Земли поэзия К. Кулиева.

Мухарбий Койчуевич КАРКАЕВ (1936)



Архитектор Мухарбий Каркаев родился в селении Мукуш, Черекского района, Кабардино-Балкарской АССР. В 1944 году, когда он учился в первом классе, депортировали балкарский народ. Семья Каркаевых попала в Казахстан. Мухарбий в школе учился вместе с казахами, русскими, украинцами, корейцами, ингушами и немцами. Среднюю школу окончил с золотой медалью, а потом поступил учиться в Московский архитектурный институт, который окончил в 1964 году. После окончания института работал в Каббалкгражданпроекте, затем – директором мастерских Союза художников КБР.

С 1971-го по 1992 год работал заместителем Председателя Госстроя по вопросам архитектуры, затем – главным архитектором республики.

Мухарбий Койчуевич был делегатом V–VIII-го съездов Союза архитекторов СССР, членом Центрального правления Союза архитекторов СССР и секретарем правления Союза архитекторов Российской Федерации, а также председателем Северо-Кавказского регионального союза архитекторов. М. Каркаев работал более 10 лет председателем правления Союза архитекторов Кабардино-Балкарии. Он является соавтором корректировки генплана столицы республики Нальчика, городов Тырныауза и Майского. Мухарбий автор-архитектор памятников «Погибшим комсомольцам» в Нальчике, «Скорбящий горец» в селении Гунделен, а также памятника основоположнику балкарской литературы Кязиму Мечиеву в селении Бабугент. Он принимает активное участие в решении архитектурно-градостроительной проблематики системы поселений городского и сельского типа.

М. К. Каркаев активно участвует в общественно-политической жизни республики. Возглавлял архитектурное бюро «Каркас», в котором разработал по поручению Президента КБР через Минстройзем концепцию градостроительно-архитектурного развития республики.

Кайсына Кулиева он хорошо знал и сохранил воспоминания о нем.

РОДИНА НАША – КАМНИ И НЕБО

Калмыцкая степь – в красных маках, залита солнцем и акварелью зелени и неба. Несколько белых войлочных кибиток-юрт. В главной из них шел дружеский пир. Давид Кугультинов радовался образованию еще одного творческого союза родной Калмыкии – архитекторов. Одним из создателей его был и автор этой статьи, представлявший здесь правление Союза архитекторов России и друга Кугультинова – Кайсына Кулиева.

Ночью у костра Давид рассказал нам, архитекторам, как он совершал поездки в Монголию, Китай и Японию в поисках истоков калмыков – ойратов.

– Вот говорят, что у калмыков не было архитектуры, но это не так,– говорил он, ссылаясь на документ, который привез из поездки.– А вот здесь сказано: «Один из ханов заказывал строительство храма (сейчас бы мы это назвали заданием на проектирование.– *М. К.*). Постройте храм: одной стороной на север, другой – на юг, две оставшиеся сориентируйте на восток и запад. Золота на все хватит. Кладку каждой стороны выполните из камня, добываемого в соответствующей стороне света, купол храма должен быть небесного цвета и по форме небосвода, только высота его должна быть на три пальца ниже неба, иначе калмыки возгордятся тем, что могут построить храм, упирающийся в небо, подумают, что все им под силу, и перестанут чтить Бога. А это начало деградации народа...».

Провожая меня, Кугультинов передал салам своему другу Кайсыну. Встретился с Кулиевым я в Чегеме и передал объятия от Давида, рассказал, как он общался с нами, архитекторами. «Оказывается, Кугультинов настоящий архитектор». Кайсын, воздев руки к Всевышнему, сказал: «Карка-улу, а ты разве не знаешь, что поэты тоже зодчие! Даже мои предки были архитекторами. Они построили, к примеру, подворье Кулиевых в Чегеме». Я согласился с ним. Лично знаю художника-архитектора Э. Берштейна, который еще в 30-е годы производил архитектурные обмеры комплекса жилых домов Кулиевых и назвал их шедевром кавказской народной архитектуры. К сожалению, правительства КБР и РФ не могут изыскать средства для полноценной реставрации этого ансамб-

ля. Грустно задумавшийся Кайсын сказал: «Может быть, чувствуя себя каменщиком, каменотесом, ввел в поэзию понятие «раненый камень». Мухарбий, помни, балкарцы всегда были знаменитыми каменщиками. Разве не камни и небо – твоя родина?»

Когда он встречался в узком кругу с архитекторами, то как-то раскрывался, делился с нами, а мы перенимали у него сдержанный оптимизм в жизни... «Если ты ожидаешь, что жизнь будет бочкой меда и только иногда будут попадаться ложечки дегтя, то глубоко ошибаешься. Жизнь – бочка дегтя, и если иногда попадаются ложечки меда – вознеси хвалу Аллаху. Но зато будешь крепким в жизни, настоящим мужчиной»,– утверждал Кайсын в грустные, тягостные минуты, а их у него было предостаточно.

На второй день после кончины Кайсына Султан Бабаев и я находились в верховьях реки Аргун. Тогда в Чечено-Ингушетии проводилось всероссийское совещание по консервации и реставрации архитектурных комплексов Северного Кавказа. Автобус «Икарус» и наша «Волга» серии КБА остались на площади райцентра Советское. К нашему возвращению с высокогорья после осмотра аулов с множеством башен у нашей машины стояли полторы сотни пожилых чеченцев в папахах. Обратились к Султану и ко мне. Выразили соболезнование, сделали «дуа».. «Мы не смогли поехать на похороны в Нальчик. Поймите: умер не только великий сын Кабардино-Балкарии, но и сын всего Кавказа. Потеря невосполнимая, глубоко скорбим». Никто это не организовывал, все произошло само собой. Вот она – всенародная любовь к Кайсыну Кулиеву.

Через год, в августе 1986 года, в мастерской – фирме Тангэ, которая десятки лет является знамением мировой архитектуры, мне довелось задать вопрос: «Господин Тангэ, вы талантливо применяете в своих произведениях природный камень. Мы это видели, находясь в Японии. Но ведь есть возможность использовать современные материалы заданной прочности и красоты». Он ответил: «Мы, японцы, имеем тонкое эстетическое отношение к природе, любим камень. Мы тоже горцы, как и кавказцы, можем говорить с камнем, чувствовать обнаженный ка-

мень, прикладывая к нему щеку». Я продолжил: «Наш поэт Кайсын Кулиев ввел в большую поэзию понятие «раненый камень». Тангэ долго всматривался через щели глаз и произнес: «Кай-сын по праву, как великий японец, восседал бы на склоне священной горы Фудзияма со стороны восходящего солнца. Передай ему мой поклон, обними и пожми руку». Я не смог тогда сказать Тангэ, что теперь обнять и пожать руку нереально. Наворачивались слезы, комок подступил к горлу... По возвращении домой сделал поклон от великого архитектора Кэндзо могиле Кайсына...

Вот штрихи памяти: калмык Давид, полторы сотни старейшин – чеченцев, японец – архитектор Тангэ и наш великий Кайсын. Вот и познай клокочущую и перетекающую через пространство и время, через пересечения человеческих судеб в траектории Фатума, творческую геометрию и энергетику.

Поистине, архитектура – мать искусств, а поэзия – ее прекрасная дочь. Даже сверхсовременные комплексы, возводимые для XXI века, не могут признаваться произведениями архитектуры, если в них не применен его величество природный камень.

Кайсын прав: камни – наша родина, наша долговечная колыбель.

Кабардино-Балкарская правда.
1997. 31 октября.

Хасан Исмаилович
ШАВАЕВ
(1937)

Х. И. Шаваев родился в селении Гунделен, Эльбрусского района, КБР. Детство у него прошло в Киргизии. Свои первые рассказы и стихи Хасан писал на киргизском языке (в 50-х годах).

Шаваев окончил факультет журналистики Азербайджанского государственного университета им. С. И. Кирова. Он член Союза писателей и Союза журналистов РФ, заслуженный работник культуры КБР, около 30 лет возглавлял отдел культуры, литературы и искусства республиканской газеты «Заман», сейчас работает редактором отдела литературного журнала «Минги тау», автор более десяти прозаических книг.

Он является автором таких известных произведений, как романы: «Къара эмина» («Черная чума»), «Ит жыйын» («Собачья стая»), повести: «Ыйыкъны ахыр кюню» («Последний день недели»), «Асият», «Ач эшикни – менме» («Открой двери – это я»), «Жерни кёзлери» («Глаза земли»), «Кюбюрде табылгъан повесть» («Повесть, найденная в сундуке»), «Тузакъ» («Силки») и другие.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Существует едва ли не повсеместно принятое утверждение: потомство оценивает великих людей справедливее, чем современники. Не знаю, кто и когда высказал эту мысль впервые, но она прочно закрепилась в нашем сознании и повторяется чаще всего в виде поэтической цитаты: «Большое видится на расстоянии». Думаю, что сама судьба Кайсына Кулиева, известная нам история его литературной, и не только литературной, жизни могут служить в некотором роде подтверждением этой бесспорной истины.

Да, подлинные размеры великих явлений лучше, де-

тальнее, «сфокусированнее» видны на расстоянии. Но сам факт явления зачастую сильнее и точнее улавливают современники, те, кому выпадает жить в одном времени. Надо сказать, что внимание к таланту не есть нечто необыкновенное, оно, скорее, норма, показатель чуткости народной души, ее способности реагировать на заложенные в том или ином таланте проявления национального гения.

Есть поэты, которые сопровождают тебя со времени твоей юности. Они дышат с тобой одним и тем же воздухом нашего времени, терзаются теми же терниями, сияют от тех же радостей. К их стихам бросаешься с нетерпением, жадностью – они навсегда интересны. Таков для меня был и остается Кайсын Кулиев.

Давным-давно знаю, что вступать в поэтические владения Кулиева комментатором крайне опасно. И говорить о поэте спокойно, рассудительно, без восторга – тоже невозможно. Да и сказано о нем немыслимо много, но, к сожалению, не все. И задача каждого из нас, кто знал великого поэта, кто общался с ним,– сохранить воспоминания о нем, сделать их достоянием будущих потомков. Ибо, как говорил о поэте Чингиз Айтматов, «наш Кайсын, так же как и раненые камни его родных гор,– зеркало поэзии. Он мог смело сказать: «Я победил все невзгоды и трудности». Строки проникновенных его стихов – это жизненный дух самого народа. Все в них неподдельно, безоблачно-сине и мудро. Он очень сильно любил свою родину и посвятил ей всю жизнь. Поэт знал, что землю, на которой рождаются, не выбирают, как не выбирают отца и мать. Настоящий поэт приходит для одного, и только одного: чтобы не умирал его народ.

И действительно, могучая сила таланта, высокая общечеловеческая культура и неустанный, самосжигающий труд дали в итоге тот волшебный плод, который мы называем творческим вкладом гения в мировую культуру. Сегодня ясно каждому: без имени Кайсына нельзя себе представить не только российскую поэзию, но и мировую литературу. Им восхищались и писали о нем многие известные писатели и поэты. Среди них и те, кто имел счастье встречать живого Кайсына, и те, кто впервые окунулся в стихию его творчества много позже. И всех их потрясают его философские стихи, их новизна,

их глубина и высота. Слова эти звенят из края в край с любовью, повенчанной с пахучестью альпийских трав, с летним ранним рассветом, с поздней беззвездной ночью, со всем тем радостным и печальным, что дается трудовому человеку на земле.

...1966 год. Лето. Июнь. Юсуп Макитов, Султан Дауров и я живем в Баку. Готовимся к госэкзаменам в местном университете. Юсуп учился на юридическом факультете, Султан и я – на отделении журналистики. В один из вечеров нас пригласил к себе в гости наш общий знакомый почтенный аксакал Искандер Зульфакаров. Его сын, Камиль, участвовал в боях за освобождение нашей республики. Пал смертью храбрых в районе селения Кызбурун III. Имя его высечено на памятнике, который воздвигнут в честь воинов-освободителей возле средней школы. Искандер часто посещал место гибели сына. И к нам он относился по-отцовски доброжелательно. Часто приходил к нам на квартиру, в университет. Одним словом, в Баку он был нашим покровителем. И вот, как было сказано выше, мы гостим у почтенного Искандера. Сидим за столом, пьем ароматный чай и смотрим телевизор. Как сейчас помню, шла трансляция юбилейного вечера известного азербайджанского поэта Самеда Вургуна. Вечер вел сам первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана В. Ю. Ахундов.

Вначале мы как-то и не подумали о том, что на этом юбилейном вечере могут быть и наши поэты и писатели. Вдруг после выступления очередного оратора Султан Дауров озадачил нас, сказав: «Неужели от Союза писателей Кабардино-Балкарии никто не выступит?» Мы все както встрепенулись. Стали искать в зале и в президиуме знакомые лица. Уже выступили представители Дагестана, Северной Осетии, Калмыкии... И вот, наконец, председательствующий объявляет: «Слово предоставляется народному поэту Кабардино-Балкарии Кайсыну Кулиеву».

Оказывается, Кайсын тоже сидел в президиуме, но мы не могли его разглядеть. С гладко выбритой головой, с черными усами, статный, красивый (тогда ему не было и 50 лет). В нем было столько энергии, столько страсти, что нельзя было не позавидовать. Ораторы, выступавшие до него, ограничивались в своих речах в основном здравицами в честь юбиляра, читали посвященные поэту стихи,

восхваляли азербайджанский народ, хотя в большинстве это были известные всему миру деятели культуры и искусства.

Выход Кайсына на трибуну вызвал оживление в зале. Он так пристально, с любовью смотрел на сидящих в зале, как будто встретился с друзьями, которых давно не видел, смотрел как человек, соскучившийся по родным и близким. Слегка кашлянув, он на родном языке сказал: «Дорогие друзья! От имени народов Северного Кавказа я передаю вам горячий привет...» Зал взорвался аплодисментами. Эти аплодисменты я слышу и сейчас, после стольких лет. Они были сколь продолжительными, столь же и громкими, что нельзя забыть. А затем он так вдохновенно, с таким знанием говорил о творчестве Самеда Вургуна, как будто жил и родился рядом с ним. Слушали его с большим вниманием. А когда он закончил свою яркую, проникновенную речь, зал вновь взорвался аплодисментами. Его долго не отпускали с трибуны. Казалось, не поэт выступил, а популярный артист, знаменитость.

В тот же вечер мы по телефону, после долгих поисков через справочное бюро, нашли адрес гостиницы, в которой остановился Кайсын. Но ехать туда не решились, ибо заведомо знали, что в этот вечер он для нас будет недоступен.

На следующее утро мы приехали в гостиницу. Его номер был на втором этаже. Поднимаемся. В коридоре столпотворение. С трудом пробиваемся к дверям номера. Стучимся. Раз, второй... Безрезультатно. Кайсына нет. Уйти незаметно, увы, нам не дали. Оказывается, люди в коридоре пришли повидаться с Кайсыном и, узрев в нас его земляков, взяли меня и Юсупа в плотное кольцо. Стали расспрашивать о Кайсыне, стали задавать вопросы:

– Давно ли вы знаете Кайсына?

– Насколько дружны с ним?

– Что он больше всего любит?

– Где работает?

– Сколько у него детей?..

Что и говорить, вопросов было множество. Это была своего рода пресс-конференция. Мы отвечали, как могли, старались не пасть в грязь лицом. И в то же время чувствовали себя причастными к чему-то высокому. Жела-

ние окружающих узнать о Кайсыне побольше, их интерес к его творчеству вызывали во мне гордость. И как тут не вспомнить высказывание Аркадия Кулешова, который много лет тому назад писал о нашем великом поэте: «Сын своего народа, Кайсын не может жить, не скорбя о тех, кто погиб в годы Великой Отечественной войны. Да, он не может жить по-другому. Он, как может, старается своей поэзией облегчить печаль матерей, сыновья которых сложили свои головы за нашу свободу. Он пахарь, косарь своего горного края. Какие распахнутые строчки, как воскрешают они нравственные наши силы. Ими дышит и не надышится грудь человека. Так и кажется, что их пропели звучные альпийские травы горной Балкарии...»

Я до сих пор помню высказывание известного азербайджанского композитора Тофика Кулиева: «Я восхищен поэзией Кайсына, его стихи для меня вроде умного собеседника. Кайсын – гений. Кайсын – настоящий философ».

Кайсын был истинным интернационалистом. Он объездил почти весь мир. Но где бы он ни был, он никогда не забывал о своем Чегеме, о величавом Эльбрусе, о своем малочисленном, но гордом народе. Он поднял балкарскую поэзию до самых высоких вершин.

«Чегемское ущелье подарило поэзии Кайсына Кулиева,– говорил Ираклий Андроников,– а он своими стихами пригласил туда весь мир...»

Все эти высказывания великих я вспоминаю потому, что в тот день в Баку, люди, с которыми мы общались, воспринимали сказанное Кайсыном о Балкарии как нечто святое. Цитировали строки. Им хотелось более подробно знать о Чегеме. А один даже спросил: «А Чегем – это большой город?» Город, село, аул – это неважно. Важно то, что дорога, начатая Кайсыном от Чегема, опоясала весь мир. Эта дорога стала вечной и сделала бессмертной имя самого поэта. Каждое его дело, каждый его шаг стали примером подражания для молодых поэтов, писателей, музыкантов, художников... Он всех призывал к дружбе, согласию. Он не делил своих коллег на плохих и хороших, на талантливых и бездарных. Он не мог никого ни обидеть, ни унизить. Ибо знал, что жизнь и время докажут, кто чего стоит в литературе.

Мы с Юсупом в тот день после долгой беседы с публикой, немного огорченные несостоявшейся встречей с земляком, оставив в дверях его номера записку с нашим адресом, вернулись к себе. А жили мы тогда в гостинице «Интурист», в сотом номере. Номер комнаты помню потому, что жили мы в этой гостинице более трех месяцев. Зная занятость Кулиева, мы не очень-то надеялись, что он нас посетит. Но свершилось чудо! Утром, что-то около одиннадцати часов, резко распахнулась дверь. Смотрим – стоит Кайсын. В охапке пакет с продуктами. Быстро вошел в номер, положил пакет на стол. Достал платочек, вытер пот с лица. И, вскрикнув: «Ах вы мои дорогие...», начал поочередно обнимать нас, расспрашивать о делах наших, об учебе.

«Неплохо устроились: гостиница шикарная, хорошо, если столь шикарны ваши знания... Не будьте беспечными... Дерзайте... А меня извините, мог бы задержаться, но внизу ждут друзья. Сегодня едем в родное село Самеда Вургуна. Если будет возможность, то перед отъездом в Нальчик я постараюсь навестить вас»,– с этими словами он покинул нашу комнату. Мы вышли проводить его. Пока спускались, он умудрился рассказать нам несколько анекдотов и смешных историй, в которых было много полезного и поучительного.

Когда его машина скрылась за поворотом, мне подумалось: «Много еще родится на земле поэтов, но такой, как Кайсын,– никогда...»

Кулиев писал мне письма из Ростова-на-Дону и Москвы. Я их храню, как дорогие моему сердцу реликвии. У меня есть его два письма – от 1982-го и 1985 года. Я их привожу полностью. Оба отправлены Кайсыном из больницы. Написаны они в горькую пору его жизни.

6 ЖНВ-85
Рафаэль.

Сәлам-олонбуи, Хасан!
Бин рәсәфда Сәүрәла
көйәфдәнбәй. Әлә бин да
Мәдинәнәфы көйәфдә.
Хәмәрәфда бәрә Фәда
Әлмәйә да бәйләнә.
Кәләй бәйса да, дайә да
Бирәз мәжбүбәф дәп
— шулайбыз.

Сау-сәләмәт бәйлә-
мә Инәфда Гөлнәзә
бер дә бер Фәүрәла көлә дә
Мәрхәбә Әлмәйә бәйә
Мәрхәбә

Әлмәйә бәрәйә
Сау кәйләйәк! Күрәбезмә

[illegible]

Р. Кәбиров

Салам-алейкум, Хасан!

Мен бирздан бери сизнинг хатингизни (писмонгизни) бағрингизни биле бошлаб Эндн да сени кўргандек ёки гапиргандек ҳатто ажаб ўзим, қорақалпоқим, бир белек жўлны гозербойдни кўргали тўлиқ бўлиб ёки-ҳат жўлни кўрде ул, гапиргандек, ёзган беде бағлагандек, ажу кечирин кўрингиз.

Ҳозир кечадан бир кашу жибердим да, мен кабу, мен кўргандек сўра болса ёзмагандга кўра, ҳатдай бек ёзолмасмен.

Бу кўрғ ўзбекчин, сиз бағ бағлаб, шабадек эди ёт кўп-кўп!

Дагы да бир телеграмма
мен жөнөтөмүн аралыкчы
К. Кайсын Эвенки округу.

Сиз Кайсын, сиз парламентсиз
Силер бүгүн авторсуз эмессиз
Бүгүн алмай, кар кимдер
Силер Кайсын Кулмыз
Болбогуңуз.

Жакшы менен салам
айтыңыз.

Кайда жүрсө салам-ак
Түшүнүгүз, ишиңизде
Ийгиликтер. Сиз көрүнөгөн

23 мая 1982г. К. Кайсын

Москва. Между прочим
вы большой

Хасан Миседович ТХАЗЕПЛОВ (1943)

Хасан Тхазеплов – член Союза писателей СССР с 1979 года, член Союза журналистов СССР с 1977 года, академик АМАН с 1997 года; с 1994-го по 1998 год избирался председателем Кабардино-Балкарской писательской организации, затем сопредседателем Президиума Союза писателей КБР. Он является автором двенадцати сборников стихов и поэм. Переводился на романские, тюркские и арабский языки.

Х. М. Тхазеплов родился в селении Старый Черек, Урванского района, КБАССР. После окончания школы-интерната № 2 в поселке Баксангэс он поступил в 1962 году в КБГУ на отделение механизации сельского хозяйства по специальности «инженер-механик». В том же году ушел служить в ряды Советской Армии и служил до 1965 года. После демобилизации продолжил учебу в КБГУ. В 1969 году поступил в Литературный институт им. М. Горького в Москве, который окончил в 1974 году. Одновременно Хасан Тхазеплов учился заочно и в КБГУ и в 1972 году получил специальность инженера-механика сельского хозяйства, но по этой специальности работать не пришлось. С 1974-го по 1976 год работал в Урванском районе на руководящей должности, а с 1976-го по 1994 год он – директор Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей КБР.

Кайсына Кулиева знал давно, начиная со студенческих лет. По словам Хасана Тхазеплова, он мог бы написать целую книгу о жизни и творчестве Кайсына Кулиева, так как знал его очень хорошо и как человека и понимал глубоко все его творчество. Несмотря на разницу лет, Кулиев считал Хасана Тхазеплова своим литературным собратом, талантливым поэтом, не раз помогал ему советом и делом. Свои воспоминания о Кулиеве Хасан озаглавил – «Память не бывает одинокой».

ПАМЯТЬ НЕ БЫВАЕТ ОДИНОКОЙ

Судьба поэта сродни судьбе огня и искры,– пламенем вздымаясь, приют свой ищут у далеких звезд. Тепло души, сливаясь с бесконечностью, освещает просторы жизни. Поэзия, как радуга: корнями – в землю, кроной – в небо. Все это напоминает жизнь Кайсына Кулиева в поэзии. Невозможно определить четкие границы его тем. Необыкновенно высокая чувствительность к «шорохам» сердца и острое ощущение времени склеивали каждый раз заново его единожды разрушенный реальный мир инерцией жестокой действительности 50-х годов. Его духовная культура и жажда жизни помогли выстоять и сохранить жар души, создавая драгоценные строки как письма грядущим поколениям.

Я знал Кайсына лично много лет – с поры веселого московского студенчества и до его ухода из жизни. Бывало радовал он нас, молодых, бывало – огорчал. Наезжая в столицу, он постоянно жил в гостинице «Москва» и, собирая там нас, студентов, кормил досыта, делая это совсем незаметно, между разговорами, клал в наши карманы хоть по червонцу и говорил со смехом: «Не смущайтесь, я тоже был студентом». Конечно, такие встречи носили случайный характер: не каждый раз находил он время собирать нас. Уже после института, спустя два года, когда я работал в районе, наши встречи возобновились.

В начале 1976 года правление Союза писателей республики оказало мне честь, пригласив к себе, в несуществующее тогда Бюро пропаганды художественной литературы, директором. Поручили мне открыть это Бюро по всем тогдашним законам, наладить его работу в масштабах республики на принципах хозрасчета. А это значило наладить такую работу, чтобы писатели могли ездить почти каждый день в районы на встречи с читателями, и им нужно было обеспечить как командировочные, так и гонорары за выступления. В условиях того времени создать для одного Бюро микрорыночную экономику было делом нешуточным, и я долго не соглашался. Со мной беседовали и Адам Шогенцуков, как председатель Союза писателей, и Мухамед Шекихачев, секретарь обкома КПСС, но я не решался: просто боялся за работу на условиях самофинансирования.

И вот однажды в коридоре Союза писателей я встретился с Кайсыном. Поздоровавшись со мной за руку, он буквально втянул меня в свой кабинет, усадил и сразу спросил: «Ну что, решился?» Я ответил: «И да и нет. Будь жив мой отец, я бы посоветовался». Кайсын задумался и мягко начал: «Что поделаешь, Аллаху было угодно так и случилось так. А ты не робей, мы поможем. И работу наладить поможем, и книги издавать поможем, и добрым словом поможем». Моя душа как-то оттаяла от его теплых слов, и я согласился взвалить на себя эту ношу. Нес я ее потом целых шестнадцать лет! Тогда-то мы и встречались с Кайсыном очень часто: и по добрым делам, и по горьким дням для наших общих друзей. Он нередко заходил в Бюро пропаганды по разным причинам, а точнее – навещал нас, находя поводы и причины. Обо всем не расскажешь. Тогда моим заместителем был его двоюродный брат, Ахия Ахматов,– человек доброй души и веселого нрава, к нему-то и заходил Кайсын. А втроем мы ездили в районы – Кайсына часто приглашали читатели, и его выступления были творческими уроками жизни. Они поднимали темы добра и зла, справедливости и честности, помогали сохранению очагов отечественной духовности.

О Кайсыне Кулиеве я мог бы составить целую книгу воспоминаний, может, в будущем так и случится, в нескольких же страницах трудно уместить все... Например, поездки к нему в Чегем I в последние дни жизни. Его разговоры с нами уже на смертном одре... Как поручил он Хамзату Батырбекову в моем присутствии отвезти рукопись его двухтомника в Москву, в издательство... Как в день его похорон в гостинице «Нальчик» плакал Расул Гамзатов, и т. д. и т. п... Что скажешь, Кайсын был человеком интересной и жестокой судьбы. Видно, Аллаху было угодно сотворить для него такую судьбу.

Как-то я посвятил ему стихотворение и сказал: «Кайсын, я написал о вас стихотворение, но боюсь прочитать». Он посочувствовал: «А чего бояться? Читай! Не издательскому же редактору читаешь!» – подмигнул он левым глазом и по-отечески улыбнулся. У меня перехватило дыхание, я начал читать. Чем дальше я читал, тем задумчивее становился Кайсын, а к концу совсем нахмурился. Закончив чтение, я замолчал. Молчал и он, только

костяшками пальцев медленно барабанил по столу. Наконец, он тихо заговорил: «Тяжелое стихотворение, со своим таинственным образом. Уводит вдаль... Да... мучительно сознавать, как скоро жизнь превращается в память...» Он понял так, что услышанное только что стихотворение посвящено не моему визави – живому, сидящему в реальном мире, а тому, который когда-то превратится в память, станет памятью людской, памятью народной, осуществив предначертанное судьбой. Сердце мое сжалось от его глубокого вздоха, в котором билась боль всей его жизни. Я тогда понял, что мои, пока еще неясные, чувства приобретали реальность, присущую всему в этом мире. Я понял, что допустил непоправимую ошибку, прочитав посвященные ему стихи. «Извините,– прошептал я,– я не подумал, что они так вас затронут...» Он поднял на меня свои задумчивые глаза: «Ничего, Хасан, ничего... Человеческое сердце копит немало молчаливых символов веры, что благодарные люди сторицей вернут людское сочувствие, и неизмеримая доброта коснется тех, кто жил для своего народа, неся ему свет и добро». Расставаясь с Поэтом, я тогда подумал: «Память не может быть одинокой, она сверстница тех, кого чтит».

ПЕСНЯ СТАРОГО ФРОНТОВИКА

О песни, летите!
Взмахните крылами –
Вспорхни из груди, соловей!
Вы мне не давали покоя стихами
И музыкой светлой своей.

Я вас ограждал от сует повседневных,
И в сердце хранил я ваш дар.
Я вас собирал в городах и деревнях,
Как пчелы цветочный нектар.

Под вашим напевом блаженствовал немо
В объятиях сладкого сна,
Где лунная та колыбель над Чегемом,
Цела ли сегодня она?

Куда ты исчезла, песчаная тропка,
Что к счастью и грусти вела?
О, где ты, любил я которую робко?
Как облако, тихо ушла.

Тот сон мой чегемские волны ласкали,
Но детство – не возвращу.
Друзья мои, помню, меня вы искали,
А нынче – друзей я ищу.

Друзья, навсегда усыпили вас пули
В далеких полях роковых.
Друзья мои мертвые, вас не люблю ли,
Как братьев родных и живых?

А в небе по-прежнему солнце над плесом
И ширью огромной реки.
И юношей стать не успел я, как осень
Мне пеплом покрыла виски.

О песни, летите! Простору доверьтесь,
Летите с высокой скалы!
Я думал, что вы еще птенчики в сердце,
А вы уже стали орлы.

Летите, орлы, и, паря в поднебесье,
Храните друзей моих сон,
В нем боль, и любовь, и отважные песни,
И вечного времени звон!

Тот сон мой чегемские волны ласкали,
Но детство – не возвращу.
Друзья мои, помню, меня вы искали,
А нынче – друзей я ищу.

Светлана Конакбиевна
БАШИЕВА
(1953)

Светлана Башиева – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, проректор по науке Кабардино-Балкарского государственного университета.

Родилась в селе Рыбачье, Иссык-Кульской области, Киргизской ССР. Окончила отделение русского языка и литературы КБГУ с отличием. Кандидатскую диссертацию защитила по особенностям перевода лексико-фразеологических средств лирики Кайсына Кулиева, докторскую диссертацию – по фразеологической стилистике.

Автор 50 научных работ.

КАЙСЫН КУЛИЕВ ВСЕГДА В МОЕМ СЕРДЦЕ

Кто-то из великих однажды сказал, что есть поэты с судьбой и поэты с биографией. Кайсын Кулиев – это поэт с судьбой, с судьбой многогранной, счастливой и трагичной, ибо все, что написал он, им выстрадано и внутренне, и психологически, идет от личного его восприятия мира, знания им жизни. Я говорю так не только потому, что знаю хорошо творчество Кулиева, но и потому, что была с ним знакома...

В студенческие годы как-то у нас в группе возник спор о том, как влияет на подлинник личность переводчика. Один из моих однокурсников сказал: «А что вы спорите, вот Кайсына Кулиева сделали переводчики». Меня это очень задело, потому что он не владел балкарским языком и не читал стихов Кулиева в оригинале, и я начала под руководством доцента кафедры русского языка Галины Анатольевны Яковлевой работать над дипломной работой, посвященной проблеме сохранения специфики произведений Кулиева в переводах. Позже я однажды пришла к Кайсыну Кулиеву на работу в Союз писателей, представилась и сказала, что занимаюсь ана-

лизом переводов его произведений. Кайсын Кулиев отнесся к сказанному мною довольно скептически: «Ну что ты, девочка, у меня прекрасные переводчики, и я ими доволен. А потом то, о чем ты говоришь, дело сложное, и мой тебе совет: не надо тебе этим заниматься». – «Кайсын Шуваевич,– сказала я,– вот я принесла две статьи, прочитайте хотя бы вот эту, пожалуйста,– и дала ему свою работу с анализом перевода стихотворения «Час, когда птицы поют...». Поэт не стал возражать и прочитал. Реакция была довольно эмоциональная. Кайсын схватился за голову и сказал: «Ты посмотри, что он (Наум Гребнев.– *С. Б.*) со мной сделал. Как кукурузу перемолотил! А я, старый осел, поверил ему! Ай-ай-ай!» В это время к Кулиеву пришла Танзиля Зумакулова, и поэт снова начал возмущаться: «Танзиля, посмотри, что со мной сделал Наум Гребнев,– сказал он и дал Танзиле мою статью,– только сегодня я, старый дурак, понял, что он со мной сделал. Мне же некогда сверять переводы с оригиналом»,– добавил он, оправдываясь. С этого дня Кайсын Кулиев стал как бы вторым моим научным руководителем. Позже, когда я написала диссертацию по той же теме, он внимательно прочитал ее и написал очень теплый отзыв. К сожалению, я тогда не догадалась сделать копию с него и не могу восстановить его содержание. Но самое приятное было то, что в день защиты диссертации получила телеграмму Кайсына Кулиева: «Горячо поздравляю блестящей защитой, очень рад за вас, желаю вам большого будущего. *Кайсын Кулиев*». Телеграмму эту я, как и листок, на котором поэт записал номера своих телефонов и дал мне в день моего первого визита к нему, да две папки с газетными вырезками, с записями моими о Кайсыне Кулиеве, сделанными в архиве, с книгами, подаренными мне поэтом, храню как самое дорогое и памятное в моей жизни. Может быть, когда-нибудь передам в Доммузей в Чегеме, но сейчас не могу расстаться с ними.

Я много раз встречалась с Кайсыном Кулиевым, но самой впечатляющей была последняя встреча с ним, за несколько дней до его смерти, а точнее – 28 мая. Мы с Тамарой Емельяновной Эфендиевой решили проведать его в Чегеме. Я на рынке купила ведро тюльпанов, и мы поехали. Честно говоря, я думала, что он нас не узнает. Но Кайсын Шуваевич не только нас узнал, но и радостно

встретил. Увидев тюльпаны, он сказал своей дочери: «Жанна, посмотри, сколько цветов, только обязательно посчитай, чтобы было нечетное число». Их оказалось, кажется, 49. Тамара Емельяновна, наверное, помнит лучше. Меня потрясло то, что мы увидели изможденного тяжелой болезнью человека (кости, обтянутые желтой кожей), но глаза были те же – живые и мудрые, полные света. Он подписал мне дрожащей рукой, поддерживаемой Элизат, последнюю свою книгу. Тогда я обратила внимание на то, что у кровати на журнальном столике лежали две книги – Стефана Цвейга и Александра Блока. Через несколько дней Кайсына Кулиева не стало. И я тогда поняла, почему именно книги этих двух великих писателей перечитывал поэт перед смертью: ему нужен был Цвейг с его драматическим трагизмом и Блок с его ощущением вечности красоты. Может быть, потому у него родились его предсмертные стихи:

Я не скажу, что
малодушней всех,
но говорить, что уходить
не больно,–
великий грех.

Но даже в них нет подавленности: поэт боялся не умереть, а боялся не жить, и потому ушел из этой жизни мужественно и достойно.

Я часто ловлю себя на мысли, как бы Кайсын отнесся к тем переменам, которые произошли за то время, что его нет. Трудно ответить на этот вопрос. Но уверена в том, что если бы судьба не била бы столь жестоко и больно его, если бы он не отдавал столь щедро свою энергию всем, кто обращался и не обращался к нему за сочувствием, может быть, он прожил бы еще лет двадцать, ибо он имел на это право как никто другой. Но утешает другое, в связи с чем я вспоминаю одного чиновника, который в 1975 году, когда «Книгу земли» выдвинули на соискание Ленинской премии, сказал, мол, что особенного в стихах Кайсына Кулиева, ведь он пишет так, как писали во времена Гомера. Премии поэт не получил, чиновник не работает, а может быть, и умер, но имя Кайсына Кулиева звучит на многих языках мира и через тысячелетие будет звучать так же современно, как и сейчас.

Анатолий Ахмедович МАКСИДОВ (1944)

Анатолий Максидов – капитан-лейтенант в отставке. Уроженец Терского района, вся жизнь которого связана со службой на Тихоокеанском флоте. После окончания военного училища в городе Львове он был направлен на Дальний Восток, на одну из главных баз Тихоокеанского флота – поселок Тихоокеанский, где он работал в разных должностях.

Член Союза писателей и журналистов РФ, член-корреспондент Международной генеалогической академии в Париже, генеральный секретарь Российской генеалогической федерации, председатель Кабардино-Балкарского историко-родословного общества.

С Кабардино-Балкарией его связывал прочными духовными узами Кайсын Кулиев, поэзию которого знали моряки на Тихом океане. Анатолий Максидов гордился своим прославленным земляком. И не только гордился, он стал его горячим поклонником и пропагандистом: публиковал о нем статьи в районных армейских газетах. Своим увлечением поэзией Кулиева капитан Максидов снискал уважение сослуживцев, привлек к своей работе брата, Владимира Максидова, который в течение десяти лет занимал должность начальника матросского клуба Тихоокеанского флота. А сам Анатолий Максидов с 1969-го по 1979 год был начальником Тихоокеанского Дома офицеров.

Эти обстоятельства позволяли им проводить культурные мероприятия среди моряков, включая вечера поэзии о Кайсыне Кулиеве, литературные диспуты, празднества, связанные с юбилеем горского поэта-земляка. Так, в связи с проведением торжеств, связанных с 60-летием со дня рождения поэта Кулиева, Анатолий Максидов опубликовал следующие статьи: «Ровесник Октября» (газ. «Боевая вахта». Орган Тихоокеанского флота. 1977. 30 окт.); «Ровесник революции» (газ. «Ленинский луч». 1977. 1 ноября.); «Счастье моей страны» (с портретом Кайсына, фотографию которого капитан носил всегда с собой, как и томик его стихов; газ. «Боевая вахта». 1977. Ноябрь.).

Своими воспоминаниями о встречах с Кайсыном Кулие-

вым, о том впечатлении, которое поэт производил на людей, капитан Максидов поделился с нами в этом небольшом очерке. К очерку прилагается письмо А. А. Максидова К. Ш. Кулиеву.

ВЕЛИКИЙ ГОРЕЦ

В 1967 году во многих союзных, автономных республиках и краях СССР отмечалось 50-летие со дня рождения известного поэта Кабардино-Балкарии Кайсына Шуваевича Кулиева. Поэт заслужил это. Впервые за многовековую историю малых народов, проживающих на Северном Кавказе, горец Кайсын Кулиев поднялся на поэтических крыльях над Кавказом, и о нем заговорили на разных языках народов Советского Союза.

В этом году в день 50-летия поэта в западноукраинском городе Львове, в одном из военных училищ отмечали рождение славного балкарца. Как сейчас помню, что на торжественном вечере присутствовали его земляки: полковник Советской Армии, ветеран Великой Отечественной войны, сослуживец Кайсына, преподаватель Львовского высшего военно-политического училища Барасбий Бозиев, кандидат педагогических наук писатель и критик Эльвира Кудашева, курсанты училища Владимир и Анатолий Максидовы, Жерар Иоанесян из Кабардино-Балкарии и др. Всех нас объединяла в этот вечер неподдельная любовь к поэзии Кулиева, гордость за нашего земляка, юбилей которого отмечался повсеместно в нашей огромной великой стране. Конечно, на вечере присутствовали все курсанты и преподаватели нашего училища. С воспоминаниями о друге, земляке и сослуживце в период войны выступил полковник Барасбий Бозиев. Рассказывая о Кайсыне, как они вместе воевали, он читал его фронтовые стихи, записанные им в дневник, который он вел в годы Великой Отечественной войны. Возможно, этот дневник сохранился в семейном архиве Бозиевых. Автор дневника умер в 70-х годах во Львове. Его жена Галина и дочь Лена проживают в этом городе по настоящее время.

Итак, полковник выразительно читал стихи своего фронтового друга, а мы в тот памятный вечер, завороженные, сидели и слушали:

Лампочка из гильзы от снаряда
Засветилась. Хата. Ночь темна.
Я читал стихи, а в балке рядом
Били пулеметы. Шла война.

Мы понимали, что Барасбию, прошедшему с Кулиевым рядом всю войну, были особо близки и понятны стихи о войне, о которой мы знали из литературы и по кинофильмам. В тот вечер полковник Бозиев читал стихи не только Кулиева, но и Расула Гамзатова, Алима Кешокова, отрывки из произведений Али Шогенцукова, поэта, трагически погибшего в годы войны. Кроме него, выступали и другие мои земляки. Они тоже много интересного рассказывали о поэте, читали его стихи. Зал восторженно встречал их овациями, возгласами одобрения. Казалось, что и мы частица Кайсына, его величия, его недосягаемой гениальности. Готовясь к этому вечеру, я тоже взял сборник стихов Кулиева и прочитал несколько стихотворений поэта – «Предки мои», «Черный конь умирает на белом снегу», «Весны я не встречу однажды» – и целый цикл стихов, посвященных матери-горянке. Хорошо знал я и его «Чегемскую поэму». Это вершина его творчества в те годы. Считаю, что эта поэма стала классикой кавказской поэзии.

С того памятного вечера я стал поклонником Кайсына Кулиева и его творчества.

Прошло время. Мы с братом Владимиром закончили училище, и судьба военного моряка забросила нас на Дальний Восток, на одну из главных баз Тихоокеанского флота – поселок Тихоокеанский. На этой базе мы с братом прослужили десять лет, с 1969-го по 1979 год. Я работал в должности начальника Тихоокеанского Дома офицеров флота, а Владимир – в должности начальника матросского клуба Тихоокеанского флота. Мы оба старались, как работники культуры, нести в среду моряков-тихоокеанцев духовную культуру и обычаи горцев, знакомили их, что было в наших силах, с поэзией Кайсына Кулиева и других писателей народов Северного Кавказа.

Помню, что в 1977 году в составе писательской делегации к нам на флот приехали два наших известных земляка: Ахметхан Налоев, народный писатель КБР, преподаватель КБГУ, заслуженный деятель культуры КБР,

и знаменитый наш поэт и писатель Алим Кешоков. Они много раз встречались в этот свой приезд с моряками Тихоокеанского флота и на этих встречах всегда заходи разговор о Кайсыне Кулиеве и его поэзии. Очевидно, их удивляло, что наши моряки так хорошо знают стихи Кулиева, любят его поэзию. (Кулиев в эти годы очень много печатался в центральной прессе – во всех газетах и журналах.) Мне даже иногда казалось, что Ахметхан и Алим огорчались из-за того, что воины-тихоокеанцы так живо интересуются поэзией Кулиева и почти совсем ничего не знают об их творчестве.

Однажды, находясь в гостинице «Золотой Рог» в городе Владивостоке, где остановилась делегация, которую возглавлял Алим Кешоков, я задал ему вопрос:

– Не обидно ли вам, что наши моряки́ больше знают творчество Кайсына Кулиева, чем других поэтов Северного Кавказа?

– Для меня, горца,– ответил Алим,– современника Кайсына, важно то, что моряки знают Кавказ и его поэтов, знают Кабардино-Балкарию, поэзию горцев через Кайсына Кулиева. Он представляет всех нас во всем мире. Его талант никто не сможет затмить – ни Алим, ни Расул. Кайсын – гений.

И это было сказано так убедительно, что мои сомнения исчезли, и мне стало неловко за тот вопрос, который я ему задал.

60-летие со дня рождения Кайсына Кулиева отмечалось в этом же, 1977 году. Мы с братом постарались отметить торжественно юбилей поэта, много к нему готовились, привлекли тех, кто любил литературу. В Центральном Тихоокеанском Доме офицеров флота мы и провели это мероприятие. Я опубликовал свои статьи в наших районных газетах и отослал их Кайсыну Шуваевичу. Думаю, что они сохранились в его архиве. Написал ему письмо, в котором сообщал, как мы, моряки Дальнего Востока, отметили его 60-летие. К сожалению, ответа я не получил.

В 1985 году Кайсын навсегда ушел от нас. Находясь на Балтийском флоте и узнав о смерти поэта в июне, я собрал в Центральном Таллинском Доме офицеров флота очень многих горцев и русских, служивших в Таллине, любителей поэзии Кайсына Шуваевича, моряков-балтий-

цев, литераторов городской писательской организации Эстонии и провел вечер памяти великого поэта, народного поэта Кабардино-Балкарии.

С тех пор пролетело 16 лет. Вот уже отметили и 80-летие со дня рождения К. Ш. Кулиева. Сегодня, проживая в Нальчике, я часто думаю о Кайсыне, вспоминаю пройденные мною годы, очень сожалею о том, что я никогда не встречался с ним, не видел его прекрасного лица, не слышал его живого голоса, как он читал стихи на своем родном языке. Видно, судьбе было угодно, чтобы я нес о нем знания солдатам и офицерам Российской армии, но никогда не имел счастья пожать ему руку.

До конца жизни буду преданным поэзии великого, на мой взгляд, гения балкарского народа, верного сына Кавказа, отдавшего свою лиру и жизнь своим землякам, всем людям, которые понимают и ценят поэтическое слово.

Лишь один его поступок – добровольная депортация к месту выселения балкарцев и его слова: «Я должен быть там, где мой народ» – уже свидетельствует о гениальности натуры этого человека. Для меня его поэзия сравнима лишь с творениями Низами, Фирдоуси, Пушкина.

Письмо Анатолия Ахмедовича Максидова и его брата из Приморского края от 1 ноября 1977 года К. Ш. Кулиеву

«Салам алейкум, дорогой наш брат Кайсын!

Через тысячи и тысячи километров из далекого Приморья, в день Вашего 60-летия мы, кабардинцы, братья Анатолий и Владимир Максидовы, шлем Вам свои горячие поздравления и пожелания быть всегда здоровым, крепким, жизнерадостным – таким, какой Вы есть сегодня.

Находясь на военной службе в кадрах Военно-Морского Флота, мы, братья, вот уже 15 лет оторваны от нашей маленькой родины, которая нам дорога больше жизни. Бывая в родных краях лишь изредка, приезжая к родителям, которые живут в селении Хамидие, Терско-

го района, мы каждый раз заново открываем для себя нашу Кабардино-Балкарию.

Ваши удивительно жизненные, глубоко философские стихи помогают нам еще страстнее любить Кавказ, Кабардино-Балкарию, людей, населяющих ее.

Вашу поэзию любят и знают во всех уголках нашей необъятной Родины – от Камчатки до западных границ. Для нас, горцев, Ваша поэзия давно стала классикой. В минуты грусти и тяжелых раздумий мы обращаемся к Вашим стихам, в час радости – тоже к ним.

Вы, как никто другой из поэтов нашей страны, выстрадали свою поэзию и смогли остаться истинным горцем, любящим Советскую Родину и нераздельно слитую с ней Кабардино-Балкарию. Вот за это, Кайсын Шуваевич, низкий поклон Вам и морская благодарность.

Вам и Вашей поэзии реклама не нужна. Вас знают во всем мире, однако в день Вашего юбилея мы решили еще лучше познакомить с Вами моряков-тихоокеанцев и жителей Приморского края, которые очень любят Вас и читают.

Мы часто встречаемся с Вами на экранах телевизоров, на страницах журналов и газет. Мы гордимся Вами и с гордостью произносим: «Он наш земляк».

Долгой жизни Вам, дорогой наш Кайсын Шуваевич. Приезжайте к нам во Владивосток, мы будем рады видеть Вас на дальневосточной земле.

С уважением и любовью к Вам братья, капитан-лейтенанты *А. А.* и *В. А. Максидовы.*

1 ноября 1977 г.

692823. Приморский край, Шкотовский район, пос. Тихоокеанский, ул. М. Цукановой, 16/21. Максидовым».

Елена Арменаковна
АБУЛОВА
(1937)

Даулет Аисович
НАПСО
(1927)

Е. Абулова и Д. Напсо – ученые из Пятигорска. Оба доктора исторических наук, профессора. Елена Абулова работает в Пятигорском лингвистическом университете, а Даулет Напсо – в Пятигорской государственной фармацевтической академии. Они были участниками научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Кайсына Шуваевича Кулиева, выступали с докладами и после конференции приняли участие в беседе «круглого стола», завершившего научный форум. Они знали Кайсына Кулиева, встречались с ним в Пятигорске, когда там проводились Лермонтовские чтения и празднества в связи с рождением поэта. Свое отношение к поэту и его поэзии они выразили в статье «Жизнь и песня» (Кабардино-Балкарская правда. 1997. 14 окт.)

Елена Арменаковна Абулова родилась 20 июня 1937 года в городе Железноводске, Ставропольского края, в семье служащих. Мать – Приймак Тамара Васильевна, русская, работала на почте, отец – Абулов Арменак Артемович, армянин, работал на Иноземцевском винзаводе. С июля 1941-го по май 1945 года отец участвовал в Великой Отечественной войне, День Победы встретил в Берлине.

В 1944–1954 годах училась в железноводской средней школе № 1, по окончании которой поступила на историко-филологический факультет Пятигорского государственного педагогического института. Закончив вуз в 1959 году, в течение нескольких лет работала по распреде-

лению в средней школе поселка Курорт-Теберда, Карачаево-Черкесской автономной области, преподавателем литературы и истории. С 1965 года и по настоящее время работает в Пятигорском государственном лингвистическом университете, где прошла путь от ассистента до профессора кафедры социологии и политологии. В 1970 году в Кабардино-Балкарском госуниверситете защитила кандидатскую диссертацию по интернациональному воспитанию трудящихся Карачаево-Черкесии в годы социалистического строительства (1920–1940). В 1986 году защитила докторскую диссертацию по проблемам национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917–1937 годах.

Участвовала в работе республиканских, региональных, краевых и городских научно-теоретических и научно-практических конференций по проблемам социально-гуманитарных дисциплин. Опубликовала около 60 работ: «Мир и труд – основа спасения Отечества»; «Гуманизм и бессмертие культуры (проблемы развития национальных культур, в соавторстве)»; «Великий Октябрь и национально-государственное строительство на Северном Кавказе»; «Роль греческих обществ в формировании культуры межнационального общения:» «Национальная государственность как фактор стабильности общества. Труд в условиях перехода к рыночной экономике»; «Национальное и интернациональное в семейном воспитании»; «О некоторых проблемах современной школы»; «Язык как фактор формирования национального самосознания»; «Эллады гордые сыны (в соавторстве)»; «Роскошь человеческого общения...»; «О связях творческой интеллигенции Северного Кавказа и России» и др.

Научный редактор многих публикаций, в том числе монографий и учебных пособий: Напсо Д. А., Чекменев С. А. Надежда и доверие. Черкесск, 1993; Сморкалов Л. А. История России. Пятигорск, 1997; Социология. Пятигорск: Изд. ПГФА (1-й вып.– 1994; 2-й вып.– 1996) и др.

Член редакционно-издательского Совета ПГЛУ и редколлегии многотиражной университетской газеты «Учитель». Член редколлегии Вестника Пятигорского государственного лингвистического университета (ПГЛУ) и историко-культурного журнала «Община», публикующего материалы по истории и культуре армянских общин Юга России, самой многочисленной армянской диаспоры.

Даулет Аисович Напсо родился в 1927 году в ауле Большое Псеушхо, Туапсинского района, Краснодарского края, в семье крестьянина.

В 1947 году окончил Адыгейское педучилище в Майкопе, в 1952 году экстерном – Краснодарский Государственный пединститут. В 1964 году защитил кандидатскую диссертацию в РГУ на тему «Партийная орга-

низация Карачаево-Черкесии в борьбе за ликвидацию фактического неравенства народов области (1920–1940)», а в 1970 году – докторскую диссертацию «Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по интернациональному воспитанию трудящихся в годы социалистического строительства (1917–1937)» в Институте Истории партии при ЦК КПГ.

В научном плане у него опубликовано много статей по проблемам национально-государственного строительства, ликвидации фактического национального неравенства, интернационально-патриотического воспитания (статьи: «Создание национальной государственности народов Северного Кавказа», «Интернациональное сплочение трудящихся под знаменем Великого Октября», «Марксизм-ленинизм о государственных формах разрешения национального вопроса», «Интернационализация политической жизни народов Северного Кавказа» и т. д.).

Серия статей посвящена современному этапу развития национальных отношений («Экономическая реформа и межнациональные отношения», «Еще раз о проекте Союзного договора», «Мир и согласие», «Мир и труд – основа спасения Отечества», «О некоторых проблемах стабилизации национальных отношений», «Национальная государственность как фактор стабильности общества», «Гуманизм и бессмертие культуры» и т. д.).

Предмет особого научного внимания – защита Отечественной истории, ее правдивое освещение и возрастание ее роли в формировании исторического сознания, исторической культуры («Против фальсификации истории Великой Отечественной войны», «За правдивое освещение истории Великой Отечественной войны», «Из истории культурных связей народов России и Северного Кавказа», «О некоторых проблемах формирования исторического сознания», «Исторический выбор», «О возрастании роли исторической науки», «Бессмертие подвига», «О познавательной и воспитательной функции истории»).

Цикл статей посвящен методологии и методике научных исследований: «О системе целостного социального знания», «Некоторые методологические проблемы гуманизации и гуманитаризации образовательного процесса», «Гуманитарные дисциплины в подготовке провизора».

В 1968 году вышла его монография «Под знаменем интернационализма, в 1993 году – «Надежда и доверие» (в соавторстве). Даулет Напсо – один из авторов и руководитель авторского коллектива по подготовке учебного пособия «Социология». Первый выпуск осуществлен в 1994 году, второй – в 1996 году.

Он является научным редактором многих монографий, научных трудов (*Абулова Е. А.* Партия во главе национально-государственного строительства

народов Северного Кавказа. Ростов: РГУ, 1984; *Шекультиров Б. И.* Осуществление аграрной политики КПСС в условиях совершенствования социализма. Майкоп, 1988; *Нагучев Д. М.* Высшая школа на Северном Кавказе: история и современность. Майкоп, 1992; *Сморкалов Л. А.* История России. Пятигорск, 1997 и т. д.).

Напсо принимал участие в многочисленных научных конференциях, выступал с докладами, сообщениями. Он подготовил более 30 кандидатов наук, 8 докторов наук по истории, философии, социологии.

25 лет заведовал кафедрой философии и истории Пятигорской государственной фармакадемии. Долгие годы был членом Спецсовета при КБГУ по защите кандидатских диссертаций.

ЖИЗНЬ КАК ПЕСНЯ

Когда я говорю с горами,
Я с целым миром говорю

К. Кулиев

В созвездии героических сынов Кавказа звездою первой величины сияет имя Кайсына Кулиева.

Он родился в старинном горном ауле Верхний Чегем в семье охотника и скотовода, в доме, который лепился у скал. Это малая Родина, неповторимый уголок земли; с ним связаны самые дорогие воспоминания, от которых, по словам поэта, и сладостно, и горько. «Был моей колыбелью Чегем»,– скажет он впоследствии в одном из своих стихотворений. «Я очень рад,– отмечал Кайсын Кулиев,– что не знал праздности, этого отвратительного уродства, коверкающего людей. Моя старенькая мать считала, что я с малых лет чрезмерно трудился, испытал слишком много тяжелого». Босоногое детство и школьные друзья, горы Жуунгу и Илькарги, скалы, взметнувшиеся к облакам, и белизна снежных вершин – все это потом оживет в его литературных образах.

Страстную любовь к родному краю Кайсын впитал с ранних лет и пронес через всю жизнь. Он лишился отца в двухлетнем возрасте, и воспитание детей полностью легло на хрупкие плечи матери. Герои его произведений – горянка, поддерживающая и охраняющая тепло очага, и седой виноградарь, который всегда рад своей работе; аробщик, едущий по лунной дороге, и мальчик на ослике. Ему

безмерно дорог балкарский язык, неприхотливый разговор крестьян-горцев, их речь, в которой ощущается «и доброта хлебов, и мудрость трав». В чарующей поэзии – дивные картины кавказской природы: песнь водопадов и аромат горных пастбищ, снег, пропахший детством поэта и пастушеской буркой; скалистые ущелья и чинара в зеленых побегах; «река Чегем, что всех роднее рек, и звезды ночи, и сиянье дня...».

В 1943 году, когда Кайсын делал первые шаги в большой литературе, А. Фадеев в своей записной книжке отметил «Прекрасный балкарский поэт К. Кулиев. Подлинный горец и подлинная поэзия...»

Будущий поэт писал стихи с десяти лет, а профессиональная литературная деятельность началась в середине тридцатых. Ему не было и восемнадцати, когда он поступил в Театральный институт им. Луначарского (ГИТИС). Впоследствии Кайсын Кулиев вспоминал, что в Москве увидел совершенно новый для него мир – наслаждался искусством таких великих актеров, как Качалов, Москвин, Тарханов, Остужев. Посещал концерты, где слушал удивительную музыку Бетховена и Шопена, Шумана и Шуберта, Чайковского и Глинки, которые оказали большое влияние на мироощущение и формирование поэтического таланта.

С раннего детства Кайсын Кулиев с книгами, впоследствии ставшими неизменными спутниками всей его жизни. Высоко оценивая значение книги, поэт ставил ее в один ряд с хлебом насущным, «В моей рабочей комнате – сотни мудрых книг, весь трепет человеческого сердца,– взволнованно писал он.– О, сколько прекрасного в них! Работая, я постоянно приникаю к этому живому чистому источнику».

Кайсын Кулиев в совершенстве овладел русским языком, богатству которого не переставал удивляться. Как это актуально сегодня, когда усилиями «демократов» и националистов пытаются вытеснить из духовной жизни и принизить роль великого языка, давно ставшего средством межнационального общения. Первым поэтом, которого Кайсын перевел на родной язык, был Лермонтов. Уходя на фронт, он взял с собой два томика – его и Тютчева – и в короткие от боев передышки читал стихи солдатам.

Боевой путь поэта нелегок: он участвовал в жестоких сражениях в Подмосковье, Сталинграде, форсировал Сиваш. Был отважным парашютистом-десантником, а после тяжелого ранения, отказавшись от демобилизации, стал военным корреспондентом газеты 51-й армии «Сын Отечества». Его острое перо метко разило врага. Он перенес все фронтовые тяготы и сполна познал цену жизни.

Пройдя через горнило войны, поэт сохранял высокую человечность, доброту и нежную любовь к Родине, отчему краю. Горе, лишения и страдания не остудили его сердца. К. Кулиев отдал весь свой могучий талант народу.

Даже в самое тяжелое время военного лихолетья Кайсын Кулиев верил в грядущую победу и в час вражьего бесславного конца.

Отличительная черта военных мотивов в лирике Кайсына Кулиева – философские раздумья об общей судьбе планеты Земля и человечества, о необходимости сплочения народов, способных преградить путь любителям военных авантюр. Поэтому он принимал активное участие в движении сторонников мира.

Кайсын Кулиев – тончайший лирик и поэт-философ. На войне ему еще дороже становится прежняя жизнь: родные горы, обнимающие хребты, смуглый ездок на дороге, весенний дождь и невнятный шум реки Чегем. И потому, ненавидя смерть, страдания и лишения, принесенные войной, он испытывал радость мирного бытия и приветствовал наступившие будни.

В его поэзии органически слились судьбы малой и большой Родины, а любовь к Отчизне была чиста, светла и глубока:

О камни родины! В огне и гуле
Мы вместе закалялись в грозный час,
Пронзили нас одни и те же пули,
И жгло одно и то же пламя нас!

Творчество поэта расцвело в тревожные послевоенные годы, когда враги мира замышляли новый поход против СССР и всего человечества. Тема войны не оставляет его и после завершения Великой Отечественной – слишком дорогой ценой оплачена Победа! По признанию Кайсына Кулиева, боль за судьбу земли была для него

страшнее собственной смерти. Антивоенные мотивы мощно звучат в стихотворениях «Божий меч», «Дом и мир», «Я видел, как селенья догорали» и других. А в стихотворении «Огонь и Ветер» в аллегорической форме представлена возможная альтернатива будущей термоядерной войне. Поэт с тревогой вопрошает:

– И если все живое мы сожжем,
И все во прах мы превратим с тобою,
Кто казаны повесит над огнем?
– Где будет лес, чтоб я шуршал листвою?

Сопричастность к делам Родины и ответственность за нее совершенствовали и оттачивали музу народного поэта. С миссией мира и дружбы он объездил почти все страны, ибо верил в разум и способность человека остановить пожар большой войны.

Гимном беззаветной стойкости и мужеству защитников волжской твердыни и седого Кавказа звучит поэма «Знамя» (1970). В качестве эпиграфа поэт взял прекрасные горьковские слова: «Безумству храбрых поем мы песню!» Герои поэмы – три партизана, три друга из Терскола – взялись «освободить Эльбрус от страшной ноши». Они сорвали ненавистный флаг со свастикой – символ рабства и неволи – и водрузили красный стяг. Казалось, сама родная природа помогала и оберегала защитников Кавказа от смерти, расставившей на своих бесконечных дорогах тысячи силков. Косая вынуждена была отступить перед героизмом и дерзкой отвагой смельчаков.

И сегодня, в начале XXI века, проблема войны и мира остается самой актуальной. Кажется, именно к нам, живущим на Кавказе, ставшем в результате политических игр властей предержащих ареной межнациональных конфликтов, с горьким укором обращены слова Кайсына:

Опять чинары скорбно шелестят,
И где-то снова бой идет без славы,
И где-то снова в брата целит брат,
И снова смерть приходит к тем, что правы.

Подлинно национальное всегда интернационально. Это в полной мере относится к творчеству Кайсына Кулиева.

Он посвящал свои стихи многим дорогим ему людям, с которыми свела его судьба. Среди них – Эфенди Капиев, Дмитрий Гулиа, Мустай Карим, Аркадий Кулешов, Давид Кугультинов, Николай Доризо, Георгий Леонидзе и другие. Он шлет слова скорби Амине Залиловой, жене казненного в Моабитской крепости прославленного татарского поэта Мусы Джалиля; в час печали утешает Марику Чиковани, вдову своего друга – грузинского поэта.

Кайсын Кулиев провел в ссылке в Киргизии двенадцать лет и вернулся на Родину лишь в начале июня 1956 года. «Я снова встретился с вечной мощью хребтов Кавказа... На второй день мы поехали в Чегемское ущелье. Молчали скалы. Молчал и я. Без слов мы понимали друг друга»,– писал он.

Поэт ненавидел мерзость и предательство, подлость и бесчеловечность, перевертышей и конъюнктурщиков. То, с чем мы столкнулись в последнее десятилетие. Непримиримое отношение к подобным негативным явлениям – необходимое условие возрождения Родины.

Лучшие произведения национальной литературы становятся достоянием мировой культуры. Удивленный и восхищенный, Кайсын склонял голову перед силой таланта великих классиков различных стран и народов. Он знал, как своих родных братьев, любил и гордился Низами и Физули, Пушкиным и Лермонтовым, Тютчевым и Блоком, Пастернаком и Твардовским. Совершенствованию его поэтического мастерства способствовало изучение произведений Р. Роллана, трагический героизм которого стал, по замечанию Кайсына Кулиева, необходим для него, как музыка Баха и Грига. По собственному признанию, он учился мудрости и мужеству, неуспокоенности и оптимизму не только у всемирно известных мастеров слова, но и у великих композиторов и живописцев – прежде всего Бетховена и Шопена, Эль Греко, Врубеля и Сарьяна. Их творения помогали ему лучше понять собственную жизнь и весь мир.

В произведениях весь поэт: его человеческая доброта и сердечность, душевная щедрость и благородство, мудрость и верность в любви и дружбе. Он – человек высоких нравственных принципов, от которых никогда не отступал. По словам Ч. Айтматова, Кайсын естественно сочетал в себе землепашца и рыцаря. Его произведени-

ям свойственны чувство неразрывности и единения с природой, философские раздумья о вечности бытия.

И потому я смерти не боюсь:
Моя былая не иссякнет сила,
Я стану хлебом, я дождем прольюсь,
Я превращусь в багровый куст кизила.

Жизнь – явление вечное, все ее грани находят свое отражение и в поэзии. Кайсын Кулиев отмечал, что в ней люди всегда будут слышать два основных голоса – радости и горя, как голос жизни и смерти. Но жизнь непобедима и не имеет конца. Великий стихотворец из Чегема служил правде и человечности, любви и миру и завещал всем нам:

И в дни, когда меня уже не будет,
Я не желаю, чтобы свет погас,
Я снова повторяю: «Живите, люди,
И будьте лучше и счастливей нас!»

Вместе с журавлиной стаей Кайсын Кулиев ушел за высокие горы Кавказа в небесную высь, оставив нам свою бессмертную и мужественную лирику. И мы уверены, что будет вечно гореть его звезда – звезда мира и добра, счастья и радости.

Даулет Напсо,
доктор исторических наук,
профессор

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Профессора Тамара Емельяновна, Салих Ибрагимович Эфендиевы, широко известные ученые, и их сын Фуад сделали много, чтобы творчество Кайсына Кулиева стало достоянием общественности. Они явились авторами двухтомной монографии «Кайсын Шуваевич Кулиев», отдали десятилетия изучению и пропаганде наследия поэта. С полным основанием можно утверждать, что ученые шаг за шагом исследовали литературную и общественно-политическую деятельность великого горца.

Авторы монографии сумели показать преданность подростка и зрелого мужа Кайсына малой родине, ее горам и лесам, лугам и снегам, ее орлам и газелям с вечно печальными глазами. Поэтическим даром он обессмертил дорогие места детства:

Прекрасно все в краю суровом,
Куда бы ты ни кинул взгляд:
Баксан, катящий волны с ревом,
И звезды, что над ним горят.

Из монографии видно, что Кайсын не был баловнем судьбы, с малых лет столкнулся с горем и несчастьем. Отец Кайсына умер от тифа в 1919 году, когда будущему поэту исполнилось два года. Так и не суждено было ему увидеть отца.

Эфендиевы сумели показать внутренний мир, морально-нравственный дискомфорт осиротевшего подростка. Он через всю жизнь пронес сыновнюю любовь и привязанность к матери.

С ее именем он прошел войну:

Через час начинается бой.
Мать, я вижу твой ласковый взгляд.
Ты глядишь на меня, ты со мной,
Вот морщины твой лоб бороздят...

Первые литературные опыты будущего поэта также связаны с отчим краем, а начал он писать стихи с десяти лет, печататься – с семнадцати. Кайсын любил и слушал с особым вниманием и замиранием сердца песни, идущие из глубины самой жизни, отражавшие многовековую историю балкарцев. Затаив дыхание, слушал грустные песни матери, задушевные лирические стихи Кязима Мечиева о родной земле, о радостях и болях народа. «Я рос в стихии горского фольклора,– впоследствии вспоминал он.– Я дышал его воздухом, жил в его атмосфере, и, естественно, это оставило большой след в моей работе».

На формирование художественных вкусов Кайсына значительное влияние оказал театр, которому он всегда оставался верен.

1935 год в какой-то мере был переломным в жизни Кайсына Кулиева: уехал на учебу в Москву, стал студен-

том Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского (ГИТИС), одновременно учился в Литературном институте им. А. М. Горького, постигал сценическое и литературное мастерство. Здесь, как отмечают Эфендиевы, будущий поэт много читал, размышлял о роли литературы, особенно поэзии, в духовной жизни общества.

Авторы отмечают, что молодой горец успешно постигал тайны литературного мастерства, образного мышления. Стихи его начали отличаться разнообразием тематики, новизной содержания и формы. По мере совершенствования поэтического дара он все больше уходил от декламационного стиля агитационной лирики 30-х годов к более глубокому отображению жизни, сложных экономических и политических процессов, которые происходили в стране. Поиски поэта были удачны и полны светлых надежд. В стихах его с новой силой зазвучали радость бытия, счастье влюбленных, очарование дружбой и братством народов. Тогда никто не мог предположить, что впереди страшная война, что балкарский народ будет сослан в чужие края.

Военная судьба Кайсына Кулиева порою была трагической. Он тяжело переживал историческую несправедливость к народам, которые были депортированы. С первых дней Великой Отечественной он сражался самоотверженно, поднимал боевой дух товарищей. В те годы войны поэт писал вдохновенные строки о мужестве, дружбе народов, боевом братстве, нравственном величии и чистоте помыслов солдат и офицеров, о любви к матери, женщине; о трагической судьбе попавших под фашистское иго; о злодеяниях и зверствах врага.

В 1944 году Кайсын Кулиев долечивался в Кисловодске, от которого до родного Чегемского ущелья рукой подать. Тамара Емельяновна и Салих Ибрагимович Эфендиевы смогли передать душевное состояние и настроение поэта, страстно желавшего посетить родные места. Сомнение «ехать – не ехать» терзало Кайсына, который, наконец, принял решение поехать в аул. Эфендиевы пишут: «Радостно-грустное настроение охватило поэта, когда он шел теми же тропинками, по которым не раз ходил в детстве один и с друзьями. Здесь сказал свои самые за-

ветные слова о земляках, вспомнились веселые свадьбы, где он пел и плясал, не зная горестей.

В работе Эфендиевых исследуется жизнь Кайсына Кулиева и балкарцев вдали от малой родины. Материальные лишения, бытовая неустроенность, отсутствие работы, невозможность печататься, заговор молчания вокруг его личности и творчества – все это крайне отрицательно сказалось на нравственно-психологическом состоянии поэта.

Авторам удалось показать, как Кайсын Кулиев сопротивлялся невзгодам, оказывал посильную материальную помощь, моральную поддержку депортированным. Справедливости ради следует отметить, что многие местные работники с пониманием отнеслись к судьбе и творчеству поэта. По их рекомендациям он стал активно заниматься переводческой деятельностью, благодаря чему местные авторы стали известны всесоюзному читателю. Как отмечают Тамара Емельяновна и Салих Ибрагимович Эфендиевы, работа Кайсына в качестве переводчика и литературного советчика оказала благотворное влияние на литературу киргизского народа.

Возвращение Кайсына Кулиева в родные края положило начало нового этапа в его творческой и общественно-политической деятельности. Он писал и публиковал много, систематически выезжал на съезды писателей Союза и России, многочисленные совещания по вопросам литературного творчества. Как отмечают исследователи, за 1957–1959 годы Кайсын опубликовал семь сборников стихов, каждый из которых свидетельствовал о высоком мастерстве поэта. В 1962 году он написал 54 стихотворения.

Тамара Емельяновна, Салих Ибрагимович и Фуад Салихович Эфендиевы приводят интересный факт из выступления в Москве великой дочери Азии Индиры Ганди, которая, ссылаясь на Кайсына Кулиева, сказала, что «каждая пуля на войне поражает одну цель – сердце матери».

Первой пулей на войне любой
Поражают сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское.

На многих страницах двухтомной монографии раскрываются душевное состояние, волнения и горести, радости и печали Кайсына Кулиева. Жизнь есть жизнь, всякое бывает настроение, гармония и дисгармония. Все это было присуще и поэту. За незаслуженную обиду, неудачно сказанное слово он не просто переживал, но мучительно страдал.

Творчество Кайсына Кулиева пронизано философскими размышлениями, которым значительное внимание уделили Тамара Емельяновна, Салих Ибрагимович и Фуад Салихович Эфендиевы. Поэзия, как отмечал стихотворец, должна рождаться от завороженности, от потрясений, от больших волнений, от больших раздумий. Смерть близких, гибель людей на войне, социальные катастрофы в мире. Это верно. Но все должно быть проникнуто философскими обобщениями и раздумьями. И этим даром обладал поэт.

Жизнь Кайсына Кулиева была нелегкой, но какие бы трудности ни выпадали на долю, он оставался верным сыном Родины, его вдохновенное слово отвечало чаяниям всех народов. Поэтому он пользовался всеобщей любовью. С особой силой это проявилось в дни празднования его 60-летия. Эфендиевы в работе приводят удивительные документы глубокой признательности высокому мастеру слова. Писали дети и школьники, юноши и девушки, воинские подразделения и трудовые коллективы, поэты и писатели, ученые и зарубежные друзья. Были оглашены поздравительные телеграммы от К. Симонова, Н. Тихонова, Ю. Бондарева и многих других. В заключение торжественного вечера Кайсын Кулиев благодарил всех, кто был причастен к юбилею. Он благодарил свой народ, который подарил ему доброту, нежность, мужество, терпение. Он клялся в верности своей Родине, земле предков. Он подчеркивал, что счастлив и глубоко тронут любовью, вниманием и признанием. Поэт был в зените славы: несколько раз лауреат Государственной премии, удостоен многих наград, в том числе и ордена Ленина.

Праздники сменялись буднями, Кайсын много работал, выступал в печати, встречался с избирателями. Но стали о себе напоминать фронтовые раны. Поэт болел, его чаще стали посещать грустные мысли. Второй раз

его кандидатура не прошла на присуждение Ленинской премии (она была присуждена посмертно). Много времени проводил в больницах. Он ушел от нас 4 июня 1985 года. Так завершил свой путь великий поэт и гуманист XX века.

Хочется завершить рецензию на замечательную книгу Эфендиевых строками поэта, которые были написаны в счастливые годы жизни:

И, завещая мир живым,
Я буду, может быть, счастливей,
Поверив, что он будет к ним
Добрей, чем к нам, и справедливей.

Светлана Ароновна ДАНИЛОВА
(1940)

Светлана Данилова родилась в городе Нальчике, окончила Кабардино-Балкарский университет, историческое отделение, работала преподавателем в системе профтехобразования, имеет звание «Заслуженный учитель КБР», член Союза журналистов. Избиралась депутатом в Верховный Совет КБР. Автор книги «Спешите делать добро» и составитель книги «Горские евреи Кабардино-Балкарии».

В настоящее время возглавляет еврейский общественно-политический культурный центр «Товуши», является председателем еврейской национально-культурной автономии КБР.

Светлана Данилова, как и многие ее ровесники и ровесницы, любит поэзию Кайсына Кулиева. Любознательная и крайне впечатлительная, она не могла не восхищаться, когда слушала выступления поэта. Она была знакома с ним лично, хотя тесного общения по работе не имела, встречалась с Кулиевым как депутат Верховного Совета КБР.

МОЙ КАЙСЫН

Мы снова и снова обращаемся к поэзии К. Кулиева. Вчитываясь в его стихи, постигаешь его мудрость. Мудрость Кулиева – вечная, потому что почерпнута в самом народе. К. Кулиев и мой поэт. Я помню его живым. В профтехучилище в те годы я вела курс эстетического воспитания. Мы довольно часто приглашали его на встречи с молодежью. Не помню случая, чтобы он, сославшись на занятость, отказал. Он с первой минуты мог своей эмоциональностью увлечь молодых ребят. Становилось светло после встречи с ним. У меня на книжной полке стоит двухтомник К. Кулиева, на котором он оставил свой автограф. Перечитывая его стихи, с годами осмысливаешь

их по-разному. Это и понятно. Если в молодости трогали стихи лирического содержания, то в пору зрелости осмысливаешь нравственное, философское содержание стихов.

Часто задают вопрос: К. Кулиев национальный поэт или общечеловеческий? Думается, что и то и другое. Балкарский народ, переживший трагедию, получил от Бога своего выразителя, своего пророка. Еврейский философ XX в. Адин Штейнзальц писал: «Каждый человек обладает душой, уникальность которой определяется не только наследственностью и воспитанием, но и божественным замыслом. Ибо каждому человеку определена в мире своя задача, которую не может выполнить никто другой, хотя рядом с ним могут находиться лучшие и более одаренные люди, которым эта задача, казалось бы, вполне по силам. И все же только сам он, человек, может решить эту задачу». Эти слова мудрого философа относятся и к К. Кулиеву.

Изгнание из родных мест, утрата независимости сделали жизнь К. Кулиева подобной пустынному каменистому острову. И как было в этих условиях сохранить себя, душу, народ свой?! Но именно там, из горя житейского и суровой дисциплины духа рождается жажда свободы, света, счастья. Все это вылилось в творчестве поэта. Стихи поэта дышат такой неподдельной страстностью, надрывающей искренностью. Вслушайтесь...

Мой трудный час, мой худший час
Я вынес на земле достойно.

Или:

Мы на земле несем ответ...
На нашей совести теперь
Все в мире – доброе и злое.

Как солнце, взошел Кулиев, осветил и согрел людские сердца. На родном балкарском языке согрел сердца своего народа, а благодаря прекрасным переводчикам Науму Гребневу, Семену Липкину и другим стал доступен миллионам читателей. Дать равноценный перевод К. Кулиева могли только поэты, почти равные ему по таланту. Конечно, трудно передать в переводе красоту формы, индивидуальность оригинала.

Но мы и в переводе чувствуем картину внутренней жизни поэта. Кулиевское восприятие природы – через воздух детства, через молоко матери, через язык и нравы предков, через родные камни, скалы. Способность К. Кулиева выразить мысли, чувства свои, своего народа можно истолковать как пророческий дар. И не только своего балкарского народа, но и моего еврейского народа. Год 1966-й. К. Кулиев в Праге. Под впечатлением он пишет стихотворение «В пражском гетто». И это в период антисемитской кампании, в период всплеска темы, запрещенной в нашей стране, еврейской Катастрофы. В этот период появляются стихотворение Е. Евтушенко «Бабий Яр», ода Д. Шостаковича «Бабий Яр» и ходившие по рукам стихи М. Алигер, И. Эренбурга на эту же тему. Друг К. Кулиева, его переводчик Семен Липкин, занимаясь в этот период переводом эпических поэм Южного Китая, узнал о древнем народе И и написал стихотворение, в котором были строки:

Человечество быть не сумеет
Без народа по имени И...

С. Липкина обвинили в сионизме, решив, что речь идет об Израиле, о еврейском народе. Поэт пытался убедить, что был такой народ И в Китае, но безуспешно.

В таких условиях, не боясь за свою репутацию, К. Кулиев пишет стихотворение «В пражском гетто». Вслушайтесь, сколько боли в этих строках:

Их было много сотен, много тысяч –
Мужчин и женщин, юных и седых.
О, если только мог бы в сердце высечь
Я имена неведомые их
Письмом каленым, явным иль незримым!
.....

...И нынче мука их неугасимым
Горит огнем и нашу совесть жжет,
Она горит открыто или скрытно.

.....

Но сердце у меня болит, мне стыдно
Ходить, дышать и рифмовать слова.

Поэт обращается ко всем народам Мира:

Земля, не забывай о том, что было,
Вновь не бросай сама себя в костер,
Чтобы гибели избегнуть неминучей!

.....

Земля, мне страшно! Стань добрей и лучше,
Не повтори такого никогда!

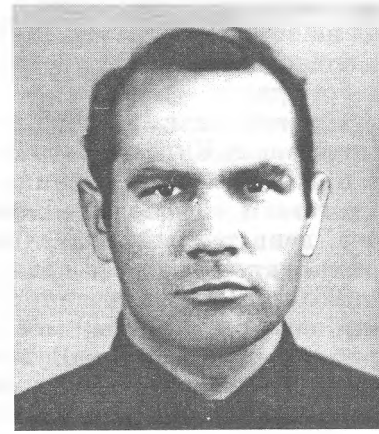
Есть поэты, обращенные лицом назад, в прошлое, а есть такие, как К. Кулиев, которые смотрят из времени в вечность. К. Кулиев узнает прошедшее в настоящем и будущем.

Тема фашизма осмысливается К. Кулиевым и в его романе «Была зима». Его герой – Сеид – говорит: «Милая жена, в наш жестокий век, когда мы стали свидетелями фашистского разгула, когда истребление людей стало нормой и человеческая жизнь ценится не дороже жизни мухи, я не могу молчать...» И жена Сеида произносит: «Пусть пишут такие вещи поэты больших народов. А твой народ и твой язык маленькие. Кто тебя услышит?» На что К. Кулиев устами своего героя отвечает: «Мое племя, хоть и мало числом, но входит в человеческую семью. Я сын человеческий и несу ответственность за все хорошее и дурное в жизни, за добро и зло. Вот почему я писал и пишу против зла и его носителей. В детстве я плакал, когда били корову или ослика. А гитлеровцы бросают людей в горящие печи крематориев, истребляют детей, жгут костры из книг. Вот почему я ненавижу их».

У К. Кулиева одна мечта, одна молитва – чтобы победило добро. Страстное слово К. Кулиева, человека планеты, сегодня звучит особенно злободневно. Я уверена, что К. Кулиев не остался бы равнодушным к тому, что на прекрасной земле Кавказа в конце XX века стали появляться материалы, направленные на разжигание национальной вражды и ненависти, распространяется фашистская литература, пресса. Кавказ, как и мир, должен быть мирным. Это нравственное завещание К. Кулиева.

Я думаю, что еще не до конца мы все осознали, кого в лице К. Кулиева Бог нам дал. Это придет со временем.

Владимир Петрович ГРОЗНОВ (1934)



Владимир Грознов родился 20 мая 1934 года в селе Кременчуг-Константиновском, Баксанского района, КБР, в крестьянской семье. Отец и мать работали в колхозе. В первые дни Великой Отечественной войны отец ушел на фронт, оставив мать с нами, шестью детьми. После освобождения села от немцев пришло извещение – отец пропал без вести.

В 1943 году пошел в школу, в 50-м закончил 7 классов и поступил в Дагестанский механический техникум судостроительной промышленности, который закончил в 1954 году и был направлен в город Богородск, Горьковской области, на завод п/я № 28.

Служить мне пришлось в воздушно-десантных войсках, сначала в Белоруссии, потом – в Туле. После демобилизации в 1957 году вернулся в Богородск, откуда призывался. Работал помощником мастера, потом стал мастером, позже – начальником участка.

В 1959 году переехал в Нальчик и устроился на завод «Севкавэлектроприбор» контролером. Потом был старшим инженером-технологом, начальником техбюро.

В 1962 году женился, у них родились с разницей в четыре года две дочери, у которых сейчас уже свои дети.

Журналистикой начал заниматься в 1970 году, сначала в заводской газете «Приборостроитель», потом в качестве внештатного корреспондента «Кабардино-Балкарской правды». Закончил вечерний университет. Печатался в газете «Советская Россия», журнале «Киномеханик».

Некоторое время (5 лет) учительствовал в школе № 23 (по труду и черчению). Остальное время до выхода на пенсию трудился на Электровакуумном заводе. Сейчас работает в ботаническом саду КБГУ старшим техником.

РУКОПОЖАТИЕ КАЙСЫНА

Мы с Кайсыном Шуваевичем Кулиевым близко знакомы не были. Конечно, я его знал, как знает рядовой читатель своего любимого поэта. Несколько раз присутствовал на вечерах-встречах, которых у него было немало. Он на сцене, мы, слушатели,– в зале. Нет, мы близко не знали друг друга.

Помню только однажды мы (журналисты Александр Михайлович Киреев, Петр Павлович Яковлев и я) стояли на проспекте имени Ленина возле здания старой редакции газеты «Кабардино-Балкарская правда». Была суббота, день теплый, солнечный. Затянувшаяся осень не хотела уступать время грядущей зиме.

Мы о чем-то увлеченно беседовали. И вдруг говоривший замолчал, потому что к нам по улице Лермонтова приближался Кайсын Шуваевич. Он был в светлом костюме, без головного убора. Улыбаясь, мягкой походкой подошел к нам и стал со всеми здороваться, когда очередь дошла до меня и он протянул мне руку, я невольно выпрямился, стал чуть ли не по стойке «смирно». Как солдат перед генералом. Я пожал его небольшую, но твердую ладонь...

...В здании тогда еще Ленинградской художественной академии им. Репина народу – видимо-невидимо. Шли вступительные экзамены для выпускников средних школ 81-го года. Абитуриенты сражались за право быть студентами в кабинетах, мы, их «болеющие» родители из всех уголков Союза, поближе к выходу – в вестибюле и на набережной Невы у сфинксов. И неизвестно, кого было больше: детей или их пап и мам.

Вдруг я увидел между колоннами знакомое лицо. Так это же Кайсын Кулиев! Он тоже увидел меня. Каково же было мое удивление, когда он стал пробираться через толпу ко мне. Я двинулся ему навстречу. Рукопожатие было крепким. Он держал мою правую руку своей правой, левой – придерживал ее же пониже локтя. Машинально я сделал то же самое.

– Земляки встретились в городе на Неве? – весело улыбаясь, громко, перекрывая шум толпы, то ли спрашивая, то ли утверждая, сказал Кайсын Шуваевич.

– Да, земляки,– говорю.

– Какими судьбами здесь?

– Болею вот. Дочка Ирина экзамены сдает.

– А у меня сын Азамат,– весело сказал он.

Его белозубая улыбка заразила меня, и от моего мрачного настроения не осталось и следа. Что будет, то и будет,– решил я. Не очень большая трагедия, если даже не поступит.

Мы еще немного поговорили о том, что нам в свое время самим приходилось пробивать себе дорогу, а мамам нашим (пап у большинства не было, они погибли на фронте) некогда было с нами разъезжать – они работали, чтобы нас прокормить.

Из разных коридоров показались сначала его сын, потом – моя дочь. Мы поспешили к своим чадам.

На другой день мы с дочерью с трепетом подходили к доске объявлений в вестибюле, где вывешивались списки зачисленных в академию. Успокоились только тогда, когда нашли свою фамилию. Слава Богу! Дочь со слезами обняла меня. Был в списках и сын Кайсына Шуваевича. К сожалению, с ними мы там не встретились. Возможно, они приходили раньше или позже.

...Я собирался очередной раз лететь к дочери в гости. Она успешно училась в академии, вышла замуж за однокурсника-казаха Курмана Рызгалиева из Алма-Аты, родила первую дочку. Мы из газет уже знали, что Кайсын Шуваевич умер. Для всей моей семьи это был гром среди ясного неба.

До моего отъезда на минводском автобусе оставалось часа три. По местному радио объявили, что гроб с телом покойного установили в Театре им. Али Шогенцукова.

– Я пойду,– говорю жене.

– Так ведь еще рано.

– Я пойду в театр.

Она меня поняла.

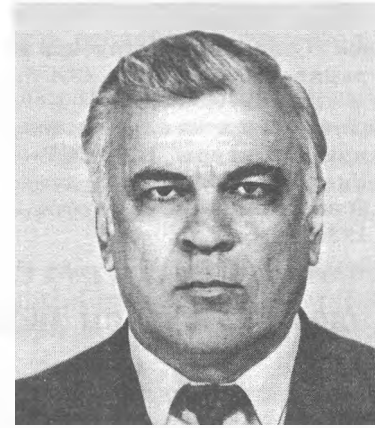
Небо в этот день (6 июня 1985 года) хмурилось. С утра непрерывно шел мелкий дождь. Природа тоже скорбела и оплакивала этого человека.

Людей было много. Они шли вереницей мелкими шажками друг за другом, молчаливые, угрюмые и печальные. Женщины плакали. Я пристроился к длинной очереди.

Утонувший в цветах гроб стоял в правом крыле театра. Кайсын Шуваевич лежал, скрестив, казалось, натруженные руки на груди. Вроде прилег отдохнуть. И только очень бледное лицо покойного и сидящие у гроба родные и близкие в траурном одеянии подчеркивали суть происходящего.

Поджимало время. Уезжал я на автовокзал с тяжелым сердцем, точно навсегда попрощался со своим хорошим старым другом...

Эльдар Бертович ГУРТУЕВ (1935)



Эльдар Бертович Гуртуев родился в 1935 году в Нальчике. Пишет на балкарском и русском языках. Жанр – проза. Автор книг и рассказов, повестей, романов, изданных в Нальчике, Москве, Берлине, Тбилиси, Киеве, Кишиневе. Отдельные произведения переведены на английский, немецкий, испанский, польский языки.

Наиболее значительные издания автора: «Книжка про Хасана», отмеченная Всесоюзной премией в 1971 году; «Ветры алые в горах», удостоенная Диплома Всероссийского конкурса в 1977 году; роман «За порогом – утро раннее» – Почетный Диплом Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского, 1988 год, а также роман «Шамсудин», «Альпийская повесть», «Темирбаш», книги новелл: «Похвала добродетели», «В гостях у ангелов», «Джигит я или не джигит?», «Карагач – древо памяти», «Азиатский дефтер»...

Эльдар Гуртуев автор серии художественно-документальных очерков, написанных во время поездок в разные страны. Это: «Синеокая Суоми», «На прекрасном голубом Дунае», «Зеленые холмы Тюрингии», «Сирийские этюды», «Вояж с турецким акцентом». Автором созданы документальные рассказы о Кайсыне Кулиеве под общим названием «Уроки мужества и чести», очерки о творчестве Алима Кешокова, Ибрагима Бабаева, Хабу Кациева, Эльберда, турецкого писателя Азиза Несина. Им написаны сценарии к документальным телефильмам «Мукуланский маршрут» (1976), «Молчание камней» (1995), выполненных по заказу Центрального телевидения.

Эльдар Гуртуев имеет звания: «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», «Лауреат премии Союза журналистов России».

ЭЛЬДАР ГУРТУЕВ. ЗВАНИЯ, НАГРАЖДЕНИЯ...

«Книжка про Хасана». Сборник рассказов. **Звание лауреата и премия Всесоюзного конкурса** на лучшее художественное произведение для детей. Москва, 1971.

«Ветры алые в горах». Сборник документальных новелл. **Почетный диплом Всероссийского конкурса** на лучшее произведение для детей и юношества. Москва, 1977.

Знак «Отличник телевидения и радио». Госкомитет СССР. Москва, 1977.

Звание «Заслуженный работник культуры КБАССР». Указ Президиума Верховного Совета Республики. Нальчик, 1985.

«За порогом – утро раннее». Роман. **Поощрительный диплом Всесоюзного литературного конкурса** имени Николая Островского. Москва, 1986.

Звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Указ Президента России Б. Ельцина. Москва, 1996.

«Вояж с турецким акцентом». Серия очерков. **Звание лауреата и премия Союза журналистов России.** Москва, 1998.

ДОБРУ СЛУЖИЛ ОН ЗВОНКОЙ ЛИРОЙ

Я ваше сердце заслоню от боли.
Пусть будет больно сердцу моему

Кайсын Кулиев

Мы отмечаем восьмидесятилетие со дня рождения поэта, который прошел самые высокие перевалы на своем пути, свершая славные восхождения. Поэта, который достиг вершины чистоты и совершенства стиха. Он познал и нежную ласку, и немилосердные удары судьбы. Жизнь преподносила ему все новые и новые испытания. Но он не ожесточился. Сын каменной теснины обнаружил в сердце стойкость и нежность деревца, росшего из скальной расщелины. А старые балкарские песни, напоенные непреходящей добротой и жизнелюбием, ароматом родной земли, взрастили поэта, вдохновенно воспевшего и эти скалы, и этих простых горцев.

«Поэт должен согреваться у очага простых людей,– писал Кайсын,– и согревать их в свою очередь огнем своей поэзии». Не это ли стало главным поэтическим кредо, линией жизни, указующей звездой в многотрудном пути поэта...

И тридцати не было молодому гвардейскому капитану, когда он, восторженный победитель, завершил страшную войну – действо, противное его поэтической сути,– и

вернулся. Вернулся, чтобы познать вселенскую радость напечатанных поэтических строк, которых так много накопилось в памяти в дни и ночи нескончаемой войны. Но поэта ждала чужбина и, того страшнее,– вынужденное молчание. То были дни, когда свершилась чудовищная несправедливость, когда соотечественники поэта были изгнаны со своей родины, когда бесновался произвол и молчало небо.

В балкарском языке есть выражение «иги къуум», означающее больше, чем «надежда». Не оно ли выручало в минуты тяжкие, в минуты отчаяния, вселяя в сердца и надежду, и веру, и стойкость вместе. И не тогда ли появились, пока не на бумаге, слова Кайсына к стихам «Все еще впереди»?

«Иги къуум» помог Поэту сохраниться и сохранить веру в торжество Света и Правды, Справедливости и Добра, ставшими смыслом и содержанием его поэтической судьбы.

Создатель, «распределяя» гениев, видимо, счел необязательным учитывать численность их народов. Айтматов – из Киргизии, Маркес – из Колумбии, Гамзатов – из Дагестана... Кайсыну было суждено стать поэтическим светочем горного края, выразителем чаяний каменных теснин и жителей этой родной отчизны.

В трагические годы ссылки, заклейменные чудовищным обвинением, земляки Поэта и сам Кайсын не теряли надежды и веры в светлое утро. И не тогда ли родились стихи:

Если радость придет, радость прими
И не гордись, будь достоин ее,
Если горе придет, губы сожми
И не страшись, будь достоин его.

Ненапечатанная поэзия времен ссылки ждала своего часа. Ждала, потому что верила в этот звездный час. А мир услышит и поэмы «Огонь», «Зеленые чинары» и вершинное произведение Кайсына – «Завещание». Последний шедевр долго шел к читателю. Но цензурные препоны все же были преодолены, и поэма обрела ожидаемую популярность. Ранее потрясли читателя стихи из «Раненого камня». Невероятной силы поэтический образ не

раз раненного, но стойкого народа, был, конечно, выдающейся удачей поэта.

Кайсын всегда оставался певцом братства людей земли. Изъездивший полмира, хорошо знавший и большую родину, он говорил о любви к «пляскам северных степей», но твой, лезгинка, «бешеный напев» был ему все же милей и дороже.

Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края.
Но, к родине привязанный навек,
Всегда гордился тем, что горец я.

Блистательный период творческой зрелости Поэта совпал с возвращением балкарцев на родину, с возрождением народа, лучшим певцом которого был признан Кайсын. Но, удивительно, не собственные книги, не личная судьба стали предметом забот Поэта. Главной и важной была для него работа, проделанная в связи со столетием со дня рождения Кязима, которого Кайсын по праву считал своим учителем. Сам учитель, больше тяготевший к восточной классике, безусловно, оказал огромное влияние на европейски «ориентированного» Кайсына как мастер, как художник. Но еще он влиял на своего ученика как великий гуманист и народный заступник. И это было замечательно!

При самом активном участии Кайсына стихи великого поэта Кавказа были переведены на русский и издавались в Нальчике и Москве.

Многочисленные встречи поэтов, всевозможные декады, взаимные поездки, братское сотрудничество с кабардинскими писателями, опыт которых был весьма полезен, давали свои плоды. Росла новая балкарская литература, которая и масштабностью мышления и интеллектуальной глубиной радовала уже именитого мастера. «Птенцы гнезда Кайсына» уже приняли «вызов» учителя, весьма высоко поднявшего перед учениками планку поэтического профессионализма.

Разве забудутся те замечательные встречи с молодыми, когда Кайсын приветствовал «младших собратьев» и говорил: «Теперь рассаживайтесь и начнем работу. Пусть каждый скажет свой стих, а мы послушаем...»

Каждый «говорил» свой стих, а внимательный учитель, в ожидании свежего образа, сидел, затаив дыхание. При всей своей доброте учитель был непримиримым к шаблону, вторичности, ко всякой рифмованной литературщине, где за внешним словесным лоском не проглядывались оригинальная мысль, свежий образ, неожиданное сравнение. Но становился щедрым на всякие похвалы, когда видел поэтические откровения, стихи яркие, самобытные. И радостно удивлялся:

Я удивляюсь и цветам, и птицам,
Хоть мне их не понять, как ни пытаюсь.
Я удивляюсь и словам, и лицам,
Чужим стихам и песням удивляюсь.

Как было мной ранее сказано об этом, Кайсын, умевший «чужим стихам и песням» удивляться, не раз отмечал, что даже самый даровитый автор без высокой литературной и общей культуры рискует остаться явлением местного, провинциального масштаба. Он, конечно, знал, что многие из молодых в силу разных обстоятельств не успели получить того минимума «культурного багажа», без которого тускнеют даже «очевидные гении». Мастер личным примером стал показывать, что есть возможность значительно наверстать упущенное. Он знал, что юные подражают ему во многом, стараются смотреть на мир его глазами. И он, уже немолодой, учился постоянно и настойчиво. И высшие литературные курсы, и множество самых разных семинаров, постоянные встречи с людьми искусства. Он находил время для посещения театров, концертных залов, музеев, вернисажей. Он всюду с юношеским восторгом продолжал удивляться этому многоликому, гармоничному и единому в своем многообразии миру.

Стихи, навеянные музыкой Бетховена и Шопена, картинами Сарьяна и Кента, трагической судьбой поэтов Белояниса, Лорки, Табидзе...

Я вновь вспоминаю, и писал об этом раньше, как в одно из посещений квартиры своего великого соседа увидел на столе томик грузинского поэта Галактиона Табидзе. Открыл наугад.

Если пирует злобная сила,
Кончится дело низостью рабьей...

Я читал, а хозяин не торопился к столу. Вот он какой – неистовый Галактион! Был рад, что открыл для себя замечательного поэта «Грузии печальной».

Чем покорили Кайсына Данте и Петрарка? В чем он видел величие Тютчева?.. Поиски и сами ответы на эти вопросы обнаруживали новые грани миропонимания самого поэта.

С уверенностью могу сказать, что в нашей литературе, более того, среди своих современников, мне не довелось встретить человека более широкой культуры, эрудиции, чем Кайсын. А какой он был собеседник! Слушая другого, он был так внимателен, словно тот говорил ему высшую истину, изрекал нечто особо значительное, чрезвычайно важное. Одним из самых отвратительных качеств считал, и не раз об этом говорил,– «менсиниу», что означает, чванство, высокомерие, болезненная гордыня... Но таких он больше жалел, нежели презирал.

Белозубая улыбка, глаза – то веселые, то грустные и печальные, лицо, излучавшее доброту и участие. Таким остался в памяти нашей незабвенный Кайсын.

Мы отмечаем юбилей без великого юбиляра, горячо любимого «Горского стихотворца», а точнее – славного сына Чегема и Поэзии.

ОН ЖИЛ УДИВЛЯЯ

Пятнадцать лет тому, как ушел из жизни Кайсын – вершинное явление в балкарской литературе. Остались стихи. Осталась память, такая же нетленная, как те стихи, как неизбывная любовь народа к дивной поэзии его славного сына.

Давно ль то было...

Уютный и торжественный Центральный Дом литератора в тот день жил высокой поэзией Кайсына Кулиева. Большой зал ЦДЛ принимал москвичей и гостей из Кабардино-Балкарии. Приехали и старые добрые друзья поэта из самых разных городов и республик страны.

Не было здесь пространных академических докладов, не было стола президиума, накрытого красным плюшем.

Организаторы вечера знали, как не любил Кайсын всякую шумливую помпезность и официальщину, когда речь шла о поэзии, о поэте, как ценил и понимал он простоту и искренность в мероприятиях подобного рода.

На сцене – стулья, стоящие полукругом. И много света. «Посидим, как у очага, никуда не будем спешить, и пусть каждый скажет свой стих...» – вспомнились слова, сказанные Кайсыном на одном из семинаров молодых.

И звучала музыка Шопена, которая всегда была близка душевному состоянию Поэта. И слышался родной, знакомый голос Кайсына, в разные годы записанный на магнитную пленку.

От имени правления Союза писателей – организатора вечера памяти – говорил старый друг Кайсына Сергей Михалков. Звучали слова искреннего уважения к редкостному таланту балкарского поэта, о высокой человечности и честности поэтического слова Кайсына. О его счастливом даре жить удивляясь и удивляя и после ухода из жизни. А на память вновь приходили стихи:

Блистают звезды, цвет меняют горы,
Снега сползают, розы опадают,
Мне очень жалко тех людей, которых
На свете ничего не удивляет.
Рождаются великие творения
Не потому ли, что порою где-то
Обычным удивляются явленьям
Ученые, художники, поэты...

Ведущий вечера памяти Алим Кешоков, несмотря на немалый опыт в проведении самых разных литературных вечеров, был заметно взволнован. И нетрудно было его понять. Фронтовой товарищ Кулиева, верный друг поэта в дни радости и в дни печали, он говорил о нелегком жизненном пути Кайсына, делился воспоминаниями о тех днях, когда судьба свела горских поэтов на тропе фронтовой, о том, как они делились куском солдатского сухаря и были счастливы. «С уходом из жизни Кайсына Кулиева кабардино-балкарская литература понесла невосполнимую утрату. Нам всегда будет не хватать нашего незабвенного Кайсына»,– говорил Алим.

Долгие годы дружбы связывали Николая Доризо с Кайсыном Кулиевым. Известный русский поэт говорил

о многозвучном, многоцветном стихе своего друга. «Всемирно известный Кайсын,– говорил он,– прежде всего является сыном своего малочисленного, но гордого, многострадального, но стойкого народа, имеющего свою многовековую историю».

Народный поэт Узбекистана Шукрулло вспоминал свои лучшие дни – пребывание в Чегеме, колыбели большого поэта. «Узбекистан – земля многовековых поэтических традиций,– говорил он.– Она родила многих великих поэтов Востока. А Кайсына любят у нас как своего, как родного. Настолько он нам близок, настолько дорог. Замечательный наш Кайсын уже при жизни занял почетное место среди корифеев Востока. Тюркский мир особенно гордится мастером такого масштаба, поэтом, всем понятным, всем доступным, но и таким удивляющим».

Волнующее выступление народного поэта Армении Сильвы Капутикян особенно тронуло присутствующих. «Мне часто приходилось встречаться с армянами, живущими в разных странах мира,– говорила она.– И очень вначале удивлялась, откуда им известен балкарский поэт Кайсын Кулиев? А далеких и близких земляков удивляло, как это тюркоязычному поэту удалось сказать такие проникновенные стихи об Армении, каких они доселе не читали? Теперь я думаю, что так мог написать только сын народа с такой же трагической судьбой, как у армянского народа. Но главное-то, конечно, в том, что Кайсын Кулиев – великий поэт-гуманист, близкий всем, кому дороги правда, справедливость, мужество и стойкость».

«Поэт – это не профессия, а судьба,– говорил замечательный Михаил Дудин, друг и переводчик Кайсына.– Я знаю судьбу поэзии и жизни Кайсына по его откровенным книгам, написанным рукой редкостного таланта или, точнее, спетым соловьиным горлом врожденного певца. Кайсын открыт для мира и открыт давно. В его поэзии есть таинство жизни и красота, завораживающая души, пронзительность откровенности и восторга, ответственности перед временем...»

Мы постоянно ощущаем это в каждом творении поэта. Ибо это стихи, где звучат и радость встречи с новым утром и цветением алычи, и тревога за будущее мира. В стихах этих – искренняя любовь к тем, кто пашет землю, растит детей и строит дома, их сокровенное, их взгляд на

мир. Это позволяет назвать поэзию Кулиева песнью во славу труженика земли.

Давний, верный друг Кайсына народный поэт Калмыкии Давид Кугультинов отмечал многогранность кулиевского стиха, особо выделяя его высокий гуманизм. «И неудивительно, что борьба за жизнь на земле,– говорил взволнованно Давид,– основа, философское кредо стиха Кулиева.»

Поэт, как и его кавказский собрат, проведший долгие годы в изгнании, конечно же лучше других понимал судьбу и стих Кайсына.

...Третий час шел вечер, посвященный памяти славного горца, лучшего сына балкарского народа, поэта мирового звучания. Давно было исчерпано запланированное время. Отзвучали песни на слова Кайсына Кулиева в исполнении известных мастеров. С приветствием и благодарностью к устроителям вечера выступил друг и горячий поклонник поэзии Кайсына генерал-полковник Солтан Магомедов...

И снова зазвучала музыка Шопена, и на экране появились документальные кадры из фильмов о Поэте. Вновь мы видели знакомые черты дорогого нашего Кайсына, слышали голос, обращенный к нам, ко всем:

Мир и радость вам, живущие,
В вашу честь горит закат,
Ради вас в горах шумят
Реки и ручьи бегущие...

Он торопил время, торопил наступление грядущего дня. Его дивная поэзия была всегда устремленной, зовущей. И в тягостные дни, когда он не имел права печататься, и в дни, когда его книги читали во всем мире. Всегда смелому и открытому, всегда честному и благородному, бесконечно доброму и отзывчивому, Кайсыну чуждо было самолюбование. Уже будучи в зените поэтической славы, он сидел однажды и слушал балкарскую песню. Безупречная по форме и глубоко трагическая по содержанию, она потрясла его. «Вот и возьмись после этого за перо,– сказал он задумчиво, однако довольный.– И знаете, народ, создавший и сохранивший такое, достоин очень большого уважения. Как, впрочем, любой народ».

В тот вечер, как мне казалось, ноябрьское небо Москвы было на редкость ясным и прозрачным. Уже не столь шумными были улицы, где витал легкий бодрящий морозец. В Центральном Доме литератора звучали стихи Кайсына Кулиева. И, кажется, вся Москва слушала их. Вся страна.

Играли Шопена...

Читали Кайсына...

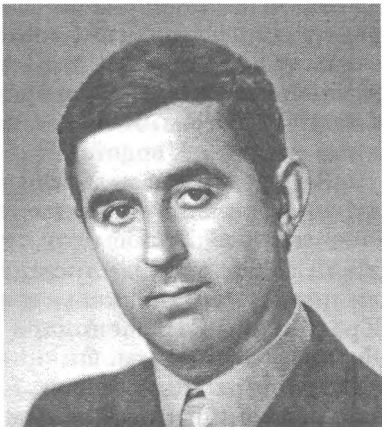
БАЛЛИЕВ (1931)

Тенгиз Баллиев долгое время был личным шофером Кулиева, когда поэт работал в Союзе писателей КБАССР и имел служебную «Волгу».

Т. Ц. Баллиев родился в селении Верхняя Балкария, Черекского района, КБАССР. В 1939 году пошел учиться в первый класс. Когда выслали балкарцев в 1944 году, семья Баллиевых попала в Казахстан, на станцию Туркестан. Тенгиз с малых лет работал в железнодорожном депо чернорабочим, а потом – фрезеровщиком в этом же депо. Спустя несколько лет он закончил шестимесячные курсы шоферов и работал водителем до 1955 года.

Одним из первых вернулся на родину из Казахстана. В то время в Нальчике он не мог прописаться и найти работу. Тогда Тенгиз обратился к первому секретарю обкома партии Бабичу, прося помочь ему трудоустроиться. Тенгиза направили в Тырныауз, дали общежитие и работу. Для комбината требовались новые грузовые машины, которые и были получены из города Кутаиси. Ездил за ними с группой шоферов и Тенгиз.

В Тырныаузе он проработал четыре года на комбинате, а потом стал личным шофером известного врача-травматолога Б. Д. Абдуева.



С Кайсыном Кулиевым Баллиев встретился первый раз в апреле 1960 года. Поэт в это время был депутатом Верховного Совета СССР. Они разговорились, тогда-то Кайсын и пригласил Баллиева на работу в Союз писателей КБАССР. Тенгиз дал согласие. Так он стал личным шофером поэта.

По воспоминаниям Т. Ц. Баллиева, к нему хорошо относились все писатели, особенно Алим Кешоков и Адам Шогенцуков. Свои воспоминания о Кайсыне Кулиеве он озаглавил так: «Он был тамадой на моей свадьбе».

ОН БЫЛ ТАМАДОЙ НА МОЕЙ СВАДЬБЕ

Свои воспоминания я начну с 1960 года, когда мы с Кайсыном в апреле поехали в Грузию. С нами были тогда его сын Эльдар и профессор А. М. Аппаев. За один день мы проехали 1400 километров. Машина у нас новая, ее мы только получили. День был теплый, даже жаркий, и Кайсын давал мне все время холодную воду, чтобы я не заснул за рулем. Я пил, а иногда освежал разгоряченное лицо холодной водой.

В Грузии нас приняли хорошо. Устроили в гостиницу, приглашали на обед и ужин. Машина наша стояла на спецстоянке. Мы осмотрели достопримечательности Тбилиси, затем отправились дальше. За три дня мы объехали почти все Закавказье и вернулись домой через Сочи и Краснодар. В Краснодаре мы случайно встретились с Д. Кугультиновым. Он пригласил нас в ресторан, где мы сидели около двух часов. Я очень хорошо помню то время: какими были молодыми Кайсын Шуваевич и Давид Никитич, как они весело шутили, особенно смешил всех своими анекдотами Аскер Аппаев. Эти известные поэты относились ко мне по-братски, просто. Я никогда не думал, что такие большие люди могут относиться так душевно к простому человеку. Эту поездку и друзей Кайсына я всегда вспоминаю с благодарностью.

По просьбе Кайсына Шуваевича я начал учить его управлять машиной. Учеником он был прилежным, слушался меня во всем и вскоре стал понемногу самостоятельно ездить. Я сидел рядом с ним.

В конце октября 1960 года поэта пригласили на открытие памятника известному грузинскому писателю Александру Казбеги (1848–1893). Это происходило в Казбегском районе Грузии. Тогда с Кулиевым была жена Мака, сыновья Эльдар и Алим. В то время первым секретарем ЦК компартии Грузии был Мжаванадзе, а Э. А. Шеварднадзе был министром внутренних дел этой республики.

Открытием памятника руководил первый секретарь ЦК компартии, он и дал первое слово произнести Кайсыну Кулиеву, как самому почетному гостю. Поэт выступил очень эмоционально, при огромном стечении людей. Кулиев говорил по-русски, слушали его очень внимательно,

прерывая речь аплодисментами. Видно было, что своим выступлением Кайсын покорил присутствующих. А их было около шести тысяч. Кулиев говорил, что Александр Казбеги – один из крупнейших мастеров грузинской художественной литературы. «Его произведения проникнуты глубоким драматизмом, а его эпические полотна – «Хевисбери», «Элгуджа», «Отцеубийца» – красочно отражают жизнь и непримиримую борьбу свободолюбивых горцев XIX века. Произведения Александра Казбеги вошли в золотой фонд грузинской литературы. Он – гордость народа. Мы сегодня отдаем дань уважения великому сыну Грузии. Его имя останется на веки в памяти народа и будет передаваться из поколения в поколение. Свидетельство тому – сегодняшнее открытие памятника славному сыну грузинского народа». Так закончил выступление Кайсын Шуваевич Кулиев.

После Кайсына выступил начинающий молодой писатель-аджарец. Потом Кулиев говорил нам, что этот аджарец выступал хорошо и у него будет непременно успех во всем. «Дай Бог, чтобы он раскрыл свой талант»,– сказал Кайсын.

Помню концерт, который дали тогда местные артисты, и джигитовку. Это было великолепное зрелище!

Потом было застолье, и Кулиеву предоставили возможность произнести первый тост. Он говорил о замечательных грузинских писателях, о грузинском народе, национальной культуре. В конце своего тоста Кулиев сказал несколько слов и обо мне. Представил меня первоклассным шофером, который за один день проехал такое большое расстояние, умелым танцором. Мне пришлось это доказывать на практике, показав свои способности в танцевальном искусстве. Поставив полный стакан коньяка себе на голову, я стал танцевать лезгинку и другие кавказские танцы. Не пролив ни капли коньяка, я поставил стакан на землю. После этого, заложив руки за спину, нагнулся к стакану, взял его зубами и, медленно разгибаясь, выпил коньяк до дна. Все молча за мной наблюдали, а потом дружно мне аплодировали.

Уже вечером, часов в девять, мы выехали домой. Нас тепло провожали гостеприимные грузины.

...Вспоминаются и наши совместные поездки к его ближайшим родственникам – к матери, сестрам, брать-

ям – в Лашкуту, Бабугент, на его родину в селение Эль-Тюбю. Ехали мы к ним обычно не торопясь. За рулем часто сидел Кайсын, а я – рядом, наблюдал, как он справляется с машиной. Видно было, что вождение доставляло ему радость и удовольствие.

Во время поездки в Чегем Кайсын много рассказывал о поэте Саиде Шахмурзаеве, поэзию которого ценил и хорошо знал. «Саид Шахмурзаев – это зачинатель балкарской литературы, знаток и ценитель балкарского фольклора, просветитель. Он учил многие поколения балкарцев,– говорил Кайсын, явно обращаясь ко мне и желая меня просветить.– Мы ему многим обязаны. Мы иногда недооцениваем заслуги таких людей. Без Шахмурзаева нет истории культуры и просвещения балкарского народа».

Его личным шофером я был только шесть месяцев, потому что Кулиев быстро научился управлять «Волгой» и сам стал водить машину. Во мне надобность отпала.

Кулиев в моей памяти остался чутким и добрым человеком. Зная, что моя мать живет в Вольном Ауле, он не раз приходил проведывать мою матушку. Сейчас ей 117 лет. Зовут ее Саният. Она до сих пор помнит его доброту и хранит подарки, которые ей дарил Кулиев.

Памятным днем для меня стала моя свадьба. Это был 1963 год. За невестой в село Ташлы-Тала поехали уважаемые люди, такие, как Магомед Башиев и другие, во главе которых стоял Кайсын Кулиев. В доме невесты за столом был тамадой Кайсын. Он хорошо знал национальные свадебные обряды и обычаи, поэтому умело вел стол, соблюдая горский этикет.

Машину, в которой сидела моя невеста, Кулиев вел сам, а я находился в другой машине, потому что так решил поэт, сказав при этом: «Обычай требует, чтобы ты сидел отдельно от невесты. Не нарушай, Тенгиз, горские обряды».

Мы приехали в Вольный Аул, нас уже ждали во дворе. Ворота были открыты. Людей, как и полагалось на свадьбе, было много, звучала музыка. Всем руководили Инзрел Тетуев и Ибрагим Баллиев. Оба они были моими близкими родственниками. Когда Кулиев вышел из машины, они его обняли и поблагодарили: ведь он сам по-

ехал за невестой. Они и распорядились, чтобы Кайсын Кулиев был тамадой за праздничным столом.

Я до сих пор благодарен ему за то, что он возглавлял мою свадьбу и говорил прекрасные тосты, которые, мне кажется, до сих пор помнят те, которые веселились у меня на свадьбе. Кулиев желал мне здорового потомства, чтобы дети у меня были достойными своего отца. Его пожелания оказались счастливыми для меня и моей семьи. У меня родились два сына и две дочери. Старший сын, Расул, стал инженером, второй сын – зубным врачом, дочь Римма работает учительницей в школе. Все получили высшее образование. Младшая дочь Райхан работает портнихой в ателье. Сейчас у меня два внука и две внучки.

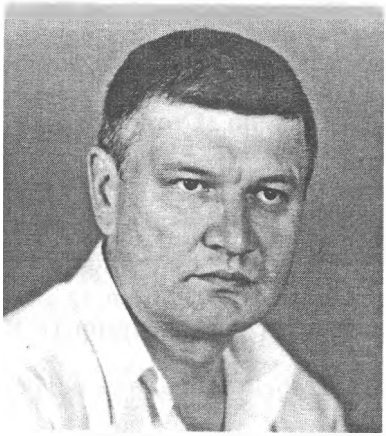
Я считаю за большое счастье, что имел возможность общаться с таким великим человеком, как Кулиев. О нем я много рассказывал своим детям, старался привить к нему уважение и любовь.

И еще я хотел бы рассказать о моей последней встрече с поэтом.

В дни тяжелой болезни Кайсын вспомнил обо мне и попросил передать мне, чтобы я приехал к нему. Он был уже в тяжелом состоянии и находился у себя в доме в Чегеме I. Когда он увидел меня у своего изголовья, то сказал: «Ыразы бол, жюрегинги зат къыйнагъан эсем, кечир» («Прости меня, если я обидел тебя»). Это были его последние слова, обращенные ко мне. Через два дня он умер.

Свои воспоминания я написал для того, чтобы люди знали, что такой великий человек был тамадой на свадьбе простого шофера.

Магомет Мажидович Атмурзаев (1956)



Магомет Атмурзаев родился в Казахстане. В 1972 году окончил среднюю школу на родине предков в селении Гунделен, Баксанского района. В том же году поступил в ГИТИС им. А. В. Луначарского на актерский факультет. С 1977-го по 1979 год работал актером в балкарском театре. До 1981 года служил в Афганистане. Имеет правительственную награду за отвагу. Вернувшись домой, продолжает работу в театре и в 1986 году поступает в ГИТИС уже на отделение режиссуры.

Окончив режиссерское отделение, работает режиссером-постановщиком в балкарском театре, а в 1995 году его назначают главным режиссером.

Магомет Атмурзаев – один из тех, кому повезло: он встречался и беседовал с Кайсыном. Каждая встреча с поэтом оставила в сердце Магомета и его друзей-актеров неизгладимый след, хотя с тех пор прошло много времени. Присутствие в его обществе, беседа с ним запали в душу молодого актера, когда он учился в ГИТИСе, в том театре, где учился в 30-х годах и Кайсын Кулиев.

О трех памятных встречах Атмурзаев рассказал журналисту, корреспонденту газеты «Кабардино-Балкарская правда» Ж. Аппаевой.

Вероятно, так распорядилась судьба, что Магомету Атмурзаеву было суждено стать главным режиссером Национального театра им. Кайсына Кулиева и к 80-летию со дня его рождения подготовить прекрасный спектакль единственной пьесы Кайсына «Есть на свете любовь». Как отмечалось в прессе, новый театральный сезон был согрет теплом творчества Кулиева, выдающегося мастера слова. Это вторая по счету сценическая версия пьесы Кулиева. Первая была осуществлена в 1963 году известным режиссером Георгием Моисеевым.

Главный режиссер Балкарского театра Магомет Атмурзаев по-своему и очень талантливо подошел к драматическому произведению Кайсына «Есть на свете любовь...». В спектакле приняли участие прекрасные балкарские актеры: Маржан Кудаева, Ахмат Бачиев, Ольга Будаева, Алексей Шахмурзаев,

Раиса Токумаева, Ахмат Мисиров, Фатима Доттуева, Камал Мамучиев, Танзиля Богатырева. Об этой постановке он и попытался рассказать читателям.

О ПОСТАНОВКЕ ПЬЕСЫ «ЕСТЬ НА СВЕТЕ ЛЮБОВЬ...»

Чтобы выразить свою любовь, восхищение гениальной личностью, я, как режиссер театра, носящего имя К. Кулиева, решил обратиться к его единственной пьесе «Есть на свете любовь», приурочив ее к юбилею поэта. Эту пьесу еще в 60-е годы поставил великолепный режиссер Георгий Моисеев. Я понимал, что иду на риск, ибо браться за одну и ту же вещь после такого мастера было самонадеянно, но мое преклонение перед Кайсыном Шуваевичем победило все страхи, я поверил, что сумею поставить пьесу по-своему.

Конечно же пьеса на первый взгляд кажется легкой, и не комедия она вовсе. В ней много доброго юмора, смеха, нет в пьесе и отрицательного персонажа, что меня особенно удивило и покорило. Ведь поэт просит смотреть на мир, на все живое и окружающее нас добрыми глазами, даже в отрицательном суметь выявить положительные качества.

При первой читке я не увидел ожидаемого энтузиазма у артистов. Пришлось принести радиозапись, где Кулиев читает свои стихи. Это произвело ошеломляющее впечатление, артисты слушали, затаив дыхание, грандиозные по силе страсти и мощи глубинные мысли, проникающие в сердце кристально-выверенных стихов дорогого сердцу каждого балкарца поэта из Чегема. Исполнители ролей сразу же почувствовали пьесу, и работать стало легко.

Спектакль начинается стихами Кулиева. Его неповторимый голос настраивает актеров и зрителей на поэтический лад. Скульптурное построение мизансцен не случайно – все заворожены голосом поэта, его сокровенными мыслями, которыми он делится . Стихи продолжают звучать и в антракте, чтобы усилить впечатление того, что Дух Кайсына витает над нами, он рядом, а это значит, что мы должны быть выше и чище, не опускать рук, быть

готовыми к преодолению любой трудности. Зрители и в антракте продолжали слушать голос Кайсына. Даже дети. Многие вытирали слезы. Но когда я увидел, что некоторые поэты вышли в фойе, удивлению моему не было границ. Как можно?! Сельские, малограмотные люди не позволили себе такой бестактности. Но все на совести каждого.

Спектакль получился, артисты отлично справились с поставленной задачей, создали интересные образы. Главное – зритель принял нас очень тепло. Считаю, что иначе и быть не могло – нам помогал сам Кайсын, энергия, исходящая из его стихов, дарила нам стимул. Иначе, как можно было поставить пьесу поэта мирового масштаба в театре, где нет элементарной техники, где все мешает, а не помогает работать. Приходится постоянно бить лбом о непробиваемую стену. Я хотел спроектировать на фоне Эльбруса облик Кайсына. Технически невозможно, пришлось дать портрет на занавеси. И много другого, отчего нельзя не прийти в отчаяние. Но, как сказал выше, нам помогла поэзия гениального сына нашей земли.

Сам Кайсын Кулиев, мир его поэзии – животворящий родник, наполняющий душу светом, очищающий от скверны. Чем больше его читаешь, тем больше даешься диву, обогащаешься, находя для себя каждый раз новое. Это титан, таящий в себе несметные богатства, которыми щедро одаривает всех, кто прикоснется к великому пришельцу, посланнику небес. И как же счастливы мы, жившие в одну эпоху с Поэтом, видевшие Его, общавшиеся с Ним, имевшие возможность хоть раз, но пожать добрую, крепкую Его руку.

Последний раз я видел Кайсына Шуваевича летом в Нальчике, недалеко от магазина с большой стеклянной витриной, расположенного на Баксанском шоссе. С ним были его жена Элизат и сын Ахмат. Кайсын стоял в безрукавке, облокотившись на свою белую «Волгу». Лицо было уставшим. Было больно видеть, как точит болезнь организм человека, который казался нам гигантом, нашей опорой, надеждой. Было больно, комок подкатывал к горлу. Я поздоровался и, чтобы не выдать свое состояние, быстро попрощался. Вскоре мы услышали, что Элизат повезла его в ростовскую больницу, потом в Москву. В те дни и месяцы все, в ком хотя бы только теплилась

совесть и были живы святые чувства, жили в надежде на чудо, ловя сообщение о его здоровье. Но...

Ушел, как светоч дивный гений,
Увял торжественный венок.

Но никогда не увянет Поэзия, вобравшая в себя боль народа, Поэзия, окрашенная кровью сердца, заревом закатов и рассветов, Поэзия, светящаяся лунным светом, музыкой доброты и человечности, Поэзия, наполняющая души журчаньем ручьев, шелестом листьев и трав, пением соловья и жаворонка, звездная Поэзия, имя которой – Кайсын Кулиев!

Идет спектакль. Звучит голос Поэта... Его слушают артисты, слушают зрители в переполненном зале, слушает вечность. И так будет всегда, доколе будет жив на земле хотя бы один человек, любящий Поэзию, сумеющий отличить настоящие стихи от «псевдостихов».

ТРИ ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Многие из тех, кто имел счастье общаться с Кайсыном Кулиевым, отмечают одну деталь: каждая встреча оставляла в сердце неизгладимый след, который не могла стереть давность срока. Таким уж он был человеком. Вроде бы простой и обычный, и в то же время резко выделявшийся среди других. Будь то его выступление перед аудиторией, личная беседа с ним или незаметное безмолвное присутствие в его обществе – все это западало в душу, яркой картиной запечатлевалось в мозгу. Запоминалось так, как если бы это случилось вчера.

Одним из тех, кому повезло, кто встречался и беседовал с Кайсыном неоднократно, был главный режиссер Балкарского госдрамтеатра им. К. Кулиева Магомет Атмурзаев. О своих впечатлениях от трех незабываемых встреч с поэтом он поделился с корреспондентом «Кабардино-Балкарской правды».

В 1972 году была набрана так называемая вторая балкарская студия ГИТИСа, в состав которой попал и я. В начале 1973 года проходила наша первая, зимняя сессия. На экзамен по мастерству актера мы пригласили

боготворимого нами Кайсына Кулиева (как депутат Верховного Совета СССР он подолгу жил в Москве). Он охотно откликнулся на наше предложение. Мы показали отрывки из спектаклей «Ромео и Джульетта» по Шекспиру, «Коварство и любовь» Шиллера, «Дон Жуан» Мольера. Чувствовалось, что он получил от них большое удовольствие и дал о нашей игре восторженный отзыв. Поскольку в свое время он сам учился в ГИТИСе, то в этом деле хорошо разбирался. Помню, мы, как зачарованные, слушали устную рецензию на наши отрывки, а также его философские рассуждения на тему: «Искусство актера». Говорил он красиво, а главное, искренне.

Следующая наша встреча состоялась к концу учебного года в 1976 году. В те времена в Москве бытовала такая традиция: представители какого-либо народа в определенный день собирались под одной крышей, чтобы пообщаться с соплеменниками на родном языке. Мы это называли землячеством. К нам в тот день пришло много гостей, среди них был и Кайсын Кулиев. Заранее в одном из подмосковных совхозов мы купили четырех баранов. Наши девушки приготовили балкарские блюда. Увидев в центре Москвы балкарскую кухню, поэт от радости прослезился. Застолье закончилось национальными танцами и песнями.

Третья наша встреча состоялась во время премьеры спектакля «Кровавая свадьба» по Гарсиа Лорке в 1983 году. Пьесу ставил режиссер Борис Кулиев. Перевод ее, скажу без преувеличения, гениальный, сделал Кайсын Кулиев, роль жениха исполнял я. Спектакль получился очень удачным. На его премьеру, прошедшую в стенах театра им. А. Шогенцукова, мы пригласили и поэта. Говорят, что игра так растрогала его, что во время спектакля у него на глазах были слезы, а по окончании спектакля он прошел за кулисы и долго обнимал, целовал и хвалил его участников. Помню, наши молодые актеры были окрылены напутственными словами выдающегося мастера.

Петр Сопкин – доцент Кубанского государственного университета, кандидат филологических наук. Долгое время работал в Карачаево-Черкесском педагогическом университете, заведовал там кафедрой ОЖ. С Кайсыном Кулиевым он встречался один раз, когда Кайсын по приглашению ректората Карачаево-Черкесского педуниверситета приехал в Карачаевск на встречу со студентами и преподавателями. Эта встреча произвела на Петра Терентьевича неизгладимое впечатление, и он поделился своими мыслями, возникшими у него после услышанного и увиденного в тот памятный вечер.

НЕ ПОМЕРКНЕТ ЗВЕЗДА КАЙСЫНА

Кайсыну Кулиеву, будь он жив, исполнилось бы в ноябре 1997 года 80 лет. Но вот уже шестнадцать лет, как нет среди нас поэта и гражданина – ярчайшего таланта и обаятельнейшего человека, доступного любому, кто желал с ним повидаться.

Однако о подлиннейшей литературной величине ушедшего в иной мир поэта мы по обыкновению не говорим в прошедшем времени. Вот и Кулиев предстал на литературном вечере в Карачаево-Черкесском пединституте, организованном кафедрой карачаевской и ногайской филологии, живым, всецело устремленным в будущее. Более того, был он совсем юным, как бы перевоплотившимся в старшеклассников и студентов младших курсов, которые читали стихи – его и о нем.

Поэтические строки, запечатлевшие многие живые образы, одухотворившие камень-подранок, увядшее дерево, упавшую звезду,– те самые строки, которые принесли Кайсыну еще при жизни мировую известность, венчали его вечер. А начинался он с воспоминаний. Заведующий кафедрой А. М. Батчаев, организовавший вечер, одному за другим предоставлял слово счастливчикам, кому выпало непосредственно, в будничной обстановке общаться с великим сыном Кавказа. И они – доцент Х. М. Хаджилаев, поэт Н. Хубиев, старший преподаватель З. Байрамкулова – оправдали ожидания аудитории. Действительно, если суммировать все эпизоды, воспроизведенные

очевидцами, нашему взору и воображению открылся изумительный по силе духа, по красоте мир Кайсына Кулиева – великого поэта-гуманиста.

Он превыше всего ценил свою родину, все те ее истоки, которые и даровали ему жизнь, и наполнили ее многогранным, высоким содержанием. Взять хотя бы такой исторический эпизод. После войны, которую Кулиев прошел почти от первого до последнего выстрела, Александр Фадеев представил поэта-горца пред очи самого Сталина. К этому моменту имя Кулиева как защитника Отечества, гражданина и поэта уже имело, так сказать, высочайшую пробу. Видимо, исходя из этого, «кормчий» по-своему подвел итоги состоявшейся встречи. Он предоставил Кайсыну полную свободу – возможность беспрепятственно передвигаться по великой стране и жить, где он пожелает, за исключением Москвы и Ленинграда... Но не принял такого подарка поэт, не прельстился ничем. А поехал прямиком в Киргизию, куда был депортирован его балкарский народ. Единственно, чего он добился от властей,– переселения из Казахстана в Киргизию своих близких родственников.

Киргизия стала не просто временным пристанищем поэта, но как бы второй его родиной. Может, кровно слились в его душе эта республика и отчая Кабардино-Балкария благодаря горам. Может, были на то другие, неведомые нам причины. Но отгадка скорее всего кроется в подлинном кулиевском человеколюбии, в безграничной преданности той земле, которая предоставила его народу и ему самому кров и хлеб. Кулиев сумел отблагодарить Киргизию и ее народ, посвятив им свои стихотворения, которые не померкнут в веках. А цикл «На Иссык-Куле» стал как бы вершиной, итогом его творчества на отрезке жизни, прошедшей среди братского народа. Не случайно же киргизы называют поэта не иначе как «наш Кайсын». Другого более высокого знака признания заслуг человека природа, видимо, еще не выпестовала.

И когда Кайсын скончался, киргизы совершили то, что, возможно, своим бы не удалось. Власти распорядились похоронить Кулиева в Нальчике, вопреки завещанию поэта. И только силою авторитета Чингиза Айтматова удалось предать земле покойного Кайсына на его родине в Чегеме I, близ Нальчика.

Величие Кайсына видится и в том, что по сей день он для нас остается во многом нераспознанным, загадочным. К примеру, только таланту Кулиева мы обязаны за блестящие переводы на русский язык ряда произведений, в том числе и с киргизского языка. В то же время он не переводил собственные стихи. Впрочем, без загадок звезда Кулиева не была бы такой яркой. А так – светить и светить ей до бесконечности. И порукой тому были слова доцента С. Акачиевой, произнесенные под занавес вечера: «Пока живы мы, люди, будет жить с нами и Кайсын Кулиев».

Мая Ахмедовна
ЭЛЬМУРЗАЕВА
(1933)

Мая Ахмедовна Эльмурзаева родилась в Нальчике, в семье известного писателя А. Ульбашева. В 1944 году семья была депортирована вместе с балкарским народом в Казахстан в город Степняк. Здесь она окончила среднюю школу. После окончания школы работала старшей пионервожатой до возвращения балкарцев на родину.

В 1957 году Мая с родителями вернулась на родину. В этом же году она поступила на работу библиотекарем Кабардино-Балкарского университета и одновременно училась заочно на отделении русского языка и литературы. После окончания историко-филологического факультета КБГУ долгое время работала заведующей библиотекой медицинского факультета до ухода на пенсию.

Мая Ахмедовна Эльмурзаева была соседкой Кайсына Кулиева. Об этом она и пишет в своих воспоминаниях.

Я ЖИЛА РЯДОМ С КАЙСЫНОМ

Первый раз я увидела Кайсына в 1959 или в 1960 году. А было так. Я шла домой по двору. Посреди двора стояли и весело смеялись несколько мужчин и одна женщина. Отец подозвал меня и познакомил с ними. Это были К. Ш. Кулиев, А. М. Аппаев, И. Ж. Боташев, А. К. Ахматов. Я в буквальном смысле слова уставилась на женщину, так поразила меня ее красота. Среднего роста, стройная, в легком, золотистого цвета, платье. Зеленые глаза, тонкие брови, очень правильный носик. Кайсын что-то рассказывал и смотрел на нее своими умными глазами. Это была Мака – верная жена Кайсына, которую он очень любил. Мака родила и вырастила трех прекрасных, здоровых, умных и красивых сыновей, которых очень любил Кайсын.

Для меня Кайсын был настолько умным, образованным человеком, великим поэтом, что я боялась и стеснялась говорить с ним, а тем более воспринимать его как соседа. А зря, нужно было общаться, записывать каждый разговор с ним, тем более, что он был человеком простым и доступным.

Вот Кайсын вернулся из Индии, он рассказывает, как интересна эта страна, где они были, что видели. Я спрашиваю: «Чем вас там кормили?» Кайсын смеется и говорит: «Мы там ничего не ели от жары, мы только пили, пили соки».

Кайсын был чутким, отзывчивым человеком. Вспоминается такой случай. Август, примерно 1973 год. Раннее утро. Сижу на балконе и плачу. Вдруг на балкон выходит Кайсын (у нас балконы были рядом). Смотрит в сторону так любимых им гор. Тихонько встаю, чтобы зайти незаметно в комнату. Кайсын поворачивается, видит меня и спрашивает: «Что случилось, почему плачешь?» И я рассказываю Кайсыну: «Сестра – дочь моей тети Шамсы (Кайсын хорошо ее знал), Фатима,– уехала в Москву поступать в МВТУ. Позвонила, что сдала первый экзамен. И вот уже должна сдать два экзамена, но не звонит. Боюсь, мало ли что случилось?» Кайсын говорит: «Не плачь, утром в 9 часов я позвоню и все узнаю». И вправду, Кайсын позвонил, ему ответили, что Кетенчиева Ф. зашла на последний экзамен. Жива и здорова. «Позвони отцу и матери Фатимы, обрадуй их»,– сказал Кайсын.

Однажды я рано встала и вышла на балкон, вижу и Кайсын Шуваевич стоит. Я спросила: «Почему так рано встали?» Он ответил: «Я люблю по утрам работать и писать. В это время все спят – дети, жена, и мне никто не мешает».

Когда Кайсын писал роман «Была зима», он приходил к моей тете Шамсе Чочаевой, расспрашивал об ее отце, делал записи. И теперь, читая роман, понятно, что прообразом одного из героев, а именно Огаева, послужил Кайтмурза Чочаев.

Кайсын дарил нам книги с автографами, которые мы бережно храним.

Я все время пишу – Кайсын был. Нет, Кайсын всегда будет, пока живо человечество.

Идрис Хусеевич ТАУКЕНОВ (1938)

Идрис Таукенов – заслуженный работник культуры КБР. Он родился в селении Верхняя Балкария, Черекского района, Кабардино-Балкарии, в семье колхозника. Отец, Таукенов Хусей Исхакович, в 1942 году ушел защищать Родину и пропал без вести в Великой Отечественной войне.

В 1944 году со всеми балкарцами семья Таукенова была выслана в Среднюю Азию, где до 1957 года она жила в Киргизии. Там и закончил Идрис в 1956 году среднюю школу в селении Акбешим, Чуйского района.

По возвращении на родину в 1957 году поступил в Кабардино-Балкарский государственный университет и в 1962 году закончил отделение балкарского языка и литературы и русского языка и литературы.

Свою трудовую деятельность он начинал в селении Бабугент, в интернате, работая учителем-воспитателем. Потом был приглашен на работу в редакцию республиканской газеты «Коммунизмге жол». Здесь в течение шести лет работал литературным сотрудником, корреспондентом, заведующим отделом.

В 1969 году Таукенов закончил Ростовскую Высшую партийную школу. После этого работал лектором Нальчикского горкома партии, заместителем управляющего конторой «Курортпромторга», управляющим Эльбрусской торговой конторой, директором Нальчикского парка культуры и отдыха, директором Государственного ансамбля «Балкария». В последнее время работал директором комбината банно-прачечного хозяйства города Нальчика.

Опубликовал поэтические, прозаические произведения в различных сборниках и журналах. Отдельными изданиями вышли сборник рассказов для детей «Жеребенок» и сборник из двух повестей «Сила любви» на балкарском языке.

Награжден двумя медалями, имеет звание «Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской Республики».

ДЕРЕВО КАЙСЫНА

Мы знаем, что Кайсын Кулиев всей душой любил природу. Это мы видим и в его поэзии. Он часто гулял в парке культуры. Ему было очень интересно рассматривать эти редкие деревья, привезенные с разных концов земного шара. Гуляя в парке, Кайсын написал много прекрасных стихов о природе, о ее величии в жизни человечества.

В семидесятые годы, когда я работал директором парка культуры и отдыха, почти каждое утро я его встречал с друзьями: моим учителем Аскером Аппаевым, писателями Жанакаитом Залихановым, Иссой Боташевым, Ахией Ахматовым и другими. Он радовался, когда в парке чисто, уютно и везде порядок. За это он меня не раз хвалил и высказывал свое удовольствие. Но самое любимое место в парке у Кайсына – это верхний угол Комсомольского озера. В то время действительно этот уголок был самым зеленым, самым красивым. Кайсын часами лежал здесь, под большой плакучей ивой, на зеленой лужайке, отдыхая.

Однажды я собрал ребят, которые работали в парке, и говорю: «Ребята, вы хорошо знаете, что Кайсын очень любит наш парк, особенно территорию Комсомольского озера, но здесь нет скамеек, нет удобств».– «Идрис Хусеевич, а в чем дело? Материалов у нас полно, только дайте команду!» – хором ответили они. И в течение недели отлили бетонные ножки, распилили рейки, отстругали их и вокруг Комсомольского озера установили 16 скамеек, покрасили. А под ивой соорудили очень красивую скамейку со спинкой. Когда ребята закончили работу, Кайсын очень обрадовался и каждого парня обнял и поблагодарил. Кайсын был очень веселым человеком, но такого радостного я никогда не видел его. Мы, работники парка, с этого дня большую плакучую иву, где Кайсын любил отдыхать, называем «Деревом Кайсына».

Однажды, через несколько дней, как обычно, я объезжал территорию парка и обнаружил срубленные топором рейки скамеек – у меня потекли из глаз слезы. Я не знал, что делать и что говорить. В это время подошел Кайсын со своими друзьями и, увидев эту картину, долго молчал, а потом сказал: «Идрис, ты для людей сделал великое дело, ты свой долг выполнил, слишком не го-

рую!» И добавил: «Такой человек, который сотворил это, как он живет на земле? Это разве человек?!» Кайсын и его друзья долго стояли там и успокаивали меня, но на их лицах была такая грусть, как будто случилась большая трагедия. Да, действительно, для людей душевных, человеколюбящих, как Кайсын, это было очень больно, очень трагично.

Всегда мы будем помнить Кайсына, его человечность, душевность, великие его черты, его орлиный взор, его вечно живущие творения, его вечный образ. Столетиями, из поколения в поколение, Кайсын будет жить.

Недавно я был там, где Кайсын любил отдыхать, и любовался плакучей ивой. Но был огорчен тем, что вокруг этой ивы все заросло бурьяном, ненужными кустарниками. Здесь я долго стоял и вспоминал каждое слово Кайсына. Оттуда я сразу пошел в администрацию парка и попросил работников, чтобы взяли шефство над этой ивой и этим местом. Ребята быстро откликнулись и привели в надлежащий порядок это место.

Мы должны связанные с Кайсыном места – деревья, камни, тропинки, родники – оберегать и не забывать никогда.

Кайсын наш – стальное дерево, неиссякаемая река!

НЕИССЯКАЕМАЯ РЕКА

Горная река, вперед!
Ветер с круч волною догоняй!
Пусть твой громкий голос воспоет
Минги-Тау, мой родимый край.

Грохоча, несутся со стремнин
Тысячи ручьев –
Один поток.
В голоса их вслушайся, Кайсын!
Там, в твоей речушке, их исток.

Горная река моя, вперед,
Ветер обгоняя, в добрый путь!
Коль река из сердца гор течет,
Вспять ее вовек не повернуть!

Эти строки в 1957 году, еще совсем молодым, стоя на берегу реки Черек, я посвятил Кайсыну Кулиеву. Да, он

со своей поэзией действительно тогда был похож на бурлящую реку. О Кайсыне я слышал еще в Киргизии в пятидесятые годы, будучи семиклассником. Вскоре мы были счастливы, держа в руке первую его книгу на балкарском языке – «Привет, утро!». Эту книгу нам привезла наша одноклассница, близкая родственница Кайсына, Мариям Элеккуева. Весть о сборнике Кайсына Кулиева быстро разошлась по селению Сынташ, где мы жили. И всем хотелось подержать ее в руках, почитать. Однажды наш близкий родственник, чабан Солтан, попросил на один день книгу, обещав ее вернуть. Но на другой день он со своей отарой уехал на горные пастбища «Сусамыр» и книгу увез с собой.

А осенью, когда он вернулся с пастбищ, сказал, что дал почитать книгу чабанам-карачаевцам и они не вернули ее, сказав, что потеряли. Мы были очень огорчены потерей книги нашего Кайсына.

В 1958 году известный московский поэт Булат Окуджава приехал в Нальчик с целью составить сборник стихов молодых поэтов балкарских поэтов и издать в Москве на русском языке. С помощью Берта Гуртуева сделав подстрочный перевод, я тоже свои три стихотворения, одно из которых было посвящено Кайсыну, отдал Булату Окуджаве. Этот сборник вышел в 1959 году в издательстве «Молодая гвардия» под названием «Голубые ели».

После этого Кайсын передал через ребят, чтобы я зашел к нему в Союз писателей. Я зашел к нему и мы познакомились. Он поздравил меня с опубликованием стихов в сборнике, напутствовал, чтобы я писал и много читал. Для того чтобы быть хорошим поэтом, надо иметь и талант. Видимо, у меня этого не хватало. Но душевные слова, напутствие Кайсына многому научили меня. С Кайсыном еще много раз мы встречались. Каждая встреча с ним для меня была наслаждением, из его уст я каждый раз узнавал что-то новое, умное.

А об одной встрече я хочу особо рассказать. Это было в восьмидесятых годах в Москве. Намечалось всесоюзное совещание директоров крупных парков страны. А в Министерстве культуры СССР работал мой хороший знакомый, который любил наш парк,– Анатолий Матвеевич Демитман. Приехав в Москву, я позвонил Анатолию Матвеевичу и пригласил приехать ко мне в гостиницу, чтобы

вместе пообедать. Спустившись на второй этаж, мы вошли в зал ресторана – и я сразу увидел Кайсына с большой компанией, сидевшего во главе стола. Он тоже заметил меня и крикнул на весь ресторан: «Вот еще один балкарец идет, мой племянник!» Все, кто сидел в ресторане, повернулись в сторону Кайсына. «А, Кайсын Шуваевич!» – сказал мой друг Анатолий Матвеевич. «Анатолий Матвеевич, я очень извиняюсь, по нашему обычаю я должен подойти к нему и поздороваться, а вы подберите, пожалуйста, удобный стол и подождите меня пару минут»,– попросил я. «Идрис, идите! Я ваши обычаи неплохо знаю»,– ответил он. Я прошел к столу и поздоровался со всеми. Кайсын, как полагается по обычаю, подал мне бокал и сказал, что его гости – чехословацкие писатели с женами. И добавил: «А Михаила Дудина и Сергея Михалкова ты, конечно, знаешь». Когда я вернул бокал, один из сидящих мужчин, светловолосый, высокого роста, встал, крепко обнял, поцеловал меня и на ломаном русском языке сказал: «Если ты брат Кайсына,– мой брат!» Я поблагодарил их и вернулся к Анатолию Матвеевичу. Подозвав официантку, заказал ей разные напитки и конфеты, наполнив целый поднос, и попросил отнести к столу, где сидел Кайсын Шуваевич со своими друзьями. О наших прекрасных обычаях Кайсын с восторгом рассказал гостям. Через некоторое время гости Кайсына с наполненными рюмками подошли к нам. «Я поднимаю тост за талантливый балкарский народ, за прекрасные обычаи!» – сказал Михаил Дудин. Все остальные поддержали его. Мы с Анатолием Матвеевичем тоже подняли бокалы в честь гостей нашего Кайсына. Гости ушли, тепло попрощавшись с нами...

Я всегда удивлялся и удивляюсь до сих пор человечности Кайсына, его уму, прозорливости, душевности, чистосердечности, таланту. Его светлый образ, карие глаза, густые брови, черные усы, широкий лоб навсегда остались в моей душе. Такой человек в народе рождается в столетие один раз. И Кайсын Шуваевич останется навечно в памяти людей, пока на земле есть жизнь.

Марзият Маммоновна БАПИНАЕВА-МАХИЕВА (1925)

Марзият Бапинаева родилась в Верхнем Чегеме – Эль-Тюбю, где родился и прославленный поэт Кайсын Кулиев. Здесь же родился и один из родоначальников балкарской литературы Саид Шахмурзаев, автор многих учебников по родному языку и литературе. Среднюю школу она окончила в Чегеме, там учился и Кайсын Кулиев. Будучи активисткой, она принимала участие в ликвидации неграмотности среди сельского населения.

В январе 1940 года Президиум Верховного Совета КБАССР наградил ее Почетной грамотой за большую общественную работу. В родном селе она работала секретарем сельского Совета, спустя некоторое время ее выдвинули на работу в прокуратуру следователем. В то время прокурором Чегемского района работал Рамазан Чочаев, который ценил ее деловые качества и стремление к знаниям. Вскоре Марзият Бапинаеву Министерство юстиции направляет учиться в Орджоникидзе на трехмесячные юридические курсы. После окончания учебы она работала председателем народного суда Чегемского района. В 1944 году 8 марта, когда выселяли балкарцев, Марзият Бапинаеву по ложному обвинению (в шпионаже) посадили в тюрьму. Первого июня 1944 года по решению особого совещания НКВД она была приговорена к 5 годам тюремного заключения и была направлена в Норильск, где просидела до 1949 года, а потом жила и работала там же, в Норильске, до 1957 года. По решению Генпрокурора СССР ее реабилитировали. Копию решения направили в Верховный суд КБАССР, где ее полностью признали невиновной. В 1957 году она вернулась в Нальчик и долгое время работала (около 30 лет) в общепите, так как в свое время она окончила технологический техникум.

Как односельчанка Кайсына Кулиева Марзият Бапинаева часто виделась с поэтом, неоднократно они вспоминали свою родную школу, детские и юношеские годы.

МЫ ОСТАВИЛИ СВОИ ИМЕНА НА ЧЕГЕМСКОЙ ГРАНИТНОЙ СКАЛЕ

Я родилась и прожила всю свою жизнь в Верхнем Чегеме в селении Эль-Тюбю. Наше село ничем не отличалось от всех остальных сел в горах. Будучи маленькой девочкой, я любила общаться со взрослыми. Они во мне тоже видели приятного собеседника. Кроме того, я исполняла все их мелкие поручения. Ребенок не забывает того, что на него производило неизгладимое впечатление. Как-то на нашей улице был большой переполох, когда Шарифу послали учиться в медицинский институт, чтобы наше село имело своего доктора. Мать Шарифы (дочь Исхака – Сюйдюм Айтекова) категорически заявила, что бросится в реку, если отпустит дочь от себя куда-нибудь. В этот период Кайсын Кулиев вернулся из Москвы. Я это помню как сейчас. Он пришел к нам, узнал, что Шарифу посылают учиться, а мать возражает, и принялся уговаривать матушку, чтобы она отпустила Шарифу.

Мы в это время жили в Эль-Тюбю, а остальные Кулиевы жили чуть дальше. Нам, молодым девушкам, было очень интересно посмотреть на молодого поэта – Кайсына Кулиева, и мы по дороге к роднику заходили в дом Кулиевых, чтобы побеседовать с хозяевами и встретиться с нашим уже тогда прославленным земляком – Кайсыном.

Помню, как однажды я и мои ровесники, будучи старшеклассниками, отмечали праздник 1 Мая. Колонна демонстрантов подошла к местечку, известному в народе как «Греческая лестница». Над ним возвышалась скала, и, чтобы подняться наверх, надо было по узкой тропинке пройти друг за другом. Мы вместе с Кайсыном поднялись вверх по скале и начертали свои имена на отвесной стене. Кайсын оставил на память, как он говорил, имена своих друзей детства. Мне и до сих пор кажется, что эти имена сохранились в граните Чегемских гор как свидетельства дружбы тех незабываемых дней, которые канули в вечность, но навечно остались в наших сердцах.

Кайсын Кулиев, по моему глубокому убеждению, очень любил горы, чистый горный воздух, ущелья, синеву тумана, животный и весь растительный мир своего родного края. Особенно он любил сельскую детвору. О своих чув-

ствах он поведал в стихах, посвященных отчему дому, матери, мальчику, скакавшему на ослике, первому учителю, умелому плотнику и другим своим односельчанам.

Помню, как мы провожали Кайсына, когда он пошел добровольцем служить в ряды Красной Армии, как встретил в Прибалтике войну (об этом рассказывали нам его родные), как была беда и было насильственное переселение, как Кулиев оказался вместе с нами в Средней Азии.

Сентябрь 1957 года стал для меня незабываемым, потому что мы вернулись на родину. Кулиев раньше нас вернулся в Нальчик. Мы знали об этом и часто вспоминали его. Кайсын и мой муж, Али Махиев, когда-то вместе учились в Театральном институте им. А. В. Луначарского.

16 декабря 1957 года Кулиев подарил мне и Али Махиеву книгу «Горы» с дарственной надписью: «Дорогому моему другу – моей юности – Али на добрую память о нашей учебе в Москве и о счастливых днях, проведенных в столице».

Количество книг, подаренных моему мужу поэтом, могло бы составить в нашем доме целую библиотеку. Этими книгами Али дорожил и никому не разрешал ими пользоваться: они были для него святыней. На одном сборнике стихов – «Книга земли» – была такая надпись: «Да сбудутся все твои мечты, Али! 1-е сентября 1972 г. Кайсын Кулиев».

...Вспоминается одна из встреч, когда Жюнюс Чочаев и Али Махиев были вместе в Вольном Ауле по какому-то случаю. Они много говорили о былом, вспоминали Кулиева, о его трудной жизни в Средней Азии, о всенародном признании, о его доброте и щедрости характера. Уходя, Али сказал: «Как хорошо, что мы вспомнили поэта. Из-за этого одного нам уготовано место в раю. Кайсын – святой человек».

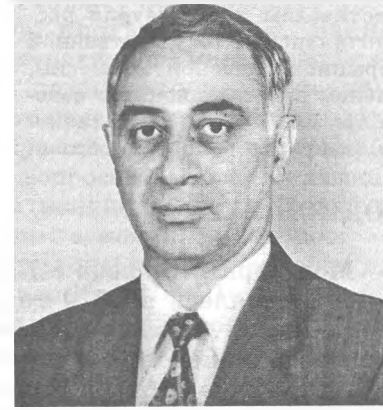
...Хочется вспомнить и другое. Дело в том, что наш старший сын увлекался искусством и литературой. И когда он нас хотел порадовать, то цитировал Кулиева, читал его стихи. Особенно выразительно в его исполнении было стихотворение «Белый ослик».

...Летом в 1979 году Кулиев был на встрече со строителями БАМа. Тогда он подарил им свою книгу «Вчера

и сегодня». Она вышла к его 60-летию. Эта книга есть у нас.

Кончину поэта чегемцы оплакивают и сейчас, спустя многие годы. Часто вспоминают его и скорбят, потому что Кайсын Кулиев был для них символом нации, национальной культуры и рано померкнувшей звездой на Чегемском небосводе. Балкарский народ никогда не забудет своего гения. Его родная земля пусть будет ему пухом.

УЛАКОВ
(1951)



Махти Зейтунович Улаков родился в селе Дон-Арик, Чуйского района Киргизской ССР. В 1968 году окончил Лашкутинскую среднюю школу Баксанского района КБАССР. В 1969 году поступил на русско-балкарское отделение Кабардино-Балкарского госуниверситета и окончил его в 1974 году. В тот же год был принят старшим лаборантом сектора карачаево-балкарского языка Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, истории, филологии и экономики.

В 1976–1980 годах учился в целевой аспирантуре сектора тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР. За время учебы в аспирантуре написал кандидатскую диссертацию на тему: «Термины животноводства в карачаево-балкарском языке» и защитил ее в 1983 году.

В КБНИИ работал младшим научным сотрудником, старшим научным сотрудником, заведующим сектором (отделом) карачаево-балкарского языка. С июня 1993 года – заместитель директора по науке КБНИИ (ныне Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН).

За время научной деятельности им подготовлено 56 научных работ общим объемом свыше 60 а. л. Это – словарные статьи, доклады на региональных и международных конференциях, рецензии, редакторские работы, монографии, разделы коллективных трудов по тюркологии. В 1996 году на заседании диссертационного совета на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания РАН защитил докторскую диссертацию в виде научного доклада на тему: «Проблемы стилистики карачаево-балкарского языка».

В настоящее время М. З. Улаков занимается написанием разделов фундаментального коллективного труда «Современный карачаево-балкарский язык», интересуется проблемами тюркской лексикографии, диалектологии и культуры речи. Участвовал во многих научных экспедициях, в том числе и двух зарубежных. Летом 1992 года в городе Самсуне (Турция) прошел курс турец-

кого языка. Является членом Международной тюркологической ассоциации, ученого совета ИГИ, учебно-методического совета Министерства народного образования КБР, заместителем председателя республиканской государственной терминологической комиссии, членом диссертационного совета при КБГУ и консультативного совета по вопросам образования и науки при Правительстве КБР.

Махти Зейтунович Улаков является заместителем председателя Президиума Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, доктором филологических наук, заслуженным деятелем науки Карачаево-Черкесской Республики, академиком Международной тюркской академии.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Моя первая встреча с Кайсыном Шуваевичем Кулиевым состоялась в 1974 году. Сегодня, по прошествии стольких лет, после выхода многочисленных трудов литераторов и биографов великого поэта, трудно внести новые штрихи в портрет Кайсына Шуваевича. Думается, что дотошные исследователи, многие из которых, кстати, в свое время пытались высказывать осторожные мысли об исчерпанности его творчества, о повторяемости мотивов, оказывается, уже давно зафиксировали в своих трудах мельчайшие подробности творческого пути и личной жизни писателя.

И все же, на мой взгляд, одна из сторон деятельности Кайсына Кулиева осталась практически вне поля зрения исследователей. Высказывания о роли и значении Кулиева в этой области культурного пространства балкарского народа носят чисто эпизодический характер.

Конечно, Кулиев и балкарский язык – предмет специального большого исследования, и сегодня я вовсе не претендую на какой-либо анализ, на то, что можно назвать научным подходом.

Создание любого литературного произведения неразделимо с процессом его словесного оформления. Об этом особенно убедительно говорят черновые рукописи К. Кулиева. Просматривая их, поневоле приходишь к выводу, что стихотворный текст – лишь прекрасная вершина огромного дерева, чьи корни и ствол – сотни и сотни вариантов образов, сочетаний слов. Некоторые произведения

Кайсына Шуваевича в стадии отделки даны в десятках версий, причем часто от первоначальной модели стихотворения в окончательном тексте сохраняется два-три слова, одна-две поэтические фразы.

Гениальный поэт, разрешая задачи времени, создавая непревзойденные по художественному совершенству произведения различных жанров, произвел одновременно огромную работу в области литературного карачаево-балкарского языка. Я отчетливо помню ощущение неожиданного открытия того простого факта, что великий поэт, человек, казалось бы, не от мира сего, глубоко и, главное, очень рационально подходил к вопросам бытования языка, проводя при этом весьма эффективную политику поддержки богатых именно в языковом отношении авторов.

Помню, в свои аспирантские годы я присутствовал на творческом вечере К. Кулиева. Кайсын Шуваевич попросил своего давнишнего друга – профессора А. Т. Базиева – выступить на балкарском языке. Казалось бы, зачем это делать в иноязычной среде, где все равно потребуется перевод? Но Кайсын Шуваевич конечно же предвидел результат, ибо был уверен в силе и красоте родного слова. Ощущение в тот момент было просто потрясающим, и, смею вас уверить, слушатели – в основном русские люди – тоже подпали под магию живого балкарского языка. Ахия Танаевич же, всю свою сознательную жизнь проживший в Москве, очень часто ставился К. Кулиевым в пример тем, кто плохо знал родной язык, как человек, великолепно владеющий и языком, и всем набором традиций, этикой – всем, что определяет национальную принадлежность.

Кстати, по отзывам представителей диаспоры, фольклор, произведения К. Мечиева, Кайсына Кулиева, Танзили Зумакуловой прекрасно воспринимаются балкарцами, живущим за рубежом, а вот творчество более молодых авторов – только за редким исключением. Язык же нашей национальной журналистики практически непонятен им.

Кулиев работал в направлении, которое в конце концов должно было привести к достижению главной, с его точки зрения, цели – соответствия литературного стиля, мышления писателя и языка, его произведений. Он хорошо знал, что талантливый, чуткий к родному языку

автор всегда следует духу родного языка, учитывая закономерности его развития. Он всегда следовал тезису: «Тщательная работа над словом – основа писательского мастерства». Поэтому в своих рецензиях на многие книги, в статьях Кайсын Шуваевич бичевал их авторов за вычурность. Лично я неоднократно замечал на полях таких работ пометки, сделанные рукой Кулиева, типа «Кязим писал проще» или указания на грубое калькирование и невероятную терминологию.

К. Кулиев часто обсуждал новые издания со своим другом – профессором А. М. Аппаевым, и иногда результатом этих совместных обсуждений становились анекдоты по поводу грубых ошибок, отдельных горе-авторов. В этом смысле Кайсын Шуваевич был тем самым барьером, который оказался непреодолимым для огромного количества бездарностей и графоманов, рвавшихся в литературу. Сегодня, к сожалению, у нас нет подобной личности.

Но, насколько я помню, Кулиева особенно тревожило качество переводной литературы. Когда переводчики объясняли свои промахи бедностью родного языка, он мог тут же привести примеры из фольклора, а иногда и напеть куплет народной песни, с наглядной иллюстрацией возможностей обсуждаемого слова или выражения.

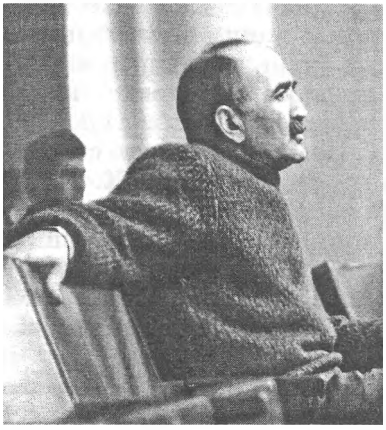
Беспредельная любовь К. Кулиева к родному языку, вера в его будущее, дух большого оптимизма не покидали поэта даже в тяжелые годы выселения балкарцев. Он всегда с гордостью отзывался о родном фольклоре и языке. Не упускал случая пропагандировать лучшие образцы устного народного творчества и яркие возможности родного слова. Он, как никто хорошо зная зыбкие нормы молодого литературного языка, призывал своих братьев по перу при отборе лексических средств руководствоваться более или менее устоявшимися нормами словоупотребления. Он на примере своих произведений доказывал, что в неисчерпаемой сокровищнице народного языка для всякого поэта и писателя вполне достаточно таких слов, в которых он найдет необходимое яркое, сильное воплощение своих замыслов.

Как учитель молодой литературной поросли К. Кулиев нацеливал будущих поэтов и писателей на уважительное, бережное отношение к родному языку.

Кайсын Кулиев регулярно приходил в архив нашего института, интересовался им, изучал фольклорные материалы. Он сам был его собирателем. Хорошо знал лучших сказителей и подсказывал их имена молодым фольклористам. Наизусть диктовал варианты уже известных песен, сказок. Пополнял архивные папки пословицами, поговорками. Его великолепные знания балкарской лексики и фразеологии ярко определились тогда, когда КБНИИ приступил к составлению «Толкового словаря карачаево-балкарского языка». Помимо того, что сотрудники отдела расписали почти все произведения К. Кулиева для картотеки Словаря, они почти ежедневно консультировались у него по уточнению значений устаревших слов, диалектизмов, регионализмов и так далее.

Его глубинные знания в области русского языка помогали ученым также перевести сложные термины, названия небесных светил, растений, птиц и животных. Он полушутя, но с восторгом говорил: «Вот и у балкарцев родились Дали, и потому скоро быть Словарю».

Борис Хаджимусаевич КУЛИЕВ (1938)



Борис Кулиев – профессор Северо-Кавказского государственного института искусств, бывший главный режиссер Балкарского театра КБР.

Родился он в Нальчике. В 1944 году был депортирован в Киргизскую ССР, где находился до 1957 года, здесь же окончил среднюю школу.

В 1958 году поступил в Театральное училище им. Щепкина в Москве, которое окончил в 1963 году. По возвращении в Нальчик работал актером Театра им. Шогенцукова.

В 1964 году поступил на режиссерский факультет ГИТИСа им. А. В. Луначарского в Москве. С 1969-го стал работать режиссером в Театре им. Шогенцукова города Нальчика.

В 1976 году поступил на Высшие режиссерские курсы ГИТИСа им. А. В. Луначарского, по окончании которых был назначен главным режиссером Балкарского театра.

В 1985 году прошел стажировку в Академическом Малом театре СССР.

Звание народного артиста КБАССР ему было присвоено в 1981 году.

С 1991 года стал работать в качестве преподавателя Института искусств.

С Кайсыном Кулиевым он находился в родственных отношениях, считается его племянником. Семьи Кулиевых дружили, помогали друг другу в трудные времена, когда находились в депортации. Тесные родственные связи сохранились и после возвращения в Нальчик.

Кулиев ценил талант Бориса Кулиева, постоянно ему советовал учиться актерскому и режиссерскому мастерству, гордился им, своим даровитым племянником.

Будучи уже профессором, Борис Хаджимусаевич поделился своими воспоминаниями о прославленном поэте Кайсыне Кулиеве.

КАЙСЫН КУЛИЕВ И БАЛКАРСКИЙ ТЕАТР

Кайсын Шуваевич Кулиев имел обыкновение приходить на репетиции балкарской труппы. Как-то однажды, это было в 1968 году, Кайсын Шуваевич, зная, что я репетирую трагедию «Поэма о любви», подготовленную Ибрагимом Маммеевым по поэме Кязима Мечиева «Бузжигит», пришел в театр. Посмотрев прогон спектакля, он сделал весьма существенные замечания и неожиданно сказал, что обдумывает план трагедии, которая будет называться «Колыбельная», и что главной героиней трагедии будет балкарская мать, чьей силе и самоотверженности обязан генофонд нации своим выживанием в годы Великой Отечественной войны и в период ссылки на чужбину. Развивая тему матери, он упомянул имя Федерико Гарсиа Лорки, чье творчество высоко ценил, а трагедию «Кровавая свадьба» считал шедевром драматургии. Как известно, Гарсиа Лорка взял сюжет из жизни испанских цыган, конфликт пьесы построен по классическому образцу; идея трагедии – кровавая месть – для балкарского народа давно утеряла свою актуальность и проблематичность. Об этом Кайсын Шуваевич упомянул вскользь, а упор в своих рассуждениях сделал на фантасмагории, имеющей место в этой непростой трагедии. Рассуждая о сюрреализме в поэзии тех лет, о дружбе Лорки с Сальвадором Дали, он анализировал те аллегорические фигуры, что были в пьесе, и их значимость в поисках поэтического содержания при постановке. Кулиев говорил, что в «Кровавой свадьбе» есть некий поэтический мир, усугубляемый аллегорическими фигурами Смерти, Молодого Месяца, несущими в себе Энергетику Вечности, а над всем этим витающий Неотвратимый Рок, Надвигающаяся Смерть как конечная субстанция. Всему этому требовались надреалистические средства выразительности, это было очевидно, и мне понадобились годы, чтобы найти их. «Без этого невозможно решение спектакля, как и создание его художественной целостности»,– убежденно сказал Кайсын.

Теперь, все чаще задумываясь над рассуждениями Кайсына Шуваевича о Матери, я понимаю, как он был прав! Образ Матери и для меня в решении будущего спектакля постепенно становился незримой поэтической осью,

вокруг которой и должен строиться художественный мир. Сознаю, что эта поэтическая ось берет начало в «Романсьеро»Гарсиа Лорки, арию которого я имел счастье слушать в исполнении Кайсына Шуваевича в процессе работы над спектаклем,– перевод пьесы был осуществлен им по моей просьбе. Именно из этих для меня счастливых мгновений родилось поэтическое решение спектакля: издалека звучало «Болеро» Мориса Равеля, на выжженную степь огромной тенью ложился крест из ярких бумажных цветов, под которым вращалось колесо – символ жизни и символ Театра Лорки «Ла Баррака», выходила в черном одеянии Мать, наперед знающая неотвратимость Смерти, воображением которой появлялись аллегорические фигуры, создавая нужную атмосферу трагизма, пронизывающего все творчество Федерико Гарсиа Лорки. Все это мастерски описал и воссоздал в своем воображении великий поэт Кайсын Кулиев и передал мне, убеждая не изменять что-либо в спектакле.

С глубокой грустью вспоминаю безвременно ушедшего моего любимого дядю и думаю о его несбывшейся мечте – написать свою трагедию, которую он хотел назвать «Колыбельная». Помню и то, как на премьере «Кровавой свадьбы» Кайсын Шуваевич сильно переживал и даже плакал.

Зариф Абдул-Керимович БАПИНАЕВ (1954)

Зариф Бапинаев – заслуженный артист Российской Федерации, директор Балкарского государственного драматического театра им. Кайсына Кулиева.

С именем прославленного поэта связана почти вся жизнь Зарифа. Оба они из одного села Эль-Тюбю, неповторимая природа которого в самом их раннем детстве наложила свой отпечаток на души впечатлительных мальчиков. Вспоминая о Кайсыне, будучи уже образованным и заслуженным артистом России, Зариф Бапинаев сказал, что для него, как и для Кайсына, нет ничего лучше и дороже родных мест:

Гляжу: красота – в лунном
свете гряда!
Под этим сияньем
я счастлив всегда.

Перевел *Д. Долинский*

Село Верхний Чегем для Зарифа родное, как и Булунгуевская средняя школа, которую он окончил в 1971 году. В этом же году поступил в Нальчикское музыкальное училище на вокальное отделение. Но вскоре одаренного юношу ждала воинская служба, и, прервав учебу, он отправился служить в ряды Советской Армии. Воинская служба его прошла в ГДР. В 1974 году Зариф демобилизовался, и его пригласили в Балкарский госдрамтеатр в качестве актера вспомогательного состава. Зариф Абдул-Керимович обладал разнообразными дарованиями и легко в 1981 году, без отрыва от работы, поступил в ГИТИС им. А. В. Луначарского, на отделение актерского факультета, где когда-то учился и Кайсын Кулиев. Через пять лет Зариф успешно окончил факультет данного института, вернулся в Нальчик и стал работать в госфилармонии КБР в качестве «конферансье-ведущий» эстрадных концертов. Однако любимую профессию он не мог отодвинуть на второй план: она была неотделима от его творческой работы, и в 1990 году Зариф вернулся обратно в театр, в котором работал по своей специальности. В 1996 году его назначили директором Драмтеатра им. Кайсына Кулиева.

«Мы из одного села» – так озаглавил свои воспоминания Зариф Бапинаев.

МЫ ИЗ ОДНОГО СЕЛА

Впервые я увидел Кайсына Кулиева в своем родном селе в 1963 году, тогда я учился в третьем классе. Это было в мае. Он приехал в Эль-Тюбю со своими родственниками – Исмаилом Кулиевым и Сафарбием Кудаевым.

Май в горах – это самое прекрасное время года, когда буйные краски природы поднимают настроение людям и особенно влияют на детвору. В тот день мы играли во дворе школы в «чурки». Кайсын Кулиев в каждый свой приезд заходил в школу, интересовался нуждами школы, беседовал с учителями. На этот раз он тоже зашел и стал смотреть, как мы играем. Видимо, его заинтересовали детали игры, он подошел к нам ближе и сказал: «Разрешите мне поиграть вместе с вами, и я покажу вам, как надо правильно играть. Я тоже играл в детстве со своими ровесниками в эту же игру». Мы были несколько озадачены тем, что взрослый человек, известный нам поэт (стихи его мы учили наизусть с первого класса) решил с нами поиграть. Сначала он нам показал, как надо кидать палку и метко попадать в чурки. И каждый раз он точно попадал. Мы пришли в восторг, громко смеялись, а некоторые даже визжали от удовольствия. Кайсыну, вероятно, нравилось наше состояние, он тоже смеялся и говорил: «Возьмите меня в свою команду, я буду приносить вам очки и почаще приезжать в свое родное село. А потом вызовем на соревнование учеников Булунгуевской школы». Мы, дети, верили, что так и будет.

Но годы шли... Поэт становился все более известным и прославленным, не утратив простоты и детского удивления всему живому. Мне часто вспоминаются его стихи, которые близки нам всем:

Немало с той поры всего минуло,
Но не забыть, как сорок лет назад
Был я любимцем всех собак аула,
Как на груди зимою грел ягнят.

Перевел *Н. Гребнев*

Второй раз мы с Кайсыном встретились, когда я учился в 10-м классе. Летом я и мои сверстники вместе со взрос-

лыми отправлялись на сенокос в горы. Это место, расположенное против нашего села, называется Чегет-Баши. Кайсын любил горы и тех, кто жил и работал в горах, поэтому он и писал: «Зелень долин, снега вершин, синева неба, темные силуэты сторожевых башен в ущельях... Вечное безмолвие камня и веселый звон ручьев... Кабардино-Балкария! Как она прекрасна в своих контрастах! Как неповторим ее облик!» Поэтому он и поднимался в горы, чтобы отдохнуть душой и пообщаться с простыми тружениками, со своими дорогими односельчанами.

Так было и на этот раз, в августе, когда сенокос был в разгаре. Появился он в белом костюме, веселый, приветливый. Подошел сначала к старикам-косарям, каждому пожал руку, обнял, сказал ласковые слова, поздравил с началом сенокоса, пожелал удачных сенокосных дней и обильных кормов для зимовки скота. Потом снял пиджак, засучил рукава белоснежной рубашки, засмеялся и попросил косу у старшего в ряду «жыйын-башчы» и стал косить. За ним пошли все косари, признав в нем «вожака» – «жыйын-башчы». Кайсын на склоне горы Чегет-Баши прошел несколько рядов, чем удивил всех нас: он умело точил косу, уверенно сохранял ряд и косил без огрехов, чисто. На привале он лег на свежескошенную траву, с удовольствием вдыхал ее аромат и восхищался неповторимым запахом родной земли. Потом лег на спину и долго смотрел в синеву неба. Он молчал, как и все мы. Тогда, мне кажется, у него и родились эти удивительные строки:

Земля, твой камень трону я рукой,
Коснусь травы, вдохну прохладу сада,
Твой день и ночь, покой и непокой –
Все для меня и благо и награда.

Перевел *Н. Гребнев*

Вспоминается мне и другой случай в моей жизни. Я отслужил в рядах Советской Армии, вернулся домой и некоторое время жил в селе, наслаждаясь свободой. Я гордился тем, что честно выполнил свой гражданский долг перед Родиной. Вместе со своими ровесниками мы решили посидеть на лоне природы и отметить мое возвра-

щение. Зарезали барана, сварили его в казане и сделали шашлыки. В это время на наше счастье приехал Кулиев с какими-то своими московскими гостями (жалею до сих пор, что я не спросил их имен, так как постеснялся обратиться к ним). Мы увидели белую «Волгу», которая остановилась возле нас. Из нее вышел Кайсын и его три друга. Мы побежали к ним и пригласили их к себе. Кайсын согласился и вместе с гостями принял участие в нашей трапезе. Вскоре пришли девушки и принесли хичины, поставив их перед гостями, которые стали брать хичины вилками. Поэт посмотрел на них и тихо сказал мне на балкарском языке: «Племянник, убери все вилки!– и, обращаясь к гостям, прибавил:– Хичины – это национальное балкарское блюдо, которое берут руками, вот так!» Он показал, как надо есть хичины, макая их в сливочное масло и сметану. После этого подали вареное мясо с тузлуком. Кайсын Шуваевич также продемонстрировал процесс обращения с бараниной: «Вот так едят мясо горцы и запивают шипучим айраном в деревянной кружке – гоппане». Все действия поэта гости послушно повторяли за ним и хвалили: «Великолепный охладительный напиток. Нельзя ли узнать рецепт его приготовления? Могли бы в Москве его изготовить так, как ваши горянки?» Кулиев добродушно шутил: «Нет, секрет мы не дадим. Достаточно того, что русский царь 150 лет тому назад прислал посла, до этого долго жившего среди балкарцев. Ему было поручено узнать секрет приготовления айрана. Когда уезжал посол, он украл «гыпы» (закваску), и тогда в России стали приготовлять кефир. Этого для вас достаточно, мои дорогие гости!»

Не могу не вспомнить и другое. Я, как и Кайсын в детстве, был маленьким ашугом и часто пел своим школьным друзьям. Любил также слушать старинные народные песни. Все говорили мне, чтобы я стал певцом, что я и сделал, поступив на вокальное отделение музыкального училища Нальчика. Читая Кулиева в подлиннике и в переводах, я чувствовал музыкальность его стиха, какую-то свою напевность. Поэтому уже в начальной школе я пел песни на стихи Кулиева, такие, как «Знамя нашей жизни», «Длинный год», «Песенка горной речушки», «Снежок», «Песенка мальчика, едущего на ослике». Эти песни журналист Ануар Улаков, работавший в ра-

диокомитете, записал, и их иногда передавали по радио, к моей несказанной радости. Знал об этом и Кайсын Кулиев. Он одобрял меня и всячески поддерживал, уверяя, что у меня есть музыкальное дарование. Я благодарен Кайсыну Шуваевичу за его высокую оценку моих скромных возможностей и всю жизнь ему обязан за то, что он меня вдохновил и направил по правильному пути. Я нашел свое призвание, и работа моя мне всегда доставляла удовольствие и радость.

С Кайсыном Кулиевым встреч у меня было много. Так, после просмотра спектакля «Тени» Жагафара Токумаева, в котором я играл одну из ролей, мы поехали на дачу Токумаева в Долинск, чтобы отметить успех автора пьесы. В числе гостей был и Кайсын Кулиев, которому предложили быть на застолье тамадой. Он отказался и сказал: «Я еще молод и хочу сидеть с молодыми. А тамадой пусть будет Сафар Макитов, советником его – Ахия Ахматов». Так оно и было. Кайсын, наш любимый поэт, был с нами. Он шутил, много смеялся, говорил приятные вещи в адрес каждого из молодых людей, хвалил артистов, которые играли в спектакле, произнес тост в честь Жагафара Токумаева. Обращаясь ко мне, он вспомнил наши встречи в школе, когда мы, дети, играли в «чурки», на сенокосе, вспомнил, как отмечали на природе мое возвращение из армии, когда он присоединился к нам вместе со своими гостями из Москвы. И добавил: «Как быстро пролетело время... Я постарел, а ты стал известным артистом и певцом! Зариф, у тебя будет большое будущее, у тебя есть талант, но только надо его беречь и неустанно работать над собой, над совершенствованием своего мастерства».

Евгения Мухарбиевна БОТТАЕВА (1938)

Евгения Боттаева почти всю свою жизнь проработала библиотекарем в Кабардино-Балкарском государственном университете. Была простым библиотекарем, старшим библиотекарем и завотделом в той же библиотеке. Вышла на пенсию в 1997 году. Жизнь этой удивительной женщины-труженицы прошла среди книг, молодежи, которую она обслуживала, которой советовала, что почитать, как лучше подготовиться к сессии. Ее доброта и душевность, отзывчивость и терпение снискали ей всеобщее уважение среди читателей и преподавателей университета. Высокий профессионализм, глубокое знание литературы она передала как бы по наследству своим младшим коллегам. Она не раз говорила: «Университет – это храм науки. И он начинается с библиотеки, как театр с вешалки и зеркал в фойе».

В свое время Евгения Мухарбиевна поступила на очное отделение Московского института культуры и успешно закончила его библиотечное отделение в 1968 году. Столичное четырехгодичное обучение дало многое молодой горянке, родившейся в селении Нижний Черек, мечтавшей получить высшее образование в Москве. Мечты ее осуществились. Атмосфера высокой культуры, взаимопонимание ровесников оставили свой след в последующей биографии Евгении Боттаевой. Студенческие годы она вспоминает с радостью и с удовольствием рассказывает о встречах с замечательными писателями и поэтами, которые тогда охотно приходили на встречи с молодежью. Тогда-то и состоялась встреча с прославленным Кайсыном Кулиевым, который покорил земляков простотой обхождения, чуткостью своей души, умением преодолеть застенчивость и робость тех горянок, которые приехали учиться в Москву из отдаленных сел и еще робели перед знаменитостями.

Воспоминания Евгении Боттаевой интересны, они – тоже страница биографии поэта.

О КАЙСЫНЕ КУЛИЕВЕ

Из массово-воспитательных мероприятий в 50–60-е годы были очень популярными встречи с писателями или читательские конференции. На одном из таких мероприятий я впервые услышала стихи Кайсына Кулиева в исполнении самого автора. Читал он превосходно на русском и балкарском языках. Я была поражена умению так преподносить слушателям свои произведения, свои мысли.

За прошедшие более 30 лет, когда мне удавалось, я всегда старалась присутствовать на подобных встречах, так как я люблю литературу и мне всегда было интересно слушать писателей. Признаюсь, что люблю больше прозу, но стихи Кулиева покорили меня, и не любить их невозможно. Я стала брать его сборники стихов и читать, наслаждаясь его умением проникнуть в тайный мир человеческой жизни.

На встречах с читателями и поклонниками его поэтического дара меня всегда удивляло, как он быстро умел находить подход к любой аудитории и создавать на этих встречах особый микроклимат, после чего каждый человек уходил просветленным, духовно обогащенным, по-новому осмысливающим свою жизнь, свои поступки и действия.

Особенно мне запомнились две встречи в Москве, когда я училась в Институте культуры в 1964–1968 годах. Одна из них произошла в Доме литераторов и вторая – в Библиотеке им. Некрасова. В Доме литераторов был не только Кайсын Кулиев. Вместе с ним были и другие наши писатели, поэты. Выступали все со своими произведениями, но мне казалось, что Кайсын Шуваевич читал лучше всех и его воспринимали лучше, понимая каждое его слово, так как он знал, где ставить логическое ударение, чтобы стих звучал выразительно. После встречи он подошел к нам, студентам Института культуры, и каждому из нас пожал руку, сказав при этом доброе слово, пожелал здоровья, успехов, счастья, удач, встреч с родными, успешной сессии и т. д. Внимание к людям, которые находились далеко от дома, стоит дорого. Такое внимание запоминается на всю жизнь. А со стороны такого известнейшего и авторитетного поэта, как Кайсын Кулиев,– тем более!

В некрасовской библиотеке я тоже была на встрече с Кайсыном Кулиевым: сидела в зале рядом с другими, подобными мне, студентами и любителями поэзии. Весь большой зал был заполнен, и, как всегда, Кулиеву задавали много вопросов: о его жизни, учебе в Москве, о его работе, семье, увлечениях, почему он стал поэтом, а не актером и т. д. Кайсын Шуваевич отвечал на все вопросы, читал стихи на русском языке в переводах Н. Гребнева, Я. Козловского, Н. Коржавина. Мне хотелось выступить и поблагодарить поэта, но я стеснялась. И как я была благодарна одной молодой женщине, которая встала и сказала то, о чем думала я: «Как божественно звучат ваши стихи на русском языке! Наверное, на родном языке они еще более чудесны! Читая ваши стихи и слушая вас сейчас, у меня на душе становится светлее и я испытываю такое волнение, что слово не могу сказать: горло перехватывает от внутренних рыданий. По стихам видно, сколько вам пришлось пережить, испытать. Ничто вас не сломило. Вы остались жизнерадостным, жизнелюбивым человеком. Этот мотив жизнеутверждения звучит в ваших прекрасных стихах. Спасибо вам!»

После окончания института я вернулась в Кабардино-Балкарию и стала работать по своей профессии в библиотеке Кабардино-Балкарского госуниверситета. Много раз мне приходилось оформлять стенды, выставки, приуроченные к дате его рождения, организовывать встречи с ним, так как он часто приходил в университет и встречался со студентами. Меня он узнал, вспомнил, что я была на вечере-встрече с ним в Москве, и как-то тепло, почти по-родственному, расспрашивал меня о работе, ласково называя меня «келимчик». Если при встречах с ним были другие писатели, то он представлял меня им, знакомил и всегда говорил, что я мужественная женщина, достойная уважения и восхищения: имея ребенка, смогла уехать в Москву и закончить там Институт культуры! И еще много говорил добрых слов. Его внимание всегда вселяло в меня уверенность, какую-то внутреннюю силу, и я гордилась тем, что Кайсын Кулиев пожимает мне руку и интересуется моей жизнью!

Моя последняя выставка о Кайсыне Кулиеве называлась «Остаться в памяти людской». Она была оформлена в актовом зале университета, когда отмечалось 80-летие

со дня рождения поэта и кафедра философии проводила научно-теоретическую конференцию, посвященную этой дате. Профессор С. И. Эфендиев сделал тогда содержательный доклад «Кайсын Кулиев и проблемы национального возрождения». Выставка моя имела большой успех: были экспонированы многочисленные книги поэта, фотографии разных лет, иллюстрации, монографии, написанные о нем С. К. Башиевой, Н. М. Байрамуковой, Т. Е. Эфендиевой, Ст. Рассадиным; книга воспоминаний, подготовленная его дочерью Ж. Кулиевой «Остаться в памяти людской» (Нальчик: Эльбрус, 1987).

Всегда со щемящей болью думаю о том, как рано он ушел из жизни, как рано!

Аминат Абдулаевна
БИТТИРОВА
(1955)

Аминат Биттирова – известный прозаик. Родилась в 1955 году в Киргизии. В 1957 году ее родители, как и все репрессированные балкарцы, вернулись на родину. В селении Белая Речка в 1972 году она закончила среднюю школу № 15. В 1975 году поступила в Литературный институт им. М. Горького в Москве. После окончания института работала на республиканском телевидении, в Госкомиздате по делам полиграфии и книжной торговли. Последние годы работает редактором отдела культуры газеты «Заман». Автор сборника рассказов «Блаженные попадают в рай» (1988).

Аминат Абдулаевна лично знала Кайсына Кулиева, училась в том же Литературном институте, где когда-то учился поэт. В своих воспоминаниях она рассказала о том, как встречалась на творческих вечерах с Кайсыном, какое впечатление он производил на присутствующих своим чтением стихов, как любили и ценили его студенты...

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О КАЙСЫНЕ КУЛИЕВЕ

Москва. Тверской бульвар, 25. Вот по этому адресу находится единственный в мире Литературный институт им. М. Горького. Здесь учились многие знаменитости, впоследствии прославившиеся на весь мир. Этот институт, открывший дорогу многим талантам в мировую литературу, вдохновляющий, освещающий дорогу, окрыляющий... Первым же балкарцем, переступившим порог этого замечательного Литинститута, был Кайсын Кулиев...

Поступившие в Литературный институт обычно в начале учебного года организовывали вечер-знакомство. Здесь каждый первокурсник показывал свой талант – один пел, другой танцевал, читали стихи, играли на музы-

кальных инструментах. В общем, был, что называется, большой интернациональный праздник... На нем присутствовали ректор, преподаватели и студенты института. Так творчески знакомились руководство института с первокурсниками. Это было установившейся традицией. И эти вечера были незабываемы.

Наш традиционный вечер знакомства с первокурсниками проходил в общежитии Литинститута по ул. Добролюбова, 9/11, в сентябре 1975 года. Выступающие вырядились в свои национальные одежды – это было многонациональное студенчество. В зале не было ни одного свободного места, а ректор Владимир Федорович Пименов сидел в первом ряду и с удовольствием созерцал происходящее на сцене. Осетинка Тамара Дзагкоева, адыгейка Мульят Емиж и я, балкарка Аминат Биттирова, вышли на сцену и спели известную и любимую нами всеми песню о Кавказе:

Расцветает наш Кавказ,
Много девушек у нас.
Если любишь ты меня, Мадина,
То другого позабудь,–

пели мы в два голоса с Мульят, а Тамара играла на домре и подпевала нам. Тамара и Мульят прекрасно играли на гармошке, гитаре и домре. В общем, получилось так, что мы пели, танцевали и аккомпаниаторы тоже у нас были свои. В зале были в восторге, долго рукоплескали...

В конце вечера на сцену вышел ректор института Владимир Федорович и сказал:

– Я желаю, чтобы в высоких, красивых горах замечательного Кайсына, моего друга, и Расула всегда звучали песни и танцы, как сегодня. Чтобы там всегда был такой же праздник, как сегодня у нас. Наши девушки-горянки очень удивили и обрадовали нас всех. Я восхищен, как красиво станцевали и спели вместе представительницы трех народов Кавказа (и как только он успел разузнать, кто мы есть?). Пусть крепнет эта дружба. А Литературный институт, я верю, всегда будет кузницей дружбы между народами...

А после этого, встречаясь с нами в институте, Влади-

мир Федорович узнавал нас и, приветливо здороваясь, непременно спрашивал:

– Ну как, мои горянки, нравится вам здесь? Как дела в институте? Вы не стесняйтесь, говорите... Здесь учился мой прекрасный друг Кайсын Кулиев. А вы, его землячки, дочери гордого Кавказа, должны прославлять свою национальную литературу и наш институт...

Киргиз Чингиз Айтматов, башкир Мустай Карим, аварец Расул Гамзатов, казах Олжас Сулейменов, абхазец Фазиль Искандер, кабардинец Алим Кешоков, калмык Давид Кугультинов, русские – Лев Ошанин, Роберт Рождественский и многие другие были с Кайсыном в крепкой дружбе. Даже среди этих знаменитостей к Кайсыну было какое-то особое теплое уважение. Это сразу бросалось в глаза. Он был как бы центром притяжения для всех, как будто из-за него они собирались все вместе на его праздник... Сколько раз аплодировали в Центральном Доме литераторов, какой почет оказывали представителям нашей многонациональной литературы! Воистину, это место было храмом настоящей и искренней дружбы между народами тогдашнего СССР.

Студенты Литинститута почти всегда присутствовали на творческих вечерах, проводимых в ЦДЛ. Там собирался весь цвет нашей многонациональной литературы. Если ведущий предоставлял слово великому сыну балкарского народа Кайсыну Кулиеву, зал буквально замирал, мгновенно замолкали самые из говорливых. Какая-то невидимая сила притягивала людей к нему – так он умел овладеть вниманием всего зала. Он читал свои стихи как талантливейший артист. И не было случая, чтобы Кайсын не прочитал свои стихи по-балкарски. В зале же слушали, затаив дыхание, боясь пропустить хоть слово,– все хотели слышать балкарскую речь великого поэта современности. В этом огромном внимании к поэту сидящих в зале было уважение к нему, как к человеку, к его поэзии, к его народу, к его прославленному на весь мир Чегему. Поэта встречали особенно тепло и сидящие в президиуме собратья по перу.

Мы же, студенты-балкарцы, сидящие в зале, были безмерно счастливы и горды тем, что нашему земляку оказывают такой особенный почет. Вдруг обрывались овации, услышав его голос, повторюсь, – боялись пропустить

хоть одно кайсыновское слово. А во время перерыва его окружала толпа. Те, кто успевал поздороваться с ним за руку или просто познакомиться, считал себя осчастливленным. «Этот большой известный поэт даже со мной поздоровался за руку и даже нашел время побеседовать»,– поражались они и, радуясь этому событию, рассказывали другим, как они познакомились со знаменитым Кайсыном Кулиевым.

Я по сей день удивляюсь тому, как одинаково любило и почитало его многонациональное студенчество Литинститута. Здесь у балкарцев-студентов просили достать сборник стихов Кайсына. Студенты из Средней Азии, Казахстана и Прибалтики привозили с собой книги Чингиза Айтматова, Омара Хайяма, Алишера Навои, т. е. своих национальных кумиров, чьи произведения они более всех ценили. И в общежитии Литинститута производился обмен книгами. На сборник стихов Кайсына башкиры меняли книги Мустая Карима, калмыки приносили стихи Давида Кугультинова, дагестанцы – Расула Гамзатова и т. д. Украинцы и прибалтийцы, молдаване и белорусы – все интересовались стихами балкарского поэта. И любили его поэзию, и знали.

Как известно, студенты в основном народ общительный. И при знакомстве, едва узнав, что ты по национальности балкарка, задавали традиционные вопросы, типа:

– А-а, так вы из гор Кайсына приехали, да? А что особенного в его Чегемском ущелье и Чегемских горах, что он их так описывает? Когда читаешь его стихи, прямо хочется туда поехать. А где он сам живет – в Чегеме или где? А вы с ним знакомы? Говорят, хоть он знаменитый поэт, а сам очень скромный и простой человек, без амбиций и высокомерия. Так ли это на самом деле?

Было много аналогичных вопросов – люди хотели знать о нем буквально все. Если речь заходила о знаменитостях, при упоминании имени Кайсына о других почти не вспоминали – певец гор затмевал всех, словно талисман успеха везде кружил вокруг его имени.

Я часто вспоминаю один из красивейших концертных залов Москвы – Концертный зал им. П. И. Чайковского, где проходил праздничный 60-летний юбилей Кайсына Кулиева. Там было очень много народу. А в президиуме сидели известные всему миру люди – друзья

Кайсына. Даже среди них он пользовался особым уважением и авторитетом. Люди долго не расходились – настолько был интересен и незабываем этот вечер.

Я часто вспоминаю и наше знакомство. Представители малочисленных народов, обучающиеся в вузах Москвы, вдали от малой родины организовывали встречи-вечера, именуемые землячеством. Вот на одно такое наше землячество в декабре 1977 года был приглашен и Кайсын Кулиев, оказавшийся в то время в Москве. Эта встреча земляков-балкарцев была организована балкарской театральной студией ГИТИСа. Они где-то в Подмосковье раздобыли баранов, приготовили много разнообразных балкарских блюд, а на столе был наш прекраснейший напиток – айран. Кайсын был тамадой вечера. Ему с почетом, как тамаде, преподнесли деревянную кружку, наполненную айраном... Этот прекраснейший оратор, выступавший перед многочисленной и взыскательной аудиторией, и причем много раз, здесь, на землячестве, как будто бы растерялся, не зная с чего начать свою речь... Балкарцев же, студентов и аспирантов, было в зале больше ста человек. Все смотрели на него – что же он скажет? А Кайсын молчал, молчал долго – так много чувств смешалось в нем. Все ждали. Наконец он овладел собой и произнес речь.

– Я очень рад... я просто глазам своим не верю, что в Москве, в столице нашего могущественного государства учится столько балкарской молодежи... Я даже не верю и очень радуюсь, видя вокруг себя вас. Эта радость так переполнила меня, что я по этой причине долго не мог сказать ни слова. Спасибо вам, спасибо и вашим родителям, воспитавшим таких детей. Связь поколений не должна обрываться. Дай Бог, чтобы таких, как вы, было еще больше,– сказал он тогда.

Великий поэт благодарил судьбу и Всевышнего за этот прекрасный случай, когда вдали от родины он может пить балкарский айран в такой праздничной, радующей душу атмосфере.

Помню, как он, гениальный поэт, как очарованный ребенок близко подошел к танцующим и радовался, словно дитя. А зажигающие душу пламенные танцы балкарцев ребята танцевали в честь поэта.

Он был очень доволен этим землячеством, ушел

окрыленный. Выражая свою благодарность, Кайсын не спеша подходил к ребятам и девушкам и со всеми попрощался за руку. А мы все удивлялись и смотрели на него зачарованно: как такой известный и великий поэт так прост и скромен с нами...

Большого поэта уважали по большому счету. Перед ним преклонялись все те, кто его знал. Там, где появлялся Кайсын, становилось празднично и интересно. Он никогда не смотрел на людей свысока – видимо, поэтому так любили и уважали его те, кто его знал и те, кто не был даже знаком с величайшим, гениальным поэтом нашей современности. Кайсын Кулиев умел оставлять в душах людей светлые воспоминания.

Даниял Мусосович КУЛИЕВ
(1929)

Даниял Кулиев родился, как и Кайсын Кулиев, в Верхнем Чегеме, Чегемского района, в селении Эль-Тюбю. Там же и пошел в первый класс. Многие из друзей Данияла Кулиева стали известными и прославленными людьми. А Даниял имел только три класса начальной школы. На этом образование его закончилось, но жизнь обучала его своим нравственным законам. Великая Отечественная война и насильственная высылка родного народа повлияла на судьбу Данияла. В 1944 году он пятнадцатилетним пареньком оказался, как и многие его ровесники, в далеком Казахстане. Детские и юношеские годы его прошли в Джамбульской области, в селе Кара-Тюбе, где жили и работали в колхозе его родители. Наравне с ними трудился на полях и Даниял.

Кайсына Кулиева увидел в 1948 году, когда он приехал из Фрунзе проведать своего двоюродного брата Шамшудина Кулиева. Бывший фронтовик предстал перед восхищенными взорами балкарской детворы во всем блеске: военная форма, ордена и кобура с наганом. «Для нас,– вспоминал позже Даниял,– он олицетворял нашу Красную Армию, наших прославленных командиров. Ведь мы, мальчишки советской эпохи, самозабвенно играли в «красных» и «белых». И всегда побеждали «красные»!

В 1958 году Даниял Кулиев вместе с родителями вернулся на родину. Ехали вместе все Кулиевы – родные и двоюродные братья и сестры. На железнодорожном вокзале их встретил Кайсын, затем все поехали в Чегем I, там и разместились кто у кого. Помогал им Мусаби Ахметов, первый секретарь райкома. Абубекир Кулиев, старший брат Кайсына, прожил в этом селе всю жизнь, там он обрел и вечный покой. Жила в Чегеме I и сестра Кайсына – Кани. Даниял жил со своей семьей в этом селе до 1970 года, работал в колхозе на пилораме, плотничал. Потом переехал в Нальчик и стал работать шофером. Когда Кайсын был тяжело болен, Даниял находился при нем почти неотлучно, по просьбе поэта выводил (а потом и выносил) его в сад. Они сидели в беседке, вспоминали молодость, соседей, друзей...

ОН ХОДИЛ СО МНОЙ НА ОХОТУ

Я – один из ближайших родственников Кайсына Кулиева. Я знал, поэт любил меня и часто встречался со мной в свои приезды в Верхний Чегем. Наши родительские дома были рядом, мы росли вместе «на земле и солнечной, и снежной», где «в соседстве камень с виноградом», как об этом скажет позже Кайсын. Я имею самое непосредственное отношение к великому Кайсыну Кулиеву, ставшему вровень с самыми известными поэтами XX века. Тогда мы не могли знать об этом, тем более предположить, что Кайсын будет знаменитым, однако были уверены в одном – в искренней любви и дружеском расположении ко мне и к моей младшей сестре Аминат Мусосовне, вышедшей замуж за Бориса Исламовича Эфендиева из Кашхатау.

Моя сестра, Аминат Мусосовна, тоже, как и Кайсын Кулиев, происходила из известного древнего рода Кулиевых. Она ему доводилась двоюродной сестрой. От нашего отца, Мусоса Кулиева, она унаследовала многие черты характера, которые проявились на ее трудном жизненном пути. Аминат Кулиева умело управлялась с хозяйством и воспитанием детей. Дети ее, Рашид и Жанна, росли трудолюбивыми и целенаправленными. Оба они получили высшее образование. Жанна, окончив школу с золотой медалью, поступила на медфак, стала врачом, ее старший брат Рашид стал инженером. Это племянники Кайсына Кулиева. Он их хорошо знал и всегда был желанным гостем в доме Аминат. Он-то и спас жизнь Аминат. Когда ей потребовалась немедленная медицинская помощь, Кайсын не растерялся, вызвал «скорую помощь» и отвез Аминат в спецбольницу работников обкома партии. Врачи потом говорили, что все решали какие-то минуты: жить ей или не жить.

В моей памяти Кайсын остался решительным и волевым человеком. Таким он был и на охоте, когда «увязался» за мной. Но я-то знал, что идет он на охоту со мной ради интереса чисто психологического свойства. Убивать животных Кайсын не умел и не хотел. Он был, на мой взгляд, глубоко верующим человеком, слишком добрым по характеру и, кроме того, у него не было никакой необходимости добывать себе пропитание таким

путем. Другое дело – я, простой шофер, отец многочисленного семейства. У меня пятеро дочерей и один сын. Теперь уже и много внуков. Тогда, приезжая к нам в гости, Кайсын отдыхал душой в моем шумном, веселом семействе. Дети ходили за ним по пятам, потому что поэт всегда привозил им гостинцы. Он любил во всем простоту, душевность и искренность. И стихи его были такими. Однажды он мне прочитал стихотворение «Погонщики мулов» (1967), и его я запомнил на всю жизнь. «Да это же про меня и моих друзей, о наших простых крестьянах»,– думал я.

Там, впереди,– очертанья аулов.
В сумерках смутно дорога видна.
Пляшут крестьяне, погонщики мулов,
Пляшут, слегка захмелев от вина.

Будто старухи, и жены и вдовы
Разом утратили злость языка,
Будто у каждого стали коровы
В три раза больше давать молока.

Будто в них новые силы вдохнуло
Счастье, которому имени нет.
Выпили горцы, погонщики мулов,
Пляшут, как будто не ведали бед...

Перевел *С. Липкин*

Исхак Махмудович ГАЗАЕВ (1934)

Исхак Газаев работал около 40 лет учителем и заведующим начальной школы в Верхнем Чегеме в селении Эль-Тюбю, на родине Кайсына Шуваевича Кулиева.

Он родился в трудовой крестьянской семье скотовода Махмуда Газаева. Исхак, как и Кайсын Кулиев, рос среди сказочных, суровых и высоких скал, где протекала по глубокой расщелине чистая, певучая речка Жилки, которую не раз воспел Кайсын Кулиев в своих стихах. Эта горная речка разделяет маленькое село на две части.

Исхак, будучи учеником 3-го класса, в 1944 году вместе с родителями был депортирован в Казахстан. Семья Газаевых попала в Курдайский район Джамбульской области. С десятилетнего возраста Исхак работал наравне со взрослыми, испытав на себе всю нужду и горе народа. Он рано повзрослел.

В 1956 году Исхак Газаев окончил среднюю школу и успешно сдал вступительные экзамены в Казахский госуниверситет на физико-математический факультет. Но его не приняли как спецпереселенца.

В 1958 году он вместе с семьей возвратился на родину в село Эль-Тюбю. В этом же году он поступил учиться в педучилище города Нальчика, которое вскоре успешно окончил, и стал работать учителем в своем родном селе. Потом был Кабардино-Балкарский госуниверситет – отделение балкарского языка и литературы. Со временем Исхак Газаев стал опытным педагогом и пользовался заслуженным авторитетом и уважением среди своих коллег и жителей села. Неоднократно был награжден Почетными и благодарственными грамотами Министерства просвещения КБР.

Кайсын Кулиев часто приезжал в родное село и каждый раз заходил в школу со своими друзьями, интересовался учебой детей, выяснял, в чем нуждается школа.

Исхак Газаев хорошо знал поэта, поэтому тоже записал свои воспоминания о нем.

ПОЭТ КОСИЛ СЕНО ВМЕСТЕ С НАМИ

В детстве я не знал Кайсына Шуваевича и никогда не видел его, хотя мы родились в одном селе Эль-Тюбю. Но я учился в той же школе до третьего класса, в которой учился когда-то Кайсын.

После выселения продолжил учебу в школе Курдайского района Джамбульской области Казахстана, где работал учителем мой земляк Саид Османович Шахмурзаев, видный просветитель Балкарии и один из основоположников балкарской литературы. Он нам, ученикам школы, рассказывал о талантливом молодом балкарском поэте Кайсыне Кулиеве, который с 1941 года сражался на фронтах Великой Отечественной войны. Он-то и познакомил нас со стихами Кулиева и часто давал свои стихи читать нам. Мы гордились, что у нас есть свои знакомые поэты и дома рассказывали родителям о них. Родители наши знали, что Саид Шахмурзаев является одним из прославленных поэтов в 30-е годы и большим знатоком фольклора и истории нашего народа.

В 1955 году я узнал от Саида Османовича Шахмурзаева, что во Фрунзе вышла книга балкарских писателей «Жашаубузны байрагъы» («Знамя нашей жизни»). В ней были опубликованы стихи К. Отарова, К. Кулиева и некоторых других балкарских поэтов. Чтобы купить эту книгу и встретиться с К. Кулиевым и К. Отаровым, я приехал из Курдайского района, преодолев 80 километров, во Фрунзе. Книгу я купил, но не смог встретиться с теми, ради которых я приехал: их во Фрунзе не было. Читая книгу, радовался ей, как встрече с другом, но был огорчен, что не увидел Кайсына Кулиева и Керима Отарова.

Однажды мы услышали, что в селение Каракундуз, Курдайского района, приехал Кулиев, чтобы навестить своих родственников. И мы решили поехать в это село. Когда мы пришли к дому, где находился Кулиев, то увидели много людей, которые хотели встретиться с Кулиевым и расспросить о своих друзьях, родственниках, знакомых. Кайсын Кулиев, как мы узнали, находился среди самых почетных гостей, в основном пожилого возраста. Мы знали горский этикет и ждали почти до самого вечера, пока старший брат Кайсына Кулиева – Абубекир Ку-

лиев – не позвал нас всех в комнату и не представил Кайсыну Шуваевичу. Так состоялось мое первое знакомство с поэтом. До сих пор помню, как нам навстречу шел высокий, стройный, с густой шевелюрой, доброжелательно улыбающийся, красивый молодой мужчина. Он каждого из нас обнял, говорил какие-то приветливые слова, расспрашивал нас обо всем: учимся ли мы или работаем, как дальше думаем жить и т. д. Кайсын нам сказал и то, о чем мы мечтали: скоро все мы возвратимся в родные края – на Кавказ. Мы верили ему и сообщили, что и в наших краях многие балкарцы «уже сидят на чемоданах», т. е. собираются на родину. «Учиться будем там»,– ответили мы. Кулиев сказал: «Это очень хорошо. Вы, молодые, обязательно должны учиться, это долг каждого из вас перед народом, потерявшим так много».

Прошли годы. Я уже окончил в Нальчике педучилище, заочно учился в университете и работал в Эль-Тюбю учителем начальной школы, радовался своему счастью, тому, что несу знания детям своих земляков. Когда Кулиев приезжал в свое родное село, он всегда заходил в школу, разговаривал с учителями и учениками ласково и шутливо. Его приезд был для детей праздником. Часто он приезжал со своими друзьями. Так, 20 мая 1966 года Кулиев пришел в нашу школу с поэтом Михаилом Дудиным. С ними были и два родственника Кайсына – Сагид Кулиев и Сафарби Кудаев. Они привезли для наших учеников подарки. И когда я вышел с урока, то увидел, что гости в коридоре рассматривают фотомонтажи, посвященные истории культуры и дружбы народов Советского Союза. На встрече учащихся с такими дорогими гостями Кайсын Кулиев и Михаил Дудин беседовали с детьми об учебе, о занятиях в свободное время. Дудин просматривал дневники детей, а Кайсын расспрашивал каждого ученика, как его зовут, как фамилия, как имя отца, из какой семьи. Видно было, что Кулиеву все это интересно, потому что поэт хорошо знал по имени каждого жителя старшего возраста и знал родителей учеников. На этой встрече, я помню, мои дети с вдохновением читали стихи Кулиева. Оба поэта внимательно слушали и о чем-то тихо переговаривались. Кайсын, вероятно, вспоминал свое детство, как он учился в этой же школе.

А мне на память приходили слова Кулиева из «Горской поэмы...» в переводе Михаила Дудина:

И в первом классе, праздником даря,
Мне дал учитель книгу и тетрадки.
Я даже в снах картинки букваря
Рассматривал, листая по порядку.

О, книга книг! Утеха из утех!
В душе моей она жива навечно,
Всех книг открытей и красивей всех.
Я ей навек признателен сердечно.

В то время Зариф Бапинаев учился в третьем классе. Он пел для Кайсына, Михаила Дудина и всех других гостей песню на слова Кулиева. Это было известное стихотворение Кулиева «Жауун бла селешиу». Чистый и звонкий голос ребенка взволновал поэтов. Они обнимали Зарифа и предсказали ему необыкновенный путь – он станет артистом и известным певцом. Так оно и случилось. Ныне Зариф Бапинаев самый популярный певец, заслуженный артист России.

Когда мы провожали гостей домой, Кулиев, обращаясь ко мне, сказал: «Эти дети – ростки нашего будущего. Исхак, ты об этом не забывай. Они должны стать не только хорошими людьми, но и прославленными балкарцами, которыми должны гордиться земляки».

После нашей встречи Кулиев повез Михаила Дудина по самым красивым местам Чегемского ущелья, чтобы показать уникальный этнический анклав своего народа. Кайсын говорил Дудину: «Дорогой мой, у горца не было позолоченного бокала, но зато есть и всегда была деревянная чарка, сделанная из балкарского крепкого бука (агъач аякъ). И она во сто крат щедрее. Пей, дорогой друг Миша, шипучий айран и будешь здоров, как наши старики высокогорных сел». Я их сопровождал и до сих пор помню, как Кайсын пил айран, с восторгом смотрел на вершины гор, восхищаясь их красотой, и поминутно обращал на эту красоту внимание Михаила Дудина.

Встреч с Кайсыном Шуваевичем Кулиевым, моим земляком и любимым поэтом, у меня было много. Приезжал он к нам и с Расулом Гамзатовым, и с другими гостями. Когда отмечали его 60-летие, здесь побывали и

Чингиз Айтматов, Мустай Карим, Давид Кугультинов и многие другие прославленные поэты и писатели, критики и литературоведы. Всем было интересно побывать на родине Кайсына, посмотреть его саклю, где жили его предки, побывать в горах на сенокосе, поговорить со старожилами села, испить родниковой воды, сфотографироваться на память среди суровой и величественной природы Кавказа, которую так поэтически представлял Кулиев и о которой так просто писал:

И когда среди трудных дней
Начиналась тоска по ней,

Возникал виденьем родным
Перед грустным взглядом моим

Огород. В огороде – мать.
Весь передник в земле опять.

Вечер. Плотно усевшись в ряд,
Наши куры в сарае спят.

Сто дымков над аулом родным,
И над нашим домиком дым...

Мне вспоминается и еще одна встреча с Кайсыном Шуваевичем. В то время я был на сенокосе вместе с односельчанами на равнине Жарилги, недалеко от нашего села. Был полдень. Мы пообедали и решили отдохнуть. Одни точили косы, другие исправляли ручки, а третьи продолжали косить сено. Я заметил, что в нашу сторону направляются три легковые машины. Вскоре они остановились, и из них вышли люди. Я сразу узнал их. Это был Кайсын Шуваевич, а рядом с ним шли Расул Гамзатов и Мустай Карим.

Кайсын сразу подошел к косарям и сказал: «Ассалам алейкум, тамата! Иш къолай болсун, жашла» («Здравствуйте, тамада! Успехов вам в работе»). Мы окружили гостей. Кайсын продолжал шутить: «Что вы так смутились? Думали, что это едут к вам районные руководители проверять вас? Или нет у вас айрана напоить нас?» Его шутки рассмешили всех, и мы приободрились и вступили с гостями в разговор. Кулиев познакомил нас с Мустаем Каримом и Расулом Гамзатовым.

Обращаясь к поэтам, Кулиев рассказывал, как в Чегемском ущелье и на равнинах удивительно красиво во время сенокоса. «Смотрите,– говорил Кулиев,– какое разноцветье на склонах гор! Это настоящие альпийские луга! Я часто вспоминаю свою молодость, как вместе со старшими косил сено. Косари идут друг за другом, размеренно и медленно двигаясь. Они напоминали мне стаю журавлей, летящих с севера на юг. Все это у меня в памяти. И где бы я ни был, я всегда вспоминаю аромат горных цветов, запах скошенной травы, который чувствуешь всегда на расстоянии. Можно сказать, что это настоящее чудо природы – запах родной земли! Мой друг Мустай живет на равнинном месте, в Башкирии, а мы с тобой, Расул,– в горах. У каждой местности есть свои прелести. Ведь природа такова, что везде есть своеобразие и своя неповторимая красота».

Я, по горскому обычаю, вытащил бурдюк, накрытый скошенной травой, налил в большую деревянную чашку бурлящий, с пеной, холодный айран и предложил гостям. Кайсын протянул чашку Мустаю Кариму, предлагая ему первому выпить айран, и сказал: «Пей, Мустай. Это своего рода тоже кумыс. Попробуй, ничем наш айран не хуже кумыса». И, обращаясь к Расулу, он добавил: «Давай и мы попьем айран, нам тоже полезно».

Далее Кулиев нас всех удивил тем, что обратился к тамаде и попросил разрешения встать во главе косарей. Ему подали косу, и поэт сказал: «Вспомним и мы свою молодость и попробуем вместе идти. Постараюсь не выйти из ряда, а то будет неудобно перед гостями». Поэт стал косить сено впереди нас. Косил он очень хорошо, умело держал косу, косил без огрехов, кидал влево скошенную траву. Все удивлялись, что за столько прошедших лет он не забыл крестьянский труд. Навыки и сноровка, приобретенные в молодости, сохранились. Все мы шли за ним. Он косил без отдыха. Шел легко, размеренно, шагая впереди нас. А мы еле-еле дошли до конца ряда. И говорили друг другу шепотом: «Хорошо, что он у нас не тамада, а то бы из нас Кайсын Шуваевич пот выжимал». Мы видели, что и Мустай Карим, и Расул Гамзатов удивлялись силе и умению Кайсына косить сено в горах. Однако устал и Кайсын. Когда мы закончили ряд, поэт, улыбаясь, сказал: «Где моя молодость?! Кажется, мы стареем. Устал я! Ра-

сул, тебе тоже бы предложил покосить, но наши односельчане-косари убегут от нас. Не будем мы их смущать».

На прощание Кайсын Шуваевич сказал мне: «Хоть ты и молодой, но ты можешь быть тамадой косарей. Дай Бог, чтобы ты был здесь тамадой на долгие годы!– и, обращаясь ко всем, добавил:– Травостой в этом году хороший. Стоят хорошие дни для сенокоса, старайтесь, друзья, и помните, что один летний день стоит одного зимнего месяца».

Кайсын Шуваевич и его друзья направились к машинам. В это время один из косарей сказал, что надо было бы привязать, по горскому обычаю, на руку Кайсына веревку, свитую из скошенной травы, чтобы он не забывал, что, приезжая к косарям, нельзя подходить к ним «с пустыми руками». Кайсын и его друзья были далеко от нас и не могли этого слышать. А в это время Кулиев вытаскивал из машины несколько бутылок водки, а его друзья поднесли подарок «горючего» нам. «Это для вас,– сказали они.– Мы, городские, знаем горские обычаи». Мы благодарили их.

Кайсын Шуваевич – мой земляк. Он остался в моей памяти очень простым, добрым человеком. В нашем селе не было случая, чтобы он не приехал на соболезнование, соблюдал все религиозные ритуалы и обычаи. Душевно беседовал со старшими, пожилыми женщинами, молодыми и детьми. Все мы видели в этом величие поэта, его мудрость и такт.

Никогда не забуду я последний приезд Кайсына Шуваевича в Эль-Тюбю. Это было 20 сентября 1984 года. В этот день мы сидели в «ныгъыше» (место, где собираются люди поговорить). Это центр села, где шумит и стремительно течет речка Жилги. Поэт долго сидел с нами, он был печален. Потом мы пошли с ним к его домику, где он родился. Подниматься вверх ему было трудно, он прихрамывал и опирался на посох. Около дома мы остановились, поэт внимательно осматривал двор, дом, скалы. Смотрел вверх – на плывущие облака, на полет горного орла. Теперь-то я понимаю: поэт приехал, чтобы проститься с родным Чегемом и памятными местами детства. Мне вспоминается стихотворение Кулиева «Старым горским мастерам»:

Я – ваш внук, который рожден
В старом доме, созданном вами.
Пуповиной соединен
С этим краем, с его камнями.

Уезжая, Кулиев сказал нам: «Село наше – самое маленькое в республике, прижатое к этим могучим скалам. Оно расположено на отшибе и кажется, что стоит вне современной цивилизации. Здесь нет даже кинотеатра, библиотеки, сельского клуба, не говоря о больших современных высотных домах, нет и предприятий, больших магазинов. Но в этом селе есть самая маленькая на Северном Кавказе начальная школа с карликовыми классами. Но она является единственным очагом культуры для жителей села. Дай Аллах, чтобы он никогда не погас, согревал души детей и открывал им глаза в большой мир и культуру человечества.

Помните, что это село – это родина классика балкарской литературы – Саида Шахмурзаева и активного участника в установлении Советской власти на Северном Кавказе, близкого друга и соратника Сергея Мироновича Кирова – Солтан-Хамита Калабекова. Это село и моя колыбель, отсюда идут мои корни. Одним словом, это – Верхний Чегем».

Эти слова поэта запали мне в душу: он как бы завещал нам любить эту этническую колыбель – Чегем.

Спустя 15 лет после смерти поэта начальная школа – этот маленький культурный очаг – была закрыта. С 1999 года дети селения Эль-Тюбю теперь ходят в школу в селение Булунгу, преодолевая дважды в день расстояние более трех километров. Некоторые чиновники стали измерять образование, культуру в рублях и тем самым потушили лучинку света – очаг культуры, где была колыбель гениального Кайсына Шуваевича Кулиева. Пусть это останется в истории и в памяти жителей села как факт несправедливости.

Магомет Мусаевич КУЛИЕВ (1927)

Магомет Кулиев — один из ближайших родственников Кайсына Кулиева. Их дружба началась с 1946 года.

Родился он в поселке Былым, Эльбрусского района, КБАССР. В 1934 году поступил в школу и получил семилетнее образование. Дальше учиться не пришлось, потому что началась война. Из села забрали всех, кто мог сражаться, а его, как не подлежащего демобилизации, срочно обучили бухгалтерскому делу и оставили работать учетником в колхозе. В этой должности он работал до 1944 года.

8 марта 1944 года вместе с родителями был депортирован в Киргизию. Жили они в селе Джербаш, Кантского района. Там Магомет работал арбакешем: подвозил на арбе керосин, солярку, автол для тракторов, а два раза в месяц привозил для бригады продовольственный паек.

В июле 1944 года его призвали в трудармию, работал на лесоповале в Красноярском крае. С ним туда же попали его друзья – Ахматов Иса из Былыма, Джаппуев Мухтар, Энеев Азрет, Черкесов Хадыс из Гунделена. На лесоповале работали калмыки, чеченцы, карачаевцы. Магомету Кулиеву и его ровесникам повезло: в феврале 1945 года вышел Указ Калинина, по которому семнадцати- и восемнадцатилетние девушки и юноши освобождались от тяжелых работ и направлялись по месту жительства. С этого времени до 1958 года работал бригадиром на откормочной базе.

В марте 1958 года возвратился с семьей в Былым, где и работал по 1963 год бригадиром полеводческой бригады. В последующие годы был завскладом Эльбрусской торговой конторы. Имеет награды: медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «Отличник советской торговли». Вначале 90-х годов вышел на заслуженный отдых.

МЫ БЫЛИ С НИМ ДРУЗЬЯМИ

Последние годы моей жизни прошли в поселке Былым, Эльбрусского района. Я не могу гордиться тем, что родился в том прославленном месте, где появился на свет наш национальный гений, где мужал его несравненный талант. Но у меня свои воспоминания о поэте, как о друге юности. Наша дружба началась с 1946 года, когда Кулиев после госпиталя тоже приехал в Среднюю Азию, куда вместе с родителями был депортирован и я.

У меня было три друга – Кайсын Кулиев, Хажимуса Кулиев и Хасан Кудаев. И были мы молодыми, почти ровесниками, только Хажимуса Атабиевич Кулиев был старше Кайсына на семь лет. Он родился в 1910 году в селении Верхний Чегем, Чегемского района, Кабардино-Балкарской АССР, в семье крестьянина-бедняка, как и Кайсын Кулиев. Хажимуса Кулиев не раз подчеркивал передо мной свое превосходство этим фактом и говорил: «Кайсын Кулиев и я – поэты, и не просто поэты, а выходцы из известного Чегемского ущелья!»

Все были участниками Великой Отечественной войны. За заслуги перед Родиной Хажимуса Кулиев награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Эти награды имел и Кайсын Кулиев. Оба они почти одновременно начали свой путь на Парнас. Первое стихотворение Хажимусы Кулиева было опубликовано в 1935 году в хрестоматии, составленной С. Хочуевым и выпущенной в Нальчике Каббалкгосиздатом. Оно называлось «Горы мои». Так назовет свой сборник стихов и Кайсын Кулиев, который был запланирован к изданию в Москве в 1944 году и выдвинут на соискание Сталинской премии. Но в связи с выселением балкарцев в Среднюю Азию книгу не издадут и поэт получит Государственную премию много лет спустя...

Итак, мы встретились – три друга – у меня, в колхозе «Джарбаш», Кантского района, Фрунзенской области, где проживали мои родители и я. Для меня и моих ближайших родственников был большой неожиданностью приезд Кайсына и Хажимусы. Они гостили у нас около недели. Конечно, в первый день в наш дом собрались все

балкарцы, чтобы послушать рассказы о боевых подвигах парашютистов, воинов Великой Отечественной войны, о том, что видел поэт, когда вернулся в Нальчик и на свою родную землю Чегема, в свой заброшенный аул перед тем, как уехать во Фрунзе. Расспрашивали его, часто перебивая друг друга, задавая одни и те же вопросы. Все волновались. На Кайсына и Хажимусу не могли насмотреться. Радовались встрече со своими земляками – участниками боев. Казалось, что вместе с ними в наш дом, к каждому, кто пришел на встречу с поэтами, пришла уверенность, надежда на возвращение в милые отчие края.

Отец мой, матушка, старший брат мой Ахмат, работавший в то время старшим бухгалтером в колхозе, старались от души угодить дорогим землякам, угостить лучшим, что было в то время у нас. Хотя времена были тяжелыми, но никто из нас не утратил веры в добрые начала, в жизнь и справедливость. Кайсын Кулиев был тем огоньком, который зажигал пламень в сердцах многих, особенно в душе моего мужественного отца Мусы. Он был самым старшим в роде Кулиевых. Может, поэтому Кайсын Кулиев и почтил нас своим присутствием, пожил у нас, порадовал многих балкарцев. Мне все вспоминается последнее четверостишие поэта, которое, вероятно, имеет под собой реальную почву тех событий, пролетевших давно:

Много лет пролетело над нами
И воды утекло.
Обожгло нас недоброе пламя,
Но дотла не сожгло.

Перевел *Н. Гребнев*

Стихотворение называется «Одинокое дерево». Одинокими деревьями были бы высланные балкарцы, но выстоявшие в невзгодах, потому что были среди нас Кайсын Кулиев, Хажимуса Кулиев и другие лучшие сыны Кабардино-Балкарии.

Айбала Фирудин Кызы НАМАЗОВА
(1952)

Ада Намазова – кандидат философских наук, известный журналист на Кавказе, обозреватель Азербайджанской государственной телерадиокомпании, старший преподаватель кафедры философии Бакинского института социального управления и политологии.

Айбала Фирудин кызы Намазова родилась в Азербайджане, в одном из древнейших городов – Гяндже, родине великого Низами. С 1956-го по 1985 годы проживала вместе с семьей в Кабардино-Балкарии, где окончила среднюю школу и поступила в Кабардино-Балкарский университет. Далее продолжила учебу в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Диплом об окончании высшего учебного заведения Ада Намазова получила в Азербайджанском государственном университете им. Кирова в Баку. Дипломная работа ее была посвящена творчеству Кайсына Кулиева – «Кайсын Кулиев в литературной критике», которая была защищена на «отлично». По этой же теме ею была написана кандидатская диссертация по филологии, но в связи с тем, что Ада Намазова работала на кафедре философии, она стала рассматривать творчество любимого поэта в философском аспекте. И в 1997 году она защитила кандидатскую диссертацию в Бакинском госуниверситете им. М. Э. Расулзаде на тему «Вопросы этики в творчестве Кайсына Кулиева». Ей была присуждена степень кандидата философских наук.

Ее знакомство с творчеством Кайсына Кулиева началось со школьной скамьи, когда вышла его «Горская поэма...», а первая встреча с самим поэтом произошла на поэтическом вечере в средней школе № 6 города Нальчика. На этом вечере Кулиев читал свои стихи. С тех пор Айбала считала его своим любимым поэтом и консультантом по творчеству. Неоднократно встречалась с ним в Москве, в Баку, когда Кайсын приезжал на юбилей азербайджанского писателя Мирзы Ибрагимова, а также в Нальчике.

Ада Намазова питает особые чувства ко всей балкарской поэзии и считает своим кумиром Кайсына Кулиева. Но ей присуща искренняя любовь и к тем, кто впервые привел ее на путь науки. Такими своими учителями она считает профессора – доктора филологических наук Эфендиеву Тамару Емельяновну и доктора философских наук Эфендиева Салиха Ибрагимовича, творческая дружба с которыми продолжается и по сей день.

В 1997 году Аде Намазовой АГУ утвердил тему докторской диссертации. Она также связана с творчеством Кайсына Кулиева.

К творчеству Кайсына Кули-

ева в своей кандидатской диссертации она подходила с научной точки зрения, а в предлагаемом эссе Ада Намазова впервые пишет о нем не как о поэте, а как о человеке.

НА МИР СМОТРИТЕ ДОБРЫМИ ГЛАЗАМИ...

«Долго я не мог взяться за перо. Боялся бесцветности слов». Это – слова Кайсына Кулиева. И я долго размышляла, браться ли за перо, чтобы по возможности достоверно рассказать о нем.

...Во время прощального митинга шел дождь. Было много людей. Очень много. О чем говорили выступавшие, я не слышала. И не потому, что кто-то не предусмотрел установить микрофоны и подключить динамики. Я просто ничего не хотела слышать.

Дождинки сбегали по моему лицу, смешиваясь со слезами. А я мысленно монтировала кадры из жизни Кайсына. Ведь она, наша жизнь, так же стремительно бежит, как киноленту, заряженная в стрекочущий кинопроектор.

Вот он зачерпнул ладонью чегемскую воду и омывает лицо маленького внука... Вот водит нас по чегемской сакле в родном ауле, заброшенном высоко-высоко, к самому синему небу.

Я тогда стояла рядом с ним в сказке, выдуманной поэтом и природой: взметнувшиеся к облакам скалы, белизна снега на вершинах и орлы, парящие внизу. Ветер шелестел засохшей травой на крыше сакли, в которой родился Поэт.

– Когда мне трудно, я приезжаю сюда, чтобы обрести новые силы, а когда на душе радостно – чтобы поделиться этой радостью с родными камнями.

Певец камня... Есть ли еще другой поэт, который сумел бы так возвеличить, оживить камень, сделать его своим другом?!

– Я многим обязан камню,– говорил Кайсын.– В горах он особенный. Камень учил меня мыслить, учил сдержанности, оберегал от многословия в стихах. Теплый камень очага греет босые ноги ребенка. Стены своего жилья горцы строят из камня. Косы, кинжалы, ножи точат о камень. Мои земляки и стреляли по врагам, укрыв-

шись за камнем, и, раненные, опирались о камень, и отдыхали, сидя на камне.

Как-то я поинтересовалась, почему один из своих поэтических сборников он назвал «Раненый камень».

Кулиев провел ладонью по гладко выбритой голове. После небольшой паузы ответил: «Камень... Это символ, эмблема, герб моего творчества. Когда тебе тяжело, прижмись к скале родного ущелья – снова будешь сильным».

Он взял сборник стихов и написал на обложке трудночитаемым почерком: «Великий русский поэт Тютчев сказал: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Я назвал свою книгу «Раненый камень», желая подчеркнуть этим твердость духа людей, победивших фашизм. Мы погибали, но не сдавались».

Мы снимали фильм о любви к родной земле. Выбрали для одного эпизода маленький островок посреди Терека – клочок земли с десятком деревьев. Начинался весенний паводок, вода в реке поднималась. Островок быстро уменьшался в размерах. Мы торопились. А Кайсын бурно радовался грозной красоте Терека, лесам вдоль берега, птицам в небе.

– Смотрите, какая красота!– говорил он нам.– Сколько мощи! Лермонтовский Терек!

Все шло по плану, но вдруг съемки пришлось остановить. Большая ветка бросала тень на лицо Кулиева. Подсветы не помогли, и мы решили спилить дерево. Все равно через час-другой его снесет Терек.

– Вы что, ребята! Жалко,– запротестовал Кайсын,– такое чудесное дерево срубить!..

Мы срубили лишь несколько ветвей.

Быстро отсняв эпизод, мы с трудом переправились на берег. Через некоторое время островок почти полностью затопило. Безжалостный водяной вал унес дерево.

– Смотрите, Кайсын Шуваевич, ваше дерево унесло,– заметил один из ассистентов.

– Понимаешь, дорогой. Терек имеет на то право, а мы – люди, должны быть добрыми.– А потом ошарашил нас сообщением:– А я ведь плавать не умею.

– Страшно было?– спросил кто-то, намекая на довольно сложный путь с острова к берегу.

– От судьбы не уйдешь,– спокойно ответил он.

Эти же слова я услышала, сидя у постели прикованного к ней тяжелым недугом Кулиева.

– От судьбы не уйдешь,– сказал он в одну из последних наших встреч.– Что-то успел сделать, что-то повидать... Только жаль, что вот так: боль адская, а голова – светлая. Работать хочется. Да не могу. А вообще-то, хорошо пожил.

Те, кто был с ним рядом в «его минуты роковые», держал руку на пульсе человека «с солнцем в крови», наверное, расскажут когда-то, как поэт любил снег на вершинах и воду в родниках, как заставлял страдать женщин и как сам страдал от этого, как страшился тяжести лет и как мужественно, со стойкостью своего любимого героя Прометея боролся с болезнью, которую так и не смог победить.

«Раненый камень». Так охарактеризует его в посмертной статье Мустай Карим. Но какой! Какой гигантской величины был этот камень Кавказа!

Я не собираюсь писать о поэзии Кайсына Кулиева, анализировать его творчество. Просто вспоминаю о большом человеке, которого очень любила и буду любить. Как и миллионы его почитателей.

Кайсын... Вот маленький балкарский мальчик впервые держит в руках букварь. Вот он, маленький ашуг, поет балкарские песни своим сверстникам в Верхнем Чегеме. Вот он, словно степной кипчак, несется на необъезженном скакуне.

– Не было случая, чтобы я упал с коня. Меня даже прозвали «шкура коня»,– с гордостью говорил он.

Кулиев хотел стать артистом. И даже учился «на артиста в Московском театральном институте им. А. В. Луначарского». Но артистом не стал. Судьбой ему было уготовано стать Поэтом.

Тонкий лирик и философ, он писал и суровую прозу: «В течение столетий на нашу землю шли захватчики, сжигая села, посевы... Пахарям и пастухам приходилось часто браться за оружие. Каменотесу и табунщику приходилось быть воином».

И сам он, когда на порог дома пришел враг, стал солдатом. Служил офицером-десантником и военным корреспондентом.

После войны его товарищи по оружию «опустились

на землю». А он остался там – в синеве. Какими казались мы ему с высоты птичьего полета? Он засмеялся: «Не люблю самолеты. Люблю ездить поездом». И потом, моментально посерьезнев, сказал: «Какими я вижу людей? Наши горы высоки. Но не настолько же, чтобы заслонить горцев от остального мира. Мы должны жить так, чтобы каждый из нас мог сказать: «Я не только балкарец или азербайджанец, но – и сын человечества».

Его поэзия шла и идет «по грудь в снегах». Слышите, «играют Шопена». Видите, «к возлюбленным тянутся женские руки», «женщина купается в реке», «и замирает солнце, и нету зла», и «войн ни на одном материке»...

А потом вдруг этот «Черный конь». До чего же прекрасен поэтический скакун! Он был верным другом в бою, он привозил для отчаянных джигитов «тонкостанных невест»...

Смерть поблажек не знает,
И, упав на бегу,
Черный конь умирает
На белом снегу.

Поэт не устает повторять, что

Людям радость нужна.
Как весною деревьям шелест листьев,
Зеленое их изобилье.

Мы сидели втроем: Кайсын, Махмуд Эсембаев и я. Какой был вечер! Сколько я услышала историй, каждая из которых могла бы стать повестью. Они с восторгом говорили о Киргизии. Спустя год я поехала посмотреть этот край.

А как Кайсын восхищался восточной поэзией! Причем наиболее близкими ему художниками слова были классики азербайджанской поэзии: Низами, Физули, Вагиф и Самед Вургун. Кулиев любил приезжать в Азербайджан. Он неоднократно бывал на родине великого Низами, любовался сказочностью Гейгеля, гордой вершиной Кяпаза.

Каждый раз при встрече со мной, будь то в Нальчике или Москве, он всегда говорил с особой теплотой и искренностью о своей любви к моей родной земле. И когда

случалось представлять меня, как свою землячку, а я долгое время жила в Нальчике, неизменно уточнял: «Это дочь великого азербайджанского народа».

Воспоминания, воспоминания...

Военного корреспондента Кулиева командировали на передовую подготовить статью. Он пошел с группой прорыва в штыковую атаку. Получил хороший нагоняй. Но в следующий раз пошел с разведчиками через линию фронта за «языком». И приволок его.

Однажды встретила Кайсына Шуваевича, сопровождавшего высокого московского гостя. Постеснялась подойти. Поздоровались издалека.

«Мой молодой друг,– позвал меня поэт.– Что случилось?» Я замялась с ответом. Он все понял и сказал гостю: «Больше с тобой никуда ходить не буду. Я так всех своих друзей растеряю».

...Мы, его друзья и близкие, знали, что конец близок. Надеялись на чудо, но...

Жизнь коротка, а время бесконечно.
«Прощай»,– я говорю тебе сердечно.
И все равно тебя благодарю.

И послышался стон из Ленинграда: «Прощай, Кайсын! Ты был радостью, радостью живого мира и моей радостью». Это – Михаил Дудин.

И выплакал свое горе Мустай Карим: «Тропа его началась в Чегеме и вернулась в Чегем. И оборвалась. Остаются жить его имя, его книги и наша любовь к нему».

И выплакал на бумагу Вилайет Рустамзаде реквием по горскому поэту и другу! «Мир без Кайсына остался».

И заставил нас плакать у могилы своего фронтового друга Алим Кешоков, когда июньская земля черной буркой навечно накрыла Кайсына:

И мы летим с тобою тоже,
Теряем перья на лету.
С годами потому, быть может,
Труднее брать нам высоту.

На следующий день после похорон мы поехали в Чегем. Там, в Эль-Тюбю, по узкой тропинке, бегущей на-

встречу говорливой горной речке, мы прошли в саклю, где родился великий балкарский мальчик Кайсын. А потом, отделившись, я присела на камень, прогретый солнцем, и думала о жизни и смерти. И еще – о вечности. И на память пришли строки Кулиева:

Я прахом и пеплом не стал –
Я пламенем был и остался.

Хамид Хашимович МАЛКОНДУЕВ (1947)

Хамид Малкондуев – доктор филологических наук, заведующий отделом балкаро-карачаевского фольклора и литературы Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Процесс познания родного фольклора для него, как и для многих других, связан с творчеством Кайсына Кулиева, поэзию которого Хамид очень любит, знает и гордится знакомством с поэтом. Хамид Малкондуев скромно называет себя современником великого Кайсына, не претендуя на звание друга. Доброта и мягкий характер Хамида, всегдашнее чувство юмора нравились Кайсыну Кулиеву, и он не раз говорил Хамиду, что его глубокие знания в области родного фольклора принесут ему большую известность в среде фольклористов Северного Кавказа.

Среди многих знакомых Кайсына Кулиева, почитавших его,– Хамид Малкондуев один из них. У него интересные исследования, отличающиеся новизной, о роли устной словесности в становлении Кайсына Кулиева как поэта. Одной из таких статей, опубликованной к 80-летию со дня рождения поэта, является – «Черпал идеи из фольклора» (Кабардино-Балкарская правда. 1997. 21 окт.).

Родился он в селе Кок-Бель, Наукатского района, Ошской области, Киргизской республики. В 1964 году окончил Нижнечегемскую среднюю школу, а в 1969 году – университет в Нальчике. В 1969–1970 годах служил в рядах Советской Армии. Потом была аспирантура в Институте мировой литературы АН СССР, защита кандидатской диссертации (1980).

С Кайсыном Кулиевым Хамид встречался не раз и в Нальчике, и в Москве. Прославленный поэт всех оделял своим вниманием, особенно студентов и аспирантов, которые находились вдали от родного очага, неоднократно встречался с ними, когда приезжал в Москву по депутатским и издательским делам, помогал им, угощал, приглашал к себе в гостиницу «Москва».

В очерке «Я вечно буду ему благодарен» Хамид Хашимович поделился своими воспоминаниями об этой поре его жизни.

Я ВЕЧНО БУДУ ЕМУ БЛАГОДАРЕН

Как соплеменник, знакомый отца и просто очень добрый по натуре человек, в моей судьбе Кайсын сыграл особую роль. Хочу кратко рассказать об этом, а также о взгляде поэта на родной фольклор и его носителей.

Знакомство наше состоялось в 1963 году. Я был учеником 9-го класса Нижнечегемской СШ. Случайно прочитав в газете, что с участием самого поэта в библиотеке им. Крупской в Нальчике состоится выдвижение сборника его стихов «Огонь на горе» на соискание лауреата Ленинской премии, решил в нем принять участие.

Навсегда мне запомнился этот торжественный вечер и выступление на нем Адама Шогенцукова, Бориса Черемисина, Раисы Великановой, Тимура Шаханова, Зейтуна Толгурова, Зубера Тхагазитова, Бориса Шокуева и многих других. Было представлено слово и мне. Сказав несколько предложений, я прочитал наизусть его стихотворение «Кавказ». Подобных аплодисментов в мой адрес не помню по сей день.

После этого Кайсын, как за своим близким человеком, следил впоследствии за моей учебой в Нальчике и в аспирантуре в Москве. Интересовался темой диссертации. По его совету директор Института мировой литературы Б. Л. Сучков и мой руководитель Х. Г. Кёр-Оглы на ученом совете предложили мне тему «Жанр и поэтика карачаево-балкарской народной лирики».

Редко были случаи, чтобы как депутат Верховного Совета СССР он приезжал в Москву и не звонил мне в Дом аспирантов. В его кругу мне тогда посчастливилось общаться с Чингизом Айтматовым, Расулом Гамзатовым, Давидом Кугультиновым, Соловьевым-Седым, Мустаем Каримом, Эдуардом Колмановским, Семеном Липкиным и другими литераторами. Эти выдающиеся личности говорили так много интересного о литературе, истории, искусстве, политике, что я всегда слушал с большим вниманием.

Интересными бывали встречи Кайсына Кулиева со столичной аудиторией в МГУ, Центральном Доме литераторов, Доме работников искусства. Читал свои стихи поэт эмоционально и интересно. На многочисленные воп-

росы столичных читателей он всегда отвечал искренне и с достоинством.

После моего окончания аспирантуры, узнав, что я несколько месяцев нахожусь без работы, он принялся за мое трудоустройство. Хотя и нелегко, но добился этого, за что я буду вечно благодарен ему.

Меня поражала его гуманность, умение прощать людям многое в их поступках и мирить обиженных друг на друга его другей и знакомых. Помогал он людям всем, чем мог.

Постоянно с восхищением отзывался Кайсын о Кязиме Мечиеве, Али Шогенцукове, Тимборе Мальбахове, Алиме Кешокове, Ханафи Хутуеве, Хакиме Депуеве, Борисе Чабдарове. В этих людях он в основном ценил мудрость и талант.

Был однажды в Москве такой случай. Приезд Жагафара Токумаева совпал с принятием его в члены Союза писателей СССР. Кайсын же тогда входил в секретариат Союза писателей РСФСР и первым сообщил Жагафару радостную весть. На фуршете в честь себя Ж. Токумаев произнес удивительную по своей иносказательности метафорическую мысль: «Къайсынны халаллыгъы суу болуп жайылса эди, жерни бошында сугъарылмайын бир бахча къалмазет» – «Если бы доброта Кайсына превратилась в реку, то она смогла бы напоить все поля на свете».

Мало кто знал так тонко, как Кайсын, все нюансы родного фольклора. Он обязательно читал все, что выходило на родном языке и, словно специалист по эдиционной работе, мог подметить всякое вмешательство в контекст со стороны составителей фольклорных сборников.

Теперь же хочу поделиться своими мыслями о том, что значили народная словесность и ее мудрые носители для Кайсына Кулиева.

В статьях о литературе, размышлениях об устном народном творчестве Кайсына Кулиева меня никогда не покидала мысль о роли народных певцов и устной словесности в становлении его как поэта.

В раннем же творчестве поэта мы ощущаем запах родной народной поэзии, что выражается в стихотворении «Къама» – «Кинжал», цикле «Мои соседи» и во множестве стихотворений на детскую тему, в которых прež-

де всего прослеживается преемственность сюжетно-содержательных и поэтико-стилевых традиций народной словесной культуры балкарцев и карачаевцев.

В одном из лучших стихотворений военных лет – «Перед боем» – поэт обращается к трагическому образу балкаро-карачаевской героико-исторической поэзии – Гапалау.

В трудный для поэта 1945 год Кайсын Кулиев пишет на фольклорные темы свои замечательные стихи «Нарт Сосрук» и «Алгыш». В первом он воспевает храбрость, смелость, находчивость и эпические подвиги знаменитого богатыря и призывает изгнанный из родного края свой народ выдержать тяготы жизни на чужбине так, как это делали персонажи богатырского эпоса «Нарты» в борьбе с враждебными для них племенами – эмегенами. Во втором стихотворении, написанном в стиле магической формулы, Кайсын Кулиев воспевает гостеприимную землю киргизов. В тексте наглядно ощущаются фольклорные словесно-художественные традиции, свойственные стилю древнейшего поэтического жанра алгыша – благопожелания.

В 1960–1970 годах поэт несколько раз обращается к образу Прометея, где сюжет о титане, похитившем для людей у Зевса божественный огонь и заранее знавшем о предстоящих ему страданиях, в стихах Кайсына Кулиева приобретает новые черты, вбирая ряд мифологических содержательных элементов.

В эти же годы на сюжет богатырского эпоса «Нарты» Кайсын Кулиев представляет читателям свои знаменитые поэмы «Серп» и «Огонь», в которых в отличие от традиционных фольклорных образов мы знакомимся с написанными на высоком художественно-эстетическом уровне мифологическими сценами и новыми персонажами, чего поэту удается добиваться, помимо природного дара и мастерства, богато представленными в них поэтико-изобразительными константами, вполне соответствующими жанровой поэтике героико-эпических песен.

Любимым фольклорным произведением поэта была лирическая песня на мифологический сюжет «Плач медведицы». Этой песней восхищался К. Кулиев с детства. По воспоминаниям поэта, его мать очень любила петь ее. Позже, став взрослым, К. Кулиев напишет свое знаме-

нитое стихотворение на фольклорный сюжет о том, как причитала медведица, когда ее медвежат унесла вода. Поэт вновь и вновь будет возвращаться к этой теме, чудесные красочные образы которой глубоко запали в его память с детства. Монолог медведицы, очевидно, напоминал поэту знаменитые балкарские обрядовые плачи-сарыны по умершим, поэтико-стилевые и образные системы которых мало чем уступали по художественно-эстетическому уровню другим жанрам народной песенной культуры.

Об этих песнях поэт размышлял так: «...женские плачи, пожалуй, самые трагические песни в горском репертуаре. Ни в одном песенном жанре нет такого напряженного драматизма и такой неотразимой искренности человеческих чувств, как в женской песне-плаче».

Им был написан также ряд замечательных детских стихотворений на фольклорный сюжет.

А как восхищался поэт талантом народных певцов своей земли!

«Многим обязаны мы безымянным создателям сокровищ нашей народной поэзии. И пусть эти мои скромные строки будут еще одним выражением благодарности им за их ум и талант... И я произношу сегодня слова удивления и преклонения перед тобой, твоей мудростью и талантом, великий безымянный поэт! Твоя мысль и слово стали бессмертием души народа!»– писал он в одной из своих статей в 1960 году, восхищенный талантом создателей неувядаемой словесной народной поэзии.

Он хорошо знал сюжеты, мотивы и внутреннее движение жанров родного фольклора: сказок, легенд, песен, преданий и лучших носителей этих реликтов не только своей колыбели – Чегемского ущелья, но и певцов, сказочников и исполнителей богатырского эпоса других ущелий Балкарии. Много теплых слов им было сказано в беседах с научными работниками в 1970–1980 годах о таких выдающихся сказителях нашего народа, как Хамзат Биттиров, Дауд Малкондуев, Юсуп Чочаев, Арслан-Герий Мизиев, Къараш Теммоев, Башир Залиханов, Хусей Хозаев, Алий Аккизов, Ибрагим Эдоков, Салах Сарбашев, Лёкман Атакуев и другие, память которых донесла до нас много замечательных произведений фольклора.

А об одном из лучших носителей традиций устной

песенной культуры – Исмаиле Эттееве из аула Кам, что располагался почти рядом с родным для Кайсына Уллу Элим (Верхним Чегемом), спустя много лет поэт размышлял: «В моем детстве в горах ты дарил мне свои сказки – свет своей души, поэзию и мудрость родной земли. Ты один из моих учителей, волшебник родного слова. Тебя давно нет, но мы повторяем твои слова, похожие на звезды над хребтами. Благодарю тебя, сказочник и поэт моих гор!»

Тонкий наблюдатель чувств и восприимчивости народной души, Кайсын хорошо знал, что взаимовлияние и проникновение культуры одного народа в другой в истории культуры всегда играли большую роль в духовном обогащении людей. Свои мысли об этом поэт выразил как настоящий ученый, умудренный многолетними наблюдениями философ и вышедший из глубины народа истинный национальный поэт: «У двух братских народов, кабардинцев и балкарцев, обычаи, этикет, форма одежды были одни. И фольклор был у них однороден. Безымянные певцы переводили песни одного народа на язык другого, в балкарских аулах, ущельях и кабардинских селениях предгорий часто пелись и поются одни и те же песни».

Очевидно, поэт имел в виду такие песни, как «Каншаубий и Гошагаг», «Таукъан», «Алий», «Песня о Жабаги», «Песня о Карче», «Песня о Джамбулате» и другие, не говоря о множестве общих национальных сюжетов и мотивов в эпическом памятнике «Нарты», тексты которых иногда исполнялись в песенно-музыкальной традиции.

Один из древнейших жанров народного песенного эпоса – колыбельные песни, которыми так богат балкаро-карачаевский фольклор, видимо, с детства покоряли поэта своим лиризмом, искренностью, умением трогать человеческую душу и раскрывать доброту материнского сердца. В своих размышлениях о них Кайсын как бы выражает мысль об общечеловеческом, типологическом характере колыбельных песен, и на каком бы языке они ни исполнялись, независимо от пространственно-временных категорий, традиционно всегда выражали внутренний мир всех матерей на свете. «В колыбельных песнях – величайшая сущность жизни, которая не поддается объяснению и толкованию. Ее покоряющая сила неотразима, в

ней – материнское сердце, которое вместило всю радость и все горе мира, всю нежность и все тревоги на земле»,– писал поэт в 1970 году.

Большой ценитель всего духовного, что было создано нашими предками, и в особенности поэтического слова, Кайсын Кулиев очень любил и часто пользовался в разговорной речи и в своей поэзии пословицами и поговорками. Когда в 1965 году наш институт подготовил к изданию сборник паремиологических текстов кабардинцев и балкарцев, Кайсын Кулиев любезно согласился и написал к нему весьма эмоциональное и содержательное вступительное слово. Личное отношение к народной мудрости он выразил следующими словами: «Мне представляется, что бешметы у создателей этих несравненных слов были в заплатах. Может быть, у них не было в достатке даже кукурузного хлеба. Но они были подлинными поэтами и мыслителями. И мы повторяем их. В них живут, став сверкающей мыслью и поэзией... – весь прекрасный мир родных гор, а также ум, порыв души, отвага, доброта и достоинство горцев. Они наши спутники в час радости и в час горести».

До конца жизни фольклор оставался для Кайсына источником радости и вдохновения. Как и из родного народного словесного искусства, он черпал все хорошее из многогранной духовной культуры многих народов и этносов мира, что очень помогло ему распрямить крылья и подняться высоко в мире поэзии.

НАШ КАЙСЫН КУЛИЕВ

Кем был Кайсын Кулиев, почему он всегда был готов к международному диалогу и почему его так любили в Грузии...

Я скажу вам.

Я хорошо его знал. Он не был просто одним человеком, нет, его было много, много, и все это воплотилось в одном человеке, созданном по образу божию, как написано в Библии. И потому что его было много, он не выступал против сил зла один, нет, он был участником похода против зла и вел за собой тысячи кайсынов, кабардинцев, грузин, лезгин, осетин и чеченцев.

Во время застолья он не смотрел в прекрасные глаза хозяйки, нет, он выхвалял друзей и часто повторял: «Вы, грузинские поэты,– горные орлы», а тосты заканчивал по грузинскому обычаю: «Твой враг – мой враг».

Когда мы с ним познакомились, его представил мне Ираклий Абашидзе. «Кайсын»,– сказал он мне. И я тут же ответил: «Это значит – хороший сын – кай-сын» – и перевел ему по-русски. «Да, а Джан-суг – означает «сгоревший в любви»,– так это будет по-восточному. Я понял, что имею дело с необыкновенным человеком.

Помню, мы праздновали 70-летие Ираклия Абашидзе в Москве. Мы были гостями господина Эдуарда Шеварднадзе, который в 1979 году был первым секретарем ЦК Грузии. А мы в то время были участниками Всесоюзного съезда писателей.

Господин Эдуард был тамадой за праздничным столом. Уже подвыпивший Кайсын Кулиев обратился к Ираклию Абашидзе с тостом, но с очень странным, по тем временам, тостом: «Ираклий Виссарионович, поверьте мне, у Шеварднадзевской и Абашидзевской Грузии – очень большое будущее».

Не знаю, какой смысл вложил в эти несколько слов Кайсын Кулиев, но я помню: Эдуард Шеварднадзе переглянулся с Ираклием Абашидзе и сказал по-грузински: «Послушай, что хочет от нас этот человек?».

На праздновании 50-летия Иосифа Нонешвили в Кахетии были: Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Нодар Думбадзе и я. Встреча встречей, потом стали готовить столы. Кайсын попросил меня: «Поведи меня к кастрюле, покажи, как варят хашламу». Там сразу организовали стол на скорую руку, выставили чачу, и до того, как нас пригласили к столу, мы с удовольствием закусили. Когда Кайсын выпил вторую рюмку водки, он обратился к присутствующим кахетинцам: «Спросите у Джансуга, между нами нет никаких границ, мы, поэты, безгранично любим друг друга. Давайте же снимем границу между Кахетией и нашей страной и будем безгранично любить друг друга». Кахетинцы согласились, и в течение нескольких часов после этого весь Кавказ жил в безграничной любви. Кайсын Кулиев был истинным героем своего народа, был впереди него и в радости и, что еще важнее, в беде. Сказать по правде, может быть, он и счастлив, что не видит сегодня униженного Кавказа, обесчещенного завистливым взглядом врага.

Если бы Кайсын Кулиев хотя бы на минуту поверил в измену снегов Кавказа, в тот же миг разорвалось бы сердце поэта, сердце, которое билось в горах, вмещало в себя любовь миллионов людей и посвещало потомкам строки верности. Эх, если бы и правда не было никаких границ между нами и мы любили бы друг друга так безгранично, как Кайсын любил весь Кавказ, весь мир.

АХУНОВ
(1949)

Гария Ахунов является народным писателем Республики Татарстан, почетным академиком, известным прозаиком.

Он – современник Кайсына Кулиева, хорошо знал его, много общался с ним. Свои воспоминания он записал сразу, как только мы попросили его об этом.

БЛАГОРОДНЫЙ ТАЛАНТ

Кайсына Шуваевича Кулиева я знаю давно. Вместе заседали на сессиях Верховного Совета СССР, вместе работали на общественных началах в Союзе писателей РСФСР, вместе ходили на заседания редсовета московского издательства «Современник».

Он был талантливейшим поэтом, но в отличие от иных – благородным человеком. В подтверждение сказанного хочу привести такой пример. В конце шестидесятых годов Правление Союза писателей Татарстана выдвигало на присуждение Государственной премии РСФСР произведение нашего ведущего поэта Сибгата Хакима. Дважды его прокатили. Тогда Кайсын Кулиев, отлично знавший творчество татарского поэта, сам решил доказать коллегам комитета по российской премии, что Хаким достоин быть лауреатом. И сумел доказать! А для этого – что вы думаете!– он сам сделал подстрочники стихов поэта. Сделал добросовестно, скрупулезно. Кайсын владел русским языком в совершенстве, а языки наши – балкарский и татарский – очень близки, мы оба тюркоязычные. Сибгат Хаким благодаря усилиям Кайсына Кулиева в 1970 году стал лауреатом Государственной премии РСФСР им. А. М. Горького.

Дорожил дружбой Кайсына и народный поэт Башкортостана Мустай Карим. Из национальных поэтов и писателей величинами первого разряда были Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Мустай Карим, Давид Кугультинов. В 1983 году я с ними участвовал на VII юбилейной конференции писателей стран Азии и Африки. Эта конференция проходила в Ташкенте. Тогда нас пригласили к себе крымско-татарские писатели.

Встреча прошла очень хорошо: разговор шел о творческих исканиях, поговорили о трагической судьбе этого народа. Наши выступления опубликовали в газете, издаваемой на языке крымских татар. Взволнованный этой встречей, я прочитал в моем переводе отрывок из «Тихого Дона». Выбрал самый трагический эпизод. Слушали мое чтение Чингиз Айтматов, Мустай Карим и конечно же Кайсын Кулиев. Первым сказал свое веское слово Кайсын агай:

– Какой поэтичный татарский язык! Поздравляю, брат мой...

Потом заговорили другие, они были такого же мнения.

Кайсын Шуваевич умел ценить дружбу. Как-то мы пригласили его в Казань – на собрание: подводили итоги литературного года. И поэт приехал! Когда читали доклады по жанрам, он молчал, внимательно слушал.

Вечером устроили литературный вечер дружбы. Кайсын Кулиев – с пышными усами, мягкой, очень человечной улыбкой на лице – читал свои стихи. Это были мудрые, искренние стихи. Зал разразился аплодисментами и долго не хотел отпускать его со сцены.

В 1998 году в Казани проходил фестиваль тюркских народов под названием «Науруз». Балкарский театр им. Кайсына Кулиева показал тогда свой прекрасный спектакль. Кроме игры артистов, великолепной игры, меня сильно взволновало то, что Балкарский театр носит имя Кайсына Кулиева. Значит, народ и руководители Кабардино-Балкарии высоко оценивают и творчество народного поэта Кайсына Кулиева.

Десятки раз встречался я с Кайсыном Кулиевым при разных обстоятельствах – и в гостях у узбекских писателей, и в домах творчества – везде он оставался самим собой: приветливым, искренним и – задумчивым. Помню, что сорочки он носил темноватого цвета или очень яркие – красные, синие.

Как-то мы вместе отдыхали в Доме творчества в Переделкино. Однажды Кайсын, видно сделав перерыв в работе, долго прогуливался с башкирским поэтом Назаром Наджми и о чем-то много и громко говорил. Я сидел у открытого окна, печатал на машинке свой новый роман, и до меня доносился голос Кайсына ага:

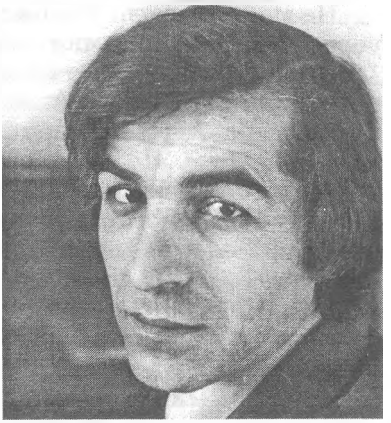
– Татары – трудолюбивый народ, и пишут, и пишут...

...Сейчас, когда я пишу эти воспоминания, мне до боли обидно: сколько лет уже мы не слышим его хрипловатый голос, справедливые слова о жизни. Он много страдал от незаконных действий сталинских палачей, но никогда не жаловался, не хныкал, был человеком обаятельным, мягким, готовым помочь людям, попавшим в беду.

Говорят, что Кайсына похоронили во дворе дома, где он жил в последние годы. Я никогда не видел этого места. Но считаю это правильным, ибо он любил свой народ, жил и творил для его счастья.

А книги его живут, будут жить и в двадцать первом веке, они сотканы заботой о человеке, стихи и публицистика его написаны по законам высокого искусства.

Джабраил Кубатиевич ХАУПА (1942)



Джабраил Хаупа – композитор, заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный деятель искусств Республики Адыгея, лауреат премии Д. Д. Шостаковича Союза композиторов РФ, лауреат международной черкесской премии Кандура, лауреат Государственной премии КБР. Родился он в большом кабардинском селе Нартан (Калашби-хабле). Учился в школе, как и все дети его возраста, но трудная жизнь заставила Джабраила бросить школу и идти на стройку работать чернорабочим. С детства любил музыку и мечтал учиться в музыкальном училище.

Мечта его осуществилась, и он поступил в музыкальное училище Нальчика на хоровое отделение, где проучился с 1959-го по 1963 год.

Еще будучи учеником училища, он написал свои первые песни. Талант его заметили и посоветовали учиться дальше. В 1964 году он поступил в Тбилисскую государственную консерваторию на композиторский факультет в класс профессора Александра Васильевича Шаверзашвили, великого музыканта и педагога.

В 1969 году Джабраил Хаупа закончил консерваторию и в 1970 году его приняли в Союз композиторов СССР. Он стал известным музыкантом.

Постоянно живет в Нальчике и занимается педагогической и научной работой. Писал музыку, но не всегда печатался. На вопрос: «Каких композиторов больше всего любите?»– он отвечал: «Люблю Баха, Босха, Бетховена, Блейка».

– Ваша цель жизни?– не раз спрашивали его корреспонденты.

– Оставить после себя что-то доброе, чтобы мой народ не жалел, что у них был Джабраил Хаупа. Если я жил, то свою биографию я написал нотами, изложил в музыке,– ответил он.

Кулиева он хорошо знал, встречался с ним в жизни, писал музыку к его стихам. Свои воспоминания о нем он оставил в статье «Прощание с Кайсыном».

ПРОЩАНИЕ С КАЙСЫНОМ

После смерти Кайсына Кулиева появилось много очерков и статей под названиями «Мой друг Кайсын», «Кайсын и я», «Я и Кайсын»...

Не могу сказать, что Кайсын был моим другом, но мне верилось, что он ко мне относился неплохо.

В 1969 году осенью мной была написана песня (ныне популярная) на стихи Алима Кешокова «Оседлай коня». С этой песней я и пришел к Кешокову в Союз писателей за одобрением. Получив желаемое, счастливый молодой композитор сидит перед большим поэтом. В этот момент заходит Кулиев и, поприветствовав нас, сказал: «Не будем мешать, поговорим потом». Но Кешоков его остановил жестом и продолжал: «...Джабраил написал на мои стихи песню и, кажется, хорошую». Он, видимо, думал, что поэт меня знает и сразу не представил. Нас представили друг другу. Когда Кулиев узнал, что я только что сочинил музыку к стихам Кешокова и что я родной внук Бекмурзы Пачева, он обнял меня и произнес: «Твой дед был великим, как наш Кязим...».

Для меня, молодого музыканта, и Алим Пшемахович, и Кайсын Шуваевич были недосягаемыми людьми, так думал я. Но они были такими душевными, вели себя так просто со мной, что я ушел оттуда окрыленным.

Ровно через три года я написал музыку на известные стихи Кайсына «Женщина купается в реке...», а исполнил эту песню Заур Тутов. Пожалуй, с этого момента Кулиева я узнал ближе, духовно он был для меня почти близким человеком, которого я хорошо понимал.

Наше знакомство крепло. Мы выезжали, что случалось не раз, в разные города вместе на декады искусств. Тогда это было в моде. Я общался с ним в поездах и в самолетах. Постепенно я постигал душу и поэзию Кулиева. Сегодня с уверенностью могу сказать: если кто-то много сделал для своего народа, то одним из таких людей был К. Ш. Кулиев. Он смог сделать так, что о маленьком балкарском народе узнали в мире. Он смог поднять Кязима Мечиева на такую высоту, что невозможно не зауважать того и другого. Здесь сопоставимы две вещи, а именно: кабардинцы сделали все, чтобы рукописи, т. е. «золотой сундук», исчезли, и потому сегодня мы не име-

ем возможности до конца говорить о великом Бекмурзе Пачеве, как о гениальном поэте. А благодаря Кулиеву, мир узнал о Кязиме Мечиеве как о гениальном поэте и философе.

...Вспоминается один эпизод. Теплый летний день, и солнце как будто щадило людей. Тогда мы частенько собирались и играли в шахматы в парке. Там я и встретил Анатолия Жадова, прекрасного шахматиста, у которого я никогда не выигрывал. Анатолий Жадов был другом Кайсына, и он его очень любил. Поэт, видимо, обладал особым даром распознавать людей и ценить их по уму и доброте сердца. Несколько слов о Жадове. Он был высоким, статным, всегда опрятно одетым. Прекрасный литератор, интеллигент высокой пробы, мягкий в обращении с людьми, гордый кабардинец, который говорил очень тихо и на землю он наступал осторожно, как будто бы не хотел сделать ей больно своим весом. Он был талантлив, и нам казалось, что он писал стихи, но никому их не показывал. Анатолий Жадов преподавал русскую литературу в одной из школ. Молодым человеком он стал директором средней школы в Советском районе (об этом я узнал позже).

И вот мы с Жадовым вышли из парка. Навстречу нам шел Кулиев. Он улыбался и что-то говорил по-балкарски. Анатолий остановился и отвечал ему тоже по-балкарски. Они обнялись. Я удивленно посмотрел на них. Первый раз я услышал, как красиво и свободно Жадов разговаривал с Кулиевым на его родном языке. Потом я узнал, что Жадов свободно говорил и на немецком языке и читал в оригинале Г. Гейне, потому что, по его мнению, многие переводы стихов бездарны. Итак, встретившись, мы пошли в ресторан «Эльбрус» и оказались втроем за хорошим столом. Они все время говорили по-балкарски. Я не понимал ни слова. И вдруг Кайсын шутливо сказал по-русски:

– Толя, как тебе не стыдно скрывать, что ты балкарец?

– Нет, мне не стыдно, потому что я кабардинец из Нартана, как и наш общий друг Джабраил Хаупа,– отвечал он Кулиеву.

Я понимал, что Кайсын любит шутить, и эту шутку понял Жадов.

Удивил меня Анатолий Жадов и тем, что стал читать стихи Кулиева в оригинале, на его родном языке. Кулиев внимательно слушал и смотрел на него с любовью. Тогда я понял, как эти люди хорошо знают и понимают друг друга. Они навсегда остались для меня высоким примером дружбы и подражания. В тот день я еще больше полюбил Кайсына как человека и поэта, потому что он умел слушать и соглашаться, шутить и веселиться с друзьями. Кулиев всегда был совестью своего народа.

...6 июня – это день похорон К. Ш. Кулиева. Со школьной скамьи я знал, что в этот день родился А. С. Пушкин.

6 июня 1985 года я должен был лететь в Ленинград, а оттуда поехать в Дом творчества «Репино». Утром уложил вещи в чемодан и пошел в Театр им. А. Шогенцукова на прощание с Кайсыном Кулиевым. Постояв у гроба, последний раз взглянув на лик Кайсына, я уехал в аэропорт. Как это ни странно, я летел в «Репино», чтобы писать музыку 3-й симфонии «Плач над водой» – о страшном геноциде адыгского народа. «Это судьба, то, что и должно было быть. Плач у гроба Кайсына слышался мне еще долгое время...»– записал я в своих воспоминаниях.

Прошло время. В1990 году я снова писал музыку. К тому времени я уже написал оркестровку 3-й симфонии. И снова вспоминал Кулиева, который тоже пережил трагедию геноцида, страшное выселение его народа. Узнали депортацию и многие кабардинцы.

Теперь хочется верить, что наши народы, пережившие страшные периоды истории, извлекут из драматических уроков жизни опыт выживания и сделают все, чтобы наши потомки могли жить лучше нас, были мудрее нас, живущих сегодня.

У поэзии и музыки одна колыбель – Тишина. Эту тишину воспел Кулиев талантливо и красиво в таких стихотворениях, как «Тишина» (1970), «Помолчим у горы» (1970).

Помолчим у горы. Для чего говорить,
Если в мире такая стоит тишина...

Или:

Не убивайте тишину!
Лишь в ней, при лампе догоревшей,
Мудрец, взирая на луну,
Склонялся к мысли долговечной.

«Тишина»

...И еще одно воспоминание. Когда травили Алима Кешокова за его роман «Сломанная подкова» и осуждали это талантливое произведение, Кулиев вел собрание, защищал друга как мог. Тогда он дал мне возможность высказать свое отношение к роману и ко всему происходящему. Кайсыну и Алиму нужна была поддержка, потому что разыгрался фарс – фарс вышестоящих у власти Кабардино-Балкарии. Я выступил и высказался смело и объективно в защиту романа.

Спасибо, Кайсын, что тогда ты оказал мне такую услугу. Ты просто был самым сильным и мужественным человеком среди всех нас!

Анна Сахатовна ШУМАХОВА
(1928)

Анна Шумахова родилась в городе Нальчике. Окончила Кабардино-Балкарский педагогический институт, Центральную комсомольскую школу при ЦК КПСС, Высшие библиотечные курсы при Министерстве культуры СССР.

Работала секретарем Нальчикского ГК ВЛКСМ, первым заместителем председателя Нальчикского горисполкома, заведующим орготделом Верховного Совета КБАССР, директором Государственной научной библиотеки (ныне Национальная библиотека КБР).

Награды: орден «Знак Почета», медаль «За трудовую доблесть». Звания: «Заслуженный работник культуры РФ», «Заслуженный работник культуры КБР».

Была депутатом Нальчикского горисполкома нескольких созывов, депутатом Октябрьского райсовета двух созывов.

ПОЭТ-ГИГАНТ НЕ УМИРАЕТ

Современникам Кайсына Шуваевича Кулиева написать воспоминания о нем и легко и трудно.

Легко потому, что он был доступный, открытый, прямой и добрый. Трудно – он человек с мировым именем, поэт-гигант.

В одном из своих стихотворений Кайсын пишет: «Всегда гордился тем, что горец я...» Выражаясь его же словами, скажу: что я гордился и горжусь тем, что жила в эпоху, когда поэтом были созданы лучшие из его произведений. Быть его современником, общаться с ним, понимать то, что он хотел сказать людям,– великое счастье.

С творчеством Кайсына Кулиева я познакомилась в семье Мухажида Ахматовича Кульбаева задолго до знакомства с ним самим. О нем говорили, как о талантливом поэте, журналисте и добром человеке.

Первая моя встреча с ним была необычна и не совсем удобна для меня. Будучи первым заместителем председателя Нальчикского горисполкома, я вынуждена была ущемить его семью ради интересов многих детей, находящихся в яслях. Хотя разговор для меня был очень трудным, я по сей день с благодарностью вспоминаю его понимание, боязнь в чем-либо обделить детей и согласие с решением исполкома.

Встречалась с ним и по работе в Верховном Совете. Тогда меня очень удивляло, что этот большой мастер близко к сердцу принимал все проблемы и, как исправный школьник, со всей ответственностью относился к их решению.

С августа 1960 года и до ухода его из жизни, судьба сводила нас часто. Он был неизменным гостем на творческих и юбилейных вечерах в библиотеках республики. Каждая библиотека считала за честь приглашать его на свои мероприятия. Читатели и работники библиотек всех систем и ведомств хорошо знали его творчество и были знакомы с ним. Книги Кайсына на полках не залеживались, не успевали покрыться пылью.

Только срочный отъезд или болезнь могли стать помехой для встреч поэта со своими читателями. Будучи мастером, он всегда оказывал поддержку молодым и начинающим.

По долгу службы я часто присутствовала на его творческих вечерах, и меня поражало его мягкое, доброе, лишенное всякого высокомерия отношение к читателям и коллегам по перу. Он писал и творил для своих читателей и был вровень с ними, за что и получал признательность, уважение и большую любовь.

Для меня Кайсын Кулиев был наставником, крупнейшим поэтом-лириком моей эпохи. Поэт-гигант, перед которым я склоняю свою голову.

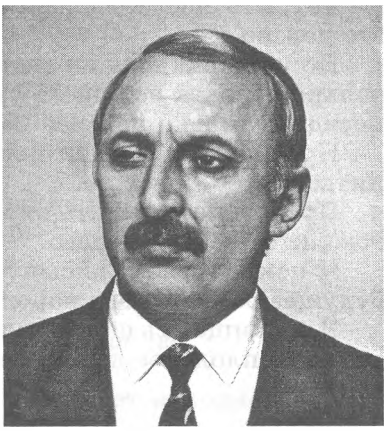
Кайсын Шуваевич о себе писал:

Все в жизни испытал:
Я слышал хор похвал,
Я на пирах гулял, на свадьбах танцевал.
Я жизнь благодарил за все, чем обладал,
За всякий дар ее, велик он или мал...

Помню вечер-встречу с крупнейшими поэтами СССР в большом зале Государственной библиотеки КБАССР (ныне Национальная). На этом вечере Кайсын чувствовал себя не приглашенным, а хозяином. Присутствовавшие на вечере поэты из Москвы, Ленинграда, Северного Кавказа, Средней Азии и России читали свои стихи. Много теплых слов говорили о Кабардино-Балкарии, о людях, живущих и созидающих в республике. Много говорили о Кайсыне и его творчестве. Но более всего его радовали добрые слова в адрес земляков, братьев по перу.

Настоящий поэт рождается, чтобы никогда не уходить из памяти людей. Кайсын жил и будет жить, пока на планете будет хоть один человек, любящий и понимающий поэзию. Такова истинная судьба поэта-гиганта.

СОЗАЕВ (1941)



Ахмат Солтанович Созаев, балкарский поэт, родился в поселке Белая Речка Окончил Кабардино-Балкарский государственный университет в 1969 году. В течение двенадцати лет работал главным редактором Государственной телерадиовещательной компании «Каббалктелерадио». В настоящее время является директором издательства «Эльбрус».

Первую книгу стихов А. Созаев выпустил в 1968 году. Произведения молодого автора отличались новизной, лиризмом, гражданственностью, интернационализмом. В своих произведениях поэт откликается на самые животрепещущие вопросы своего времени.

Ахматом Созаевым изданы книги стихов и поэм: «Кюнню кереме» («Вижу солнце») – 1968 год, «Солнечные тени», на балкарском языке – 1972 год, на русском – 1974 год, «Кырдык ауазла» («Голоса трав») – 1978 год, «Акъ суу» («Белая речка») – 1983 год, «Летящие окна» – Москва, 1985 год, «Къолла» («Руки») – 1987 год, «Эртенликни ачама» («Открываю утро») – 1991 год, «Аллах айтса» («Даст бог») – 1995 год.

В этих книгах А. Созаев утвердил себя как яркий лирический поэт со своим самобытным миром.

К началу 80-х годов А. С. Созаев вырос в одного из ведущих мастеров слова в республике. Он внес значительный вклад в балкарскую поэзию, обогатив ее новыми стилистическими приемами. Его произведения переведены на многие языки.

А. С. Созаев – лауреат премии Комсомола республики. Он награжден медалью «За трудовое отличие», ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры КБР», «Отличник телевидения и радио СССР». Его поэтический рассказ «У расставания соленый вкус», переведенный на русский и кабардинский языки, удостоен премии Совета Министров КБР.

А. С. Созаев также лауреат премии 170-летия города Нальчика.

Тот, кто проходил через мост, не знает, кто построил его.

Тот, кто срывает плод с дерева, не знает, кто посадил это дерево.

Но каждый должен знать, что мост может построить только человек большого ума и таланта, а дерево может посадить только человек большой души и чистоты.

Прежде чем пройти через мост, мы обязаны поклониться его строителю.

Прежде чем сорвать плод, мы должны поблагодарить того, кто посадил дерево.

Я поклоняюсь Кайсыну Кулиеву, строителю моста в будущее балкарского народа.

Я восхищаюсь силой таланта Кайсына Кулиева, посадившего плодовое дерево балкарской поэзии и словесности.

* * *

Мне кажется, сколько лет живет на земле балкарский народ, столько лет живет и Кайсын. Сколько лет будет жить и творить наш народ, столько лет будет жить и творить наш Кайсын, у Кайсына нет даты смерти, он бессмертен.

Голос Кайсына стал голосом Балкарии. Его творчество – сокровище нашего народа.

В его душе постоянно горел очистительный огонь гражданской совести. Может быть, поэтому любая ноша при нем казалась нам не столь тяжелой.

Кайсын был гораздо больше, чем поэт, гораздо больше, чем человек. Он был гением в полном смысле этого слова.

Гением двадцатого века. Иначе, как могла его поэзия облегчить боль даже горному камню?!

На мой взгляд, главная ценность его поэзии – утверждение человеческого достоинства. А у достоинства, по Кайсыну, краски неповторимые, своеобразные, но одновременно они жизненные: мы их видим ежедневно. К тому же, они солнечные, значит, бессмертные.

В этом смысле у поэта есть, на мой взгляд, потрясаю-

щее своей простотой, удивительно зримое стихотворение. Вот оно.

Были вершины белы,
А луга зелены.
А мама всегда носила
Черную шаль.
Был во дворе подсолнух
Желт, а кизил багров.
А мама всегда носила
Черную шаль.
Маки были пунцовы,
А небеса голубы,
А мама всегда носила
Черную шаль.

Перевел *О. Чухонцев*

Я уверен, кулиевская поэзия будет находкой для будущих поколений.

Читайте Кайсына, читайте, и вы убедитесь, как эта поэзия вас очищает, обогащает, и вы почувствуете, как светится имя его.

Свои короткие размышления о нем завершаю моим стихотворением, которое называется «Кайсын», в переводе Л. Шерешевского.

I

Словом балкарским
Столетья живет
Пятиущельный
Мой горский народ.

Гор белоснежных
И грозных теснин
Речью и песней
Ты был, наш Кайсын.

Был – и ушел.
И остался навек
В свете вершин
И в кипении рек.

II

Край наш, что был
Колыбелью ему,–
Памятник вечный
Певцу своему.

Края родного
Любимейший сын.
Смертный – в бессмертье
Уходит Кайсын.

Словом, что было
Большим, как земля,
Билось как пламя,
Сердце спаля.

Каждому в душу
То слово вошло,
Свет излучая,
Даруя тепло.

Плодоносило
В ущельях оно,–
Слово, что сеял
Кайсын, как зерно.

С правдою дружен,
Надежду он дал.
Как Минги-Тау,
Был высок его дар.

Боль даже камню
Он мог облегчить:
Мы ж не сумели
Его излечить...

Людям всех стран,
Всех земель и племен
Слово сказал
О Балкарии он.

Громко звучал
Со страниц его книг

Древний, родной
Материнский язык.

Песня балкарцев
Мудра и чиста.
Ты без Кайсына
Теперь сирота.

Но не умолкнет
Средь горных вершин
Голос народа –
Бесстрашный Кайсын.

Сделал певучим
И камень немой,
Словно вершина,
Светясь над землей...

III

В дальнем краю
И у отчих могил
Хлеб и судьбу
Он с народом делил.

Веря в рассвет,
Долго шел он сквозь ночь,
Горе терпеньем
Учил превозмочь.

В дни, когда вьюги
Ярились, свистя,
Мудр был, как старец,
И чист, как дитя.

Годы беды
За запретной чертой
Он выносил,
Как балкарец простой.

В сердце народа
Себя отразив,
Вечно Кайсын
Для Балкарии жив.

Хусен Джабраилович ЧЕЧЕНОВ
(1942)

Хусен Чеченов – доктор технических наук, профессор, работал в Кабардино-Балкарском госуниверситете заведующим кафедрой «Детали машин» ИТФ с 1979 года. Был проректором по научной работе университета. С 28 января 1997 года был переведен в кабинет Министров КБР и назначен Премьер-министром. Он автор многих научных работ, член-корреспондент Академии технологических наук, член Совета ВНИИАМ города Москвы, заслуженный деятель наук КБР.

Родился Хусен Чеченов в селении Гунделен, Эльбрусского района, недалеко от Тызыльского ущелья, в котором не раз бывал Кайсын Кулиев, пил нарзан, восхищался его красотой, неповторимой особенностью кавказской природы. Это об этом ущелье вспоминал Кайсын, когда писал статью «Певец свободы и света» о Пушкине: «Каждый раз как бы заново открываются мне его книги, и снова как впервые, вхожу я в огромный мир необъятных мыслей, образов, звуков, как в ущелье, где все прекрасно для меня, все удивляет».

Среднюю школу Хусен Джабраилович окончил в Гунделене. Здесь он и увидел впервые Кайсына Кулиева, когда поэт в числе других литераторов приезжал по приглашению дирекции на встречу с учащимися-балкарцами, слушал стихи в исполнении самого автора. С тех пор, пожалуй, Х. Д. Чеченов стал поклонником поэзии Кайсына Кулиева.

А годы шли, как ливни
по хребтам
Идут и переваливают горы.

Кайсын Кулиев стал прославленным поэтом, а его молодой земляк постигал высоты науки в Московском авиационном институте, будучи уже в аспирантуре. В 1975 году он защитил кандидатскую диссертацию, а потом, в 1989 году,– докторскую. Поэт и ученый встречались не раз, им было о чем поговорить и вспомнить былое: «...о первом дне литого сентября, парче чинар и холодке ракиты, лёт паутинок первых!» («Горская поэма...»)

Свое отношение к Кайсыну Кулиеву как человеку и поэту Х. Д. Чеченов выразил в своем выступлении на торжественном собрании, посвященном 80-летию поэта.

В ТВОРЧЕСТВЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА ОТПЕЧАТАЛСЯ НАШ ВЕК

Выступление Премьер-министра КБР Х. Д. Чеченова на торжественном собрании, посвященном 80-летию поэта.

Уважаемые представители общественности республики. Разрешите руководству Кабардино-Балкарии вместе с вами сердечно поздравить наших дорогих гостей на нашей земле – родине Кайсына Шуваевича Кулиева, чье 80-летие мы все отмечаем!

Сколь бы длительным сегодня ни было выступление, посвященное ему,– не охватить и доли того наследия, что он нам оставил и что должно быть понято, осмыслено и должно стать достоянием каждого человека, каждого поколения, ибо каждый человек, входящий в жизнь, каждое новое поколение будут открывать его творения для себя по-своему – он безусловный современник каждому грядущему поколению людей. Жизнь Кайсына Шуваевича Кулиева, расширенная его творчеством далеко за физические пределы его земного существования,– это единая целостная система нравственных ценностей для начинающего жизнь молодого человека, духовные ориентиры для взрослых, утешение и спокойная радость на склоне лет для пожилых.

В сомнениях, что же все-таки необходимо сказать о нем в такой день прежде всего, раз мне выпала честь произнести краткую речь в столь представительном собрании, все же решил говорить не о творчестве,– это благодарная задача не одного поколения профессиональных исследователей,– а поделиться всего лишь несколькими соображениями о Кайсыне Кулиеве и некоторых сторонах нашей жизни.

1. Малочисленные народы, живущие на всем постсоветском пространстве, более других, острее других ощущают на себе все тяготы, беды и потрясения времени, вплоть до угрозы исчезновения, и так было всегда, и это в полной мере касается народов Северного Кавказа, не исключение и кабардинский, и балкарский народы. Если эти народы выжили вопреки всем биологическим законам выживания столь малочисленных народов, чтобы избежать слова «популяция», то лишь благодаря своим

духовным, нравственным устоям. В частности, балкарский народ, который прошел не один геноцид в кромешном мраке средневековья и еще более жуткий период своей новейшей истории в 40–50-е годы этого века, жил и живет, опираясь именно на свои духовные ценности, которые никак не обусловлены для бесписьменного прежде народа ни уровнем образования, ни религиозной принадлежностью. Но именно с приходом в жизнь народа его великого сына Кайсына Шуваевича Кулиева наши духовные, нравственные ценности, вынесенные им своим творчеством на суд мирового сообщества, получили высшую пробу и вернулись к нам и ко всем грядущим поколениям, далеко расширив наше мироощущение, миропонимание, наше самосознание, наше понимание своей доли ответственности за все, что делается на земле, наконец, наше твердое желание в братстве и дружбе с другими народами войти в третье тысячелетие. Безусловно и то, что жизнь и творчество Кайсына Шуваевича Кулиева повысили, обогатили наш духовный потенциал, и всю жизнь, учась добру и справедливости, состраданию и любви к жизни у своего и других народов, он, плоть от плоти своего народа, смог стать учителем его – судьба редкая и завидная. С Кайсыном мы мудрее, мужественнее, нравственнее, увереннее в жизни, наконец, он открыл миру не себя, прежде всего он открыл миру свой народ и его духовный мир – как не быть ему за это вечно благодарным?!

2. Короткое земное пребывание Кайсына Шуваевича Кулиева совпало со многими потрясениями, в том числе общемирового масштаба, на что он откликался всей мощью своего таланта, восставая против зла во всех его проявлениях. Но, увы, мир после его ухода из этой жизни не стал если уж не добрее, то и не умнее – распалось столь дорогое ему, нам всем многоцветье народов великого Союза по национальным углам, в самом Российском Отечестве кое-где брат пошел на брата, потеряла изначальную ценность сама человеческая жизнь, дружба народов подвергается атакам отчуждения и подозрительности, температура человечества, не имеющего, как известно, множественного числа, ощутимо повысилась. Как же не вспомнить, не возжаждать пронзительного звучания слов Кайсына Кулиева о бесценной красоте жизни, о

не заменимой ничем дружбе народов, о доброте и сострадании, о недопустимости противного самому человеческому духу кровопролития и вражды народов. Это ведь он сказал: «Каждая пуля на войне попадает в сердце матери». Почему же люди, рожденные матерями и чтящие их, посылают столь бездумно и ожесточенно эти пули в сердца других матерей!

Дружба, искренняя и преданная, между народами естественна для него. Одно перечисление его друзей – это перечисление народов Кабардино-Балкарии, Кавказа, Российской Федерации, Союза и всего мира, это стихи о других народах, об их выдающихся и простых людях, это будет всегда современным, ибо только так и может жить человек! Сегодня мы особенно благодарны ему за это высокое служение дружбе и взаимопониманию, теплу доброго дружеского рукопожатия!

3. Все потрясения последних лет, имеющие свои объективные и субъективные причины, привели к тому, что человек сегодня более одинок, чем вчера, более затруднены его обстоятельства, увеличились его заботы, хотя он надеялся на обратное и продолжает надеяться. И как тут вновь не обратиться к творениям поэта. Все мы в острые моменты жизни ищем много понимающего, много видевшего и пережившего человека – собеседника, который не поучает и не советует. А его творчество – о человеке, его проблемах, его радостях и заботах, о его горе и надеждах – все выстраданное и психологически, и внутренне. Все его раздумья о самых высоких или обыденных предметах окружающего мира идут от его личного восприятия и потому лишены бодрячества, голого восторга или безысходной тоски. Строгая правда жизни во всем ее многообразии – это тот критерий, которым он руководствовался, и поэтому нам так легко находить в нем такого собеседника. И то, что его нет среди живых этого мира, только углубляет чувство совместного молчания о пережитом или мечтаемом, делает это сопереживание интимным. Это – его добрый дар каждому читающему, и мы благодарны ему.

4. Известно, что несчастье – чувство более глубокое и тонкое, чем счастье. Кайсын Шуваевич Кулиев никогда не был стандартен, особенно тогда, когда жизнь ставила его в невыносимые условия. Не все читатели, наверное,

знают, что в 1943 году по предложению Союза писателей СССР поэтический сборник Кайсына «Горы мои», находившийся в издательстве в Москве, был представлен к Государственной (Сталинской) премии, однако случившееся с балкарцами помешало стать двадцатишестилетнему Кайсыну Кулиеву лауреатом. Нигде, ни в одном стихотворении мне не пришлось читать о том, что поэт когда-либо плакал. И только из архивных материалов я узнал, что этот великий и могучий духом человек горько плакал на татарском кладбище на Крымском полуострове, с Алимом Кешоковым лежа на траве. Весной 1944 года, выписавшись из госпиталя, поэт приехал в родное село: перед ним открылся страшный лик трагедии – полуразрушенные дома, оставшиеся без присмотра домашние животные, пустынные улицы, всюду царила жестокость. Любимые горы скорбно молчали, оставшись безгласными – безлюдными. Кайсын бродил по улицам и говорил: «Это все равно, что взять младенца и выбросить в окно морозной ночью!..»

Не все читатели, наверное, знают и то, что в 1954 году вместе с киргизской делегацией Кайсын Кулиев ездил на 2-й съезд писателей, и там он с еще большей силой почувствовал остроту горя. «Меня в литературе не существовало и никого я не представлял на съезде»,– вспоминал он впоследствии. Поэту часто советовали забыть о случившемся. «Зачем бередить старые раны? Страшное суждение!!– возмущался он.– Случившееся с целыми народами – это не просто старые раны, а трагический кусок их истории, большая частица их сердца. Это не сломанная лопата, которую можно выбросить и забыть». И он пошел по кровавым следам своего народа, и эти тринадцать лет стали для него годами печального существования без имени, унизительной зависимости от комендантского режима, трагического ощущения своей ненужности, внутреннего бессилия. Но испытания не обозлили Кайсына Кулиева, а, наоборот, обогатили его духовный мир, обострили восприятие им жизни, не убили в нем гордый дух, не загнали его трезвый разум в рамки другого приятия реального мира. В его многих бедах и несчастьях сгорели не чувства сострадания другому, доброта, восхищение красотой и многоцветьем жизни, а сгорели все свойственные людям соблазны и изъя-

ны мира сего, и из пламени многих бед и потрясений, самым большим из которых для него была депортация его народа, он вышел человеком, в котором нашлось место для бед и несчастий других, щедрость души и доброта которого были опорой каждому, кто в этом нуждался. Уже в этом зале, не говоря о широком мире за его стенами, есть тому не один свидетель.

Кто знает, сколько бы прожил Кайсын, если бы жизнь не била его больно и жестоко, если бы он с присущей ему щедростью не растрачивал бы свою душу и свое здоровье, чтобы делать добро и воспевать добро, если бы он писал без особого надрыва нужные, «программные» стихи, если бы он сумел хотя бы однажды выразить до конца то, что тяжелым грузом лежало у него на сердце. Но, увы!– он не дожил до эпохи трагической правды, но оставил свою высокую поэзию в лучшем смысле этого слова, которая будет современной всегда. В связи с этим вспоминаются слова одного государственного чиновника, который стал в свое время вершителем судьбы «Книги земли», выдвинутой на соискание Ленинской премии в 1975 году, о том, что особенного в поэзии Кайсына Кулиева, ведь он пишет так, как писали во времена Гомера. «Книга земли» не была удостоена искомой премии, чиновник не работает, но имя Кайсына звучит на многих языках мира и будет звучать именно потому, что то, о чем писал поэт, ново, современно, жизненно во все времена, потому что Кайсын Кулиев феноменально сочетал в себе мудрость и прошлого, и настоящего, и будущего.

5. Не смогу обойти тему, которую он не оставлял никогда – песнь о женщине. О женщине слагали стихи, видимо, с того момента, когда человеческий язык обрел дар слова, и о ней писали так, что не один прекрасный автор и родивший его народ остались в вечной памяти человеческой цивилизации,– но он сумел найти свои слова, слова вечные, он сумел оставить их хотя бы в душе читающего человека отныне и вовек.

Плещется купальщица в воде,
Нету зла и смерти нет нигде,

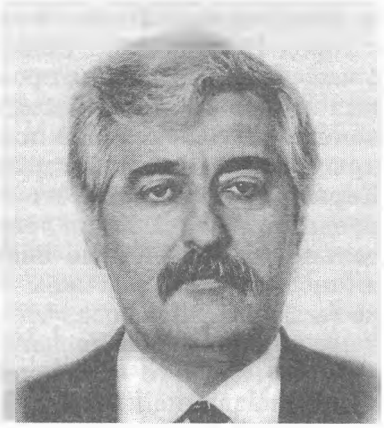
В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,

Войн ни на одном материке...
Женщина купается в реке.

И надо же было человеку, написавшему это и всю жизнь воспевавшему радость от сознания вечности жизни и ее бесценности, ее красоту после всех суровых испытаний, посланных ему судьбой, пройти самый суровый экзамен – на верность тому, что он воспевал, своему назначению на земле, когда он узнал, что смертельно болен! Мы, современники, невольные свидетели тому, что его мужество и верность тоже оказались высшей пробы,– он с высоким достоинством ушел из жизни, продолжая добро вглядываться в нас, продолжая славить жизнь, красоту, хлеб, человека – чему свидетельством его последняя книга, благословляя нас и завещая нам жизнь и братство, дружбу, красоту мира, единство. Как же все это необходимо нам сегодня и как за это не быть благодарным ему?!

6. В далеком будущем, если потомкам понадобится узнать о нашей материальной жизни, о различных сторонах нашего бытия, они возьмут справочники, статистические данные и прочее, но если они захотят (а захотят конечно же) узнать, какие же мы были – люди рубежа двух веков,– им будет достаточно вчитаться в строки балкарца Кайсына Шуваевича Кулиева – поэта всех народов, ибо в его творчестве отпечатался наш век. Если бы надо было отправить в иные миры представление об образе человека земли – то это образ человека, воспетый им.

Каншаубий Адраевич МИЗИЕВ (1951)



Каншаубий Мизиев – переводчик стихов Кайсына Кулиева на турецкий язык, координатор по странам СНГ фирмы «Идиль», проживает постоянно в Турции.

Он родился 17 февраля 1951 года в городе Туркестан, Казахской ССР. В 1957 году вместе с семьей переехал в КБАССР в селение Яникой. Там же поступил в первый класс. Школу окончил в 1968 году. После окончания средней школы работал слесарем на руднике «Молибден» Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината. В 1969 году поступил в Институт восточных языков при МГУ, который окончил в 1975 году. В период учебы был на стажировке в Турции. После окончания учебы работал в институте языкознания АН СССР в Москве, в Министерстве культуры. С 1981 году – в Институте общественных наук, был организатором киноконцертной деятельности в ТПО «Интернет» (1991) и директором МП «Казбал» (1992) в Москве, а с 1993 года стал координатором по странам СНГ фирмы «Идиль».

Другом Кайсына Кулиева он не был, по работе не встречался, но очень много сделал для известности поэта балкарского народа в Турции, особенно когда отмечали 80-летие со дня рождения Кулиева в России, СНГ и Турции. Начиная с 1994-го Каншаубий Мизиев стал настоящим пропагандистом творчества Кайсына Кулиева в Турции. Книга стихов «Раненый камень» переведена на турецкий язык тоже благодаря ему. В статье «Поэзия Кайсына Кулиева в Турции» он просто информирует читателей о том, когда и где опубликованы стихи Кулиева на турецком языке.

Уважаемые Салих Ибрагимович, Тамара Емельяновна и Фуад Салихович!

С чувством глубокого удовлетворения и благодарности к Вам прочитал первую научную биографию незаб-

венного Кайсына Кулиева. Получив в подарок, когда приехал на юбилейные торжества вместе с турецкой делегацией, вернувшись в Стамбул 20.11.97 г. я, не успев прочитать Вашу книгу, забрал ее с собой в командировку в Башкирию (правильнее будет в Башкортостан) 24.11.97 г. и на следующий день рано утром на машине выехал в город Нефтекамск. Всю дорогу туда и обратно (около 5 часов), не отрываясь, прочитал и, проезжая среди высоких сосновых лесов, временами бросая взгляд на бесконечные и белоснежные поля, которые вдохновили и открыли путь к высокой поэзии другу Кайсына – Мустаю Кариму, я был горд и счастлив тем, что мы, балкарцы, представители малочисленного народа, прочитавшие детально исследованные биографии многих выдающихся личностей, теперь можем гордиться, что заложено начало (а я не сомневаюсь, что это только начало) многолетнему научному исследованию биографии такой «глыбы», «такого могучего человечища», такого уникального явления, название которому – КАЙСЫН КУЛИЕВ. Я уверен, что на Вашу книгу откликнутся сотни друзей, почитателей, ревнителей, недругов и может даже врагов (это даже хорошо), которые будут дополнять Вас, спорить с Вами, ссориться с Вами (все это так естественно!), но все это будет Вам на пользу (и нам тоже) и поможет нарисовать полную картину становления этой уникальной личности.

Я, к сожалению, нечасто видел Кайсына (всего 5–6 раз), поэтому не смогу внести ощутимый вклад в его жизненную биографию, но все равно попытаюсь написать воспоминания и как-нибудь отправлю Вам.

А в этом письме я бы хотел написать о том, что сделано мною для пропаганды имени нашего великого поэта в Турции. К сожалению, ранее имя Кайсына в Турции не было известно (буду рад если появится обратное утверждение). Приехав в Турцию в 1993 г., я связался с турецкими поэтами, издателями, журналистами и выяснил, что до этого не было переводов, изданий Кайсына.

1. Первым изданием, куда я отправил переводы Кайсына, была книга:

TÜRK DÜNYASI ÇAGDAS EDEBİYATI (Metin Akar, Sebahat Deniz, Fahrünnisa Bilecik), ISTANBUL, 1994 y., Yesevi Yayincilik.

Современная литература тюркского мира/Сост.: Метин Акар, Себахат Дениз, Фахрюннюса Биледжик. Стамбул: Ясеви Йайынджылык, 1994. С. 221, 222.

В этой антологии, которая рекомендована в качестве учебного пособия для турецких школ вышли стихи: «Хант тузунгу, балынгы да..», «Ат арыр, ёгюз да арыр...» и небольшая биография Кайсына.

2. Вторым названием на турецком языке было то же стихотворение: «Хант тузунгу, балынгы да...» (Журнал «Есеви»/Пер. Каншаубия Мизиева. Стамбул. 1995.)

3. В 1996 г. я вместе с турецким поэтом Анылом Меричелли начал работать над переводами советских поэтов на турецкий язык. В наших с ним переводах (поэтиче-ских) вышли в разных изданиях стихи Б. Пастернака, Г. Иванова, Р. Рождественского, К. Мечиева, М. Карима. Но первым, кого мы перевели и напечатали, был Кайсын Кулиев: DÜSLEM, yil I, sayi I, 1997 y. Anil Meriçelli/Anatoli Miziev – SÜRGÜNDE BİR SAIR: KAYSIN KULIEV. S. 38–39. Siirler – Türkçesi: Anil Meriçelli/ Anatoli Miziev.

Журнал «Дюшлем» («Мечтание»), № 1, май 1997 г. Аныл Меричелли/Анатолий Мизиев – Поэт в ссылке: Кайсын Кулиев, (Вступ. слово: Аныл Меричелли), С. 38–39. Стихи К. Кулиева: «Чегем черегине», «Бу къоллары бла...», «Сюймекликни жара табларын...», «Ачны токъ билмез...». Перевод на турецкий Аныла Меричелли и Анатолия Мизиева.

4. В 1997 г. вышла книга переводов с англо-американской и советской поэзии поэта и переводчика Аныла Меричелли. Вместе с переводами стихов Роберта Бёрнса, Эмилии Диккинсон, Карла Сандберга, Роберта Фроста и других английских и американских поэтов в книгу были включены и наши с А. Меричелли переводы стихов Кайсына Кулиева, Кязима Мечиева, Бориса Пастернака и др. поэтов: KIRMIZI KIRMIZI BIR GÜLDÜR ASKIM, ISTANBUL 1997 Çeviri Siirler. Kaysin KULIEV – Siirler. S. 87–90. Biografisi: S. 121. Insancil Yayinlari

Аныл Меричелли. Кырмызы кырмызы бир гюльдюр ашкым (Моя любовь – красная-красная роза). Книга переводов. Стихи К. Кулиева: «Чегем черегине», «Сюймек-

ликни жара табларын...», «Бу къолларым бла...», «Ачны токъ билмез...». Перевод на турецкий Аныла Меричелли и Анатолия Мизиева, С. 88–90; биография К. Кулиева: С. 121. (Стамбул: Инсаджил йайынлары, 1997.)

5. Кайсын Кулиев. Раненый камень. (Стихи с параллельным текстом на балкарском и турецком языках). Перевод на турецкий язык Каншаубия Мизиева. Анкара: Издательство Фонда Ахмеда Ясеви, 1997 г.– 144 с.

Къули Къайсын. Жаралы таш (Малкъар эм тюрк тилледе). Кёчюрген Мызыланы Къаншаубий. Анкара: Ахмат Ясави Фондну басмасы, 1997 ж.– 144 бет.

KAYSIN KULIEV. YARALI TAS. /Siirler/. (Balkarca ve Türkçe) Türkcesi: Kansaubiy MIZIEV, ANKARA: Ahmet Yesevi Vakfi Yayinlari, 1997.– 144 sayfa.

6. Журнал «Инсанджил». 1997. Ноябрь. № 85. Статья Дженгиза Гюндогду «Йылдыз гюнджеси» (Звездный дневник) начинается словами: «Стихотворение Кайсына Кулиева: Бу къолларым бла асырагъанма (Къазауатда жоюлгъан солдатланы) Суукъ кюллерине да къарагъанма (Зулмуну бузу ёчюлтген отланы) Ма бу назмуну жазгъан къолум бла (Байлагъанма къарда окъ жараланы) Эште: Саумуса сен, къыйынлы бала?!»– (Деген ауазларын да аналаны) (на турец. яз.).

Вчера ночью, когда сидел на балконе попивая «раки» (турецкая водка.– *К. М.*), я вспомнил эти стихи. Сердце защемило болью. Каждый день по телевизору показывают материалы об «убитых», о «террористах». Юные лица... Убитые горем матери. Эту стычку... у меня язык не поворачивается (душа не соглашается) назвать это войной... опять же остановить придется нам.

Мы обязаны остановить эту стычку. Иначе эта ненависть, эта месть приведет жителей Анатолии к адской смуте...». С. 58.

Как видно из этой статьи, Кайсын Кулиев не успел выйти на турецком языке, а уже начал работать на мирные дела, на него начались ссылки, и, самое главное, его стихи, всегда служившие миру и добру и в Турции, где неспокойно на восточных границах страны из-за стычек с курдскими боевиками, опять служат для этих же целей, поскольку все еще есть убитые, а значит и «убитые горем матери».

7. Журнал «Инсанджил». Стамбул. 1997. Декабрь. № 86. С. 7.

Опубликовано стихотворение Мустая Карима «Под солнцем высоким», посвященное Кайсыну Кулиеву. Перевод на турецкий Аныла Меричелли и Анатолия Мизиева.

8. Журнал «Йесиви». Стамбул. 1998. Январь. № 49. С. 34–36.

Опубликована статья Каншаубия Мизиева «Путешествие из Москвы в Нальчик» (на празднование 80-летия поэта балкарских гор Кайсына Кулиева). В статье описаны торжества, проведенные в Нальчике, Баксане, Прохладном, Нижнем Чегеме и в I-м Чегеме и посвященные 80-летию Кайсына Кулиева.

9. Журнал «Инсанджил». Стамбул. 1998. Март. № 89. С. 43, 44.

Опубликована статья Аныла Меричелли «Кайсын Кулиев». В статье даются отрывки из биографии поэта, отклики турецкой печати, турецкого радио на стихи Кайсына Кулиева, а также строки из некоторых стихотворений К. Кулиева.

10. Журнал «Яшасын эдебият». Стамбул. 1998. Март. № 50. С. 50.

Опубликованы два стихотворения Кайсына Кулиева: «...Тиширыу ариулугъу – бек жарыкъ чыракъ...» и «Тиширыу сууда жууунады».

Кайсын Кулиев: «Кадынын гюзеллиги», «Кыз суда йыканыйор». Перевод на турецкий Аныла Меричелли и Анатолия Мизиева.

11. Журнал «Инсанджил». Стамбул. 1998. Апрель. № 90. С. 14.

Опубликовано стихотворение Кайсына Кулиева: «Тепсей тургъан къызгъа» в переводе Аныла Меричелли и Анатолия Мизиева.

Кайсын Кулиев: «Ёзгюрдюгюн яагмуру ягыйор» (Данс эден кыза).

12. Журнал «Хабер бюлтени», издание Университета им. Ахмеда Ясеви. Анкара. 1997. Ноябрь – декабрь. С. 22, 23.

Под заголовком: «Всемирно известный балкарский поэт и писатель тюркского мира Кайсын Кулиев. Торжества, посвященные 80-летию» опубликованы материалы

о закладке парка им. Кайсына Кулиева в Анкаре, о торжественном заседании 21. 12. 1997 г. в здании Музея скульптуры и живописи и о визите правительственной делегации Кабардино-Балкарии в Турцию в связи с празднованием юбилея поэта.

В этом же издании на С. 24.

Опубликовано стихотворение К. Кулиева: «Бек къыйын кюн айтылгъан назму» на балкарском и турецком (перевод Каншаубия Мизиева) языках.

Кайсын Кулиев: «Эн зор гюн сёйленен шиир».

13. Бюллетень «Идиль ден хаберлер», спецвыпуск, посвященный Башкортостану. Стамбул. 1998. Январь. № 14. С. 15.

В материалах, посвященных известному башкирскому поэту Мустаю Кариму, опубликовано его стихотворение: «Под солнцем высоким», посвященное Кайсыну Кулиеву. Перевод Аныла Меричелли и Анатолия Мизиева.

ПОЭЗИЯ КАЙСЫНА КУЛИЕВА В ТУРЦИИ

1. Первый перевод стихов Кайсына Кулиева я отправил для книги «Современная литература тюркского мира», Издательство Ясеви Яйынджылык, Стамбул, 1994. С. 221–222. Перевод Каншаубия Мизиева. Стихи: «Хант тузунгу...», «Ат арыр...» и краткая биография поэта. Думаю, это было первое издание К. Кулиева на турецком языке.

2. Журнал «Ясеви», Стамбул, 1995. Стихотворение «Хант тузунгу...». Перевод К. Мизиева.

3. Журнал «Дюшлем». Бурса. 1997. Май. № 1. С. 38–39. Стихи: «Чегем черегине», «Бу къолларым бла...», «Сюймекликни жара табларын...», «Ачны токъ билмез...». Перевод на турецкий Аныла Меричелли и Анатолия Мизиева. (Вступительная статья: Поэт в ссылке/ Аныл Меричелли).

4. В 1997 г. вышла книга переводов с англо-американской и советской поэзии поэта и переводчика Аныла Меричелли «Кырмызы кырмызы бир гюльдюр ашкым» (Моя любовь – красная-красная роза). Вместе с переводами стихов Роберта Бёрнса, Эмилии Диккинсон, Карла Сандберга, Роберта Фроста и др. английских и американ-

ских поэтов в книгу были включены и наши с А. Меричелли переводы стихов Кайсына Кулиева, Кязима Мечиева, Бориса Пастернака и др. поэтов. Стихи К. Кулиева: «Чегем черегине», «Бу къолларым бла...», «Сюймекликни жара табларын...», «Ачны токъ билмез...». Перевод на турецкий Аныла Меричелли и Анатолия Мизиева, С. 88, 90; биография К. Кулиева, С. 121; Изд-во «Инсанджил яйынлары», Стамбул, 1997.

5. Кайсын Кулиев. Раненый камень. (Книга стихов на балкарском языке с параллельным подстрочным переводом на турецкий язык). Перевод Каншаубия Мизиева. Издание Фонда им. Ахмеда Ясеви. Вступ. слово Намык Кемаль Зейбек, слово о К. Кулиеве: Хуриет Эрсой. Анкара, 1997. 144 с.

6. Журнал «Инсанджил». Стамбул. 1997. Сентябрь. № 85. С. 58. Писатель Дженгиз Гюндогду в статье, посвященной жестокой теме стычек с курдскими боевиками, призывая остановить кровопролитие на востоке Турции, приводит полностью стихотворение К. Кулиева «Бу къолларым бла...».

7. Журнал «Инсанджил». Стамбул. 1997. Декабрь. № 86. С. 7. Опубликовано стихотворение Мустая Карима «Под солнцем высоким», посвященное Кайсыну Кулиеву. Перевод на турецкий Аныла Меричелли и Анатолия Мизиева.

8. Журнал «Ясеви». Стамбул. 1998. Январь. № 49. С. 34–36. Опубликована статья Каншаубия Мизиева «Путешествие из Москвы в Нальчик» (на празднование 80-летия поэта балкарских гор Кайсына Кулиева). В статье описаны торжества, проведенные в Нальчике, Баксане, Прохладном, Нижнем Чегеме и I-м Чегеме и посвященные 80-летию поэта.

9. Журнал «Инсанджил». Стамбул. 1998. Март. № 89. С. 43, 44. Опубликована статья Аныла Меричелли «Кайсын Кулиев». В статье даются отрывки из биографии К. Кулиева, отклики турецкой печати, турецкого радио на стихи поэта, а также строки из некоторых стихотворений.

10. Журнал «Яашасын эдебият». Стамбул. 1998. Март. № 5. С. 50. Опубликованы два стихотворения К. Кулиева: «Тиширыу ариулугъу – бек жарыкъ чы-

ракъ...» и «Тиширыу сууда жууунады». Перевод на турецкий Аныла Меричелли и Анатолия Мизиева.

11. Журнал «Инсанджил». Стамбул. 1998. Апрель. № 90. С. 14. Опубликовано стихотворение К. Кулиева «Тепсей тургъан къызъа» в переводе Аныла Меричелли и Анатолия Мизиева.

12. Журнал «Хабер бюлтени», издание Университета им. Ахмеда Ясеви. Анкара. 1997. Ноябрь – декабрь. С. 22–23. Под заголовком «Всемирно известный балкарский поэт и писатель тюркского мира Кайсын Кулиев. Торжества, посвященные 80-летию» опубликованы материалы о закладке парка им. Кайсына Кулиева в Анкаре, о торжественном заседании 21.12. 1997 г. в Музее скульптуры и живописи и о визите правительственной делегации Кабардино-Балкарии в Турцию в связи с празднованием юбилея поэта.

В этом же издании на странице 24 опубликовано стихотворение «Бек къыйын кюн айтылгъан назму» на балкарском и турецком языках (перевод на турецкий К. Мизиева).

13. Бюллетень «Идильден хаберлер», спецвыпуск, посвященный Башкортостану. Стамбул. 1998. Январь. № 14. С. 15. В материалах, посвященных известному башкирскому поэту Мустаю Кариму опубликовано стихотворение поэта «Под солнцем высоким», посвященное К. Кулиеву. Перевод А. Меричелли и А. Мизиева.

14. Журнал «Инсан шийир дефтери». Анталья. 1998. Июль. № 2. С. 16. Опубликовано стихотворение К. Кулиева «Фирюза» в переводе Каншаубия Мизиева и Ахмеда Неждета. Дана краткая биография поэта.

15. Журнал «Инсанджил». Стамбул. 1998. Сентябрь. № 95. С. 45. В дневниковых записках писателя и поэта Рушена Хаккы опубликована небольшая рецензия на книгу К. Кулиева «Раненый камень». Дана краткая биография поэта и приведены строки наиболее понравившихся стихов: «Мени сёзюм» и «Бир жаш философну къагъытына жууаб».

16. Приложение «Китап» к газете «Джумхуриет». 1999. 7 января. № 464. В разделе «Поэтический атлас» (с. 18), подготовленном известным турецким поэтом и переводчиком Джеватом Чапаном опубликованы 8 стихотворений Кайсына Кулиева в переводах Каншаубия

Мизиева и Ахмеда Неждета: «Къара ат акъ къарда ёледи», «Бешик жыргъа къайгъы...», «Билип къой, жюрегим эмилик ат...», «Къарангы къайда жетсе...», «Сабий жылай ёседи...», «Фирюза», «Чегем ташыча бек болургъа...», «Кавказ».

17. Приложение к газете «Миллиет» – «Газете Пазар» от 10 января 1999. С. 10. Опубликовано стихотворение К. Кулиева «Фирюза» в переводе Каншаубия Мизиева и Ахмеда Неждета.

Ирина Салиховна ЖЕТИШЕВА
(1960)

Ирина Салиховна родилась в Волгограде, откуда родом ее мать, Тамара Емельяновна Афанасьева, в замужестве Эфендиева. С отличием окончила среднюю школу № 9 города Нальчика и в этом же году поступила в Кабардино-Балкарский государственный университет на медфак, который она окончила с красным дипломом.

В числе других выпускников университета она была направлена в Москву для обучения в ординатуре при кафедре госпитальной терапии 2-го Московского государственного медицинского института им. Н. И. Пирогова, после окончания которого поступила в аспирантуру. 19 февраля 1990 года на заседании специализированного Ученого Совета 2-го МОСГМИ им. Н. И. Пирогова ей была присуждена степень кандидата медицинских наук, и она была принята на работу в КБГУ в качестве старшего преподавателя медицинского факультета.

За годы работы в университете она проявила склонность к науке, была участницей многих научных конференций и симпозиумов в Москве и Нальчике. В 1999 году получила диплом доцента. Как врач и ученый Ирина Салиховна состоялась давно. У нее и ее мужа – Рашида Абдуловича Жетижева, кандидата медицинских наук, доцента кафедры детских болезней – совместные научные интересы. Поэтому она поддержала решение мужа уйти в докторантуру и продолжать учиться дальше в Санкт-Петербурге. Кроме науки их объединяет любовь к художественной литературе. Увлечение лирикой Кайсына Кулиева – не случайный факт их биографии. Оба они – яркие личности, которые не могли пройти мимо яркого таланта и не полюбить поэта бесконечной доброты и чуткости,– Кайсына Кулиева.

Воспоминания Ирины Салиховны краткие, но это факты биографии Кулиева.

ЕСТЬ ПАМЯТЬ О ДЕТСТВЕ, РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ...

Так писал Кайсын Кулиев в стихотворении «На свете есть снег...», опубликованном в сборнике стихов «Звездам – гореть!» (М., 1973).

Мои воспоминания о Кайсыне Кулиеве связаны с родительским домом: в нашей небольшой семье, состоящей из четырех человек – отца, матери, брата и меня, всегда чтили Кулиева. Мои детские воспоминания связаны с ним: в доме хранился семейный архив поэта, который постоянно пополнялся фотографиями, различными материалами периодической печати о нем, письмами Кулиева к моим родителям, его книгами с дарственными надписями, очень лестными для моих родителей. Вот некоторые из них: «Милый Салих, будь счастлив! К. Кулиев. 4 сентября 1969»; «Тамаре Эфендиевой. Всего самого хорошего тебе, Салиху и детям! К. Кулиев. 31 марта 1975 г. Москва. Больница». Или читаем на суперобложке сборника избранной лирики «Звездам – гореть!»: «Тамаре и Салиху Эфендиевым, моим дорогим друзьям с любовью. К. Кулиев. 17 октября 1973 г.».

Мне в этот год было 13 лет, и я хорошо понимала, как гордились мои папа и мама этой душевно щедрой строкой поэта: он причислял моих любимых родителей к своим дорогим друзьям. Тогда я еще не могла понять смысла истины словосочетания «дорогие друзья», как и его изречения – «черный хлеб и беда учат многому нас...». Только уже потом, будучи в возрасте мамы, когда она писала докторскую диссертацию по творчеству Кайсына Кулиева, я уразумела всю мудрость и значительность сказанного поэтом. Сейчас, будучи сорокалетней женщиной, кандидатом медицинских наук, доцентом КБГУ, много пережившей и испытавшей горе, все по-иному воспринимаю и иначе понимаю поэта, сказавшего в 1960 году (в этот год я родилась):

Как быстротечен век, наш век недлинный,
Как нелегко осмыслить до конца,
Что нас переживет кувшин из глины,
Что грамм свинца сильнее храбреца.

Перевел *Н. Гребнев*

Несмотря на разницу лет, я – современница поэта. Была лично знакома с ним, встречалась в Нальчике и Москве, слушала его выступления на вечерах поэзии, встречах с писателями, которые устраивались в университете для студентов. В те годы была сильна идеология о преемственности поколений советских людей, и Кулиев много писал об этом непреходящем законе бытия. В частности, в стихотворении «Возражение философу» (1968) есть такие строки, полные символического смысла:

Упадет солдат на поле боя –
выйдет в поле сын ему под стать,
засияет чистой красотою
девушка, похожая на мать.

Перевел *Н. Гребнев*

Мне кажется, что ровесники моего поколения искренне любили стихи Кайсына Кулиева и всегда охотно шли на встречу с ним, а потом с каким-то вдохновенным чувством цитировали его лирические признания, выдавая как бы за свои лично пережитые чувства: такова сила истинной поэзии! Такая поэзия будет волновать, возвышать, облагораживать и другие поколения, которые придут вслед за нами, в XXI веке.

Кайсын Кулиев – властитель дум и душ балкарской молодежи, своих земляков среднего и старшего возраста. У каждого балкарца в доме есть сборники стихов почитаемого ими поэта. Для них Кулиев – это мудрый седоглавый Эльбрус, воспетый им не раз и не два. Помню, как меня взволновали строчки поэта, которые процитировал мой муж Рашид Абдулович Жетишев, когда мы присели во время прогулки отдохнуть. С нами были дети, Рустам и Джамиля, ученики школы-гимназии № 5 города Нальчика. Вот эти стихи:

На землю белую легли
Следы – твои, мои, иные...
Великий снегопад любви
Сплотил нас, путники земные!

Нас где-то ждут. О нас грустят.
О нас во сне лепечут дети.
А если все это не так –
Что белого на белом свете?

Перевела *Б. Ахмадулина*

Книгу стихов и поэм «Человек. Птица. Дерево» (М., 1985), за которую посмертно была присуждена Кулиеву Ленинская премия в 1990 году, Р. А. Жетишев купил в Санкт-Петербурге, привез с собой в Нальчик и подарил профессору КБГУ Т. Е. Эфендиевой с дарственной надписью: «Глубокоуважаемой Тамаре Емельяновне на добрую память от искренне Вашего Рашида. 5.XI–85 г.». Он знал, что это будет дорогой подарок для человека, который почти всю свою сознательную жизнь посвятил изучению творчества Кайсына Кулиева. Рашид Жетишев не раз удивлялся, что, защитив кандидатскую диссертацию по методике преподавания литературы, Т. Е. Эфендиева обратилась в другую область науки – стала, как не раз говорил поэт, кайсыноведом, летописцем жизни Кайсына Кулиева. Первую свою статью о Кулиеве она опубликовала в сентябре 1967 года в газете «Коммунизмге жол», приуроченную к 50-летию со дня рождения поэта. С тех пор, почти за тридцать лет, она опубликовала о Кайсыне Кулиеве более двухсот статей, четыре монографии, несколько методических пособий, разработок и указаний, предназначенных для спецкурсов и спецсеминаров по творчеству Кайсына Кулиева. Все это естественно и объяснимо, как и то, что ее аспиранты и соискатели защищали и защищают кандидатские диссертации по творчеству К. Ш. Кулиева. Профессор Эфендиева создала целое направление в науке, и ее талантливые ученики продолжают исследовать в литературоведческом и философском плане творчество К. Ш. Кулиева. Удивительно другое: она обратила в свою веру двух философов – мужа и сына. Они стали не просто поклонниками яркого таланта Кулиева, а тоже кайсыноведами. Доктор философских наук, профессор, завкафедрой философии КБГУ С. И. Эфендиев отошел в 90-е годы от исследования проблем патриотизма, интернационализма, национальных отношений на Северном Кавказе и начал с того, что досконально изучил ЦГА КБР,

фонд 852 – Кайсына Кулиева, подготовил и провел научную конференцию, посвященную 80-летию со дня рождения поэта (1997) с привлечением многих ученых Северного Кавказа, сделал и опубликовал доклад «Кайсын Кулиев и проблемы национального возрождения», получивший высокую оценку участников научного форума. Он ездил с делегацией в Турцию, где также отмечался юбилей поэта, подготовил и выпустил по линии торгово-издательского центра «Эль-Фа» к юбилею Кулиева два тома научной биографии (Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев. «Кайсын Шуваевич Кулиев». Биография поэта. Часть первая. 1917–1958. Нальчик, 1997. 248 с.; Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев, Ф. С. Эфендиев. «Кайсын Шуваевич Кулиев». Биография поэта. Часть вторая. 1959–1985. Нальчик, 1997. 421 с.). А в 1998-м и 1999 годах Салих Ибрагимович в соавторстве с женой и сыном подготовил еще два тома – «Друзья Кайсына Кулиева» и «Воспоминания современников о Кайсыне Кулиеве». Конечно, не влияние Тамары Емельяновны на своих близких – Салиха и Фуада, а только воздействие таланта Кулиева позволяет объяснить увлечение поэзией этого горца XX века, которого Мать-природа щедро одарила и позволила выйти ему на общечеловеческое поприще поэзии.

Кулиев писал:

Воспоминанья – горные леса,
Где веет побывавший в прошлом ветер,
Где слышатся поныне голоса
Людей, которых нет уже на свете.

Перевел *Н. Гребнев*

Более 15 лет нет с нами Кулиева. А я слышу его голос, вижу его приветливую улыбку, как тогда, когда пошла навестить его в больницу. Это было в январе 1983 года. Тогда я училась в ординатуре при кафедре госпитальной терапии 2-го Московского государственного медицинского института им. Н. И. Пирогова. Как сейчас помню: он лежал в просторной 624-й палате в спецбольнице на Мичуринском проспекте. Поэт обрадовался моему неожиданному визиту, расспрашивал меня о моей учебе в ординатуре, работе врача, интересовался моими планами на будущее, скоро ли я поеду в Нальчик и кто

еще из балкарцев учится вместе со мной. Рассказывал он и о себе, о своем лечении и о том, что в течение 23 дней он должен пройти вновь назначенный курс трудного лечения. После этого посещения я еще несколько раз приходила к нему, приносила ему красные гвоздики и говорила о том, как прекрасна его поэзия и как в семье Эфендиевых любят его стихи. 30 января вместе с цветами я принесла газету «Правда», в которой были опубликованы его стихи «Из поэтической тетради» в переводе с балкарского Л. Шерешевского. Он бегло просмотрел газету и положил ее на столик, сказав: «Почитаю позже». Вечером я позвонила в Нальчик домой и сообщила номер телефона палаты, чтобы могли позвонить Кайсыну Шуваевичу его ближайшие друзья. Я знала, как беспокоились мои родители и все те, кто искренне любил поэта о состоянии здоровья Кайсына Шуваевича.

Последний раз я его навестила в больнице 5 февраля 1983 года, о чем он и написал моим родителям в Нальчик. Привожу его письмо в сокращении.

«Дорогая Тамара Емельяновна!– писал он.– Примите мою сердечную благодарность за Ваше письмо. Я получил его. Я не только рад, я счастлив тем, что Салих уже получил диплом доктора философских наук! Горячо, всем сердцем поздравляю моего дорогого Салиха и Вас также, милая Тамара Емельяновна! Молодец Салих! Вот так надо! Знай наших! Надо доказывать миру своими делами, что балкарцы не лыком шиты...

Обнимаю моего дорогого Салиха, целую! Радуюсь, ликую!

Сегодня у меня была Ваша Ира. Принесла подарки. Замечательно еще и то, что у Вас такая хорошая дочь. С этим тоже поздравляю. Это огромное дело...»

Кроме письма, Кулиев дал телеграмму, в которой тоже поздравил папу с защитой и получением диплома доктора философских наук. Вероятно, Кулиев хотел подчеркнуть значимость этого события не только в личной жизни человека, но и в культурной жизни своих земляков: Салих Эфендиев тогда стал первым доктором философских наук среди балкарцев.

Отношение Кайсына Шуваевича к моим родителям было особенное: он уважал их как ученых, вышедших из крестьянской среды, добившихся ученых степеней бла-

годаря своему трудолюбию и целеустремленности. Дружба с поэтом продолжалась около 30 лет. Они посылали поэту свои монографии, и он это ценил. Так, через год, 24 января 1984 года, Кулиев снова писал им, но уже из Чегема:

«Дорогая Тамара Емельяновна! Благодарю Вас за книгу Салиха с сыном «В памяти навечно» (Нальчик, 1983). Они молодцы – правильно сделали, что издали такую книжку. Особенно это касается наших ушедших из жизни деятелей-земляков, ушедших тихо, незаметно и чаще всего трагически.

Эфендиевы, отец и сын, поступили благородно. Я шлю им привет.

Вчера я получил и смоленскую книжку. Спасибо Вам, Тамара Емельяновна, за Ваш патриотизм и энтузиазм. Этим своим рвением Вы заслужили похвалу...

Передайте мой привет Салиху и Вашим хорошим детям – Ирине и Фуаду. Я до сих пор продолжаю радоваться тому, что Салих стал доктором философских наук! Как это хорошо!

Еще раз благодарю Вас, Тамара Емельяновна.

Вам с уважением и благодарностью шлет привет моя Элизат. Мы поздравляем Вас, милых наших Эфендиевых, с Новым Годом, желаем Вам здоровья и всего самого доброго.

Ваш *Кайсын Кулиев*».

После окончания ординатуры я решила поступить в аспирантуру при этом же 2-м Московском государственном медицинском институте им. Н. И. Пирогова. Рекомендации были хорошими. Академик АМН СССР, профессор А. Г. Чучалин, под руководством которого я работала в ординатуре, советовал поступать в аспирантуру к нему на кафедру по специальности 14.00.43 – пульмонология. Еще в феврале 1983 года, когда я была в больнице у Кайсына Шуваевича, он поинтересовался моим будущим и спросил меня, думаю ли я об аспирантуре. Я отвечала, что меня интересуют причины заболевания бронхиальной астмой и методы лечения больных и, конечно, хотела бы остаться и дальше работать под руководством А. Г. Чучалина. И вдруг поэт сказал: «В Минздраве РСФСР у меня есть хороший друг, который меня лечит и опекает,– это академик Чазов. Я напишу ему рекомен-

дательное письмо». Я смутилась и стала благодарить Кайсына Шуваевича. В душе я была рада найти поддержку таких влиятельных людей. Кулиев сдержал свое обещание. У меня до сих пор хранится его письмо к профессору Е. И. Чазову. Оно дорого для меня, поэтому я не отдала его известному ученому, одному из светил медицинской науки. Пусть простит меня Е. И. Чазов.

В аспирантуру я поступила: достаточно было моих знаний и ходатайства ректората КБГУ за подписью В. К. Тлостанова.

Узнав, что К. Ш. Кулиев с супругой Элизат находятся в столице и проживают они в гостинице «Москва», я пришла поблагодарить его и поздравить с открытием в конце сентября 1984 года юбилейного пленума Правления СП СССР. Поэт был его участником. В этой же гостинице находились Расул Гамзатов, Максим Танк и другие известные литераторы страны. Я не решалась подняться в номер Кулиевых, так как надо было получить разрешение дежурного администратора и личное согласие поэта. С букетом цветов я ждала его у входа в гостиницу. Рядом дежурили такси. В начале десятого вышел Кайсын Шуваевич. С ним был его сын Алим. Элизат осталась в номере. Кулиев и Алим о чем-то горячо спорили. Поэт был взволнован. Увидев меня, направлявшуюся к ним навстречу, они смолкли и остановились. Я подошла. Поэт обнял меня и стал уверять, что говорил обо мне с начальником 4-го управления Минздрава Е. И. Чазовым. Алим стоял рядом и молча смотрел на меня. Он видел меня в первый раз и не знал, зачем я пришла к гостинице, но он, вероятно, привык к тому, что к его отцу все приходят с какой-то просьбой или благодарностью... Видно было, что Кайсын Шуваевич торопился: до открытия пленума оставались минуты. Он извинился. Сел в такси один и уехал. Провожая поэта до такси, я мельком увидела, что Алим стоял в нерешительности. Мне показалось, что он раздумывал: вернуться в гостиницу или уйти? Кайсына Шуваевича я тогда видела в последний раз. Через год его не стало.

Воспоминанья – это дерева.
На них шуршит зеленая листва,
Напоминая то, что было прежде,–
Воспоминания под стать надежде.

Кулиев

Кизиловый отсвет

стихи и поэма

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1969

КАЙСЫН КУЛИЕВ

БЛАГОДАРЮ СОЛНЦЕ

●

Стихи разных лет

Перевод с балкарского

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия"
1969

КАЙСЫН
КУЛИЕВ

ВЕЧЕР

КНИГА СТИХОВ

Перевод с балкарского
Наума Гребнева

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1974

Тамаре
и
Самиру Эфендиевым
моим дорогим
звездам-гореть!

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Перевод с балкарского

17 окт. 1973

Кайсын Кулиев

Книга земли

СТИХИ И ПОЭМЫ

Авторизованный перевод с балкарского

Тамаре Эфендиевой
от всего балкарского
народа —
К. Кулиев
18-XI 1980

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1977

В этой книге были мои стихи
в университете.
К. К.

КАЙСЫН
КУЛИЕВ

ВЫСОКИЕ
ДЕРЕВЬЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРЕВОД
С БАЛКАРСКОГО

Тамаре
Эфендиевой

РИСУНКИ Н. КРАВЧЕНКО

Всего самого хорошего
тебе, Тамара,
и твоим!
К. Кулиев

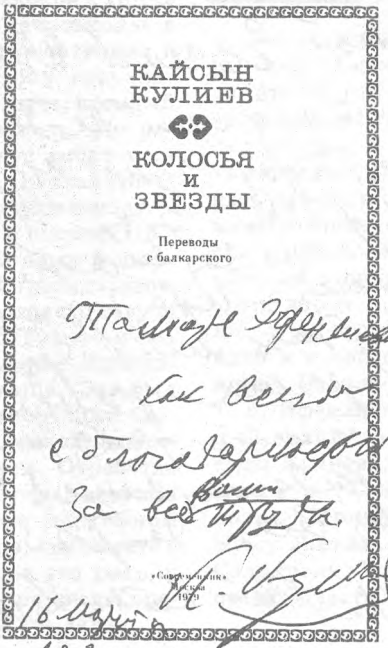
МОСКВА
«Детская литература»
1975

31 марта 1985
Москва Балканы

Татаре Енселяновной Эрендиевой

Витольд Домбровски

Варшава, 9 марта, 1974



Таиссе Эрендиевой
Как всегда
с благодарностью
За все ваши труды.
16 Марта
1980 Москва

окт. 1984 г.

МОСКВА, ул. Грановского
2. Четвертое управление
Минздрава СССР

Цветущие кактусы

ECHINOCACTUS PLACENTIFORMIS
ЕХИНОКАКТУС ПЛАЦЕНТИФОРМИС

Куда Гатову
Евгению Ивановичу

Кому

Индекс предприятия связи и адрес отправителя
от Ивана Кушева

Индекс предприятия связи места назначения

Дорогой Евгений Иванович!

Шлю тебе мой сердечный привет. Буду очень признателен, если у тебя будет возможность помочь по вопросам, связанным с этим заданием — Ирэ Эдуардовна Ока — дочь моих друзей — известных балканских ученых.

Обнимаю тебя. Желаю тебе выдающихся успехов и здоровья всем твоим.

10 апреля 1984 твой Кирилл Кушев
Гагем

Тамара Емельяновна ЭФЕНДИЕВА (1933)

Тамара Эфендиева – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Кабардино-Балкарского госуниверситета. Ее научные интересы: Кайсын Кулиев и многонациональная поэзия народов Российской Федерации. Имеет более 150 научных публикаций, из них 7 монографий, посвященных творчеству Кайсына Кулиева, Керима Отарова, Танзили Зумакуловой, Расула Гамзатова. Известный на Северном Кавказе литературовед и критик.

Родилась она на хуторе Б. Колдоиров, Логовского района, Волгоградской области (бывш. Сталинградской). После окончания средней школы в городе Волгограде поступила в Ростовский-на-Дону государственный университет, который окончила в 1956 году. По направлению поехала работать в Киргизскую ССР, Джалал-Абадскую область, Яр-кишлак, учительницей средней школы. Преподавала русский язык и литературу. Там и встретила свою судьбу в лице молодого завуча средней школы, будущего мужа Салиха Ибрагимовича Эфендиева, спецпереселенца. Это был последний год депортации балкарского народа, находившегося в Средней Азии. Отработав положенные два года, вступив там на колхозном партийном собрании в партию, она вместе с мужем выехала на его родину и стала работать по своей профессии в селении Гунделен.

После окончания аспирантуры Тамара Емельяновна с 1967 года стала работать преподавателем на кафедре русской литературы в Кабардино-Балкарском госуниверситете. Тридцать лет ее плодотворной научно-педагогической деятельности – это время ее научных поисков, становления личности; это и эпоха Кайсына Кулиева, когда он продолжал неустанно идти к своей сверкающей вершине. За эти годы профессор Т. Е. Эфендиева собрала огромный архив по творчеству Кайсына Кулиева, ей в этом помогали муж – Салих Ибрагимович, дочь – Ирина Салиховна (по мужу Жетишева), сын – Фуад Салихович. Все они – ученые в своей области.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Первый раз я его увидела в 1965 году, когда Кайсын Кулиев пришел на встречу со студентами университета по приглашению ректората и деканата историко-филологического факультета. Помню, что эта встреча состоялась в огромном актовом зале главного корпуса. По каким причинам было мало преподавателей и студентов – теперь трудно установить. Кайсын Шуваевич вышел на сцену, быстро оглядел полупустой зал и, остановив взгляд на мне, сказал: «Да, маловато слушателей. Но если бы даже никого не было в этом просторном университетском зале, я все равно бы читал стихи для этой одной молодой женщины с младенцем на руках!» На мне было белое платье (тогда я не знала, что это его любимый цвет), и на руках я держала маленького сына. Сидела в первых рядах и с интересом смотрела на тогда уже прославленного поэта. Психологический портрет Кайсына сразу стал для меня понятным: он излучал тепловую энергию, был впечатлительным и восприимчивым, остро ощущал полноту и радость жизни. Все это я почувствовала, когда он начал рассказывать о себе, отвечая на вопросы присутствующих, и читал стихи на русском языке. Он умел ощущать и по-своему воспринимать радостное и грустное в жизни, ее светлые и трагические начала, радоваться всему, что его окружало. Это доказывалось его стихами, его отношением к людям, животным и растениям. Безукоризненное произношение слов, артистизм декламации и простота поведения заворожили меня, и тогда я поняла, что он станет моим любимым поэтом, изучению творчества которого можно посвятить свою жизнь. И хотя впереди меня ждала защита кандидатской диссертации по методике преподавания литературы (я заочно училась в аспирантуре в Москве и работала учительницей), у меня появилось неудержимое желание – знать как можно больше об этом поэте, перечитать его сборники стихов, первые его критические статьи, часто публиковавшиеся в периодической печати. До книг «Так растет и дерево» и «Всегда в строю» было еще далеко.

Первая моя статья о Кулиеве была написана в сентябре 1967 года, когда общественность готовилась отметить 50-летие со дня рождения поэта. В то время я пре-

подавала русский язык и литературу в балкарской школе селения Гунделен. Очевидно, с этих позиций я и решила рассмотреть творчество поэта. Статья называлась «Как изучать творчество Кайсына Кулиева во внеклассной работе». Через год в издательстве «Эльбрус» вышла моя первая книга из опыта работы – «Развитие речи учащихся национальных школ в процессе подготовки и проведения некоторых видов внеклассных занятий», в которой более подробно было описано проведение читательских конференций, в частности по книге стихов К. Кулиева «Раненый камень». За нее поэту было присвоено почетное звание «Лауреат Государственной премии РСФСР» и присуждена Государственная премия им. А. М. Горького.

Через два года, то есть в 1970 году, я защитила кандидатскую диссертацию в Москве в Научно-исследовательском институте общего и политехнического образования Академии педагогических наук СССР. Была уверена, что с методикой покончено и я буду вести исследования в области литературоведения: изучать творчество Кайсына Кулиева. Начиная с 1971 года, в течение десяти лет, вплоть до 1982 года упорно и настойчиво занималась исследованием его поэтического творчества: работала в архивах, много читала о нем, активно участвовала в научных конференциях, симпозиумах, много публиковала статей, брошюр, монографий. В «Бюллетене Высшей Аттестационной Комиссии» при Совете Министров СССР (М., 1982. № 6) появилось объявление о возможности защиты диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Т. Е. Эфендиевой «Творчество Кайсына Кулиева (художественная концепция личности)» (10.01.02) в Институте литературы им. Низами АН АзССР (Баку, пр. Нариманова, 31). Оппоненты: Л. М. Мкртчян, Н. Г. Джусойты, Г. Г. Халилов.

А годы летели... Быстротекущее время неутомимо отсчитывало его и мои годы. При жизни Кайсына и после его смерти я успела издать несколько книг о своем любимом поэте, вела среди студентов спецкурс «Проблемы традиций и новаторства в творчестве Кайсына Кулиева». И чем больше я стремилась постичь его поэтический мир, тем больше убеждалась, что многие поколения ученых – литературоведов, философов, лингвистов, куль-

турологов – будут изучать его творчество. «Об Аристотеле пишут более двух тысяч лет и о Кулиеве будут также писать»,– думала я. Одной моей жизни не хватало, и я приобщила к моей работе, увлекла творчеством Кулиева мужа и сына – философов, того сына Фуада, для которого и читал свои стихи поэт, когда я увидела Кайсына первый раз. Салих Ибрагимович Эфендиев, доктор философских наук, профессор, и Фуад Салихович Эфендиев, доктор философских наук, профессор,– оба они являются соавторами книг о Кулиеве, пишут о нем статьи, выступают с докладами на научных конференциях, конгрессах, симпозиумах, дискуссиях «круглого стола».

Творчество Кайсына Кулиева неисчерпаемо, как мир. Он и критик, и поэт, и переводчик, и прозаик, и драматург, и публицист, общественный деятель. Многие мои аспиранты и соискатели кафедры русской литературы продолжили дело моей жизни. Они защитили кандидатские диссертации по его поэзии. Так, азербайджанка Ада (Айбола-кызы) Намазова стала в 1997 году кандидатом философских наук, карачаевка Альмира Казиева-Дудова стала кандидатом филологических наук, защитив диссертацию на тему «Поэмы Кайсына Кулиева» в 1998 году, ингушка Лиля Хажбикаровна Бокова стала кандидатом филологических наук в 1990 году по исследованию северокавказской поэзии периода Великой Отечественной войны (на материале творчества Кайсына Кулиева, Дж. Яндиева и др.). Светлана Михайловна Кертиева, по национальности белоруска, исследует литературно-критические взгляды Кулиева. Она считает благом для себя знать его не только как поэта, но и как критика, оказавшего большое влияние на современный литературный процесс. Русская Елена Владимировна Ро́менская, соискатель кафедры русской литературы, интересуется художественным миром поэта периода депортации балкарского народа в Среднюю Азию (1944–1956 годы). Еврейка Вера Майеровна Перельгут пишет диссертацию по роману К. Кулиева «Была зима».

К 80-летию со дня рождения Кайсына Кулиева была издана первая книга по биографии поэта, авторами которой являются профессора Эфендиевы: «Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта» (часть 1. 1917–1958. Нальчик: Эльбрус, 1997. 241 с.) и «Кайсын Шуваевич

Кулиев. Биография поэта» (часть 2. 1959–1985. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 421 с.). На этот двухтомник вышли рецензии, опубликованные в газетах «Заман» (на балкарском языке) и «Кабардино-Балкарская правда». М. Созаев, заместитель директора Госдрамтеатра им. К. Кулиева, пишет: «...они написали прекрасную работу к 80-летию великого стихотворца. На основе архивных материалов эта уникальная монография исследует шаг за шагом всю прожитую жизнь великого поэта... Кто хорошо знаком с творческой биографией поэта Кайсына Шуваевича, тот сразу поймет, прочитав двухтомник, всю ценность этого труда...»

И на склоне лет я не перестаю искренне восхищаться глубиной мысли поэта, его любовью к литературе, живописи, музыке, умением поэтизировать все, что он видел и ощущал. Вспоминаю ту первую встречу с Кайсыном Кулиевым, с его необыкновенным искусством слова, которая привела меня в восхищение и дала толчок в иное русло научных поисков.

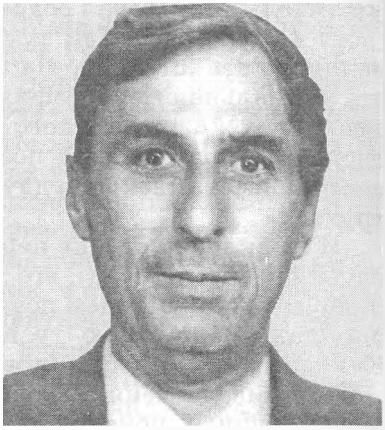
Многие поколения кайсыноведов откроют новое в его поэзии и прозе, будут умнее и лучше нас писать, но их несомненное увлечение не даст им той глубины чувств и искренности, которые испытали друзья и современники от общения с Кайсыном Кулиевым. Мы – из его эпохи, эпохи сложной и трудной, наложившей определенный отпечаток на самого поэта и на нас, его читателей и почитателей.

Свои воспоминания хотелось бы закончить словами поэта:

Не пройденные мною перевалы
Другие покорят, придет пора.
Слова, что не давались мне когда-то
Отыщут молодые мастера.

Перевел *Н. Гребнев*

Салих Ибрагимович ЭФЕНДИЕВ (1933)



Салих Эфендиев – доктор философских наук, профессор, завкафедрой философии Кабардино-Балкарского госуниверситета, академик двух Международных академий – тюркской и адыгской (черкесской), заслуженный работник культуры КБР. Он имеет правительственные награды: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» от 6 июня 1945 года, медаль «За трудовую доблесть» от 20 июля 1971 года, юбилейную медаль «За доблестный труд» от 7 апреля 1970 года, медаль «Ветеран труда» от 18 декабря 1985 года, медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне» от 7 мая 1985 года, настольная медаль «За многолетнюю, плодотворную работу по пропаганде марксизма-ленинизма и политики КПСС» от 13 августа 1986 года, орден Дружбы народов от 20 августа 1986 года.

Его дружба с Кайсыном Кулиевым началась с середины 60-х годов и продолжалась до последних дней жизни поэта. Кулиев гордился тем, что Эфендиев стал первым кандидатом и доктором философских наук из числа балкарцев, присылал ему поздравительные телеграммы по этому случаю и потом несколько раз повторял свои поздравления по поводу защиты в письмах и открытках, адресованных семье Эфендиевых. Поэт хорошо знал и дочь профессора С. И. Эфендиева, которая училась после окончания медицинского факультета КБГУ в ординатуре, а потом и в аспирантуре при Втором медицинском институте им. Пирогова в Москве. Эфендиева Ира (по мужу Жетишева) не раз приходила проведать Кайсына, когда он лежал в спецбольнице на Мичуринском проспекте или жил в гостинице «Москва» вместе с Элизат Кулиевой. Кулиев часто говорил Салиху Ибрагимовичу, что он окружен заботой всех членов семьи Эфендиевых, главой которой является истинный горец – Салих. Шутил Кайсын и по другому поводу, когда встречал Салиха: «Ну как поживает твоя Тамара, мой летописец и кайсыновед?»

Не знал одного Кулиев (а может быть, и предвидел, да молчал), что все члены семьи С. И. Эфендиева, в том числе и он сам, уже после смерти поэта станут работать в архивах, встре-

чаться со старшими рода Кулиевых и Бечеловых, чтобы собрать материалы, относящиеся к биографии Кайсына.

Салих Эфендиев искренне любил Кулиева как человека и как поэта. И когда приходил с работы (расстроенный или спокойный), ложился на диван, брал собрания стихов Кулиева, обычно первые, изданные в Москве, и читал, читал, иногда вслух. Знает наизусть многие его вещи и при случае (особенно на научных конференциях в торжественной обстановке или во время застолья) читает, упиваясь звучанием стиха. И про бычка, который пасется на лугу, и про скачущего ослика, про старика-крестьянина...

Старик-крестьянин подводил
итог.
Он умирал и знал, что плакать
нечего.
Весь день шел дождь – и глину
и песок
Перемесил в одно сплошное
месиво.

Перевел *Н. Гребнев*

Крестьянский сын, родившийся в горном селении Гунделен, Салих Ибрагимович с большим почтением относится к людям физического труда, понимает их нелегкие заботы, как трудно им достается кусок хлеба.

Струится пот, и мать, сгибая
спину,
Судьбу благословляет каждый
день
За солнце, согревающее глину,
За облака, дарующие тень.

Перевел *Н. Гребнев*

Салих Эфендиев, как и Кайсын Кулиев, рос без отца. У него было пять братьев и две сестры. Восемь душ, неграмотная мать девятая – трудолюбивая, покорная своей судьбе горянка. Читая стихи Кулиева, Салих иногда говорил: «Да это же написано про мою мать («Мне снится детство: мать из дома вышла...») и про меня и моих ровесников – мальчишек в дырявых бешметах, которые уже в шесть лет ходили за дровами в горы, в лес («Бешмет», «Какого ни прошел бы я ученья...»).

Только благодаря стараниям и настойчивости Салиха Ибрагимовича к 80-летию Кайсына Кулиева была издана его первая биография. Без гонорара, в издательском центре «Эль-Фа» были выпущены книги: «Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта» (Часть 1. 1917–1958. Нальчик, 1997. 248 с.) и «Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта» (Часть 2. 1959–1985. Нальчик, 1997. 421 с.). А 12–13 ноября в университете проведена научно-теоретическая конференция, посвященная 80-летию К. Ш. Кулиева. На этот форум собрались ученые Северного Кавказа. Празднества, посвященные К. Ш. Кулиеву, продолжались в Турции – в Стамбуле и Анкаре. О том, как проходили они в этой тюркоязычной стране, Салих Ибрагимович Эфендиев рассказал в своей статье-воспоминаниях.

Доклад С. И. Эфендиева,
доктора философских наук, профессора,
завкафедрой философии КБГУ,
посвященный 80-летию со дня рождения
Кайсына Шуваевича Кулиева,
«Кайсын Кулиев и проблемы национального возрождения»

Дорогие товарищи! Многоуважаемые гости и участники данной конференции!

Сегодня все народы Кабардино-Балкарии отмечают 80 лет со дня рождения великого поэта и выдающегося гуманиста XX века, народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Ленинской и Государственной премий Кайсына Шуваевича Кулиева.

Он родился в одном из красивейших ущелий Кавказа. В Чегемской теснине горы пылают всеми цветами радуги, от ярко-желтого до темно-красного, переходящего местами в угольно-черный. Могучей силой звучит эта фантастическая симфония красок крутых и красочных скал. Легко можно читать их сложную структуру, эту великую книгу геологической истории земли, где каждая страница – сотни тысяч лет. С детства его окружали великолепная природа и горные вершины в розовом снегу, где свое начало берет бурная река Чегем, где постоянно дует ветер, с шумом которого гармонически сочетается красота природы, переходя в симфонию музыки. Здесь Природой и Всевышним Аллахом были заложены задатки будущего гениального поэта Кайсына Кулиева. Все это начало его духовного взлета, истоки его неповторимого таланта. «...Великие имена,– писал американский антрополог и культуролог Альфред Луис Крёбер,– появляются по ходу истории отнюдь не равномерно, не россыпью, а в своеобразных сгущениях, подобно созвездиям на небе» [1].

Земля для каждого народа, где он живет, является «биохрамом». В нем отражаются природно-ландшафтные, духовно-нравственные ценности народа. Все это свидетельство духовного взрыва для проявления пассионар-

[1] Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. Спб., 1997. С. 226, 227.

ности генотипа и этнокультурного феномена балкарского народа, воплотившегося в лице великого поэта. Верно говорил еще в XVIII веке известный немецкий философ и просветитель И. Г. Гердер: «Гений живет в каждом народе и с каждым народом».

Кайсын Кулиев является сеятелем добра и хранителем духовных ценностей, певцом родного края. Он творец и создатель одной из высочайших вершин культурного и интеллектуального потенциала балкарского народа. Написанные им многочисленные стихи и поэмы органически сочетаются с этнопсихологическими и этнокультурными образами горских народов, величественной панорамой родной земли, цветением весной садов и альпийских лугов, движением белоснежных облаков на небе, туманом, окутывающим горные вершины, шумом водопадов, многократным эхом в горах, мудростью старших и благородством матерей. Во всем этом мы видим воплощение поэзии Кулиева и его всестороннего таланта, сияющего в духовной культуре народов Кабардино-Балкарии. В его поэзии глубоко выражены этнопсихологические особенности и духовно-нравственные ценности горских народов. Величие Кайсына Кулиева заключается в том, что в центре своей поэзии он поставил человека, проблему гуманизма, воспел красоту природы, дружбу и братство людей.

В его поэзии философской «звездой» служил принцип антропологии. Для К. Кулиева человек, как антропологическое существо и высшая ценность, «царь земной и Бог, сошедший с неба». По утверждению поэта исходным началом и главным предметом всякого философствования является человек. Человека он рассматривает как явление космопланетарного характера. И эту главную проблему века Кайсын Кулиев поднял на самый высокий уровень социально-философского обобщения. Поэзия К. Кулиева органически сочетается с судьбами человечества и самыми актуальными социальными интересами современности. Великий поэт, он считал себя в ответе и за судьбу всего человечества.

Черный день под развалинами Хиросимы,–
Он идет и ко мне, он вступает в мой дом.
Мне Освенцима видятся черные дымы,
Стоны черных ветров слышу я за окном.

Потому что земля – общий дом всех живущих.
О земля, отчий дом!

* * *

Я помню, как детей беда военная
Гнала, в крови, средь выжженных путей.
Мне кажется: рыдает вся вселенная,
Когда я слышу плачущих детей.

Перевел *С. Липкин*

В предисловии к трехтомнику К. Кулиева Чингиз Айтматов писал: «Время пронзительно отпечаталось в стихах Кайсына. Его знаки и символы – не отвлеченная условность, в них – боль и горечь, сострадание и нежность эпохи, человека, преодолевающего тернии на пути к звездам. А мужество поэта – что ж, оно свидетельство тому, что сердце, устремленное к добру, сильнее и тверже камня, ибо способно понять его немую боль и, переживя невыносимое, оставаться добрым и ранимым – воистину человечным. Да, поэзия Кайсына – документ эпохи. И в то же время – кардиограмма его сердца, чутко реагирующего на малейшие колебания в духовном мире современного человека. Его творчество еще раз убеждает, что писать надо не на тему современности, а современностью. Болью и кровью»[2].

Он был одним из великих гуманистов XX века. Нам и будущим поколениям предстоит глубоко познать в социально-философском плане и осмыслить глубину содержания поэзии Кайсына Кулиева. В его творчестве отражен весь ход развития балкарской художественной культуры. Этот человек внес огромный вклад в формирование менталитета балкарского народа. Все самое лучшее, что было накоплено за всю историю существования балкарского народа в его генотипе, было воплощено в Кулиеве. Он был и остается восходящей энергией духовной и нравственной культуры своего этноса. «О безымянные поэты моей древней земли, простые и великие!– писал Кайсын Кулиев.– Я, знающий сегодня Данте и Шекспира, Пушкина и Мицкевича, удивленный и восхищенный, склоняю голову перед силой вашего таланта! Вы

[2] *Кулиев К.* Собр. соб.: В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 10.

слагали свои песни, вися над пропастью, идя за деревянным плугом или ночью проезжая верхом через тесное ущелье, откуда едва виден синий клочок неба с крупными звездами. С тех пор прошли века, окутанные туманами, как горы в пасмурную ночь, и освещенные грозой. Но порывы вашей души, ее мужество и доброта дошли и до меня, и я как бы коснулся их рукой, словно стали кинжала старинной работы, до сих пор не потерявшей остроты и блеска. Вы еще раз убедили меня в том, что прекрасно хорошо сделанное дело, какое чудо – талант! Милые и неподкупные кудесники, вы высоко несли знамя души своего народа, ни разу не уронив его, и оно поныне развевается над нами»[3].

Многие стихи и поэмы Кайсына Кулиева посвящены представителям народов бывшего Советского Союза и зарубежных стран. Для него не существовало национального различия, но вместе с тем Кайсын Кулиев остался сыном родной Кабардино-Балкарии.

О землях многих как друг я, скитаясь, был,
У чужих очагов грел руки свои.
Хоть многих поэтов земли полюбил,
Но сыном гор я остался, горы мои! [4]

Он глубоко изучал античную культуру и ее историю. Об этом свидетельствует тот факт, что из всех северокавказских поэтов в двадцатилетнем возрасте Кайсын Кулиев первым создает поэтический образ Прометея. Он часто обращался к именам великих музыкантов мира – Баху («Учись у Баха»), Бетховену («Бетховен»), Шопену («Играют Шопена»), легендам и мифам Древней Греции – «Орфей», о Прометее и т. д. О них возвышенно, с чувством преклонения и глубокого восхищения писал Кайсын стихи, которые известны всему миру.

У наших народов есть великие нравственные ориентиры – Кязим Мечиев, Бекмурза Пачев, Кайсын Кулиев, Али Шогенцуков, Керим Отаров, Бетал Куашев. Кайсын Кулиев поднял на небосклон поэзию Кязима Мечиева, своего учителя, и тем самым возвысил духовные ценности балкарского народа, которые никто и никогда до та-

[3] Там же. С. 6.

[4] *Кулиев К.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 124.

кой степени не поднимал. Разве этим Кайсын Шуваевич уронил свой авторитет? Нет! В этом заключается высокая культура и порядочность, величие его как человека и поэта. Без Кайсына Кулиева мы потеряли бы Кязима Мечиева и современная цивилизация не знала бы гуманистическую сущность его поэзии. Такой поступок является нравственным возвышением в глазах народа. Это воплощение культуры. Это урок для всей творческой и научной интеллигенции. В предисловии к сборнику К. Мечиева «Огонь очага» К. Кулиев писал: «Он был выдающейся личностью, вобравшей в себя самые сокровенные качества человека-труженика. Он, кроме всего, обладал глазами..., в которых горел огонь вечной поэзии. В этих глазах клубились столетия, их мудрость и муки, их радость и боль. Эти глаза смотрели на вас как сквозь века, они были глазами народа»[5].

Башкирский поэт Наджми Назар писал Кайсыну Кулиеву: «В Ялте мне рассказывали, как ты, находясь в издательстве «Художественная литература» и узнав о том, что ты включен в томик поэтов единственным из балкарцев, спросил: «Почему я один, а где Кязим Мечиев?» А как некоторым этого благородства не хватает! Спасибо тебе за это!»[6]

В 1939 году на конференции Союза писателей Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев сделал доклад о проблемах развития балкарской поэзии. Его выступление все слушали очень внимательно, потому что всех поразили выводы, к которым пришел молодой поэт. На этой конференции присутствовали: гость из Москвы – известный писатель-прозаик Юрий Либединский, Кязим Мечиев и Ибрагим Маммеев, будущий заслуженный артист КБР. В этот день его и Кязима Мечиева приняли в члены Союза писателей СССР. Вспоминая об этом, Ибрагим Маммеев говорит: «Несмотря на то, что Кайсын Кулиев был очень молодым, глубина мысли, цели и задачи поэзии были четко определены. Я считаю, что после его доклада балкарская поэзия в своем развитии получила новое направление: она должна отражать реальную жизнь, глубоко выражать гуманистическую сущность человеческого бы-

[5] *Мечиев Кязим.* Огонь очага. М.: Худож. лит., 1970. С. 8.

[6] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, д. 140, л. 3–9.

тия, любовь к родному краю и его людям. Действительно, Кайсын Кулиев раскрыл смысл подлинной поэзии и дал толчок новому направлению в развитии всей балкарской литературы. Благодаря ему многие балкарские поэты поняли, что прошел период призывов и лозунгов в художественной литературе. Мы все были убеждены, что наступила новая пора осмыслить назначение истинной поэзии».

Кайсын Кулиев приложил немало усилий, чтобы имя Кязима Мечиева – основоположника балкарской поэзии – не было забыто. Он добился через обком партии, чтобы в связи с 100-летием со дня рождения К. Мечиева был проведен торжественный вечер в Нальчике и юбилейные мероприятия в республике. 9 октября 1959 года К. Кулиев выступил с эмоциональным докладом о Кязиме на торжественном собрании в зале заседаний Дома Советов.

В докладе «Свет народной души» Кайсын Шуваевич говорил: «Он умер на чужбине. Горный орел не может жить без гор, как рыба без воды, и он угас. Он умер далеко от родных ущелий. Его могилу должны были бы омывать дожди родной земли, засыпать ее снега, над ней должны были бы проходить облака, идущие от Эльбруса к Казбеку, и с клекотом пролетать орлы, будто читая в полете его поэмы»[7]. Для многих из присутствующих имя мудреца, народного ашуга было почти неизвестно, а многим совсем незнакомо. Своим докладом Кайсын Кулиев открыл для всех Кязима. Он широко раскрыл заслуги основоположника балкарской литературы и гуманистический смысл поэзии К. Мечиева. После такого обстоятельного доклада Кулиева люди по-другому взглянули на этого мудреца, стали читать книги этого выдающегося поэта. После доклада К. Кулиева творчество Мечиева стало достоянием миллионов читателей СССР. В этом великая заслуга Кулиева. «Я лично благодарен Кайсыну,– сказал Ибрагим Маммеев,– ведь он мне подсказал идею, чтобы я написал на основе поэзии Кязима Мечиева пьесу «Раненый тур», которая вот уже более тридцати лет не сходит со сцены балкарского театра».

С именем Кайсына Кулиева связано то, что у балкарского народа возникла подлинно художественная литература, включая поэзию, драматургию, связано появление

[7] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, д. 95, л. 103.

настоящего театра с профессиональными актерами. Он оставил громадный след в духовной жизни балкарского народа. Именно Кайсын Кулиев расширил диапазон мышления, творческого и духовного потенциала своего народа. Он поднял на небывалый уровень его культуру. Благодаря его поэзии балкарский народ стал известен всему миру, а уникальный этнокультурный феномен Кулиева вошел в систему ценностей мировой цивилизации как неотъемлемая часть общечеловеческой культуры. Этот гигантский взлет духовного творчества Кайсына Шуваевича Кулиева нередко именуется «раскрытием Кулиевского таланта».

В этом заключается выдающаяся заслуга Кайсына Кулиева перед своим народом. Он своей творческой деятельностью доказал, что и малые звезды освещают небосклон, что и этнически малочисленные народы обогащают мировую культуру.

В годы Великой Отечественной войны стихи Кайсына Шуваевича Кулиева получили всесоюзное признание. Так, в 1942 году стихотворение «Всегда гордился тем, что горец я!» московское радио передавало в сообщениях Совинформбюро на 14 языках Европы. Как призыв к мужеству и отваге звучали в те дни слова Кайсына Кулиева, воспевавшего величие Кавказа и его свободолюбивые народы:

Как жить мне без тебя, седой Казбек,
Без узких горных троп страны родной,
Без милых сердцу скал и бурных рек?
Как позабыть Баксан и Терек мой?

Орлы Кавказа, с кем дружить без вас?
Родные пляски, как прожить без вас?
Друзья мои! Кому служить без вас
И голову за что сложить без вас?

Чем родину предать врага мечу
И на коленях жить, уж лучше я,
В сраженье за тебя упав, хочу
Спать на груди твоей, земля моя![8]

Перевел *Д. Кедрин*

[8] *Кулиев К.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 59.

В 1942 году в Москве Союз писателей устроил творческий вечер К. Кулиева. На нем присутствовали Александр Фадеев, Борис Пастернак, Самед Вургун, Перец Маркиш, Мамед Рагим, Дмитрий Кедрин и другие. В эти дни Кайсын Шуваевич много раз выступал по заданию Военной Комиссии Союза писателей СССР по центральному радио, на заводах и фабриках Москвы. По словам критика Сергея Иванова, «поэзия Кайсына становилась выражением патриотических чувств и настроений всего сражающегося народа». Статья была написана для печати 25 декабря 1942 года.

Елена Дмитриевна Стасова называла Кулиева «огненным сердцем Кавказа, ярким представителем мужественных горцев, огромным талантом, в котором есть доброта и сила»[9]. В 1943 году сборник стихов Кайсына Кулиева был выдвинут на соискание Сталинской премии. Тогда ему было всего 26 лет. В связи с депортацией балкарского народа в 1944 году К. Кулиеву не дали премию.

Удивительная твердость характера, непоколебимая вера в себя, в свои поэтические идеалы помогли Кайсыну Кулиеву выдержать и устоять при жестоком комендантском режиме в период ссылки в Среднюю Азию. В условиях политического геноцида в изолированном пространстве поэт находился вне системы координат, можно сказать в «торричеллиевой пустоте». Но, несмотря на все это, он не поддался пессимизму, работал упорно и много, черпая силы в своем могучем таланте. Известный немецкий философ и психоаналитик Эрих Фромм писал: «Немногие могут выдержать одиночество и говорить истину, не боясь лишиться связи с другими лицами. Это истинные герои человечества». К. Кулиев говорил: «Я был исключен в 1949 году из Союза писателей СССР, даже не имел права печатать свои произведения ни на одном языке». Здесь следует особо подчеркнуть, что его поразительная стойкость, способность не впадать в отчаяние в невыносимых условиях изоляции от общественной, политической и культурной жизни страны, изоляции, унижающей и оскорбляющей национальную честь и челове-

[9] *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И.* Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта. Нальчик, 1997. Т. 1. С. 87.

ческое достоинство, его безграничная вера в жизнь и оптимизм заслуживают глубочайшего уважения.

Несмотря на все эти трудности, поэт реализовал свою творческую мощь в пространстве и во времени, где бы он ни жил. Прав Родион Щедрин, сказавший, что настоящий талант пробьется в любом случае. Будет тоталитаризм или фашизм, все равно гений – это термоядерная мощь, которая пробьет все. [10] Английский философ Ф. Бэкон писал, что время есть величайший из новаторов. Время подтвердило высказывание мыслителя. Белинский говорил, что гении не теряются. Таланты могут затеряться, а гении нет.

Когда бы горцам, молодым и старым,
Уменья верить не было дано,
Нас ветром, как труху гнилой чинары,
С чужой землей смешало бы давно.

Когда лишились хлеба мы и песни,
Когда мы скалы на плечах несли,
Нас тяжесть горя подавила б, если
Нам солнце не мерещилось вдали [11].

Перевел *Н. Гребнев*

Поэт анализировал огромный духовный пласт Востока и Запада. Кайсын Кулиев очень интересовался историей и культурой народов Средней Азии и не раз говорил, что среднеазиатские народы, особенно таджики и узбеки, внесли значительный вклад в мировую науку, литературу, философию; ведь достаточно вспомнить Аль-Фараби, Авиценну, Омара Хайяма, Рудаки, Бабура, Алишера Навои, Улугбека и многих других. В стихотворении «Говорю Омару Хайяму» Кайсын писал:

Соединилась боль моя, Омар Хайям, с твоей,
Через века твоя река с моей слилась рекой,
И для меня свята земля и все, что есть на ней,–
Вино, и хлеб, и плеск воды, и гомон городской [12].

Перевел *Я. Аким*

[10] Московский комсомолец. 1998. 23–30 апр. № 15. С. 3.
[11] *Кулиев К.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 161.
[12] *Кулиев К.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 218.

Молодой тридцатилетний поэт плодотворно трудился в творческом союзе литераторов Киргизии. Сначала заместителем ответственного секретаря Союза писателей республики, а затем председателем русской секции писателей. В 1947 году Кайсын Шуваевич начал писать поэмы «Огонь» и «Завещание», которые закончил после возвращения на родину. «Завещание» К. Кулиев относил к лучшим своим вещам. Впервые тема депортации народов Северного Кавказа была затронута именно в этой поэме, и ее долго не переводили на русский язык. Она находилась как бы под запретом и лишь только в 1990 году, после смерти поэта, была переведена на русский язык Семеном Липкиным и впервые опубликована в газете «Кабардино-Балкарская правда».

Многие горькие строки поэмы Кайсын Кулиев посвятил тем, кто погиб безвременно, по пути в ссылку, кто умер от голода, холода, эпидемии, морального унижения и оскорбления национального достоинства, комендантского режима на чужбине.

Словами, как двуострые мечи,
Как расскажу о глубине страдания?
И не нашлось и савана в ночи
Для тех, кто умер в горький час изгнанья.

* * *

Балкарским детям не забыть вовек
Холодные и смрадные вагоны
И мартовский – в слезах кровавых – снег [13].

Перевел *С. Липкин*

Поэма «Завещание» – это гимн тем моим землякам, кто остался без могил вдоль железнодорожного полотна, когда везли нас по дорогам ада, и тем, кто в Кызылкумах и Каракумах искал дорогу обратно на родину, блуждал без ориентира в необъятном пространстве пустынь и, когда поднимался самум, был погребен под песком Средней Азии и Казахстана. В результате чудовищного изгнания из отчего края исчезли целые балкарские роды, выпав из генеалогии человеческой истории. Поэма «Завещание»

[13] Кабардино-Балкарская правда. 1990. 24 апр.

является памятником несломленной духовной крепости балкарского народа и осуждением жестокости, навечно оставшейся в историческом сознании репрессированных народов.

После возвращения Кайсына Кулиева из Киргизии на родину, в свою этническую колыбель, окрыленный высоким чувством любви к родной земле, всесторонне раскрылся выдающийся талант Кайсына Кулиева.

В стихотворении «Старым горским мастерам» поэт писал:

Вы ютились над крутизной,
Властелины страны богатой,
Глину с камнем земли родной
Почитавшие выше злата.

Не вставая весь век с колен,
Вы построили здесь твердыни,
Камень созданных вами стен
Да прославит ваш труд и ныне.

Вы ровняли вершины скал,
Обживали такие кручи,
Где до вас никто не бывал,
Разве только орлы и тучи.

. . . . . .

Враг селенья сжигал дотла,
Где вы строили, где вы жили,
Ваша кровь по камням текла,
Отливалась гранитной пылью.

. . . . . .

Пусть же святы будут в веках
Для балкарцев всех поколений
Кровь мозолей на ваших руках
И заплаты на ваших коленях.

Я – ваш внук, который рожден,
В старом доме, созданном вами,
Пуповиной соединен
С этим краем, с его камнями.

В тех местах, где и тропок нет,
Вы о камни сбивали ноги,

Чтоб я шел через сотни лет
По проложенной вами дороге.

. . . . . .

Все мы камни скалы одной,
Все мы глина земли родной,
Части дерева одного,
Я лишь ветка – вы корни его [14].

Перевел *Н. Гребнев*

В этом стихотворении поэт выразил не только душевное состояние, но и свою этническую принадлежность родной земле.

К. Кулиев чувствовал небывалое творческое вдохновение, когда видел горы Балкарии в розовом снегу, в утренних солнечных лучах. Он мог долго стоять, слушать симфонию шума Чегемских водопадов, смотреть на орла, парящего в теснине, вдыхать запах родной земли, ее трав, восхищаться своеобразной, неповторимой красотой ущелья, по которому поэт всегда тосковал, будучи на чужбине.

С. Цвейг определял вдохновение как пламенное состояние души, как пламенную стихию. Он сказал, что вдохновение – это пламя, упавшее с неба, возгорающееся от молнии. Действительно, в родном краю Космос и Природа способствуют возникновению в поэтических натурах богатого воображения и особого художественного мировосприятия.

С 1957-го по 1985 год Кайсын Шуваевич опубликовал более 60 книг и сотни статей в центральных и местных журналах и газетах. В эти годы Кайсын Кулиев вошел в мировую художественную культуру как один из выдающихся поэтов-гуманистов. Его цитировали в своих выступлениях крупные общественно-политические деятели. О нем писали известные литераторы страны, такие, как Александр Фадеев, Дмитрий Кедрин, Борис Пастернак, Николай Тихонов, Константин Симонов, Александр Твардовский, Михаил Дудин, Чингиз Айтматов, Мустай Карим, Алим Кешоков, Расул Гамзатов, Ираклий Андроников, Адам Шогенцуков, исследовали Нафи Джусойты,

[14] Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 139, 140.

Левон Мкртчян, Станислав Рассадин, Нина Байрамукова, Тамара Эфендиева, Зейтун Толгуров, Фатима Урусбиева, Светлана Башиева, Зухра Кучукова и многие другие. По творчеству Кайсына Шуваевича защищены докторская и четыре кандидатские диссертации. Так, Нина Байрамукова, Светлана Башиева, Зухра Кучукова защитили кандидатские диссертации, а Тамара Эфендиева – докторскую диссертацию. В 1997 году 14 марта на Ученом совете Азербайджанского государственного университета Ада Намазова защитила кандидатскую диссертацию по философии на тему: «Вопросы этики в творчестве Кайсына Кулиева».

О его поэзии писали известные писатели, поэты и литературоведы Европы, Америки и Азии, такие, как французский писатель Робер Мерль, Марта Вебер из Германии, Николай Христозов из Болгарии, Альберт Расмусен из США, Антал Гидаш из Венгрии, Вацлав Иелинек из Чехословакии, Витольд Домбровский из Польши, Латауверс из Голландии, пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз и другие.

Кайсын Кулиев не был простым наблюдателем жизни, а был активным участником бытия. Он всегда открыто говорил и поднимал свой голос как личность. Поэт до конца своей жизни находился в гуще общественно-политической и культурной жизни страны. Кайсын Кулиев долгое время был депутатом Верховного Совета СССР и КБАССР, входил в Советский комитет защиты мира, работал секретарем Союза писателей РСФСР. Он принимал активное участие во многих общественно-культурных мероприятиях, которые проходили в нашей стране и за рубежом. В своих выступлениях на международных конгрессах и на международных конференциях солидарности стран Азии и Африки, в симпозиумах, на съездах писателей СССР, РСФСР и других союзных и автономных республик, литературных декадах К. Кулиев подчеркивал новизну и актуальность современной поэзии. Он говорил: «Даже землю пахали не во все времена одинаково, изобретались новые способы и орудия. Так же строились и жилища. Может быть, не меняется только сияние звезд над полем и лунный свет, ложащийся на крыши наших домов. Для того чтобы понять это, не надо быть большим философом. Традиции и новаторства тоже,

разумеется, бывают разные. И отношение к ним должно быть умным»[15].

Выступая на VII Конгрессе писателей в Берлине 18 октября 1973 года, Кайсын Кулиев говорил о том, что художник, не поняв языка родной земли, не может понять другого, он подходит, если позволяет степень дарования, к человечеству только через образы отчей земли, своего очага, через опыт родного народа. Гениальность К. Кулиева – это синтез мысли и образа.

Глубина философской мысли, интеллектуальность, гениальная простота изложения, сила убедительности, умение проникать в человеческую душу и искренне ее раскрывать – вот те детерминанты, которые сделали известной всему миру поэзию Кайсына Кулиева. А. Тарковский писал, что творчество К. Кулиева получило не только всесоюзное признание, но и мировое. Кайсын Кулиев – поэт небольшого народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии,– стал поэтом всего мира. Интересы всего человечества, многих народов выразил поэт своим творчеством. Действительно, Кулиева всегда волновали те же проблемы, что и людей всего мира, и он подходил к ним с гуманистических позиций, отстаивая права личности и воспевая ее. Возможно, поэтому, когда Индире Ганди понадобились весомые слова, чтобы сказать о необходимости сохранения мира на Земле, она процитировала слова балкарского поэта: «Каждая пуля на войне попадает в сердце матери».

Величие и мудрость Кайсына Кулиева как поэта-мыслителя следует подчеркнуть и тем, что он многие свои стихи посвятил женам погибших и ушедших из жизни поэтов. Это, например, стихи, посвященные Марике Чиковани, Амине Залиловой (жене Мусы Джалиля), Зульфие (жене Хамида Алимжана). В них Кайсын Кулиев показал безграничную любовь, духовную и нравственную чистоту женщин различных национальностей. Как верно подметил врач из Дагестана М. Абдулхабиров, когда он писал в 1987 году: «...кайсыновские стихи, посвященные вдовам поэтов, звучат как звон колоколов в нашем хрупком и тревожном мире. Но они еще и гимн женской верности, ибо верность нужна мужчинам не

[15] Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 395.

только при жизни, но и после смерти. Она нужна, чтобы пережить горе и прожить годы без самого близкого человека». Замечательные слова М. Абдулхабирова с полным правом можно отнести и к Зульфие, и к Амине Залиловой.

Развитие и реализация гигантского потенциала культуры любого народа возможны только в условиях преодоления изолированности ее от мирового художественного процесса. Кайсын Кулиев знал мировую культуру и обладал широким диапазоном мышления, пропускал через свое сердце тревогу и боль людей. Боль каждого человека он воспринимал как свою собственную. Отзывчивость – это основная черта Кулиева-гуманиста. На гибель первого космонавта Юрия Гагарина он написал статью «Плачут горы». Настроение всенародной скорби Кайсын Шуваевич выразил глубоко символично: «Горы скорбят, как люди, и нельзя измерить глубину их горя».

К. Кулиев был буквально потрясен, когда услышал весть о злодейском убийстве главы правительства Индии Индиры Ганди, которую он лично знал, беседовал с ней во время пребывания советской делегации в Индии. В форме плача, народного причитания, балкарский поэт решил обратиться к природе, так как она самая надежная опора в беде, постигшей людей.

Стихотворение «Жизнь на земле не убить», посвященное памяти Индиры Ганди, было опубликовано в 1985 году, еще при жизни поэта. В нем Кайсын Шуваевич писал:

Горы мои Кавказские, чей чистый свет прославляем,
Горы, дарящие радость всем людям, всем детям земли!
Горы, оденьтесь в траур, оборотясь к Гималаям,–
Оттуда горькие вести для мира всего пришли [16].

Перевел *Л. Шерешевский*

Лейтмотив всего его творчества – гуманизм, любовь ко всему живому. Ибо его поэзия как бы высечена из много видевшего горного камня, она отражает Свет, Добро, Человечность, Мужество, служит неисчерпаемым ис-

[16] *Кулиев К.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 275.

точником совершенства, способствующим духовно-нравственному возвышению и национальному возрождению.

В процессе дальнейшего развития общественных отношений между различными странами и глубокого социально-философского осмысления мировой культуры всемерно будет возрастать значение поэзии Кайсына Кулиева, так как XXI век должен быть веком гуманизма. Об этом пишет переводчик его стихов на болгарский язык Николай Христозов: «...Кайсын Кулиев – сын своего времени. Век, долго не думая, оставил ему право говорить от имени Человека. Может быть, этим объясняется чувство планетарности поэзии Кайсына Кулиева. Потому что и слово «человечество» не имеет множественного числа»[17]. Преподаватель русского языка в женской гимназии американец А. А. Расмусен говорил: «Ваши мысли о человечестве очень важны для всех народов. Ваша «женщина, которая купается в реке», не зная зла и смерти, вьюги и зимы, тюрьмы и сумы, должна познакомиться со всеми людьми всех стран. Вы действительно открываете свое сердце человеческому горю. К сожалению, в нашем мире есть много горя. Нам надо слушать Вас, доброго поэта нашего времени»[18]. А читательница из города Уфы Л. Н. Павлова писала, что, читая стихи Кулиева, хочется думать, хочется плакать. «Даже камень под ногой и то хочется благословить после чтения Ваших стихов. Хочется быть лучше, добрее – вот какие чувства возникают от Ваших слов. Так писать может человек, у которого добрая душа, который сам любит жизнь»[19].

Врач из Курска, Бичель, говорил, что стихи Кайсына Кулиева покоряют искренностью, естественностью, задушевностью, простотой мудрости, что они написаны с любовью к людям, ко всему прекрасному в природе и человеке, что «в каждом Вашем стихотворении,– обращается он к Кайсыну Шуваевичу,– есть кусочек Вашей души и сердца».

Я людям дарил на доброй земле
И песни, и сердце свое,–

писал поэт.

---

[17] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 89, л. 5.

[18] Там же.

[19] Читатель и современный литературный процесс. Грозный, 1989. С. 5.

Кайсын Кулиев как великий гуманист и мыслитель высоко ценил дружбу со всеми народами и говорил о невозможности жизни человека без взаимопонимания и взаимной поддержки. В этом отношении он был послом мира, носителем идеи гуманизма, дружбы и братства между народами. Кайсын Шуваевич достойно представлял культуру народов нашей страны за рубежом, всегда выступал с общечеловеческими проблемами и подчеркивал целостность исторического человечества. Для поэта человечество – это великая симфония, где представлены все народы мира.

В 80-е годы, анализируя свой пройденный жизненный путь, Кайсын Кулиев пришел к глубокому философскому раздумью и заявил всему человечеству, что человек не одинок в этом мире.

Что я без вас, мои братья, один?
Что друг без друга мы?
Дом мой без вас – ледянее льдин,
Небо чернее тьмы.

Без вас, как былинка, я слаб и мал,
Без вас – навек одинок.
А с вами – я крепче чегемских скал,
Как вечный Эльбрус высок.

Кайсын Кулиев – это сконцентрированная энергия в духовной жизни балкарского народа. Мощные импульсы его поэзии несут свет доброты и надежды. По своему складу мышления и опоре на общечеловеческие духовные и нравственные ценности К. Кулиев принадлежит всем народам. В этом заключается гуманизм Кулиева и величие его как человека и поэта, который так прекрасно воспел жизнь и родную землю.

На торжественном заседании, посвященном 70-летию Кайсына Кулиева, Алим Кешоков сказал: «Он был для меня честью и совестью. Он высоко ценил дружбу, всегда был открытым и справедливым и никогда не кривил душой. Когда партийные руководители республики стали меня чернить и хотели оклеветать мой роман «Сломанная подкова», то Кайсын во время обсуждения моей книги встал горой в защиту романа, меня и моего творчества. Они пытались лбом прошибить стену, лишь бы сни-

зить достоинства моего романа, единственный Кайсын дал им понять, нашим партийным идеологам, что культура и искусство не создаются по указаниям сверху и криками. Против меня в те годы была организована настоящая травля. Кулиев всегда был мужественным человеком и не боялся сказать правду. Хотелось бы мне сейчас еще отметить один его мужественный поступок. Когда был выслан его народ в Среднюю Азию и ему предлагали остаться жить в любом городе за исключением Москвы и Ленинграда, то он сказал: «Я пойду по дорогам моего униженного и оскорбленного народа». Наша с ним дружба всегда была искренней и настоящей. Мы часто с ним вспоминали, как вместе сражались на фронтах и как я его спасал, раненного на Сиваше. Оба мы уроженцы Чегемского ущелья, и я не преувеличу, когда скажу, что его поэзия останется бессмертной, а его имя сохранится на века в социальной памяти народов»[20].

2 сентября 1975 года К. Кулиеву писал из Москвы полковник в отставке Роллан Сейсенбаев: «Салам-алейкум, Кайсын-ага! Вашу книгу «Так растет и дерево» купил вечером, сейчас только пробивается дымное московское утро. Закрыл последнюю страницу и долго сидел молча. Так неожиданно пришла мысль написать Вам. Написать слова благодарности от имени молодежи, от тех, кто только начал свой путь в литературе. Не только благодарность, а преклонение чувства перед Вашим талантом и человеческой мудростью.

Не только, чтобы кто-нибудь из братских литератур (не имею в виду литераторов и критиков) написал книгу такого характера. Это не «заметки». Я их понимаю как взволнованный и честный рассказ о людях, чья судьба и талант достойны самого божественного восторга и удивления.

Ваши эссе о Пушкине, Лермонтове, Твардовском, Сарьяне и других – это целая школа понимания и усвоения гениев.

«Страницы автобиографии» потрясли меня там, где Ваша семья подъезжала к Нальчику после одиннадцатилетней разлуки. Вы, обняв сына, сказали: «Вот она, наша родная земля, земля отцов». А у самого щеки были мок-

[20] Личный архив Эфендиевых.

рые от слез... Какими извилистыми тропами шли Вы, сколько бед и несчастий натерпелись Вы и ваше поколение. Об этом мы редко задумываемся и не сразу понимаем слова: «Не ради забавы слагаю я стих...» Или же: «Мир – это горькое море, чьи только в нем не тонули корабли». Спасибо Вам и за Кязима Мечиева. Я добуду все его вещи, которые есть в Москве. Спасибо, Ага, за книгу, за Ваш мудрый совет и наставления. «Так растет и дерево» будет для меня самым дорогим подарком от Вас, от ваших гор и народа... Вы блестяще написали книгу «Так растет и дерево»... Обнимаю Вас, радуюсь за Вас. Горжусь!

С уважением *Роллан Сейсенбаев*, бывший половец, казах в настоящем»[21].

Поэзия К. Кулиева стала достоянием мировой цивилизации. В этом большая заслуга его переводчиков Д. Кедрина, Н. Гребнева, С. Липкина, Л. Шерешевского, О. Чухонцева, Д. Долинского, Я. Козловского, Ю. Нейман, Д. Голубкова, Я. Акима, Я. Хелемского. На стихи и поэмы Кайсына Кулиева созданы песни, романсы, оратории, баллады Э. Колмановским, Г. Свиридовым, Р. Щедриным, Х. Кардановым, М. Жеттеевым, А. Байчекуевым, Н. Пахомовым, А. Рахаевым, Я. Френкелем, И. Шериевой, М. Османовым, Т. Блаевой, Дж. Хаупой, В. Моловым, Ю. Мейтусом, А. Дауровым, А. Казаковым, А. Шахгалдяном и многими другими.

Книги Кайсына Кулиева изданы на 80 языках народов России, СНГ и на 40 языках дальнего зарубежья. Особенно популярна поэзия К. Кулиева в Испании. Сейчас в испаноговорящем мире насчитывается более 250 миллионов человек, которые живут в Испании, Латинской Америке, на Филиппинах и в Африке. Перевели стихи К. Кулиева на английский язык – О. Штарце, на болгарский – Николай Христозов, на венгерский – Антал Гидаш, на польский – Витольд Домбровский, на чешский – Вацлав Иелинек и Мечислав Кргоун, на немецкий – Марта Вебер, Вильгельм Гирус, на голландский – Латауверс, на арабский – Муин Бсису, на колумбийский – Энрике Сендойя, на кубинский – Луис Суарднас,

[21] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, д. 78, л. 47.

на турецкий язык – Каншаубий Мизиев и на многие другие языки.

Кайсын Кулиев издавался во многих городах Европы, Азии, Африки, Америки. Это свидетельство общепризнанной значимости его произведений в духовной жизни людей многих стран мира. Балкарская поэзия в лице великого поэта К. Кулиева, завоевывая географические пространства континентов, накапливает художественный потенциал и силу эстетического воздействия на людей различных стран мира.

Кайсын Кулиев радовался молодой поэтической поросли, которая входила в литературу. Он бескорыстно, честно помогал начинающим поэтам, поддерживал их. Кайсын высоко ценил поэтические дарования Зубера Тхагазитова, Ибрагима Бабаева. Многим молодым поэтам К. Кулиев дал путевку в жизнь. Одним из них является народный поэт Карачаево-Черкесии Назир Хубиев. В 1956 году двадцатилетний парень обратился к Кулиеву с просьбой послушать его стихи, которые были опубликованы в Соколукской районной газете «Ленинский путь». Кайсын Шуваевич увидел поэтический дар в начинающем поэте. Вот что писал Кайсын Кулиев на сборнике стихов «Знамя нашей жизни»: «Моему дорогому брату Назиру Хубиеву с пожеланием, чтобы ты стал одним из тех, кто не даст остынуть очагу нашего языка и литературы. 25 мая 1956 г. *Кайсын Кулиев*».

Н. Хубиев считает Кулиева своим первым учителем и наставником в поэзии, особенно в то время, когда он в течение двух лет был членом литературного объединения при Союзе писателей Киргизии, где встречался с Кайсыном Шуваевичем. Сейчас Назир Хубиев является автором 15 книг.

Кайсын Кулиев – это одна из вершин мировой литературы. Он всегда отличался чувством искреннего уважения к другим народам и их культурам, восхищался творениями безымянных мастеров зарубежных стран, устным народным творчеством среднеазиатских республик, поэтическими сокровищами древней и современной культуры Грузии, Армении, Азербайджана, знал богатейшие национальные особенности украинской, белорусской, молдавской, латвийской, литовской и эстонской культур и преклонялся перед ними. Обращаясь к молодым лите-

раторам, в 1972 году он говорил: «Опыт поэзии и искусства велик и драгоценен. Только бы уметь пользоваться им. Мы должны стараться держать равнение на лучших, учась на примере и опыте, опираясь на них, как на могучие деревья, у которых сильные и глубокие корни. Только так можно двигаться вперед, приобрести все необходимое, стать мастером. Так приходят к зрелости, самостоятельности, новизне и открытиям»[22].

Кайсын Кулиев внес большой вклад в развитие киргизской литературы. Он более 10 лет занимался переводами как поэтических, так и прозаических произведений киргизских писателей и поэтов на русский язык. Переводческую деятельность Кайсына Кулиева Союз писателей Киргизии высоко оценивал. Так, в 1967 году, когда отмечали 50-летие Кайсына Кулиева, киргизские литераторы писали: «Дорогой Кайсын! Твой вклад в киргизскую литературу, который ты внес, мы и весь киргизский народ никогда не забудем. Благодаря твоим переводам с киргизского языка на русский язык произведения киргизских писателей стали известными не только в Советском Союзе, но и в других странах. Киргизия для тебя стала второй родиной. Написанные тобой стихи о нашей республике знает каждый киргиз, рожденный у подножия Ала-Тооуа, который ты так горячо любишь. Мы знаем, что для тебя Ала-Тооуа, Сусамыр, озеро Иссык-куль так же дороги, как твой родной Чегем, Эльбрус, Казбек и Ушба. Дорогой Кайсын Шуваевич, каждый киргиз тебя считает кровным братом, бесконечно любит. Твои книги являются украшением их библиотек. Твои книги служат нам духовной опорой, так как в них заключена нравственная ценность.

Кайсын-Агай, киргизы никогда не забудут те годы, в которые мы работали вместе»[23].

Киргизский народ увековечил память Кайсына Кулиева, назвав одну из центральных улиц города Бишкека именем поэта. Кулиев считал себя сыном двух братских народов – балкарского и киргизского. Он в равной степени любил древнюю землю Манаса и свою этничес-

---

[22] Кулиев К. Поэт и культура // Юность. 1972. № 12. С. 56.

[23] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 209, л. 1.

кую колыбель – Кабардино-Балкарию. В стихотворении «Киргизия» поэт писал:

Твоя трава служила мне постелью.
Я воду пил, ел хлеб в твоем краю.
В похожих на балкарские ущелья
Оставил боль и молодость свою.

Пусть годы протекли, но знай, я помню
Цвет твоего песка, твоих дождей.
На родине сейчас твой край я помню,
Как помнил край свой на земле твоей.

Ты мне давала сладкий ломоть хлеба,
Ты мне надеждой озаряла сны.
И знал я, что у гор твоих и неба
Передо мною не было вины.

И сквозь отверстье юрты, ночью поздней,
Я видел, как по небу, далеки,
К горам кавказским уплывали звезды,
Неся с собою часть моей тоски.

Киргизия, ты сделала немало,
Ты мне дала в друзьях певцов своих.
Они мне жали руки, и сверкала
Слеза не у меня в глазах – у них.

Так пусть же пережитое мной горе
Твоих сынов не тронет никогда.
Пусть хлеб твой никогда не будет горек,
Не будет пусть горька твоя вода [24].

В условиях крушения нравственных устоев в современной России гуманистическая идея имеет исключительно важное значение для возрождения народного духа и выражения коллективистского менталитета. И наследие К. Кулиева в это время имеет для нас непреходящее значение.

У могилы своего друга в Чегеме I, проливая слезы, Алим Кешоков говорил:

«Человек, которого мы сегодня хороним, составляет гордость и славу народа, породившего и вскормившего

[24] *Кулиев К.* Мир дому твоему. М., 1966. С. 166, 167.

его, поэтому в трауре не только родные и близкие, друзья и братья Кайсына Кулиева по перу... В свое время великий Горький сказал, что талант не зависит от количества населения. Удивительным подтверждением тому является Кайсын Кулиев, чья взволнованная, полная жизнеутверждения поэзия ярким, негасимым лучом ложится в полосу света, освещающую эпоху ожесточенных схваток и созидательного труда, зарождения расцвета нашей культуры, глубокого художественного мышления.

Все произведения, созданные поэтом,– это есть единая, цельная, изумительная книга, которая называется «Кайсын Кулиев», это есть возвышенное и вечное творение, увенчанное славой поэта и окруженное вниманием и заботой благодарного народа...

Кайсын Кулиев оставляет в наследство потомкам нескончаемую, полную драматизма и глубоких мыслей, любви и преданности родной земле поэзию. И памятником ему будет бесконечная эта песня»[25].

В работе Кайсына Шуваевича «Так растет и дерево» гармонически сочетаются самобытность множества национальных культур. Он глубоко раскрыл диалектические взаимосвязи и взаимообусловленность национального и общечеловеческого в культуре. Мне представляется, что в контексте данной конференции, во время работы которой на секциях будут обсуждаться различные проблемы, заслуживает философского осмысления идея возрождения.

Здесь следует отметить, какова мера возрождения и что из прошлого достойно возрождения и не противоречит процессу развития культуры и нравственных ценностей каждого народа. Эти вопросы чрезвычайно актуальны для оценки российской действительности и социально-философского анализа общественной жизни и научного предвидения.

Нам предстоит большая работа в социально-философском осмыслении глубины и значимости планетарного характера поэзии Кайсына Кулиева, содержания в нем гуманистических идей. Его творчество имеет огромное значение для национального возрождения и в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения.

[25] *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И.* Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта. Нальчик, 1997. Т. 1. С. 101, 102.

В деятельности и общей жизненной позиции Кайсына Кулиева мы имеем дело с особым культурным, духовным и нравственным явлением, историческое, культурное значение которого еще не достаточно осмыслено и оценено. Вдумчивый социально-философский анализ этого феномена может оказаться достаточно полезным не только для ученых, но и для национального возрождения, формирования мировоззрения и духовно-нравственного облика у молодежи.

В книгах Кайсына Кулиева мы видим призыв обратиться к культурному достоянию человечества. Именно здесь обнаруживается глубинный гуманистический пафос и мировоззренческий смысл наследия великого поэта XX века Кайсына Кулиева. «Гениальные люди, вечные благодетели человечества, имена которых и даже отчества никогда не будут преданы забвению»[26],– писал Жан Антуан Кондорсе.

Я думаю, что мы сегодня и в будущем должны усиленно и целенаправленно работать по следующим направлениям для всестороннего социально-философского осмысления творчества Кайсына Шуваевича Кулиева:

1. Кайсын Кулиев – этнический и духовный феномен балкарского народа.
2. Нравственно-этические проблемы.
3. Социальная память в поэмах К. Кулиева.
4. Космизм в поэзии Кайсына Кулиева.
5. Натурфилософские и пантеистические проблемы в поэзии К. Кулиева и понимание им живой и неживой природы.
6. Топонимические названия в поэзии К. Кулиева как один из факторов этнической памяти.
7. Проблемы ономастики в стихах К. Кулиева как отражение национально-специфического и общечеловеческого.
8. Нравственное осмысление понятия покаяния как один из важнейших факторов очищения совести в стихах К. Кулиева.
9. Кайсын Кулиев в социальной памяти народов России, СНГ и стран дальнего зарубежья.
10. Переписка К. Кулиева с отечественными и зарубежными деятелями литературы, искусства и науки.

[26] Философия истории. Антропология. М., 1994. С. 41.

11. Отношение к Кайсыну Кулиеву выдающихся деятелей культуры и науки XX века.

12. Культ природы и традиционно-религиозные верования в произведениях К. Кулиева.

13. Социально-философское осмысление К. Кулиевым проблем гуманизма, войны и мира.

14. О всеединстве природы, жизни и человеческого бытия в поэзии Кайсына Кулиева.

15. Этнокультурные традиции в поэзии К. Кулиева.

16. Мастерство языка Кайсына Кулиева.

17. Национальная идея и национальный оптимизм в поэзии К. Кулиева.

18. Национальные и общечеловеческие символы в поэзии К. Кулиева.

19. Художественно-эстетические искания К. Ш. Кулиева.

20. Человек и Вселенная в поэзии Кайсына Кулиева.

21. Русский язык в творчестве К. Кулиева.

22. Литературно-критическое наследие К. Кулиева.

23. Восток и Запад в творческом сознании Кайсына Кулиева.

24. Поэзия Кайсына Кулиева как феномен культуры балкарского народа.

25. К. Кулиев и музыка.

26. Природно-ландшафтные образы в поэзии К. Кулиева.

27. Социально-философское наследие Кайсына Кулиева в системе мировой культуры.

28. Национально-культурная специфика в поэзии К. Кулиева.

29. Фауна и флора в поэзии Кайсына Кулиева.

30. Поэзия Кайсына Кулиева в период депортации.

31. Роль литературно-критической деятельности К. Ш. Кулиева в формировании балкарской литературной критики.

32. Национальные имена в поэзии Кайсына Кулиева и их религиозно-историческое значение.

33. Военная публицистика Кайсына Кулиева (1941–1944).

34. Проблема метода, жанра, поэтики в творчестве Кайсына Кулиева.

35. Нравственно-философские и стилевые тенденции в лирике Кайсына Кулиева.

36. «Была зима» Кайсына Кулиева в контексте развития исторического романа балкарской прозы.

37. Художественная структура лирических и лироэпических поэм Кайсына Кулиева.

38. Художественное осмысление социально-философских проблем в лирике Кайсына Кулиева.

39. Эволюция художественной концепции личности женщины в поэзии Кайсына Кулиева.

40. Художественное осмысление традиций преемственности в поэзии Кайсына Кулиева. (Социально-философский анализ).

41. Нравственно-этическая проблематика и художественные изыскания Кайсына Кулиева в 60-х – начале 80-х годов.

42. Художественная концепция личности в поэзии и прозе Кайсына Кулиева.

43. Проблемы человеческого бытия в поэзии Кайсына Кулиева. (Социокультурологический анализ).

44. Общественно-политическая деятельность Кайсына Кулиева.

45. Социальный оптимизм в поэзии Кайсына Кулиева: онтологический аспект.

46. Жанровые искания Кайсына Кулиева в 50–60-е годы.

47. Изучение творчества Кайсына Кулиева в средней школе.

48. Кайсын Кулиев – поэт-лирик.

49. Роман Кайсына Кулиева «Была зима»: характер замысла в идейно-художественной концепции.

50. Роль Кайсына Кулиева в формировании и развитии детской балкарской литературы.

51. Книга Кайсына Кулиева «Так растет и дерево» и ее место в системе общечеловеческой культуры.

52. Гуманистические традиции Кязима Мечиева в творчестве Кайсына Кулиева.

53. Восточнотрадиционная и новаторская поэзия Кайсына Кулиева.

54. Письма Кайсына Кулиева как эпистолярное наследие.

55. Письма Кайсыну Кулиеву как источник осмыс-

ления его нравственно-этических и психолого-педагогических проблем.

56. Кайсын Кулиев как поэт и переводчик.

57. Пьеса Кайсына Кулиева «Есть на свете любовь» в контексте развития балкарской драматургии.

58. Национальная специфика поэзии Кайсына Кулиева в русских переводах.

59. Художественный мир Кайсына Кулиева и специфика послевоенной балкарской поэзии.

60. Пространство и время в поэзии Кайсына Кулиева.

61. Природа как символ в поэзии К. Кулиева.

62. Отражение этнокультурных особенностей в поэмах К. Кулиева «Чегем», «Половецкая луна», «Завещание».

63. Кайсын Кулиев как культурно-исторический феномен.

64. Проблема добра и зла в поэзии Кайсына Кулиева.

65. Национально-историческая тема в цикле стихов и поэмах Кайсына Кулиева.

66. Проблема вечности жизни в поэзии Кайсына Кулиева.

67. Творчество Кайсына Кулиева в русской критике.

68. Диалог культур в произведениях Кайсына Кулиева.

69. Социально-философское и историко-познавательное значение архива Кайсына Кулиева.

70. Личность поэта в архивных документах и в воспоминаниях современников.

71. История и время в поэзии Кайсына Кулиева.

72. Этнографические особенности в поэмах Кайсына Кулиева.

73. Проблема патриотизма в произведениях Кайсына Кулиева.

74. Архив Кайсына Кулиева как отражение целой исторической эпохи.

75. Послания и посвящения Кайсыну Кулиеву.

76. Символы поэзии Кайсына Кулиева в среднеазиатский период.

77. Кайсын Кулиев и Алим Кешоков. (Основные мотивы и жанры военной лирики).

78. К. Кулиев и северокавказская художественная культура.

79. Кайсын Кулиев и карачаевская литература.

80. Основные мотивы творчества К. Ш. Кулиева периода Великой Отечественной войны.

81. Кайсын Кулиев в изобразительном искусстве, живописи и графике.

82. Культурно-историческое значение книги К. Кулиева «Так растет и дерево».

83. Кайсын Кулиев и армянская культура.

84. Поэзия К. Ш. Кулиева в контексте развития многонациональной художественной литературы России.

85. Кайсын Кулиев и его друзья переводчики.

86. Кайсын Кулиев как драматург и театральный критик.

87. Поэзия Кайсына Кулиева – это отражение этнофилософии балкарского народа.

88. Письма однополчан и их историко-познавательное значение.

89. Кайсын Кулиев как учитель для многих начинающих поэтов.

90. Письма учащихся школ союзных и автономных республик Советского Союза и их нравственно-воспитательное значение.

91. Горы в поэзии Кайсына Кулиева как символы стойкости, мужества и духовной крепости балкарского народа.

92. Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов. (Поэтическая дружба.)

93. Письма-отклики на выступления К. Кулиева по радио и телевидению.

94. Песни на слова К. Ш. Кулиева, которые поют известные певцы России и СНГ.

95. Письма-пожелания многочисленных читателей Кайсыну Кулиеву – это свидетельство глубокого уважения и всенародного признания его заслуг в области художественной культуры.

96. Кайсын Кулиев и Назар Наджми.

97. Кайсын Кулиев и писатели Дона.

98. Основные закономерности вхождения Кайсына Кулиева в систему мировой художественной культуры.

99. Письма-приглашения Кайсыну Кулиеву.

100. Кайсын Кулиев и этнический ренессанс духовной культуры балкарского народа.

101. Литературно-историческое значение записных книжек К. Ш. Кулиева 1948–1954 год.

102. Значение поэзии Кайсына Кулиева в культурно историческом развитии балкарского народа.

103. Проблемы переживания в поэзии К. Кулиева.

104. Творчество Кайсына Кулиева за рубежом.

Особо отмечу, что это неисследованная область в литературоведении и культурологии. Эту проблему необходимо глубоко исследовать в социально-философском аспекте для раскрытия общих закономерностей и специфических особенностей вхождения литературы малых народов в систему мировой цивилизации.

Можно только надеяться, что молодые ученые заинтересуются этими проблемами и начнут исследовать их в социально-философском плане.

Вкратце, на мой взгляд, так можно выделить основные проблемы и направления в социально-философском аспекте исследования поэзии великого поэта и выдающегося гуманиста Кайсына Шуваевича Кулиева.

Но я не считаю, что эти проблемы полностью охватывают его всесторонний талант. Это только постановка вопросов для научного осмысления исследователями и любителями творчества Кайсына Кулиева.

Без глубокой разработки вышеуказанных проблем и направлений невозможно социально-философское осмысление бессмертных творений поэта.

Следует сказать, что на сегодняшний день мы еще недостаточно представляем значимость и глубину поэзии Кайсына Кулиева. Нам всем надо по-новому осмыслить величие своего национального гения. Это наш научный гражданский и национальный долг перед его памятью, перед его современниками и особенно перед грядущими поколениями.

Пройдут многие века, и каждое поколение будет обращаться к творчеству К. Кулиева, чтобы глубже понять смысл жизни и человеческого бытия, восхищаться его великими творениями. В своей поэзии Кайсын Кулиев глубоко раскрыл диалектику взаимосвязи и взаимообусловленности всего живого и неживого как всеобщей гармонии Земли и Космоса. В его поэзии космогония – это необозримая бесконечность и неповторимая красота, которая существует для человека. Культ природы в пони-

мании поэта – это божественное творение, рефлексия красоты гор, ущелий, шум водопадов, горение на небесах звезд, цветение весной чинары, пение птиц, полет орла, рев буйвола и ржание коня, созревание на полях пшеницы, на горных дорогах медлительность волов и мулов, обитание горного тура на альпийских лугах, даль степей и луна над рекой.

В поэзии Кулиева выражается гармония небесных сил, движущаяся мелодия и энергетическая форма слова. Кулиева можно считать основателем в северокавказской поэзии космизма.

Талант Кулиева выражает глобальные мировоззренческие проблемы, ясное небо, чистые снега гор, бессмертный труд хлебопашцев и скотоводов, великих идей человечества, которые принесли с собой Низами, Саади, Петрарка, Бетховен, Пушкин, Фейербах, Лермонтов, Шопен, Махтумкули, Лев Толстой, Гарсиа Лорка.

Благодаря его поэзии образ вековых скал Чегемского ущелья приобрел философский и поэтический смысл, став достоянием миллионов читателей, а балкарский народ через музу Кайсына Кулиева стал известен современной цивилизации. В письме китайскому другу Назым Хикмет писал, что «нет ни одного народа, который бы не внес своей национальной лепты в эту общую культуру. Каждый из них на протяжении своей истории дает что-то важное и хорошее всему человечеству и объединяя его в единую семью доброжелательных друг к другу людей. В этом процессе неумирающие корни интернациональной дружбы»[27].

Мировидение Кайсына Кулиева как поэта-мыслителя носит вселенский характер. Он рассматривал мир как органическое целое и развивал целостность органического миропонимания. Ведь он воспел в своих стихах и поэмах все мироздание, любил и глубоко уважал все народы, живущие на земле, никогда не делил людей по национальным признакам, бесконечно дорожил дружбой и считал всех, кого знал и с кем общался, своими кровными братьями.

Где б ты ни жил – в горах ли, у моря,
Ты мне брат, коль тебе дорога

---

[27] Назым Хикмет. Корни дружбы // Литературная газета. 1986. 19 ноября. С. 15.

Вся земля, если святы все взгорья,
Все низины, луга и стога.

На каком бы ни пел ты наречии,
Все равно ты и брат мне, и друг,
Если ценишь ты труд человечий,
Доброту человеческих рук [28].

Перевел *Н. Гребнев*

Ему писали письма со всех концов Советского Союза и из многих зарубежных стран и очень часто благодарили его за стихи, посвященные женщинам. Давид Кугультинов, выступая на юбилее – 60-летии Кайсына Кулиева в 1977 году, рассказал: «Я недавно был в Японии. Меня просили передать привет международной солидарности поэту Кайсыну Кулиеву, автору стихотворения «Женщина купается в реке» от японских женщин. Они выразили надежду, что он по-прежнему пишет так же с необычайной целомудренностью и психологической тонкостью о красоте человеческих чувств, о материнстве и мире».

Плещется купальщица в воде,
Нету зла и смерти нет нигде,

В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,

Войн ни на одном материке...
Женщина купается в реке [29].

Перевел *Н. Гребнев*

Кайсын Кулиев как поэт – фигура огромного масштаба, великая личность. Он сын Земли, его поэтический голос, несущий тепло людям, утешение нуждающимся в добре, гармонии человеческого бытия с окружающим миром,– это эхо Космоса, дыхание Природы. Его голос – обращение к живым, предостережение людям – беречь мир от войны и гибели цивилизации.

---

[28] *Кулиев К.* Мир дому твоему. М., 1966. С. 5.

[29] *Кулиев К.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 265.

На кладбище старинном камню тесно.
Сам среди камня рос я с малых лет.
Мне потому доподлинно известно,
Что от беды и камень вопиет
Как он седеет, видел я воочью.

Зашито все, что превратилось в клочья,
Заплатаны дырявые места,
Но слышно, как Европа стонет ночью,
Не оттого ль, что совесть нечиста?
Здесь и земя и небо – сплошь могила [30].

В памяти современников Кайсын Кулиев остался простым, доступным, душевно щедрым и общительным человеком. Его глубоко уважали за доброту, за любовь ко всему живому. Он как магнит притягивал к себе, был любимцем миллионов людей Советского Союза и многих зарубежных стран.

Неповторимый образ гениального поэта мы навечно сохраним в своей памяти и передадим из поколения в поколение, ибо его поэзия – это неисчерпаемый источник доброты, гуманизма и высокой духовно-нравственной культуры.

Я жил, как все, без славы, без вины,
Любил цветы, боялся смерти скорой,
Работал тяжко, поднимался в горы,
Зимой нетерпеливо ждал весны.

Я жил, как все, был и велик и мал,
Хлеб запивал водою с наслажденьем,
И каждый год мне сердце ублажал
Цветеньем вешним, золотом осенним.

Шел по дороге, падая порой,
Смеялся, плакал, старости страшился,
Своим крестьянским званьем не кичился,
Я был, как все, не гений, не герой.

Я жил, как все, свой жребий не кляня.
Случалось, что душой кривил, не скрою.
Придя домой, печь разжигал зимою,
Бросал дрова и грелся у огня.

[30] *Кулиев К.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 13.

Я был не хуже всех других людей,
И превосходством не был я отмечен.
Но песню я со дна души своей,
Как птицу, выпускал весне навстречу.

Был кем-то нелюбим, кому-то мил,
Я был, как все, не лучше, не умнее,
Я жил, как все, я жизнь всегда любил,
Я и теперь страшусь расстаться с нею [31].

Перевел *Н. Гребнев*

Поэзия К. Кулиева – это воспевание героических свершений на благо человечества, нетленное сияние вечных истин, непреложная ценность законов бытия и справедливости. Поэтому поэт Кайсын Кулиев пользовался большим авторитетом и глубоким уважением у народов Советского Союза и многих зарубежных стран, убежденных в его честности, бескорыстии, глубочайшем патриотизме и интернационализме. В этом заключается социально-философский смысл творчества великого поэта и выдающегося гуманиста XX века Кайсына Шуваевича Кулиева. Об этом свидетельствуют более 10 тысяч писем и телеграмм, полученных им, записи его 250 выступлений и речей, свыше 300 литературно-критических статей, написанных поэтом на русском и балкарском языках. Весь этот материал, датируемый 1939–1985 годами, хранится в его личном архиве ЦГА КБР, ЦГАЛИ СССР, ЦДЛ им. А. Фадеева и в других архивах. Это огромный духовный пласт и бесценный эмпирический материал, который требует глубокого анализа и всестороннего исследования.

Поэзия Кайсына Кулиева – это его родные горы, бурное смешение красок Чегемского ущелья, где прошли его детство и весь мир, в котором живы Пушкин и Лермонтов, Федерико Гарсиа Лорка и Патефи. В его стихах высокие страсти, огромный заряд неистребимого человеческого добра, напряженность мысли и свобода интонации, свойственная большому мастеру. Жизнь поэта неразрывно была связана с судьбой его родины. Кайсын Кулиев –

[31] *Кулиев К.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 50, 51.

сын балкарского народа, вместе с ним прошедший путь духовного возрождения.

Свое творческое кредо поэт четко определил в автобиографии: «Как и многие из моих братьев-поэтов я стою за разнообразие форм и направлений в поэзии, совершенно отвергаю узость в этом отношении и нервозную нетерпимость. Я считаю себя братом тех поэтов, которые горячо любят землю от ее снежных вершин до запыленной былинки у дороги, которым доставляет самую большую радость изображать мир и людей. Мне думается такой человек и является художником. Я за разносторонность и отзывчивость поэта»[32]. Все было под силу К. Кулиеву – высокая гражданственность и глубокие философские размышления, светлая грусть и большая земная радость.

Имя балкарца Кайсына Кулиева будет существовать в веках как яркая звезда на небосклоне. Она вечно будет сиять своим поэтическим блеском. Его поэзия – это гимн любви ко всему живому, всеобщая гармония Земли и Вселенной во имя существования человека. Поэтический гений Кулиева – неотъемлемая часть мировой художественной культуры, ибо произведения его – это достояние Человечества. И ныне, когда мы идем по пути национального возрождения, Кайсын Шуваевич светит нам как путеводная звезда. Поэт писал:

Среди миров огромных и светил
Пусть я всего песчинкой малой был.

Но и песчинкой малой – и таким,
Наверное, я был необходим.

Моя была мгновенна с жизнью связь,
Но жизнь и без меня не обошлась.

В октябре 1984 года Кайсын Шуваевич выступал в актовом зале университета. Обращаясь к студенческой молодежи, он говорил:

Не пройденные мною перевалы
Другие покорят, придет пора.

[32] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, д. 226, л. 5.

Слова, что не давались мне когда-то,
Отыщут молодые мастера.

Это было его последнее выступление в Кабардино-Балкарском государственном университете, и эти стены последний раз слышали голос великого поэта современности. К сожалению, не был записан голос человека, который бесконечно любил студенческую молодежь и глубоко уважал преподавательско-профессорский коллектив университета.

В его поэзии заложена огромная духовная энергия, которая играет важную роль в формировании идеи гуманизма и способствует духовно-нравственному очищению совести людей. Она может вдохновить человека на благородные дела, так как поэт сам был одним из благороднейших людей, когда-либо живших на древней земле Кабардино-Балкарии.

Рассматривая в социально-философском плане творчество Кайсына Кулиева, хотел бы подчеркнуть, в чем причины его духовного взлета после возвращения его из Средней Азии.

Во-первых, мы считаем, что Кайсын Кулиев был выразителем чаяний балкарского народа, который был лишен всех политических прав и находился в морально подавленном и униженном положении комендантского спецрежима.

Во-вторых, в условиях социальной несправедливости, когда балкарский народ не мог проявить свои духовные и творческие возможности, Кайсын Кулиев как часть народа хорошо понимал его нравственную рану души и сознавал, что национальное самосознание находилось в духовном вакууме, на грани нравственной деградации. И его поэзия явилась как бы вызовом времени, когда идеологический диктат довлел над общественно-политической жизнью, повлиял на развитие литературы и искусства и, в частности, на развитие творчества самого поэта. Поэтому он был морально-нравственной основой для дальнейшего духовного развития культуры балкарского народа.

Елена Ивановна Рерих говорила, что задача гения состоит в том, чтобы претворять и пропустить через призму своего сознания достижения всех народов и всех веков и

дать свой неповторимый «синтез этого конгломерата творческих мышлений»[33].

Поэт рассматривал в своей поэзии духовную сферу человека со всеми мыслями, общечеловеческими ценностями.

Творчество Кулиева отражает целую эпоху развития исторического процесса. Его поэзия оказала и оказывает огромное влияние на формирование исторического сознания балкарского народа. Кайсын Кулиев был сыном своего времени, был представителем интеллектуальной жизни своего народа. Еще Белинский писал: «Чем выше поэт, тем больше принадлежит он обществу, среди которого он родился, тем теснее связано его развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества»[34].

Без его поэзии не было возможно дальнейшего развития балкарской литературы, творчества И. Бабаева, Т. Зумакуловой, М. Мокаева, А. Созаева, С. Гуртуева. Кайсын Кулиев для них был духовным родоначальником.

Пусть сегодняшние успехи балкарской поэзии будут залогом новых свершений, достойных памяти нашего великого земляка и национального гения – Кайсына Шуваевича Кулиева.

Дорогие коллеги и многоуважаемые участники конференции! В заключение хотел бы сказать, что нам нужно ежегодно проводить Кулиевские чтения, чтобы они стали традицией. В 2002 году мы должны провести Международную конференцию, посвященную 85-летию К. Ш. Кулиева на тему: «Кайсын Кулиев и мировая культура: проблема гуманизма». На эту конференцию необходимо пригласить ведущих ученых, друзей поэта, переводчиков из стран ближнего и дальнего зарубежья.

В 2017 году исполнится 100 лет со дня рождения великого поэта современности К. Ш. Кулиева. Эту дату следует отметить по линии ЮНЕСКО в международном масштабе, чтобы этот год был объявлен годом Кайсына Кулиева. Поэтому в 2013 году мы отправим в эту организацию ходатайство, чтобы в план юбилейных мероприятий 2017 года включили и Кайсына Кулиева. Как

---

[33] Мир образования. 1997. № 3. С. 52.

[34] Дань любознательности любви. Лениздат, 1979. С. 119, 120.

известно, ЮНЕСКО отмечает только столетие со дня рождения выдающихся людей.

Мы подготовили текст. Этот документ необходимо отправить не позже января 2013 года в ЮНЕСКО. Текст будет размножен и по одному экземпляру отдан родным поэта– дочери Жанне Кулиевой, сестре Марзият и жене Элизат. Один экземпляр будет храниться в музее поэта, а также по одному экземпляру – на кафедрах философии и балкарского языка и литературы КБГУ.

Это будет нынешнему и будущему поколениям национальным и нравственным наказом, памятью великого поэта и выдающегося Гражданина и гуманиста нашей планеты – Кайсына Шуваевича Кулиева.

12 ноября 1997 г.

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЙ МИР НЕ ЗАБЫЛ СВОЕГО ПЕВЦА

1997 год был назван Годом Кайсына Кулиева в КБР. В ноябре этого года поэту исполнилось бы 80 лет со дня рождения. Тюркский мир широко отметил эту дату торжественными собраниями, научными конференциями, вечерами поэзии, юбилейными выставками в музеях, конкурсах выразительного чтения в городских и сельских школах, диспутами за «круглым столом» в библиотеках и Домах юношества республики, посвященными К. Ш. Кулиеву. В Азербайджане и в Киргизии, в республиках Северного Кавказа и Армении и во многих других регионах страны прошли торжества, связанные с этой датой. Тюркоязычный мир приветствовал своего певца. Так, президент Конгресса тюркских народов Российской Федерации Боронтай Бедюров прислал телеграмму с Алтая 14 ноября, когда в Музыкальном театре Нальчика собрались жители КБР, гости из разных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья, чтобы отметить 80-летие К. Ш. Кулиева. Бедюров оценил творчество поэта как явление не местного, а глобального масштаба. Присутствующие на вечере узнали о том, что одно из алтайских сел носит имя Кайсына Кулиева, а горная вершина получила название Кайсын-баши.

С 20-го по 25 декабря этого года в Турции широко отмечали юбилей поэта. В Анкаре был издан на турецком языке сборник стихов «Раненый камень» («Жаралы таш»). Его перевел балкарец Каншаубий Мизиев, который долгое время живет в Турции. Книга издана в хорошем переплете, на финской бумаге. Правительство сделало все возможное, чтобы достойно встретить делегацию в составе 16 человек из Кабардино-Балкарии. В ее состав входили писатели, поэты, артисты, музыканты, ученые, сын поэта Азамат Кулиев, художник, и племянница поэта Фатима Кулиева, директор музея К. Ш. Кулиева. Они вылетели из аэропорта «Нальчик» прямым рейсом в Стамбул. Полет длился 2 часа 20 минут. В 9 часов 30 минут были в аэропорту «Стамбул». Он поразил прилетевших разноцветными огнями и разноязычной речью. Стамбул – красивый город. Это город со всемирно известным дворцом Топаки, величественным Хагиа-София, «Голубой мечетью», «Большим базаром», своими 4000 магази-

нами и привлекательными ценами на изысканные украшения из золота, изделия из высококачественной кожи и искусно выделанные ковры. Здесь удивительно, что один дом не похож на другой. Стамбул построен на 14 холмах. Через Босфор висячие мосты соединяют Европу с Азией. Движение – 8 рядов в каждую сторону.

Нашу делегацию встретили советники Президента Сулеймана Демиреля депутат Межлиса Намык Кемал Зейбек и родившаяся в Турции карачаевка Ажаяк Хурият, а также представители Министерства культуры Турции. Делегацию усадили в комфортабельный автобус, привезли в одну из лучших высотных гостиниц «Мерит» и разместили в одно- и двухкомнатных номерах на третьем этаже, из окон которых открывалась красивая панорама города, поражавшего своими минаретами, мечетями и другими старинными архитектурными сооружениями. Переодевшись с дороги, делегаты спустились вниз, в зал ресторана, где их ожидал ужин – «шведский стол».

На второй день делегацию ознакомили с достопримечательными местами, уникальными шахскими дворцами, мечетями, музеями Стамбула, расположенного недалеко от Босфорского залива. Эта экскурсия заняла почти весь день, включая обед в небольшом ресторанчике на берегу Босфорского залива. Были видны торговые корабли различных стран, которые проходили через залив, слышны крики прожорливых морских чаек и поражало множество красивых террас, располагавшихся на берегу. Зимнее солнце светило ярко. Оно озаряло зеленые кустарники и засохшие на них цветы. В Нальчике, когда улетала делегация, мороз достигал 30 градусов, шел снег. И в Стамбуле тоже выпал снег, но мороз был значительно слабее: около 4–5 градусов. Снег таял на наших глазах, и многие нальчане удивлялись большому контрасту в температурах, хотя расстояние было близким.

Вечером приехали в гостиницу, уставшие от больших впечатлений и множества различных людей, прибывших сюда со всех концов мира. Здесь были японцы, китайцы, американцы, евреи, украинцы, молдаване, французы, поляки, шведы. Много было представителей из африканских стран, Филиппин и Индонезии. В положенный час они заходили в мечети и совершали намаз.

После ужина в номере профессора С. И. Эфендиева

собирались Алим Теппеев, Каншаубий Мизиев, Муталиб Беппаев, Танзиля Зумакулова, Галина Таукенова, Алим Газаев, Ольга Сокурова, Руслан Мусукаев, Ислам Тхазаплижев, Азамат Кулиев и обменивались мнениями о прошедшем дне, о том, что увидели, что поразило воображение европейца,– трансформация и взаимопроникновение восточной и европейской цивилизаций в этой стране.

На третий день после завтрака, то есть 22 декабря, наша делегация отправилась на комфортабельном автобусе с телевизором и другим для нас необычным дорожным оборудованием в Анкару. Путь был долгим, около 6 часов, поэтому мальчик, который нас обслуживал, все время предлагал нам чай, кофе, минеральную воду, фрукты и соки. В пути наши музыканты и артисты исполняли сольные и групповые номера: пели песни, танцевали, читали стихи Кайсына Кулиева наизусть. Потом, вспоминая дорогу в Анкару, участники делегации говорили, что рельеф местности и природа напоминают им нашу родную Кабардино-Балкарию: были видны снега на вершинах гор, на склонах разноцветные леса, живописные ущелья, красивые долины с расположенными на них селами, в некоторых из них, как говорил экскурсовод, проживают компактно кабардинцы и другие выходцы с Северного Кавказа.

Чтобы попасть в Анкару, нужно проехать ряд пригородных районов и городов, поражающих чистотой, опрятностью и ухоженностью дорог и великолепным освещением, что несвойственно нашим российским дорогам. Как не вспомнить Н. В. Гоголя, сказавшего, что бездорожье погубит Россию. Хотелось бы отметить и корректную работу дорожной ГАИ Турции. В два часа дня мы прибыли в Анкару, устроились в центральной гостинице. После обеда поехали в пригородный район, где по решению правительства должен быть заложен Национальный парк им. Кайсына Кулиева. Здесь делегацию уже ожидали несколько тысяч людей различного возраста, включая и детей, прибывших из близлежащих населенных пунктов. Еще издали на большом полотнище члены делегации с помощью переводчика прочитали: «К 80-летию Кайсына Кулиева закладывается здесь национальный парк. Он увековечит память великого поэта XX века тюркского этноса». Красивые зеленые буквы на белом полотне ра-

довали взгляд и души людей. «Добро пожаловать!» («Хош келлигиз!») – прочитали приехавшие на своем родном языке.

Митинг открыл мэр пригородного района господин Алтынок. В этом районе проживает более 800 тысяч человек, в том числе и кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, абазинцы, шапсуги, дагестанцы и другие выходцы с Северного Кавказа, переселившиеся сюда более ста лет тому назад. Молодой мэр, в возрасте 30–35 лет, выше среднего роста, плотного телосложения, с быстрым взглядом карих глаз, привлекал к себе внимание всех присутствующих. Говорил он громко, четко, владея приемами ораторского искусства. Приветственная его речь была краткой, после чего он дал слово министру культуры Турции Истемихану Талаю и советнику Президента господину Зейбеку. После них выступали приехавшие из КБР: писатель Алим Теппеев, замминистра культуры нашей республики Ислам Тхазаплижев. Он преподнес мэру Алтыноку сувенир, сделанный из турьего рога в форме орла, и книгу о Нальчике. Все выступавшие говорили о значении парка имени Кайсына Кулиева, который усилит культурные взаимосвязи и дружбу между Турцией и Кабардино-Балкарией. После всех выступавших мулла прочитал молитву в честь памяти поэта. Во время церемониала присутствующие совершали поминальное «дуа» (молитву). Они стояли кругом, а в середине один из молодых людей держал белого барана, предназначенного для жертвоприношения. После этой церемонии все пошли к тому месту, где спланировали парк: были заложены мраморные дорожки из плиток с восточным орнаментом, цементные бордюры вдоль дорог, была подготовлена почва для посадки деревьев и т. д. Гости приняли участие в подготовке парка. Профессор С. И. Эфендиев, писатель А. М. Теппеев, поэтесса Т. М. Зумакулова, артист А. Газаев, певица Г. Таукенова бросили по две-три лопаты цементного раствора в фундамент парка Кайсына Кулиева.

Парк расположен у подножия возвышенности, где стоят на склоне близко расположенные друг к другу села. Красивый пейзаж великолепно вписывается в этнографию, напоминая жителям этих районов горные пейзажи селений Булунгу, Безинги, Верхней Балкарии нашей рес-

публики. Национальный парк им. Кайсына Кулиева расположен в пригородном районе Анкары «Кечиёрен». Без сомнения, при выборе места для парка им. Кайсына Кулиева учитывались уникальные природные условия Верхнего Чегема – Эль-Тюбю, этнической колыбели поэта.

Когда закончилась торжественная часть, присутствующие на митинге подходили к членам делегации – профессору С. И. Эфендиеву, замминистру культуры КБР И. И. Тхазаплижеву, поэтессе Т. М. Зумакуловой, народной артистке КБР Г. Таукеновой – обнимали их и говорили на турецком языке: «Я кабардинец!», «Я абазинец!», шапсуг, балкарец, карачаевец и т. д. Это были в основном старики и старухи, которые, не скрывая слез радости общения с соплеменниками, по-разному выражали свои чувства. Растрогались и члены делегации, видя такое сердечное отношение к нам и прежде всего к памяти Кайсына Кулиева. Мы уверены, что эти милые седобородые, умудренные жизненным опытом старики и благородные старухи передадут своим детям и внукам традиции горских народов, любовь и уважение к национальным святыням. Уезжая, мы оставляли частицу своей души, своих чувств здесь, где так сердечно и тепло провожали нас в Анкару. Ехали мы на автобусе до здания мэрии пригородного района Анкары минут десять. День подходил к концу, вечер наступил незаметно. Когда мы вышли из автобуса, то увидели удивительную красоту множества искусственных водопадов, поражавших разноцветными брызгами и величием падающей воды. С высоты двадцати пяти метров гранитной скалы вода идет сплошным потоком длиной в сто метров, создавая величественную панораму. Рядом расположены памятники – Ататюрку и многим историческим и военным деятелям Турции. Эти водопады были сооружены по инициативе мэра пригородного района Алтынока. Он по специальности строитель и постарался вложить душу и весь свой ум в это красивое сооружение, которое почти точно соответствует природно-ландшафтным, этнографическим и национальным особенностям творчества Кайсына Кулиева, воспевшего снег, горы, реки, водопады, деревья, травы, облака, звезды, Землю, Космос.

На фоне этого красивого зрелища у профессора

С. И. Эфендиева взяли интервью поэт Муталиб Беппаев и Мурат Боттаев, оба они работники телевидения КБР.

После этого вся делегация была приглашена в мэрию. С нами была пожилая женщина – госпожа Хачаева (ее мать, Акбаева, одного из видных родов Карачая) с дочерью лет двадцати. Обе они хорошо говорили на карачаево-балкарском языке, хотя родились и выросли в Турции. Старшая хорошо знала обычаи и традиции карачаевского и балкарского народов, интересно рассказывала о свадебных обрядах, которых придерживаются в Турции выходцы с Северного Кавказа. Мэр Алтынок пригласил всех к себе в кабинет, где нас угостили чаем, соками, фруктами. Непринужденно беседуя, мы обменивались впечатлениями. Нам предложили осмотреть здание мэрии, оно было построено два года тому назад из белого мрамора. Здание в пять этажей с колоннами внутри поражало удивительной архитектурой в восточном стиле. Внутри оно расписано орнаментами тюркских этносов: узбекского, туркменского, киргизского, казахского, якутского, алтайского, уйгурского народов. На вопрос: «Кто является автором этого проекта?»– Зейбек ответил: «Мэр Алтынок, и под его руководством было построено это здание».– «Если даже он ничего не сделает уже в жизни последующих лет, построенного этого здания и циркулирующих водопадов ему достаточно, чтобы войти навечно в историю и обессмертить свое имя!»– сказали мы.

Вечером мы были на ужине в ресторане. С нами вместе сидели ответственные работники президентского аппарата, Министерства культуры, представители мэрии и некоторые гости, которые были при открытии парка, и многие другие. Было около ста человек, которых объединяла простота взаимоотношений и высокая культура поведения. Среди них не наблюдалось чинопочитания. Не по списку приглашают на подобные мероприятия: у них давно изжито чванство, высокомерие и бюрократизм.

Застолью предшествовало слово Зейбека, советника президента Турции. Он говорил о том, что в составе делегации в ноябре 1997 года был в Нальчике, когда отмечали 80-летие К. Ш. Кулиева, что вместе с делегацией ездил по селам Кабардино-Балкарии, посетил Дом-музей Кайсына Кулиева в Чегеме I, был на родине поэта. «В знак большого уважения выдающегося балкарского поэта мы

тоже решили отметить юбилей поэта в Турции, поэтому мы и пригласили вас к себе, дорогие гости»,– закончил свою речь Зейбек. С аналогичными приветствиями выступили мэр Алтынок, руководитель Фонда культуры им. Ахмеда Есави – Хурият. От имени делегации Кабардино-Балкарии выступили писатель Алим Теппеев и Салих Эфендиев, который сказал:

«Сегодняшний день встречи представителей двух государств – Турции и Кабардино-Балкарии – это историческое событие. За эти дни я познал (хотя интересовался давно вашей историей и культурой) многое и за эти дни узнал, что у народов Северного Кавказа и Турции много общего в обычаях и традициях. Я лично и от чистого сердца благодарю вашего Президента Сулеймана Демиреля за то, что он решил отметить 80-летие Кайсына Кулиева, одного из великих поэтов XX века, в Турции, где проживает более 80 национальностей, из них многие выходцы с Северного Кавказа. Семидесятимиллионный тюркский этнос вашей великой страны сегодня отмечает день рождения нашего поэта. Вы являетесь основным корнем всего приблизительно двухсотмиллионного тюркского этноса. Мы, балкарцы, тесно связаны биогенетическими, этногенетическими и культурными связями с вами. Вы, организовав юбилей выдающегося поэта современности и великого гуманиста К. Ш. Кулиева, делаете не только честь народам Кабардино-Балкарии, памяти Кайсына, но вы и отдаете дань уважения нынешним и грядущим поколениям. В этом заключается смысл гуманизма, доброты и человечности бытия. Этот высокий нравственный урок послужит примером дружбы и взаимопонимания будущим поколениям. Для культуры не существует пространственной изоляции. Этим подтверждается всеединство человеческого рода, неразрывной преемственностью связи всех поколений тюркских народов.

Дорогие мои братья, я вам бесконечно благодарен за то, что вы выбрали в рельефно-географическом отношении такое место для Парка им. Кайсына Кулиева, которое отражает образ восприятия горной местности балкарского народа.

Сейчас зима, весной вы будете сажать деревья в парке, для этого все подготовлено. Если пригласите нас, мы приедем и привезем деревья с родины Кайсына Кулиева –

Чегемского ущелья, голубые ели и черенки с того дерева плакучей ивы, которую посадил сам поэт в Нальчике, в парке около «Комсомольского озера», после возвращения из Киргизии, и под которой он любил сидеть и отдыхать с друзьями. Желаю, чтобы эти деревья пускали мощные и глубокие корни на вашей благодатной земле – Турции. Когда они вырастут, под их кронами, слушая шум зеленых листьев, будут сидеть на скамейках мудрые старики со своими внуками и внучками, смотрящими на мир, как все дети, удивленными глазами, дышать чистым воздухом, а молодые женщины будут петь своим детям колыбельные песни. У Кайсына Кулиева есть стихи: «Колыбельная Лейле», «Колыбельная песня», «Колыбельная деревьям», «Колыбельная горе», которые переложены на музыку, их поют в Кабардино-Балкарии матери своим детям.

Я знаю: песен лучших не бывает,–
Все в песню колыбельную влилось.
В ней – радость и тревога вековая,
И сладость молока, и горечь слез.
. . . . . .

Нет в мире песни колыбельной лучше,
Она родится снова каждый раз.
Ее ни грохот битвы не заглушит,
Ни песни бед, ни скорбный плач о нас.

Перевел *Н. Гребнев*

Над Парком им. Кайсына Кулиева будут проходить высоко на небе белые облака, а ночью на небосводе будут гореть звезды. Одна из этих звезд принадлежит Кайсыну Кулиеву. Люди, сидевшие в этом парке, будут вести беседы о «доброте хлебов и мудрости трав», как писал поэт.

Я глубоко признателен всем жителям Турции. Тюркский этнос в XX веке дал много великих имен. В общественно-политической жизни – это Кемал Паша Ататюрк, в области литературы – Назым Хикмет, Кайсын Кулиев, Чингиз Айтматов, Самед Вургун, Мухтар Ауэзов, Гафур Гулам, Мустай Карим, Муса Джалиль.

Отмечая 80-летие Кайсына Шуваевича Кулиева, вы

подняли на высокий уровень нашу культуру, достоинство нашего стотысячного балкарского народа. Это есть действительное духовное возвышение. За все это я вас благодарю, желаю всем крепкого здоровья, кавказского долголетия. Пусть ваша древняя земля – этническая колыбель тюркских этносов – будет всегда благословенной и гостеприимной».

В конце вечера был дан концерт артистами Кабардино-Балкарии. Песенные номера исполняли: Галина Таукенова, Ольга Сокурова, Алим Газаев, Руслан Мусукаев. Потом под национальную гармошку танцевали «Кафу» и «Исламей». Первыми начали танцевать Зейбек и Хурият. Танцевали они искусно, чем удивили нас, так как эти танцы характерны для горских народов. Также хорошо танцевали живущие там кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, сами турки. Члены нашей делегации тоже танцевали в числе их. Вместе с нами все время был молодой якут, который учится на первом курсе университета Анкары. Его послала учиться в Турцию Республика Саха (Якутия), чтобы он изучил турецкий язык. Этот студент был с нами и в качестве переводчика, так как свободно владел и русским и турецким. Танцевал он тоже искусно, с элементами танца своего народа, подражая якутским шаманам. Мы видели, что к этому пареньку и его таланту все относились с большим уважением. Зейбек в шутку сказал, наблюдая за его танцем: «Это шаман, так как он делает сальто не только как артист-акробат, но и как прирожденный шаман-танцор». Поддерживая разговор, профессор Эфендиев продолжал: «Безусловно, после окончания учебы у вас он вернется в Якутию и будет заниматься миссионерством среди своего народа, будет пропагандировать мусульманскую религию и исламскую культуру». Молодой студент смеялся и говорил: «Да, действительно, я глубоко изучаю турецкий язык, историю культуры Турции и одновременно стараюсь познать тонкости исламской религии, так как у нас другая религия – шамаизм. Здесь у меня много друзей, и они мне помогают в этом. Стараюсь все время говорить на турецком языке».

После ресторана нас привезли в гостиницу «Мерит» города Анкары. Было около 10 часов вечера. Все мы были трезвыми, так как за весь вечер не было выпито ни одной

рюмки ни водки, ни коньяка: в Турции вообще не принято употреблять вино и прочие горячительные напитки. В этой стране нет проблемы алкоголизма и пьянства, тем более наркомании.

На следующий день мы поехали в Фонд культуры им. Ахмеда Есави. Здесь мы увидели все этнографические атрибуты среднеазиатских республик – Казахстана и Уйгурской автономной области Китая. В этом Фонде ежегодно бывает очень большое количество туристов из многих стран мира. Часто сюда приходит местное население, и не только затем, чтобы посмотреть редкие экспонаты и познакомиться с этнографическими особенностями тюркских народов, но и просто побеседовать за чашкой чая. К этому располагает высокая культура обслуживания, идеальная чистота помещения, душевный прием и восточная кухня – восточные сладости, соки и фрукты. Это здание Фонда расположено на возвышенности, окружено зелеными скверами, с большим обзором. Их украшают умело оформленные разнообразные цветники.

Из Фонда культуры примерно в 12 часов мы направились в исторический музей «Топ-Капы». На встречу с нами приехали из различных городов и сел балкарцы, карачаевцы, кабардинцы, проживающие долгое время в Турции. Исторический музей, как и другие виденные нами сооружения, поражал своей древней архитектурой. Серый мрамор, обрамленный позолоченным орнаментом, отражающим различные этапы развития Турецкого государства, запоминался мгновенно. Именно он в золотой оправе придавал музею величественную красоту. Этот музей, по нашему мнению, был свидетелем многих исторических событий и культурных связей.

Зал музея был набит битком, многие стояли в проходах. Было здесь примерно более тысячи человек: турки, казахи, киргизы, кабардинцы, узбеки, карачаевцы и многие другие молодые люди, которые учатся в различных вузах Турции. Вечер открыл вступительным словом Зейбек, он приветствовал всех собравшихся, благодарил за встречу. Нашу делегацию посадили в первом ряду. После Зейбека выступила директор Фонда культуры им. Ахмеда Есави – Хурият. Она говорила, что в 1989 году была в Кабардино-Балкарии на фестивале куль-

туры карачаево-балкарского народа. Она сказала: «Я тогда посетила Дом-музей Кайсына Кулиева в Чегеме I. Так я познакомилась с культурой и литературой балкарского народа. К нам по приглашению нашего правительства приехала большая делегация, чтобы отметить 80-летие великого поэта». Ее слушали внимательно, она говорила на балкарском языке и одновременно переводила на турецкий язык, которым владеет в совершенстве. Это ее второй родной язык, если не первый. Хурият здесь родилась и выросла, выучилась и уже много лет работала в области культуры.

В огромном зале музея висит большой портрет Кайсына Кулиева. Этот облик поэта нам был хорошо знаком по фотографиям 70-х годов. Турецкий художник великолепно нарисовал и отразил нравственный облик нашего дорогого Кайсына. Под портретом на белом полотнище была надпись: «К 80-летию Кайсына Кулиева».

С докладом о творчестве и жизненном пути поэта выступил доктор филологических наук Бедат Балкан, его предки были выходцами из селения Гунделен, Эльбрусского района (рода Балаевых). Рассказывая о поэте, он иногда читал стихи Кайсына на турецком и балкарском языках. В конце доклада он подчеркнул, какое огромное влияние оказывает творчество Кайсына Кулиева на развитие всей карачаево-балкарской литературы. После основного докладчика выступили Алим Теппеев, Танзиля Зумакулова, Ислам Тхазаплижев, Азамат Кулиев, Салих Эфендиев, Фатима Кулиева. Потом силами наших артистов был дан концерт. Песни пели на балкарском языке Галина Таукенова, Алим Газаев, Ольга Сокурова, Руслан Мусукаев. Танцевальная группа исполнила «Исламей» и «Кафу». В этом концерте принял участие казахский студент. Он спел народную казахскую песню в сопровождении домбры. В фойе музея была организована выставка картин художника Азамата Кулиева, сына поэта, окончившего Ленинградскую художественную академию. Она привлекла наибольшее внимание присутствующих здесь, в музее.

В конце этой встречи наша делегация подарила Зейбеку белую бурку как национальный символ душевной чистоты, дружбы. Президенту Сулейману Демирелю пре-

поднесли картину художника Азамата Кулиева «Женщина купается в реке» на одноименные стихи Кайсына Кулиева, известные в России и многих странах мира. От профессора С. И. Эфендиева были подарены с памятной надписью книги «Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта» (Часть 1. 1917–1958) и «Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта» (Часть 2. 1959–1985), изданные в Нальчике в 1997 году издательством «Эль-Фа» в серии «Кавказский литературно-исторический Олимп». Эти книги, изданные к 80-летию поэта, он вручил министру турции Истемихану Талаю, Президенту Сулейману Демирелю, мэру пригородного района Анкары Алтыноку. Поблагодарив за подарок, министр культуры Истемихан Талай сказал: «Эти книги мы обязательно переведем на турецкий язык! В Турции народ должен знать биографию этого великого поэта».

После этого к Истемихану Талаю подошли наши работники телевидения и взяли у него интервью. Он сказал: «В 1999 году мы планируем проводить Дни культуры Кабардино-Балкарии в Турции, тем самым мы укрепим дружбу между нашими народами. Постараемся укрепить культурные связи Кабардино-Балкарии и Турции».

В течение пяти дней, проведенных в Турции, с нами неотлучно находился в качестве переводчика и один из организаторов этого мероприятия – Каншаубий Мизиев со своей женой Фатимой Гулиевой, выпускницей медицинского факультета КБГУ, кандидатом медицинских наук, и с сыновьями Алимом и Расулом, которые учатся в школе в Стамбуле и прекрасно владеют русским, турецким и балкарским языками. Каншаубий Мизиев – выходец из Чегемского ущелья, селения Яникой. Он окончил МГУ, факультет восточных языков, факультет турецкого языка и литературы. Одно время работал переводчиком в Турции. Готовясь к юбилею Кайсына Кулиева, он перевел на турецкий язык книгу стихов поэта «Раненый камень». Каншаубий Мизиев пользуется большим авторитетом в Турции. Часто приезжает к родителям в КБР, которые проживают в Чегемском районе. У него много друзей и в Москве.

Мы расставались с вновь обретенными друзьями в Анкаре, чтобы уехать в Стамбул. «Ахши жолгъа! В доб-

рый путь, до новой встречи! Дорогие братья! Мы бесконечно рады вашему приезду. После ваших выступлений мы по-новому стали смотреть на поэзию Кайсына Кулиева и понимать его величие!»– говорили они, провожая нас. Мы сели в автобус в 8 часов вечера и приехали где-то во втором часу ночи в Стамбул. Вся дорога от Анкары до Стамбула была ярко освещена. Ехали весело, пели песни, играла наша национальная гармоника, звучала родная речь, исполнялись песни на слова Кайсына Кулиева. Особенно активное участие принимал в наших музыкальных номерах младший сын Каншаубия Мизиева – Расул. Он удивительно пел русские и балкарские песни. В Стамбул приехали благополучно и остановились в той же гостинице «Мерит».

В последний день пребывания в Турции мы посетили мечеть, построенную в средневековую эпоху. Это самая крупная мечеть в мире, с шестью минаретами. Когда эта мечеть была построена и об этом узнали в Саудовской Аравии, где находится святыня исламской религии, в Мекке, центре паломничества, то глава духовенства мусульманской религии сказал: «Почему в Турции построили мечеть с шестью минаретами? В Мекке у нас мечеть только с пятью минаретами!» И возмущенный имам Саудовской Аравии приказал разрушить мечеть в Стамбуле. Чтобы сохранить это прекрасное мраморное изваяние с богатейшими орнаментами в арабо-турецком стиле, султан Турции послал архитекторов и строителей, чтобы они построили в Мекке мечеть с семью минаретами, то есть на один минарет больше. Все расходы на строительство новой мечети в Мекке взял на себя Султан Турции. Так была спасена уникальная куполообразная мечеть, длиною 100 и шириной 59 метров, где одновременно делают намаз более 1000 человек.

В честь памяти поэта Кайсына Кулиева в этой мечети 24 декабря 1997 года была совершена ритуальная молитва: мулла сделал «дуа», после его действий верующие совершили намаз. Так отдали дань глубокого уважения поэту собравшиеся здесь в тот памятный день представители мусульманского мира – верующее местное население и туристы, находившиеся в мечети. Поминальная молитва в этой прославленной «Голубой мечети» Сулеймана Ахмеда, которую умело вели имам и его по-

мощник, разом склонившиеся головы всех присутствующих, их искренность и вера в назначение ислама поразили нас и озарили наши души. Мы вдвойне гордились своим любимым поэтом-гуманистом, душа которого находилась во власти Аллаха, и боялись нарушить священную связь, образовавшуюся между нами и теми, кто совершал этот обряд, обращаясь к Всевышнему.

Вечером в гостинице нас навестили наши соотечественники, проживающие за рубежом – кабардинцы и балкарцы. Исмаил Теппеев с женой, детьми и братом, пришел, чтобы проститься перед отъездом и по душам поговорить о жизни и былом. В Кабардино-Балкарии он был 20 лет тому назад, и ему было интересно, что же произошло за это время в бывшем Союзе, подробно расспрашивал о своих родственниках и знакомых, которые проживают на его исторической родине. Ему недавно отметили в кругу семьи 70-летие, но выглядел он моложаво. Высокий и худощавый старик производил впечатление интеллигентного и воспитанного горца с европейской культурой. За свою долгую жизнь он побывал во многих странах Ближнего и Среднего Востока, был и в Америке. Беседовали мы с ним в фойе гостиницы, сидя на диване за большим круглым столом. Он внимательно рассматривал наши сувениры: открытки с видами Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечено-Ингушетии и книги о Нальчике. Его дети заинтересовались красивыми видами Приэльбрусья, Чегемских водопадов, Домбая, Архыза, Пятигорска, высокогорных пастбищ, альпийских лугов, табунами лошадей, отарами овец и мужественными чабанами, одетыми в бурки и башлыки. Исмаилу Теппееву мы подарили два тома книг, изданных к 80-летию Кайсына Кулиева, – его биографию, а также книгу «Зурлук» («Насилие») на балкарском языке авторов профессоров С. И. Эфендиева, И. Х. Ахматова и Ж. М. Гузеева, изданную в Нальчике в 1996 году. В этой книге рассказывается о выселении балкарского народа в 1944 году 8 марта в Среднюю Азию, сюда вошли и воспоминания людей, которые на чужбине прожили 13 лет, их песни и стихи, созданные в этот трудный период. Писатель Алим Теппеев, его близкий родственник, подарил Исмаилу папаху из бухарского каракуля. Старик сразу ее надел и обрадованно сказал: «Я давно мечтал иметь такую папа-

ху. Теперь я буду чувствовать себя горцем, живущем на Кавказе».

В свою очередь Исмаил Теппеев подарил нам – Алиму Теппееву и мне – изделия своей небольшой парфюмерной фабрики.

Расстались мы со своими зарубежными соотечественниками поздним вечером. Знали, что это, может быть, последняя встреча и последнее расставание. «Поклонитесь от меня моей исторической родине, земле, где родились мои предки. Ведь я родился здесь, но душа моя всегда с милой родиной, с родным очагом моих родственников –Теппеевых и Батчаевых»,– сказал он на прощанье.

25 декабря в 6 часов вечера мы были уже в аэропорту «Стамбул». Нас провожали вновь обретенные друзья: Каншаубий Мизиев, переводчик и представители Министерства культуры Турции – госпожа Нежла и ее подруга Серап.

Прощай, Турция, прощай тюркоязычный мир, культура которого освещена национальным самосознанием – все во имя добра, все «во имя Аллаха Милостивого Милосердного!» (Из Корана, девяносто седьмая сура «Могущество»).

В 9 часов вечера мы были уже на земле Кабардино-Балкарии. Рейс самолета «Стамбул – Нальчик» завершился успешно. В назначенное время нас ждали жены, сыновья и близкие родственники. Приятное ожидание и радостная встреча. «В гостях хорошо, а дома лучше»,– думал каждый из нас. Маленький Нальчик показался еще меньше в сравнении с большим Стамбулом с его 16-миллионным населением. Однако он был таким бесконечно милым, наш Нальчик, наша подкова счастья, расположенная у подножия Центрального Кавказа, наша дорогая земля, богатая минеральными источниками, где построены санатории, лечебницы, дома отдыха, а в горных долинах пасутся стада овец, коз, табуны лошадей, бродят буйволы и ослики. На память приходят строки Кайсына Кулиева:

Хоть я научен городским манерам,
Хоть и ношу я тонкое сукно,
Любовь к траве, к земле и к скалам серым
Во мне неистребима все равно.

И часто даже в городах большущих,
Где что ни зданье – храм или дворец,
Я вижу, как во сне, волов жующих,
Бредущих коз, пасущихся овец.

Перевел *Н. Гребнев*

Речь, произнесенная 4 июня 1999 г., в день памяти Кайсына Шуваевича Кулиева, в Чегеме I, в усадьбе Дома-музея, профессором С. И. Эфендиевым

Дорогие коллеги, уважаемые товарищи!

Четырнадцать лет тому назад ушел из жизни один из замечательных поэтов – Кайсын Кулиев, который воспел красоту природы – от муравья до Космоса. Все живое для него было удивительным, неповторимым явлением, а Человек в этой системе – венец Природы. По своей значимости К. Ш. Кулиев является одной из ярких звезд на небосклоне мировой поэзии. Своим могучим талантом он преодолел все невзгоды, барьеры и трудности на своем жизненном пути. Только он смог стать всемирно известным поэтом при жизни, и это несмотря на то, что он вышел из простой горской безграмотной семьи.

У нас в Республике стало традицией ежегодно отмечать две даты великого сына народов Кабардино-Балкарии: это день рождения поэта – 1 ноября и день смерти – 4 июня.

Сегодня как никогда пришло много людей почтить память поэта-мыслителя. Среди них – премьер-министр КБР Х. Дж. Чеченов, председатель Совета представителей парламента КБР Ильяс Бечелов, администрации многих районов, учителя и учащиеся средних школ и просто почитатели его таланта. И каждый раз приезжают учащиеся той школы, в которой учился Кайсын. Они прекрасно знают и читают его стихи и сами сочиняют стихи о своем прославленном земляке.

Выступая здесь, я хотел бы сказать о том, что меня волнует – об архиве Кайсына Кулиева и его пополнении. Работать над архивом поэта мы начали в 1981 году, еще при его жизни и с его личного разрешения. В прошлом году мы снова вернулись к его архиву, потому что гото-

вили к печати научную биографию Кулиева (1-й и 2-й тома). Его фонд 852 составляют семь описей и огромное количество единиц хранения. В них содержится уникальный материал для исследователей: тысячи и тысячи писем, телеграмм, приглашений из разных уголков Советского Союза и из многих зарубежных стран. Однако следует, к сожалению, отметить, что после того, как в 1977 году прошло празднование 60-летия поэта, то есть 22 года тому назад, нет в архиве ни одного документа, связанного с 70-летием Кулиева, хотя общественность республики широко отмечала эту дату. Нет архивных материалов и о присуждении ему в 1990 году (посмертно) звания лауреата Ленинской премии. В республике тоже это отмечалось как большое культурное событие.

В 1997 году общественность республики отметила 80 лет со дня рождения К. Ш. Кулиева. Завкафедрой философии КБГУ С. И. Эфендиев провел научно-теоретическую конференцию, посвященную этой дате. В ней участвовали многие ученые из вузов Северного Кавказа. На торжественном вечере 14 ноября в Музыкальном театре выступили с докладом премьер-министр Х. Дж. Чеченов, Д. Н. Кугультинов, М. Кажлаев, гости из Турции, М. Мкртчян из Армении, А. Нурпеисов из Казахстана и многие другие. К 80-летию поэта были изданы книги профессоров Т. Е. Эфендиевой, С. И. Эфендиева и Ф. С. Эфендиева «Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта», часть первая (1917–1958) и часть вторая (1959–1985). Эти два красочных тома выпустил издательский центр «Эль-Фа». В Ереване в 1997 году Левон Мкртчян издал книгу «Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой», а в Нальчике в это же время Махмуд Текуев опубликовал «Песни на стихи Кайсына Кулиева» («Эльбрус», 1997). Эти три книги были вручены гостям как подарок в память о юбилее Кулиева.

К сожалению, все материалы за последние 20 лет, касающиеся жизни и творчества Кулиева, отсутствуют в его архиве. И никто этим делом не занимается. Мне об этом больно говорить, потому что мы с семьей первые начали работать с архивом Кулиева и сейчас продолжаем это дело.

В настоящее время мы готовим к изданию еще два тома – «Друзья Кайсына Кулиева»(3-й том) и «Воспоми-

нания современников о Кулиеве» (4-й том). Общий объем около 70 п. л. Книги выйдут в издательстве «Эль-Фа».

В конце декабря 1997 года в Турции также широко отметили юбилей Кайсына Шуваевича. Я был в составе делегации. Там создан Парк им. Кайсына Кулиева в пригородном районе города Анкара. Именем поэта назван в Турции поселок и школа. Работники нашего телевидения – Муталиб Беппаев и Мурад Боттаев – сделали уникальные и очень редкие съемки, особенно в «Голубой мечети» Султана Ахмеда, где читали поминальную молитву о Кулиеве. При этом присутствовало большое количество людей, приехавших в качестве туристов из многих стран мира – Китая, Индии, Вьетнама, Японии, Ирана, Сирии, Судана, Ливана и других. Эти съемки были общей продолжительностью 5 часов 30 минут.

По возвращении в Кабардино-Балкарию эти интересные с точки зрения истории культуры и взаимосвязи нашей республики с Турцией кадры были показаны отрывками, а потом и вообще их стерли. Мы расцениваем это как неуважение к памяти великого поэта, как факт манкуртизма.

Пользуясь тем, что здесь присутствует наше Правительство и Парламент в лице Х. Дж. Чеченова и И. Бечелова, хочу обратить внимание не только на эти отрицательные факты, которые проявляются в сфере культуры, но и на другие, связанные с именем Кайсына Кулиева.

Так, дом в селении Эль-Тюбю, где родился поэт, разрушается. Надо принимать срочные меры, чтобы сохранить для потомков колыбель поэта. Затягивается и установление памятника Кайсыну Кулиеву на проспекте его имени в Нальчике. Уже прошло 10 лет, как заложили камень, где должен быть сооружен памятник.

В 2002 году исполнится 85 лет со дня рождения поэта. К этой дате хорошо бы издать все его произведения и фотоальбом Кайсына Кулиева и приступить к созданию энциклопедии о нем. Мы думаем приурочить к юбилею и проведение международной конференции – «Кайсын Кулиев в системе мировой культуры» – с приглашением ведущих кайсыноведов, друзей поэта, переводчиков из ближнего и дальнего зарубежья.

Жанна Кайсыновна КУЛИЕВА (1939)

Жанна Кулиева – старший научный сотрудник отдела карачаево-балкарского фольклора и литературы Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. После окончания отделения русского языка и литературы филологического факультета Кабардино-Балкарского госуниверситета работала в Центральном госархиве КБР, заведуя отделом использования документов. Многие годы она посвятила созданию в ЦГА личного фонда Кайсына Кулиева. Несколько лет Жанна Кайсыновна заведовала архивом Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института при Совете Министров КБАССР, исполняя при этом и обязанности секретаря К. Ш. Кулиева, помогая отцу в работе с многочисленной корреспонденцией, приходящей из разных концов нашей страны и из-за рубежа.

Жанна Кайсыновна – единственная, любимая дочь поэта. Ей посвящено его стихотворение «След полдня, миновавшего когда-то...» (1972). Обращаясь к дочери с высоты прожитых лет, «к свету своего последнего заката», когда поэт «устал от трудов и бед», искал «слова в ночи бессонной», он вспоминал маленькую Жанну, то счастье, которое он испытал тогда:

Меня к истокам возвращает
память,
Мне видится, как много лет
назад

Тебя, обвившую меня руками
Несу я из дому в зеленый сад.

Перевел *Н. Гребнев*

Хотя поэт и дочь стали другими, и «годы не вернешь, как ни зови», Кайсын был уверен, что то чувство останется с ним навсегда, как и ответная любовь дочери,– «не погаснет свет моей надежды, покуда светит свет твоей любви».

Жанна Кулиева к 70-летию К. Ш. Кулиева издала книгу «Остаться в памяти людской...» (1987), куда вошли воспоминания, очерки, статьи о поэте. Она является составителем и автором вступительного слова. К 80-летию со дня рождения поэта она подготовила и издала вторую книгу – «Я жил на этой земле...» (Портрет в докумен-

тах). Составителем и автором предисловия также является Ж. К. Кулиева. Книга вышла в 1999 году и получила большое общественное признание.

МЕНЯ К ИСТОКАМ ВОЗВРАЩАЕТ ПАМЯТЬ

Слово об отце

Первое мое детское воспоминание об отце связано с трагедией балкарцев – выселением в Среднюю Азию.

Отец был на фронте. Пройдя дорогами бесчеловечной войны, испытав боль потерь, ранения, выписавшись из госпиталя, он вернулся домой, но оказалось – на пепелище:

Нет матери, соседей нет в селенье,
Вдали, в степях, мне близкие сердца.

В ссылке, «вдали, в степях» оказалась и его семья. Я помню громкий стук ночью, заплаканное лицо мамы, двух солдат-конвоиров, которые, сжалившись над нами, несли на своих винтовках, зловеще поблескивавших от света уличных фонарей холодом металла, наши пожитки. На мой вопрос, куда мы едем, мама ответила: «К папе»,– что было для меня великой радостью. Если бы не эта ложь во спасение, вряд ли я, маленький ребенок, смогла бы вынести этот далекий, долгий путь в ссылку в переполненном людьми и наглухо закрытом товарном вагоне, сквозь щели которого пробивалось такое желанное, но недоступное солнце. Я думаю, что это радостное ожидание встречи с отцом хранило меня от гибели.

Благодаря ходатайству Николая Тихонова Кайсыну Кулиеву было разрешено не отправляться в ссылку и жить где угодно, кроме Москвы и Ленинграда. Но он отверг это и поехал вслед за своим народом, в полной мере познав, как «горек хлеб изгнания и круты чужие лестницы» (Данте).

Много лет спустя, после возвращения на родину, вспоминая об этом, отец говорил мне: «Как хорошо, что я тогда твердо решил ехать в ссылку, а то как бы я теперь смотрел в глаза людям, как бы оправдался перед своим народом».

И в ссылке, в Средней Азии, отец не переставал писать, не сетовал на судьбу, на трагические обстоятельства, а работал. При чудовищной атмосфере жизненной несвободы он сумел сохранить удивительную внутреннюю свободу, которую привнес и в свое творчество. И когда балкарский народ был возвращен на родную землю, папа, по его словам, положил на стол в издательстве большой готовый том стихотворений. Этот том составил сборник стихов «Горы», сразу же, в 1957 году, вышедший в издательстве «Советский писатель».

В апреле 1945 года папа приехал во Фрунзе и отыскал нас с мамой. Мы жили, после сельских скитаний и многочисленных мытарств, в доме актеров Фрунзенского драматического театра, куда маму из-за нехватки актеров пригласили работать, несмотря на то, что она была спецпереселенкой.

Я хорошо помню, как он неожиданно появился – в военной форме, молодой, улыбающийся, стремительный.

Нам с мамой жилось трудно, а с приездом папы все переменилось. В мое существование вошла радость, я чувствовала его любовь и заботу. Это было самое счастливое и безмятежное для меня время в моей жизни.

Мои родители поженились в Москве в 1937 году во время учебы в Государственном институте театрального искусства. По словам моей мамы, отец очень много работал над собой, много читал, интересовался музыкой, живописью, и, естественно, театром. Он покорил маму своей удивительной восторженностью, щедростью, широтой натуры, непритязательностью в жизни. Папа ушел с четвертого курса ГИТИСа и серьезно занялся литературой. А мама институт закончила и стала актрисой. Руководитель Балкарской студии Илья Яковлевич Судаков подарил маме фотографию с такой надписью: «Моей талантливой ученице Тамаре Залихановой. Любите искусство, служите ему – оно вознаградит Вас». Я думаю, что напутственные слова можно отнести ко всем студийцам. Они стали замечательными артистами. Это М. Кучуков, Ш. Кучмезова, З. Махиева, А. Биттирова, О. Балаев, Х. Кудаев и другие.

Когда я родилась, отец дал мне имя Джульетты – персонажа шекспировской трагедии, явно не с самой счастливой судьбой. По настоянию друга нашей семьи – тети

Гули (Шериевой-Карашаевой) все стали называть меня Жанной. И я живу с этим именем. А то, другое, осталось в детстве, а также в первой книге отца «Привет, утро!» в названиях посвященных мне стихотворений «Моей Джульетте» и «Д. К.». Если правда, что имя предопределяет судьбу человека, то, надеюсь, перемена имени была для меня благоприятной. Ведь, несмотря на все лишения и беды, мне грешно сетовать на судьбу.

Отец очень любил свой родной язык. Я помню, как в детстве он рассказывал мне сказки на балкарском языке. Я слушала как зачарованная, хотя и не все понимала. Так действовал на меня его удивительный голос и волшебное звучание родной речи. Все сказки, как правило, начинались с напевного: «эрте-эрте-эрте...» – «давным-давным-давно...». Давно прошло мое детство, но память сохранила это передавшееся мне от отца ощущение счастья – говорить на своем родном языке:

Он молоком блеснет, теплом тебя согреет,
Когда произнесешь на нем ты слово «мать».
А скажешь «яблоко» – все расцветет, созреет,
А скажешь «небосвод» – весь мир начнет сиять.

Перевел *С. Липкин*

Папа и в жизни создавал для меня мир сказок, перемещая в нее сказочные персонажи. Он не просто дарил мне подарки, а окружал это ореолом волшебства. Однажды он принес мне белые башмачки, сказав, что их дарит мне медвежонок из моей любимой сказки, которую он мне рассказывал. Я верила и была счастлива. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, как это было важно. Отец старался развить мое воображение, привить мне любовь к книге, к слову. Эти мои детские годы были дороги и памятны и папе. Много лет спустя на книге «Зеленая сказочка» отец написал мне: «Жанночка, милая дочка! Я бы хотел, чтобы ты была маленькой, и писать тебе сказочки! Очень люблю тебя. Твой папа. 3 марта 1964 г.» А на «Избранном» отца остался такой автограф: «Жанна, ты была и остаешься первой радостью моего отцовства 09.03.70 г.»

Но прошло время, и все переменилось. Волею судьбы

я была лишена каждодневного общения с отцом. После развода с моей мамой отец какое-то время жил один. Тогда я не чувствовала так остро отсутствие папы. Я могла часто его видеть. Я любила приходить к отцу, рыться в книгах, которых у него было великое множество. Я, конечно, нарушала существующий, ведомый только папе порядок. Книжных шкафов у него тогда не было. Книги лежали в стопках. Папа потом с трудом находил то, что ему было нужно. Но он никогда не злился, не ругал меня, только удивлялся, как я смогла все это переворошить.

Отец часто водил меня обедать в расположенный неподалеку от его дома ресторан «Фонтан». Мне, исполненной гордости за своего отца, так нравилось восседать за столом наравне со взрослыми в этом ярком и красивом зале.

Но больше всего я любила сидеть с папой в его так называемом кабинете – отгороженной от домочадцев какими-то немыслимыми фанерными листами части комнаты – и наблюдать, как он работает. Я разглядывала окружающие папу портреты Федерико Гарсиа Лорки, Коста Хетагурова, Тютчева, Лермонтова, Д. Кедрина, а также репродукции картин Верещагина, Врубеля, Сарьяна.

Отец прививал мне вкус к литературе, руководил моим чтением. Он открыл мне Паустовского, его «Золотую розу», Бунина, книги изысканий Ираклия Андроникова о Лермонтове, Сервантесе, Шарля де Костера, Тиль Уленшпигель которого особенно поразил меня. А рефрен «...пепел Клааса стучит в мое сердце» – врезался мне в память на всю жизнь. И моя любовь к Бунину, быть может, была предопределена тем, что папа говорил о нем: «Бунин – честнейший художник, аристократ, умница». И это в то время, когда Бунина на родине предавали анафеме.

От отца я впервые услышала о Н. Гумилеве, А. Ахматовой, Б. Пастернаке. И, когда много лет спустя в нашей стране стали их печатать, папа не забывал дарить мне их книги. Я помню, как во Фрунзе, на сборнике стихов Н. Гумилева «Чужое небо», изданном в С.-Петербурге в 1912 году, друг папы, журналистка и переводчик Елена Орловская сделала поразившую меня надпись:

В который раз я повторяю снова,
Что ты среди поэтов – гений,
Учиться нечему тебе у Гумилева,
Пусть он склонит перед тобой колени.

Отец старался водить меня на фильмы, которые были не просто зрелищем, а чем-то большим, они учили добру, задевали какие-то важные струны в душе, приобщали к мировой культуре. Так, я с папой смотрела фильмы с участием великих певцов Джильи, Тито Гобби, Яна Кипуры и прекрасных актеров – Греты Гарбо, Вивьен Ли, Лоуренса Оливье, Дугласа Фербенкса и других. Папа дарил мне замечательные пластинки, и я с детства знала Карузо, Баттистини, Галли Курчи, Нежданову, Шаляпина, Собинова, Обухову. Я слушала пластинки, ходила с папой в оперу. Во Фрунзе был прекрасный оперный театр. Там я пролила много слез, сопереживая героиням Верди и Пуччини. Так папа воспитывал во мне любовь к прекрасному, интерес к музыке, литературе, искусству.

Однажды я встретила у папы очень красивую женщину в шляпе с огромными полями. Вскоре эта женщина заполнила всю жизнь отца. А для меня осталось место только в его сердце.

Отец старался влиять на формирование моего мировоззрения, отношения к жизни. Он тревожился за мое будущее, так как я была очень робкой, неспособной постоять за себя. Только тихо плакала, когда меня обижали. Папа говорил мне: «Нельзя быть такой, Жанночка, жизнь тебя растопчет!» Я понимала его правоту, но изменить ничего не могла.

Моим братьям – Эльдару, Алиму и Азамату – было легче, они росли рядом с отцом. Но наши отношения с папой были лишены обыденности, повседневной житейской прозы. Может быть, поэтому отец был для меня чуть ли не каким-то небожителем, я всю жизнь относилась к нему с обожанием.

Папа никогда не говорил мне Жанна, всегда Жанночка – Жаннычка, как у него получалось. Когда он возвращался из своих многочисленных поездок, то сразу мне звонил, и я слышала это: «Жаннычка, я вернулся». Когда отца не стало, мне долго казалось, что папа где-то, скоро приедет, и я услышу в трубке родной голос: «Дочка, я

приехал! – И дальше шутливое:– Ну-ка, доложи своему отцу, как ты жила?»

За всю жизнь отец не ударил ни одного из нас, своих детей. Ни я, ни Эльдар, ни Алим, ни Азамат не можем такого припомнить. Папа даже наказать нас строго не мог. Мне вспоминается, как маленький Азамат с игрушечным луком в руках (он сам его смастерил) стоит рядом с нами на очень опасном перекрестке. Папа держит его руку, и вдруг Азамат вырывается и прямо перед машинами, под скрежет тормозов, бежит через дорогу. Мы с папой застыли от ужаса. А Азамат уже стоит на другой стороне улицы и улыбается. Отец бросается к нему. Ну, думаю, сейчас он ему задаст, а папа выхватывает у Азамата лук и угрожающе (как ему кажется) сдвигает брови. Вот и все наказание.

Меня удивляли деликатность и мягкость отца. Мне он никогда не сказал ни одного грубого слова, хотя порой я и заслуживала этого. Никогда не читал нудных проповедей, никаких назиданий, никакого менторского тона. И как он был мудр. Меня поразило одно его суждение: «Я ничего не жду от своих детей, никакой благодарности я не требую, я выполняю свой долг. Это трагедия, если родители возводят этот долг в подвиг и ждут благодарности. Отсутствие таковой для них является крахом. А надо готовить себя к тому, что дети всегда неблагодарны».

Отец делал все, чтобы его дети понимали, что в жизни главное то, в чем состоят истинные ценности. И пусть отец не оставил своим сыновьям ни дворцов, ни состояния, но он оставил более дорогое и значимое – свою поэзию. Эльдару, Алиму и Азамату отец посвятил прекрасное стихотворение «Моим сыновьям», в котором завещал им быть честными, свято относиться к родной земле, быть чуткими к ее простым труженикам.

Я вам, сыны мои, балкарцы родом,
Дал имена крестьян, и вы должны
Чтить нашу землю, хлеб ее и воду,
Как пахари, ашуги, чабаны.
. . . . . .
Не оставляйте слабых без участья,
На чьем-то горе свой не стройте дом.
Пусть жизнь обережет вас от несчастья
Соседу или брату быть врагом.
. . . . . .

Нет счастья там, где в сердце злобу носят,
Тот, кто не дарит радость, сам не рад.
А в ваших именах – шуршание колосьев,
Вы слышите, Эльдар, Алим и Азамат?

Перевел *Н. Гребнев*

Имя Лейла моей дочери дал папа. До ее рождения папа всегда шутил: «Моя дочь меня щадит, я до сих пор не стал дедушкой». Он нежно любил свою первую внучку, отовсюду привозил ей подарки, дарил книги. Но самым ценным подарком стало написанное ей стихотворение «Колыбельная Лейле». У нас хранится папин автограф этого стихотворения, которое он подписал – «дедушка Кайсын».

Папа очень любил, когда мы с Лейлочкой приезжали к нему в Чегем. Ему доставляло огромную радость угощать нас фруктами из своего сада. «Я стосковался»,– говорил он, приглашая нас в Чегем. Отец очень любил и баловал и других своих внуков: сына Эльдара – Ильяса, Лизочку – дочь Эльдара и Беллы Ахмадулиной. Фотография только что родившегося Ильяса, к примеру, стояла у папы в больнице и служила ему утешением в трудные дни.

Папа, к сожалению, еще одного своего внука, Кайсынчика, сына Азамата, уже не увидел. Он родился после смерти своего дедушки.

При всей мудрости и творческой мощи папа отличался совершенным отсутствием житейской хватки. Он никогда не стремился приобретать что-то особенное, у него не было страсти к накопительству. Неспособный сам на низость и подлость, он и других видел такими же и был очень доверчив. Обидно, что папа не всегда мог распознать в людях, особенно в женщинах, неискренность, корысть и алчность, верил клятвам в вечной преданности и любви. А жизнь его не щадила, не стремилась уберечь от бед, тяжелых потрясений и предательства, преподнося ему все новые и новые испытания. Будто провидение, забыв о божественной искре, сделавшей его поэтом, бросило его в дальнейшем на произвол судьбы. И он не избежал шагов, которые стали для него роковыми. Столько лет прошло со дня смерти папы, а боль моя не притупля-

ется. Мне горько от сознания того, что папа ушел, испытывая не только нечеловеческие физические страдания, но и переживая страшную душевную муку, боль разочарования и отчаяния.

Отец своим творчеством дарил радость людям, увлекая их в прекрасный мир своей удивительной поэзии, уводя их от обыденности существования, от неизбежно присутствующих в жизни забот и треволнений. И, кто знает, – может быть, в наше непростое, жестокое время люди прислушаются к словам поэта, навеянным ему свыше, тревога его сердца, бьющаяся в стихах, достучится до них, уберегая от опрометчивых действий, ибо человеческий разум должен быть превыше всего.

* * *

«Чтобы лучше понять поэта, надо побывать на его родине»,– говорил Гёте.

Отец родился в высокогорном ауле Верхний Чегем, а последним его пристанищем стал Чегем I. Сакля, в которой он появился на свет 1 ноября 1917 года до сих пор стоит, безмолвно свидетельствуя об этом. При виде ее испытываешь ощущение, трудно передаваемое словами, оно за гранью реального. Всякий раз возникает чувство сопричастности к какому-то таинству, которое усиливается взметнувшимися ввысь исполинами – мощными громадами скал.

Я родился в ущелье Чегем
Средь высоких обветренных скал,
Был моей колыбелью Чегем...

Перевела *В. Звягинцева*

Воспоминания о далеком прошлом хранит и маленький дворик с его каким-то особым микроклиматом. И кажется, будто мама отца – бабушка Узеирхан, тихая, добрая, любящая незримо присутствует здесь.

Родная земля питала поэзию отца. Бессмертные творения безымянных народных мастеров, их «чистота, незатейливость и безыскусность» приводили отца в восхищение. Это об этих мастерах он писал – их бешметы были в заплатах, но в душе сияли звезды. Отец знал мно-

жество легенд, народных песен, сказок. Как-то, говоря о том, как прекрасно все, что создано народом, он вспомнил один из тостов, тут же сделал подстрочный перевод и подарил мне. Я сохранила этот листок и привожу этот автограф отца.

Из балкарского народного тоста:

Пусть у нас будет так много изобилия,
Как звезды над нашими горами,
Как деревья в наших лесах,
Как холмы на солнечных склонах,
Как табуны в высоких пастбищах,
Пусть наши сыновья растут храбрецами,
Грудью встающими против лавин,
Пусть у нас будет много счастья,
Как воды всех морей,
Как олени всех лесов,
Как росы всех летних рассветов,
Как птицы над всей землей.

19 октября 1983 г.

В характере отца привлекали широта и открытость, обаяние его личности было огромно. Где бы он ни появлялся, все устремлялись к нему. Люди тянулись к нему, как будто чувствовали исходящую от него таинственную и притягательную силу. Он обладал бесценным даром быть преданным и верным в дружбе до конца. Друзья отвечали ему тем же. «Многим я обязан моим друзьям. Уже одного доброго отношения таких выдающихся деятелей культуры нашего времени, как Мартирос Сарьян, Александр Твардовский, Георгий Леонидзе, Симон Чиковани, было бы достаточно, чтобы считать себя счастливейшим человеком, баловнем жизни»,– писал об этом отец.

Папа был совершенно лишен тщеславия, он никогда не требовал для себя особых привилегий, почестей. Он никому не завидовал, не боялся соперничества, считая, что это – удел бесчестных людей.

Радует то, что творчество отца не забывается его собратьями по литературе, его имя не замалчивается. И это правомерно, ибо большие поэты не принижают, а поднимают всех на ту высоту, на которой они находились сами.

Отец был широко образован, его познания во всех областях культуры поражали. Он считал, что поэт не может не интересоваться живописью, музыкой, театром – всеми вопросами художественного творчества: «Какая радость – открыть для себя любого из замечательных художников. Вдруг ты впервые узнаешь Рембранта или Шуберта, Ван Гога или Лорку, Сезанна или Скрябина, Матисса или Равеля! Какой это праздник каждый раз».

Отец много писал о вопросах творчества. О месте художника в жизни, о его предназначении, показав себя блестящим публицистом – тонким, талантливым и проницательным исследователем литературы и искусства. Достаточно вспомнить, как глубоко и точно оценивал он своих современников и великих предшественников. По словам Семена Липкина, мало кто, как К. Кулиев, мог писать «с такой свободой, пылкостью и первоприродным чувством русской речи». Размышления отца о мастерах литературы и искусства прошлого и современности составили книгу его яркой публицистики «Так растет и дерево». Эта замечательная книга мудрого и тонкого мастера освещена светом его ума и удивительным обаянием его личности. Эта книга включает и «Страницы автобиографии», написанные отцом. Уних есть подзаголовок «Дом и мир». Когда-то отец хотел назвать так свой сборник стихов. Он сказал об этом намерении Анне Ахматовой, навестив ее в больнице вместе со своим другом, поэтом Михаилом Дудиным, незадолго до ее кончины. Но Анна Андреевна посоветовала назвать сборник «Мир дому твоему», что он и сделал.

По поводу «Страниц биографии» поэт Константин Ваншенкин, размышляя о книге «Так растет и дерево», написал: «Книга замечательная... Самое сильное впечатление произвели на меня «Страницы биографии». Это целый роман – трагический прежде всего, но со светом. Как в грозу. Потрясающе. Жаль, что так коротко». Хочется верить, что любители творчества моего отца будут не раз обращаться к этой прекрасной книге его публицистики.

Творчество отца приобрело известность далеко за пределами нашей родины. Его стихи переведены на многие языки Запада и Востока, они печатались в Монголии, Франции, Германии, Югославии, Польше, Англии, Индии,

Японии, Чехословакии и других странах. Так его поэзия пришла к народам многих стран, стала понятна и близка всем. Где бы он ни был, его везде принимали восторженно и как поэта, и как необыкновенно интересного собеседника и человека. Вот что писали о нем во время его пребывания во Франции: «Творчество Кайсына Кулиева – это шедевр мировой культуры. Он стоит в одном ряду с гениальными поэтами мира – Данте Алигьери, Байроном, Пушкиным, Мицкевичем, Лоркой. Кулиев не просто поэт. Он больше, чем поэт. Кайсын Кулиев – поэт в философии и философ в поэзии». Пусть не покажется кому-то это преувеличением. Существует множество примеров, когда мастер удостаивается наивысшей оценки не в своей стране, а за ее пределами, и это, увы, нередко заставляет вспоминать известную истину о том, что нет пророка в своем отечестве.

В одной из записных книжек папы есть такая, близкая к афоризму фраза: «...от сердца подлинного поэта к сердцу народа очень короткий путь». Всей своей жизнью и творчеством отец заслужил право говорить от имени народа, взамен получая его признание, понимание и поддержку.

С тобою, мой народ, должник твой вечный,
Ни дня я жизни не был одинок.
И сотворил за век свой быстротечный,
Хоть и немногое, но все, что мог.

Перевел *Н. Гребнев*

Отец вынес и разделил со своим народом все, что выпало на его нелегкую долю. И многострадальный народ – истинный герой его поэзии – хоть и немногочислен, но велик, потому что поднялся после бесчеловечного, гибельного для него изгнания с родной земли. Его любовь к своему народу не была показной. Люди это чувствовали, и поэтому он был так любим и почитаем. Мало сказать, что отца любили, он был окружен всенародной любовью. По мнению многих, поэт был как бы воплощением своего народа, который теперь чувствует себя без него осиротевшим.

Отцу небезразлична была судьба других людей. К нему обращались за помощью многие из попавших в беду, к

нему приходили, как к последней надежде, а он, как мог, помогал всем. Сколько слов признательности было в его огромной читательской почте! Он старался не оставить без внимания ни одно письмо, из каких бы мест – от Камчатки до Прибалтики или из-за рубежа – оно ни пришло. Папе писали письма, исполненные любви и благодарности, и вполне благополучные люди, и те, с кем жизнь обошлась жестоко. В его поэзии они находили то, что было созвучно их душевному состоянию, их собственному мироощущению. Такое взаимопонимание отец считал правомерным, очень важным: «Поэт должен согреваться у очага простых людей и согревать их, в свою очередь, огнем своей поэзии»,– писал он.

Отец именно потому, что сам – поэт божьей милостью, был щедр в оценке своих собратьев по творчеству. Он обладал даром распознавать талант. Для него было важно поддержать талант, поэтому он не скупился на похвалу молодым начинающим поэтам.

Однако, говоря об отце, меньше всего мне хотелось бы делать из него икону, утверждать, что он во всем был непогрешим. Как и все, он не был лишен людских слабостей и заблуждений, ничто человеческое ему не было чуждо. Он сам так писал об этом:

Нет, я не утверждал, что святы все подряд,
Но камня не бросал и в тех, кто виноват.
Кем человечий грех определен и взвешен?
И кто достойней всех и кто совсем безгрешен?
Пусть я не всех грешней, мне свойственны отчасти
Изъяны всех людей, достоинства и страсти.

Перевел *Н. Гребнев*

От допущенных ошибок папа страдал лишь сам, но никогда и никому он не причинял зла сознательно, преднамеренно. Если он невольно и нарушал, как это свойственно большим поэтам, какие-то устои в жизни, то только не в поэзии, не в творчестве. К сожалению, во все времена не принималось во внимание, что поэты – в силу своей избранности – имеют право на ошибку, заслуживают снисхождения, а не травли.

Меня всегда покоряло великодушие отца. Он никогда не опускался до мести своим недоброжелателям, старав-

шимся запятнать его репутацию, принизить его творчество. В этом нет ничего удивительного – ни один талант не защищен от зависти воинствующих невежд – любителей пасквилей и доносов. Но отец относился к этому как к неизбежному злу. У него есть такие строки по этому поводу:

Врагов не следует стыдиться
И опускать в бессилье рук.
Всегда, чем голосистей птица,
Тем больше хищников вокруг.

Перевел *Н. Гребнев*

Отец в своем поэтическом диалоге с людьми никогда никого не поучал, он просто призывал жить по законам правды и добра. Поэт вел доверительный разговор со своим читателем о том, чему поклонялся всю жизнь – о мужестве, чести и достоинстве, о терпимости и великодушии, о торжестве добра над злом, о любви к родной земле и ко всем живущим на этой земле.

За спиной дорога распласталась,
На дороге мой приметен след,
В этом мире есть и смерть, и старость,
И беда, от них спасенья нет...

Перевел *Н. Гребнев*

К несчастью, в этой жизни можно победить все, но не смерть. 4 июня 1985 года отца не стало. Было невыносимо тяжело от сознания неотвратимости утраты, от чувства бессилия перед судьбой, распорядившейся так жестоко и несправедливо.

О, Черный камень над стезей неторной,
Ты смерть моя! Когда не ожидаешь
Обвала твоего, лавиной горной
Ты рухнешь с крыши и меня раздавишь.
О Черный камень, Черный камень, Черный!..

Перевел *О. Чухонцев*

Сбывшееся пророчество. Болезнь – неожиданная, неотвратимая, как обвал, и роковое стечение жизненных обстоятельств привели отца к гибели. Горько и печально то, что мы его не уберегли, не смогли распознать, какая страшная опасность его подстерегает. Но, как сказал Пушкин: «И от судеб защиты нет».

Мужество, с которым папа относился к жизни, и перед лицом вечности его не оставило. Он, как и жил, уходил спокойно. Превозмогая нечеловеческие страдания, папа говорил о том, как много неосуществленных замыслов у него осталось. «Теперь,– говорил он,– когда мне многое открылось, когда я по-новому все осознал и понял в этой жизни, я мог бы сделать неисчислимо больше и много лучше...» Но не суждено было. Об этом и слова Алима Кешокова: «Я слышу слово, на котором внезапно песнь оборвалась».

Хоронили папу 6 июня – в день рождения Пушкина. Так совпало. Шел дождь. Плакали люди. Плакало небо. Нескончаемый людской поток свидетельствовал о всеобщей скорби, о всенародной любви к своему поэту. Согласно завещанию его опустили в землю в саду его дома, где он жил и умер. Он просил не хоронить его на кладбище. Отец сказал мне: «Смотри, дочка, никаких кладбищ! Я хочу лежать под своими деревьями». Теперь над папой шумит листва дорогих его сердцу деревьев, к которым у него было особое, близкое к поклонению, отношение: «Если бы я верил в переселение душ, я хотел бы в своей следующей жизни стать деревом. Дарить тень путнику, плоды страждущему, укрывать своими ветвями от бури. Выстоять, выдержать и жить дальше – в развеянных по земле семенах...»

А в доме в Чегеме I – музей отца. Он хотел, чтобы в нем все оставалось, как прежде, как при его жизни. И это понятно, ибо поэт предельно выражается в своем жилище, в котором все как бы одухотворено им. Отец хотел, чтобы в доме хранились его рукописи, вещи, архив. «Как у Исаакяна»,– так он сказал, имея в виду Дом-музей армянского поэта Аветиса Исаакяна. Но, к сожалению, так, как он хотел, не получилось. Обстоятельства оказались сильнее воли и желания поэта.

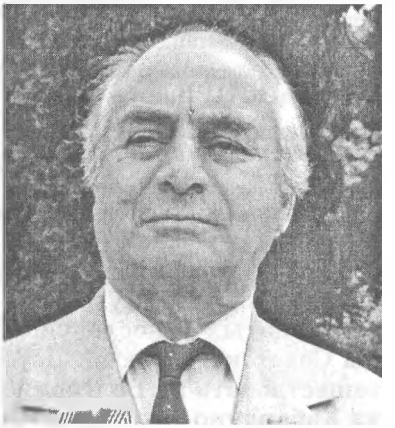
Но музей существует, он не стал мертвым и заброшенным. Люди, которым отец отдавал свою любовь, свой

талант, его не забывают, они приносят на его могилу цветы. Там часто слышны детские голоса. Это радует, ведь папа относился к детям с нежной любовью. Он считал, что дети – украшение жизни, что в них «наше счастье и бессмертие».

Двенадцать лет прошло с того дня, когда прервалась земная жизнь папы. Но есть иной мир, над которым не властна смерть. Это – мир прекрасной поэзии отца. Поэзии, живущей во времени.

Ноябрь, 1997 год

Михаил Завельевич ИОФИН
(1923)



Есть в Белоруссии районный центр город Рогачев, раскинувшийся на крутых берегах вечно спокойного и красивого Днепра. В городе находился большой гарнизон кавалерии, служили в основном красноармейцы и младшие командиры, призванные из Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, из других республик и областей страны. При гарнизоне была большая швейная мастерская, где работал прекрасный мастер – мой отец.

После окончания неполной средней школы я уехал в Ленинград и поступил без экзаменов, как отличник, в железнодорожный техникум на второй курс. Весной 41-го года был призыв ЦК ВЛКСМ к молодежи поступать в военные училища. 15 мая того года я стал курсантом Ленинградского авиационно-технического училища имени ВЛКСМ.

22 июня мы, курсанты, отправились на стадион сдавать нормы на знак «ГТО». А через полчаса прибежал дежурный с приказом вернуться в училище на митинг. По радио передавали, что началась война, фашистская Германия напала на нашу страну. На митинге выступил начальник политотдела и сказал, что «...враг будет разбит, победа будет за нами». После митинга нам выдали винтовки, боеприпасы, противогазы. На следующее утро, 23 июня, нас, курсантов, отправили электропоездом в город Гатчина, где пришлось вступить в бой с немецкими парашютистами. На Ленинградском фронте разворачивались бои...

Мне пришлось участвовать в боях и на других фронтах. После окончания войны я еще шесть лет служил в пограничных войсках заместителем начальника погранзаставы, парторгом погранкомендатуры.

После демобилизации работал заместителем начальника политотдела по комсомолу в одной из МТС Молдавии, в редакциях газет Белоруссии, Северного Казахстана, Омской области, Киргизии. С июля 1959 года – в «Кабардино-Балкарской правде» корреспондентом, заведующим отделами сельского хозяйства, партийной жизни, культуры и быта до ухода на заслуженный отдых в июле 84-го года. Указом Президиума Верховного Совета

РСФСР от 31 августа 1981 года присвоено почетное звание «Заслуженый работник культуры РСФСР». Три года работал редактором газеты «Нальчикские новости». В настоящее время – первый заместитель председателя республиканского совета ветеранов войны и труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов.

ГОРНЫЙ ОРЕЛ

Неизвестные страницы из биографии Кайсына Кулиева

Невозможно себе представить современную литературу нашей огромной России, как и все понятие о культуре, без огромного вклада выдающегося сына балкарского народа Кайсына Шуваевича Кулиева. Его известность еще в тридцатых и последующих годах перешагнула границы Советского Союза. Летом 1976 года мне довелось путешествовать по Болгарии и Польше с группой туристов из Кабардино-Балкарии. Однажды во время ужина в одном из ресторанов Варшавы к нашей группе подошел немолодой поляк, представился и сказал:

– Я являюсь профессором нашего университета, и многие студенты увлекаются поэзией вашего знаменитого поэта Кайсына Кулиева. Его стихи в сборнике «Раненый камень», как и все остальные, читаются с огромным интересом, тем более, что они переведены на наш язык. Передайте огромную благодарность вашему Кайсыну и скажите, что студенты и профессора приглашают его к нам, в гости, как самого близкого друга.

Да, творчество Кайсына Шуваевича пользовалось огромной популярностью не только в странах Европы, но и в Индии, Японии, всюду, где были установлены культурные связи Союза писателей с собратьями. И этими связями гордился не только Кайсын, испытывали огромную радость народы нашего горного края, как и всей страны.

В пятидесятых годах мне довелось работать в Киргизии, в редакции областной газеты «Тянь-Шаньская правда» заведующим отделом партийной жизни. Приближалось 5 мая – День печати. Республиканское правление Союза журналистов пригласило на этот праздник группу журналистов из областных и районных газет. К назначенному времени все собрались в просторном зале

Госфилармонии в ожидании начала торжественного собрания. И вот в зал входят народный писатель Киргизии Чингиз Торекулович Айтматов и Кайсын Шуваевич Кулиев. Стоя и бурными аплодисментами встретили журналисты дорогих гостей, женщины преподнесли им букеты цветов. «Это с гор Тянь-Шаня»,– сказал Кайсын, и зал с новой силой взорвался аплодисментами. Чингиз Айтматов в своем коротком выступлении сказал, что если человечество не научится жить в мире, оно погибнет. Атмосфера недоверия, настороженности, конфронтации есть одна из самых опасных угроз спокойной и счастливой жизни человечества. К миру и дружбе между народами призывает всех наш друг и брат Кайсын Кулиев в своих стихах и поэмах «Песни ущелий», «Мои соседи», да и в остальных, которые знают миллионы людей в стране и в нашей республике. Вот несколько строк из превосходного стихотворения «Песня материнскому языку»:

Язык моей жизни и Песни, Народ,
Создавший тебя, никогда не умрет.

Возлюбленный с детства язык матерей –
Надежда народа и жизни моей.

. . . . . .

Ценой моей жизни и смерти живи,
Бессмертный язык материнской любви!

Живи и красуйся во веки веков
На празднике равенства всех языков!

И вновь бурные аплодисменты и возгласы из зала: «Кайсын, наш брат, мы тебя любим, приезжай к нам, в Кочкорку, к чабанам, на горные пастбища...» Улыбается Кайсын и отвечает: «Обязательно приеду...» И произносит волнующие строки:

Любовь лучится, как весенний свет,
Ты слышишь, птицы ей поют в ответ?
Зимой любимой женщины окно
Весенним светом все ж озарено.

И больше счастья в этой жизни нет,
Чем увидать в глазах весенний свет.

До позднего вечера длилась эта встреча Чингиза Айтматова и Кайсына Кулиева с журналистами. А через два дня во всех республиканских и областных газетах был опубликован подробный отчет об этой встрече.

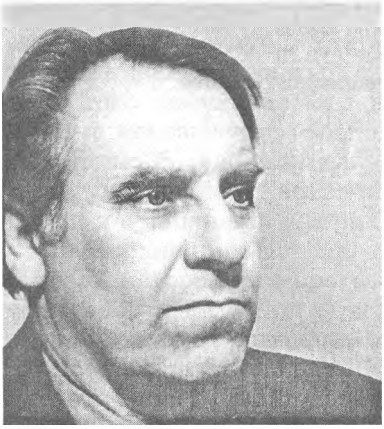
С того незабываемого Дня печати прошли десятилетия, но невозможно забыть ту теплоту, с которой непринужденно беседовали известные на всю страну деятели культуры. Кайсын встречался со студентами вузов Киргизии и с чабанами в горах на пастбищах, с пограничниками Нарынского погранотряда. Действительно, его принимали как родного брата. В 70-х и 80-х годах журналисты газет республик Северного Кавказа раз в квартал встречались и проводили совместные летучки, обсуждали номера газет и насущные проблемы журналистики, как их решать, какие темы из общественной и политической жизни республик представляют наибольший интерес для объединенных выпусков газет. Выступавшие редакторы обратили внимание на такой факт. На страницах республиканских газет нередко появляются стихи и поэмы Кайсына Кулиева. Они читаются с большим интересом в школах и вузах. Нужны специальные литературные страницы, где бы публиковались стихи и поэмы Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, всех известных и начинающих поэтов и писателей. В этом есть большая необходимость, так как читатели не обращают внимания на корреспонденции «На полях и фермах», «В трудовых коллективах»...

Во время одной такой летучки в Махачкале к журналистам пришел народный поэт Дагестана, Герой Социалистического Труда Расул Гамзатович Гамзатов. Обратившись к журналистам из «Кабардино-Балкарской правды», он сразу же спросил: «А как поживает мой брат Кайсын Кулиев? Передайте ему, что все народы многонационального Дагестана читают и любят его, нашего дорогого Кайсына. В наших горных аулах Кайсына называют уважительно – «Горный орел». Он и в самом деле орел, потому что его стихи и поэмы поднимаются выше гор, дарят людям свет и тепло, сближают их, укрепляют дружбу между народами».

Неизвестные страницы из биографии Кайсына Шуваевича Кулиева я хочу дополнить его четверостишием из прекрасного стиха «Я должен быть благодарен судьбе»:

Спасибо, что за все мои грехи
Меня ты не лишила дара слова,
Что ветром разнесенные стихи
Ты помогла собрать и вспомнить снова.

Михаил Хамидович
ТХАКУМАШЕВ
(1927)



Михаил Тхакумашев родился в селении Арик, Терского района, КБАССР, в семье сельского учителя. После окончания средней школы в 1948 году поступил в Художественное училище им. Грекова в Ростове-на-Дону. В 1953 году закончил скульптурное отделение и с тех пор работает в Нальчике. За 47 лет творческой деятельности создал монументальные памятники Б. Калмыкову, А. Шогенцукову, героям Гражданской и Великой Отечественной войны, выдающимся деятелям культуры, науки, Героям Социалистического Труда, скульптурные композиции и целую галерею портретов современников.

Его работы экспонировались на зональных и всесоюзных выставках, и многие произведения хранятся в фондах музеев Москвы, Белгорода, Германии, городах республик и краев Северного Кавказа и в Нальчике.

В настоящее время является членом Союза художников КБР, заслуженным деятелем искусств Кабардино-Балкарии, заслуженным художником Российской Федерации, награжден многими медалями, дипломами, почетными грамотами.

Я АВТОР ПАМЯТНИКА ВЕЛИКОМУ ПОЭТУ В ДОМЕ-МУЗЕЕ В ЧЕГЕМЕ

Над созданием этого памятника из монолитного белого мрамора я работал около двух лет. Я от всей души старался создать образ талантливого балкарского поэта, душевно щедрого, удивительно доброго человека. По образу жизни и культуре мышления Кайсын Кулиев – уникальная личность. Главная задача у меня была – выразить внутренний мир поэта-мыслителя, передать его задумчивый взгляд. По мере своих сил я, как художник, старался воплотить эти черты поэта в памятнике из белого мрамора. Белый цвет – это символ поэзии Кайсына Кулиева. По моему глубокому убеждению, совесть его так

же чиста, как белый снег на вершинах наших гор – Эльбруса, Ушбы, Казбека, который он воспел в стихах и тем самым обессмертил свое имя.

Я был лично знаком с Кайсыном Шуваевичем и на протяжении длительного периода при его жизни работал над воплощением образа поэта в бронзу, гранит, мрамор. В настоящее время у меня в мастерской хранится множество портретов Кулиева разных лет.

В 1992 году был объявлен конкурс на создание памятника поэту в Нальчике, который будет установлен на проспекте им. К. Ш. Кулиева перед зданием Дворца строителей.

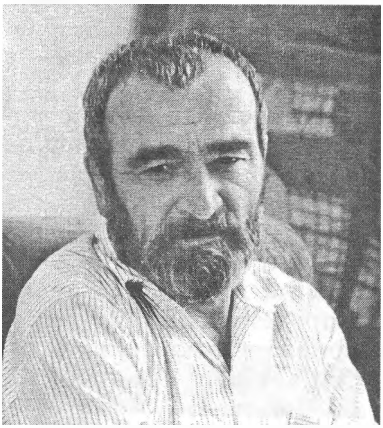
В течение года я работал над памятником, сделал несколько вариантов (эскизы, наброски, макеты, проекты, композиции). Наиболее удачный из них был отобран художественным Советом КБР, представлен в Москву и получил одобрение. Один из вариантов был рекомендован на перевод в бронзу, а другой вариант памятника в мраморе стоит на могиле поэта в Чегеме I.

Рабочая модель хранится в мастерской автора. В настоящее время бронзовый бюст К. Кулиева, над которым я работал при его жизни (он лично мне позировал), находится на вечном хранении в Национальном художественном музее Нальчика.

Каждая встреча с Кайсыном Кулиевым оставляла у меня неизгладимое впечатление. Этот необыкновенно распахнутый в своих эмоциях человек вызывал большой интерес и в повседневной жизни, и во время сеансов позирования для модели. С натурой мной исполнен этюд, который мне очень дорог и напоминает живое общение с этим человеком. Встреча с Кайсыном Шуваевичем для меня – душевная радость.

Поставить памятник в Нальчике моему земляку и соратнику по искусству Кайсыну Шуваевичу Кулиеву я считаю своим национальным и гражданским долгом перед памятью великого поэта современности и большого гуманиста XX века. Это моя мечта.

Виктор Магомедович
АБАЕВ
(1935)



Виктор Магомедович родился в городе Волгограде. Здесь он окончил среднюю школу. Затем поступил учиться в Свердловское художественное училище. В 1956 году учился в Тбилисской художественной академии. После окончания художественной академии приехал в Нальчик и стал работать художником.

Виктор Абаев более десяти лет работает председателем Союза художников Кабардино-Балкарии. Картины талантливого художника – Виктора Магомедовича были показаны более чем на 20 Российских и всесоюзных выставках во многих городах Северного Кавказа, в Москве, Ленинграде, а также в Монголии, Иордании и в Париже.

В шестидесятые годы В. Абаев вошел в художественную культуру республики как талантливый и разносторонний профессиональный художник. Он создал большое количество картин. В его полотнах глубоко отражается реальная действительность жизни, родная природа. Виктор Магомедович написал портреты известных людей, таких, как Кайсын Кулиев, Юрий Темирканов, Гида Бжеумыхова, Анна Кузнецова и многих других.

Картины В. М. Абаева вошли в Фонд музеев, став частью художественной культуры Кабардино-Балкарии. Художник создал очень оригинальную картину «Поэты гор», ее персонажи – Кайсын Кулиев, Алим Кешоков и Расул Гамзатов.

Художник Абаев более 30 лет общался с Кайсыном Шуваевичем Кулиевым, они были близкими друзьями. Об этом говорит Виктор Магомедович в своих воспоминаниях.

КРАСИВОЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВЕЛИЧАВО

С Кайсыном Кулиевым я познакомился в 1962 году. После окончания Тбилисской академии художеств я приехал в Кабардино-Балкарию. Здесь в то время главенствовал, правил бал натурализм, самый настоящий, в са-

мом неприкрытом виде натурализм. И мой приезд в Кабардино-Балкарию был нежелателен для некоторых. Мои симпатии в то время были на стороне таких художников, как Сарьян, Дейнека, Гоген, Сезанн. А они ходили в формалистах.

В отделе культуры газеты «Кабардино-Балкарская правда» работал тогда Эльберд Мальбахов. Он и предупредил меня о том, что готовится разгромная статья М. Ваннаха о формализме, где нас, молодых художников, разносят в пух и прах, и предложил как бы предвосхитить эту публикацию и написать все, что я думаю о натурализме. Я за ночь написал статью. Она получилась очень интересная, и Эльберд напечатал ее за день раньше. Она произвела, конечно, эффект разорвавшейся бомбы. Никто до сих пор о таких вещах не писал.

И, как я узнал, эту статью прочел Кайсын Кулиев. Однажды ему показали: вот тот Абаев, автор разгромной статьи. Он подошел ко мне: «Ты Абаев?»– спрашивает. «Я».– «Ты написал статью?»– «Я».– «Молодец. Как тебя зовут?»– «Виктор».– «Ну, молодец. Ты, наверное, наш Абаев, есть у нас такой род?»– «Нет,– говорю,– я кабардинец».– «Не может быть. Так написать мог только выходец из Верхней Балкарии».

Мы посмеялись. И с этого дня, я бы не сказал, что началась дружба, она имеет какие-то другие корни, но появились взаимные симпатии, какое-то взаимное расположение друг к другу.

Я читал до этого Кайсына Кулиева. Мне его стихи очень нравились. Свежие, сильные, эмоциональные. Он моих работ, правда, еще не видел. В то время я только-только закончил академию. Но на первой же выставке в 1963 году показывалась одна моя работа, и она ему тоже понравилась. Вот так началась наша взаимная симпатия, уже творческая.

Кайсын Кулиев всегда был среди интеллигенции. Он никогда не закрывался в тиши кабинета. Его появление среди нас всегда было шумным, откровенно доброжелательным. Никто перед ним не заигрывал. Хотя были и такие поползновения – подхалимничать перед большим поэтом. Но это случалось чаще в поэтическом цехе. Велся честный разговор об искусстве. Например, наш разговор о поэзии кончался тем, что он говорил так: «Есть

много хороших поэтов, но больше плохих». Видя наше недоумение, уточнял: «Вот таких, которые пишут не то, что думают и чувствуют, я называю плохими поэтами».

Мне всегда было интересно узнать мнение о тех поэтах, которых я любил. Однажды спросил: «Как ты относишься к Лорке?» И он сказал: «Лорка – великий поэт». Мне было странно, что Кайсын, такой сугубо национальный балкарский поэт, любит интернационального поэта Лорку. Потом я понял, что интернациональность – это относительное понятие, потому что Лорка тоже великий национальный испанский поэт, поэт Андалузии.

Я думаю, Кайсын Кулиев не просто любил Лорку, в его поэзии он слышал суфийский прорыв в звучащую истину. Он не любил политику в поэзии.

Всегда, когда я вспоминаю Кайсына, кажется, что он жив. Вот его нет в Нальчике, но все время чувствуешь его присутствие где-то рядом. Такой он был свой, родной. Никакого расстояния между тобой и ним не было. Как будто он всегда жил, и так это и надо было. При нем было легче жить. Потому что знал: есть откровенная, чистая душа Кайсына, которая ничего не боялась. Вот разве что болезни своей, которая все же настигла его.

Наши разговоры о живописи никогда не были профессиональными. Это подкупало. Он смотрел на живопись с точки зрения поэзии. Это, очевидно, было правильно, потому что поэзия и живопись близки между собой. Если в живописи нет поэзии, то это не живопись.

Сколько лет мы уже живем без Кайсына, но я всегда чувствую, что он рядом. Вот это главное чувство, которое у меня связано с Кайсыном Кулиевым. Он всегда рядом со мной.

Когда я писал картину «Поэты гор», где были персонажи: Кайсын Кулиев, Алим Кешоков и Расул Гамзатов, я сделал один-единственный набросок с Кайсына Кулиева и очень до сих пор жалею об этом. Надо было бы все-таки сделать больше. Но не получалось по времени. Какие-то всегда были препоны между ним и моей работой. Так что вот этим одним наброском пришлось ограничиться. Но картина вроде получилась.

Кайсын был разносторонней, глубокой личностью. Но хочу сказать об его интернационализме. Он никогда, любя свою балкарскую национальность, не считал ее выше дру-

гих. И всегда это подчеркивал. Однажды мы, группа художников: я, Аксиров и Давыдов, сидели в ресторане и увидели там Кайсына со своим родственником и поэтом Ахией Ахматовым. Мы объединились за общим столом. Кулиев поцеловал руку Давыдову, сказав, что уважает людей всех национальностей, а наших евреев особенно. «Что ты делаешь, Кайсын,– говорю,– ты, великий поэт Кавказа, целуешь руку обычному художнику». И он с присущим ему юмором ответил: «Ты ошибся, Виктор, я не великий поэт Кавказа, а величайший поэт Кавказа».

Для него это было как само собой разумеющееся. Есть хорошие художники, есть плохие художники. Национальность тут ни при чем. Вот такой был Кайсын.

Кайсын был при всем том истинным балкарцем. Даже весь его облик говорил о том, что перед вами балкарец. Как Лев Толстой: когда смотришь на его портрет, чувствуешь – это русский мужик, настоящий русский пахарь. Так и Кайсын Кулиев: когда он шел, все видели – идет настоящий балкарец. Такое характерное лицо балкарской национальности... И кажется, что ему нужно держать в руках не перо, а косу. А говорить надо только на балкарском языке. Но потом, когда он начинает говорить, вдруг слышишь такую уверенную, с горским акцентом поэтическую и в то же время, я бы сказал, громкую и артистическую речь. Он говорил всегда, как артист, с паузами, чувствовалось, что этот человек живет по словам Пушкина: «Служенье муз не терпит суеты. Красивое должно быть величаво». Вот величаво, мне кажется, и хотел жить Кайсын. Он так и творил, и читал свои стихи. Поэтому поэзия его величава: о камне, о Чегеме, о женщине. Все это точно и окрашено каким-то неповторимым великим чувством любви к жизни, к Родине.

Николай Иванович ПАХОМОВ (1923)

Николай Иванович Пахомов окончил Курское музыкальное училище и Саратовскую консерваторию с отличием (досрочно) по классу хорового дирижирования и получил направление в аспирантуру.

В Кабардино-Балкарии живет и работает с 1957 года. В тот год в Москве проводилась декада литературы и искусства республики, посвященная 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России. Н. И. Пахомов был художественным руководителем и главным дирижером Республиканского хора молодежи, концерты которого проходили с большим успехом.

В 1958 году, став художественным руководителем и главным дирижером Госансамбля песни и пляски, Н. И. Пахомов провел первые в истории КБР зарубежные гастроли этого коллектива в МНР, прошедшие успешно.

До 1990 года Пахомов работал заведующим дирижерско-хорового отделения, преподавателем музыкального училища. Он «Заслуженный учитель КБР».

Педагогическую и исполнительскую работу Николай Иванович всегда сочетал с композиторским творчеством. Издательством «Эльбрус» опубликованы два его сборника песен, романсов, баллад, хоров, обработок кабардинских и балкарских народных песен.

Очень верно в газете «Кабардино-Балкарская правда» о своем учителе сказал композитор Владимир Молов. В статье написано: «Среди педагогов музыкального училища золотыми буквами вписано имя музыкального просветителя, мастера хоровой музыки, композитора, воспитавшего целую плеяду высококвалифицированных музыкантов, Николая Ивановича Пахомова».

За большой вклад в развитие музыкальной культуры Кабардино-Балкарии Н. И. Пахомову была вручена премия Фонда культуры республики. Он офицер, инвалид Отечественной войны II группы, награжден орденами Отечественной войны I и II степени и многими медалями.

В настоящее время находится на заслуженном отдыхе.

КАЙСЫН ШУВАЕВИЧ ЛЮБИЛ МУЗЫКУ

С Кайсыном Шуваевичем Кулиевым я познакомился в 1957 году во время декад литературы и искусства в Москве, посвященной 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России. Я был художественным руководителем и главным дирижером Республиканского хора молодежи, а Кайсын Шуваевич участвовал в декаде как уже широко известный в то время поэт – представитель балкарского народа, возвращающегося в тот год на свою родину после чудовищного изгнания.

Кайсын Шуваевич во время первых наших встреч вел себя так просто, непринужденно и свободно, что у меня создалось впечатление, будто мы давно знакомы. Таким он оставался до последних дней. У нас сложились добрые отношения. Мы часто встречались во время утренних прогулок в парке, много говорили о музыке и литературе. Кайсын Шуваевич любил музыку, вдохновенно и увлеченно говорил о ней. Он очень высоко ценил творчество Баха, Бетховена, Шопена. Его любимым произведением была «Апассионата» Бетховена. Общаться с ним было всегда интересно, и наши беседы о музыке для меня, как профессионала, не представляли исключения.

Однажды я спросил: почему при его любви к музыке, ее тонкому, глубокому пониманию и интересным суждениям, он не напишет стихи о ней? Он ответил, что у него есть стихи «Играют Шопена», и прочел мне их. Читал он блестяще! Я был глубоко тронут, выразил ему мое восхищение и увидел, что он, будучи в жизни скромным человеком, был смущен. Как-то, возвращаясь с утренней прогулки в парке, Кайсын Шуваевич пригласил меня к себе. После хорошего застолья он подарил мне вышедший в издательстве «Эльбрус» сборник его стихов на русском языке. Поблагодарив его, я пообещал написать музыку на стихи из этого сборника. Так были написаны романсы «Женщине», «Когда бы ты кувшинкой нежной стала», песня «Осень в Нальчике», вошедшие в мой сборник, опубликованный издательством «Эльбрус». При встрече я сказал Кайсыну Шуваевичу, что написал два романса и песню на стихи из подаренного сборника. Он выразил желание послушать их. Я ответил, что с удовольствием исполню его желание. Так, предварительно договорив-

шись о месте и времени встречи, Кайсын Шуваевич пришел в мой класс в музыкальное училище. С ним пришли поэт Адам Шогенцуков, писатель Михаил Киреев и фотограф. Под аккомпанемент Валентины Михайловны Цукановой я спел ему эти сочинения. Они произвели на слушателей хорошее впечатление, и Кайсын Шуваевич тепло поблагодарил меня.

Эта встреча запечатлена на уникальном фотоснимке, на котором Кайсын Кулиев слушает музыку, написанную на его стихи.

У нас с Кайсыном Кулиевым до самой его кончины сохранились добрые отношения. Я благодарен судьбе за то, что имел возможность встречаться, беседовать с Кайсыном Шуваевичем Кулиевым – человеком простым, лишенным ненужных амбиций, болезненного честолюбия, превосходным мудрым поэтом. Он был и навсегда останется выдающимся, гениальным сыном балкарского народа.

Как человек, чтивший добрую память о Кайсыне Шуваевиче Кулиеве, я признателен профессору Эфендиеву Салиху Ибрагимовичу за его большой вклад в изучение жизни и творчества этого великого человека, являющийся поистине подвижническим.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. *Абулова Е. А.* – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии Пятигорского государственного лингвистического университета.

2. *Атмурзаев М. М.* – главный режиссер Балкарского театра.

3. *Афаунова Р. Т.* – журналист, работник комитета Кабардино-Балкарского радиовещания и телевидения.

4. *Ахматов И. Ш.* – доктор филологических наук, профессор кафедры балкарского языка и литературы КБГУ, академик Международной Тюркской академии.

5. *Ахунов Гариф* – писатель Татарстана.

6. *Баллиев Т. Ц.* – бывший личный шофер Кайсына Кулиева, пенсионер.

7. *Бапинаев З. А.* – заслуженный артист РФ.

8. *Бапинаева М. М.* – домохозяйка, пенсионер.

9. *Башиева С. К.* – доктор филологичевский наук, профессор, проректор КБГУ.

10. *Биттирова А. А.* – завотделом культуры газеты «Заман».

11. *Борсокова Е. Х.* – заслуженная артистка Кабардино-Балкарии, пианистка.

12. *Боттаева Е. М.* – работник библиотеки КБГУ, пенсионерка.

13. *Вороков В. Х.* – кинорежиссер, академик Российской академии ЕН по разделу «Энциклопедия», заслуженный работник культуры КБР, заслуженный деятель искусств РФ.

14. *Газаев И. М.* – учитель, зав. начальной школой селения Эль-Тюбю.

15. *Гасташева Н. К.* – заслуженная артистка РФ, певица, профессор Северо-Кавказского государственного института искусств.

16. *Грознов В. П.* – внештатный корреспондент «Кабардино-Балкарской правды».

17. *Гуртуев Э. Б.* – писатель, заслуженный работник культуры РФ, заслуженный работник культуры КБР.

18. *Данилова С. А.* – кандидат исторических наук, руководитель еврейского общественно-политического культурного центра «Товуши».

19. *Дауров А. А.* – композитор, заслуженный деятель искусств Республики Абхазия, народный артист КБР, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат Государственной премии РФ.

20. *Джусойты Н. Г.* – доктор филологических наук, профессор, директор НИИ Южной Осетии.

21. *Жетишева И. С.* – кандидат медицинских наук, доцент кафедры пропедевтики и внутренних болезней КБГУ.

22. *Жеттеев М. З.* – композитор, заслуженный деятель культуры КБР.

23. *Жулабов У. А.* – писатель, редактор книжного издательства «Эльбрус».

24. *Зумакулов Б. М.* – доктор исторических наук, председатель Избирательной комиссии КБР.

25. *Кагермазов Б. Г.* – народный писатель КБР, лауреат премии Ленинского комсомола Кабардино-Балкарии.

26. *Кажлаев М. М.* – композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. И. Глинки, народный артист СССР.

27. *Каркаев М. К.* – архитектор.

28. *Кармоков М. М.* – писатель.

29. *Коков Дж. Н.* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания КБГУ, академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук.

30. *Кузьмин В. Г.* – писатель.

31. *Кузьмина Н. В.* – доктор педагогических наук, профессор, академик акмеологических наук, президент акмеологической академии.

32. *Кулиев Б. Х.* – народный артист КБР, профессор СКГИИ.

33. *Кулиев Д. М.* – шофер, пенсионер.

34. *Кулиев М. М.* – пенсионер, бывший торговый работник

35. *Кулиева Ж. К.* – ст. научный сотрудник отдела карачаево-балкарского фольклора и литературы КБИГИ.

36. *Кульбаев М. А.* – кандидат экономических наук, бывший секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии.

37. *Кушхабиев В. Ю.* – доктор медицинских наук, профессор кафедры нормальной и патологической анатомии КБГУ, член Международной академической информатики.

38. *Лайпанов К. Т.* – профессор технологического института г. Черкесска, академик Международной Тюркской академии.

39. *Лорсанукаев Саид* – журналист.

40. *Максидов А. А.* – кандидат исторических наук, автор ряда монографий по генеалогии, капитан-лейтенант в отставке, действительный член Российской генеалогической федерации, член историко-родословного общества в Москве, председатель Кабардино-Балкарского историко-родословного общества, член Союза журналистов России.

41. *Малкондуев Х. Х.* – доктор филологических наук, завотделом карачаево-балкарского фольклора и литературы КБИГИ.

42. *Маммеев И. Ш.* – заслуженный артист КБР.

43. *Мизиев К. А.* – переводчик стихов К. Ш. Кулиева на турецкий язык, координатор по странам СНГ фирмы «Идиль» (Турция).

44. *Молов В. Л.* – композитор, директор Кабардино-Балкарского училища культуры и искусств.

45. *Намазова Айбола Фирудин кызы* – кандидат философских

наук, доцент кафедры философии Бакинского института социального управления и политологии.

46. *Напсо Д. А.* – доктор исторических наук, профессор кафедры философии Пятигорской государственной фармацевтической академии.

47. *Наршаова С. А.* – бывший советско-партийный работник, член Республиканского совета ветеранов Великой Отечественной войны, труда и правоохранительных органов.

48. *Нурпеисов А. К.* – народный писатель Казахстана.

49. *Опрышко О. Л.* – историк, редактор книжного издательства «Эльбрус», заслуженный работник культуры КБР.

50. *Рахаев И. И.* – заслуженный работник культуры КБР, преподаватель Северо-Кавказского госинститута искусств.

51. *Созаев А. С.* – поэт, директор Кабардино-Балкарского книжного издательства «Эльбрус».

52. *Созаев М. И.* – бывший партработник.

53. *Сопкин П. Т.* – доцент Кубанского госуниверситета, кандидат филологических наук.

54. *Таукенов И. Х.* – заслуженный работник культуры КБР, писатель.

55. *Тлапшоков Б. Х.* – кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР и КБР.

56. *Тогузаев М. И.* – бывший первый секретарь Чегемского райкома партии, пенсионер.

57. *Тхагазитов З. И.* – народный поэт КБР.

58. *Тхазеплов Х. М.* – народный поэт КБР, академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук (АМАН).

59. *Улаков М. З.* – доктор филологических наук КБИГИ, заслуженный деятель науки КЧР, академик Международной тюркской академии.

60. *Ульбашев М. И.* – народный артист КБР, РСФСР, художественный руководитель государственного фольклорно-этнографического ансамбля «Балкария».

61. *Хавпачев Х. Х.* – музыковед, народный писатель КБР, заслуженный деятель культуры РФ, КЧР, Адыгеи, академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук.

62. *Хаупа Дж. К.* – композитор, заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный деятель искусств Республики Адыгея, лауреат премии им. Д. И. Шостаковича Союза композиторов РФ, лауреат международной черкесской премии Кандура, лауреат Государственной премии КБР.

63. *Хубиев О. А.* – народный писатель КЧР.

64. *Хутуев Х. И.* – доктор исторических наук, академик Международной тюркской академии.

65. *Чарквиани Джансуг* – грузинский писатель.

66. *Черемисин Б. П.* – писатель, бывший редактор газеты «Кабардино-Балкарская правда».

67. *Чеченов Дж. Х.* – доктор технических наук, профессор, председатель Правительства КБР.

68. *Шаваев А. Х.* – учитель СШ с. Нижний Чегем, КБР.

69. *Шаваев Х. И.* – писатель, заслуженный работник культуры КБР.

70. *Шаханов Т. Б.* – бывший работник республиканского краеведческого музея.

71. *Шевлоков П. Ж.* – народный писатель КБР, заслуженный работник культуры РФ, КБР и Адыгеи.

72. *Шекихачев Х. Т.* – писатель КБР.

73. *Шериев А. К.* – бывший партийный работник.

74. *Шогенцуков А. О.* – народный поэт КБР.

75. *Шокуев К. Б.* – критик, преподаватель кафедры культурологии КБГУ.

76. *Шумахова А. С.* – бывший директор национальной республиканской библиотеки, пенсионер.

77. *Шхануков-Лафишев М.* – доктор физико-математических наук, профессор, завкафедрой вычислительной математики КБГУ.

78. *Эльгаров К. М.* – народный поэт КБР.

79. *Эльмурзаева М. А.* – бывший работник библиотеки КБГУ.

80. *Эфендиев С. И.* – доктор философских наук, профессор, завкафедрой философии КБГУ, заслуженный работник культуры КБАССР, академик Международной тюркской академии, академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук.

81. *Эфендиева Т. Е.* – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета.

82. *Кулиева Ж.* – старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

83. *Иофин М. З.* – заслуженный работник культуры КБР.

84. *Тхакумашев М.* – заслуженный деятель искусств КБР, заслуженный художник РФ.

85. *Абаев В.* – председатель Союза художников КБР, заслуженный деятель искусства КБР.

86. *Пахомов Н.* – заслуженный учитель КБР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
В. Коков 7
Х. Хутуев. Символ национальной культуры 9
Д. Долинский. Незабвенный Кайсын 24
Н. Джусойты. Кайсын и его нравственные уроки; Уголок дружбы 35
М. Кульбаев. Кайсын был поэтом от Бога 54
А. Шогенцуков. Жизнестойкость и долголетие поэзии 64
Б. Черемисин. Наша дружба насчитывала десятилетия 74
А. Нурпеисов. Он... был подлинной душой нашего разноплеменного, но удивительно дружного писательского братства 82
И. Рахаев. Гордость и слава нашего народа 88
Х. Хавпачев. Он велик и прекрасен 103
О. Хубиев. Братство литератур – братство народов 114
З. Тхагазитов. Слова, сказанные с удовольствием 124
С. Наршаова. Воспоминания о Кайсыне Кулиеве 140
М. Маньяева. Мы всегда ощущали его отцовскую заботу 149
М. Кажлаев. Кулиев всегда высоко ценил музыку и любил ее 155
А. Шаваев. Я учился в одном классе с Кайсыном 158
И. Маммеев. Как хорошо, что такой человек был! 163
А. Дауров. Великий друг 170
И. Ахматов. Приезд Кайсына был радостным событием 176
Т. Шаханов. Мы были ровесниками 182
С. Лорсанукаев. Человек-гора из Чегема 186
Б. Зумакулов. Вспоминая Кулиева... 195
М. Созаев. Я пил нарзан из рук Кайсына Кулиева 205
М. Ульбашев. Он был первым конферансье 210
М. Тогузаев. Мои встречи с незабвенным Кайсыном Кулиевым 215
Н. Кузьмина. Нас познакомил Михаил Дудин 221
К. Лайпанов. О моем друге Кайсыне 226
Б. Тлапшоков. Рядом с Кайсыном Кулиевым 235
В. Кузьмин. Вершина 243
Х. Шекихачев. Мои воспоминания о Кайсыне 246
Н. Гасташева. Мы представляли с ним нашу культуру и наше искусство 251
П. Шевлоков. Я счастлив, что знал его 256
В. Молов. Память о великом друге 273
М. Кармоков. В высоком полете 286
В. Вороков. Однажды в Чегеме; Телефонные разговоры; Последняя фотография 291
Б. Кагермазов. Счастье поэта 297
А. Шериев. Деловые встречи с поэтом 303
Р. Афаунова. Прикасаясь к живому сердцу поэта... 311
Е. Борсокова. Незабываемые встречи 320
Дж. Коков. Слово о Кайсыне 327
К. Эльгаров. Человек, которым я горжусь 330
В. Кушхабиев. Одна из встреч с Кайсыном Шуваевичем Кулиевым 333
О. Опрышко. Я выполнил наказ поэта 336

У. Жулабов. Был благодарен словом и делом 341
К. Шокуев. Он звал к добру и совести 347
М. Жеттеев. Уроки великого поэта 353
М. Шхануков-Лафишев. Слово о Кайсыне Кулиеве 357
М. Каркаев. Родина наша – камни и небо 360
Х. Шаваев. Незабываемая встреча 364
Х. Тхазеплов. Память не бывает одинокой 373
С. Башиева. Кайсын Кулиев всегда в моем сердце 378
А. Максидов. Великий горец 381
Е. Абулова, Д. Напсо. Жизнь как песня; Признание в любви . . . 387
С. Данилова. Мой Кайсын 401
В. Грознов. Рукопожатие Кайсына 405
Э. Гуртуев. Добру служил он звонкой лирой; Он жил удивляя 409
Т. Баллиев. Он был тамадой на моей свадьбе 419
М. Атмурзаев. О постановке пьесы «Есть на свете любовь...» 424
П. Сопкин. Не померкнет звезда Кайсына 429
М. Эльмурзаева. Я жила рядом с Кайсыном 432
И. Таукенов. Дерево Кайсына 434
М. Бапинаева-Махиева. Мы оставили свои имена на Чегемской гранитной скале 439
М. Улаков. Родной язык 443
Б. Кулиев. Кайсын Кулиев и Балкарский театр 448
З. Бапинаев. Мы из одного села 451
Е. Боттаева. О Кайсыне Кулиеве 456
А. Биттирова. Мои воспоминания о Кайсыне Кулиеве 460
Д. Кулиев. Он ходил со мной на охоту 466
И. Газаев. Поэт косил сено вместе с нами 469
М. Кулиев. Мы были с ним друзьями 477
А. Намазова. На мир смотрите добрыми глазами... 480
Х. Малкондуев. Я вечно буду ему благодарен 487
Д. Чарквиани. Наш Кайсын Кулиев 494
Г. Ахунов. Благородный талант 496
Дж. Хаупа. Прощание с Кайсыном 499
А. Шумахова. Поэт-гигант не умирает 504
А. Созаев. Да святится имя его... 507
Х. Чеченов. В творчестве Кайсына Кулиева отпечался наш век 512
К. Мизиев. Поэзия Кайсына Кулиева в Турции 519
И. Жетишева. Есть память о детстве, родительский дом... . . . 528
Т. Эфендиева. Первая встреча с поэтом 541
С. Эфендиев. Кайсын Кулиев и проблемы национального возрождения. 546
С. Эфендиев. Тюркоязычный мир не забыл своего певца 585
С. Эфендиев. Речь, произнесенная 4 июля 1999 года в день памяти поэта в Чегеме I, в усадьбе Дома-музея 600
Ж. Кулиева. Меня к истокам возвращает память... 603
М. Иофин. Горный орел 619
М. Тхакумашев. Я автор памятника великому поэту в Доме-музее в Чегеме 624
В. Абаев. Красивое должно быть величаво 626
Н. Пахомов. Кайсын Шуваевич Кулиев любил музыку 630
Сведения об авторах 633

Художественно-публицистическое издание

Серия «КЛИО»
(«Кавказский литературно-исторический Олимп»)

Раздел «Архив». Выпуск 9

Тамара Емельяновна Эфендиева
Салих Ибрагимович Эфендиев
Фуад Салихович Эфендиев

КАЙСЫН ШУВАЕВИЧ КУЛИЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ

Том 4

Редактор *Л. О. Тамазова*
Художник *М. М. Горлов*
Технический редактор *Т. В. Демьяненко*
Корректор *Н. В. Римская*

ЛР № 010238 от 22.07.97

Сдано в набор 05.02.2001. Подписано в печать 15.06.2001.
Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Гарнитура школьная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 33,60. Уч.-изд. л. 32,76.
Тираж 1000 экз. Заказ № 117.

Издательский центр «Эль-Фа»
Республиканского полиграфкомбината им. Революции 1905 г.

Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.
Министерства печати и информации КБР
360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33